

ИЖЕ ВО СВАТЫХЪ ОЦЯ НАШЕГО

ЯВЫ ИСАЯКА

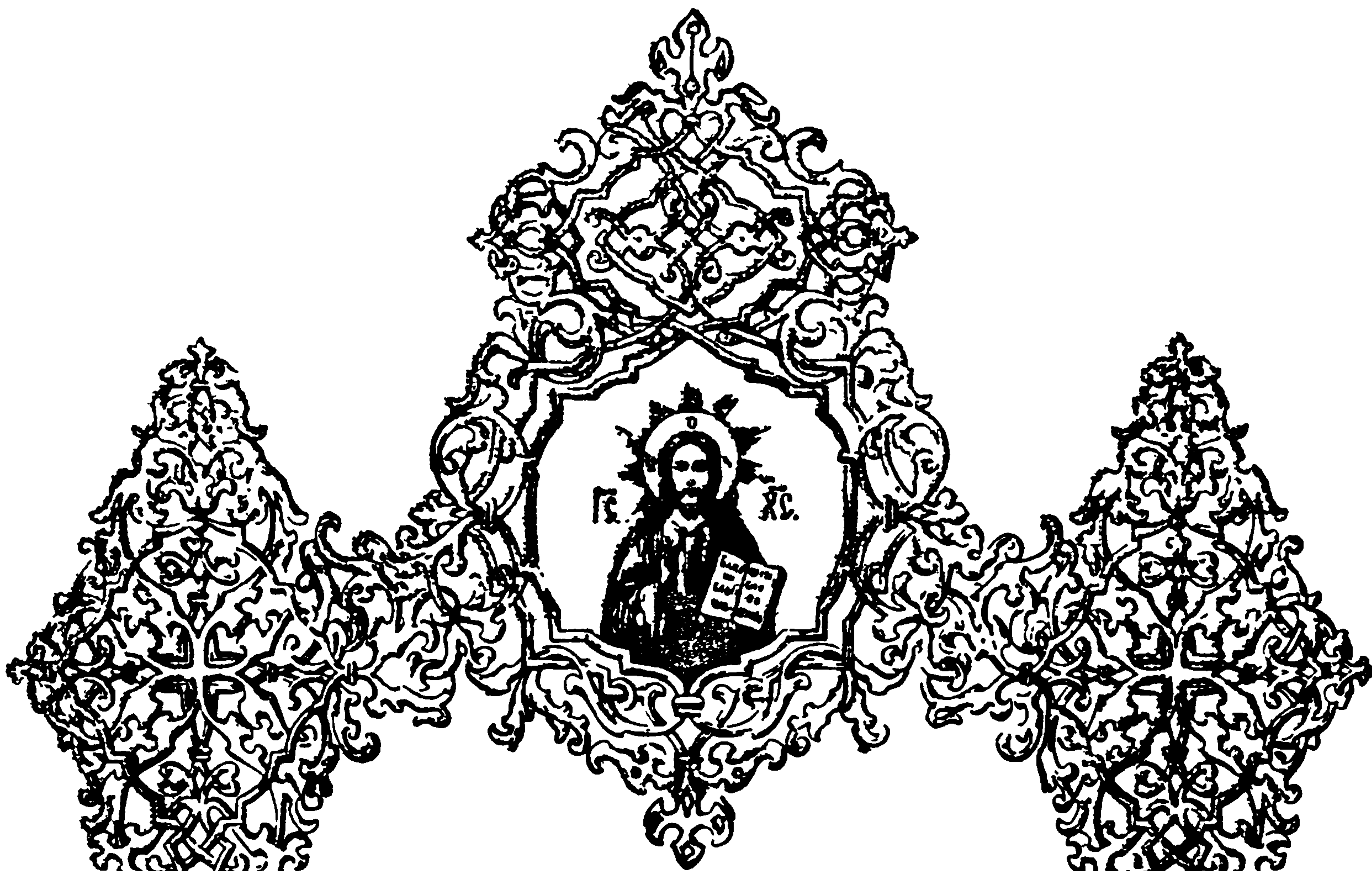
СИРІАНИНА

СЛОВА ПОДВИЖНИЧЕСКІЯ.

ПРАВОСЛАВІЕ

ПРАВОСЛАВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1993

Во славу Свѣтѣи,
Единосущна,
Животворяща и
Нераздѣлима Троицы,
Отца, и Сына, и Свѣтаго Духа:
по благословенію
Свѣтѣишаго Патріарха
Московскаго и всея Руси
Алеѣіа напечатана книга сіа
иже во свѣтѣихъ Отца нашего
Исаака Сирскаго,
во граде Москвѣ, въ лѣто
Ѡ Рождества по плоти
Бога Слова ꙗꙑꙑꙑ.

ꙗꙑꙑꙑ

Точная копія съ изображенія СВЯТАГО ИСААКА СИРИНА, приложеннаго къ славянской рукописи его твореній, находящейся въ библіотекѣ Обители Преподобнаго Саввы Освященнаго и писанной въ 1359 г. на Афонской горѣ, въ Святой Лаврѣ преподобнаго Аевнасія, какъ значителъ въ надписи на сей рукописи.

Свѣдѣнія о преподобномъ Исаакѣ Сиринѣ и его писаніяхъ.

Цѣлую тысячу лѣтъ по смерти преп. Исаака Сиринна, именно—съ начала VIII в. до начала XVIII-го, въ Европѣ ничего не знали о немъ, кромѣ его имени и сочиненій. Ученые строили догадки о личности его. Одни принимали нашего автора за одно лицо съ Исаакомъ, пресвитеромъ Антиохійскимъ, извѣстнымъ полемистомъ и стихотворцемъ V в.: другіе ученые считали его за одно лицо съ Исаакомъ, спасшимся въ Италіи около города Сполеты, о которомъ говоритъ св. Григорій Двоесловъ въ 3-й книгѣ своихъ „Диалоговъ“¹⁾. Греческія же и славянскія рукописи съ сочиненіями преп. Исаака сообщали, что онъ было „епископомъ Ниневійскимъ и отшельникомъ“.

Такъ дѣло обстояло до 1719 года.

Въ 1719 году въ Римѣ вышелъ въ свѣтъ первый томъ „Bibliothecae orientalis clementino-vaticanae: de scriptoribus syris orthodoxis“, Ios. S. Assemani Suri Maronitae.

Здѣсь, на стр. 444—445, помѣщено составленное анонимнымъ авторомъ арабское жизнеописаніе преп. Исаака. Это жизнеописаніе, не говоря точно о времени жизни и смерти преподобнаго, ни о мѣстѣ его рожденія и кончины, даетъ, однако, довольно много интересныхъ свѣдѣній о его жизни.

По этому жизнеописанію преп. Исаакъ вмѣстѣ со своимъ роднымъ братомъ поступилъ въ монастырь Мар-Маттея²⁾.

¹⁾ См. объ этихъ догадкахъ: Migne „Patrologiae cursus completus“, series graeca. T. LXXXVI, col. 799—802.

²⁾ „Мар“ значитъ „господинъ“; титулъ этотъ прилагался на Востокѣ къ мужамъ святой жизни или къ епископамъ. Монастырь Мар-Маттея находился около Ниневіи. Мар-Маттея—основатель монастыря.

Когда братья стали выдаваться изъ среды другихъ своею ученостію и подвижничествомъ, брату св. Исаака было предоставлено начальствованіе надъ монастыремъ и управленіе монахами. А св. Исаакъ „по исполненіи монашескаго порядка“, т е пройдя вполнѣ искусь общежитія, удалился въ отшельническую келлію, находившуюся неподалеку отъ монастыря, гдѣ всецѣло отдался безмолвію и уединенію, отлучивши себя отъ человѣческаго общества. И хотя братья настаивалъ въ частыхъ письмахъ къ нему, чтобы онъ вернулся въ монастырь, однако преподобный оставался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи ¹⁾. Когда же слава о его учености и святости жизни распространилась повсюду, онъ былъ возведенъ на епископскій престолъ великаго города Ниневіи. Но, увидя грубые нравы жителей этого города и чувствуя себя не въ силахъ исправить ихъ ²⁾ и въ то же время тоскуя по тишинѣ и миру отшельнической келліи, онъ отказался отъ епископства и удалился „въ святую скитскую пустыню“, гдѣ и жилъ до самой смерти, достигнувъ высочайшаго совершенства въ богоугодной жизни. Жилъ этотъ святой въ началѣ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра.

Вотъ что узнала о св. Исаакѣ Еврона съ 1719 г., и только это она и знала о немъ до 1896 г., когда французскій ученый сиріологъ аббатъ Chabot открылъ и опубликовалъ твореніе сирскаго историка VIII в. Іезудены, еп. Басры ³⁾.

Въ сочиненіи Іезудены „de castitate“ (de la Chasteté), куда

¹⁾ Ср. Слово 24-ое настоящаго изданія.

²⁾ У Ассемана разсказывается, что, вскорѣ же послѣ посвященія св. Исаака во епископы, пришли къ нему на судъ двое тяжущихся. Одинъ изъ нихъ требовалъ отъ другого немедленной отдачи долга, другой же просилъ себя отсрочки. Св. Исаакъ сталъ уговаривать займодавца подождать долгъ, согласиться на отсрочку, ибо св. Евангеліе учитъ, чтобы совсѣмъ не требовать того, что взято другимъ, значить, тѣмъ болѣе нужно подождать, пока должникъ не справится съ своимъ долгомъ. Но займодавецъ на это грубо замѣтилъ: „Ну, оставь ты это объ Евангеліи!“ — „Если они и Евангелію не повинуются, то что пришелъ я сюда дѣлать?“ съ грустью сказалъ св. Исаакъ.

³⁾ „Le livre de la Chasteté composé par l'ésudena, évêque de Basrah, publié et traduit par I. B. Chabot“. Rome. 1896. О Іезуденѣ и его сочиненіяхъ см. „Bibliotheca Orientalis“ Assemani, v. III, p. 196, но почему-то Іезудена здѣсь называется епископомъ не Басры, а Косры.

авторъ, по словамъ сирскаго писателя Ebed-Iesu, „собралъ исторіи всѣхъ святыхъ и основателей (монастырей)“, говорится, между прочимъ, и о св. „Мар-Исаакъ, епископъ Ниневіи, который отказался отъ епископства и написалъ книги о монашеской жизни“.

Вотъ что Іезудена рассказываетъ объ этомъ Исаакъ:

„Онъ былъ поставленъ въ епископы Ниневіи патриархомъ Георгомъ въ монастырь Бео-Аба. После управленія своего въ теченіе пяти мѣсяцевъ Ниневійскимъ діоцезомъ, въ качествѣ преемника епископа Моисея, онъ отказался (отъ епископства) по причинамъ, Богъ знаетъ какимъ, и удалился жить на гору... Мату (Matout), которая окружаетъ мѣстность Бео-Гузайа (Beit-Houzayé), и жилъ въ уединеніи вмѣстѣ съ отшельниками, находившимися тамъ. Потомъ онъ ушелъ въ монастырь Рабанъ-Шабуръ. Онъ весьма прилежно изучалъ Священныя книги, до такой степени, что потерялъ зрѣніе въ слѣдствіе пылкости въ чтеніи и своего поста ¹⁾. Исаакъ былъ достаточно свѣдущъ въ знаніи Божественныхъ тайнъ: онъ составилъ труды о духовной жизни монаховъ.“

Исаакъ покинулъ свою временную жизнь въ глубокой старости и сложилъ свое тѣло въ монастырь Шабуръ. Онъ былъ изъ Бео-Катарайа (Beit-Kataraayé)“.

Безъ сомнѣнія, Іезудена говоритъ о томъ же св. Исаакъ Сиринѣ, о которомъ говоритъ и анонимный авторъ у Ассемана, потому что странно было бы думать, что могли быть два Исаака, оба—епископы Ниневіи, которые по краткомъ времени отказались отъ престола и т. д. Но въ то же время эти свидѣтельства о св. Исаакъ противорѣчатъ другъ другу въ нѣкоторыхъ своихъ пунктахъ, и даже весьма рѣзко. Сдѣлаемъ сравненіе ихъ.

Іезудена дополняетъ Ассемановскій рассказъ указаніемъ родины и времени жизни св. Исаака. „Онъ былъ,—говоритъ Іезудена,—изъ Бео-Катарайа“. Бео-Катарайа, по словамъ

¹⁾ Есть преданіе, что св. Исаакъ, ослѣпнувъ, не прекратилъ своихъ литературныхъ занятій, но прибѣгъ къ помощи писцовъ-монаховъ, кому и диктовалъ свои сочиненія. О постѣ св. Исаака преданіе говоритъ, что святой питался только тремя небольшими хлѣбцами въ недѣлю съ малымъ количествомъ травы, къ вареной же пищѣ и не касался. См. „avant-propos“ къ изд. „Mar. Isaacus Ninivita de perfectione religiosa“, P. Bedjan. Paris. 1909 г IV стр.

Bedjan'a, находится на берегу Персидскаго залива, „по сю сторону Индіи“¹⁾. Далѣе, Іезудена говоритъ, что св. Исаакъ былъ поставленъ въ епископы Ниневіи патриархомъ Георгомъ въ преемники Моисею, а патриархъ Георгъ и епископъ Ниневіи Моисей жили во 2-ой половинѣ VII в.²⁾. Значитъ, и св. Исаакъ жилъ во 2-ой половинѣ VII в., а умеръ, вѣроятно же всего, въ первой половинѣ VIII-го.

О монастырѣ Мар-Матѳея Іезудена ничего не говоритъ.

О епископствѣ и отказѣ отъ него оба автора говорятъ одинаково, но, по Ассеману, св. Исаакъ удалился послѣ сего въ „святую скитскую пустыню“, подъ которой естественнѣе всего разумѣть Египетскую, извѣстную подъ такимъ названіемъ, а Іезудена говоритъ, что св. Исаакъ удалился жить на гору Мату, окружающую мѣстность Беѳ-Гузайа (современный Хузистанъ), которая лежитъ выше сѣвернаго берега Персидскаго залива.

Гдѣ находился монастырь Раббанъ-Шабуръ, куда, по словамъ Іезудены, удалился подъ конецъ жизни св. Исаакъ, неизвѣстно. Въ „studia syriaca“ Bahmani³⁾ есть свидѣтельство, что св. „Исаакъ былъ монахомъ и учителемъ на своей родинѣ“. Но трудно рѣшить, относится ли это свидѣтельство ко времени жизни св. Исаака до его епископства, или—ко времени его жизни *послѣ* епископства⁴⁾...

Вотъ все, что можно сказать о св. Исаакѣ. Можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ, ученые, усердно занимающіеся теперь открытіемъ и изученіемъ сирской христіанской литературы, и откроютъ что-нибудь, что дополнитъ или поправитъ сказаніе Іезудены, но пока ничего больше о св. Исаакѣ мы не знаемъ. Въ VI—VII вв. въ Сиріи замѣтно было „значительное увлеченіе аскетическимъ идеаломъ жизни древней Церкви“ или *начальнаго монашества*⁵⁾. Это увлеченіе

1) Cit. avant-propos, p. III.

2) Патриархъ Георгъ занималъ свой престолъ въ 660—680 г.; см. Assem. Biblioth. Orient. V. III, pars 2, pag. 615, 149—153. О Моисеѣ, епископѣ Ниневійскомъ, см. тамъ же стр. 767.

3) Pag. 32. См. выше cit. avant-propos Bedjan'a, IV стр.

4) Bedjan почему-то принимаетъ это свидѣтельство въ обоихъ смыслахъ (avant-propos, III и IV стр.), съ чѣмъ согласиться—нѣтъ достаточныхъ основаній.

5) Brockelmann: „die Syrische und die christlich-arabische Litteratur. Leipzig, 1907 г., 51 стр.

отразилось и въ сирской литературѣ; поэтому въ Сиріи появилось за это время довольно много аскетическихъ сочиненій ¹⁾. Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ, безспорно, сочиненіямъ св. Исаака. И теперь даже, когда прошло цѣлыхъ 12 вѣковъ со времени ихъ написанія, эти сочиненія полны свѣжаго интереса, замѣчательно оригинальны и глубоко поучительны. Св. Исаакъ—великій психологъ и философъ, что видно, напр., хотя бы изъ одного его ученія о вѣдѣніи и вѣрѣ. Онъ—удивительный знатокъ Свящ. Писанія, Нов. и Ветхаго Завета, и обширной аскетической литературы, греческой и, по всей вѣроятности, своей родной, сирской ²⁾. Онъ, наконецъ,—мудрый и опытный наставникъ и руководитель въ христіанской духовной жизни: Долгое время искушаемый въ десныхъ и шуихъ,—пишетъ самъ св. Исаакъ,—многократно извѣдавъ себя сими двумя способами ³⁾, пріавъ на себя безчисленные удары противника и сподобившись втайнѣ великихъ вспоможеній, въ продолженіе многихъ лѣтъ спискалъ я опытность и по благодати Божіей опытно дозналъ слѣдующее“ ⁴⁾, что и предлагаетъ „для возбужденія и просвѣщенія душъ“ своихъ читателей ⁵⁾.

Св. Исаакъ былъ, повидимому, однимъ изъ плодovitѣйшихъ писателей. По свидѣтельству сирскаго писателя начала XIV в. Ebed-Iesu, „св. Исаакъ Ниневійскій составилъ семь томовъ о водительствоѣ духа, о Божественныхъ тайнахъ, о судахъ и о благочиніи (politia)“ ⁶⁾. Даниилъ Тубанита, еп Беѳ-Гармэ, по свидѣтельству того же Ebed-Iesu, „написалъ разрѣшеніе вопросовъ божественнаго пятого тома св Исаака

¹⁾ Duval: „La litterature syriaque, 3me ed. Paris. 1907 г 217—235 pp

²⁾ Св. Исаакъ, часто приводя чужія мысли и слова, иногда указываетъ имена цитуемыхъ имъ авторовъ, но при этомъ только славныхъ, великихъ Отцовъ Вселенской Церкви, въ другихъ же случаяхъ—только указываетъ, что такую-то мысль сказалъ „нѣкто изъ святыхъ“, или „нѣкто изъ любящихъ Бога“, или „одинъ изъ мужей богоносныхъ“ и т. под. Вѣроятно, среди этихъ-то безымянныхъ авторовъ есть и сирскіе аскеты-писатели, предшественники св. Исаака.

³⁾ Т. е. терпѣливымъ отшельничествомъ и постомъ.

⁴⁾ 373 стр. русск. пер.

⁵⁾ 60 стр. тамъ же.

⁶⁾ Biblioth. Orient. Assem. v III, p. 104

Ниневійскаго“¹⁾. Что это за „томы“, о которыхъ говорить Ebed-Iesu, неизвѣстно, и, повидимому, они не всѣ до насъ дошли. Въ 1909 году въ первый разъ вышелъ въ свѣтъ печатный сирскій текстъ сочиненій св. Исаака подъ заглавіемъ: „*Mag Isaacus Ninivita de perfectione religiosa, quam edidit P. Bedjan*“. Здѣсь, судя по заглавію, помѣщено 107 словъ, или главъ, но издатель говоритъ, что это только „первая часть сочиненія св. Исаака“²⁾, что онъ могъ бы издать и 2-ой и 3-ій томы этого сочиненія, если-бы только могъ свѣрить имѣющіеся у него манускрипты съ другими параллельными³⁾. И издатель очень жалѣетъ, что не можетъ этого сдѣлать и издать эти новые томы, жалѣетъ потому, что тамъ „много прекрасныхъ страницъ“.

Въ арабскомъ переводѣ до насъ дошли 4 книги сочиненій св. Исаака, и въ первой книгѣ находится 28 словъ, во 2-ой—45 словъ, въ 3-й—44 слова, въ 4-ой—5⁴⁾, всего, значить, 122 слова. Въ греческомъ же переводѣ до насъ дошло только 86 словъ и 4 посланія, а въ латинскомъ и того менѣе.

Извѣстный намъ греческій переводъ сочиненій св. Исаака изданъ въ 1770 г. въ Лейпцигѣ іеромонахомъ Никифоромъ Феотокисомъ, впоследствии—епископомъ Астраханскимъ, по порученію Іерусалимскаго патріарха Ефрема.

Переводъ этотъ сдѣланъ былъ первоначально иноками лавры св. Саввы, Аврааміемъ и Патрикіемъ, вѣроятно, въ IX вѣкѣ⁵⁾, и сдѣланъ не во всемъ удовлетворительно. Кромѣ того, что онъ неполонъ,—такъ какъ въ немъ недостаетъ по сравненію съ арабскимъ переводомъ 41 слова⁶⁾, а по сравненію съ сирскимъ подлинникомъ и еще больше⁷⁾,—онъ имѣ-

¹⁾ Ibid p. 174.

²⁾ „*Avant;—propos*“ къ изд., VII стр., ср. *Bibl. Orient. Assem. v. I*, 460 стр.

³⁾ *Avant-propos. XVI* стр.

⁴⁾ *Bibl. Orient. Assem. v. I*, pp. 446—460. Ассеманъ къ 5 словамъ 4-й книги прибавляетъ еще 13 словъ изъ извѣстныхъ ему сирскихъ манускриптовъ, такъ что всего перечисляетъ 135 словъ.

⁵⁾ Chabot: „*de s. Isaaci vita, scriptis et doctrina*“ Lovanii, 1892 61 p.

⁶⁾ Изъ 1-ой книги арабск. перевода въ греческомъ недостаетъ словъ: 1—12, 14—22, 24—26; изъ 2-ой книги: 11, 18, 20, 22, 35, 39, 40—42, 44, 45; изъ 3-й кн.: 43, 44; изъ 4-ой: 1, 2, 3, 5.

⁷⁾ По сравненію арабскаго перевода съ сирскимъ спискомъ соч. св. Исаака у Chabot (op. cit. 36—53 pp.), въ арабскомъ недостаетъ 19, 21, 24, 37, 57, 59, 71, 74, (85—87, 89) словъ по списку Chabot.

еть и другіе недостатки. Chabot, сравнивавшій его съ сирскими манускриптами, вотъ что говоритъ о немъ ¹⁾:

„Первая особенность греческаго перевода, это—опусканіе трудныхъ мѣстъ, а такъ какъ Исаакъ Сиринъ—одинъ изъ труднѣйшихъ сирскихъ писателей, то такихъ опусканій много; вторая особенность—та, что переводъ часто не слѣдуетъ смыслу автора“. Хотя переводъ и старается быть буквальнымъ, по словамъ Chabot, но искаженіе смысла происходитъ частью отъ неумѣлаго выбора значеній сирскихъ словъ, частью отъ самой буквальности: сирскій языкъ, какъ и другіе восточные языки, весьма отличаясь по своей конструкціи отъ европейскихъ языковъ, не поддается буквальному переводу на нихъ ²⁾.

Латинскій переводъ соч. св. Исаака ³⁾, „de contemptu mundi“, помѣщенный у Migne'я въ его патрологіи ⁴⁾, совсѣмъ неполонъ, 53 главы его равняются только 23 словамъ греческаго ⁵⁾. Языкъ перевода, по отзыву Chabot, темнѣе греческаго, и переводчикъ нерѣдко путаетъ фразы.

Печатный славянскій переводъ принадлежитъ старцу Паисію Величковскому и изданъ съ примѣчаніями къ нему Оптиной Пустынью въ 1854 году ⁶⁾. Онъ—почти точная копія съ греческаго изданія, только нѣкоторыя дополненія и

¹⁾ Op. cit. 63 стр.

²⁾ Любопытенъ еще отзывъ о греческомъ переводѣ соч. св. Исаака, принадлежащій Филарету Митр. Московскому: „Вѣроятно, переводчикъ не былъ изъ ученыхъ, т. е. не зналъ грамматическихъ правилъ, и потому мѣшалъ слова и вмѣсто должнаго выраженія ставилъ неправильное и темныя слова, да и отъ переписчиковъ, быть можетъ, вкрались ошибки и невѣроятности“. См. статью Архим. Никодима въ „Жизнеописаніяхъ отечеств. подвижн. благоч. 18 и 19 въ Сентябрь“. М. 1909 г. 487 стр.

³⁾ Онъ, по всей вѣроятности, сдѣланъ съ греческаго, потому что онъ еще темнѣе послѣдняго. См. прим. на 365 стр. 2-го изд. русск. перевода.

⁴⁾ T. LXXXVI, series graeca, col. 799—888, о другихъ изд. см. тутъ же col. 801—802 п.

⁵⁾ Въ немъ находятся приблизительно только слѣдующія слова по греч. пер: 2, 5, 10—11, 13—18, 21—24, 26—27, 29, 46, 56, 72, 73, 85 и еще одно, послѣднее, котораго на греч. яз., кажется, нѣтъ.

⁶⁾ Этотъ переводъ былъ изданъ еще раньше въ 1812 г. Немецкимъ Молдавскимъ монастыремъ, но не имѣлъ распространенія, такъ какъ былъ запрещенъ тогдашней цензурой. Интересную исторію этого перевода см. „Странникъ“, 1906 г., т. 1, ч. 2, 734 и 899 стр.

порядокъ словъ взятъ изъ одной греческой рукописи и болѣе древнихъ славянскихъ переводовъ ¹⁾).

Русскій переводъ соч. св. Исаака появился сначала въ „Христіанскомъ Чтеніи“ за двадцатые годы прошлаго столѣтія. Онъ дѣлался съ греч. изд. Никифора Θεοτοκиса, но было переведено только 30 словъ. Въ 1854 г. вышелъ въ свѣтъ полный русскій переводъ съ греческаго же языка, сдѣланный Московской Духовной Академіей ²⁾. Переводъ 30 словъ въ „Христіанскомъ Чтеніи“—довольно удаченъ и литературенъ, но зато иногда воленъ; переводъ Моск. Дух. Академіи—буквальнѣе, но зато темнѣе.

Творенія преп. Исаака всегда пользовались и продолжаютъ пользоваться громаднымъ уваженіемъ среди православныхъ подвижниковъ вѣры и благочестія. Преп. Петръ Дамаскинъ, писатель XII в., обильно пользуется въ своихъ твореніяхъ писаніями св. Исаака Сиріна и постоянно ссылается на него ⁴⁾. Преп. Никифоръ Уединеникъ, спасавшійся въ XIV в. на Аѳонѣ, въ своемъ сочиненіи „о трезвеніи и храненіи сердца“ дѣлаетъ выдержку изъ твореній преп. Исаака Сиріна ⁵⁾. Извѣстный русскій святой—преп. Нилъ Сорскій въ своемъ „Уставѣ о жительствѣ скитскомъ“ постоянно приводитъ мысли св. Исаака по разнымъ вопросамъ духовно-нравственной жизни ⁶⁾. Епископъ Теофанъ, Затворникъ Вышенскій, составилъ даже молитву преп. Исааку Сирину. Вотъ она:

„Преподобне отче Исаакіе! моли Бога о насъ и молитвою твоею озари умъ нашъ разумѣти высокія созерцанія, коими преисполнены словеса твои, и паче возведи или введи въ

1) Славянскіе списки съ соч. св. Исаака появились впервые не позже XIV в., къ которому принадлежатъ, напр., рукописи съ славянскимъ переводомъ „постническихъ словъ“ св. Исаака, принадлежащія Троицкой Серг. Лаврѣ и Моск. дух. Академіи, также Лаврѣ св. Саввы Освященнаго въ Палестинѣ, если судить по надписанію на дошедшемъ до насъ изображеніи св. Исаака.

2) Московское изданіе было повторено въ 1893 г.

3) По русск. переводу слова: 19, 52, 82, 83, 85.

4) См. его творенія на русск. яз., 3-е изд. Кіевъ, 1905. стр. 2, 50, 78, 122, 180, 206 и др.

5) См. „Добротелюбіе“ на русск. яз., 5 т., 2-е изд. 247 стр.

6) См. изданіе этого „устава“ СПб. 1864 года, стр. 17, 24, 43, 47, 102, 103, 107, 108, 122, 124, 129, 144—147, 155 и др.

тайники молитвы, которой производство, степени и силу такъ изображаютъ поученія твоя, да ея окрыляемые возможемъ свободно теши путемъ заповѣдей Господнихъ неуклонно, минуя препятствія, встрѣчаемыя на пути и преодолевая враговъ, вооружающихся на насъ¹⁾.

Настоящее изданіе перевода Словъ Св. Исаака Сирина является значительно измѣненнымъ въ сравненіи съ прежними. Переводъ былъ свѣренъ съ переводомъ старца Паисія Величковскаго, и во множествѣ мѣстъ, гдѣ оказывались между ними разногласія по смыслу, или вообще гдѣ русской переводъ внушалъ подозрѣнія, онъ былъ слѣченъ съ греческимъ текстомъ по изданію Никифора Θεотокиса (1770 г.), а въ нѣсколькихъ мѣстахъ еще и съ греческими рукописями Московской Синодальной бібліотеки. Но такъ какъ и греческій текстъ представляетъ собою также переводъ, хотя и древній, съ сирійскаго языка, на которомъ Св. Исаакъ писалъ, то мы сочли полезнымъ обращаться иногда и къ новѣйшимъ переводамъ прямо съ сирійскаго, которые имѣются въ западно-европейской литературѣ. Къ сожалѣнію, съ сирійскаго переведено всего лишь нѣсколько Словъ, а именно: Слова 1, 2, 3, 4, 5, 6, 56, 57, 58, 74, 84 переведены на нѣмецкій языкъ въ изданіи „Bibliothek der Kirchenväter“, выпускъ 204—205 (Kempten, 1876); Слова 19, 82, 83, 85 и отрывки изъ другихъ переведены на латинскій языкъ въ книгѣ Johannes Baptista Chabot, De S. Isaaci Ninivite vite, scriptis et doctrina (Lovanii, 1892). На эти переводы и дѣлаемъ мы указанія ради краткости просто словами „въ сирійскомъ текстѣ“. При просмотрѣ прежняго перевода мы нашли нужнымъ во многихъ мѣстахъ его измѣнить по разнымъ причинамъ: оказались и важныя опечатки, искажавшія смыслъ, и невѣрное, по нашему мнѣнію, пониманіе подлинника, и неловкія или слишкомъ устарѣвшія русскія выраженія.

Во многихъ случаяхъ, въ виду трудности для пониманія высокихъ мыслей Св. Исаака, мы сочли необходимымъ сдѣлать пояснительныя примѣчанія къ тексту перевода, частью

¹⁾ „Письма о христіанской жизни“, 2-ое изд. М. 1899 г. 102 стр..

(очень немногія) наши собственныя, а большей частью заимствованныя нами изъ примѣчаній къ переводу Паисія въ печатномъ изданіи 1854 года и изъ примѣчаній въ греческомъ изданіи Никифора Θεотокиса.

Кромѣ того, для настоящаго изданія вновь составлены свѣдѣнія о жизни Св. Исаака, прибавлены два указателя—мѣсть Священнаго Писанія, упоминаемыхъ въ Словахъ, и предметовъ, о которыхъ говоритъ Св. отецъ.

Считаемъ своимъ долгомъ выразить глубокую признательность всѣмъ лицамъ, потрудившимся для этого изданія, а именно: М. А. Новоселову и о. Симеону, бывшему ректору Тамбовской семинаріи, которые сличали прежній переводъ съ переводомъ Паисія, причемъ первый кромѣ того держалъ корректуру и составилъ указатель предметовъ, а второй составилъ указатель мѣсть Свящ. Писанія; а также священнику о. И. Н. Четверухину, который написалъ свѣдѣнія о жизни Св. Исаака, просмотрѣнныя потомъ Преосвященнымъ Ректоромъ, Еп. Θεодоромъ.

Несомнѣнно, и въ настоящемъ изданіи найдется немало недочетовъ; но читатели, знакомые съ греческимъ текстомъ, надѣемся, простятъ намъ недосмотры и ошибки, зная, какъ неясенъ этотъ текстъ, смыслъ котораго приходится иногда скорѣе угадывать, чѣмъ переводить.

Профессоръ Московской Духовной Академіи

Сергій Соболевскій.

**ИЖЕ ВО СЪЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО
АВВЫ ИСААКА СИРІЯНИНА
СЛОВА ПОДВИЖНИЧЕСКІЯ.**

С Л О В О 1.

ОБЪ ОТРЕЧЕНИИ ОТЪ МІРА И О ЖИТИИ МОНАШЕСКОМЪ.

Страхъ Божій есть начало добродѣтели. Говорятъ, что онъ—порожденіе вѣры, и посѣвается въ сердце, когда умъ устраненъ отъ мірскихъ хлопотъ, чтобы кружащіяся отъ паренія мысли свои собрать ему въ размышленіи о будущемъ возстановленіи. Для того, чтобы положить основаніе добродѣтели, лучше всего человѣку держать себя въ устраненіи отъ дѣлъ житейскихъ и пребывать въ словѣ свѣта стезей правыхъ и святыхъ, какія Духомъ указалъ и наименовалъ Псалмопѣвецъ (Пс. 22, 3. 118, 35). Едва ли найдется, а можетъ быть, и вовсе не найдется, такой человѣкъ, который бы, хотя будетъ онъ и равноангельный по нравамъ, могъ вынести честь; и это происходитъ, какъ скажетъ иной, отъ скорой склонности къ измѣненію.

Начало пути жизни—поучаться всегда умомъ въ словесахъ Божіихъ и проводить жизнь въ нищетѣ. Напоеніе себя однимъ содѣйствуетъ усовершенію въ другомъ. Если напоеваешь себя изученіемъ словесъ Божіихъ, это помогаетъ преуспѣянію въ нищетѣ; а преуспѣяніе въ нестяжательности доставляетъ тебѣ досугъ преуспѣвать въ изученіи словесъ Божіихъ.

Пособіе же того и другаго содѣйствуетъ къ скорому возведенію цѣлаго зданія добродѣтелей.

Никто не можетъ приблизиться къ Богу, если не удалится отъ міра. Удаленіемъ же называю не переселеніе изъ тѣла, но устраненіе отъ мірскихъ дѣлъ. Въ томъ и добродѣтель, чтобы человекъ не занималъ ума своего міромъ. Сердце не можетъ пребывать въ тишинѣ и быть безъ мечтаній, пока чувства чѣмъ-нибудь заняты ¹⁾; тѣлесныя страсти не приходятъ въ бездѣйствіе, и лукавые помыслы не оскудѣваютъ, безъ пустыни. Пока душа не придетъ въ упоеніе вѣрою въ Бога, пріятіемъ въ себя силы ея ощущенія, доколѣ не уврачуетъ немощи чувствъ, не возможетъ съ силою попраць видимаго вещества, которое служитъ преградой внутреннему, и не ощутитъ въ себѣ разумнаго порожденія свободы, и плодъ того и другаго—спасеніе отъ сѣтей. Безъ перваго ²⁾ не бываетъ втораго ³⁾; а гдѣ второе правосшестввенно, тамъ третья ⁴⁾ связуется какъ бы уздою ⁵⁾.

Когда умножится въ человекѣ благодать, тогда по желанію праведности страхъ смертный дѣлается для него легко презираемымъ, и много причинъ находитъ онъ въ душѣ своей, по которымъ ради страха Божія должно ему терпѣть скорбь. Все, что считается вредящимъ тѣлу, и внезапно дѣйствуетъ на природу, а слѣдовательно приводитъ въ страданіе, ни во что вмѣняется въ очахъ его въ сравненіи съ тѣмъ, на что онъ надѣется въ будущемъ. Безъ поущенія искушеній невозможно познать намъ истины. Точно же удостовѣреніе въ этомъ находитъ человекъ въ мысли, что Богъ имѣетъ о человекѣ великое промышленіе, и что нѣтъ человека, который бы не состоялъ подъ

¹⁾ Т. е. пока чувства заботятся о предметахъ внѣшнихъ.

²⁾ Удаленіе отъ міра.

³⁾ Упоеніе вѣрою въ Бога.

⁴⁾ Свобода.

⁵⁾ Мысль темная; по сирійскому тексту это мѣсто послѣ слова „внутреннему“ читается такъ: „разумъ есть причина свободы, и плодъ ея есть склонность. Безъ перваго вторая невозможна; и гдѣ нѣтъ второй, тамъ третья какъ бы сдерживается уздою“

Его Промыслѣ, особливо же ясно, какъ бы по указанію перста, усматриваетъ сіе на взыскавшихъ Бога и на терпящихъ страданія ради Него. Но когда увеличится въ человѣкѣ оскудѣніе благодати, тогда все сказанное оказывается въ немъ почти въ противоположномъ видѣ. У него вѣдѣніе, по причинѣ изслѣдованій, бываетъ больше вѣры, и упованіе на Бога имѣется не во всякомъ дѣлѣ, и Промыслъ Божій о человѣкѣ отрицается. Таковой человѣкъ постоянно подвергается въ этомъ ¹⁾ кознямъ подстерегающихъ во мракѣ сострѣляти (Псал. 10, 2) его стрѣлами своими.

Начало истинной жизни въ человѣкѣ — страхъ Божій. А онъ не терпитъ того, чтобы пребывать въ чьей-либо душѣ вмѣстѣ съ пареніемъ ума ²⁾; потому что при служеніи чувствамъ сердце отвлекается отъ услажденія Богомъ. Ибо внутреннія помышленія ощущеніемъ ихъ, какъ говорятъ, связуются въ самыхъ служащихъ имъ чувствилищахъ ³⁾.

Сомнѣніе сердца приводитъ въ душу боязнь. А вѣра можетъ дѣлать произволеніе твердымъ и при отсѣченіи членовъ. Въ какой мѣрѣ превозмогаетъ въ тебѣ любовь къ плоти, въ такой не можешь быть отважнымъ и безтрепетнымъ при многихъ противоборствахъ, окружающихъ любимое тобою.

Желающій себѣ чести не можетъ имѣть недостатка въ причинахъ къ печали. Нѣтъ человѣка, который бы съ переменною обстоятельствомъ не ощутилъ въ умѣ своемъ перемены въ отношеніи къ подлежащему дѣлу. Ежели вожделѣніе, какъ говорятъ, есть порожденіе чувствъ, то пусть умолкнутъ, наконецъ, утверждающіе о себѣ, что и при развлеченіи сохраняютъ они миръ ума.

Цѣломудренъ не тотъ, кто въ трудѣ, во время

¹⁾ Т. е. въ вопросѣ о Промыслѣ Божіемъ.

²⁾ Т. е. съ разсвѣніемъ ума земными вещами.

³⁾ По сирійскому тексту это мѣсто читается такъ: „ибо внутреннія движенія встрѣчаютъ препятствіе со стороны чувствъ, которыя должны бы были служить имъ, при воспріятіи ими (=внутренними движеніями) ихъ объекта“.

борьбы и подвига, говоритъ о себѣ, что прекращаются тогда въ немъ срамные помыслы, но кто истинностию сердца своего уцѣломудриваетъ созерцаніе ума своего, такъ что не внимаетъ онъ безстыдно непотребнымъ помысламъ. И когда честность совѣсти его свидѣтельствуется о вѣрности своей взглядомъ очей, тогда стыдъ уподобляется завѣсѣ, повѣшенной въ сокровенномъ вмѣстилищѣ помысловъ. И непорочность его, какъ цѣломудренная дѣва, соблюдается Христу вѣрою.

Для отвращенія предзанятыхъ душею расположений ¹⁾ къ непотребству и для устраненія возстающихъ въ плоти тревожныхъ воспоминаній, производящихъ мятежный пламень, ничто не бываетъ такъ достаточно, какъ погруженіе себя въ любовь къ изученію божественнаго Писанія и постиженіе глубины его мыслей. Когда помыслы погружаются въ услажденіе постиженіемъ сокровенной въ словахъ премудрости, тогда человекъ, благодаря силѣ, которой извлекаетъ изъ нихъ просвѣщеніе, оставляетъ позади себя міръ, забываетъ все, что въ мірѣ, и изглаждаетъ въ душѣ всѣ воспоминанія, всѣ дѣйственные образы овествленія міра, а нерѣдко уничтожаетъ самую потребность обычныхъ помысловъ, посѣщающихъ природу. Самая душа пребываетъ въ восторгѣ при новыхъ представленіяхъ, встрѣчающихся ей въ морѣ тайнъ Писанія.

И опять, если умъ плаваетъ на поверхности водъ, т. е. моря божественныхъ Писаній, и не можетъ проникнуть своею мыслию Писанія до самой глубины, уразумѣть всѣ сокровища, таящіяся въ глубинѣ его, то и сего самага, что умъ занятъ рвеніемъ къ уразумѣнію Писанія, достаточно для него, чтобы единымъ помышленіемъ о досточудномъ крѣпко связать свои помыслы и воспрепятствовать имъ, какъ сказалъ нѣкто изъ богоносныхъ, стремиться къ естеству тѣлесному, тогда-какъ сердце немощно и не можетъ вынести озлобленій ²⁾, встрѣчающихся при внѣшнихъ

¹⁾ Прежнихъ впечатлѣній.

²⁾ Разумѣются злые помыслы, наносимые внѣшними предметами, возбуждающими страсти.

и внутреннихъ браняхъ. И вы знаете, какъ тягостенъ худой помысль. И если сердце не занято вѣдѣніемъ, то не можетъ преодолѣть мятежности тѣлеснаго возбужденія.

Какъ скорости колебанія вѣсовъ въ вѣтрѣную бурю препятствуетъ тяжесть взвѣшиваемаго, такъ колебанію ума препятствуютъ стыдъ и страхъ. А по мѣрѣ оскудѣнія страха и стыда является причина къ тому, чтобы умъ непрестанно скитался, и тогда, по мѣрѣ удаленія изъ души страха, коромысло ума, какъ свободное, колеблется туда и сюда. Но, какъ коромыслу вѣсовъ, если чаши ихъ обременены очень тяжелымъ грузомъ, нелегко прійти уже въ колебаніе отъ дуновенія вѣтра, такъ и умъ, подъ бременемъ страха Божія и стыда, съ трудомъ совращается тѣмъ, что приводитъ его въ колебаніе. А въ какой мѣрѣ оскудѣваетъ въ умѣ страхъ, въ такой же начинаютъ обладать имъ превратность и измѣнчивость. Умудрись же въ основаніе шествія своего полагать страхъ Божій, и въ немного дней, не дѣлая круженій на пути, будешь у вратъ царствія.

Во всемъ, что встрѣтится тебѣ въ Писаніяхъ, доискивайся цѣли слова, чтобы проникнуть тебѣ въ глубину мысли святыхъ, и съ большою точностію уразумѣть оную. Божественною благодатію путеводимые въ жизни своей къ просвѣщенію всегда ощущаютъ, что какъ бы мысленный какой лучъ проходитъ по стихамъ написаннаго, и отличаетъ уму голыя слова отъ того, что душевному вѣдѣнію сказано съ великою мыслію.

Если человѣкъ многозначащіе стихи читаетъ, не углубляясь въ нихъ, то и сердце его остается бѣднымъ, и угасаетъ въ немъ святая сила, которая при чудномъ уразумѣніи души доставляетъ сердцу сладостнѣйшее вкушеніе.

Всякая вещь обыкновенно стремится къ сродному ей. И душа, имѣющая въ себѣ удѣлъ духа, когда услышитъ реченіе, заключающее въ себѣ сокровенную духовную силу, пламенно пріемлетъ содержаніе сего реченія. Не всякаго человѣка пробуждаетъ къ

удивленію то, что сказано духовно и что имѣетъ въ себѣ сокровенную великую силу. Слово о добродѣтели требуетъ сердца, не занимающагося землею и близкимъ съ нею общеніемъ. Въ человѣкѣ же, котораго умъ утружденъ заботою о преходящемъ, добродѣтель не пробуждаетъ помысла къ тому, чтобы возлюбить ее и взыскать обладанія ею.

Отрѣшеніе отъ вещества по своему происхожденію предшествуетъ союзу съ Богомъ, хотя нерѣдко, по дарованію благодати, въ иныхъ оказывается послѣдній предшествующимъ первому; потому что любовь покрывается любовью ¹⁾. Обычный порядокъ дарованія благодати иной въ порядкѣ общемъ для людей. Ты же сохраняй общій чинъ. Если придетъ раньше къ тебѣ благодать, это—ея дѣло. А если не придетъ, то путемъ всѣхъ людей, какимъ шествовали они, постепенно иди для восхожденія на духовный столпъ.

Всякое дѣло, совершаемое созерцательно и исполняемое по заповѣди, данной для него, вовсе невидимо тѣлесными очами. И всякое дѣло, совершаемое дѣятельно, бываетъ сложно: потому что заповѣдь, которая только одна, именно дѣятельность, ради плотскихъ и безплотныхъ, имѣетъ нужду въ томъ и другомъ, въ созерцаніи и въ дѣятельности. Ибо единое есть сочетаніе созерцанія и дѣятельности.

Дѣла, показывающія заботливость о чистотѣ, не подавляютъ чувства, возбуждаемаго памятованіемъ прошедшихъ проступковъ, но печаль, ощущаемую при семъ памятованіи, заимствуютъ изъ разума. И съ сего времени ходъ припамятованія производится въ умѣ съ пользою. Ненасытимость души въ приобрѣтеніи добродѣтели превосходитъ часть видимыхъ вождедѣній сопряженнаго съ нею тѣла ²⁾. Всякую вещь краситъ мѣра. Безъ мѣры обращается во вредъ и почитаемое прекраснымъ.

¹⁾ Т. е. любовью къ Богу вытѣсняется любовь къ земному (по сирійскому тексту).

²⁾ Т. е. стремленіе души къ добродѣтели превосходитъ страсть тѣла къ предметамъ видимымъ (по сирійскому тексту).

Хочешь ли умомъ своимъ быть въ общеніи съ Богомъ, пріавъ въ себя ощущеніе онаго услажденія, не порабощеннаго чувствамъ?—Послужи милостынѣ. Когда внутри тебя обрѣтается она, тогда изображается въ тебѣ оная святая красота, которою уподобляешься Богу. Всеобъемлемость дѣла милостыни ¹⁾ производитъ въ душѣ, безъ всякаго промедленія времени, общеніе съ единымъ сіяніемъ славы Божества ²⁾.

Духовное единеніе есть непрестанное памятованіе; оно непрерывно пылаетъ въ сердцѣ пламенною любовію, въ неуклоненіи отъ заповѣдей заимствуя силу къ пребыванію въ союзѣ, не съ насиліемъ природѣ, и не по природѣ. Ибо тамъ ³⁾ находитъ (человѣкъ) опору для душевнаго созерцанія, чтобы оно прочно утвердилось на ней. Посему, сердце приходитъ въ восторгъ, закрывая двоякія чувства свои, плотскія и душевныя. Къ духовной любви, которая отпечатлѣваетъ невидимый образъ ⁴⁾, нѣтъ иной стези, если человѣкъ не начнетъ прежде всего быть щедролубивымъ въ такой же мѣрѣ, въ какой совершенъ Отецъ, какъ сказалъ Господь нашъ; ибо такъ заповѣдалъ Онъ послушнымъ Ему полагать основаніе сіе ⁵⁾.

Иное слово дѣйственное, и иное слово красивое. И безъ познанія вещей мудрость умѣетъ украшать слова свои, говорить истину, не зная ея, и толковать о добродѣтели, хотя самъ человѣкъ не извѣдалъ опытно дѣла ея. Но слово отъ дѣятельности—сокровищница надежды; а мудрость, не оправданная дѣятельностію, залогъ стыда.

Что художникъ, который живописуетъ на стѣнахъ

¹⁾ Смыслъ: совокупность добрыхъ дѣлъ, сосредоточенная въ милосердіи (по сирійскому тексту).

²⁾ Т. е. со славою Божества, которая только одна сіяетъ (по сир. тексту).

³⁾ Т. е. въ постоянномъ храненіи заповѣдей.

⁴⁾ Бога въ себѣ.

⁵⁾ И именно, когда говоритъ: *будьте милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть* (Лук. 6, 36); и еще: *аще хочешь совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ: и имѣти и маши сокровище на небеси: и гряди въ слѣдъ Мене* (Мате: 19, 21); и: *будьте убо совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мате. 5, 48).

воду, и не можетъ тою водою утолить своей жажды, и что человѣкъ, который видитъ прекрасные сны, то же и слово, не оправданное дѣятельностію. Кто говоритъ о добродѣтели, что самъ испыталъ на дѣлѣ, тотъ такъ же передаетъ сіе слушающему его, какъ иной отдаетъ другому деньги, добытыя трудомъ своимъ. И кто изъ собственнаго стяжанія посѣваетъ ученіе въ слухъ внемлющихъ ему, тотъ съ дерзновеніемъ отверзаетъ уста свои, говоря духовнымъ своимъ чадамъ, какъ престарѣлый Іаковъ сказалъ цѣломудренному Іосифу: *азъ же даю ти единую часть свыше братіи твоея, юже взяхъ у аморреевъ мечемъ моимъ и лукомъ моимъ* (Быт. 48, 22).

Всякому человѣку, который живетъ нечисто, вождѣнна жизнь временная. Второй по немъ, кто лишенъ вѣдѣнія ¹⁾. Прекрасно сказалъ нѣкто, что страхъ смертный печалитъ мужа, осуждаемаго своею совѣстію. А кто имѣетъ въ себѣ доброе свидѣтельство, тотъ столько же желаетъ смерти, какъ и жизни. Не признавай того истиннымъ мудрецомъ, кто ради сей жизни порабощаетъ умъ свой боязнѣ и страху. Все доброе и худое, что ни приключается съ плотію, почитай за сновидѣніе. Ибо не въ смерти одной отрѣшишься отъ сего, но часто и прежде смерти оставляетъ это тебя и удаляется. А если что-либо изъ сего имѣетъ общеніе ²⁾ съ душою твоею, то почитай сіе своимъ стяжаніемъ въ этомъ вѣкѣ; оно пойдетъ съ тобою и въ вѣкъ будущій. И ежели это есть нѣчто доброе, то веселись и благодари Бога въ умѣ своемъ. Ежели же это есть нѣчто худое, то будь прискорбенъ, и воздыхай, и старайся освободиться отъ сего, пока ты въ тѣлѣ.

Будь увѣренъ, что ко всякому доброму дѣлу, совершаемому въ тебѣ сознательно или безсознательно, посредниками для тебя были крещеніе и вѣра, посредствомъ которыхъ призванъ ты Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ на дѣла Его благія. Со Отцемъ и

¹⁾ Познанія добра.

²⁾ Т. е. связь.

Святымъ Духомъ Ему слава, и честь, и благодареніе, и поклоненіе во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 2.

О благодарности Богу, съ присовокупленіемъ краткаго изложенія первоначальныхъ ученій.

Благодарность приѣмлющаго побуждаетъ дающаго давать дары большіе прежнихъ. Кто неблагодаренъ за малое, тотъ и въ большемъ лживъ и неправеденъ.

Кто боленъ и знаетъ свою болѣзнь, тотъ долженъ искать врачевства. Кто сознаетъ болѣзнь свою, тотъ близокъ къ уврачеванію своему, и легко найдетъ оное. Жестокостію сердца умножаются болѣзни его; и если больной противится врачу, мученіе его увеличивается. Нѣтъ грѣха непростительнаго—кромѣ грѣха нераскаяннаго. И даръ не остается безъ усугубленія, развѣ только когда нѣтъ за него благодарности. Часть несмысленнаго мала въ глазахъ его.

Содержи всегда въ памяти превосходящихъ тебя добродѣтелю, чтобы непрестанно видѣть въ себѣ недостатокъ противъ ихъ мѣры; содержи всегда въ умѣ тягчайшія скорби скорбящихъ и озлобленныхъ, чтобы самому тебѣ воздавать должное благодареніе за малыя и ничтожныя скорби, бывающія у тебя, и быть въ состояніи переносить ихъ съ радостію.

Во время своего пораженія, расслабленія и лѣности, связуемый и содержимый врагомъ въ мучительномъ томленіи и въ тяжкомъ дѣлѣ грѣха, представляй въ сердцѣ своемъ прежнее время рачительности своей, какъ былъ ты заботливъ о всемъ даже до малости, какой показалъ подвигъ, какъ съ ревностію противился желавшимъ воспрепятствовать твоему шествію. Сверхъ же сего, помысли о тѣхъ воздыханіяхъ, съ какими болѣзновалъ ты о малыхъ недостаткахъ, появлявшихся въ тебѣ отъ нерадѣнія твоего, и о томъ, какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ получалъ ты побѣдный вѣнецъ. Ибо всѣми таковыми воспомни-

наніями душа твоя возбуждается какъ бы изъ глубины, облекается пламенемъ ревности, какъ бы изъ мертвыхъ возстаетъ отъ погашенія своего, возвышается, и горячимъ противоборствомъ діаволу и грѣху возвращается въ первобытный свой чинъ.

Вспомни о паденіи сильныхъ, и смиришься въ добродѣтеляхъ своихъ. Припомни тяжкія паденія падшихъ въ древности, и покаявшихся, а также высоту и честь, какихъ сподобились они послѣ сего, и примешь смѣлость въ покаяніи своемъ.

Преслѣдуй самъ себя, и врагъ твой прогнанъ будетъ приближеніемъ твоимъ. Умиришь самъ съ собою, и умирятся съ тобою небо и земля. Потщись войти во внутреннюю свою клѣть, и узришь клѣть небесную; потому что та и другая—одно и то-же, и входя въ одну, видишь обѣ. Лѣствица онаго царствія внутри тебя, сокровена въ душѣ твоей. Въ себѣ самомъ погрузись отъ грѣха, и найдешь тамъ восхожденія, по которымъ въ состояніи будешь восходить.

Писаніе не истолковало намъ, что суть вещи будущаго вѣка. Но оно просто научило насъ, какъ ощущеніе наслажденія ими мы можемъ получить еще здѣсь, прежде естественнаго измѣненія и неществія изъ міра сего ¹⁾. Хотя Писаніе, чтобы возбудить насъ къ вожделѣнію будущихъ благъ, изобразило оныя подъ именами вещей у насъ вожделѣнныхъ и славныхъ, пріятныхъ и драгоценныхъ, когда говоритъ: *иже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ* (1 Кор. 2, 9) и прочее, но этимъ возвѣстило намъ то, что будущія блага непостижимы и не имѣютъ никакого сходства съ благами здѣшними.

Духовное наслажденіе не есть пользованіе вещами, самостоятельно пребывающими внѣ души пріемлющихъ. А иначе, сказанное: *царствіе Божіе внутри васъ есть* (Лук. 17, 21), и: *да пріидетъ царствіе Твое*

¹⁾ По еврейскому тексту мысль другая: „но оно просто научило насъ, что здѣсь, безъ измѣненія нашей природы и перемѣны мѣста, мы не можемъ получить ощущенія о блаженствѣ отъ нихъ“.

(Мате. 6, 10), будетъ уже означать, что внутри себя пріяли мы вещество чего-то чувственнаго, въ залогъ заключающагося въ семь наслажденія. Ибо необходимо, чтобы самое стяжаніе было подобно залогу, и цѣлое—части. И сказанное: *какъ въ зеркаль* (1 Кор. 13, 12), хотя не указываетъ на самостоятельно пребывающее, однакоже означаетъ приобрѣтеніе подобія. А если истинно свидѣтельство истолковавшихъ Писанія, что самое ощущение сіе есть умное дѣйствіе Святаго Духа, то и оно уже есть часть онаго цѣлаго.

Не тотъ любитель добродѣтели, кто съ бореніемъ дѣлаетъ добро, но тотъ, кто съ радостію пріемлетъ послѣдующія за тѣмъ бѣдствія. Не великое дѣло терпѣть человѣку скорби за добродѣтель, какъ и не колебаться умомъ въ избраніи добраго своего изволенія—при обольстительномъ щекотаніи чувствъ.

Всякое раскаяніе, по отъятіи свободы ¹⁾, таково, что ни радости оно не источаетъ, ни даетъ права на награду приобрѣтшимъ оное.

Покрой согрѣшающаго, если нѣтъ тебѣ отъ сего вреда: и ему придашь бодрости, и тебя поддержитъ милость Владыки твоего. Немоцныхъ и огорченныхъ сердцемъ подкрѣпляй словомъ и всѣмъ, насколько возможетъ рука твоя,—и подкрѣпитъ тебя вседержительная Десница. Съ огорченными сердцемъ будь въ общеніи, и трудомъ молитвеннымъ, и соболѣзнованіемъ сердечнымъ,—и прошеніямъ твоимъ отверзется источникъ милости.

Постоянно утруждай себя молитвами предъ Богомъ въ сердцѣ, носящемъ чистый помыслъ, исполненный умиленія,—и Богъ сохранитъ умъ твой отъ помысловъ нечистыхъ и скверныхъ, да не укорится о тебѣ путь Божій.

Постоянно упражняй себя въ размышленіи, читая божественныя Писанія, съ точнымъ ихъ разумѣніемъ,

1) Разумѣется, вѣроятно, старческой возрастъ, когда многіе виды искушеній недоступны или теряютъ свою обольстительность, и, слѣдовательно, не требуется преодоленія себя и проявленія свободы воли, чтобы имъ противиться.

чтобы, при праздности ума твоего, не осквернялось зрѣніе твое чужими сквернами непотребства ¹⁾).

Не рѣшайся искушать умъ свой непотребными помыслами или зрѣніемъ вводящихъ тебя въ искушеніе лицъ, даже когда думаешь, что не будешь преодолѣнъ симъ, потому что и мудрые такимъ образомъ омрачались, и впадали въ юродство. Не скрывай пламени въ пазухѣ своей, безъ сильныхъ скорбей плоти своей ²⁾).

Юности трудно безъ обученія ³⁾ отдаться подъ иго святыни. Начало помраченія ума (когда признакъ его начинаетъ открываться въ душѣ) прежде всего усматривается въ лѣности къ Божіей службѣ и къ молитвѣ. Ибо, если душа не отпадетъ сперва отъ этого, нѣтъ инаго пути къ душевному обольщенію; когда же лишается она Божіей помощи, удобно впадаетъ въ руки противниковъ своихъ. А также, какъ скоро душа дѣлается безпечною къ дѣламъ добродѣтели, непременно увлекается въ противное тому. Ибо переходъ съ какой бы то ни было стороны есть уже начало стороны противной. Добродѣланіе есть попеченіе о душевномъ, а не о суетномъ. Непрестанно открывай немощь свою предъ Богомъ, и не будешь искушаемъ чуждыми, какъ скоро останешься одинъ безъ Заступника своего.

Дѣятельность крестная двоякая; по двоякости естества и она раздѣляется на двѣ части. Одна, состоя въ претерпѣніи плотскихъ скорбей ⁴⁾, производимыхъ дѣйствованіемъ раздражительной части души, и есть, и называется, дѣятельность. А другая заключается въ тонкомъ дѣланіи ума, и въ Божественномъ размышленіи, а также и въ пребываніи на молитвѣ, и такъ далѣе; она совершается вожделѣвательною частію души, и называется созерцаніемъ. И одна, т. е. дѣятельность, очищаетъ, по силѣ ревности,

¹⁾ По древн. слав. пер. *чуждыми непотребными помыслами.*

²⁾ Притч. Солом. 6, 27: „Можетъ ли кто взять себѣ огонь въ пазуху, чтобы не прогорѣло платье его?“

³⁾ Въ духовныхъ подвигахъ.

⁴⁾ Тѣлесныхъ лишеній, неизбежныхъ въ борьбѣ со страстями.

страстную часть души, а вторая — дѣйственность душевной любви, т. е. естественное вожделѣніе, которое просвѣтляет умную часть души. Всякаго человѣка, который прежде совершеннаго обученія въ первой части, переходитъ къ сей второй, привлекаемый ея сладостію, не говорю уже—своею лѣностію, постигаетъ гнѣвъ¹⁾ за то, что не умертвилъ прежде *уды* свои, *яже на земли* (Кол. 3, 5), т. е. не уврачевалъ немощи помысловъ терпѣливымъ упражненіемъ въ дѣланіи крестнаго поношенія, но дерзнулъ въ умѣ своемъ возмечтать о славѣ крестной. Сіе-то и значитъ сказанное древними святыми, что, если умъ вознамѣрится взойти на крестъ прежде, нежели чувства его, исцѣлясь отъ немощи, прійдутъ въ безмолвіе, то постигаетъ Божій гнѣвъ. Сіе восхожденіе на крестъ, навлекающее гнѣвъ, бываетъ не въ первой части претерпѣнія скорбей, т. е. распятія плоти, но когда человѣкъ входитъ въ созерцаніе; а это есть вторая часть, слѣдующая за исцѣленіемъ души. У кого умъ оскверненъ постыдными страстями, и кто поспѣшаетъ наполнить умъ своей мечтательными помыслами, тому заграждаются уста наказаніемъ²⁾ за то, что, не очистивъ прежде ума скорбями и не покоривъ плотскихъ вожделѣній, но положившись на то, что слышало ухо, и что написано чернилами, устремился онъ прямо впередъ, итти путемъ, исполненнымъ мраковъ, когда самъ слѣпъ очами. Ибо и тѣ, у кого зрѣніе здраво, будучи исполнены свѣта и пріобрѣтя себѣ вождей благодати, день и ночь бываютъ въ опасности, между тѣмъ какъ очи у нихъ полны слезъ, и они въ молитвѣ и въ плачѣ продолжаютъ служеніе свое цѣлый день, даже и ночь, по причинѣ ужасовъ, ожидающихъ ихъ въ пути и встрѣчающихся имъ страшныхъ стремнинъ и образовъ истины, оказывающихся перемѣшанными съ обманчивыми призраками оной.

Говорятъ: „что отъ Бога, то приходитъ само собою, а ты и не почувствуешь“. Это правда, но только

¹⁾ Божій.

²⁾ Тотъ удерживается наказаніемъ.

если мѣсто чисто, а не осквернено. Если же нечиста зѣница душевнаго ока твоего, то не дерзай устремлять взоръ на солнечный шаръ, чтобы не утратить тебѣ и сего малаго луча, т. е. простой вѣры, и смиренія, и сердечнаго исповѣданія, и маныхъ powerfulныхъ тебѣ дѣлъ, и не быть извергнутымъ въ единую область духовныхъ существъ, которая есть тьма кромѣшная, то, что внѣ Бога и есть подобіе ада, какъ извергнуть былъ тотъ, кто не устыдился прійти на бракъ въ нечистыхъ одеждахъ.

Трудами и храненіемъ себя источается чистота помысловъ, а чистотою помысловъ—свѣтъ мышленія. Отсюда же по благодати умъ руководится къ тому, надъ чѣмъ чувства не имѣютъ власти, чему и не учать, и не научаются они.

Представь себѣ, что добродѣтель есть тѣло, созерцаніе—душа, а та и другое—одинъ совершенный человекъ, соединяемый духомъ изъ двухъ частей, изъ чувственнаго и разумнаго. И какъ невозможно, чтобы душа получила бытіе, и была рождена, безъ совершеннаго образованія тѣла съ его членами: такъ душѣ прійти въ созерцаніе второе, т. е. въ духъ откровенія,—въ созерцаніе, образуемое въ ложеснахъ, пріемлющихъ въ себя вещество духовнаго сѣмени, невозможно безъ совершенія дѣла добродѣтели; а это ¹⁾ есть обитель разсужденія, пріемлющаго откровенія.

Созерцаніе есть ощущеніе божественныхъ тайнъ, сокровенныхъ въ вещахъ и въ ихъ причинахъ. Когда слышишь объ удаленіи отъ міра, объ оставленіи міра, о чистотѣ отъ всего, что въ мірѣ, тогда нужно тебѣ сначала понять и узнать, по понятіямъ не простонароднымъ, но чисто-разумнымъ, что значитъ самое наименованіе: *міръ*, изъ какихъ различій составляется это имя, и ты въ состояніи будешь узнать о душѣ своей, сколько далека она отъ міра, и что примѣшано къ ней отъ міра.

Слово: *міръ*, есть имя собирательное, обнимающее собою такъ называемыя страсти. Если человекъ не

¹⁾ Добродѣланіе.

узналъ прежде, что такое міръ, то не достигнетъ онъ до познанія, какими членами далекъ отъ міра, и какими связанъ съ нимъ. Много есть такихъ, которые двумя или тремя членами отрѣшились отъ міра, и отказались отъ общенія ими съ міромъ, и подумали о себѣ, что стали они чуждыми міру въ житіи своемъ; потому что не уразумѣли и не усмотрѣли премудро, что двумя только членами умерли они міру, прочіе же ихъ члены въ тѣлѣ живутъ міру. Впрочемъ, не возмogli они сознать въ себѣ и страстей своихъ; и какъ не сознали ихъ, то не позаботились и объ ихъ уврачеваніи.

По умозрительному изслѣдованію міромъ называется и составъ собирательнаго имени, объемлющаго собою отдѣльно взятыя страсти. Когда вообще хотимъ наименовать страсти, называемъ ихъ міромъ; а когда хотимъ различать ихъ по различію наименованій ихъ, называемъ ихъ страстями. Страсти же суть части преемственнаго теченія міра; и гдѣ прекращаются страсти, тамъ міръ сталъ въ своей преемственности. И страсти суть слѣдующія: приверженность къ богатству, къ тому, чтобы собирать какія-либо вещи; тѣлесное наслажденіе, отъ котораго происходитъ страсть плотскаго вожделѣнія; желаніе чести, отъ котораго истекаетъ зависть; желаніе распоряжаться начальственно; надменіе благолѣпіемъ власти; желаніе наряжаться и нравиться; исканіе человѣческой славы, которая бываетъ причиною злопамятства; страхъ за тѣло. Гдѣ страсти сіи прекращаютъ свое теченіе, тамъ міръ умеръ; и въ какой мѣрѣ не достаетъ тамъ нѣкоторыхъ изъ сихъ частей, въ такой мѣрѣ міръ остается внѣ, не дѣйствуя тѣми частями состава своего, какъ и о святыхъ сказалъ нѣкто, что, будучи еще живы, стали они мертвы, потому что, живя во плоти, жили не по плоти. И ты смотри, какими изъ сихъ частей живешь; тогда узнаешь, какими частями ты живешь, и какими умеръ, міру. Когда познаешь, что такое міръ, тогда изъ различія всего этого познаешь и то, чѣмъ связанъ ты съ міромъ, и чѣмъ отрѣшился отъ него. И скажу короче: міръ есть

плотское житіе и мудрованіе плоти. По тому самому, что человекъ исхитилъ себя изъ этого, познается, что ишелъ онъ изъ міра. И отчужденіе отъ міра познается по симъ двумъ признакамъ: по превосходнѣйшему житію, и по отличію понятій самага ума. Изъ сего, наконецъ, возникаютъ въ мысли твоей понятія о вещахъ, въ которыхъ блуждаетъ мысль своими понятіями. По нимъ уразумѣешь мѣру житія своего: вожделѣваетъ ли чего естество безъ насилія себѣ, есть ли въ тебѣ какія прозябенія неистребляемыя, или какія, производимыя только случаемъ; пришелъ ли умъ въ сознаніе понятій совершенно нетѣлесныхъ, или весь онъ движется въ вещественномъ, и это вещественное страстно. Ибо печати овеществленія дѣлѣ, подъ какими умъ невольно представляется во всемъ, что ни совершаетъ, суть добродѣтели. Въ нихъ-то безъ немощи заимствуетъ для себя причину къ горячности и собранности помысловъ съ доброю цѣлію потрудиться тѣлесно, для упражненія сей горячности, если только дѣлается сіе нестрастно. И смотри, не изнемогаетъ ли умъ, встрѣчаясь съ сими печатями тайныхъ помысловъ, по причинѣ лучшаго пламенія по Богу, которымъ обыкновенно отсѣкаются суетныя памятованія ¹⁾).

Сихъ немногихъ признаковъ, показанныхъ въ главѣ сей, замѣнь многихъ книгъ достаточно будетъ къ тому, чтобы просвѣтить человека, если онъ безмолвствуетъ и живетъ въ отшельничествѣ. Страхъ за тѣло бываетъ въ людяхъ столько силенъ, что

¹⁾ Въ сирійскомъ текстѣ все это мѣсто (послѣ словъ: „движется въ вещественномъ“) читается такъ: „Это его матеріальное направленіе есть страстное состояніе, или впечатлѣніе внѣшней дѣятельности. Ибо умъ невольно представляетъ себѣ также тѣ вещи, посредствомъ которыхъ онъ совершаетъ добродѣтели, и ими въ немалой степени побуждается къ волненію и къ собранію мыслей. Ибо, даже если цѣль направлена къ добру, умъ можетъ еще, вслѣдствіе недостатка упражненія, быть дѣятельнымъ въ направленіи къ тѣлесному, хотя не страстнымъ образомъ и до тѣхъ поръ, пока ему тайное воздѣйствіе мысленныхъ образовъ не готовитъ скорби по причинѣ болѣе сильнаго пламенія благодаря Богу, которое обыкновенно отсѣкаетъ суетныя воспоминавія“.

вслѣдствіе онаго нерѣдко остаются они неспособными совершить что-либо достославное и досточестное. Но когда на страхъ за тѣло приникаетъ страхъ за душу, тогда страхъ тѣлесный изнемогаетъ предъ страхомъ душевнымъ, какъ воскъ отъ силы пожигающаго его огня. Богу же нашему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 3.

О томъ, что душа до познанія Божіей премудрости и Божіихъ тварей доходитъ безъ труда, если безмолвствуетъ вдали отъ міра и житейскихъ попеченій; ибо тогда можетъ познавать естество свое и тѣ сокровища, какія имѣетъ сокрытыми внутри себя.

Когда не вошли въ душу отвнѣ житейскія попеченія, но пребываетъ она въ естественномъ своемъ состояніи, тогда непродолжителенъ бываетъ трудъ ея, и доходитъ она до познанія Божіей премудрости; потому что удаленіе души отъ міра и безмолвіе ея естественно побуждаютъ ее къ познанію Божіихъ тварей, а отъ сего возносится она къ Богу, въ удивленіи изумѣваетъ, и пребываетъ съ Богомъ. Ибо, когда въ душевный источникъ не входятъ воды отвнѣ, тогда естественныя, источающіяся въ ней воды непрестанно порождаютъ въ душѣ помышленія о чудесахъ Божіихъ. А какъ скоро душа оказывается неимѣющею сихъ помышленій, это значитъ, или что подана къ тому нѣкая причина какими-либо чуждыми воспоминаніями, или что чувства отъ встрѣчи съ предметами произвели противъ нея мятежъ. Когда же чувства заключены безмолвіемъ, не позволяется имъ устремляться внѣ, и при помощи безмолвія устареваютъ памятованія; тогда увидишь, что такое—естественныя помыслы души, что такое—самое естество души, и какія сокровища имѣетъ она скрытыми въ себѣ. Сокровища же сіи составляетъ познаніе безплотныхъ, возникающее въ душѣ само собою, безъ предварительной мысли о немъ и безъ труда. Чело-

вѣкъ даже не знаетъ, что таковыя помыслы возникаютъ въ природѣ человѣческой. Ибо кто былъ ему учителемъ? или какъ постигъ онъ то, что, и будучи умопредставлено, не можетъ быть уяснено для другихъ? или кто былъ наставникомъ его въ томъ, чему нимало не учился онъ у другаго?

Такова-то природа души. Слѣдовательно, страсти суть нѣчто придаточное, и въ нихъ виновна сама душа. Ибо по природѣ душа безстрастна. Когда же слышишь въ Писаніи о страстяхъ душевныхъ и тѣлесныхъ, да будетъ тебѣ извѣстно, что говорится сіе по отношенію къ причинамъ страстей; ибо душа по природѣ безстрастна. Не принимаютъ сего держащіеся внѣшняго любомудрія, а подобно имъ—и ихъ послѣдователи. Напротивъ того, мы вѣруемъ такъ, что Богъ созданнаго по образу сотворилъ безстрастнымъ. Созданнымъ же по образу разумѣю по отношенію не къ тѣлу, но къ душѣ, которая невидима. Ибо всякій образъ снимается съ подлежащаго изображенія. Невозможно же представить кому-либо образъ, не выдавши прежде подобія. Посему должно увѣриться, что страсти, какъ сказали мы выше, не въ природѣ души. Если же кто противорѣчитъ сказанному, то мы предложимъ ему вопросъ, и пусть отвѣтствуетъ онъ намъ.

Вопросъ. Что такое естество души? Безстрастное ли нѣчто и исполненное свѣта, или страстное и омраченное?

Отвѣтъ. Если вѣкогда естество души было свѣтло и чисто, по причинѣ пріятія имъ въ себя блаженнаго свѣта, а подобно сему таковымъ же оказывается, когда возвращается въ первобытный чинъ, то несомнѣнно уже, что душа бываетъ внѣ своего естества, какъ скоро приходитъ въ страстное движеніе, какъ утверждаютъ и питомцы Церкви. Поэтому, страсти привзошли въ душу впоследствии, и несправедливо—говорить, будто бы страсти—въ естествѣ души, хотя она и приводится ими въ движеніе. Итакъ явно, что приводится она въ движеніе внѣшнимъ, не какъ своимъ собственнымъ. И если страсти называются

душевными ¹⁾, потому что душа приводится ими въ движеніе безъ участія тѣла, то и голодъ, и жажда, и сонъ будутъ душевными же, потому что и въ нихъ, а равно при отсѣченіи членовъ, въ горячкѣ, въ болѣзняхъ и подобномъ тому, душа страдаетъ и со-воздыхаетъ съ тѣломъ. Ибо душа соболѣзнуетъ тѣлу по общенію съ нимъ, какъ и тѣло соболѣзнуетъ душѣ; душа веселится при веселіи тѣла, приѣмлетъ въ себя и скорби его. Богу же нашему слава и держава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 4.

О ДУШѢ, О СТРАСТЯХЪ И О ЧИСТОТѢ УМА, ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ.

Вопросъ. Что такое—естественное состояніе души? что такое—состояніе противоестественное? что такое—состояніе сверхъестественное?

Отвѣтъ. Естественное состояніе души есть вѣдѣніе Божіихъ тварей, чувственныхъ и мысленныхъ. Сверхъестественное состояніе есть возбужденіе къ созерцанію пресущественнаго Божества. Противоестественное же состояніе есть движеніе души въ мятущихся страстями, какъ сказалъ божественный и великій Василій, что душа, когда оказывается сообразною съ естествомъ, пребываетъ горѣ, а когда оказывается внѣ своего естества, является долу на землѣ; когда же бываетъ горѣ, оказывается безстрастною; а когда естество низойдетъ отъ свойственнаго ему чина, тогда открываются въ немъ страсти. Итакъ явствуетъ, наконецъ, что страсти душевныя не суть душевныя по естеству. Если душа въ охуддаемыхъ тѣлесныхъ страстяхъ приходитъ въ такое же движеніе, какъ и въ голодѣ и въ жадѣ, то, поелику въ разсужденіи сихъ послѣднихъ не положено ей закона, не столько бываетъ она достойна порицанія, какъ въ прочихъ

¹⁾ Въ греческомъ читается: *ψυχικά* (естественными), но согласно съ древними славянскими рукописями лучше читать: *ψυχικά* (душевными).

страстяхъ, заслуживающихъ порицанія. Случается, что иногда иному бываетъ попущено Богомъ сдѣлать что-либо, повидимому, неумѣстное, и вмѣсто порицанія и укоризнъ воздается ему благимъ воздаяніемъ. Такъ было съ пророкомъ Осіею, который поялъ въ жены блудницу,—съ пророкомъ Иліею, который по ревности Божіей совершилъ убійство, и съ тѣми, которые, по повелѣнію Моисееву, мечемъ убили своихъ родителей. Впрочемъ говорится, что въ душѣ, и безъ тѣлеснаго естества, естественно есть похоть и раздражительность, и это суть страсти души.

Вопросъ. То ли сообразно съ естествомъ, когда вожделѣніе души воспламенено Божественнымъ, или когда обращено на земное и тѣлесное? И для чего душевное естество обнаруживаетъ ревность свою съ раздражительностію? И въ какомъ случаѣ раздраженіе называется естественнымъ? Тогда ли, какъ душа раздражается по какому-либо плотскому вожделѣнію, или по зависти, или по тщеславію, или по чему подобному, или когда раздражаетъ ее что-либо противное сему? Пусть отвѣчаетъ, у кого слово, и мы послѣдуемъ ему

Отвѣтъ. Божественное Писаніе многое говоритъ, и часто употребляетъ именованія не въ собственномъ смыслѣ. Иное свойственно тѣлу, но сказуется о душѣ. И наоборотъ, свойственное душѣ сказуется о тѣлѣ. И Писаніе не раздѣляетъ сего; но разумные понимаютъ это. Такъ и изъ свойственнаго Божеству Господа иное, не примѣнимое къ человѣческой природѣ, сказано въ Писаніи о всесвятomъ тѣлѣ Его; и наоборотъ, уничижительное, свойственное Ему по человечеству, сказано о Божествѣ Его И многіе, не понимая цѣли Божественнымъ словесъ, поползнулись въ этомъ, погрѣшивъ неисправимо. Такъ, въ Писаніи не различается строго свойственное душѣ и свойственное тѣлу. Посему, если добродѣтель естественнымъ образомъ есть здравіе души, то недугомъ души будутъ уже страсти, нѣчто случайное, прившедшее въ естество души, и выводящее ее изъ собственнаго здравія. А изъ сего явствуется, что здравіе предшествуетъ въ естествѣ случайному недугу Если же это

дѣйствительно такъ (что и справедливо), то значить уже, что добродѣтель есть естественное состояніе души, случайное же ¹⁾ внѣ естества души.

Вопросъ. Страсти тѣлесныя естественно ли, или случайно, приписываются тѣлу? И страсти душевныя, принадлежащія душѣ, по связи ея съ тѣломъ, естественно ли, или въ несобственномъ смыслѣ ей приписываются?

Отвѣтъ. О страстяхъ тѣлесныхъ никто не осмѣлится сказать, что принимаются въ несобственномъ смыслѣ. А о душевныхъ страстяхъ, какъ скоро дознано, и всѣми признается, что душѣ естествена чистота, должно смѣло сказать, что страсти нимало не естественны душѣ; потому что болѣзнь позднѣе здравія. А одному и тому же естеству невозможно быть вмѣстѣ и добрымъ и лукавымъ. Посему, необходимо одно предшествуетъ другому; естественно же то, чѣмъ предварено другое; потому что о всемъ случайномъ говорится, что оно не отъ естества, но привзошло отъ внѣ; и за всѣмъ случайнымъ и привзошедшимъ слѣдуетъ измѣненіе, естество же не переиначивается и не измѣняется.

Всякая страсть, служащая къ пользѣ, дарована отъ Бога. И страсти тѣлесныя вложены въ тѣло на пользу и возрастаніе ему; таковы же и страсти душевныя. Но когда тѣло, лишеніемъ свойственнаго ему, приуждено стать внѣ своего благосостоянія и послѣдовать душѣ, тогда оно изнемогаетъ и терпитъ вредъ. Когда и душа, оставивъ принадлежащее ей, послѣдуетъ тѣлу, тогда и она терпитъ вредъ, по слову божественнаго Апостола, который говоритъ: *плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть: сія же другъ другу противятся* (Гал. 5, 17) ²⁾. Посему, никто да не хулить Бога, будто бы Онъ въ естество наше вложилъ страсти и грѣхъ. Богъ въ каждое изъ естествъ вложилъ то, что служить къ его возрастанію. Но

¹⁾ По древн слав. пер. *страсти же внѣ естества души*

²⁾ Т. е. „плоть желаетъ противнаго духу, а духъ—противнаго плоти они другъ другу противятся“.

когда одно естество входитъ въ согласіе съ другимъ, тогда оно обрѣтается не въ томъ, что ему свое, но въ противоположномъ тому. А если бы страсти были въ душѣ естественно, то почему душа терпѣла бы отъ нихъ вредъ? Свойственное естеству не вредитъ ему.

Вопросъ. Почему тѣлесныя страсти, возвращающія и укрѣпляющія тѣло, вредятъ душѣ, если онѣ не свойственны ей? ¹⁾ И почему добродѣтель утѣсняетъ тѣло, а душу возвращаетъ?

Отвѣтъ. Не примѣчаешь ли, какъ то, что внѣ естества, вредитъ ему? Ибо каждое естество исполняется веселія, приблизившись къ тому, что ему свойственно. Но ты желаешь знать, что свойственно каждому изъ сихъ естествъ? Примѣчай: что вспомошествоуетъ естеству, то ему свойственно; а что вредитъ, то чуждо и привзошло отъ внѣ. Итакъ, поелику дознано, что страсти тѣла и души однѣ другимъ противоположны, то уже все, сколько-нибудь вспомошествоющее тѣлу и доставляющее ему отдохновеніе, свойственно ему ²⁾. Но когда сдружилась съ этимъ душа, нельзя сказать, что это ей естественно; ибо что свойственно естеству души, то—смерть для тѣла. Впрочемъ, въ несобственномъ смыслѣ, сказанное выше приписывается душѣ; и душа, по немощи тѣла, пока носить на себѣ оное, не можетъ отъ сего освободиться; потому что естественно вступила въ общеніе съ скорбнымъ для тѣла, по причинѣ того единенія, какое непостижимою Премудростію установлено между движеніемъ души и движеніемъ тѣла. Но хотя и въ такомъ они взаимномъ общеніи, однакоже отличны и движе-

¹⁾ По сирійскому тексту смыслъ такой „Почему удовлетвореніе страстей тѣла дастъ ему ростъ и крѣпость, тогда какъ удовлетвореніе страстей души вредитъ ей, хотя онѣ будто бы ей должны быть свойственны“?

²⁾ Слово: *свойственно ему* въ греческомъ изд. нѣтъ, дополнены же они изъ древней славянской рукописи. Въ сирійскомъ текстѣ это мѣсто читается такъ (послѣ слова „противоположны“): „то все, что тѣлу доставляетъ пользу и радость, должно разсматриваться какъ чуждое природѣ души и возложенное на нѣе только посредствомъ заимствованія, если она себѣ усваиваетъ это ибо то, что принадлежитъ природѣ души, смертоносно для тѣла“

ніе отъ движенія, и воля отъ воли, а также и тѣло отъ духа. Впрочемъ, естество не переиначивается; напротивъ того, каждое изъ естествъ, хотя и крайне уклоняется, въ грѣхъ ли то, или въ добродѣтель, однакоже приводится въ движеніе собственною своею волею. И когда душа возвысится надъ попеченіемъ о тѣлѣ, тогда вся всецѣло цвѣтетъ духомъ въ движеніяхъ своихъ, и среди неба носится въ непостижимомъ. Впрочемъ, и въ этомъ состояніи не воспрепятствуетъ тѣлу помнить свойственнаго ему. И также. если тѣло оказывается во грѣхахъ, душевныя помысленія не перестаютъ источаться въ умѣ.

Вопросъ. Что такое чистота ума?

Отвѣтъ. Чистъ умомъ не тотъ, кто не знаетъ зла (ибо такой будетъ скотоподобнымъ), не тотъ, кто по естеству находится въ состояніи младенческомъ, не тотъ, кто принимаетъ на себя видъ чистоты. Но вотъ чистота ума—просвѣтленіе Божественнымъ, по дѣятельномъ упражненіи въ добродѣтеляхъ. И не смѣемъ сказать, чтобы пріобрѣлъ сіе кто безъ искушенія помыслами, потому что иначе онъ былъ бы необлеченный тѣломъ. Ибо не отваживаемся говорить, чтобы наше естество до самой смерти не было боримо, и не терпѣло вреда. Искушеніемъ же помысловъ называю не то, чтобы подчиняться имъ, но чтобы положить начало борьбѣ съ ними.

Перечисленіе движеній помысловъ.

Движеніе помысловъ въ человѣкѣ бываетъ отъ четырехъ причинъ: во-первыхъ, отъ естественной плотской похоти; во-вторыхъ, отъ чувственнаго представленія мірскихъ предметовъ, о какихъ человѣкъ слышитъ, и какіе видитъ; въ-третьихъ, отъ предзанятыхъ понятій ¹⁾ и отъ душевной склонности, какія человѣкъ имѣетъ въ умѣ; въ-четвертыхъ, отъ прираженія бѣсовъ, которые воюютъ съ нами, вовлекая во всѣ страсти, по сказаннымъ прежде причинамъ. Поэтому,

¹⁾ Превжихъ впечатлѣній.

человѣкъ даже до смерти, пока онъ въ жизни этой плоти, не можетъ не имѣть помысловъ и брани. Ибо, разсуди самъ, возможно ли, чтобы прежде исшествія человѣка изъ міра, и прежде смерти, пришла въ бездѣйствіе которая-либо одна изъ сихъ четырехъ причинъ? или возможно ли тѣлу не домогаться необходимаго и не быть вынужденнымъ пожелать чего-либо мірскаго? Если же неумѣстно—представлять себѣ что-либо подобное, потому что естество имѣетъ нужду въ такихъ вещахъ: то значитъ уже, что страсти дѣйствуютъ во всякомъ, кто носитъ на себѣ тѣло, хочетъ ли онъ того, или не хочетъ. Поэтому, всякому человѣку, какъ носящему на себѣ тѣло, необходимо охранять себя не отъ одной какой-либо страсти, явно и непрестанно въ немъ дѣйствующей, и не отъ двухъ, но отъ многихъ страстей. Побѣдившіе въ себѣ страсти добродѣтелями, хотя и бываютъ тревожимы помыслами и прираженіемъ четырехъ оныхъ причинъ, однакоже не уступаютъ надъ собою побѣды, потому что имѣютъ силу, и умъ ихъ восторгается къ благимъ и Божественнымъ памятованіямъ.

Вопросъ. Чѣмъ разнствуется чистота ума отъ чистоты сердца?

Отвѣтъ. Иное есть чистота ума, а иное—чистота сердца. Ибо умъ есть одно изъ душевныхъ чувствъ, а сердце обнимаетъ въ себѣ и держитъ въ своей власти внутреннія чувства. Оно есть корень, а если корень святъ, то и вѣтви святы, т. е., если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются и всѣ чувства. Если умъ приложитъ стараніе къ чтенію Божественныхъ Писаній или потрудится нѣсколько въ постахъ, въ бдѣніяхъ, въ безмолвіяхъ, то забудетъ прежній свой образъ мыслей, и достигнетъ чистоты, какъ скоро удалится отъ сквернаго житія; однако же не будетъ имѣть постоянной чистоты; потому что какъ скоро онъ очищается, такъ же скоро и оскверняется. Сердце же достигаетъ чистоты многими скорбями, лишеніями, удаленіемъ отъ общенія со всѣмъ, что въ мірѣ мірскаго, и умерщвленіемъ себя для всего этого. Если же достигло оно чистоты,

то чистота его не сквернится чѣмъ либо малымъ, не боится великихъ, явныхъ браней, разумѣю брани страшныя; потому что приобрѣло себѣ крѣпкій желудокъ, который можетъ скоро переварить всякую пищу, несваримую въ людяхъ немощныхъ. Ибо врачи говорятъ, что всякая мясная пища неудобоварима, но много силы сообщаетъ тѣламъ здоровымъ, когда приметъ ее крѣпкій желудокъ. Такъ, всякая чистота, приобретенная скоро, въ короткое время и съ малымъ трудомъ, скоро теряется и оскверняется. Чистота же, достигнутая многими скорбями и приобретенная продолжительнымъ временемъ, не страшится какого-либо не превышающаго мѣру прираженія въ которой-либо изъ частей души, потому что укрѣпляетъ душу Богъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 5.

О ЧУВСТВАХЪ, А ВМѢСТѢ И ОБЪ ИСКУШЕНІЯХЪ.

Чувства цѣломудренныя и собранныя во едино поражаютъ въ душѣ миръ, и не попускаютъ ей входить ¹⁾ въ испытаніе вещей. А когда душа не приметъ въ себя ощущенія вещей, тогда побѣда совершается безъ борьбы. Если же человекъ вознерадитъ, и дозволитъ, чтобы имѣли къ нему доступъ прираженія ²⁾, то принужденъ тогда бываетъ выдерживать брань. Возмущается же и первоначальная чистота, которая бываетъ весьма проста и ровна. Ибо по сему нерадѣнію большая часть людей, или и цѣлый міръ, выходятъ изъ естественнаго и чистаго состоянія. Поэтому, живущіе въ мірѣ, въ тѣсныхъ связяхъ съ мірскими людьми, не могутъ очистить ума, по той причинѣ, что много познали зла. Немногіе же въ состояніи возвратиться къ первоначальной чистотѣ ума. Поэтому, всякому человеку надлежитъ съ осторож-

¹⁾ Увлекаться.

²⁾ Помысловъ.

ностію соблюдать всегда чувства свои и умъ отъ прираженій. Ибо много потребно трезвенности, неусыпности, предусмотрительности. Великая простота прекрасна.

Человѣческой природѣ, чтобы хранить предѣлы послушанія Богу, потребенъ страхъ. Любовь къ Богу возбуждаетъ въ человѣкѣ любовь къ дѣланію добродѣтелей, а чрезъ это стремится къ благодѣланію. Духовное вѣдѣніе естественно слѣдуетъ за дѣланіемъ добродѣтелей. Тому же и другому предшествуютъ страхъ и любовь. И опять, любви предшествуетъ страхъ. Всякій, кто не стыдится говорить, что можно пріобрѣсти послѣднія безъ дѣланія первыхъ ¹⁾, несомнѣнно полагаетъ первое основаніе гибели для души своей. Таковъ путь Господень, что послѣднія рождаются отъ первыхъ.

Любви къ брату своему не замѣняй любовью къ какой-либо вещи; потому что братъ твой тайно пріобрѣлъ внутрь себя Того, Кто всего драгоцѣннѣе. Оставь малое, чтобы обрѣсти великое. Презри излишнее и малоцѣнное, чтобъ обрѣсти многоцѣнное. Будь мертвъ въ жизни своей, чтобы жить по смерти. Предай себя на то, чтобы умирать въ подвигахъ, а не жить въ нерадѣніи. Ибо не тѣ только мученики, которые пріяли смерть за вѣру во Христа, но и тѣ, которые умираютъ за соблюденіе заповѣдей Христовыхъ. Не будь несмысленъ въ прошеніяхъ своихъ, чтобы не оскорбить тебѣ Бога неразуміемъ. Будь мудръ въ своихъ молитвахъ, чтобы сподобиться тебѣ славы. Проси досточестнаго у Дающаго безъ зависти, чтобы за мудрое свое хотѣніе пріять отъ Него и почесть. Премудрости просилъ себѣ Соломонъ, и поелику у великаго Царя просилъ премудраго, то съ премудростію пріялъ и царство земное. Елисей просилъ въ сугубой мѣрѣ той благодати Духа, какую имѣлъ учитель, и прошеніе его не осталось неисполненнымъ. Ибо кто у царя домогается маловажнаго, тотъ уничижаетъ его честь. Израиль просилъ маловажнаго,

¹⁾ Т. е. вѣдѣніе и дѣланіе добродѣтелей безъ любви и страха.

и постигъ его гнѣвъ Божій. Оставилъ онъ то, чтобы въ дѣлахъ Божіихъ дивиться страшнымъ чудесамъ Божіимъ, и домогался удовлетворить похотѣніямъ чрева своего. Но *еще брашну сушу во устѣхъ ихъ, и гнѣвъ Божій взыде на ня* (Псал. 77, 30. 31). Приноси Богу прошенія свои сообразно съ Его славою, чтобы возвеличилось предъ Нимъ достоинство твое, и возрадовался Онъ о тебѣ. Если кто попроситъ у царя немного навоза, то не только самъ себя обезчеститъ маловажностію своей просьбы, какъ показавшій тѣмъ великое неразуміе, но и царю своею просьбою нанесетъ оскорбленіе. Такъ поступаетъ и тотъ, кто въ молитвахъ своихъ у Бога проситъ земныхъ благъ. Ибо вотъ Ангелы и Архангелы—сіи вельможи Царя, во время молитвы твоей, взираютъ на тебя, съ какимъ прошеніемъ обратишься къ Владыкѣ ихъ; и изумляются и радуются, когда видятъ, что ты—земный оставилъ плоть свою, и просишь небеснаго; и, напротивъ того, огорчаются, смотря на того, кто оставилъ небесное, и проситъ своего гноя.

Не проси у Бога того, что самъ Онъ безъ прошенія даетъ намъ по Своему промысленію, и даетъ не только Своимъ и возлюбленнымъ, но и тѣмъ, которые чужды вѣдѣнія о Немъ. Ибо сказано: *не будьте, якоже язычницы, лишше глаголющими въ молитвахъ своихъ* (Матѣ. 6, 7). Это есть тѣлесное, и *сихъ языцы ищутъ*, сказалъ Господь. *Вы же не пецѣтесе, что ясте, или что плете, или во что облечетесе. Вѣсть бо Отецъ вашъ, что имѣете въ этомъ нужду* (Матѣ. 6, 25. 32). Сынъ у отца своего не проситъ уже хлѣба, но домогается наибольшаго и высшаго въ дому отца своего. Ибо по немощи только ума человѣческаго Господь заповѣдалъ просить повседневно хлѣба. Но смотри, что заповѣдано тѣмъ, которые совершенны вѣдѣніемъ и здравы душею. Имъ сказано: *не пекитесь о пищѣ или одеждѣ; потому что, если Богъ печетсе о бесловесныхъ животныхъ, о птицахъ и о тваряхъ неодушевленныхъ, то кольми паче попечетсе о насъ: ищите же паче царствія Божья и правды его, и сѣ вся приложатся вамъ* (Матѣ. 6, 33).

Если просишь чего у Бога, и Онъ медлитъ услышать тебя вскорѣ, не печалься, потому что ты не премудрѣе Бога. Бываетъ же сіе съ тобою или потому, что недостойнъ ты получить просимое; или потому, что пути сердца твоего не соотвѣтственны, но противны, прошеніямъ твоимъ; или потому, что не пришелъ ты еще въ мѣру, чтобы пріять дарованіе, котораго просишь. Ибо не должно намъ прежде времени касаться великихъ мѣръ, чтобы дарованіе Божіе, отъ скорости пріятія онаго, не сдѣлалось бесполезнымъ; потому что легко полученное скоро и утрачивается; все же, пріобрѣтенное съ болѣзнію сердечною, и хранится съ осторожностію.

Терпи жажду ради Христа, да упоить тебя Своею любовію. Смежи очи свои для житейскихъ пріятностей, да сподобитъ тебя Богъ, чтобы миръ Его царствовалъ въ сердцѣ твоёмъ. Воздерживайся отъ того, что видятъ очи твои, да сподобишься духовной радости. Если неугодны будутъ Богу дѣла твои, не домогайся у Него прославленія, чтобы не уподобиться человѣку, искушающему Бога. Сообразна съ житіемъ твоимъ должна быть и молитва твоя. Ибо тому, кто привязанъ къ земному, невозможно домогаться небеснаго, и тому, кто занятъ мірскимъ, нѣтъ возможности просить Божественнаго; потому что пожеланіе каждаго человѣка показывается дѣлами его; въ чемъ показываетъ онъ свое раченіе, о томъ подвизается въ молитвѣ. Кто желаетъ великаго, тотъ не бываетъ занятъ маловажнымъ.

Будь свободенъ, хотя и связанъ ты тѣломъ, и ради Христа докажи свободу своего послушанія. Будь и благоразсудителенъ въ простотѣ твоей, чтобы не быть тебѣ окраденнымъ. Возлюби смиреніе во всѣхъ дѣлахъ своихъ, чтобы избавиться отъ непримѣтныхъ сѣтей, какія всегда находятся внѣ пути смиренномудренныхъ. Не отвращайся отъ скорбей, потому что ими входишь въ познаніе истины; и не устрашайся искушеній, потому что чрезъ нихъ обрѣтаешь досто-честное. Молись, чтобы не впадать въ искушенія душевныя, а къ искушеніямъ тѣлеснымъ пріуготовляйся

со всею крѣпостію своею. Ибо внѣ ихъ не возможешь приблизиться къ Богу; потому что среди нихъ уготованъ Божественный покой. Кто бѣжитъ отъ искушеній, тотъ бѣжитъ отъ добродѣтели. Разумѣю же искушеніе не похотями, но скорбями.

Вопросъ. Какъ согласуется между собою сказанное: *молитесь, да не увидите въ напасть* (Матѣ. 26, 41), а въ другомъ мѣстѣ: *подвизайтесь внити сквозь тѣсная врата* (Лук. 13, 24); и еще: *не убойтесь отъ убивающихъ тѣло* (Матѣ. 10, 28); и: *уже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю* (39)? Почему Господь вездѣ побуждаетъ насъ къ перенесенію искушеній, а здѣсь повелѣлъ: *молитесь, да не увидите въ нихъ*? Ибо какая добродѣтель бываетъ безъ скорби и искушенія? Или какое искушеніе больше сего—погубить человѣку себя самого? Однакоже Господь повелѣлъ подвергаться сему искушенію ради Его. Ибо говоритъ: *уже не приметъ креста своего, и вслѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (Матѣ. 10, 38). Почему же, во всемъ Своемъ ученіи, повелѣвая подвергаться искушеніямъ, здѣсь заповѣдалъ молиться о томъ, чтобы не внити? Ибо сказано: *многими скорбьми подобаетъ намъ внити въ царствіе небесное* (Дѣян. 14, 22); и: *въ мѣръ скорбни будете* (Іоан. 16, 33); и: *въ терпѣніи сихъ стяжите души ваша* (Лук. 21, 19).

О, какой тонкости ума требуетъ путь ученій Твоихъ, Господи! Всегда будетъ внѣ его тотъ, кто не читаетъ смысленно и съ вѣдѣніемъ. Когда сыны Зеведеовы и мать ихъ пожелали сѣдѣнія съ Тобою въ царствіи, сказалъ Ты имъ слѣдующее: *можете ли пити чашу, юже Азъ имамъ пити, или крещеніемъ, иже Азъ крещаяся, креститися* (Матѣ. 20, 22)? Почему же здѣсь повелѣваешь намъ, Владыко, молиться о томъ, чтобы не внити въ напасть? О какихъ искушеніяхъ повелѣваешь намъ молиться, чтобы не внити въ нихъ?

Отвѣтъ. Сказано: молись, чтобы не внити въ искушенія касательно вѣры. Молись, чтобы вмѣстѣ съ демономъ хулы и гордыни не внити въ искушенія самомиѣніемъ ума твоего. Молись, чтобы, по Божію по-

пущенію, *не вни*ти тебѣ въ явное діавольское искушеніе, по причинѣ худыхъ мыслей, какія помыслилъ ты умомъ своимъ, и за которыя попускается на тебя искушеніе. Молись, чтобы не отступилъ отъ тебя ~~ан~~гелъ цѣломудрія твоего, чтобы грѣхъ не воздвигъ на тебя пламенѣющей брани, и не разлучилъ тебя съ нимъ. Молись, чтобы *не вни*ти въ искушеніе—раздражать одного противъ другаго, или въ искушеніе двоедушія и сомнѣнія, которыми душа вводится въ великое бореііе. А искушенія тѣлесныя приуготовляйся принимать отъ всей души, и прешывай ¹⁾ ихъ всѣми своими членами; и очи свои наполняй слезами, чтобы не отступилъ отъ тебя хранитель ²⁾ твой. Ибо въ искушеніи не усматривается Промыслъ Божій, невозможно приобрести дерзновенія предъ Богомъ, невозможно научиться премудрости Духа, и въ также возможности, чтобы Божественная любовь утвердилась въ душѣ твоей. Прежде искушеній человекъ молится Богу, какъ чужой кто. Когда же входитъ въ искушенія по любви къ Богу, и не допускаетъ въ себя измѣненія ³⁾, тогда поставляется предъ Богомъ, какъ бы имѣющій Его должникомъ своимъ, и какъ искренній другъ; потому что, во исполненіе воли Божіей, велъ брань съ врагомъ Божіимъ, и побѣдилъ его. Вотъ что значитъ сказанное: *молитесь, да не внидете въ напасть*. И еще: молись, чтобы въ страшное діавольское искушеніе *не вни*ти тебѣ за кичливость твою; но за любовь твою къ Богу да содѣйствуетъ тебѣ сила Божія, и тобою побѣдитъ враговъ своихъ. Молись, чтобы въ искушенія сіи *не вни*ти тебѣ за дерзность помысловъ и дѣлъ твоихъ; но да искушается любовь твоя къ Богу, и прославится сила Его въ терпѣніи твоёмъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

1) Въ сирійскомъ текстѣ: „купайся въ нихъ“.

2) Ангелъ.

3) Пребудетъ непоколебимъ.

С Л О В О 6.

О милосерди Владыки, по которому съ высоты величя Своего снизошелъ къ немощи человѣческой, и объ искушеніяхъ.

И еще Господь нашъ, промысля сообразно съ Своею милостію и по мѣрѣ благодати Своей, если вникнешь смысленно, повелѣлъ молиться и о тѣлесныхъ искушеніяхъ. Ибо, зная, что естество наше, по причинѣ перстнаго и брэннаго тѣла, немощно, и не въ состояніи противостать искушеніямъ, когда бываетъ въ нихъ, и потому отпадаетъ отъ истины, обращается вспять и одолевается скорбями, повелѣлъ молиться, чтобы не впадать намъ въ искушенія внезапно, если и безъ нихъ возможно благоугодить Богу. А если человѣкъ, стремясь къ высокой добродѣтели, внезапно впадетъ въ страшныя искушенія, и не выдержитъ, то не можетъ онъ въ это время дойти до совершенства въ добродѣтели.

Не надлежитъ намъ имѣть лицепріятія ни къ себѣ самимъ, ни къ другимъ, изъ страха оставлять дѣло благородное и честное, въ которомъ сокрыта жизнь души, и выставлять предлоги и ученія, потворствующія слабости, на примѣръ сіе: *молитесь, да не увидите въ напасть*. Ибо о такихъ сказано, что они подъ предлогомъ заповѣди грѣшатъ втайнѣ. Посему, если приключится человѣку, и постигнетъ его искушеніе, и понуждаемъ онъ будетъ нарушить одну изъ сихъ заповѣдей, т. е. оставить цѣломудріе или иноческое житіе, или отречься отъ вѣры, или не подвижаться за Христа, или оставить безъ исполненія одну изъ заповѣдей, то, ежели онъ убоится и не противостанетъ искушеніямъ мужественно, — отпадетъ отъ истины.

Поэтому всѣми силами будемъ пренебрегать тѣломъ, предадимъ душу Богу, и о имени Господнемъ вступимъ въ борьбу съ искушеніями. И Кто спасъ Іосифа въ землѣ египетской и показалъ въ немъ подобіе и образецъ цѣломудрія, Кто сохранилъ невре-

димыми Даниїла во рвѣ львиномъ и трехъ юношей въ печи огненной, Кто избавилъ Іеремію изъ рва тиннаго, и даровалъ ему милость въ станѣ халдейскомъ, Кто Петра извелъ изъ узилища при затворенныхъ дверяхъ, и Павла спасъ отъ сонмища іудейскаго, короче сказать, Кто всегда на всякомъ мѣстѣ, во всякой странѣ соприсущъ рабамъ Своимъ, и являетъ въ нихъ силу и побѣду Свою, соблюдаетъ ихъ во многихъ необычайныхъ обстоятельствахъ, показываетъ имъ спасеніе Свое во всѣхъ скорбяхъ ихъ, Тотъ и насъ да укрѣпитъ и да спасетъ среди окружающихъ насъ волнъ! Аминь.

Да будетъ въ душахъ нашихъ столько же ревности противъ діавола и его приставниковъ, сколько имѣли Маккавеи, и святые Пророки, и Апостолы, и Мученики, и Преподобные, и Праведные, которые установили Божественные законы и заповѣди Духа въ мѣстахъ страшныхъ, при искушеніяхъ самыхъ трудныхъ, и міръ и тѣло повергли позади себя, и устояли въ правдѣ своей, не уступивъ надъ собою побѣды опасностямъ, которыя вмѣстѣ съ ихъ душами окружали и тѣла, но побѣдивъ ихъ мужественно. Имена ихъ написаны въ книгѣ жизни даже до пришествія Христова, и ученіе ихъ, по Божію повелѣнію, соблюдается для нашего наставленія и укрѣпленія, какъ свидѣтельствуется Апостолъ (Рим. 15, 4), чтобы мы стали мудрыми, и познали пути Божіи, и имѣли у себя предъ очами сказанія о нихъ и житія ихъ, какъ одушевленные и живые образы, ихъ брали себѣ за образецъ, шествовали ихъ путемъ, и имъ уподоблялись. О, какъ сладостны Божественныя словеса душѣ благосмысленной! Они тоже для души, что для тѣла пища, подкрѣпляющая его. Сказанія же о праведныхъ столь же вождельны слуху кроткихъ, сколь и постоянное орошеніе недавно посаженному растенію.

Итакъ, возлюбленный, какъ доброе нѣкое врачество для слабыхъ глазъ, содержи въ умѣ Промыслъ Божій, которымъ охраняется все отъ начала и донынѣ; памятованіе о семъ храни въ себѣ на всякій часъ, о семъ размышляй и заботься, изъ сего извле-

кай для себя наставленія, чтобы навькнутъ тебѣ хранить въ душѣ своей памятованіе о величіи чести Божіей, и тѣмъ обрѣсти душѣ своей вѣчную жизнь во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Который, какъ Богъ и человѣкъ, содѣлался Ходатаемъ Бога и человѣковъ. Къ славѣ, окружающей престолъ чести Его, не могутъ приближаться чины Ангельскіе; но ради насъ явился Онъ въ уничиженномъ и смиренномъ образѣ, какъ говоритъ Исаія: *видѣхомъ Его, и не имяше вида, ни доброты* (Ис. 53, 2). Тотъ, Кто по естеству невидимъ всей твари, облекся въ тѣло, и совершилъ домостроительство для спасенія и жизни всѣхъ народовъ, въ Немъ обрѣтшихъ очищеніе. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 7.

О ГРѢХАХЪ ПРОИЗВОЛЬНЫХЪ, НЕПРОИЗВОЛЬНЫХЪ И СОВЕРШАЕМЫХЪ ПО КАКОМУ-НИБУДЬ СЛУЧАЮ.

Есть грѣхъ, совершаемый по немощи, въ который человѣкъ увлекается непроизвольно; и есть грѣхъ, совершаемый произвольно, и по невѣдѣнію. Бываетъ также, что иной сдѣлаетъ грѣхъ по какому-нибудь случаю, и еще—по закоснѣнію и навыку во злѣ. Вотъ всѣ роды и виды грѣховъ; и хотя всѣ они достойны порицанія, однакоже, по сравненіи положенныхъ за грѣхи наказаній, оказывается, что одинъ больше другаго. На инаго падаетъ наибольшее осужденіе, и съ трудомъ пріемлется отъ него покаяніе, а грѣхъ инаго близокъ къ прощенію. И какъ Адамъ, Ева и змій, хотя всѣ пріяли отъ Бога воздаяніе за грѣхъ, однакоже весьма въ различной мѣрѣ подверглись проклятію, такъ бываетъ и съ сынами ихъ: каждому тяжесть наказанія соразмѣряется съ намѣреніемъ его и пристрастіемъ ко грѣху. Если кто, не имѣя желанія служить грѣху, по нерадѣнію о добродѣтели увлекается въ грѣхъ, потому что не упражнялся въ добродѣтели, то тяжело такому пребывать во грѣхѣ; да и нака-

заніе его тяжело. А если случится, что иной радѣющій о добродѣтели искушенъ будетъ какимъ-либо прегрѣшеніемъ, то, безъ сомнѣнія, близка къ нему милость, чтобы очистить его грѣхъ.

Инаковъ есть грѣхъ, совершаемый, когда человѣкъ оказывается радѣющимъ о добродѣтели и постояннымъ въ дѣланіи, такъ что и ночью не спитъ, заботясь, чтобы не потерпѣть ущерба въ томъ, о чемъ у него попеченіе, и днемъ всюду носить съ собою бремя свое, и вся забота его о добродѣтели, но при сихъ и подобныхъ симъ попеченіяхъ, или по невѣдѣнію какому, или отъ какихъ-либо препятствій на пути его, т. е. на пути добродѣтели, и отъ волнъ, во всякое время воздымающихся въ членахъ его, или вслѣдствіе уклоненія, попущеннаго ему для испытанія его свободы, вѣсовая чаша у него склоняется нѣсколько влево, и тѣлесною немощію увлекается онъ въ одинъ изъ видовъ грѣха; и при этомъ скорбитъ, тужитъ, болѣзненно воздыхаетъ онъ о душѣ своей, по причинѣ бѣдствія, приключившагося ему отъ сопротивныхъ.

Инаковъ же грѣхъ, когда человѣкъ оказывается слабымъ и нерадивымъ въ дѣланіи добродѣтели, совершенно оставилъ путь ея, рабски стремится въ послушаніе всякому грѣховному наслажденію, оказываетъ рвеніе изыскивать средства къ полнѣйшему наслажденію, подобно какому-нибудь рабу, готовъ со тщаніемъ выполнить волю врага своего и члены свои уготовить въ оружіе діаволу со всякимъ ему послушаніемъ, нимало не намѣренъ подумать о покаяніи, приблизиться къ добродѣтели, пресѣчь зло и положить конецъ пагубному пути своему.

Инаковъ грѣхъ отъ поползновеній и паденій, какія могутъ приключиться на пути добродѣтели и на стезѣ правды. Ибо, по словамъ Отцевъ, на пути добродѣтели и на стезѣ правды встрѣчаются паденія, препятствія, принужденія и тому подобное.

Иное же дѣло—паденіе души, всецѣлая ея гибель, совершенное оставленіе. Кто явно принадлежитъ къ числу таковыхъ, тотъ, когда падетъ, да не забываетъ

любви Отца своего; но, если приключится ему впасть и въ многоразличныя прегрѣшенія, да не перестаетъ радѣть о добрѣ, да не останавливается въ своемъ теченіи; но и побѣждаемый снова да возстаетъ на борьбу съ своими сопротивниками, и ежедневно да начинаетъ полагать основаніе разрушенному зданію, до самаго исхода своего изъ міра сего имѣя во устахъ пророческое слово: *не радуйся о мнѣ, противникъ мой, яко падохъ; ибо снова востану. Аще сяду во тмѣ, Господь озаритъ мя* (Мих. 7, 8); и нимало да не прекращаетъ брани до самой смерти, пока есть въ немъ дыханіе, да не предастъ души своей на одолѣніе, даже и во время самаго пораженія. Но если и каждый день разбивается ладія его, и терпитъ крушеніе весь грузъ, да не перестаетъ заботиться, запасаться, даже брать займы, переходить на другіе корабли и плыть съ упованіемъ, пока Господь, прирѣвѣвъ на подвигъ его и умилосердившись надъ сокрушеніемъ его, не ниспошлетъ ему милость Свою, и не дастъ ему сильныхъ побужденій ¹⁾ встрѣтить и вытерпѣть разжженныя стрѣлы врага. Такова премудрость, подаваемая отъ Бога; таковъ мудрый больной, не теряющій надежды своей. Лучше быть намъ осужденными за нѣкоторыя дѣла, а не за оставленіе всего. Посему-то авва Мартиніанъ увѣщаетъ не изнемогать отъ множества подвиговъ, отъ многоразличныхъ и частыхъ браней на пути правды, не возвращаться вспять и не уступать врагу побѣды надъ собою какимъ-либо постыднымъ для насъ образомъ. Ибо, какъ нѣкій чадолюбивый отецъ, въ чинномъ и стройномъ порядкѣ, говоритъ онъ слѣдующее:

Совѣтъ преподобнаго Мартиніана.

„Если вы, чада, дѣйствительно подвижники, стремящіеся къ добродѣтели, и есть въ васъ душевное раченіе, то возжелайте умъ вашъ представить Христу чистымъ, и дѣлать дѣла Ему благоугодныя. Ибо непремѣнно должно вамъ выдержать за сіе всякую брань,

¹⁾ Крѣпости силъ.

воздвигаемую естественными страстями, влеченіемъ міра сего, постоянною и непрекращающеюся злобою демоновъ, съ какою обыкновенно нападаютъ на васъ, и со всѣми ихъ злоухищреніями. Не бойтесь, что жестокость брани непрерывна и продолжительна; не приходите въ колебаніе отъ долговременности борьбы; не ослабѣвайте и не трепещите отъ вражескихъ ополченій; не впадайте въ бездну безнадежности, если, можетъ быть, и приключится вамъ на время поползнуться и согрѣшить. Но если и потерпите что-нибудь въ сей великой брани, будете поражены въ лице и уязвлены, сіе нимало да не воспрепятствуетъ вамъ стремиться къ доброй вашей цѣли. Паче же пребывайте въ избранномъ вами дѣланіи; и достигайте сего вожделѣннаго и похвальнаго качества, т. е., чтобъ оказаться въ брани твердыми, непобѣжденными, обогренными кровію язвъ своихъ, и никоимъ образомъ не прекращайте борьбы съ своими сопротивниками“.

Таковы поученія великаго старца. Не надобно вамъ ослабѣвать или изнемогать по причинѣ сказаннаго выше ¹⁾. Горе же тому монаху, который лжетъ обѣту своему, и, попирая совѣсть свою, подаетъ руку діаволу, чтобы тотъ воздвигся противъ него въ видѣ какого-либо малаго или великаго грѣха, и который не можетъ снова стать предъ лицомъ враговъ своихъ сокрушенною частію души своей. Съ какимъ лицомъ предстанетъ онъ Судіи, когда, достигнувъ чистоты, друзья его срѣтять другъ друга,—тѣ самые, съ которыми разлучившись въ пути своемъ, пошелъ онъ стезею погибели, утратилъ и то дерзновеніе, какое имѣютъ предъ Богомъ преподобные, и ту молитву, которая исходитъ изъ чистаго сердца, возносится горѣ превыше ангельскихъ силъ, и ничѣмъ не возбраняется, пока не получитъ просимаго въ ней, и съ радостію не возвратится въ возсылавшія ее уста? И страшнѣе всего то, что, какъ здѣсь онъ разлучился съ ними въ пути своемъ, такъ и его разлучитъ съ ними Христосъ въ тотъ день, когда свѣтлый облакъ

¹⁾ Ради различныхъ брапей.

понесетъ на хребтѣ своемъ тѣла, сіяющія чистотою, и поставитъ во вратахъ небесныхъ. Ибо по тому самому, что здѣсь уже осуждены дѣла ихъ, *не воскреснутъ нечестивіи на судъ, ниже грѣшницы въ советъ праведныхъ*, въ воскресеніе суда (Пс. 1, 5).

С Л О В О 8.

О ХРАНЕНИИ И БЛЮДЕНИИ СЕБЯ ОТЪ ЛЮДЕЙ РАЗСЛАБЛЕННЫХЪ И НЕРАДИВЫХЪ; О ТОМЪ, ЧТО ОТЪ СБЛИЖЕНІЯ СЪ НИМИ ВОЦАРЯЕТСЯ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ НЕРАДѢНІЕ И РАЗСЛАБЛЕНІЕ, И ОНЪ ИСПОЛНЯЕТСЯ ВСЯКОЙ НЕЧИСТОЙ СТРАСТИ, — И О ХРАНЕНИИ СЕБЯ ОТЪ БЛИЗОСТИ СЪ ЮНЫМИ, ЧТОБЫ УМЪ НЕ ОСКВЕРНИЛСЯ НЕПОТРЕБНЫМИ ПОМЫСЛАМИ.

Кто возбраняетъ устамъ своимъ клеветать, тотъ хранитъ сердце свое отъ страстей. А кто хранитъ сердце свое отъ страстей, тотъ ежечасно зритъ Господа. У кого помышленіе всегда о Богѣ, тотъ прогоняетъ отъ себя демоновъ, и искореняетъ сѣмя ихъ злобы. Кто ежечасно назираетъ за своею душою, у того сердце возвеселяется откровеніями. Кто зрѣніе ума своего сосредоточиваетъ внутри себя самого, тотъ зритъ въ себѣ зарю Духа. Кто возгнушался всякимъ пареніемъ ума, тотъ зритъ Владыку своего внутри сердца своего. Если любишь чистоту, при которой можетъ быть зримъ Владыка всяческихъ, то ни на кого не клевети и не слушай того, кто клевететъ на брата своего. Если другіе препираются при тебѣ, замкни уши, и бѣги оттуда, чтобы не услышать тебѣ выраженій гнѣвныхъ, и не умерла душа твоя, лишившись жизни. Сердце раздраженное не вмѣщаетъ въ себѣ тайнъ Божіихъ; а кроткій и смиренномудрый есть источникъ тайнъ новаго вѣка.

Вотъ, если будешь чистъ, то внутри тебя небо, и въ себѣ самомъ узришь ангеловъ и свѣтъ ихъ, а съ ними и въ нихъ и Владыку ангеловъ. Кого хвалятъ справедливо, тотъ не терпитъ вреда. Но если

усладительна для него похвала, то безмездный онъ дѣлатель. Сокровище смиренномудраго внутри его, и это—Господь. Наблюдающій за языкомъ своимъ во вѣкъ не будетъ имъ окраденъ. Уста молчаливыя истолковываютъ тайны Божіи; а скорый на слова удаляется отъ Создателя своего. Душа добраго сіяетъ паче солнца, и ежечасно возвеселяется видѣніемъ Божественныхъ откровеній. Кто послѣдуетъ любящему Бога, тотъ обогатится тайнами Божіими; а кто послѣдуетъ неправедному и горделивому, тотъ удалится отъ Бога, и возненавидѣнъ будетъ друзьями своими. Молчаливый языкомъ во всей наружности своей пріобрѣтаетъ смиренномудрую чинность, и онъ безъ труда возобладаетъ надъ страстями. Страсти искореняются и обращаются въ бѣгство непрерывнымъ погруженіемъ мысли въ Богъ. Это—мечъ, умерщвляющій ихъ. Какъ при безмолвной тишинѣ чувственнаго моря носится и плаваетъ дельфинъ, такъ и при безмолвіи и утишеніи раздражительности и гнѣва въ морѣ сердечномъ, во всякое время, къ веселію сердца, носятся въ немъ тайны и Божественныя откровенія.

Кто желаетъ видѣть Господа внутри себя, тотъ прилагаетъ усиліе очищать сердце свое непрерывнымъ памятованіемъ о Богѣ; и, такимъ образомъ, при свѣтлости очей ума своего, ежечасно будетъ онъ зрѣть Господа. Что бываетъ съ рыбою, вышедшею изъ воды, то бываетъ и съ умомъ, который выступилъ изъ памятованія о Богѣ, и паритъ въ памятованіи о мірѣ. Сколько человѣкъ удаляется отъ собесѣдованія съ людьми, столько же удостоивается дерзновеннаго умомъ своимъ бесѣдованія съ Богомъ, и въ какой мѣрѣ отсвѣкаетъ отъ себя утѣшеніе міра сего, въ такой удостоивается радости Божіей о Духѣ Святомъ. И какъ гибнутъ рыбы отъ недостатка воды, такъ умныя движенія, возникающія отъ Бога, исчезаютъ въ сердцѣ инока, который часто обращается и проводитъ время съ людьми мірскими.

Мірянинъ, бѣдствующій и злостраждущій въ дѣлахъ мірскихъ и житейскихъ, лучше злостраждущаго и въ мірскихъ дѣлахъ проводящаго время инока. Кто съ

пламенною ревностію днемъ и ночью ищетъ Бога въ сердцѣ своемъ, и искореняетъ въ немъ прираженія, бывающія отъ врага, тотъ страшенъ демонамъ и вождельнень Богу и ангеламъ Его. У чистаго душею мысленная область внутри его; сіяющее въ немъ солнце — свѣтъ Святыя Троицы; воздухъ, которымъ дышатъ обитатели области сея, — Утѣшительный и Всесвятый Духъ; совозсѣдающіе съ нимъ—святыя и безплотныя природы; а жизнь, и радость, и веселіе ихъ—Христось, свѣтъ отъ свѣта — Отца. Таковой и видѣніемъ души своей ежечасно увеселяется, и дивится красотѣ своей, которая дѣйствительно во сто кратъ блистательнѣе свѣтлости солнечной. Это—Іерусалимъ и царство Божіе, внутри насъ сокровенное, по Господнему слову (Лук. 17, 21). Область сія есть облако Божіей славы, въ которое только чистые сердцемъ внидутъ узрѣть лице своего Владыки, и озарить умы свои лучами Владычняго свѣта.

А кто раздражителень, кто гнѣвливъ, кто славолюбивъ, кто любостяжателень, кто чревоугодникъ, кто обращается съ мірянами, кто хочетъ, чтобы исполняема была собственная его воля, кто вспыльчивъ и исполненъ страстей,— всѣ таковыя пребываютъ въ такомъ же смятеніи, какъ сражающіеся ночью, и осязаютъ тьму, находясь внѣ области жизни и свѣта. Ибо область сія составляетъ удѣлъ добрыхъ, смиренно-мудрыхъ, содѣлавшихъ сердца свои чистыми. Человѣкъ не можетъ узрѣть красоты, которая внутри его, пока не возгнушается всякою красотою внѣ его, и не обезчеститъ ея. Онъ не можетъ возвести взора прямо къ Богу, пока не отречется совершенно отъ міра. Кто уничижаетъ и умаляетъ самого себя, того упремудритъ Господь. А кто самъ себя почитаетъ премудрымъ, тотъ отпадаетъ отъ Божіей премудрости. Въ какой мѣрѣ языкъ воздерживается отъ многоглаголанія, въ такой озаряется умъ къ различенію помысленій, а многоглаголаніемъ приводится въ замѣшательство и самый разсудительный умъ.

Кто обнищаетъ въ мірскомъ, тотъ обогатится въ Богѣ; а другъ богатыхъ обнищаетъ Богомъ. Кто цѣ-

ломудренъ, смиренномудръ, гнушается вольностію въ словахъ, и изгналъ изъ сердца раздражитель- ность, тотъ (увѣренъ я въ этомъ), какъ скоро ста- нетъ на молитву, видитъ въ душѣ своей свѣтъ Свя- таго Духа, и радуется въ блистаніяхъ озаренія свѣ- томъ Его, и веселится видѣніемъ славы сего озаре- нія и измѣненіемъ своимъ до уподобленія съ оною славой. Нѣтъ инаго дѣланія, которое бы могло низ- лагать такъ полки нечистыхъ демоновъ, какъ видѣ- ніе въ Богѣ.

Нѣкто изъ Отцевъ повѣствовалъ мнѣ слѣдующее: „въ одинъ день сидѣлъ я, и умъ мой плѣненъ былъ видѣніемъ. А когда пришелъ я въ себя, крѣпко воз-дохнулъ. Стоявшій же противъ меня бѣсъ, какъ-скоро услышалъ сіе, убоился, и какъ бы пожирѣемый какою молніею, возопивъ отъ нужды и какъ бы гонимый кѣмъ, предался бѣгству“.

Блаженъ, кто памятуетъ о своемъ отшествіи изъ этой жизни, и воздерживается отъ привязанности къ наслажденіямъ міра сего, потому что многократно усугубленное блаженство пріиметъ во время отшествія своего, и не оскудѣетъ для него блаженство сіе. Онъ есть рожденный отъ Бога; и Святыи Духъ кормитель его; изъ лона Духа сосетъ онъ живоносную пищу, и къ веселію своему обоняетъ воню Его. А кто привязанъ къ мірскимъ, къ міру и къ успокоенію его, кто любитъ бесѣдованіе съ міромъ, тотъ лишается жизни, и мнѣ нечего сказать о немъ; остается только съ во-племъ плакать неутѣшнымъ плачемъ, который сокру-шитъ сердца слышащихъ оный.

Пребывающіе во тьмѣ, воздвигните главы свои, да озарятся свѣтомъ лица ваши! Изыдите изъ - подъ власти мірскихъ страстей, да изыдетъ въ срѣтеніе вамъ сущій отъ Отца Свѣтъ, и служителямъ тайнъ Своихъ да повелитъ разрѣшить узы ваши, чтобы по слѣдамъ Его шествовать вамъ ко Отцу. Увы! чѣмъ мы связаны, и что намъ препятствуетъ видѣть славу Его? О, если-бы расторглись узы наши, и намъ, взы-скавъ, обрѣсти Бога нашего! Если хочешь знать че-ловѣческія тайны и не достигъ еще до того, чтобы

узнавать по духу,—дознаешь по рѣчамъ, образу жизни и распорядку каждаго, если ты мудръ. Кто чистъ въ душѣ и непороченъ въ образѣ жизни, тотъ всегда съ цѣломудріемъ произноситъ слова Духа, и сообразно съ мѣрою своего разумѣнія рассуждаетъ и о Божественномъ, и о томъ, что въ немъ самомъ. А у кого сердце сокрушено страстями, у того ими же и языкъ приводится въ движеніе. Если станетъ онъ говорить и о духовномъ, то будетъ рассуждать подъ вліяніемъ страсти, чтобы въ неправдѣ одержать побѣду. Мудрый замѣчаетъ такого человѣка при первой встрѣчѣ, и чистый обоняетъ его зловоніе.

Кто душею и тѣломъ преданъ всегда суесловію и пареніямъ ума, тотъ блудникъ; кто соглашается и соучаствуетъ съ нимъ въ этомъ, тотъ прелюбодѣй; и кто общается съ нимъ, тотъ идолослужитель. Дружба съ юными есть блудъ, которымъ гнушается Богъ. Къ умягченію такого человѣка нѣтъ пластыря. А кто всѣхъ равно любитъ по состраданію и безъ различія, тотъ достигъ совершенства. Юный, слѣдуя за юнымъ, заставляетъ разсудительныхъ плакать и рыдать о нихъ; старецъ же, слѣдуя за юнымъ, пріобрѣтаетъ страсть, которая смраднее страсти юныхъ. Хотя бы и о добродѣтеляхъ разсуждалъ онъ съ юными, но сердце его уязвлено. Юный, если онъ смиренномудръ и безмолвникъ, если чистъ сердцемъ отъ зависти и раздражительности, удаляется отъ всякаго человѣка и внимателенъ къ себѣ, то скоро уразумѣваетъ страсти нерадиваго старца. А если старецъ не одинаково расположенъ къ старцу и къ юному, то всѣми силами старайся съ таковымъ не имѣть общенія, но паче удаляйся отъ него.

Горе нерадивымъ, которые притворствуютъ, и подъ наружностію чистоты питаютъ собственныя свои страсти. Кто достигъ сѣдинъ въ чистотѣ помысловъ, въ добромъ житіи и въ воздержаніи языка, тотъ здѣсь еще наслаждается сладостію плода вѣдѣнія ¹⁾, а при отшествіи своемъ отъ тѣла пріемлетъ Божію славу.

¹⁾ Духовнаго.

Ничто не охлаждает такъ огня, вдыхаемаго въ сердце инока Святымъ Духомъ къ освященію души, какъ обращеніе съ людьми, многоглаголаніе и всякая бесѣда, кромѣ бесѣды съ чадами тайнъ Божіихъ, способствующей къ приращенію вѣдѣнія Божія и къ сближенію съ Богомъ. Ибо таковая бесѣда сильнѣе всѣхъ добродѣтелей пробуждаетъ душу къ одной ¹⁾ жизни, искореняетъ страсти и усыпляетъ скверные помыслы. Не пріобрѣтай себѣ друзей и соотайниковъ, кромѣ таковыхъ ²⁾, чтобы не положить преткновенія душѣ своей и не уклониться тебѣ отъ пути Господня. Да возвеличится въ сердцѣ твоёмъ любовь, соединяющая и сопрягающая тебя съ Богомъ, чтобы не плѣнила тебя любовь мірская, которой причина и конецъ—тлѣніе. Пребываніе и обращеніе съ подвижниками—тѣхъ и другихъ обогащаетъ тайнами Божіими. А любовь къ нерадивымъ и лѣнивымъ дѣлаетъ, что, предавшись совмѣстно наренію ума, они наполняютъ чрево до пресыщенія и безъ мѣры. Таковому неприятыми кажутся яства безъ друга его, и говоритъ онъ: „горе вкушающему хлѣбъ свой въ одиночествѣ, потому что не сладокъ ему будетъ“. И они приглашаютъ другъ друга на пиры, и платятъ симъ одинъ другому, какъ наемники. Прочь отъ насъ эта мерзкая любовь, это неприличное и нечестивое препровожденіе времени! Бѣгай, братъ, пріобыкшихъ къ подобнымъ дѣламъ, и никакъ не соглашайся ѣсть вмѣстѣ съ ними, хотя бы приключилась тебѣ и нужда; потому что трапеза ихъ мерзка, при ней прислуживаютъ бѣсы; друзья жениха-Христа не вкушаютъ ея.

Кто часто устраиваетъ пиры, тотъ работникъ блуднаго демона ³⁾, и оскверняютъ душу смиренномудраго. Простой хлѣбъ съ трапезы непорочнаго очищаетъ душу ядущаго отъ всякой страсти. Воня отъ трапезы чревоугодника—обиліе яствъ и печеній. Безумный и несмысленный привлекается къ ней, какъ песь къ

1) Духовной,

2) Т. е. тѣхъ, которые суть чада тайнъ Божіихъ.

3) Исполнитель плетской похоти.

мясной лавкѣ. Трапеза пребывающаго всегда въ молитвѣ сладостнѣе всякаго благоуханія отъ мускуса и благовонія отъ мѹра; боголюбивый вожделѣваетъ оной, какъ безцѣннаго сокровища.

Съ трапезы постящихся, пребывающихъ во бдѣнїи и трудящихся о Господѣ, заимствуй себѣ врачество жизни, и возбуди отъ омертвѣнїя душу свою. Ибо среди нихъ, освящая ихъ, возлежитъ Возлюбленный, и горечь злостраданія ¹⁾ ихъ претворяетъ въ неисповѣдимую сладость Свою; духовные же и небесные служители Его осѣняютъ ихъ и святятъ ихъ яства. И я знаю одного изъ братїй, который ясно видѣлъ это собственными своими глазами.

Блаженъ, кто заградилъ себѣ уста отъ всякаго сластолюбія, отлучающаго его отъ Создателя. Блаженъ, кому пищею Хлѣбъ, спедшїй съ неба и даровавшїй жизнь мїру. Блаженъ, кто на полѣ своемъ узрѣлъ Орошеніе жизни, по милосердію исходящее изъ нѣдръ Отчихъ, и къ Нему возвелъ око. Ибо, когда испіетъ Онаго, возвеселится и процвѣтетъ сердце его, и будетъ въ веселїи и радости. Кто въ пищу своей узрѣлъ Господа своего, тотъ укрывается отъ всѣхъ, и одинъ причащается Его, не вступая въ общеніе съ недостойными, чтобы не стать ихъ сопричастникомъ, и не остаться безъ озаренія лучемъ Господнимъ. А у кого въ пищу примѣшанъ смертоносный ядъ ²⁾, тотъ не можетъ вкушать ея съ прїятностію безъ друзей своихъ. Тотъ—волкъ, пожирающїй мертвечину, кто вступаетъ въ дружбу ради собственнаго своего чрева. Какая ненасытность у тебя, несмысленный,—хочешь наполнить чрево свое за трапезою нерадивыхъ, гдѣ душа твоя исполняется всякой страсти! Этихъ предостереженїй достаточно для тѣхъ, которые могутъ обуздывать чрево.

Весьма сладостна воня постника, и встрѣча съ нимъ веселитъ сердца разсудительныхъ; а на чрево-

¹⁾ Разумѣется трудъ поста и подвига.

²⁾ Грѣховный.

угодника отъ обращенія съ постникомъ нападаетъ страхъ, и онъ употребляетъ всѣ мѣры не ѣсть съ нимъ.

Любезенъ Богу образъ жизни воздержнаго, тогда какъ сосѣдство его весьма тяжело для любостяжательнаго. Молчаливый много восхваляется у Христа, но не будетъ пріятно приближеніе его тѣмъ, которыхъ бѣсы уловили пристрастіемъ къ забавамъ и паренію ума. Кто не любитъ смиренномудраго и кроткаго, кромѣ горделивыхъ и злорѣчивыхъ, которые чужды его дѣланія?

Нѣкто рассказывалъ мнѣ изъ собственнаго своего опыта: „въ которые дни имѣю я бесѣду съ кѣмъ-нибудь, въ тѣ съѣдаю по три или по четыре сухаря въ день, и если стану принуждать себя къ молитвѣ, то умъ мой не имѣетъ дерзновенія къ Богу, и не могу устремить къ Нему мысли. Когда же разлучусь съ собесѣдниками на безмолвіе, въ первый день принуждаю себя съѣсть полтора сухаря, во второй—одинъ, а какъ скоро утвердится умъ мой въ безмолвіи, усиливаюсь съѣсть одинъ цѣлый сухарь, и не могу; умъ же мой непрестанно съ дерзновеніемъ бесѣдуетъ съ Богомъ, хотя и не понуждаю его къ тому, и свѣтозарность Божества, не оскудѣвая, осіяваетъ меня, и влечетъ меня видѣть красоту Божественнаго свѣта и увеселяться ею. Если же во время безмолвія приключится кому прійти и говорить со мною хотя одинъ часъ, невозможно мнѣ тогда не прибавить пищи, не оставить чего изъ правила, не разслабѣть умомъ къ созерцанію онаго свѣта“. Вотъ видите, братія мои, какъ прекрасны и полезны терпѣніе и уединеніе, какую силу и какое удобство доставляютъ подвижникамъ. Блаженъ, кто ради Бога пребываетъ въ безмолвіи, и наединѣ ѣстъ хлѣбъ свой, потому что всегда онъ бесѣдуетъ съ Богомъ. Ему слава и держава нынѣ и всегда, и во вѣки! Аминь.

С Л О В О 9.

О ЧИНѢ И УСТАВѢ НОВОНАЧАЛЬНЫХЪ, И О ТОМЪ, ЧТО ПРИЛИЧНО ИМЪ.

Вотъ цѣломудренный и Богу любезный чинъ—не обращать очей туда и сюда, но простирать всегда взоръ впередъ; не празднословить, но говорить только необходимо нужное; довольствоваться убогими одеждами для удовлетворенія тѣлесной потребности; пользоваться яствами, поддерживающими тѣло, а не для чревоугодія: вкушать всего понемногу, не презирать одного, а другое избирать, и этимъ однимъ охотно наполнять чрево, прочее же отметать ¹⁾. Выше всякой добродѣтели разсудительность. Вина же, когда ѣсть съ тобою друзей, или не имѣешь болѣзни, или упадка силъ, не вкушай. Не прерывай рѣчи, когда говоритъ другой; и не отвѣчай, какъ невѣжда, но будь твердъ ²⁾, какъ мудрецъ. И гдѣ бы ни находился ты, почитай себя меньшимъ всѣхъ и служителемъ братій своихъ. Ни передъ кѣмъ не обнажай ни одного члена своего; не приближайся ни къ чьему тѣлу безъ необходимой причины. Не позволяй, чтобы и къ твоему тѣлу приближался кто безъ важной, какъ сказано, причины. Уклоняйся отъ дерзости въ рѣчахъ, какъ отъ смерти. И сну своему приобрѣти цѣломудренный чинъ, да не удалится отъ тебя охраняющая тебя сила ³⁾. Гдѣ ты ни спишь, пусть никто, если только можно, не видитъ тебя. Ни предъ кѣмъ не извергай слюны. Если, когда сидишь за трапезой, найдетъ на тебя кашель, отвори лицо свое назадъ, и такъ кашляй. Ъшь и пей съ цѣломудріемъ, какъ прилично чадамъ Божиимъ.

Не протягивай руки своей, чтобы съ безстыдствомъ взять что-либо изъ предложеннаго друзьямъ твоимъ. А если сидитъ съ тобою странникъ, разъ и два при-

1) Слова: прочее же отметать дополнены изъ древняго слав. перевода.

2) Въ обуздавіи языка.

3) Ангель-хранитель.

гласи его вкусить, и предлагай на трапезу благо-
чинно, а не въ безпорядкѣ. Сиди чинно и скромно,
не обнажая ни одного изъ членовъ своихъ. Когда
зѣваешь, закрой уста свои, чтобы не видѣли другіе;
ибо, если удержишь дыханіе свое, зѣвота пройдетъ.
Еслиходишь въ келлію настоятеля, или друга, или
ученика, храни очи свои, чтобы не видѣть, что тамъ
есть. Если же понуждаетъ къ тому помысль, будь
внимателенъ къ себѣ, не слушайся его, и не дѣлай
этого. Ибо кто безстыденъ въ этомъ, тотъ чуждъ ино-
ческаго образа и самого Христа, даровавшаго намъ
сей образъ. Не обращай взора на тѣ мѣста, въ кото-
рыхъ спрятана утварь въ келліи друга твоего. Тихо
отворяй и затворяй дверь у себя и у друга своего.
Ни къ кому не входи внезапно, но, постучась отвнѣ,
и испросивъ дозволеніе, потомъ уже войди благого-
вѣнно.

Не будь торопливъ въ походкѣ своей безъ необхо-
димой потребности, заставляющей поспѣшить. Во всемъ
будь послушенъ во всякомъ добромъ дѣлѣ, только не
слѣдуй за любостыжательными, или сребролюбцами,
или міролюбцами, да не явится послушаніе твое дѣ-
ломъ діавольскимъ. Бесѣдуй со всякимъ кротко, смо-
три на всякаго цѣломудренно, ничьимъ лицомъ не
насыщай очей своихъ. Идя дорогою, не опережай
старшихъ тебя. А если другъ твой отсталъ, отойдя
немного впередъ, подожди его. Кто не такъ посту-
паетъ, тотъ несмысленъ, и уподобляется свиньѣ, ко-
торой нѣтъ закона. Если другъ твой начнетъ рѣчь
съ кѣмъ-либо встрѣтившимся, подожди его, и не то-
ропи. Здоровый больному пусть заблаговременно ска-
жетъ: сдѣлаемъ, что нужно.

Никого не обличай въ какомъ бы то ни было про-
ступкѣ, но себя почитай во всемъ отвѣтственнымъ и
виновнымъ въ прегрѣшеніи. Всякое низкое дѣло дѣ-
лать съ смиренномудріемъ не отказывайся, и не укле-
няйся. Если вынужденъ засмѣяться, не выставляй
наружу зубовъ своихъ. Если принужденъ говорить
съ женщинами, отврати лице отъ зрѣнія ихъ, и такъ
бесѣдуй съ ними. А отъ инокинь, отъ встрѣчи и раз-

говоровъ съ ними и отъ лицезрѣнія ихъ, удаляйся, какъ отъ огня и какъ отъ сѣти діавольской, чтобы въ сердцѣ своемъ не остудить тебѣ любви къ Богу, и не осквернить сердца своего тиною страстей. Если онѣ и сестры тебѣ по плоти, блюдись отъ нихъ, какъ отъ чужихъ. Остерегайся сближенія съ своими, чтобы сердце твое не охладѣло въ любви Божіей. Вольнаго обращенія и собесѣдованія съ юными убѣгай, какъ дружбы съ діаволомъ. Одного имѣй собесѣдника и сотаинника—того, кто боится Бога и всегда внимателенъ къ себѣ самому, бѣденъ въ хранинѣ своей, но богатъ тайнами Божіими. Утаивай отъ всякаго свои тайны, дѣянія и брани. Ни передъ кѣмъ, кромѣ крайней нужды, не сиди съ открытою головою ¹⁾. Съ цѣломудріемъ приступай къ исполненію необходимой нужды, какъ бы стѣсняясь хранящаго тебя ангела, и совершай дѣло со страхомъ Божіимъ, и принуждай себя до самой смерти, хотя бы и непріятно было это сердцу твоему.

Лучше тебѣ принять смертоносный ядъ, нежели ѣсть вмѣстѣ съ женщиною, хотя это будетъ мать или сестра твоя. Лучше тебѣ жить вмѣстѣ съ змиемъ, нежели спать и лежать подъ однимъ покровомъ вмѣстѣ съ юнымъ, хотя будетъ это братъ твой по плоти. Если идешь дорогой, и скажетъ кто изъ старшихъ тебя: „иди, будемъ пѣть,“ послушайся его. А если не скажетъ сего, языкомъ молчи, сердцемъ же славословь Бога. Никому ни въ чемъ не противься, ни съ кѣмъ не ссорься, не лги, не клянись именемъ Господа Бога твоего. Будешь пренебрегаемъ, самъ не пренебрегай. Будешь обижаемъ, самъ не обижай. Пусть лучше гибнетъ тѣлесное вмѣстѣ съ тѣломъ, только бы не потерпѣло вреда что-либо душевное. Ни съ кѣмъ не входи въ судъ, а незаслуженно осужденный—терпи. Не возлюби душею своею чего-либо мірскаго, но покорствуй игуменамъ и начальствующимъ; а отъ близкихъ сношеній съ ними удерживайся, потому что это—сѣть, уловляющая нерадивыхъ въ погибель.

1) Точнѣе: безъ навидки (*ὄνει ἐπιφροσύνην*).

Тебѣ, чревоугодникъ, старающійся услужить чреву своему, лучше уголь огненный ввергнуть въ утробу свою, нежели печенія правителей и начальствующихъ. На всѣхъ изливай милость, и отъ всѣхъ будь униженъ. Храни себя отъ многоглаголанія, ибо оно угашаетъ въ сердцѣ мысленныя движенія, бывающія отъ Бога. Какъ мечущагося на всѣхъ льва избѣгай разсужденій о догматахъ: не сходишь для этого ни съ питомцами Церкви, ни съ чужими. Не проходи и стогнами гнѣвливыхъ или сварливыхъ, чтобы сердце твое не исполнилось раздражительности, и душею твоею не возобладала тьма прелести. Не живи вмѣстѣ съ горделивымъ, да не будетъ дѣйственность Святаго Духа отъята отъ души твоей, и да не содѣлается она жилищемъ всякой лукавой страсти. Если соблюдешь ты, человекъ, сіи предосторожности, и будешь всегда заниматься богомысліемъ, то душа твоя дѣйствительно узритъ въ себѣ свѣтъ Христовъ, и не омрачится во вѣки. Христу слава и держава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 10.

Сказанія святыхъ мужей, ихъ преподобныя изреченія и чудное житіе.

Въ одинъ день пошелъ я въ келлію къ одному святому брату, и по немощи своей прилежъ у него на одномъ мѣстѣ, чтобы походилъ онъ за мною ради Бога, потому что знакомыхъ у меня никого тамъ не было. И видѣлъ я, какъ этотъ братъ встаетъ ночью прежде времени, и имѣетъ обычай приходитъ на правило до братій. Довольно времени онъ стихословилъ, и вдругъ на все то время, пока продолжалось это съ нимъ, оставлялъ правило, падалъ на лице свое, и до ста или болѣе разъ съ горячностію, какую возжигала въ сердцѣ его благодать, ударялъ головою въ землю. Послѣ сего вставалъ, лобызалъ крестъ Владычній, снова дѣлалъ поклонъ, и лобызалъ тотъ

же крестъ, и опять повергался на лице свое. И такой обычай соблюдалъ онъ всю жизнь, такъ что невозможно изобразить мнѣ числомъ множества его колѣнопреклоненій. Да и кто былъ бы въ состояніи исчислить поклоны этого брата, какіе клалъ онъ каждую ночь? Разъ двадцать со страхомъ и горячностію, съ любовію, растворенною благоговѣніемъ, лобызалъ онъ крестъ, и опять начиналъ стихословіе, а иной разъ отъ великаго возгорѣнія помысловъ, распалывшихъ его горячностію своею, когда не въ силахъ былъ выносить разжженія онаго пламени, преобъждаемый радостію восклицалъ, потому что не могъ удержаться. Поэтому, много дивился я благодати сего брата, и подвигу, и трезвенности его въ дѣлѣ Божіемъ. Поутру же, послѣ перваго часа, когда садился онъ за чтеніе, дѣлался подобенъ человѣку плѣненному. и въ продолженіе каждой, читаемой имъ главы, не разъ падалъ на лице свое, и на многихъ стихахъ воздѣввалъ руки свои къ небу, и славословилъ Бога. Отъ рода же былъ ему сороковой годъ. Употреблялъ онъ и пищу въ весьма маломъ количествѣ, и очень сухую. И поелику сверхъ мѣры и силы дѣлалъ частыя принужденія тѣлу своему, то казался подобнымъ тѣни, почему жалость возбуждало во мнѣ изнеможеніе лица его, такъ исхудавшаго отъ многаго неѣденія, что въ немъ не было и двухъ перстовъ. И нерѣдко говаривалъ я ему: „пожалѣй и себя, братъ, въ подвигѣ своемъ, и это доброе житіе, какое стяжалъ ты; не спутай и не порви этого, подобнаго духовной цѣпи, житія твоего, и изъ желанія прибавить нѣскольکو труда не умаль и не останови совершенно теченія пути своего. Бѣшь въ мѣру, чтобы не лишиться возможности ѣсть ¹⁾; не простирай ноги своей сверхъ силы, чтобы не сдѣлаться вовсе неспособнымъ къ дѣлу“. Былъ же онъ милостивъ, весьма скромень, и милость оказывалъ съ благодушіемъ. Чистый по врожденнымъ качествамъ, готовый на утѣшеніе, мудрый

¹⁾ Въ греч. *ἵνα μὴ πάρτοτε σίτου*; но въ серб. и древн. слав пер. *да всегда яси*—безъ отрицанія.

по Богу, всѣми любимъ былъ за чистоту свою и за благодушіе. Съ братією же, когда имѣли въ немъ нужду, нерѣдко работалъ дня по три и по четыре. и только къ вечеру уходилъ въ свою келлію, потому что искусенъ былъ и во всякомъ служеніи. Когда же пріобрѣталъ что, хотя имѣлъ въ томъ нужду, изъ великаго уваженія своего къ большимъ и малымъ, не могъ сказать ¹⁾, что не имѣетъ того. И даже, когда работалъ съ братією, то по большей части дѣлалъ это какъ бы изъ уваженія, и принуждалъ себя, не находя для себя удовольствія въ выходахъ изъ келліи. Таково было житіе и обращеніе ²⁾ онаго по-длинно дивнаго брата. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 11.

О ВЕТХОМЪ СТАРЦѢ.

Въ другой разъ опять пошелъ я къ одному ветхому, прекрасному и добродѣтельному старцу. Онъ весьма любилъ меня, и былъ, хотя невѣжда въ словѣ, но просвѣщенъ вѣдѣніемъ и глубокъ сердцемъ, и говорилъ, что внушала ему благодать; не часто выходилъ онъ изъ своей келліи, развѣ только къ святымъ службамъ; былъ же внимателенъ къ себѣ, и жилъ въ безмолвіи. Нѣкогда сказалъ я ему: „Пришелъ мнѣ, Отецъ, помыслъ, пойти въ воскресный день на церковную паперть, сѣсть тамъ, и рано утромъ ѣсть, чтобы всякій входящій и выходящій, увидѣвъ меня, уничижилъ“. На сіе старецъ отвѣчалъ мнѣ такъ: „Писано, что всякій, кто дѣлаетъ соблазнъ мірянамъ, не узритъ свѣта. А ты никому не извѣстенъ въ этой сторонѣ, житія твоего не знаютъ, будутъ же говорить, что иноки съ утра ѣдятъ; особливо ³⁾ же, братія здѣсь новоначальные, и немощны

¹⁾ Просящему

²⁾ Съ другими.

³⁾ Не должно сего дѣлать потому, что братія...

въ своихъ помыслахъ; многіе изъ нихъ, имѣя вѣру къ тебѣ, и пользуясь отъ тебя, какъ скоро увидятъ, что сдѣлалъ ты это, потерпятъ вредъ. Древніе Отцы дѣлывали такъ, по причинѣ многихъ совершенныхъ ими чудотвореній и по причинѣ оказываемой имъ чести и прославленія ихъ имени, и дѣлали это, чтобы подвергнуть себя безчестію, скрыть славу житія своего, и удалить отъ себя причины къ гордынѣ. А тебя что заставляетъ поступить подобнымъ сему образомъ? Не знаешь развѣ, что всякому житію свой чинъ и свое время? Ты не имѣешь такого отличнаго житія, и такого имени, а живешь какъ и прочіе братія. Ты себѣ не принесешь пользы, а другому повредишь. Притомъ, такое дѣйствованіе полезно не всѣмъ, но однимъ совершеннымъ и великимъ, потому что въ этомъ ¹⁾ есть разрѣшеніе чувствъ ²⁾. Достигшимъ же только середины и новоначальнымъ оно вредно, потому что таковыя имѣютъ нужду въ большей предосторожности и въ подчиненіи чувствъ. Старцы уже пережили время осторожности, и извлекаютъ пользу, изъ чего только захотятъ. Ибо неопытные купцы въ большихъ оборотахъ великіе причиняютъ себѣ убытки, а въ маловажныхъ оборотахъ скоро идутъ съ успѣхомъ впередъ. И опять, какъ сказалъ я, всякому дѣлу свой порядокъ, и всякому роду жизни извѣстное время. Кто прежде времени начинаетъ, что сверхъ его мѣры, тотъ ничего не пріобрѣтаетъ, а усугубляетъ только себѣ вредъ. Если вождельно тебѣ это, съ радостію терпи то безчестіе, которое по Божію смотрѣнію, а не по твоей волѣ, постигаетъ тебя, и не смущайся, не питай ненависти къ тому, кто безчеститъ тебя“.

Была у меня однажды еще бесѣда съ симъ благоразумнымъ мужемъ, вкусившимъ плода съ древа жизни за труды, понесенные имъ съ ранней юности до вечера старости своей. И, преподавъ мнѣ много уроковъ добродѣтели, говорилъ онъ еще такъ: „Вся-

1) Т. е. въ такомъ дѣйствованіи

2) Свобода пользованія чувствами, обученными въ добръ

кая молитва, въ которой не утруждалось тѣло и не скорбѣло сердце, вмѣняется за одно съ недоношеннымъ плодомъ чрева, потому что такая молитва не имѣетъ въ себѣ души“. И еще говорилъ мнѣ: „Человѣку любопрительному, который хочетъ поставить на своемъ словѣ, лукавъ умомъ и безстыденъ въ чувствахъ своихъ, ничего не давай, и у него вовсе ничего не бери, чтобы тебѣ не удалить отъ себя чистоту, приобрѣтенную съ великимъ трудомъ, и не наполнить сердца своего тьмою и смущеніемъ“.

С Л О В О 12.

О ДРУГОМЪ СТАРЦѢ.

Пошелъ я нѣкогда въ келлію къ одному изъ Отцевъ. Святой же не часто кому отворялъ двери. Но какъ скоро увидѣлъ въ окно, что иду я, сказалъ мнѣ: „Хочешь ли войти?“ и я отвѣчалъ: „да, честный Отецъ“. Послѣ же того, какъ вошелъ я, сотворилъ молитву, сѣлъ, и о многомъ мы побесѣдовали, напоследокъ спросилъ я его: „Что мнѣ дѣлать, Отецъ? Иные приходятъ ко мнѣ, и я ничего не приобрѣтаю, и никакой не извлекаю пользы изъ бесѣды съ ними, но стыжусь сказать имъ: не ходите. Даже препятствуютъ они мнѣ нерѣдко исправлять обычное правило, и потому скорблю“. На это отвѣчалъ мнѣ блаженный оный старецъ: „Когда прійдутъ къ тебѣ таковыя любители праздности, какъ скоро посидятъ немного, подай имъ видъ, что хочешь стать на молитву, и пришедшему скажи съ поклономъ: помолимся, братъ, потому что наступило уже для меня время правила, и не могу нарушить онаго, тяжело мнѣ дѣлается, когда хочу выполнить оное въ другой часъ, и это бываетъ для меня причиною смущенія, и безъ крайней какой-либо нужды не могу оставлять правила. А теперь нѣтъ необходимости, чтобы отмѣнена была моя молитва. И не отпускай его безъ того, чтобы не помолился съ тобою. Если

скажетъ: молись, а я пойду,—сдѣлай ему поклонъ, и скажи: любви ради сотвори со мною хотя эту одну молитву, чтобы мнѣ была польза отъ молитвы твоей.— И когда станете, продли молитву твою даже сверхъ того, какъ обыкъ ты дѣлать. Если такъ будешь поступать съ ними, какъ скоро прійдутъ къ тебѣ, то, узнавъ, что не потакаешь имъ и не любишь праздности, не приблизятся и къ мѣсту тому, о которомъ слышатъ, что ты тамъ.

Посему смотри, чтобы тебѣ изъ лицепріятія не разорить дѣла Божія. Если же встрѣтится кто изъ Отцевъ или утрудившійся странникъ, то побыть съ таковымъ вмѣнится тебѣ вмѣсто самой длинной молитвы. Но если странникъ будетъ одинъ изъ любителей суесловія, то успокой его по возможности, и отпусти съ миромъ“.

Одинъ изъ Отцевъ сказалъ: „Дивлюсь, слыша, что нѣкоторые въ келліяхъ своихъ занимаются рукодѣліемъ, и могутъ безъ опущенія совершать правило свое, и не смущаться“. Изрекъ же достойное удивленія слово: „по правдѣ сказать, если выхожу за водою, то чувствую замѣшательство въ своемъ обычаѣ и въ порядкѣ онаго, и встрѣчаю препятствіе къ усовершенію своей разсудительности“ ¹⁾.

С Л О В О 13.

О ВОПРОСѢ ОДНОГО БРАТА.

Тотъ же старецъ вопрошенъ былъ однажды нѣкоторымъ братомъ: „Что мнѣ дѣлать? Нерѣдко бываетъ у меня какая-нибудь вещь, въ которой имѣю надобность, или по немощи, или по дѣлу, или по другой какой причинѣ, и безъ этой вещи не могу жить въ безмолвіи, но вижу, что кто-нибудь имѣетъ въ ней нужду, и преодолевая жалостію отдаю ему эту вещь, а часто дѣлаю это и потому, что бываю кѣмъ-либо упрощенъ. Ибо вынуждаютъ меня къ тому и любовь, и заповѣдь, и уступаю, что́ самому мнѣ

¹⁾ Т. е. въ дѣлѣ разсужденія своихъ помысловъ.

нужно. А потомъ потребность для меня этой вещи дѣлаетъ, что впадаю въ безпокойство и смущеніе помысловъ; и это отвлекаетъ мой умъ отъ попеченія о безмолвіи, иногда даже бываю принужденъ оставить безмолвіе, и итти искать той же вещи. Если же достаетъ терпѣнія не выходить изъ безмолвія, то бываю въ великой скорби и въ смятеніи помысловъ. Поэтому не знаю, что избрать мнѣ: или для успокоенія брата своего дѣлать то, что разсѣиваетъ меня и прекращаетъ мое безмолвіе, или презирать просьбу, и пребывать въ безмолвіи?“.

На это старецъ отвѣчалъ и сказалъ: „Если милостыня, или любовь, или милосердіе, или что-либо, почитаемое сдѣланнымъ для Бога, препятствуютъ твоему безмолвію, обращаютъ око твое на міръ, ввергаютъ тебя въ заботу, помрачаютъ въ тебѣ памятованіе о Богѣ, прерываютъ молитвы твои, производятъ въ тебѣ смятеніе и неустройство помысловъ, дѣлаютъ, что перестаешь заниматься божественнымъ чтеніемъ. оставляешь это оружіе, избавляющее отъ паренія ума, ослабляютъ осторожность твою, производятъ, что, бывъ дотолѣ связанъ, начинаешь ходить свободно, и, вступивъ въ уединеніе, возвращаешься въ общество людей, пробуждаютъ на тебя погребенныя страсти, разрѣшаютъ воздержаніе чувствъ твоихъ, воскрешаютъ для міра тебя, умершаго міру, отъ ангельскаго дѣланія, о которомъ у тебя единственная забота, низводятъ тебя, и поставляютъ на сторонѣ мірянъ,—то да погибнетъ такая правда! Ибо выполнять обязанность любви, доставляя успокоеніе тѣлесное, есть дѣло людей мірскихъ, а если и монаховъ, то недостаточныхъ, не пребывающихъ въ безмолвіи, или такихъ, у которыхъ безмолвіе соединено съ единодушнымъ общежитіемъ, которые непрестанно и входятъ и выходятъ. Для таковыхъ это есть дѣло прекрасное и достойное удивленія.

А тѣмъ, которые дѣйствительно избрали для себя отшельничество отъ міра и тѣломъ и умомъ, чтобы установить мысли свои въ уединенной молитвѣ, въ омертвѣніи для всего преходящаго, для зрѣнія мір-

скихъ вещей и для памятованія о нихъ,—таковымъ не подобаетъ служить Христу дѣланіемъ чего-либо тѣлеснаго и правдой дѣлъ явныхъ (чтобы ими оправдаться), но, по слову Апостола, умерщвленіемъ удовъ своихъ, *яже на земли* (Кол. 3, 5), надлежитъ приносить Христу чистую и непорочную жертву помысловъ, какъ первый плодъ воздѣлыванія самихъ себя, и тѣлесную скорбь въ терпѣніи опасностей, ради будущаго упованія. Ибо житіе иноческое равночестно ангельскому. И не подобаетъ намъ, оставивъ небесное дѣланіе, держаться житейскаго“. Богу же нашему слава во вѣки! Аминь.

 С Л О В О 14.

ОВЪ ОДНОМЪ УКОРЕННОМЪ БРАТѢ.

Однажды укорень былъ нѣкій братъ, что не подалъ милостыни; и онъ дерзко и гордо отвѣчалъ укорившему его: „монахамъ не поставлено въ обязанность подавать милостыню“. Но укорившій возразилъ ему: „Виденъ и явевъ тотъ монахъ, которому не поставлено въ обязанность подавать милостыню. Ибо не поставлено тому, кто съ открытымъ лицомъ можетъ сказать Христу, какъ написано: *се, мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебе идехомъ* (Матѣ. 19, 27), т.-е. кто ничего не имѣетъ на землѣ, не занимается тѣлеснымъ, не помышляетъ ни о чемъ видимомъ, не заботится о какомъ-либо пріобрѣтеніи, но, если кто и даетъ ему что, беретъ только нужное на потребу, а что сверхъ потребности, ставитъ то ни во что, и живетъ точно какъ птица. Таковому не поставлено въ обязанность подавать милостыню. Ибо какъ можетъ давать другому изъ того, отъ чего свободенъ самъ? Но кто занятъ дѣлами житейскими, собственными своими руками работаетъ, и самъ беретъ у другихъ, тотъ тѣмъ болѣе обязанъ подавать милостыню. И если нерадѣтъ ему о милостынѣ, то немилосердіе это есть противленіе Господней заповѣди. Ибо, если кто не

приближается къ Богу втайнѣ ¹⁾, и не умѣетъ служить Ему духомъ, но не заботится и о дѣлахъ явныхъ, которыя возможны для него, то какая еще будетъ у таковаго надежда пріобрѣсти себѣ жизнь? Таковой несмысленъ“.

Другой старецъ сказалъ: „Дивлюсь тѣмъ, которые смущаютъ себя въ дѣлѣ безмолвія, чтобы другихъ успокоить въ тѣлесномъ“. И еще говорилъ: „Ненадобно намъ къ дѣлу безмолвія примѣшивать попеченіе о чемъ-либо другомъ: всякое же дѣло да будетъ чувствуемо на своемъ мѣстѣ, чтобы поведеніе наше не имѣло въ себѣ смѣшенія ²⁾. Ибо, кто имѣетъ попеченіе о многихъ, тотъ рабъ многихъ. А кто оставилъ все, и заботится объ устроеніи души своей, тотъ—другъ Божій. Смотри, подающихъ милостыню, и въ отношеніи къ ближнимъ выполняющихъ любовь удовлетвореніемъ нуждъ тѣлесныхъ, и въ мірѣ много; а дѣлатели всецѣлаго и прекраснаго безмолвія, занятые Богомъ, едва обрѣтаются и рѣдки. Кто же изъ подающихъ въ мірѣ милостыню, или соблюдающихъ правду въ томъ, что касается до тѣла, могъ достигнуть хотя одного изъ тѣхъ дарованій, какихъ бываютъ сподобляемы отъ Бога пребывающіе въ безмолвіи“? И еще сказалъ онъ: „Если ты мірянинъ, то проводи время въ занятіяхъ добрыми мірскими дѣлами. А если ты инокъ, то прославься дѣлами, какими отличаются иноки. Если же намѣренъ ты заниматься тѣмъ и другимъ, то утратишь то и другое ³⁾. Дѣла инока суть слѣдующія: свобода отъ тѣлеснаго ⁴⁾, въ молитвахъ тѣлесный трудъ, и непрестанное сердечное памятованіе о Богѣ. Суди же самъ, можно ли тебѣ безъ сихъ дѣлъ удовольствоваться мірскими добродѣтелями“?

Вопросъ. Не можетъ ли инокъ, злостраждущій въ безмолвіи, пріобрѣсти два рода занятій, т. е. помышлять о Богѣ и имѣть въ сердцѣ другую заботу?

1) Сокровеннымъ дѣланіемъ.

2) Двухъ образовъ житія.

3) Не успѣешь ни въ томъ, ни въ другомъ.

4) Попеченія.

Отвѣтъ. Думаю, что намъ ревающійся пребывать въ безмолвіи, когда все оставитъ и будетъ заботиться о своей одной душѣ, не возможетъ безъ упущенія управиться въ дѣлѣ безмолвія, даже если поставитъ себя внѣ житейскаго попеченія; а тѣмъ паче, если будетъ заботиться и о другомъ. Господь оставилъ себѣ въ мірѣ работающихъ Ему и радѣющихъ о чадахъ Его, и избралъ Себѣ такихъ, которые служили бы предъ Нимъ. Ибо не у земныхъ только царей можно замѣчать различіе чиновъ и видѣть, что славнѣе тѣ, которые всегда стоятъ предъ лицомъ у царя и участвуютъ въ его тайнахъ, нежели тѣ, которые занимаются дѣлами внѣшними; но можно видѣть это же и въ дѣлахъ Царя небеснаго, а именно: какое дерзновеніе пріобрѣли тѣ, которыхъ всегдашнее пребываніе въ молитвѣ содѣлало собесѣдниками и тайниками Его; какого сподобляются они богатства и небеснаго и земнаго, и въ какой мѣрѣ обнаруживаютъ они власть свою надъ всякою тварію, паче тѣхъ, которые служатъ Богу своимъ имѣніемъ и житейскими благами, и благоугождаютъ Ему твореніемъ добрыхъ дѣлъ, что также весьма важно и прекрасно. Поэтому, должно намъ брать въ образецъ не послѣднихъ, которые еще недостаточны въ дѣлахъ Божіихъ, но тѣхъ подвижниковъ и святыхъ ратоборцевъ, которые прекрасно совершили житіе свое, оставили все житейское, и на землѣ воздѣлали царство небесное, однажды навсегда отринули земное, и простерли руки ко вратамъ небеснымъ.

Чѣмъ благоугодили Богу древніе Святые, проложившіе намъ путь сего житія? Иже во святыхъ Іоаннѣ Фивейскій, это сокровище добродѣтелей, этотъ источникъ пророчества, тѣмъ ли благоугодилъ Богу, что въ тѣлесныхъ нуждахъ упокоевалъ братій внутри затвора своего, или молитвою и безмолвіемъ? Не спорю, что и первымъ многіе также благоугодили Богу, но менѣе угодившихъ молитвою и оставленіемъ всего. Ибо отъ живущихъ въ безмолвіи и прославляющихся онымъ есть явная нѣкая помощь братіямъ ихъ. Разумѣю же, что во время нужды помогаютъ они

намъ словомъ или приносятъ о насъ молитвы. А что кромѣ этого (если памятованіе или попеченіе о чемъ-либо житейскомъ таится въ сердцѣ пребывающихъ на безмолвіи), то сіе не дѣло духовной мудрости. Ибо не безмолвствующимъ, но внѣ безмолвія живущимъ, сказано: *воздадите кесарева кесареви, и Божія Богови* (Матѣ. 22, 21), т.-е. каждому свое, что ближняго, то ближнему, и что Божіе, то Богу. Тѣмъ, которые живутъ въ ангельскомъ чинѣ, т.-е. имѣютъ попеченіе о душѣ, не заповѣдано благоугождать Богу чѣмъ-либо житейскимъ, т.-е. заботиться о рукодѣліи или брать у одного и подавать другому. Поэтому, иноку не должно имѣть попеченія ни о чемъ такомъ, что колеблетъ и низводитъ умъ его отъ предстоянія лицу Божію.

Если же кто, противорѣча сему, упомянетъ о божественномъ Павлѣ Апостолѣ, что онъ работалъ собственными своими руками, и подавалъ милостыню, то скажемъ ему, что Павелъ одинъ и могъ дѣлать все; мы же не знаемъ, чтобы другой былъ Павелъ, подобно ему способный на все. Ибо покажи мнѣ другого такого Павла, и повѣрю тебѣ. Притомъ, что бываетъ по Божію смотрѣнію, того не выставляй на видъ для дѣлъ общихъ. Ибо иное есть дѣло благовѣствованія, и иное—дѣятельность безмолвія. Ты же, если намѣренъ держаться безмолвія, будь подобенъ Херувимамъ, которые не заботятся ни о чемъ житейскомъ. И не думай, что кромѣ тебя и Бога есть кто другой на землѣ, о комъ бы заботиться тебѣ,—какъ наученъ ты прежде тебя бывшими Отцами. Если не ожесточитъ кто собственнаго сердца своего, и не будетъ съ усиліемъ удерживать милосердія своего такъ, чтобы стать далекимъ отъ попеченія о всемъ должномъ, и ради Бога, и ради чего-либо житейскаго, и не станетъ пребывать въ одной молитвѣ въ опредѣленные на то времена, то не можетъ онъ быть свободнымъ отъ смущенія и заботы и пребывать въ безмолвіи.

Поэтому, когда прійдетъ тебѣ мысль позаботиться о чемъ-либо подъ предлогомъ добродѣтели, и тѣмъ

возмутить тишину, какая у тебя въ сердцѣ, тогда скажи той мысли: „прекрасенъ путь любви, прекрасно дѣло милосердія ради Бога; но я ради же Бога не хочу этого“.—„Остановись, Отецъ“,—сказалъ одинъ монахъ,—„ради Бога спѣшу за тобой“. И тотъ отвѣчалъ: „и я ради Бога бѣгу отъ тебя“. Авва Арсеній ради Бога ни съ кѣмъ не бесѣдовалъ ни о пользѣ душевной, ни о чемъ иномъ. Другой ради Бога весь день говорилъ, и принималъ всѣхъ приходящихъ странниковъ; а онъ вмѣсто сего избралъ молчаніе и безмолвіе, и по сей причинѣ среди моря настоящей жизни бесѣдовалъ съ Божественнымъ Духомъ, и въ величайшей тишинѣ преплывалъ оное на кораблѣ безмолвія, какъ ясно видѣли сіе подвижники, дознавшіеся о семъ у Бога. И вотъ законъ безмолвія: умолкнуть для всего. А если и въ безмолвіи окажешься исполненнымъ смятенія, и будешь смущать тѣло рукодѣліями, а душу заботою о комъ-нибудь, то суди самъ, какое проводишь тогда безмолвіе, заботясь о многихъ, чтобы угодить тѣмъ Богу?—Ибо стыдно и сказать, будто бы безъ оставленія всего, безъ удаленія себя отъ всякой заботы можно преуспѣть въ безмолвномъ житіи. Богу же нашему слава!

—

С Л О В О 15.

О РАЗНЫХЪ ОТЛИЧІЯХЪ БЕЗМОЛВІЯ, О ВЛАСТИ УМА И О ТОМЪ, СКОЛЬКО ВЛАСТЕНЪ УМЪ ВОЗБУЖДАТЬ СОБСТВЕННЫЯ СВОИ ДВИЖЕНІЯ ПРИ РАЗНЫХЪ ВИДАХЪ МОЛИТВЫ, КАКОЙ ПРЕДѢЛЬ ДАНЪ МОЛИТВѢ САМЫМЪ ЕСТЕСТВОМЪ, ДО КАКОГО ПРЕДѢЛА ВЛАСТЕНЪ ТЫ МОЛИТЬСЯ МОЛИТВОЮ, ПО ПРЕСТУПЛЕНІИ КАКОГО ПРЕДѢЛА МОЛИТВА ТВОЯ УЖЕ НЕ МОЛИТВА, ХОТЯ СОВЕРШАЕМОЕ ТОБОЮ И НАЗЫВАЕТСЯ МОЛИТВОЮ.

Слава Изліавшему обильно дары Свои на людей! Онъ содѣлалъ, что и плотяные служатъ Ему въ чинѣ естествъ безплотныхъ, и природу перстныхъ сподобилъ глаголатъ о таковыхъ тайнахъ, наипаче же—лю-

дей грѣшныхъ, подобныхъ намъ, недостойныхъ и слышать такіе глаголы. Но Онъ, по благодати Своей, отверзъ намъ слѣпоту сердечную къ уразумѣнію оныхъ, изъ разсмотрѣнія Писанія и ученія великихъ Отцевъ. Ибо вслѣдствіе собственнаго своего подвига не сподобился я дознать опытомъ и тысячную часть того, что написалъ своими руками, особенно же въ этомъ сочиненіи, которое предложу для возбужденія и просвѣщенія душъ вашихъ и всѣхъ читающихъ оное, въ той надеждѣ, что, можетъ быть, воспрянуть и, вожделѣвъ сего, приступятъ къ дѣланію.

Иное дѣло—молитвенное услажденіе, а иное—молитвенное созерцаніе. Послѣднее въ такой мѣрѣ выше перваго, въ какой совершенный человѣкъ выше несовершеннаго отрока. Иногда стихи дѣлаются сладостными въ устахъ, и стихословіе одного стиха въ молитвѣ неисчетно продолжается, не дозволяя переходить къ другому стиху, и молящійся не знаетъ насыщенія. Иногда же отъ молитвы раждается нѣкое созерцаніе, и прерываетъ оно молитву устъ, и молящійся въ созерцаніи становится тѣломъ бездыханнымъ, придя въ восторгъ. Такое состояніе называемъ мы молитвеннымъ созерцаніемъ, а не видомъ чего-то и образомъ, или мечтательнымъ призракомъ, какъ говорятъ несмысленные. И опять въ семъ молитвенномъ созерцаніи есть мѣра, и различіе дарованій; и это еще молитва: потому что мысль еще не переступила туда, гдѣ нѣтъ уже молитвы, въ такое состояніе, которое выше молитвы. Ибо движенія языка и сердца къ молитвѣ суть ключи, а что послѣ сего, то уже есть входъ въ сокровенныя клѣти. Здѣсь да умолкнутъ всякія уста, всякій языкъ; да умолкнетъ и сердце—этотъ хранитель помысловъ, и умъ—этотъ кормчій чувствъ, и мысль—эта быстропарящая и безстыдная птица, и да прекратится всякое ихъ ухищреніе. Здѣсь да остановятся ищущіе: потому что пришелъ Домовладыка.

С Л О В О 16.

О ЧИСТОЙ МОЛИТВѢ.

Какъ вся сила законовъ и заповѣдей, какія Богомъ даны людямъ, по слову Отцевъ, имѣетъ предѣломъ чистоту сердца, такъ всѣ роды и виды молитвы, какими только люди молятся Богу, имѣютъ предѣломъ чистую молитву. Ибо и воздыханія, и колѣнопреклоненія, и сердечныя прошенія, и сладчайшіе вопли, и всѣ виды молитвы, какъ сказалъ я, имѣютъ предѣломъ чистую молитву, и до нея только имѣютъ возможность простираться. А отъ чистоты молитвенной и до внутренней, какъ скоро мысль переступила этотъ предѣлъ, не будетъ уже имѣть она ни молитвы, ни движенія, ни плача, ни власти, ни свободы, ни прошенія, ни вождельнія, ни услажденія чѣмъ-либо изъ уповаемаго въ сей жизни или въ будущемъ вѣкѣ. И поэтому послѣ чистой молитвы иной молитвы нѣтъ. До сего только предѣла всякое молитвенное движеніе и всѣ виды молитвы доводятъ умъ властію свободы. Потому и подвигъ въ молитвѣ. А за симъ предѣломъ будетъ уже изумленіе, а не молитва; потому что все молитвенное прекращается, наступаетъ же нѣкое созерцаніе, и не молитвою молится умъ. Всякая, какого бы то ни было рода, совершаемая молитва совершается посредствомъ движеній; но какъ скоро умъ входитъ въ духовныя движенія, не имѣетъ тамъ молитвы. Иное дѣло—молитва, а иное—созерцаніе въ молитвѣ, хотя молитва и созерцаніе заимствуютъ себѣ начало другъ въ другѣ. Молитва есть сѣяніе, а созерцаніе—собираніе рукоятей, при которомъ жнущій приводится въ изумленіе неизглаголаннѣмъ видѣніемъ, какъ изъ малыхъ и голыхъ, посѣянныхъ имъ, зеренъ вдругъ произросли предъ нимъ такіе красивые класы. И онъ въ собственномъ своемъ дѣланіи ¹⁾ пребываетъ безъ всякаго движенія; потому что всякая совершае-

1) Въ древн. и слав. переводахъ вмѣсто словъ: *въ своемъ дѣланіи*, читается: *въ своемъ видѣніи*.

мая молитва есть моленіе, заключающее въ себѣ или прошеніе, или благодареніе, или хваленіе. Разсмотри же внимательнѣе, одинъ ли изъ сихъ видовъ молитвы, или прошеніе. чего-либо, бываетъ, когда умъ переступаетъ свой предѣлъ, и входитъ въ оную область? Спрашиваю же о семъ того, кто вѣдаетъ истину. Но не у всѣхъ сія разсудительность, а только у тѣхъ, которые содѣлались зрителями и служителями дѣла сего, или учились у таковыхъ Отцевъ, и изъ устъ ихъ познали истину, и въ сихъ, и подобныхъ симъ изысканіяхъ провели жизнь свою.

Какъ изъ многихъ тысячъ едва находится одинъ, исполнившій заповѣди и все законное съ малымъ недостаткомъ и достигшій душевной чистоты, такъ изъ тысячи развѣ одинъ найдется сподобившійся, при великой осторожности, достигнуть чистой молитвы, расторгнуть этотъ предѣлъ и пріять оное таинство; потому что чистой молитвы никакъ не могли сподобиться многіе; сподобились же весьма рѣдкіе; а достигшій того таинства, которое уже за сею молитвою, едва, по благодати Божіей, находится и изъ рода въ родъ.

Молитва есть моленіе и попеченіе о чемъ-либо и желаніе чего-либо, какъ-то: избавленія отъ здѣшнихъ или будущихъ искушеній, или желаніе наслѣдія Отцевъ; моленіе—это то, чѣмъ человекъ пріобрѣтаетъ себѣ помощь отъ Бога. Сими движеніями и ограничиваются движенія молитвенныя. А чистота и нечистота молитвы зависятъ отъ слѣдующаго: какъ скоро въ то самое время, какъ умъ пріуготовляется принести одно изъ сказанныхъ нами движеній своихъ, примѣшивается къ нему какая-либо посторонняя мысль или безпокойство о чемъ-нибудь, тогда молитва сія не называется чистою; потому что не отъ чистыхъ животныхъ принесъ умъ на жертвенникъ Господень, т. е. на сердце — этотъ духовный Божій жертвенникъ. А если-бы кто упомянулъ объ оной, у Отцевъ называемой духовною, молитвѣ, и, не уразумѣвъ силы отеческихъ изреченій, сказалъ: „сія молитва въ предѣлахъ молитвы ду-

ховной“, то думаю, если точнѣе вникнуть въ это понятіе, хула будетъ, если какая-либо тварь скажетъ, будто бы сколько нибудь преклоняется духовная молитва. Ибо молитва преклоняющаяся ниже духовной. Всякая же духовная молитва свободна отъ движеній. И если чистою молитвою едва ли кто молится, то что сказать о молитвѣ духовной? У святыхъ Отцевъ было въ обычаѣ всѣмъ добрымъ движеніямъ и духовнымъ дѣланіямъ давать именованіе молитвы. И не только Отцамъ, но и всѣмъ, которые просвѣщены вѣдѣніемъ, обычно всякое прекрасное дѣланіе вмѣнять почти за одно съ молитвою. Явно же, что иное дѣло—молитва, а иное—совершаемая дѣла. Иногда сію, такъ называемую духовную, молитву въ одномъ мѣстѣ называютъ путемъ, а въ другомъ вѣдѣніемъ, и индѣ—умнымъ видѣніемъ. Видишь, какъ Отцы перемѣняютъ названія духовныхъ предметовъ? Ибо точность именованій устанавливается для предметовъ здѣшнихъ, а для предметовъ будущаго вѣка нѣтъ подлиннаго и истиннаго названія, есть же о нихъ одно простое вѣдѣніе, которое выше всякаго наименованія и всякаго составнаго начала, образа, цвѣта, очертанія и всѣхъ придуманныхъ именъ. Поэтому, когда вѣдѣніе души возвысится изъ видимаго міра, тогда Отцы въ означеніе онаго вѣдѣнія употребляютъ, какія хотятъ, названія, такъ какъ точныхъ именованій оному никто не знаетъ. Но, чтобы утвердить на семъ вѣдѣніи душевныя помышленія, употребляютъ они наименованія и притчи, по изреченію святаго Діонисія, который говоритъ, что ради чувствъ употребляемъ притчи, слоги, приличные имена и реченія. Когда же дѣйствіемъ Духа душа подвигнута къ Божественному, тогда излишни для насъ и чувства, и ихъ дѣятельность, равно какъ излишни силы духовной души, когда она, по непостижимому единству, содѣлывается подобною Боже-ству, и въ своихъ движеніяхъ озаряется лучемъ высшаго свѣта.

Итакъ, повѣрь, братъ, что умъ имѣетъ возможность различать свои движенія, только до предѣла

чистой молитвы. Какъ же скоро достигнетъ туда, и не возвращается вспять, или оставляетъ молитву, — молитва дѣлается тогда какъ бы посредницею между молитвою душевною и духовною. И когда умъ въ движеніи, тогда онъ въ душевной области; но какъ скоро вступаетъ онъ въ оную область, прекращается и молитва. Ибо Святые въ будущемъ вѣкѣ, когда умъ ихъ поглощенъ Духомъ, не молитвою молятся, но съ изумленіемъ водворяются въ веселящей ихъ славѣ. Такъ бываетъ и съ нами. Какъ скоро умъ сподобится ощутить будущее блаженство, забудетъ онъ и самого себя, и все здѣшнее, и не будетъ уже имѣть въ себѣ движенія къ чему-либо. Посему, нѣкто съ увѣренностію осмѣливается сказать, что свобода воли путеводитъ и приводитъ въ движеніе посредствомъ чувствъ всякую совершаемую добродѣтель и всякій чинъ молитвы, въ тѣлѣ ли то, или въ мысли, и даже самый умъ,—этого царя страстей. Когда же управленіе и смотрѣніе Духа возгосподствуютъ надъ умомъ—этимъ домостроителемъ чувствъ и помысловъ, тогда отъемлется у природы свобода, и умъ путеводится, а не путеводитъ. И гдѣ тогда будетъ молитва, когда природа не въ силахъ имѣть надъ собою власти, но иною силою путеводится, сама не знаетъ куда, и не можетъ совершать движеній мысли, въ чемъ бы ей хотѣлось, но овладѣвается въ тотъ часъ плѣнившею ее силою, и не чувствуетъ, гдѣ путеводится ею? Тогда человѣкъ не будетъ имѣть и хотѣнія; даже, по свидѣтельству Писанія, не знаетъ, въ тѣлѣ онъ, или внѣ тѣла (2 Кор. 12, 2). И будетъ ли уже молитва въ томъ, кто столько плѣненъ, и не сознаетъ самъ себя? Посему, никто да не глаголетъ хулы, и да не дерзаетъ утверждать, что можно молиться духовною молитвою. Такой дерзости предаются тѣ, которые молятся съ кичливостію, невѣжды вѣдѣніемъ, и лживо говорятъ о себѣ, будто бы, когда хотятъ, молятся они духовною молитвою. А смиренномудрые и понимающіе дѣло соглашаются учиться у Отцевъ и знать пре-

дѣлы естества, и не дозволяютъ себѣ предаваться такимъ дерзкимъ мыслямъ.

Вопросъ. Почему же сей неизглаголанной благодати, если она не есть молитва, дается наименованіе молитвы?

Отвѣтъ. Причина сему, какъ утверждаемъ, та, что благодать сія дается достойнымъ во время молитвы, и начало свое имѣетъ въ молитвѣ, такъ какъ, по свидѣтельству Отцевъ, кромѣ подобнаго времени, нѣтъ и мѣста посѣщенію сей достославной благодати. Наименованіе молитвы дается ей потому, что отъ молитвы путевожится умъ къ оному блаженству. и потому, что молитва бываетъ причиною онаго; въ иныя же времена не имѣетъ оно мѣста, какъ показываютъ отеческія писанія. Ибо знаемъ, что многіе Святые, какъ повѣствуется и въ житіяхъ ихъ, ставъ на молитву, были восхищены умомъ.

Но если кто спроситъ: почему же въ сіе только время бываютъ сіи великія и неизреченныя дарованія, то отвѣтствуемъ: потому что въ сіе время болѣе, нежели во всякое другое, человѣкъ бываетъ собранъ въ себя и уготованъ внимать Богу, возделѣваетъ и ожидаетъ отъ Него милости. Короче сказать, это есть время стоянія при вратахъ царскихъ, чтобы умолять царя; и прилично исполниться прошенію умоляющаго и призывающаго въ это время. Ибо бываетъ ли другое какое время, въ которое бы человѣкъ столько былъ приуготовленъ, и такъ наблюдалъ за собою, кромѣ времени, когда приступаетъ онъ къ молитвѣ? Или, можетъ быть, приличнѣе получить ему что-либо таковое въ то время, когда спитъ, или работаетъ что, или когда умъ его возмущенъ? Ибо вотъ и Святые, хотя не имѣютъ празднаго времени, потому что всякой часъ заняты духовнымъ, однакоже и съ ними бываетъ время, когда не готовы они къ молитвѣ. Ибо нерѣдко занимаются или помышленіемъ о чемъ-либо встрѣчающемся въ жизни, или разсматриваніемъ тварей, или инымъ чѣмъ дѣйствительно полезнымъ. Но во время молитвы созерцаніе ума устремлено къ единому Богу,

и къ Нему направляетъ всѣ свои движенія, Ему отъ сердца, съ раченіемъ и непрестанною горячностію, приносить моленія. И посему-то въ это время, когда у души бываетъ одно единственное попеченіе, прилично источаться Божественному благоволенію. И вотъ видимъ, что, когда священникъ приуготовится, станетъ на молитву, умилоствляя Бога, молясь и собирая свой умъ воедино, тогда Духъ Святыи нисходитъ на хлѣбъ и на вино, предложенные на жертвенникѣ. И Захаріи во время молитвы явился Ангелъ, и предвозвѣстилъ рожденіе Іоанна. И Петру, когда во время шестаго часа молился въ горницѣ, явилось видѣніе, путеводствовавшее его къ призванію язычниковъ снисшедшею съ неба плащаницею и заключенными въ ней животными. И Корнилию во время молитвы явился Ангелъ, и сказалъ ему написанное о немъ. И также Іисусу сыну Навину глаголаше Богъ, когда въ молитвѣ преклонился онъ на лице свое. И съ очистища, бывшаго надъ кивотомъ, откуда священникъ о всемъ, что должно было знать, въ видѣніяхъ былъ отъ Бога тайноводствуемъ въ то самое время, когда архіерей единожды въ годъ, въ страшное время молитвы, при собраніи всѣхъ колѣнъ сыновъ Израилевыхъ, стоявшихъ на молитвѣ во внѣшней скинни, входилъ во Святое-святыхъ и и повергался на лице свое,—слышалъ онъ Божіи глаголы въ страшномъ и неизглаголанномъ видѣніи. О, какъ страшно оное таинство, которому служилъ при семъ архіерей! Но таковы и всѣ видѣнія, являвшіяся Святымъ во время молитвы. Ибо какое другое время такъ свято, и по святынѣ своей столько прилично пріятію дарованій, какъ время молитвы, въ которое человекъ собесѣдуетъ съ Богомъ? Въ это время, въ которое совершаются молитвословія и моленія предъ Богомъ, и собесѣдованіе съ Нимъ, человекъ съ усиліемъ отсюду собираетъ воедино всѣ свои движенія и помышленія, и погружается мыслію въ единомъ Богѣ, и сердце его наполнено бываетъ Богомъ; и оттого уразумѣваетъ онъ нецостижимое. Ибо Духъ Святыи, по мѣрѣ силъ ка-

ждаго, дѣйствуетъ въ немъ, и дѣйствуетъ, заимствуя вещество изъ того самаго, о чемъ кто молится; такъ что внимательностію молитва лишается движенія, и умъ поражается и поглощается изумленіемъ, и забывается о вожделѣніи собственнаго своего прошенія, и въ глубокое упоеніе погружаются движенія его, и бываетъ онъ не въ мірѣ семъ. И тогда не будетъ тамъ различія между душею и тѣломъ, ни памятованія о чемъ-либо, какъ сказалъ божественный и великій Григорій: „молитва есть чистота ума, которая одна, при изумленіи человѣка, удѣляется отъ свѣта Святыя Троицы“. Видишь ли, какъ удѣляется молитва приходящимъ въ изумленіе уразумѣніемъ того, что рождается отъ нея въ умѣ, по сказанному мною въ началѣ сего писанія и во многихъ другихъ мѣстахъ? И еще, тотъ же Григорій говоритъ: „чистота ума есть воспареніе мысленнаго. Она уподобляется небесному цвѣту, въ ней во время молитвы просіяваетъ свѣтъ Святыя Троицы“.

Вопросъ. Когда же кто сподобляется всей этой благодати?

Отвѣтъ. Сказано: во время молитвы. Когда умъ совлечется ветхаго человѣка, и облечется въ человѣка новаго, благодатнаго, тогда узритъ чистоту свою, подобную небесному цвѣту, которую старѣйшины сыновъ Израилевыхъ наименовали мѣстомъ Божиимъ (Исх. 24, 10), когда Богъ явился имъ на горѣ. Поэтому, какъ говорилъ я, даръ сей и благодать сію должно называть не духовною молитвою, но порожденіемъ молитвы чистой, ниспосылаемой Духомъ Святымъ. Тогда умъ бываетъ тамъ—выше молитвы, и съобрѣтеніемъ лучшаго молитва оставляется. И не молитвою тогда молится умъ, но бываетъ въ восхищеніи, при созерцаніи непостижимаго,—того, что за предѣлами міра смертныхъ, и умолкаетъ въ невѣдѣніи всего здѣшняго. Сіе-то и есть то невѣдѣніе, о которомъ сказано, что оно выше вѣдѣнія. О семъ-то невѣдѣніи говорится: блаженъ постигшій невѣдѣніе, неразлучное съ молитвою, котораго да сподобимся и мы, по благодати единороднаго Сына Божія. Ему по-

добаетъ всякая слава, честь и поклоненіе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 17.

О душѣ, ищущей глубокаго созерцанія, чтобы погрузиться въ ономъ отъ плотскихъ помысловъ, возбуждаемыхъ памятованіемъ вещей.

Все, что выше другого, сокрыто отъ того, чего оно выше; и не иное тѣло служитъ ему по природѣ нѣкоею завѣсою, такъ что можетъ и открывать его сокровенность. Всякая умопредставляемая сущность не извнѣ себя заимствуетъ то, что составляетъ собственное ея отличіе: напротивъ того, внутри ея движеній опредѣлено сіе отличіе, т. е. можетъ она непосредственно вступить въ большую свѣтлость къ пріятію перваго свѣта или содѣлаться подобной другому чину, который, очевидно, разнствууетъ не мѣстомъ, но чистотою пріятія и превосходства, или сообразно съ умственною мѣрою по степени пріятія горнихъ мановеній и силъ. Всякая умопредставляемая сущность сокрыта для сущности, которая ниже ея; одна же отъ другой сокрыты онѣ не по природѣ, а по движеніямъ добродѣтелей; и говорю это о святыхъ силахъ, о душевныхъ чинахъ и о демонахъ. Первые отъ среднихъ, и средніе отъ третьихъ сокрыты и по природѣ, и по мѣсту, и по движеніямъ. Сущности же каждаго чина, и сами для себя, и одна для другой въ томъ же чинѣ, видимы ли онѣ, или невидимы, сокрыты по вѣдѣнію, а отъ сущностей низшаго чина—по естеству; потому что видѣніе у существъ безтѣлесныхъ не внѣ ихъ, какъ у существъ тѣлесныхъ, но видѣть имъ другъ друга значить и добродѣтелями и мѣрою движеній быть имъ внутри движеній существъ, ими видимыхъ. Поэтому, если въ равномъ удѣлѣ онѣ досточестны, то, хотя и отдалены другъ отъ друга, однакоже не мечтательно, но въ нелживомъ видѣніи, въ истинномъ естествѣ, видятъ другъ друга, кромѣ Причины вся-

ческихъ, Которая, какъ единая достопоклоняемая, превыше сея разности. Демоны, хотя и крайне нечисты, однакоже въ чинахъ своихъ не сокрыты другъ отъ друга, но не видятъ двухъ чиновъ ¹⁾, которые выше ихъ, потому что духовное видѣніе есть свѣтъ движенія, и онъ-то самый служитъ для нихъ и зеркаломъ и окомъ. И какъ скоро омрачатся движенія существа не видятъ высшихъ чиновъ. Въ собственномъ своемъ чинѣ видятъ другъ друга, такъ какъ они дебелѣе духовныхъ чиновъ. И это имѣетъ мѣсто въ разсужденіи демоновъ.

Души же, пока осквернены и омрачены, не могутъ видѣть ни другъ друга, ни себя самихъ, а если очистятся и возвратятся въ древнее состояніе, въ какомъ созданы, то ясно видятъ сіи три чина, т. е. чинъ низшій ихъ, чинъ высшій, и другъ друга. И не потому, что измѣнятся въ тѣлесный видъ, увидятъ тогда ангеловъ ли то, или демоновъ, или другъ друга; напротивъ того, узрятъ въ самомъ естествѣ и въ духовномъ чинѣ. А если скажешь, что невозможно быть видиму демону или ангелу, если не измѣнятся они, не примутъ на себя видимаго образа, то сіе будетъ значить, что видитъ уже не душа, а тѣло. Но въ такомъ случаѣ какая нужда въ очищеніи? Ибо вотъ, и нечистымъ людямъ по временамъ являются демоны, равно какъ и ангелы; впрочемъ, когда видятъ они, видятъ тѣлесными очами, и здѣсь нѣтъ нужды въ очищеніи. Но не то бываетъ съ душою, достигшею чистоты; напротивъ того, видитъ она духовно, окомъ естественнымъ, то есть, прозорливымъ, или разумнымъ. И не дивись тому, что души видятъ одна другую, даже будучи въ тѣлѣ. Ибо представляю тебѣ доказательство ясное, по истинности свидѣтельствующаго,—разумѣю же блаженнаго Аѳанасія Великаго, который—въ сочиненіи объ Антоніи Великомъ—говоритъ: Великій Антоній, стоя однажды на молитвѣ, увидѣлъ чью-то душу, возносимую съ великою честію, и ублажилъ сподобившагося таковой славы; блажен-

¹⁾ Т. е. ангельскаго и душевнаго.

ный же былъ Аммуноу изъ Нитріи, и та гора, на которой жилъ святой Антоній, отстояла отъ Нитріи на тринадцать дней пути. Симъ примѣромъ о трехъ, сказанныхъ выше, чинахъ доказано уже, что духовныя природы видятъ одна другую, хотя и удалены одна отъ другой, и что не препятствуютъ имъ видѣть другъ друга разстояніе и тѣлесныя чувства. Подобно и души, когда достигаютъ чистоты, видятъ не тѣлесно, но духовно; потому что тѣлесное зрѣніе совершается открыто, и видитъ, что передъ глазами, отдаленное же требуетъ инаго видѣнія.

Горніе чины ¹⁾ въ бытіи неисчетно - многи, и именуются по отличію и чину. Ибо почему названы Началами, Властями, Силами? Господствами наименованы, можетъ быть, какъ отличенные честію. И они малочисленнѣе подчиненныхъ имъ, какъ сказалъ святой Діонисій, епископъ аѳинскій, но больше по власти и вѣдѣнію, и очень раздѣлены по величію своихъ чиновъ. Ибо простираются отъ чина въ чинъ, пока не достигнутъ къ единству паче всѣхъ великаго и могущественнаго—Главы и основанія всей твари. Главою же называю не Творца, но Стоящаго во главѣ чудесъ дѣлъ Божіихъ. Ибо многіе—ниже промышленія премудрости Бога, ихъ и нашего Творца, и столько ниже, сколько подъ ними состояще—ниже ихъ самихъ. Называю же низшими, разумѣя высоту и низость не въ мѣстѣ, но въ силѣ вѣдѣнія, сообразно съ тою мѣрою; какую приобрѣтаютъ въ сравненіи съ послѣдующимъ, большимъ или меньшимъ, вѣдѣніемъ. Ибо всѣ сіи духовныя сущности Божественное Писаніе наименовало девятью духовными именами, и раздѣлило ихъ на три степени; и первую дѣлитъ на великіе, высокіе и святѣйшіе Престолы, многоочитыхъ Херувимовъ и шестокрылатыхъ Серафимовъ; вторую же степень—на Господства, Силы и Власти, и третью, — на Начала, Архангеловъ и Ангеловъ. Чины же сіи съ еврейскаго толкуются; Серафимы — согрѣвающіе и сожигающіе;

¹⁾ Духи.

Херувимы — обильные вѣдѣніемъ и мудростію; Престолы — Божія опора и Божій покой; и сими именами названы чины сіи по ихъ дѣйствованіямъ. Именуются же Престолы, какъ досточестные, Господства, — какъ имѣющіе власть надъ всякимъ царствомъ, Начала, — какъ устрояющіе эѳиръ, Власти, — какъ властвующіе надъ народами и надъ каждымъ человѣкомъ, Силы, — какъ крѣпкіе силою и страшные видѣніемъ своимъ, Серафимы, — какъ освящающіе, Херувимы, — какъ носящіе, Архангелы, — какъ бодрственные стражи, Ангелы, — какъ посылаемые.

Въ первый день сотворено девять духовныхъ природъ въ молчаніи, и одна природа — словомъ; и это — свѣтъ. Во второй день сотворена твердь. Въ третій день произвелъ Богъ собраніе водъ и прозябеніе злаковъ; въ четвертый — отдѣленіе свѣта; въ пятый — птицъ, пресмыкающихся и рыбъ; въ шестой — животныхъ и человѣка. Устроеніе цѣлаго міра — долгота и широта; начало — востокъ; конецъ — западъ; правая сторона — сѣверъ; лѣвая — югъ. Цѣлую землю поставилъ Богъ, какъ одръ; высшее небо — какъ кожу и сводъ, и кубъ; второе небо, какъ колесо, примкнутое къ первому небу, и то, что примкнуто къ небу и землѣ; океанъ — какъ поясъ, окружающій небо и землю, а внутри его высокія горы, достигающія до неба, и позади горъ солнце, чтобы проходило тамъ въ продолженіе цѣлой ночи, и среди сихъ горъ великое море, которое занимаетъ около трехъ четвертей всей суши.

Богу же нашему да будетъ слава!

С Л О В О 18.

О ВИДѢНІИ ЕСТЕСТВА БЕЗПЛОТНЫХЪ, ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ.

Вопросъ. Сколькими различными способами чело-вѣческая природа пріемлетъ видѣніе естества безплотныхъ?

Отвѣтъ. Постигненіе всякаго простаго и тонкаго естества духовныхъ тѣлъ ¹⁾ подлежатъ чувству природы человѣческой въ трехъ разныхъ видахъ: или въ дебелости видимаго предмета—осуществленно, или въ тонкости онаго—неосуществленно, или въ истинномъ созерцаніи, т. е. въ созерцаніи самой сущности. Что до перваго, то на сіе имѣютъ власть и чувства; что до втораго, то душа усматриваетъ сіе въ одной поверхности; что до третьяго, то нужна здѣсь сила естества умнаго. И еще, что до каждаго изъ двухъ послѣднихъ ²⁾, то на сіе имѣютъ власть воля и умъ; и что до воли и душевнаго услажденія и того, съ чѣмъ оно сложено ³⁾, то воля бываетъ первою этому причиною. И это суть порожденія свободы, хотя, во время потребности, свобода и воля сохраняютъ безмолвіе, пока имѣетъ мѣсто и останавливается на семъ дѣйствованіе. Въ одномъ случаѣ оно указываетъ только, и бываетъ безъ ободряющей воли и безъ истиннаго вѣдѣнія, потому что чувства способны принимать въ себя случайное безъ участія воли. Сими тремя способами святыя Силы, при общеніи съ нами, служатъ къ нашему наставленію и къ устроенію нашей жизни.

Нечистые же демоны, когда приближаются къ намъ на погибель, а не на пользу нашу, могутъ въ насъ приводить въ дѣйствіе два только способа; не могутъ же приступать къ намъ, для оболъщенія нашего, третьимъ способомъ; потому что демоны вовсе не имѣютъ силы приводить въ насъ въ движеніе естественные помыслы ума. Ибо сынамъ тьмы невозможно приближаться къ свѣту. Но святыя Ангелы обладаютъ тѣмъ, что могутъ приводить въ движеніе и просвѣщать помыслы, тогда какъ демоны суть властители и творцы ложныхъ мыслей—исчадій тьмы;

¹⁾ Духовными тѣлами называются здѣсь самая безплотныя и невещественныя сущности, которыя наименованы естествомъ несложнымъ.

²⁾ Видовъ постиженія.

³⁾ Подъ этимъ разумѣется умъ, какъ думаетъ издатель греческаго текста—Никифоръ Θεοτοκисъ.

потому что отъ свѣтоносныхъ пріемлется свѣтъ, а отъ потемненныхъ—тьма.

Вопросъ. Какая причина, что тѣмъ данъ свѣтъ, а симъ нѣтъ?

Отвѣтъ. Всякій изъ этихъ учителей то вѣдѣніе, которому учить, сперва самъ въ себѣ разсматриваетъ, изучаетъ, пріемлетъ, вкушаетъ, и тогда уже можетъ предлагать оное учаемымъ. Первые ¹⁾ учителя точное познаніе о вещахъ передаютъ изъ собственнаго здраваго вѣдѣнія; и это суть тѣ, которые въ самомъ началѣ могутъ все обнимать въ быстромъ постиженіи самага быстраго и чистаго ума. Демоны же обладаютъ скоростію, но не свѣтомъ. Иное же дѣло—быстрота, а иное—свѣтъ. Первая безъ втораго ведетъ къ гибели обладающаго ею. Второй показываетъ истину, а первая—призракъ истины, потому что свѣтъ показываетъ дѣйствительность вещей, и умножается и умаляется соразмѣрно съ образомъ жизни.

Святые Ангелы изъ собственнаго вѣдѣнія вливаютъ въ насъ познаніе о движеніи вещей, вѣдѣнія, которое сами прежде вкушаютъ, и постигаютъ, и тогда передаютъ намъ. И также вторые ²⁾ учителя, по мѣрѣ своего вѣдѣнія, возбуждаютъ въ насъ представленія о движеніи вещей, потому что иначе о томъ, въ чемъ сами не пребыли, нѣтъ необходимости имъ въ насъ возбуждать правые помыслы ³⁾. Впрочемъ, будь увѣренъ, какъ уже сказалъ я, что если-бы мы и могли принять, то они не были бы въ состояніи научить насъ истинному вѣдѣнію, хотя вначалѣ и имѣли оное. И опять, каждый изъ нихъ возбуждаетъ учащихся къ тому или къ противоположному, сообразно съ порядкомъ, которымъ онъ управляется. А я признаю за истину то, что умъ нашъ, и

¹⁾ Ангелы.

²⁾ Демоны.

³⁾ Въ греческомъ текстѣ вѣтъ отрицанія передъ словомъ „необходимости“; но такъ какъ безъ него смыслъ получается невѣрный, то мы въ переводѣ послѣдовали мнѣнію издателя греческаго текста Никифора Θεοτοκиса, который предлагаетъ добавить это отрицаніе.

безъ посредства святыхъ Ангеловъ, можетъ самъ собою и не учась возбуждаться къ доброду, хотя познанія о злѣ безъ посредства ¹⁾ демоновъ не пріемлютъ чувства, и не приводятся зломъ въ движеніе, и умъ не можетъ самъ собою сдѣлать зла. Ибо доброе насаждено въ природѣ, а злое—нѣтъ. Все же чуждое и отвлѣ привходящее,—для того чтобы быть познаннымъ, имѣетъ нужду въ какомъ-либо посредникѣ. Между тѣмъ какъ все, что произрастаетъ внутри, проникаетъ хотя сколько-нибудь въ природу и безъ наученія. И если таково свойство естества, что само собою возбуждается оно къ добру, то возрастаніе его и свѣтозарность возможны и безъ созерцанія Ангеловъ. Впрочемъ, они наши учителя, равно какъ учителя и взаимно другъ другу. Низшіе учатся у тѣхъ, которые приникаютъ на нихъ и имѣютъ болѣе свѣта; и такимъ образомъ, учатся одни у другихъ, восходя постепенно до той единицы, которая имѣетъ учителемъ Святую Троицу. И самый опять первый чинъ утвердительно говоритъ, что не самъ собою учится онъ, но имѣетъ учителемъ посредника Іисуса, отъ Котораго пріемлетъ и передаетъ низшимъ.

Разсуждаю такъ, что умъ нашъ не имѣетъ естественной силы устремиться къ Божественному созерцанію ²⁾, и однимъ лишь несовершенствомъ равнымы всѣмъ небеснымъ естествамъ,—потому что въ насъ и въ нихъ дѣйствуетъ благодать. По естеству же, и человѣческому и ангельскому уму созерцаніе Божества чуждо, потому что созерцаніе сіе не соприсчисляется къ прочимъ созерцаніямъ. Во всѣхъ же разумныхъ, и первыхъ и среднихъ, существахъ не по естеству бываетъ, но благодатію совершается созерцаніе всего сущаго, и небеснаго и земнаго; и не естество постигло сіе, какъ прочія вещи.

Умное созерцаніе, въ какомъ пребываетъ чинъ

¹⁾ Безъ внушенія.

²⁾ Хотя въ греческой книгѣ сказано утвердительно ἔχει (имать), но смыслъ послѣдующаго и начало 4-го слова показываютъ, что переводъ старца Паисія „не имать“ правильнѣе“ (Примѣчаніе къ переводу Паисія).

существовъ небесныхъ, и видѣніе, до пришествія Христа во плоти, не были для нихъ столько доступны, чтобы проникать имъ въ сіи тайны. Но когда воплотилось Слово, отверзлась имъ дверь въ Іисусѣ, какъ говоритъ Апостоль. А если-бы мы содѣлались непорочными и чистыми, то рассуждаю (а сіе и дѣйствительно такъ), что у насъ — человѣковъ мысли наши, безъ посредства существовъ небесныхъ, не могли бы приблизиться къ откровеніямъ и познаніямъ, возводящимъ къ оному вѣчному созерцанію, которое подлинно есть откровеніе тайнъ; потому что уму нашему не достаетъ такой силы, какая есть у горнихъ существъ, которыя пріемлютъ откровенія и созерцанія непосредственно отъ Вѣчнаго. Ибо и онѣ пріемлютъ въ образѣ, а не безъ прикровенія; подобно имъ пріемлетъ ¹⁾ и нашъ умъ. Ибо каждый чинъ пріемлетъ чрезъ переданіе отъ другого чина съ соблюденіемъ строгаго порядка и различенія въ сообщеніи отъ перваго чина второму, пока тайна перейдетъ такимъ образомъ ко всѣмъ чинамъ. Но многія изъ тайнъ останавливаются на первомъ чинѣ, и не простираются на другіе чины, потому что, кромѣ сего перваго чина, всѣ прочіе не могутъ вмѣстить въ себя величія тайны. А нѣкоторыя изъ тайнъ, исходя отъ перваго чина, открываются одному второму чину, и имъ сохраняются въ молчаніи, другіе же чины не постигли оныхъ; и нѣкоторыя тайны доходятъ до третьяго и до четвертаго чина. И еще, въ откровеніяхъ, видимыхъ святыми Ангелами, бываютъ приращеніе и умаленіе. А если такъ бываетъ у нихъ, то кольми паче можемъ ли мы пріять таковыя тайны безъ ихъ посредства?

Напротивъ того, отъ нихъ бываетъ то, что въ умѣ Святыхъ является ощущеніе откровенія какой-либо тайны. И какъ скоро попущено Богомъ, чтобы откровеніе передавалось отъ чина высшаго и потомъ низшаго другому чину: то такимъ образомъ, какъ скоро Божіимъ мановеніемъ попущено доходить чему-либо

¹⁾ Видѣнія и откровенія.

до естества человѣческаго, доходитъ сіе къ людямъ, по всему тому достойнымъ. Ибо чрезъ горніе чины пріемлютъ Святые свѣтъ созерцанія даже до славнаго Присносущія,—сей неизучаемой тайны, сами же они пріемлютъ другъ отъ друга, потому что суть *служебніи души посылаеми* къ тѣмъ, которые готовы содѣлаться наслѣдниками жизни (Евр. 1, 14). Но въ будущемъ вѣкѣ упразднится такой порядокъ, потому что не одинъ отъ другаго будетъ принимать тогда откровеніе славы Божіей, къ прославленію и веселію души своей, но каждому, по мѣрѣ доблестей его, непосредственно, что слѣдуетъ ему, дано будетъ Владыкою по достоинству, и не отъ другаго, какъ здѣсь, пріиметь онъ даръ. Ибо тамъ нѣтъ ни учащаго, ни поучаемаго, ни имѣющаго нужду, чтобы другой восполнилъ недостатокъ его. Тамъ одинъ Даятель, непосредственно дарствующій способнымъ пріять, и отъ Него пріемлютъ обрѣтающіе небесное веселіе. Тамъ прекратятся чины учащихъ и учащихся, и быстрота желанія всякаго будетъ стремиться къ Единому.

Говорю же, что мучимые въ гееннѣ поражаются бичемъ любви! И какъ горько и жестоко это мученіе любви! Ибо ощутившіе, что погрѣшили они противъ любви, терпятъ мученіе вѣдѣющее всякаго приводящаго въ страхъ мученія; печаль, поражающая сердце за грѣхъ противъ любви, страшнѣе всякаго возможнаго наказанія. Неумѣстна никому такая мысль, что грѣшники въ гееннѣ лишаются любви Божіей. Любовь есть порожденіе вѣдѣнія истины, которое (въ чемъ всякій согласенъ) дается всѣмъ вообще. Но любовь силою своею дѣйствуетъ двояко: она мучитъ грѣшниковъ, какъ и здѣсь случается другу терпѣть отъ друга, и веселитъ собою соблювшихъ долгъ свой. И вотъ, по моему разсужденію, геенское мученіе есть раскаяніе. Души же горнихъ сыновъ любовь упоываетъ своими утѣхами.

Вопросъ. Нѣкто былъ спрошенъ: когда человѣкъ узнаетъ, что получилъ отпущеніе грѣховъ своихъ?

Отвѣтъ. И спрошенный отвѣчалъ: когда ощутитъ въ душѣ своей, что совершенно, отъ всего сердца,

возненавидѣлъ грѣхи, и когда явно даетъ себѣ направление противоположное прежнему. Таковой уповаетъ, что получилъ отъ Бога оставленіе грѣхопадений, какъ возненавидѣвшій уже грѣхъ по свидѣтельству совѣсти, какое пріобрѣлъ въ себѣ, по Апостольскому слову: неосужденная совѣсть сама себѣ свидѣтель (Рим. II, 15).

Да сподобимся и мы получить отпущеніе грѣховъ нашихъ по благодати и челоуколюбію безначальнаго Отца съ единороднымъ Сыномъ и Святымъ Духомъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 19.

ОБРАЗЕЦЪ УМОЗРѢНІЯ О ДНѢ ВОСКРЕСНОМЪ И О СУББОТѢ,
И ПРИТОЧНОЕ ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ.

День воскресный есть неприемлемая нами, пока мы съ плотію и кровію, тайна вѣдѣнія истины, и она превосходитъ помышленія. Въ семь вѣкѣ нѣтъ дня осьмага, ни субботы, въ подлинномъ смыслѣ. Ибо сказавшій: *почи Богъ въ день седмый* (Быт. 2, 2), означилъ отдохновеніе по совершеніи теченія жизни сей; потому что гробъ оный есть тѣло, и оно отъ міра. Шесть дней совершаются въ дѣланіи жизни, храненіемъ заповѣдей; седьмой день весь проводится во гробѣ, а осьмой въ исшествіи изъ гроба.

Какъ удостоиваемые пріемлютъ здѣсь тайны воскреснаго дня въ притчѣ, а не самый день въ существѣ его, такъ и подвижники пріемлютъ тайны субботы въ притчѣ, но не въ дѣйствительности самую субботу, которая есть отдохновеніе отъ всего скорбнаго и совершенное упокоеніе отъ безпокойствъ ¹⁾. Ибо таинство, а не истинную дѣйствительность, устроятъ далъ намъ здѣсь Богъ. Истинная и несравненная суббота есть гробъ, показующій и знаменующій совершенное успокоеніе отъ тягости страстей и

¹⁾ Евр. 4, 9. 10.

отъ сопротивнаго покою дѣланія. Тамъ субботствуетъ все человѣческое естество—и душа и тѣло.

Богъ въ шесть дней привелъ въ порядокъ весь составъ міра сего, устроилъ стихіи, приснодвижному ихъ движенію далъ благоустройство для служенія, и не остановятся онѣ въ теченіи до своего разоренія. Ихъ-то силою, то-есть, силою первобытныхъ стихій, составилъ Онъ и наши тѣла. Но и стихіямъ не далъ покоя въ движеніи ихъ, ни тѣламъ нашимъ, изъ стихій происшедшимъ, отдохновенія отъ дѣланія. Предѣлъ же отдохновенія отъ дѣланія положилъ въ насъ, до тѣхъ поръ, когда тѣла наши послѣдуютъ первому своему сродству, и это есть разрѣшеніе отъ жизни сей. Такъ и Адаму сказалъ: *въ потъ лица твоего съѣси хлѣбъ твой*. И долго ли будетъ сіе? *дондеже возвратиши въ землю, отъ неяже взялъ еси*, и которая возраститъ тебѣ тернія и волчцы (Быт. 3, 18. 19). Вотъ тайны дѣланія жизни сей, пока ты живешь! Но съ той ночи, въ которую Господь изліялъ потъ, премѣнилъ Онъ потъ, изведшій тернія и волчцы, на потъ, проливаемый въ молитвѣ и вмѣстѣ въ дѣланіи правды.

Пять тысячъ и пять сотъ слишкомъ лѣтъ Богъ оставлялъ Адама трудиться на землѣ, потому что до толѣ *не у явися святыхъ путь*, какъ говоритъ божественный Апостоль (Еф. 3, 5. Евр. 9, 8). Въ послѣдокъ же дней пришелъ и заповѣдалъ свободѣ одинъ потъ замѣнить другимъ потомъ, дозволилъ не отдохновеніе отъ всего, но премѣненіе всего; потому что, за продолжительность злостраданія нашего на землѣ, оказалъ намъ Свое человѣколюбіе. Посему, если престанемъ проливать на землѣ потъ, то по необходимости пожнемъ тернія. Ибо оставленіе самой молитвы есть дѣланіе отѣлесенія земли, которая естественно произращаетъ тернія ¹⁾. Дѣйствительно же страсти суть тернія, и произрастаютъ въ насъ отъ сѣянія въ тѣло (Гал. 6, 8). Пока носимъ на себѣ образъ Адамовъ, необходимо *носимъ* въ себѣ и страсти Адамовы. Ибо невозможно землѣ не произращать прозябеній,

¹⁾ Т. е. чрезъ прекращеніе молитвы земля сердца нашего грубѣетъ.

свойственныхъ природѣ ея. Порожденіе же ея естества есть земля тѣль нашихъ, какъ гласитъ Божіе свидѣтельство: *земля, отъ неяже взятъ еси* (Быт. 3, 19). Та земля произращаетъ тернія, а сія разумная—страсти.

Если Господь по всему былъ для насъ образомъ, въ таинствѣ, во всѣхъ различныхъ дѣйствіяхъ домо-строительства Своего, и даже до девятаго часа пятка не преставалъ отъ дѣла и труда (а это есть тайна дѣланія нашего цѣлую жизнь), въ субботу же почилъ во гробѣ, то гдѣ утверждающіе, что въ жизни еще есть суббота, т. е. отдохновеніе отъ страстей? О днѣ же воскресномъ высоко для насъ и говоритъ. Наша суббота есть день погребенія. Тамъ дѣйствительно субботаствуетъ естество наше. Ежедневно же, пока стоитъ земля, належитъ намъ нужда исторгать изъ нея тернія. За продолжительность только нашего дѣланія оскудѣваютъ сіи тернія, потому что не всецѣло очищается отъ нихъ земля. И если это такъ, и при временномъ облѣненіи, или при маломъ нерадѣніи, умножаются тернія, и покрываютъ лице земли, подавляютъ посѣянное тобою, и трудъ твой обращаютъ въ ничто: то каждый уже день должно очищать землю, потому что прекращеніе очищенія увеличиваетъ множество терній, отъ котораго да очистимся по благодати единосущнаго и едиnorodнаго Сына Божія! Ему слава съ безначальнымъ Отцемъ и животворящимъ Духомъ во вѣки! Аминь.

С Л О В О 20.

Ежедневное напоминаніе о томъ, что всего нужнѣе, и что весьма полезно пребывающему въ келліи своей и рѣшившемуся быть внимательнымъ къ одному только себѣ.

Нѣкто изъ братій написалъ сіе и всегда полагалъ это предъ собою, напоминалъ объ этомъ себѣ и говорилъ: „Неблагодарно изжилъ ты жизнь свою, че-

ловѣкъ посрамленный и достойный всякаго зла; остерегись же хотя въ этотъ день, оставшійся отъ дней твоихъ, прошедшихъ напрасно безъ дѣлъ добрыхъ и обогатившихся дѣлами худыми. Не спрашивай ни о мѣрѣ, ни о жизни въ немъ, ни о монахахъ, ни о дѣлахъ ихъ, ни о томъ, какъ они живутъ, какъ велико ихъ дѣланіе, не заботясь ни о чемъ подобномъ. Тайственно исшелъ ты изъ міра, и считаешься какъ бы мертвымъ о Христѣ; не живи болѣе міру и тому, что въ мѣрѣ, да предваритъ тебя упокоеніе, и будешь живъ во Христѣ. Будь готовъ и вооружись терпѣніемъ противъ всякаго поношенія, всякой обиды, осмѣянія и порицанія отъ всѣхъ. И все это принимай съ радостію, какъ дѣйствительно того достойный; переноси съ благодареніемъ всякій трудъ и всякую скорбь, и всякую бѣду отъ демоновъ, которыхъ волю исполнялъ ты; мужественно сноси всякую нужду, и что приключится естественно, и всѣ горести. Въ упованіи на Бога терпи лишеніе того, что необходимо для тѣла и вскорѣ обращается въ гной. Желай все сіе принимать въ надеждѣ на Бога, не ожидая ни откуда болѣе ни избавленія, ни чьего-либо утѣшенія. *Возверзи на Господа печаль твою* (Псал. 54, 23), и во всѣхъ искушеніяхъ своихъ осуждай самъ себя, какъ виновнаго во всемъ этомъ. Ничѣмъ не соблазняйся, и не укоряй никого изъ оскорбляющихъ тебя; потому что и ты вкусилъ съ запрещеннаго древа, и ты пріобрѣлъ разныя страсти. Съ радостію принимай горести, пусть онѣ потрясутъ тебя немного; зато въ послѣдствіи усладишься. Горе тебѣ и смрадной славѣ твоей! Ибо душу свою, которая исполнена всякаго грѣха, оставилъ ты, какъ неосужденную, а другихъ осуждалъ словомъ и мыслію. Довольно, довольно съ тебя этой, свиніямъ приличной пищи, какою донынѣ питаешься ты. Что общаго съ людьми у тебя, скверный, и не стыдишься оставаться въ ихъ обществѣ, проводя жизнь такъ неразумно? Если обратишь на сіе вниманіе, и сохранишь все это,—можетъ быть, и спасешься при содѣйствіи Божіемъ. Въ противномъ же случаѣ, отойдешь въ страну темную и въ селеніе демоновъ, которыхъ волю

исполнялъ ты съ безстыднымъ лицомъ. Вотъ засвидѣтельствоважь я тебѣ о всемъ этомъ. Если Богъ праведно подвигнетъ на тебя людей воздать тебѣ за обиды и порицанія, какія держалъ ты въ мысли и изрекалъ на нихъ ¹⁾ во все время своей жизни, то цѣлый міръ долженъ быть занятъ тобою. Итакъ перестань отнынѣ, и претерпи находящія на тебя воздаянія“. Все это напоминалъ себѣ братъ каждый день, чтобы, когда прійдутъ на него искушенія или скорбь, быть ему въ состояніи претерпѣвать это съ благодарностію и съ пользою для себя. О, еслибъ и намъ съ благодареніемъ претерпѣвать постигающія насъ бѣдствія и извлекать изъ нихъ для себя пользу, по благодати человѣколюбца Бога! Ему слава и держава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 21.

О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ. ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢГАХЪ.

Вопросъ. Какими узами связывается сердце человѣческое, чтобы не стремиться ему къ злу?

Отвѣтъ. Тѣми, чтобы постоянно послѣдовать премудрости и избыточествовать ученіемъ жизни. Ибо нѣтъ иныхъ болѣе крѣпкихъ узъ, чтобы сдерживать ими безчиніе мысли.

Вопросъ. Гдѣ предѣль стремленій у послѣдователя премудрости, и чѣмъ оканчивается обученіе оной?

Отвѣтъ. Подлинно невозможно въ шествіи своемъ достигнуть сего предѣла, потому что и Святые не дошли въ этомъ до совершенства. Пути премудрости нѣтъ конца; она шествуетъ выше и выше, пока не соединитъ послѣдователя своего съ Богомъ. То и составляетъ ея признакъ, что постиженіе ея безпредѣльно, потому что Премудрость есть самъ Богъ.

Вопросъ. Какая первая стезя, приближающая насъ къ премудрости, и въ чемъ ея начало?

¹⁾ Въ греч. текстѣ сказано: „на Него“. Переводъ: „на нихъ“ взятъ изъ Паясія.

Отвѣтъ. Въ томъ, чтобы всею силою стремиться во слѣдъ премудрости Божіей, и въ семъ стремленіи отъ всей души поспѣшать до самаго конца жизни, даже изъ любви къ Богу не вознерадѣть и о томъ, чтобы, если это нужно, совлечься самой жизни, и отринуть ее отъ себя.

Вопросъ. Кто достойно именуется разумнымъ?

Отвѣтъ. Тотъ, кто дѣйствительно уразумѣлъ, что есть предѣлъ сей жизни. Онъ можетъ положить предѣлъ и своимъ прегрѣшеніямъ. Ибо какое вѣдѣніе, или какое разумѣніе, выше сего, — умудриться чело-вѣку выйти изъ жизни сей въ нерастлѣніи, не имѣя ни одной части, оскверненной зловоніемъ вожделѣнія, и никакой скверны въ душѣ, оставляемой сладостію вожделѣнія. Ибо если какой чело-вѣкъ утончаетъ мысли свои, чтобы проникнуть ему въ тайны всѣхъ естествъ, и обогащается изобрѣтеніями и наблюденіями во всякомъ вѣдѣніи, но душа его осквернена грѣховною скверною, и не пріобрѣлъ онъ свидѣтельства о надеждѣ души своей, однакоже думаетъ, что благополучно вошелъ въ пристань упованія: то нѣтъ въ мірѣ чело-вѣка неразумнѣе его, потому что дѣла его, въ непрерывномъ стремленіи его къ міру, довели его только до мірской надежды.

Вопросъ. Кто воистину крѣпче всѣхъ?

Отвѣтъ. Тотъ, кто благодушествуетъ въ скорбяхъ временныхъ, въ которыхъ сокрыты жизнь и слава побѣды его, и не вожделѣлъ широты, въ которой скрывается зловоніе стыда, и которая обрѣтающаго ее во всякое время напоеваетъ изъ чаши воздыханія.

Вопросъ. Какой бываетъ вредъ въ шествіи къ Богу, если кто, по причинѣ искушеній, уклоняется отъ добрыхъ дѣлъ?

Отвѣтъ. Невозможно приблизиться къ Богу безъ скорби; безъ нея и праведность чело-вѣческая не сохраняется неизмѣнною. И если чело-вѣкъ оставляетъ дѣла, пріумножающія праведность, то оставляетъ и дѣла, охраняющія ее. И дѣлается онъ подобенъ не-охраняемому сокровищу, — и борцу, съ котораго со-

влечены его оружія, когда окружили его полки враговъ его,—и кораблю, не имѣющему снастей своихъ, —и саду, отъ котораго отведенъ источникъ воды.

Вопросъ. Кто просвѣщенъ въ своихъ понятіяхъ?

Отвѣтъ. Тотъ, кто умѣлъ отыскать горечь, сокровенную въ сладости міра, воспретилъ устамъ своимъ пить изъ этой чаши, доискивается всегда, какъ спасти душу свою, не останавливается въ своемъ стремленіи, пока не отрѣшится отъ міра сего, и заключаетъ двери чувствъ своихъ, чтобы не вошла въ него приверженность къ сей жизни, и не похитила у него тайныхъ сокровищъ его.

Вопросъ. Что такое міръ? Какъ познаемъ его, и чѣмъ вредитъ онъ любителямъ своимъ?

Отвѣтъ. Міръ есть блудница, которая взирающихъ на нее съ вожделѣніемъ красоты ея привлекаетъ въ любовь къ себѣ. И къмъ, хотя отчасти, возобладала любовь къ міру, кто опутанъ имъ, тотъ не можетъ выйти изъ рукъ его, пока міръ не лишитъ его жизни. И когда міръ совлечетъ съ человѣка все, и въ день смерти вынесетъ его изъ дому его, тогда узнаетъ человѣкъ, что міръ подлинно льстецъ и обманщикъ. Когда же будетъ кто усиливаться выйти изъ тьмы міра сего, пока еще сокрытъ въ немъ, не возможетъ видѣть путь его. И такимъ образомъ, міръ удерживаетъ въ себѣ не только учениковъ и чадъ своихъ, и тѣхъ, которые связаны имъ, но и нестяжательныхъ, и подвижниковъ, и тѣхъ, которые сокрушили узы его и однажды стали выше его. Вотъ, и ихъ различными способами начинаетъ уловлять въ дѣла свои, повергаетъ къ ногамъ своимъ и попираетъ.

Вопросъ. Что дѣлать намъ съ тѣломъ, когда окружатъ его болѣзнь и тяжесть, а съ нимъ вмѣстѣ изнеможетъ и воля въ пожеланіи добраго и въ первой крѣпости своей?

Отвѣтъ. Нерѣдко бываетъ съ иными, что одна половина ихъ пошла во слѣдъ Господа, а другая половина осталась въ мірѣ, и сердце ихъ не отрѣшилось отъ здѣшняго, но раздѣлились они сами въ себѣ, и иногда смотрятъ впередъ, а иногда назадъ. И думаю,

симъ раздѣлившимся въ себѣ самихъ и приближающимся къ пути Божію Премудрый даетъ совѣтъ, говоря: *не приступи къ нему сердцемъ раздвоеннымъ* (Сир. 1, 28), но приступай, какъ сѣющій и какъ жнущій (Сир. 6, 19). И Господь, зная, что сіи несовершенно отрекающіеся отъ міра, но раздѣленные въ себѣ самихъ, словомъ или, вѣрнѣе сказать, помысломъ, обращаются вспять, вслѣдствіе страха предъ скорбями, и потому, что не отвергли еще отъ себя плотской похоти, то, желая свергнуть съ нихъ это разслабленіе ума, изрекъ имъ опредѣленное слово: *кто хочетъ по Мнѣ ити, прежде да отвержется себе* и т. д. (Матѣ. 16, 24).

Вопросъ. Что значитъ отвергнуться себя самого?

Отвѣтъ. Какъ приготовившійся взойти на крестъ одну мысль о смерти имѣетъ въ умѣ своемъ, и такимъ образомъ восходитъ на крестъ, какъ человекъ не помышляющій, что снова будетъ имѣть часть въ жизни настоящаго вѣка, такъ и желающій исполнить сказанное. Ибо крестъ есть воля, готовая на всякую скорбь. И Господь, когда хотѣлъ научить, почему это такъ, сказалъ: *Кто хочетъ жить въ мірѣ семъ, тотъ погубитъ себя для жизни истинной; а кто погубитъ себя здѣсь Мене ради, тотъ обрящетъ себя тамъ* (Матѣ. 10, 39), т. е. обрѣтетъ себя шествующій путемъ крестнымъ и на немъ утвердившій стопы свои. Если же кто снова печется о жизни сей, то лишилъ онъ себя упованія, ради котораго вышелъ на скорби. Ибо попеченіе сіе не попускаетъ ему приблизиться къ скорби ради Бога, и тѣмъ самымъ, что предается онъ сему попеченію, оно увлекаетъ его постепенно и уводитъ изъ среды подвига воистину Божественнѣйшей и блаженной жизни, и возрастаетъ въ немъ помысль этотъ, пока не побѣдитъ его. *А иже въ умѣ своемъ погубитъ душу свою Мене ради*, изъ любви ко Мнѣ, тотъ неукоризненнымъ и невредимымъ сохранится въ жизнь вѣчную. Сіе то значитъ сказанное: *Иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю.* Посему здѣсь еще самъ уготовь душу свою къ совершенному уничтоженію для этой жизни. И если погубишь себя для этой жизни,

то Господь скажетъ тебѣ, такъ помышляющему: дамъ тебѣ *жизнь вѣчный*, какъ обѣщаль Я тебѣ (Іоан. 10, 28). Если же и въ сей жизни пребудешь, то здѣсь еще самымъ дѣломъ покажу тебѣ обѣтованіе Мое и удостовѣреніе въ будущихъ благахъ. И тогда обрѣтешь вѣчную жизнь, когда будешь пренебрегать этою жизнью. И когда такъ приготовленный выступишь на подвигъ, тогда сдѣлается въ очахъ твоихъ достойнымъ пренебреженія все, почитаемое печальнымъ и скорбнымъ. Ибо, когда умъ приготовится такимъ образомъ, тогда нѣтъ для него ни борьбы, ни скорби во время смертной опасности. Посему, должно въ точности знать, что, если человѣкъ не возненавидитъ жизни своей въ мірѣ, по причинѣ вожделѣнія жизни будущей и блаженной, то не можетъ вполне перенести всякаго рода скорбей и печалей, постигающихъ его каждый часъ.

Вопросъ. Какимъ образомъ человѣкъ отсѣкаетъ прежнюю свою привычку и приучается въ жизни къ недостаткамъ и къ подвижничеству?

Отвѣтъ. Тѣло не соглашается жить безъ удовлетворенія нуждъ его, пока окружено тѣмъ, что служитъ къ наслажденію и расслабленію, и умъ не можетъ удержать его отъ этого, пока оное тѣло не будетъ устранено отъ всего производящаго расслабленіе. Ибо, когда открыто предъ нимъ зрѣлище наслажденія и суеты, и каждый почти часъ видитъ служащее къ расслабленію, тогда пробуждается въ немъ пламенное пожеланіе сего, и, какъ бы разжигая его, раздражаетъ. Посему-то Искупитель Господь обязавшемуся итти во слѣдъ Его всепремудро ¹⁾ и весьма хорошо заповѣдалъ: обнажиться и выйти изъ міра (Мѡ. 19, 21), потому что человѣкъ долженъ сперва отринуть все, служащее къ расслабленію, и потомъ приступать къ дѣлу. И самъ Господь, когда началъ брань съ діаволомъ, велъ оную въ самой сухой пустынѣ. И Павелъ пріемлющимъ на себя крестъ Христовъ совѣ-

¹⁾ „Всепремудро“ въ греч. изданіи нѣтъ; вставлено нами изъ перевода Паисія.

туеть выйти изъ града. *Да исходимъ къ Нему*, говоритъ, *внѣ града, и приимемъ поношеніе Его* (Евр. 13, 12, 13), потому что пострадалъ Онъ внѣ града. Ибо, если отлучить себя человѣкъ отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ, скоро забываетъ прежнюю свою привычку и прежній образъ жизни, и долгое время не трудится надъ этимъ. А отъ приближенія его къ міру и къ вещамъ мірскимъ скоро разслабѣваетъ сила ума его. Посему должно знать, что особенно споспѣшествуетъ и ведетъ къ преуспѣванію въ сей страдальческой и спасительной брани. Итакъ, пригодно и споспѣшествуетъ въ сей брани, чтобы монашеская келлія была въ скудномъ и недостаточномъ состояніи, чтобы келлія у монаха была пуста и не содержала въ себѣ ничего, возбуждающаго въ немъ вожделѣніе покоя. Ибо, когда удалены отъ человѣка причины разслабляющія, нѣтъ ему опасности въ двоякой брани—внутренней и внѣшней. И такимъ образомъ человѣкъ, который вдали отъ себя имѣетъ служащее къ удовольствію, безъ труда одерживаетъ побѣду, въ сравненіи съ тѣмъ, у котораго вблизи возбуждающее его къ вожделѣнію. Ибо здѣсь сугубый подвигъ.

Когда человѣкъ желаетъ имѣть только нужное для поддержанія тѣла его, тогда и потребности его дѣлаются удобо-пренебрегаемыми, и даже въ необходимое время умѣреннаго удовлетворенія потребностямъ своимъ взираетъ онъ на сіе не съ вожделѣніемъ, и малымъ чѣмъ-нибудь ¹⁾ подчиняетъ себѣ тѣло и смотритъ на это, какъ на нѣчто удобопренебрегаемое и приближается къ пищѣ не изъ-за сладости ея, но чтобы помочь естеству и подкрѣпить оное. Такія средства скоро доводятъ человѣка до того, что приступаетъ онъ къ подвижничеству съ нескорбнымъ и безпечальнымъ помысломъ. Итакъ, рачительному иноку прилично скорою ногою, не обращаясь вспять, бѣжать отъ всего воющаго съ инокомъ, не входить въ общеніе съ тѣмъ, что ведетъ съ нимъ брань, но

¹⁾ Т.-е малымъ количествомъ пищи.

воздерживаться даже отъ одинаго возрѣнія на нихъ и, сколько возможно, удаляться отъ ихъ приближенія. И говорю это не только о чревѣ, но и о всемъ, что вводитъ въ искушеніе и брань, чѣмъ искушается и испытывается свобода инока. Ибо человекъ, когда приходитъ къ Богу, дѣлаетъ съ Богомъ завѣтъ воздерживаться отъ всего этого, именно же: не засматриваться на лице женское. не смотрѣть на красивыя лица, не питать ни къ чему вожделѣнія, не роскошествовать, не смотрѣть на нарядныя одежды, не смотрѣть на всякій порядокъ, заведенный у мірянъ, не слушать словъ ихъ и не любопытствовать о нихъ, потому что страсти пріобрѣтаютъ большую силу отъ сближенія со всѣмъ подобнымъ сему, какъ разслабляющимъ подвижника и измѣняющимъ мысли его и намѣренія. И если возрѣніе на что-либо хорошее возбуждаетъ произволеніе истиннаго ревнителя. и склоняетъ къ совершенію добра, то явно, что и противоположное сему имѣетъ силу плѣнять умъ. И если съ безмолвствующимъ умомъ не случается чего-либо большаго, а только ввергаетъ онъ себя въ бранный подвигъ, то и это великая уже утрата—самому себя изъ мирнаго состоянія произвольно ввергнуть въ смущеніе.

И если одинъ изъ старцевъ, подвижниковъ и борцовъ, увидѣвъ юношу, не имѣвшаго бороды и походившаго на женъ, почелъ это вреднымъ для помысла и гибельнымъ для своего подвига, то можетъ ли кто вознерадѣть въ другомъ чемъ ¹⁾, когда этотъ святой не рѣшился войти и облобызать брата? Ибо мудрый старецъ рассуждалъ: „если подумаю только въ эту ночь, что есть здѣсь нѣчто такое, то и сіе будетъ для меня великимъ вредомъ“. Посему-то не вошелъ онъ, и сказалъ имъ: „не боюсь я, чада; но для чего же и желать мнѣ напрасно воздвигать на себя брань? Воспоминаніе о чемъ-либо подобномъ производитъ въ умъ бесполезное смущеніе. Въ каждомъ членѣ этого тѣла скрывается приманка, человеку предстоитъ отъ

¹⁾ Воздвигающемъ брань.

сего великая брань, и должно ему охранять себя и облегчать для себя угрожающую въ этомъ брань, спасаясь отъ нея бѣгствомъ; а какъ скоро приближается что-либо такое, человекъ, хотя и принуждаетъ себя къ добру, однако же бываетъ въ опасности отъ этого, всегда видя это и вождельвая этого“.

Въ землѣ видимъ многіе сокровенные яды, и лѣтомъ по причинѣ жара никто не знаетъ ихъ; когда же увлажнены будутъ и ощутятъ силу прохладнаго воздуха, тогда оказывается, гдѣ былъ погребенъ въ землѣ каждый ядъ. Такъ и человекъ, когда онъ въ благодати безмолвія и въ теплотѣ воздержанія, тогда дѣйствительно бываетъ въ покоѣ отъ многихъ страстей; если же входитъ въ мірскія дѣла, то видитъ тогда, какъ возстаетъ каждая страсть, подымлетъ главу свою, особливо если ощутитъ воню покоя. Сказалъ же я это для того, чтобы никто не предавался самонадѣянности, пока живетъ въ семъ тѣлѣ, и пока не умретъ; хотѣлось мнѣ также показать, что убѣгать и удаляться отъ всего, что ведетъ къ порочной жизни, много помогаетъ человекъ въ подвижническомъ бореніи. Всегда должно намъ бояться того, о чемъ одно воспоминаніе причиняетъ намъ стыдъ, и также не поирать совѣсти, и не пренебрегать ею. Итакъ, попытаемся удалить тѣло на время въ пустыню, и заставимъ его пріобрѣсти терпѣніе. А что всего важнѣе, пусть каждый (хотя бы это и прискорбно было для него, но за то нечего уже будетъ ему бояться) старается, гдѣ бы онъ ни былъ, удаляться отъ причинъ брани, чтобы, когда прійдетъ потребность, не пасть ему отъ близости оныхъ.

Вопросъ. Кто отринувъ отъ себя всякое попеченіе и вступилъ въ подвигъ, какое у него начало брани со грѣхомъ, и чѣмъ начинается онъ сію борьбу?

Ответъ. Всѣмъ извѣстно, что всякой борьбѣ со грѣхомъ и вождельніемъ служитъ началомъ трудъ бдѣнія и поста, особливо же, если кто борется съ грѣхомъ, внутри насъ пребывающимъ. Въ этомъ усматривается признакъ ненависти ко грѣху и вождельнію его въ ведущихъ сію невидимую брань; начи-

наютъ они постомъ, а послѣ него содѣйствуетъ подвижничеству ночное бдѣніе.

О постѣ и бдѣніи.

Кто въ теченіе цѣлой своей жизни любитъ бесѣду съ этою четюю, тотъ бываетъ другомъ цѣломудрія. Какъ началомъ всему худому служитъ упокоеніе чрева и расслабленіе себя сномъ, возжигающее блудную похоть, такъ святыи путь Божій и основаніе всѣхъ добродѣтелей — постъ, бдѣніе, бодрствованіе въ службѣ Божіей, въ распинаніи тѣла цѣлый день и ночь, въ противность сладости сна. Постъ—огражденіе всякой добродѣтели, начало подвига, вѣнецъ воздержныхъ, красота дѣвства и святости, свѣтлость цѣломудрія, начало христіанскаго пути, мать молитвы, источникъ цѣломудрія и разума, учитель безмолвія, предшественникъ всѣхъ добрыхъ дѣлъ. Какъ здоровымъ глазамъ свойственно вожделѣніе свѣта, такъ посту, соблюдаемому съ разсудительностію, свойственно вожделѣніе молитвы.

Какъ скоро начнетъ кто поститься, вожделѣваетъ уже съ этого времени умомъ своимъ прійти въ вожделѣніе собесѣдованія съ Богомъ. Ибо тѣло нестящееся не терпитъ того, чтобы цѣлую ночь проспять на постели своей. Когда на уста чловѣку налагается печать постовъ, тогда помысль его поучается въ умиленіи, сердце его источаетъ молитву, на лицѣ у него груеть, и срамные помыслы далеки отъ него, не видно веселости въ очахъ его, врагъ онъ похотѣній и суетныхъ бесѣдъ. Никто никогда не видалъ, чтобы разсудительный постникъ сталъ рабомъ худого вожделѣнія. Постъ съ разсудительностію — обширная обитель для всякаго добра. А кто нерадитъ о постѣ, тотъ приводитъ въ колебаніе все доброе, потому что постъ былъ заповѣдію, вначалѣ данною нашему естеству въ остереженіе противъ вкушенія пищи, и нарушеніемъ поста пало начало нашего созданія. Но въ чемъ состояло первое униженіе, съ того начинаютъ подвижники преуспѣвать въ

страхъ Божию, какъ скоро начнутъ хранить законъ Божій.

Съ сего началъ и Спаситель, когда явился міру на Іорданѣ. Ибо, по крещеніи, Духъ извелъ Его въ пустыню, и постился Онъ тамъ сорокъ дней и сорокъ ночей. Подобно и всѣ исходящіе во слѣдъ Спасителя на семь основаній утверждаютъ начало своего подвига, потому что постъ есть оружіе, уготованное Богомъ. И кто, если нерадитъ о немъ, не будетъ укоренъ за сіе? Если постится самъ Законоположникъ, то какъ не постится кому-либо изъ соблюдающихъ законъ? Посему-то до поста родъ чловѣчскій не зналъ побѣды, и діаволъ никогда не испытывалъ пораженія своего отъ нашего естества; но отъ сего оружія изнемогъ въ самомъ началѣ. И Господь нашъ былъ вождемъ и первенцемъ сея побѣды, чтобы на главу естества нашего возложить первый побѣдный вѣнецъ. И какъ скоро діаволъ видитъ сіе оружіе на комъ-нибудь изъ людей, тотчасъ приходитъ въ страхъ сей противникъ и мучитель, немедленно помышляетъ и воспоминаетъ о пораженіи своемъ въ пустынѣ Спасителемъ, и сила его сокрушается, и возрѣніе на оружіе, данное намъ Началовождемъ нашимъ, попаляетъ его. Какое оружіе сильнѣе этого? и что придаетъ столько смѣлости сердцу въ борьбѣ съ духами злобы, какъ алчба ради Христа? Ибо въ какой мѣрѣ утруждается и злостраждетъ тѣло въ то время, какъ окружаетъ чловѣка полкъ демонскій, въ такой мѣрѣ сердце исполняется упованіемъ. Облеченный въ оружіе поста во всякое время распалается ревностію. Ибо и ревнитель Илія, когда возревновалъ о законѣ Божию, пребывалъ въ семь дѣлъ — въ постѣ. Постъ стяжавшему его напоминаетъ заповѣди Духа. Онъ есть посредникъ ветхаго закона и благодати, данной намъ Христомъ. Кто нерадитъ о постѣ, тотъ и въ другихъ подвигахъ расслабленъ, нерадивъ, немощенъ, показываетъ тѣмъ начало и худой признакъ расслабленія души своей, и воюющему съ нимъ даетъ случай къ побѣдѣ, такъ какъ нагимъ и безоружнымъ

исходитъ на подвигъ, а посему явно, что выйдетъ изъ борьбы безъ побѣды, потому что члены его не облеклись въ теплоту алчбы въ постѣ. Таковъ постѣ. Кто пребываетъ въ немъ, у того умъ непоколебимъ и готовъ срѣтить и отразить всѣ лютыя страсти.

О многихъ мученикахъ сказываютъ, что на тотъ день, въ который ожидали они пріять вѣнецъ мученичества, если предузнавали о семъ или по откровенію или по извѣщенію отъ кого-либо изъ друзей своихъ, ничего не вкушали всю ночь, но съ вечера до утра стояли бодрственно на молитвѣ. славя Бога въ псалмахъ, пѣніяхъ и пѣсняхъ духовныхъ, съ веселіемъ и радованіями ожидали того часа, какъ иные уготовившіеся на бракъ, чтобы въ постѣ срѣтить мечъ. Посему и мы, призванные къ невидимому мученичеству, чтобы пріять вѣнцы святыни, будемъ трезвиться, и врагамъ нашимъ да не будетъ дано знака отреченія ни однимъ членомъ, ни одною частию нашего тѣла.

Вопросъ. Почему нерѣдко иные, и даже многіе, имѣя, можетъ быть, и дѣла сіи, не чувствуютъ тишины, и успокоенія страстей, и мира помысловъ?

Отвѣтъ. Страсти, сокровенныя въ душѣ, не исправляются, братъ, тѣлесными только трудами; они не удерживаютъ и помысловъ о томъ, что пробуждается всегда чувствами. Труды сіи охраняютъ человѣка отъ пожеланій, чтобы не былъ ими препобѣждаемъ, и отъ демонскаго обольщенія, но не доставляютъ душѣ мира и тишины. Ибо дѣла и труды тогда доставляютъ душѣ безстрастіе, умерщвляютъ *уды, яже на земли* (Кол. 3, 5), и даруютъ упокоеніе помысловъ, когда пріобщимся безмолвію, когда во внѣшнихъ чувствахъ прекратится смятеніе, и нѣсколько времени пребудутъ они въ дѣланіи премудрости ¹⁾. А пока человѣкъ не лишится возможности быть въ сообществѣ съ людьми, и членовъ своихъ и себя самого отъ развлеченія помысловъ не соберетъ самъ въ себя, до тѣхъ поръ не возможетъ узнать страсти своей.

¹⁾ Т е. премудрости безмолвія

Безмолвіе, какъ сказалъ святой Василій, есть начало очищенія души. Ибо, когда во внѣшнихъ членахъ прекратятся внѣшній мятежъ и попеченіе о внѣшнемъ, тогда умъ отъ внѣшнихъ попеченій и паренія возвращается въ себя, и упокоивается въ себѣ, а сердце пробуждается къ изслѣдованію внутреннихъ душевныхъ мыслей. И если человѣкъ хорошо устоитъ въ этомъ, то приходитъ онъ понемногу въ состояніе шествовать къ душевной чистотѣ.

Вопросъ. Не можетъ ли душа очиститься и во время пребыванія внѣ двери ¹⁾?

Отвѣтъ. Если дерево ежедневно поливается, то засыхаетъ ли когда корень его? Убываетъ ли когда въ сосудѣ, въ который ежедневно прибавляютъ? И если чистота не иное что есть, какъ удаленіе отъ жизни свободной и оставленіе этой привычки, то какъ и когда пожелаетъ очиститься душою своею тотъ, кто дѣятельно, самъ собою или другими, посредствомъ чувствъ, обновляетъ въ себѣ памятованіе старой привычки, т. е. познаніе вновь порока? Когда можетъ очиститься душою своею отъ этого или освободиться отъ внѣшнихъ противодѣйствій, чтобы хоть увидѣть себя? Если сердце ежедневно оскверняется, то когда оно очищается отъ скверны? Не въ силахъ онъ противостать дѣйствию внѣшней силы, не тѣмъ ли паче не можетъ очистить сердца, когда стоитъ среди воинскаго стана, и ежедневно ждетъ слышать частыя вѣсти о брани? И какъ осмѣлится онъ возвѣстить миръ душѣ своей? Если же удалится отъ сего, то можетъ понемногу прекращать сперва внутреннія волненія. Пока рѣка не преграждена вверху, не изсякаютъ воды ея внизу. Когда же прійдетъ человѣкъ въ безмолвіе, тогда душа можетъ различать страсти и разумно извѣдывать свою мудрость. Тогда и внутренній человѣкъ пробуждается на духовное дѣло, и день ото дня болѣе ощущаетъ сокровенную мудрость, цвѣтушую въ душѣ его.

Вопросъ. Какія точныя указанія и близкіе признаки,

¹⁾ Т. е. внѣ келліи

по которымъ человѣкъ ощущаетъ, что началъ онъ видѣть въ себѣ плодъ, сокрытый въ душѣ?

Отвѣтъ. Когда сподобится кто благодати многихъ слезъ, проливаемыхъ безъ понужденія, потому что слезы положены уму какъ бы нѣкимъ предѣломъ между тѣлеснымъ и духовнымъ, между состояніемъ страстнымъ и чистотою. Пока не приметъ человѣкъ сего дарованія, совершается дѣло его еще во внѣшнемъ только человѣкѣ, и еще вовсе не ощутилъ онъ дѣйственности тайнъ духовнаго человѣка. Ибо, когда человѣкъ начнетъ оставлять тѣлесное настоящаго вѣка, и оказывается переступившимъ сей предѣлъ того, что находится въ естествѣ, тогда скоро достигаетъ сей благодати слезъ. И слезы сіи начинаются отъ первой обители сокровеннаго житія, и возводятъ человѣка къ совершенству любви Божіей. И чѣмъ далѣе ¹⁾ преуспѣваетъ онъ, тѣмъ болѣе обогащается сею благодатию, пока отъ продолжительнаго изліянія слезъ не начнетъ пить ихъ и въ пищу своей, и въ питіи своемъ.

И это точный признакъ, что умъ исшелъ изъ міра сего, и ощутилъ оный духовный міръ. Но въ какой мѣрѣ человѣкъ умомъ своимъ приближается къ сему міру, въ такой же мѣрѣ умалются слезы сіи. И когда умъ совершенно бываетъ въ семъ мірѣ, тогда совершенно лишается онъ сихъ слезъ. И это есть признакъ, что человѣкъ погребенъ въ страстяхъ.

О различіи слезъ.

Бываютъ слезы сожигающія, и бываютъ слезы утучняющія. Посему, всѣ тѣ слезы, которыя исходятъ изъ сущности сердца отъ сокрушенія о грѣхахъ, иссушаютъ и сожигаютъ тѣло; а нерѣдко и самое владычественное въ душѣ, во время изліянія слезъ, ощущаетъ отъ нихъ вредъ. И сперва человѣкъ по принужденію вступаетъ на эту степень слезъ, и ими отверзается ему дверь войти на вторую ступень, луч-

¹⁾ Въ семъ житіи.

шую первой; и это есть страна радости, въ которой человѣкъ пріемлетъ милость. Это уже слезы, проливаемые по благоразумію: онѣ и украшаютъ, и утучняютъ тѣло, и исходятъ непринужденно сами собою; и не только, какъ сказано, утучняютъ тѣло человѣческое, но и видъ человѣка измѣняется. Ибо сказано: *сердцу веселящуся, лице цвѣтетъ: въ печалехъ же сушу, стѣнетъ* (Притч. 15, 13).

Вопросъ. Что значитъ воскресеніе души, о которомъ говоритъ Апостоль; *аще воскреснете со Христомъ* (Колос. 3, 1)?

Отвѣтъ. Апостоль, сказавъ: *Богъ, рекій изъ тмы свѣту возсіати, Иже возсія въ сердцахъ нашихъ* (2 Кор. 4, 6), показалъ, что воскресеніемъ души должно называть исшествіе изъ ветхости, именно, чтобы произошелъ новый человѣкъ, въ которомъ нѣтъ ничего отъ ветхаго человѣка, по сказанному: *и дамъ имъ сердце ново, и духъ новъ* (Ез. 36, 26). Ибо тогда воображается въ насъ Христосъ Духомъ премудрости и откровенія познанія Его.

Вопросъ. Въ чемъ состоитъ (говоря кратко) сила дѣланія безмолвія?

Отвѣтъ. Безмолвіе умерщвляетъ внѣшнія чувства и воскрешаетъ внутреннія движенія. А занятіе внѣшнимъ производитъ противное тому: возбуждаетъ внѣшнія чувства, и умерщвляетъ внутреннія движенія.

Вопросъ. Что бываетъ причиною видѣній ¹⁾ и откровеній: ибо иные имѣютъ видѣнія, а иные трудятся больше ихъ, однакоже видѣніе не дѣйствуетъ въ нихъ столько?

Отвѣтъ. Причинъ сему много. Однѣ изъ нихъ—домостроительственныя, имѣютъ цѣлю общую пользу, другія же—утѣшеніе, дерзновеніе и наученіе немощныхъ. И во-первыхъ, все сіе устрояется по милости Божіей къ людямъ; большею же частію устрояется сіе ради гроякаго рода людей, — или ради людей простыхъ и крайне незлобивыхъ, или ради нѣкоторыхъ совершенныхъ и святыхъ, или ради тѣхъ, ко-

1) Духовныхъ.

торые имѣютъ пламенную ревность Божию, отреклись и совершенно отрѣшились отъ міра, удалились отъ сожителства съ людьми, оставивъ все, не ожидая никакой помощи отъ видимаго, пошли во слѣдъ Богу. На нихъ-то нападаетъ боязнь вслѣдствіе ихъ уединенія, или окружаетъ ихъ опасность смертная отъ голода, отъ болѣзни, или отъ какого-нибудь обстоятельства, и отъ скорби, такъ что приближаются они къ отчаянію. Посему, если таковымъ бываютъ утѣшенія, а тѣмъ, которые превосходятъ ихъ трудами, не бываетъ, то первая сему причина — непорочность и порочность, и именно совѣсти ¹⁾. Вторая же причина, навѣрное, есть слѣдующая: какъ скоро имѣетъ кто человѣческое утѣшеніе или утѣшеніе чѣмъ-либо видимымъ, то не бываетъ ему подобныхъ утѣшеній, развѣ по нѣкому домостроительству, ради общей пользы. У насъ же слово объ отшельникахъ; и свидѣтель сказанному одинъ изъ Отцевъ, который молился объ утѣшеніи, и услышалъ: „достаточно для тебя утѣшенія человѣческаго и бесѣды съ людьми“.

И другой нѣкто, подобно сему, когда былъ въ отшельничествѣ, и велъ жизнь отшельническую, ежедневно услаждался благодатнымъ утѣшеніемъ; а когда сблизился съ міромъ, взыскалъ по обычаю утѣшенія— и не обрѣлъ, и молилъ Бога открыть ему причину, говоря: „не ради ли епископства, Господи, отступила отъ меня благодать?“ И ему сказано: „нѣтъ,—но потому, что Богъ промышляетъ о живущихъ въ пустынѣ, и ихъ удостоиваетъ такихъ утѣшеній“. Ибо невозможно, чтобы кто-либо изъ людей имѣлъ видимое утѣшеніе, а вмѣстѣ пріялъ и невидимое отъ благодати, Божественное и таинственное ²⁾, развѣ по какому-нибудь, упомянутому выше, сокровенному домо-

¹⁾ Къ этимъ словамъ издатель греческаго текста Никифоръ Θεοτοκισъ сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Это—или непорочность отъ тѣлесныхъ страстей, но не душевныхъ и совѣсти; или непорочность, но не совершенная и полная; или непорочность такъ называемая, но не сущая на самомъ дѣлѣ“.

²⁾ Слово „невидимое—таинственное“ въ греческомъ текстѣ нѣтъ (тамъ стоитъ только слово „это“); но оно есть въ переводѣ Панаісія.

строительству, которое извѣстно въ подобныхъ случаяхъ одному Домостроительствующему.

Вопросъ. Одно ли и то же—видѣніе и откровеніе, или нѣтъ?

Отвѣтъ. Нѣтъ. Они различны между собой. Откровеніемъ ¹⁾ часто называется то и другое. Ибо, такъ какъ обнаруживается сокровенное ²⁾, то всякое видѣніе называется откровеніемъ. Откровеніе же видѣніемъ не называется. Слово—*откровеніе* большею частію употребляется о познаваемомъ, о томъ, что умомъ испытывается и уразумѣвается. Видѣніе же бываетъ всякими способами, напр., въ изображеніяхъ и образахъ, какъ бывало древле ветхозавѣтнымъ, въ глубокомъ снѣ, или въ бодрственномъ состояніи, и иногда со всею точностію, а иногда какъ бы въ призракъ и нѣсколько неявственно; почему и самъ, имѣющій видѣніе, часто не знаетъ, въ бодрственномъ ли состояніи видитъ онъ, или въ сонномъ. Можно и чрезъ гласъ слышать о заступленіи, а иногда видѣть какой-либо образъ, иногда же (видѣть) яснѣе, лицомъ къ лицу. И видѣніе, и совмѣстное пребываніе, и вопрошеніе, а съ нимъ и собесѣдованіе суть Святыя силы, видимыя достойными и творящія откровеніе. И таковыя видѣнія бываютъ въ мѣстахъ наиболѣе пустынныхъ и удаленныхъ отъ людей, гдѣ человѣкъ необходимо имѣетъ въ нихъ нужду; потому что нѣтъ у него иной помощи и утѣшенія отъ самаго мѣста. Откровенія же, ощущаемыя умомъ, при чистотѣ удобопріемлемы, и бываютъ только совершеннымъ и могущимъ разумѣть.

Вопросъ. Если достигъ кто сердечной чистоты, что служитъ ея признакомъ? И когда познаетъ человѣкъ, что сердце его достигло чистоты?

Отвѣтъ. Когда всѣхъ людей видитъ кто хорошими, и никто не представляется ему нечистымъ и оскверненнымъ, тогда подлинно чистъ онъ сердцемъ. Ибо, какъ исполниться слову Апостольскому, по которому

¹⁾ Въмѣсто „откровеніемъ“, можетъ быть, надо читать „видѣніемъ“, какъ предлагаетъ Никифоръ Θεοτοκισъ.

²⁾ И въ томъ, и въ другомъ.

должно всѣхъ равно отъ искренняго сердца *честію большихъ себе творити* (Фил. 2, 3), если человѣкъ не достигнетъ сказаннаго, что око благое не узритъ зла (Авв. 1, 13)?

Вопросъ. Что такое чистота? и гдѣ предѣль ея?

Отвѣтъ. Чистота есть забвѣніе способовъ вѣдѣнія черезъ естество, заимствованныхъ отъ естества въ мірѣ ¹⁾. А чтобы освободиться отъ нихъ и стать внѣ ихъ, вотъ сему предѣль: прійти человѣку въ первоначальную простоту и первоначальное незлобіе естества своего, и сдѣлаться какъ бы младенцемъ, только безъ младенческихъ недостатковъ.

Вопросъ. Можетъ ли кто взойти на эту степень?

Отвѣтъ. Да. Ибо, вотъ, иные приходили въ мѣру сію, какъ и Авва Сисой пришелъ въ сію мѣру такъ, что спрашивалъ ученика: „ѣль я или не ѣль?“ И другой нѣкто изъ Отцевъ пришелъ въ таковую простоту и почти въ младенческую невинность, почему совершенно забывалъ все здѣшнее, такъ что сталъ бы и ѣсть до Приобщенія, если-бы не препятствовали ему въ этомъ ученики; и какъ младенца приводили его ученики къ Приобщенію. Итакъ, для міра былъ онъ младенецъ, для Бога же—совершенъ душею.

Вопросъ. Какіе помыслы и размышленія должно имѣть подвижнику, пребывающему на безмолвіи, въ безмолвной своей келліи? и что надлежитъ ему непрестанно дѣлать, чтобы умъ его не имѣлъ досуга для суетныхъ помысловъ?

Отвѣтъ. Спрашиваешь о помыслахъ и размышленіи, какъ человѣкъ становится мертвымъ въ келліи своей? Развѣ человѣкъ рачительный и трезвенный душею имѣетъ нужду спрашивать, какъ ему вести

¹⁾ Преп. Исаакъ различаетъ здѣсь видъ знанія сущихъ по естеству и видъ знанія сущихъ чрезъ естество. Первый не противенъ чистотѣ, а второй долженъ быть забытъ для достиженія чистоты. Видъ знанія сущихъ чрезъ естество есть знаніе вещей не просто по естеству, но съ примѣшеніемъ мыслей, происшедшихъ отъ употребленія вещей не по естеству, а по страсти. Такъ, представленіе въ мысляхъ золота, какъ созданія Божія, есть знаніе сущаго по естеству; а представленіе золота съ корыстнымъ вожделѣніемъ есть знаніе сущаго чрезъ естество.

себя, когда бываетъ онъ одинъ самъ съ собою? Какое иное занятіе у монаха въ келліи его, кромѣ плача? Развѣ бываетъ у него время отъ плача обратиться къ другому помыслу? И какое занятіе лучше этого? Самое пребываніе монаха и одиночество его, уподобляясь пребыванію во гробѣ, далекому отъ радости человѣческой, учатъ его, что дѣятельность его—плачъ. И самое значеніе имени его къ тому же призываетъ и убѣждаетъ, потому что называется онъ сѣтующимъ, т. е. исполненнымъ горести въ сердцѣ. И всѣ святые въ плачѣ переселялись изъ сей жизни. Если же святые плакали, и, пока не переселились изъ жизни сей, очи ихъ всегда были наполнены слезами, то кто же не будетъ плакать? Утѣшеніе монаху порождается плачемъ его. И если совершенные и побѣдоносные здѣсь плакали, то какъ стерпеть исполненный язвъ, чтобы пребыть ему безъ плача? Кто имѣлъ лежащаго предъ собою мертвеца своего, и видитъ, что самъ онъ умерщвленъ грѣхами, того нужно ли учить, съ какою мыслию пользоваться ему слезами? Душа твоя, которая для тебя дороже цѣлаго міра, умерщвлена грѣхами, и лежитъ предъ тобою; ужели же не требуетъ она плача? Поэтому, если пойдемъ на безмолвіе, и съ терпѣніемъ будемъ пребывать въ немъ, то, конечно, въ состояніи будемъ пребывать въ плачѣ. Посему будемъ непрестанно въ умѣ своемъ молить Господа, чтобы даровалъ намъ плачъ. Ибо, если примемъ сію благодать, лучшую и превосходнѣйшую прочихъ дарованій, то, при помощи ея, достигнемъ чистоты. А какъ скоро достигнемъ ея, не отнимется уже у насъ чистота до самаго исхода нашего изъ жизни сей.

Посему блаженны чистые сердцемъ, потому что нѣтъ времени, когда бы не услаждались они сею сладостію слезъ, и въ ней всегда зрятъ они Господа. Пока еще слезы у нихъ на глазахъ, они сподобляются зрѣнія откровеній Его на высотѣ молитвы своей; и нѣтъ у нихъ молитвы безъ слезъ. Сіе-то и значитъ сказанное Господомъ: *блажени плачущіи, яко тѣи утѣшатся* (Матѣ. 5, 4). Ибо отъ плача приходитъ чело-

вѣкъ къ душевной чистотѣ. Посему Господь, сказавъ: *яко ти утѣшатся*, не объяснилъ: какимъ утѣшеніемъ. Ибо, когда монахъ сподобился съ помощію слезъ прейти область страстей, и вступить на равнину душевной чистоты, тогда срѣгаетъ его такое утѣшеніе. Посему, если кто изъ получившихъ утѣшеніе здѣсь прострется на сію равнину, то на ней встрѣтитъ утѣшеніе, необрѣтаемое здѣсь, и уразумѣваетъ тогда, какое получаетъ конецъ плача утѣшеніе, которое плачущимъ даетъ Богъ за чистоту ихъ; потому что непрестанно плачущій не можетъ быть тревожимъ страстями. Проливать слезы и плакать, это—дарованіе безстрастныхъ. И если слезы временно плачущаго и сѣтующаго могутъ не только путеводить его къ безстрастію, но и совершенно очистить и освободить умъ его отъ памятованія страстей, то что скажемъ о тѣхъ, которые съ вѣдѣніемъ день и ночь упражняются въ семъ дѣланіи? Посему никто не знаетъ помощи, бывающей отъ плача, кромѣ тѣхъ однихъ, которые предали души свои дѣлу сему. Всѣ святые стремятся къ сему входу ¹⁾, потому что слезами отверзается предъ ними дверь для вшествія въ страну утѣшенія; и въ этой странѣ въ откровеніяхъ изображаются преблагіе и спасительные слѣды Божіи.

Вопросъ. Поелику иные, по немощи тѣла, не въ состояніи непрестанно плакать, что должно имѣть имъ къ охраненію ума, чтобы противъ него, когда онъ ничѣмъ не занятъ, не возставали страсти?

Отвѣтъ. Страсти не могутъ возстать на душу и смутить подвижника, если въ отшельничествѣ его, удаленномъ отъ всякаго разсѣянія, сердце его не занимается житейскимъ, развѣ только будетъ онъ лѣнивъ и нерадивъ къ своему долгу. А преимущественно, если будетъ онъ упражняться въ изученіи Божественныхъ Писаній, то, занимаясь изысканіемъ ихъ смысла, пребываетъ нимало не тревожимъ страстями. Ибо, при возрастающемъ и укореняющемся въ немъ разумѣніи Божественныхъ Писаній, бѣгутъ отъ

¹⁾ Т. е. къ полученію дара плача.

него суетные помыслы, и умъ его не можетъ отстать отъ желанія читать Писанія или размышлять о читанномъ, и не обращаетъ онъ ни малаго вниманія на жизнь настоящую, по причинѣ весьма великаго наслажденія своимъ занятіемъ, возвышаясь надъ этимъ ¹⁾ въ глубокомъ пустынномъ безмолвіи. Посему забываетъ себя и естество свое, и дѣлается какъ бы человѣкомъ, который пришелъ въ изступленіе, вовсе не помнитъ о семъ вѣкѣ, преимущественно занятъ мыслию о величіи Божіемъ, и, погружаясь въ это умомъ, говоритъ: „слава Божеству Его!“ и еще: „слава чудесамъ Его! Дивны и необычайны всѣ дѣла Его! На какую высоту возвелъ Онъ мое убожество: чему сподобилъ меня поучаться, на какіе отваживаться помыслы, чѣмъ услаждать душу мою!“ Обращаясь мыслию къ чудесамъ симъ, и всегда ими изумляемый, пребываетъ онъ въ непрестанномъ упоеніи, и какъ бы уже вкушаетъ жизнь по воскресеніи, потому что безмолвіе весьма много содѣйствуетъ сей благодати. Ибо умъ его находитъ возможность пребывать въ себѣ самомъ съ миромъ, какой пріобрѣтенъ имъ въ безмолвіи. А вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждается симъ къ памятованію того, что сообразно съ порядкомъ жизни его. Ибо, мысленно представляя славу будущаго вѣка, и блага, по упованію уготованныя праведнымъ, пребывающимъ въ оной духовной жизни и въ Богѣ, и новое оное возстановленіе, не содержитъ ни въ мысли, ни въ памяти, того, что есть въ мірѣ семъ. И когда будетъ симъ упоенъ, снова переносится оттуда созерцаніемъ къ вѣку сему, въ которомъ еще живетъ, и въ изумленіи говоритъ: *о, глубина богатства, премудрости, вѣдѣнія, смысленности, разумности и домострительства неизслѣдимаго Бога, яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его* (Рим. 11, 33)! Ибо, когда Онъ уготовалъ иной столько чудный вѣкъ, чтобы ввести въ него всѣ разумныя существа и сохранить ихъ въ нескончаемой жизни, какая была причина сотворить Ему

¹⁾ Т. е. надъ суетными помыслами этой жизни.

этотъ первый міръ, расширить его и столько обогатить его полнотою и множествомъ видовъ и естествъ, и дать въ немъ мѣсто причинамъ многихъ страстей, и тому, что ихъ питаетъ, и что имъ противоборствуетъ? И почему сначала поставилъ насъ въ этомъ мірѣ, водрузилъ въ насъ любовь къ долготѣтней въ немъ жизни, и внезапно похищаетъ насъ изъ него смертію, немалое время хранитъ насъ въ безчувственности и неподвижности, уничтожаетъ образъ нашъ, разливаетъ раствореніе ¹⁾ наше, смѣшиваетъ его съ землею, попускаетъ, чтобы составъ нашъ разрушился, истлѣлъ и исчезъ, и чтобы вовсе не оставалось ничего отъ естества человѣческаго; а потомъ, во время, какое опредѣлилъ достопокланяемою премудростію Своею, когда восхощетъ, воздвигнетъ насъ въ иномъ образѣ, какой Ему только извѣстенъ, и введетъ насъ въ другое состояніе? Сего не мы только человѣки надѣемся, но и сами святые ангелы, не имѣющіе нужды въ этомъ мірѣ, по необычайности естества своего малымъ чѣмъ не достигшіе совершенства, ожидаютъ нашего возстанія изъ тлѣнія, когда возстанетъ родъ нашъ изъ персти и обновится тлѣніе его. Ибо ради насъ и имъ возбраненъ входъ, и они ждутъ единократнаго отверзстія двери новаго вѣка. И сія тварь (ангелы) съ нами почіетъ отъ тяжести тѣла, обременяющей насъ, какъ говоритъ Апостолъ: *яко и сама тварь откровенія сыновъ Божіихъ чаеъ, да свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 19, 21), по совершенномъ разореніи вѣка сего въ цѣломъ его устройствѣ, и по возстановленіи естества нашего въ первоначальное состояніе“.

И отсюда уже возносится умомъ своимъ къ тому, что предшествовало сложенію міра, когда не было никакой твари, ни неба, ни земли, ни ангеловъ, ничего изъ приведеннаго въ бытіе, и къ тому, какъ Богъ, по единому благоволенію Своему, внезапно привелъ все изъ небытія въ бытіе, и всякая вещь предстала предъ Нимъ въ совершенствѣ. И снова нисхо-

¹⁾ Разсыпаетъ тѣло.

дять умомъ своимъ ко всѣмъ созданіямъ Божиимъ, обращаетъ вниманіе на чудесность тварей у Бога и на премудрость произведеній Его, въ изумленіи разсуждая самъ съ собою; „Какое чудо! Насколько домо-строительство и промыслъ Его превышаютъ всякое понятіе, насколько чудная сила Его крѣпче всѣхъ твореній Его! Какъ изъ небытія привелъ Онъ въ бытіе тварь сію,—это неисчислимое множество различныхъ вещей? И какъ опять разорить ее, уничтоживъ это чудное благоустройство, эту лѣпоту естества, это стройное теченіе тварей, часы и время, это сочетаніе ночи и дня, годовыя перемѣны, эти разнообразныя, прозябающіе изъ земли цвѣты, эти прекрасныя зданія городовъ и въ нихъ преукрашенныя чертоги, это быстрое движеніе людей, это существованіе ихъ, обремененное трудами отъ вшествія своего въ міръ до самаго исшествія? И какъ внезапно прекратится чудный этотъ порядокъ, и наступитъ другой вѣкъ, и воспоминаніе о первой этой твари вовсе не взойдетъ никому на сердце, и будутъ иное видоизмѣненіе, иныя помышленія, иныя пощенія! И естество человѣческое также не вспомынетъ вовсе о семъ мірѣ и о первомъ образѣ жизни своей, потому что умъ человѣческій прилѣпится къ созерцанію онаго состоянія, и уму людей не будетъ досуга возвратиться снова къ брани съ плотію и кровію. Ибо съ разореніемъ сего вѣка немедленно приметъ начало вѣкъ будущій. И всякій человѣкъ скажетъ тогда слѣдующее: О, мать, забытая своими чадами, которыхъ родила, воспитала и умудрила, и которыя во мгновеніе ока собраны на чужое лоно, и содѣлались истинными чадами неплодной, никогда не рождавшей! *Возвеселися неплоды нераждающая* (Ис. 54, 1) о чадахъ, которыхъ родила тебѣ земля“.

И тогда какъ бы въ изступленіи размышляетъ, и говоритъ: „Сколько еще времени будетъ стоять вѣкъ этотъ? и когда восприметъ начало вѣкъ будущій? Сколько еще времени храминамъ этимъ спать въ этомъ видѣ, и тѣламъ быть смѣшанными съ перстію? Какова будетъ оная жизнь? Въ какомъ образѣ“

возстанетъ и составитъ естество это? Какъ преидеть оно въ новую тварь“? И когда размышляетъ онъ о семъ и подобномъ сему, приходитъ онъ въ восторгъ, изумленіе и безмолвное молчаніе, и возстаетъ онъ въ этотъ часъ, и преклоняетъ колѣна, и съ обильными слезами возсылаетъ благодаренія и славословія Единому премудрому Богу, всегда славимому во всепремудрыхъ дѣлахъ Его.

Итакъ блаженъ, кто сподобился таковаго! Блаженъ, у кого такой помысль и день и ночь! Блаженъ, кто о семъ и подобномъ тому размышляетъ всѣ дни жизни своей! И если человѣкъ, въ началѣ своего безмолвія, не ощущаетъ силы таковыхъ созерцаній, по причинѣ паренія ума своего, и не можетъ еще возноситься къ силамъ ¹⁾ сказанныхъ выше чудесъ Божіихъ, то да не приходитъ въ уныніе и да не оставляетъ тишины безмолвной жизни своей! Ибо и земледѣлецъ, когда сѣетъ, не тотчасъ съ посѣвомъ сѣмени видитъ и колось; но за сѣяніемъ слѣдуютъ у него уныніе, трудъ, изнеможеніе собственныхъ членовъ, удаленіе товарищей, разлука съ близкими людьми. А когда претерпитъ это, приходитъ иное время, въ которое услаждается дѣлатель, и скачетъ, и радуется, и веселится.

Какое же это время? Когда вкусить онъ хлѣба ²⁾, добытаго потомъ своимъ, и въ безмолвіи соблюдено будетъ размышленіе его. Ибо великую и нескончаемую сладость возбуждаютъ въ сердцѣ и въ неизреченное удивленіе приводятъ умъ—безмолвіе и это, сказанное выше, терпѣливое въ безмолвіи размышленіе. И блаженъ, кто терпѣливо пребываетъ въ ономъ, потому что отверзся предъ нимъ сей боготочный источникъ, и пилъ онъ изъ него, и насладился, и не перестанетъ пить изъ него всегда, во всякое время, во всякій часъ дня и ночи, до скончанія и послѣдняго предѣла цѣлой своей временной этой жизни.

Вопросъ. Что главное во всѣхъ трудахъ дѣла сего,

¹⁾ Къ величію.

²⁾ Духовнаго.

т. е., безмолвія, чтобы человѣку, который дошелъ и до сего, можно было знать, что достигъ уже онъ совершенства въ житіи?

Отвѣтъ. То, когда сподобится человѣкъ непрестаннаго пребыванія въ молитвѣ. Ибо, какъ скоро достигъ онъ сего, взошелъ на высоту всѣхъ добродѣтелей, и содѣлался уже обителію Святаго Духа. А если кто не пріялъ несомнѣнно сея благодати Утѣшителя, то не можетъ свободно совершать пребываніе въ сей молитвѣ, потому что, какъ сказано, когда вселится въ комъ изъ людей Духъ, тогда не прекратитъ онъ молитвы: ибо самъ Духъ молится всегда (Рим. 8, 26). Тогда и въ сонномъ и въ бодрственномъ состояніи человѣка молитва не пресѣкается въ душѣ его, но ѣстъ ли, пѣтъ ли, спитъ ли, дѣлаетъ ли что, даже и въ глубокомъ снѣ, безъ труда издаются сердцемъ его благоуханія и испаренія молитвы. Тогда молитва не отлучается отъ него, но всякій часъ, хотя и не обнаруживается въ немъ внѣшне, однако въ то же время совершаетъ въ немъ службу Божию втайнѣ. Ибо молчаніе чистыхъ одинъ изъ христоносныхъ мужей называетъ молитвою, потому что помыслы ихъ суть Божественныя движенія, а движенія чистаго сердца и ума суть кроткіе гласы, которыми сокровенно воспѣваютъ Сокровеннаго.

Вопросъ. Что такое духовная молитва? и какъ подвижнику сподобиться ея?

Отвѣтъ. Душевные движенія, за строгую непорочность и чистоту, дѣлаются причастными дѣйственности Святаго Духа. И ея сподобляется одинъ изъ многихъ тысячъ людей, потому что это—тайна будущаго состоянія и житія. Ибо онъ возносится, и естество пребываетъ недѣйственнымъ, безъ всякаго движенія и памятованія о здѣшнемъ. Не молитвою молится душа, но чувствомъ ощущаетъ духовныя вещи онаго вѣка, превышающія понятіе человѣческое, уразумѣніе которыхъ возможно только силою Святаго Духа. А это есть умное созерцаніе, но не движеніе

и не взысканіе ¹⁾ молитвы, хотѣ отъ молитвы заимствовало себѣ начало. Ибо чрезъ это нѣкоторые изъ подобныхъ симъ людей достигали уже совершенства чистоты. И нѣтъ часа, въ который бы внутреннее ихъ движеніе было не въ молитвѣ, какъ сказали мы выше. И когда принимается Духъ Святыи, всегда обрѣтаетъ таковыхъ въ молитвѣ; и отъ этой молитвы возноситъ ихъ къ созерцанію, которое называется духовнымъ зрѣніемъ. Ибо не имѣютъ они нужды въ образѣ продолжительной молитвы, ни въ стояніи и въ чинѣ продолжительной службы. Для нихъ достаточно вспомнать о Богѣ, и тотчасъ плѣняются любовію Его. Впрочемъ, не нерадятъ совершенно и о стояніи на молитвѣ, когда воздають честь молитвѣ, и, кромѣ непрестанной молитвы, въ назначенные часы стоять на ногахъ.

Ибо видимъ святаго Антонія стоящимъ на молитвѣ девятого часа и ощутившимъ возношеніе ума своего. И другой изъ Отцевъ, съ воздѣтыми руками стоя на молитвѣ, приходилъ въ восхищеніе на четыре дня. И другіе многіе, во время таковой молитвы, плѣняемы были сильнымъ памятованіемъ о Богѣ и великою любовію къ Нему, и приходили въ восхищеніе. Сподобляется же ея человекъ, когда храненіемъ заповѣдей Господнихъ, противящихся грѣху, и внутренно и наружно совлечется грѣха. Кто возлюбитъ сіи заповѣди, и воспользуется ими по чину, для того необходимымъ сдѣлается освободиться отъ многихъ человѣческихъ дѣлъ, т. е. совлечься тѣла и быть внѣ его, такъ сказать, не по естеству, но по потребности. Кто ведетъ жизнь по образу Законоположника, и руководствуется заповѣдями Его, въ томъ невозможно оставаться грѣху. Посему Господь обѣтовалъ въ Евангеліи сохранившему заповѣди сотворить у него обитель (Іоан. 14, 23).

Вопросъ Въ чемъ совершенство многихъ плодовъ Духа?

¹⁾ Въ греческомъ рѣчь безъ отрицанія; но здѣсь предпочтены переводы: древній славянскій и сербскій.

Отвѣтъ. Въ томъ, когда сподобится кто совершенной любви Божіей.

Вопросъ. И почему узнаеть человѣкъ, что достигъ ея?

Отвѣтъ. Когда помятованіе о Богѣ возбуждилось въ умѣ его, тогда сердце его немедленно возбуждается любовію къ Богу, и очи его обильно изводятъ слезы. Ибо любви обычно воспоминаніемъ о любимыхъ возбуждать слезы. А пребывающій въ любви Божіей никогда не лишается слезъ, потому что никогда не имѣетъ недостатка въ томъ, что питаетъ въ немъ помятованіе о Богѣ; почему и во снѣ своемъ бесѣдуетъ съ Богомъ. Ибо любви обычно производитъ что-либо подобное, и она есть совершенство людей въ сей ихъ жизни.

Вопросъ. Если послѣ многогаго труда, злостраданія, боренія, которое пріялъ человѣкъ, помысль гордыни не стыдится приразиться къ нему, потому что заимствуетъ себѣ пищу въ лѣпотѣ добродѣтелей его, и разсчитываетъ на великость понесеннаго имъ труда, то чѣмъ одолѣть человѣку помысль свой, и пріобрѣсти въ душѣ своей такую твердость, чтобы не покорилась она помыслу?

Отвѣтъ. Когда познаеть кто, что отпадаетъ онъ отъ Бога, какъ сухой листь падаетъ съ дерева, тогда уразумѣваетъ силу души своей: то-есть, своею ли силою пріобрѣлъ онъ добродѣтели сіи и перенесъ ради нихъ всѣ боренія, между тѣмъ какъ Господь удерживалъ помощь Свою, и попускалъ ему одному вступать въ борьбу съ діаволомъ, и не ходилъ съ нимъ вмѣстѣ, какъ обыкновенно участвуетъ Онъ въ борьбѣ съ подвизающимися, и содѣйствуетъ имъ; тогда обнаруживается сила его; лучше же сказать, яснымъ дѣлается пораженіе и затрудненіе его. Ибо со святыми всегда бываетъ Промысль Божій, охраняющій и укрѣпляющій ихъ. Имъ побуждаетъ всякій чинъ людей, если бываетъ въ подвигѣ и въ страданіяхъ мученическихъ и въ прочихъ бѣдствіяхъ, постигающихъ за Бога и ради Его претерпѣваемыхъ. И это ясно, очевидно и несомнѣнно. Ибо какъ есте-

ство можетъ побѣдить силу щекотаній, непрестанно возбуждающихся въ членахъ у людей, причиняющихъ имъ скорбь и очень сильныхъ для того, чтобы преодолѣть ихъ? И почему другіе желаютъ побѣды, и любятъ ее, но не могутъ одерживать оной при сильномъ противоборствѣ своемъ, напротивъ же того, каждый день терпятъ пораженіе отъ тѣлесныхъ щекотаній, и пребываютъ въ трудѣ, въ плачѣ и въ изнеможеніи, трудясь о душахъ своихъ, а ты удобно можешь понести притязанія тѣла, которыя столь люты,—и не приходитъ отъ того въ большое замѣшательство? И какъ тѣло, въ другихъ случаяхъ чувствительное къ страданіямъ, и не терпящее уязвленія терніемъ, уколовшимъ его ногу, можетъ преодолеть рѣзаніе желѣзомъ, переносить сокрушеніе членовъ и всякаго рода муки, и не препобѣждаться страданіями, не ощущая, какъ обычно естеству, даже различія сего въ мученіяхъ, если кромѣ естественной силы не приходитъ отъинуду другая сила, отражающая отъ него лютость мученій? И поелику заговорили мы о Божіемъ Промыслѣ, то не полѣнимся привести на память одну душеполезную повѣсть, возвышающую челоуѣка въ бореніяхъ его.

Одинъ юноша, по имени Θεодоръ, у котораго все тѣло подвергнуто было мученіямъ, спрошенный кѣмъ-то: „чувствовалъ ли ты мученія“? отвѣчалъ: „вначалѣ чувствовалъ, а впослѣдствіи увидѣлъ нѣкоего юношу, который отиралъ потъ моего боренія, укрѣплялъ меня, и доставлялъ мнѣ прохладу во время страданія моего“. О, какъ велики Божіи щедроты! Сколь близка бываетъ благодать Божія къ подвизающимся за имя Божіе, чтобы имъ съ радостію претерпѣвать за Него страданія!

Поэтому не будь непризнателенъ, челоуѣкъ, къ Божію о тебѣ промышленію. Если, наконецъ, явно, что ты не побѣдитель, а только какъ бы орудіе, побѣждаетъ же въ тебѣ Господь, и ты туне получаешь побѣдное имя, кто возбраняетъ тебѣ и во всякое время просить той же силы, и побѣждать, и пріимать похвалу, и исповѣдываться ¹⁾ Богу? Развѣ не слыхалъ

¹⁾ Приноситъ хвалу

ты, человекъ, сколь многіе подвижники отъ сложенія міра, бывъ непризнательными къ сей благодати, пали съ высоты жизни и съ высоты подвиговъ своихъ? Сколько многочисленны и различны дары Божіи роду человекъческому сами въ себѣ, столько же бываетъ различія въ пріемлемыхъ дарахъ и соотвѣтственно степени пріемлющихъ оныя. Бываютъ меньшіе и большіе дары Божіи; хотя всѣ они высоки и чудны, но одинъ превосходитъ другой славою и честью, и степень степени выше. И также: посвятить себя Богу, и жить добродѣтельно, есть одно изъ великихъ дарованій Христовыхъ. Ибо многіе, забывъ, что по сей благодати сподобились они стать отлученными отъ людей и посвященными Богу, причастниками и пріемниками дарованій Его, избранными и удостоенными служенія и священнодѣйствія Богу, вмѣсто того, чтобы непрестанно устами своими благодарить за сіе Бога, уклонились въ гордыню и высокомеріе, и думаютъ о себѣ не какъ пріявшіе благодать священнодѣйствія, чтобы священнодѣйствовать Богу чистымъ житіемъ и духовнымъ дѣланіемъ, но какъ оказывающіе милость Богу, когда бы надлежало имъ разсудить, что Богъ изъялъ ихъ изъ среды людей, и содѣлалъ присными Своими для познанія тайнъ Его. И не трепещутъ они всею душею своею, разсуждая такимъ образомъ, наипаче же, когда видятъ, какъ у разсуждавшихъ подобно сему прежде нихъ внезапно отъято было достоинство, и какъ Господь въ мгновеніе ока свергнулъ ихъ съ той высокой славы и чести, какую имѣли они; и уклонились они въ нечистоту, непотребство и студодѣяніе, подобно скотамъ. Поелику не познали они силы своей, и не содержали непрестанно въ памяти Давшаго имъ благодать—совершать предъ Нимъ служеніе, стать включенными въ царство Его, быть сожителями ангеловъ и приближаться къ Нему ангельскимъ житіемъ, то Богъ отстранилъ ихъ отъ дѣланія ихъ, и тѣмъ, что оставили безмолвіе и измѣнили образъ жизни своей, показалъ имъ, что не ихъ была сила, если соблюдали они благочиніе въ житіи, и не тревожили ихъ

понужденія естества, демоновъ и иныхъ прочихъ сопротивностей, напротивъ же того, была это сила благодати Божіей, производившая въ нихъ то, чего міръ, по трудности этого, не можетъ вмѣстить или слышать, и въ чемъ они пребывали долгое время, и не были побѣждаемы; почему, конечно, была въ нихъ нѣкая сопутствующая имъ сила, достаточная къ тому, чтобы во всемъ помогать имъ и охранять ихъ. Но поелику забыли они о силѣ этой, то исполнилось на нихъ слово, сказанное Апостоломъ: *яко же не искусши имѣти въ разумъ Бога, Владыку своего, совокупившаго персть для духовнаго служенія, предаде ихъ въ неискусенъ умъ* (Рим. 1, 27, 28), и, какъ надлежало, воспріяли они безчестіе за свое заблужденіе.

Вопросъ. Бываетъ ли когда, чтобы тотъ, кто отважится вдругъ совершенно отречься отъ сожителства съ людьми и по благой ревности внезапно уйти въ необитаемую и страшную пустыню, умеръ отъ сего съ голода, по неимѣнію у себя покровы и прочаго потребнаго?

Отвѣтъ. Кто безсловеснымъ животнымъ, прежде сотворенія ихъ, уготовалъ жилище, и печется объ ихъ потребностяхъ, Тотъ не презритъ созданія Своего, преимущественно же боящихся Его, и въ простотѣ, безъ пытливости, послѣдовавшихъ Ему. Кто волю свою во всемъ передаетъ Богу, тотъ не печется уже о нуждахъ тѣла своего, о бѣдствіи и злостраданіи его, но желаетъ пребывать въ житіи сокровенномъ и вести жизнь уничиженную, не боится скорбей, но почитаетъ пріятнымъ и сладостнымъ отчужденіе отъ цѣлаго міра за чистоту житія, изнуря себя среди холмовъ и горъ, живетъ какъ скиталецъ въ кругу безсловесныхъ животныхъ, не соглашается упокоеваться тѣлесно и проводить жизнь, исполненную сквернѣ. И когда передаетъ себя на смерть, ежедневно плачетъ и молится, чтобы не лишиться ему чистаго Божія житія, тогда пріемлетъ отъ Бога помощь. Ему слава и честь! Онъ да сохранитъ насъ въ чистотѣ Своей, и да освятитъ насъ святынею благодати Святаго Духа, въ честь имени Своего, чтобы

святое имя Его въ чистотѣ прославлялось во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 22.

О томъ, что тѣло, которое боится искушеній, дѣлается
ДРУГОМЪ ГРѢХА.

Нѣкто изъ святыхъ сказалъ, что другомъ грѣха дѣлается тѣло, которое боится искушеній, чтобы не дойти ему до крайности и не лишиться жизни своей. Посему Духъ Святой понуждаетъ его умереть. Ибо знаетъ, что, если не умретъ, не побѣдитъ грѣха. Если кто хочетъ, чтобы вселился въ немъ Господь, то принуждаетъ онъ тѣло свое служить Господу, работаетъ въ заповѣдяхъ Духа, написанныхъ у Апостола, и хранитъ душу свою отъ дѣлъ плотскихъ, описанныхъ Апостоломъ (Гал. 5, 19). Тѣло же, приобщившееся грѣху, упокоевается въ дѣлахъ плотскихъ, и Духъ Божій не упокоевается въ плодахъ его. Ибо, когда тѣло изнемогаетъ въ постѣ и смиреніи, тогда душа укрѣпляется молитвою. Тѣлу обычно, когда много угнетается скорбями безмолвія, терпитъ лишенія и недостатки, и приближается къ тому, чтобы лишиться жизни своей, умоляетъ тебя и говорить: „дай мнѣ немного свободы пожить въ мѣру; хожу я теперь право, потому что испытано великими злостраданіями“. И какъ скоро, изъ состраданія къ нему, успокоишь его отъ скорбей, и доставишь ему нѣсколько отдохновенія, и хотя ненадолго успокоится оно, мало по малу станетъ съ ласкательствомъ нашептывать тебѣ (а ласкательства его весьма сильны), пока не заставитъ тебя уйти изъ пустыни, и скажетъ тебѣ: „можемъ и близъ міра жить хорошо, потому что испытаны во многомъ; поэтому можемъ и тамъ жить по тѣмъ же правиламъ, какими водимся теперь. Искуси меня только, и если не буду такимъ, какъ тебѣ угодно, можемъ возвратиться. Вотъ, пустыня не бѣжитъ отъ насъ“. Не вѣрь ему, хотя и сильно бу-

детъ умолять и дастъ много обѣщаній. Оно не исполнитъ того, что говоритъ. Когда согласишься на просьбу его, ввергнетъ тебя въ великія паденія, изъ которыхъ не будешь въ состояніи возстать и выйти.

Когда прійдешь отъ искушеній въ уныніе, и пресытишься ими, скажи самъ себѣ: „снова возделѣваешь ты нечистоты и срамной жизни“. И если тѣло скажетъ тебѣ: „великій грѣхъ самому себя убивать“, то отвѣчай ему: „самъ себя убиваю, потому что не могу жить нечисто. Умру здѣсь, чтобы снова не увидѣть мнѣ истинной смерти души моей, смерти для Бога. Лучше мнѣ умереть здѣсь ради непорочности, и не жить худою жизнію въ мірѣ. Произвольно избралъ я смерть сію за грѣхи свои. Самъ себя умерщвляю, потому что согрѣшилъ я Господу; не буду болѣе прогнѣвлять Его. Что мнѣ въ жизни далекой отъ Бога? Буду терпѣть озлобленія сіи, чтобы не быть отчужденнымъ отъ небесной надежды. Что Богу въ жизни моей въ этомъ мірѣ, если живу въ немъ худо, и прогнѣвляю Бога“?

С Л О В О 23.

ПОСЛАНИЕ, ПИСАННОЕ КЪ ОДНОМУ БРАТУ, ЛЮБИТЕЛЮ БЕЗМОЛВІЯ.

Поелику знаю, что любишь ты безмолвіе, и что дьяволъ, зная волю твоего ума, подъ предлогами добра опутываетъ тебя во многомъ, пока не сокрушитъ и не препнетъ тебя въ добродѣтели, заключающей въ себѣ многіе виды добраго, то, чтобы мнѣ, какъ члену, тѣсно связанному съ тобою, добрый братъ, помочь благому твоему желанію полезнымъ словомъ, позаботился я написать, что самъ пріобрѣлъ у мужей, мудрыхъ добродѣтелию, и въ Писаніяхъ, и у Отцевъ, и собственнымъ опытомъ. Ибо, если человѣкъ не будетъ пренебрегать и почестями и безчестіями, и ради безмолвія терпѣть поношеніе, поруганіе, вредъ, даже

побои, не сдѣлается посмѣшищемъ, и видящіе его не станутъ почитать его юродивымъ и глупцемъ: то не возможетъ онъ пребыть въ благомъ намѣреніи безмолвія, потому что, если человѣкъ однажды отворитъ дверь по какимъ-либо побужденіямъ, то діаволь не престанетъ выставлятъ ему на видъ нѣкоторыя изъ сихъ побужденій, подъ многими предлогами, къ частымъ и безчисленнымъ встрѣчамъ съ людьми. Поэтому, если ты, братъ, истинно любишь добродѣтель такого безмолвія, которое не терпитъ въ себѣ ни разсѣянія, ни отторженія, ни отдѣленія, и которымъ побѣждали древніе, то найдешь въ такомъ случаѣ возможность совершить похвальное свое желаніе, какъ скоро уподобишься Отцамъ своимъ, и примешь намѣреніе въ себѣ показать житіе ихъ. А они возлюбили совершенное безмолвіе, не заботились выказывать любовь близкимъ своимъ, не старались употреблять силы свои на ихъ успокоеніе, и не стыдились избѣгать встрѣчи съ тѣми, которые почитаются людьми почтенными.

Такъ они шествовали, и не были осуждаемы людьми мудрыми и вѣдущими, какъ пренебрегающіе братьями, презрители, или нерадивые, или лишенные разсудка, что въ оправданіе ихъ и сказано однимъ почитающимъ безмолвіе и отшельничество паче общества съ людьми. „Человѣкъ“, говоритъ онъ, „который опытно постигаетъ сладость безмолвія въ келліи своей, не какъ пренебрегающій ближнимъ убѣгаетъ съ нимъ встрѣчи, но ради того плода, какой собираетъ отъ безмолвія“. „Для чего“, спрашиваетъ онъ, „Авва Арсеній предавался бѣгству, и не останавливался, встрѣчая кого-либо?“ Авва же Феодоръ, если встрѣчалъ кого, то встрѣча его была какъ мечъ. Никому не говорилъ онъ привѣтствія, когда находился внѣ своей келліи. А святой Арсеній не привѣтствовалъ даже и приходящаго къ нему съ привѣтствіемъ. Ибо въ одно время нѣкто изъ Отцевъ пришелъ видѣть Авву Арсенія, и старецъ отворилъ дверь, думая, что это служитель его; но когда увидѣлъ, кто былъ пришедшій, повергся на лицо свое,

и долго умоляемый встать, при увѣреніи пришедшаго, что приметъ благословеніе и уйдетъ, святой отказался, говоря: „не встану, пока не уйдешь“. И не всталъ, пока тотъ не ушелъ. И дѣлалъ блаженный это для того, чтобы, если однажды подастъ имъ руку, снова не возвратились къ нему.

Посмотри же на продолженіе слова, и тогда не скажешь, что, можетъ быть, Арсеній пренебрегъ симъ Отцемъ, или кѣмъ другимъ, по малозначительности его, а иному ради чести его оказалъ лицепріятіе, и бесѣдовалъ съ нимъ. Напротивъ того, Арсеній равно бѣгалъ отъ всѣхъ, и отъ малыхъ и отъ великихъ. Одно было у него предъ очами—ради безмолвія пренебрегать сообщеніемъ съ людьми, будетъ ли то человекъ великій, или малый, и ради чести безмолвія и молчанія отъ всѣхъ понести на себѣ укоризну. И мы знаемъ, что приходилъ къ нему архіепископъ, блаженный Теофилъ, а съ нимъ былъ и судія той страны, имѣвшій желаніе видѣть святого и оказать ему честь. Но Арсеній, когда сидѣлъ предъ ними, даже малымъ словомъ не почтилъ ихъ високаго сана, хотя и очень желали они слышать слово его. И когда архіепископъ сталъ просить его о томъ, добрый старецъ помолчалъ немного, и потомъ говоритъ: „сохраните ли слово мое, если скажу вамъ“? Они изъявили согласіе, сказавъ: „да“. Старецъ же сказалъ имъ: „если услышите, что тутъ Арсеній, не приближайтесь туда“. Видишь ли чудный нравъ старца? Видишь ли пренебреженіе его къ человѣческой бесѣдѣ? Вотъ человекъ, познавшій плодъ безмолвія. Блаженный не разсуждалъ, что пришелъ учитель вселенскій и глава Церкви, но представлялъ въ мысли слѣдующее: „единожды навсегда умеръ я для міра, какая же польза отъ мертвеца живымъ?“ И Авва Макарій укорилъ его исполненною любви укоризною, сказавъ: „что ты бѣгаешь отъ насъ?“ Старецъ же представилъ ему чудное и достойное похвалы оправданіе, отвѣтивъ: „Богу извѣстно, что люблю васъ; но не могу быть вмѣстѣ и съ Богомъ и съ людьми“. И сему чудному вѣдѣнію наученъ

онъ не инымъ кѣмъ, но Божиимъ гласомъ. Ибо сказано было ему: „бѣгай, Арсеній, людей, и спасешься“.

Ни одинъ праздный и любящій бесѣды челоуѣкъ да не будетъ столь безстыденъ, чтобы опровергать это, извращая слова Арсеніевы, и да не говоритъ вопреки сему, что это—изобрѣтеніе челоуѣческое, и изобрѣтено въ пользу безмолвія. Напротивъ того, это—ученіе небесное. И да не подумаемъ мы, будто бы сказано сіе было Арсенію въ томъ смыслѣ, чтобы бѣжать и удаляться ему отъ міра, а не въ томъ, чтобы бѣгать ему также и отъ братій! Послѣ того какъ оставилъ онъ міръ, пошелъ и поселился въ лаврѣ, снова молился онъ Богу, вопрошая: какъ можно жить ему добродѣтельно?—и говорилъ: „укажи мнѣ путь, Господи, какъ спастись“, и думалъ, что услышитъ что-либо иное; но и во второй разъ услышалъ опять тотъ же Владычный гласъ: „бѣгай, Арсеній, молчи, и безмолвствуй. И хотя много пользы (сказано ему) въ свиданіи и въ бесѣдѣ съ братіями, однакоже не столько полезно для тебя бесѣдовать съ ними, сколько бѣгать отъ нихъ“. И когда пріялъ сіе блаженный Арсеній въ Божественномъ откровеніи, и такъ какъ, когда былъ еще въ мірѣ, повелѣно ему бѣгать, и потомъ, когда былъ съ братією, изречено то же самое, тогда увѣрился онъ и позналъ, что къ пріобрѣтенію доброй жизни недостаточно ему бѣгать только мірскихъ, должно же убѣгать отъ всѣхъ равно. Ибо можетъ ли кто противиться и прекословить Божественному гласу? Да и божественному Антонію сказано было въ откровеніи: „если желаешь безмолвствовать, иди не только въ Фиваиду, но даже во внутреннѣйшую пустыню“. По сему, если Богъ повелѣваетъ намъ бѣгать отъ всѣхъ и столько любитъ безмолвіе, когда пребываютъ въ немъ любящіе Его, кто станетъ выставлять на видъ какіе-либо предлоги къ тому, чтобы пребывать въ собесѣдованіи и сближеніи съ людьми? Если Арсенію и Антонію полезны были бѣгство и осторожность, то кольми паче полезны они немощнымъ? И если тѣхъ, и въ словѣ, и въ лицезрѣніи, и въ помощи которыхъ имѣлъ нужду цѣлый міръ, Богъ почтилъ

больше за ихъ безмолвіе, нежели за вспомошествованіе всему братству, лучше же сказать—всему чело-вѣчеству, то кольми паче безмолвіе нужно тому, кто не въ состояніи хорошо охранять себя?

Знаемъ и о другомъ нѣкоемъ святомъ, что братъ его сдѣлался боленъ, и заключенъ былъ въ другой келліи. А поелику святой во все время болѣзни его превозмогалъ свою сострадательность и не приходилъ повидаться съ нимъ, то больной, приближаясь къ исшествію своему изъ жизни, послалъ сказать ему: „если ты не приходилъ ко мнѣ доннѣ, то прійди теперь, чтобы видѣть мнѣ тебя прежде отшествія моего изъ міра, или прійди хотя ночью, и я поцѣлую тебя, и почию“. Но блаженный не согласился даже и въ этотъ часъ, когда природа обыкновенно требуетъ нашего состраданія другъ къ другу, и преступаетъ опредѣленіе воли, но сказалъ: „если выйду, то не очищусь сердцемъ моимъ предъ Богомъ, потому что нерадѣлъ посѣщать духовныхъ братій, естество же предпочелъ Христу?“ И братъ умеръ, а онъ не видалъ его.

Поэтому никто по лѣности помысловъ да не выставляетъ на видъ, что сіе невозможно, да не ниспровергаетъ и да не обращаетъ въ ничто своего безмолвія, отвергнувъ Божій о немъ Промыслъ. Если святые побѣдили самое естество, какъ оно ни крѣпко, и если Христосъ любитъ, когда чествуютъ безмолвіе, между тѣмъ какъ оставляются въ пренебреженіи чада Ёго, то какая можетъ быть у тебя иная необходимость, которой ты не могъ бы пренебречь, когда попадаешь ей? Она заповѣдь, въ которой сказано: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ умомъ твоимъ* (Матѣ. 22, 37), болѣе цѣлаго міра, и естества, и всего, что въ естествѣ, вполнѣ исполняется, когда пребываешь въ безмолвіи своемъ. И заповѣдь о любви къ ближнему заключена въ немъ же. Хочешь ли, по Евангельской заповѣди, пріобрѣсти въ душѣ своей любовь къ ближнему? Удались отъ него, и тогда возгорится въ тебѣ пламень любви къ нему, и радоваться будешь при лице-

зрѣніи его, какъ при видѣніи свѣтлаго ангела. Хочешь ли также, чтобы жаждали твоего лицезрѣнія любящіе тебя? Въ опредѣленные только дни имѣй свиданіе съ ними. Опытъ—дѣйствительно учитель для всѣхъ. Будь здоровъ. Богу же нашему благодареніе и слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 24.

ПОСЛАНИЕ КЪ НѢКОМУ БРАТУ ЕСТЕСТВЕННОМУ И ДУХОВНОМУ, КОТОРЫЙ, ЖИВЯ ВЪ МІРѢ И ЖЕЛАЯ ВИДѢТЬСЯ СЪ ИСААКОМЪ, УБѢЖДАЛЪ И УМОЛЯЛЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ СВОИХЪ ПРИЙТИ КЪ НЕМУ.

Не такъ мы сильны, какъ думаешь ты, блаженный; и, можетъ быть, не знаешь ты немощи моей и того, что нетрудна для тебя погибель моя ¹⁾, а потому, какъ бы распаляемый естествомъ по обычаю его, непрестанно просишь меня о томъ, о чемъ и намъ заботиться, чего и тебѣ желать, не должно. Не проси у меня, братъ, сего, лишь упокоевающаго плоть и ея мудрованіе, но попекись о спасеніи души моей. Немного еще времени, и преидемъ мы изъ вѣка сего. Сколько лицъ встрѣчу, когда прійду къ тебѣ! Сколько увижу людскихъ нравовъ и мѣсть, пока не возвращусь въ свое мѣсто! Сколько причинъ къ помысламъ пріиметь душа моя при встрѣчѣ съ людьми! Сколько смущенія потерпитъ отъ пробудившихся въ ней страстей, отъ которыхъ успокоилась нѣсколько! Это и тебѣ не неизвѣстно. Что монаху вредно видѣть мірское, самъ ты это знаешь. И смотри, какое измѣненіе происходитъ въ умѣ долгое время безмолвствовавшего съ самимъ собою, когда онъ вдругъ снова впадаетъ въ это, и видитъ, и слышитъ, что для него непривычно. Если тому, кто въ подвигѣ и ведетъ еще брань съ сопротивникомъ своимъ, вредитъ и встрѣча съ

¹⁾ Ты считаешь удобнымъ то, отъ чего можетъ произойти моя погибель.

монахами, когда они не близки къ его устроению, то разсуди, въ какой кладязь падемъ ¹⁾ мы, особливо долгимъ опытомъ приобрѣтшіе познаніе? О, если-бы избавиться намъ отъ жала врага нашего! Поэтому не требуй отъ меня, чтобы я безъ нужды сдѣлалъ это. Да не обольщаютъ насъ утверждающіе, будто бы никакого вреда нѣтъ для насъ отъ того, что слышимъ и видимъ нѣчто, ибо мы будто бы одинаковы по мыслямъ своимъ и въ пустынѣ и въ мірѣ, и въ келліи и внѣ ея, и не измѣняемся въ кротости нашей, и не принимаемъ худой перемѣны, и при встрѣчѣ съ лицами и вещами не чувствуемъ тревоги страстей. Утверждающіе это, если и раны приемяютъ, не знаютъ этого; но мы не достигли еще сего душевнаго здравія; ибо имѣемъ на себѣ смердящія язвы, и онѣ вскипятъ червями, если и одинъ день не будетъ о нихъ попеченія, и останутся онѣ неперевязанными, не будутъ обложены пластыремъ и стянуты перевязками.

С Л О В О 25.

О ТРЕХЪ СПОСОБАХЪ ВѢДѢНІЯ, О РАЗНОСТИ ИХЪ ДѢЛАНІЯ И ПОНЯТІЙ, О ВѢРѢ ДУШИ, О ТАИНСТВЕННОМЪ БОГАТСТВѢ, ВЪ НЕЙ СОКРОВЕННОМЪ, И О ТОМЪ, СКОЛЬКО ВѢДѢНІЕ МІРА СЕГО РАЗНСТВУЕТЪ ВЪ СПОСОБАХЪ СВОИХЪ СЪ ПРОСТОЮ ВѢРОЮ.

Душа, проходящая стезями житія и путемъ вѣры, и нерѣдко преуспѣвшая въ семъ послѣднемъ, если обращается снова къ способамъ вѣдѣнія, начинаетъ вскорѣ хромать въ вѣрѣ, и утрачивается въ ней духовная ея сила, обнаруживавшаяся въ чистой душѣ взаимностію вспоможеній ²⁾ и по простотѣ не входившая въ изслѣдованіе всего того, что въ ней, и къ ней относится ³⁾. Ибо душа, однажды ⁴⁾ съ вѣрою пре-

¹⁾ Пришедши въ міръ.

²⁾ Отъ благодатныхъ пособій.

³⁾ Т. е. при всѣхъ дѣйствіяхъ души.

⁴⁾ Совершенно.

давшая себя Богу и многократнымъ опытомъ извѣдавшая Его содѣйствіе, не заботится уже о себѣ, но связуется изумленіемъ и молчаніемъ, и не имѣетъ возможности снова возвратиться къ способамъ своего вѣдѣнія и употреблять ихъ въ дѣло, чтобы иначе, при ихъ противленіи, не лишиться Божія промысленія, которое втайнѣ неусыпно назираетъ надъ душою, печется о ней, и непрестанно слѣдуетъ за нею всѣми способами,—не лишиться же потому, что душа обезумѣла, возмечтавъ, будто бы сама достаточно можетъ промыслять о себѣ силою своего вѣдѣнія. Ибо тѣ, въ коихъ возсіяваетъ свѣтъ вѣры, не доходятъ уже до такого безстыдства, чтобы снова имъ испрашивать у Бога въ молитвахъ: „дай намъ это“, или: „возьми у насъ то“, и нимало не заботятся они о себѣ самихъ, потому что духовными очами вѣры ежечасно видятъ Отеческій промыслъ, какимъ пріосвѣняетъ ихъ Тотъ истинный Отецъ, Который безмѣрно великою любовію Своею превосходитъ всякую отеческую любовь, паче всѣхъ можетъ и имѣетъ силу содѣйствовать намъ до преизбытка, въ большей мѣрѣ, нежели какъ мы просимъ, помышляемъ и представляемъ себѣ.

Вѣдѣніе противно вѣрѣ. Вѣра во всемъ ¹⁾, что къ ней относится, есть нарушеніе законовъ вѣдѣнія, впрочемъ—вѣдѣнія не духовнаго. Определеніе ²⁾ вѣдѣнія то, что оно не имѣетъ власти что-либо дѣлать безъ разысканія и изслѣдованія, а, напротивъ того, разыскиваетъ, возможно ли тому быть, о чемъ помышляетъ и чего хочетъ. Что же дѣлаетъ вѣра? Она не соглашается пребывать въ томъ, кто приближается къ ней неправо.

Вѣдѣніе безъ разысканія и безъ своихъ способовъ дѣйствованія не можетъ быть познано. И это есть признакъ колебанія въ истинѣ. А вѣра требуетъ единаго чистаго и простаго образа мыслей, далекаго отъ всякаго ухищренія и изысканія способовъ ³⁾.

¹⁾ Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ

²⁾ Законъ.

³⁾ Дѣйствія.

Смотри, какъ они противятся другъ другу. Домъ вѣры есть младенчествующая мысль и простое сердце. Ибо сказано: *въ простотѣ сердца своего прославили Бога, и: аще не обратитесь, и будете яко дѣти, не увидите въ царство небесное* (Матѣ. 18, 3). Вѣдѣніе же ставитъ сѣти простотѣ сердца и мыслей, и противится ей.

Вѣдѣніе есть предѣлъ естества и охраняетъ его во всѣхъ стезяхъ его. А вѣра совершаетъ шествіе свое выше естества. Вѣдѣніе не отваживается допустить до себя что-либо разрушительное для естества, но удаляется отъ этого; а вѣра безъ труда дозволяетъ, и говоритъ: *на аспида и василиска наступиши, и поперещи льва и змія* (Псал. 90, 13). Вѣдѣніе сопровождается страхомъ, вѣра—надеждою. Въ какой мѣрѣ человѣкъ водится способами вѣдѣнія, въ такой же мѣрѣ связуется онъ страхомъ, и не можетъ сподобиться освобожденія отъ него. А кто послѣдуетъ вѣрѣ, тотъ вскорѣ дѣлается свободенъ и самовластенъ, и какъ сынъ Божій всѣмъ пользуется со властію свободно. Возлюбившій вѣру сію, какъ Богъ, распоряжается всякимъ тварнымъ естествомъ, потому что вѣрѣ дана возможность созидать новую тварь, по подобію Божію, какъ сказано: *восхотѣ, и все явится предъ тобою* (Іов. 23, 13). Нерѣдко она можетъ все производить и изъ не-сущаго. А вѣдѣніе не можетъ что-либо произвести безъ вещества. У вѣдѣнія нѣтъ столько безстыдства ¹⁾, чтобы производить то, чего не дано естествомъ. Да и какъ ему произвести это? Текучее естество воды на хребетъ свой не пріемлетъ слѣдовъ тѣла, и приближающійся къ огню сожигаетъ себя; а если у него достанетъ на то дерзости, то послѣдуетъ бѣда.

Вѣдѣніе съ осторожностію охраняетъ себя отъ этого, и никакъ не соглашается преступить въ этомъ предѣлъ. Вѣра же самовластно преступаетъ все, и говоритъ: *аще сквозь огонь преjdeши, не сожжешися, и рѣки не покрѣютъ тебе* (Ис. 43, 2). И вѣра нерѣдко про-

¹⁾ Т. е. дерзости, самонадѣянности.

изводила сіе предъ всею тварію. А если-бы вѣдѣнію открывался здѣсь случай искутить себя въ этомъ, то, безъ сомнѣнія, оно не рѣшилось бы на то. Ибо многіе по вѣрѣ входили въ пламень, обуздывали сожигающую силу огня, и невредимо проходили посреди его, и по хребту моря шествовали, какъ по сушѣ. А все это выше естества, противно способамъ вѣдѣнія, и показало, что суетно оно во всѣхъ способахъ и законахъ своихъ. Видишь ли, какъ вѣдѣніе сохраняетъ предѣлы естества? Видишь ли, какъ вѣра восходитъ выше естества, и тамъ пролагаетъ стези своему шествію? Сіи способы вѣдѣнія пять тысячъ лѣтъ, или нѣсколько меньше, или и свыше сего, управляли міромъ, и человѣкъ нисколько не могъ подъять главы своей отъ земли, и сознать силу Творца своего, пока не возсіяла вѣра наша, и не освободила насъ отъ тьмы земного дѣланія и суетнаго подчиненія послѣ тщетнаго паренія ума ¹⁾. Да и теперь, когда обрѣли мы невозмутимое море и неоскудѣваемое сокровище, снова вожделѣваемъ уклониться къ малымъ источникамъ. Нѣтъ вѣдѣнія, которое бы не было въ скудости ²⁾, какъ бы много ни обогатилось оно. А сокровищъ вѣры не вмѣщаютъ ни земля, ни небо. Ничего никогда не лишается тотъ, у кого сердце подкрѣпляется упованіемъ вѣры. И когда ничего не имѣетъ, всѣмъ владѣетъ онъ вѣрою, какъ написано: *вся, елика воспросите въ молитвѣ, вѣрующе пріимете* (Матѣ. 21, 22), и еще: *Господь близъ. Ни о чемъ же пецѣтесе* (Фил. 4, 5—6).

Вѣдѣніе всегда ищетъ способовъ къ охраненію пріобрѣтающихъ оное. А вѣра говоритъ: *аще не Господь созиждетъ домъ, и сохранитъ градъ, все оубо стрегій, все о трудися зиждущій* (Псал. 126, 1). Кто молится съ вѣрою, тотъ никогда не пользуется способами самоохраненія, и не прибѣгаетъ къ нимъ. Ибо вѣдѣніе на всякомъ мѣстѣ хвалитъ страхъ, какъ ска-

1) Т. е. отъ подчиненія суетѣ, слѣдующаго за тщетнымъ пареніемъ ума.

2) Недостаточно.

залъ Премудрый: *боящемуся блаженна душа* (Сир. 34, 15). Что же вѣра? Сказано: *убоится, и начатъ уничтожити* (Матѳ. 14, 30); и еще сказано: *не пріясте духа работы какъ въ боязнь: но пріясте Духа сыноположенія въ свободу вѣры и надежды на Бога* (Рим. 8, 15); и еще: *не убойся ихъ, и не бѣги отъ лица ихъ. Страху всегда сопутствуетъ сомнѣніе, а сомнѣніе сопровождается разысканіемъ, а разысканіе — принятыми способами, а принятыя способы — вѣдѣніемъ.* И въ самомъ изслѣдованіи и разысканіи всегда познаются страхъ и сомнѣніе, потому что не во всякое время во всемъ успѣваетъ вѣдѣніе, какъ показали мы прежде сего. Ибо нерѣдко встрѣчаются душѣ разныя случайности, лютыя нападенія и многіе исполненныя опасностей случаи, въ которыхъ вовсе не могутъ здѣсь сколько-нибудь помочь вѣдѣніе и способы мудрости. Но, съ другой стороны, въ затрудненіяхъ, не отвратимыхъ всѣми силами и крайнимъ предѣломъ человѣческаго вѣдѣнія, вѣра нимало не преодолевается ни однимъ изъ сихъ затрудненій. Ибо достаточно ли человѣческаго вѣдѣнія, чтобы помочь сколько-нибудь въ явныхъ браняхъ съ невидимыми природами и съ силами тѣлесными, а равно и съ многими другимъ? Видишь ли немощь силы вѣдѣнія и крѣпость силы вѣры? Вѣдѣніе ученикамъ своимъ воспрещаетъ приближаться ко всему чуждому для естества. Но замѣть въ этомъ силу вѣры: что предлагаетъ она учащимся у нея? Сказано: *именемъ Моимъ бѣсы изженете; змѣя возметъ: аще и что смертно исшете, не вредитъ вамъ* (Марк. 16, 17. 18). Вѣдѣніе, по законамъ своимъ, всѣмъ шествующимъ путемъ его предлагаетъ во всякомъ дѣлѣ до начала его разыскать конецъ, и потомъ начинать, чтобы, если окажется, что конецъ дѣла съ трудомъ обрѣтается въ предѣлахъ человѣческой силы, не потрудиться имъ напрасно, и чтобы не открылось, что дѣлу трудно и невозможно совершиться. Что же говорить вѣра? *Вся возможна върующему* (Марк. 9, 23), потому что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго. Какое неизреченное богатство, какое море богатства — въ

волнахъ вѣры и въ чудныхъ сокровищахъ, преизливаемыхъ силою ея! Какого дерзновенія, какой сладости и надежды исполнено шествіе съ нею! Какъ легки бремена ея! и сколько сладости въ дѣланіи ея!

Вопросъ. Кому уподобляется въ дѣлѣ своемъ тотъ, кто сподобился вкусить сладости вѣры, и снова обратился къ вѣдѣнію душевному?

Отвѣтъ. Тому, кто нашель драгоцѣнную жемчужину, и обмѣнилъ ее на мѣдный оволь;—тому, кто оставилъ полновластную свободу, и возвратился въ состояніе нищеты, исполненное страха и рабства.

Неукоризненно вѣдѣніе, но выше его вѣра. Если и укоримъ, то не самое вѣдѣніе укоримъ. Да не будетъ сего! Но мы укоряемъ то, что оно употребляетъ разные способы, въ которыхъ идетъ оно вопреки вѣрѣ ¹⁾, и то, что приближается оно къ чинамъ демонскимъ. Внеслѣдствіи мы это разсудимъ ясно, а также: Сколько ступеней, на которыя восходитъ сими способами вѣдѣніе? Какая разность открывается на каждой ступени? Какими помышленіями возбуждается вѣдѣніе при каждомъ способѣ, когда держится оныхъ? Въ которомъ изъ сихъ способовъ, когда слѣдуетъ имъ, оно противится вѣрѣ, и выходитъ изъ естества? и какая бываетъ въ немъ разность? и на какой степени (когда возвращается къ первоначальной своей цѣли) приходитъ въ естество свое и полагаетъ ступень къ вѣрѣ добрымъ житіемъ? и до чего даетъ простираться различію сего состоянія? и какъ переходитъ отъ сего къ высшему? и какіе способы оной иной, или первой ²⁾, степени? И когда вѣдѣніе сопрягается съ вѣрою, дѣлается съ нею едино, облакается ею въ огненныя помышленія, возгарается духомъ, приобрѣтаетъ крыла безстрастія, и отъ служенія земному, употребивъ иные способы, возносится въ область Создателя своего? Впрочемъ, до времени довольно намъ

¹⁾ Въ греч. и въ древн. слав. переводѣ читается „естеству“, но у Паисія читаемъ: *сопротивъ вѣрѣ*.

²⁾ Высшей.

знать, что вѣра, и ступени ея, и хожденіе въ оныхъ—
выше вѣдѣнія.

Самое вѣдѣніе усовершенствуется вѣрою, и приобрѣ-
таетъ силу восходить горѣ, ощущать то, что выше
всякаго ощущенія, видѣть оное сіяніе, неуловимое
умомъ и вѣдѣніемъ тварей. Вѣдѣніе есть ступень,
по которой человѣкъ восходитъ на высоту вѣры, и
какъ скоро достигаетъ оной, болѣе уже не нуждается
въ немъ. Ибо сказано: нынѣ *отъ части разумѣваемъ,
отъ части думаемъ* ¹⁾. *Егда же придетъ совершенное,
тогда еже отъ части, упразднится* (1 Кор. 13, 9, 10).
Итакъ, и теперь уже вѣра какъ бы предъ очи пред-
ставляетъ намъ дѣйствительность совершенства, и
вѣрою нашею разумѣваемъ оное непостижимое, а не
разысканіемъ и силою вѣдѣнія.

Вотъ дѣла правды: постъ, милостыня, бдѣніе, святы-
ня ²⁾, и все прочее, совершаемое тѣлесно; любовь къ
ближнему, смиренномудріе сердца, прощеніе ³⁾ проступ-
ковъ, помышленіе о благахъ ⁴⁾, ислѣдованіе таинствъ,
сокровенныхъ въ святыхъ Писаніяхъ, размышленіе ума
о дѣлахъ совершеннѣйшихъ, какъ хранить предѣлы
душевныхъ движеній, и прочія добродѣтели, совер-
шаемая въ душѣ. Все это имѣетъ нужду въ вѣдѣ-
ніи, потому что вѣдѣніе охраняетъ это и учитъ по-
рядку въ этомъ. И все это только ступени, по кото-
рымъ душа восходитъ на горнюю высоту вѣры;—и
сіе называется добродѣтелями. Но жизнь вѣры выше
добродѣтели, и дѣланіе ея—не труды, но совершен-
ный покой, и утѣшеніе, и слова въ сердцѣ, и оно ⁵⁾
совершается въ помышленіяхъ души. Ея также дѣла-
ніе—всѣ чудные виды духовнаго житія, прохожденіе
которыхъ подаетъ чувство духовной жизни, и
сладость, и наслажденіе душевное, и возделѣніе,
и радость о Богѣ, и все прочее, что въ ономъ

¹⁾ Т. е. отчасти знаемъ, отчасти воображаемъ Въ текстѣ Посланія
къ Коринтянамъ сказано: отчасти знаемъ, и отчасти пророчествуемъ“

²⁾ Чистота тѣла.

³⁾ Ближнимъ.

⁴⁾ Небесныхъ.

⁵⁾ Дѣланіе.

житіи дается душѣ, достойной благодати тамошняго блаженства, и что, какъ бы указуемое вѣрой въ Божественныхъ Писаніяхъ, совершается здѣсь Богомъ, богатымъ въ Своихъ дарованіяхъ.

Недоумѣніе. Кто-нибудь скажетъ: если всѣ сіи блага, и исчисленныя предъ симъ дѣла добродѣтели, и удаленіе отъ худого, и различеніе тонкихъ возникающихъ въ душѣ помысловъ, и борьба съ помыслами, и противоборство страстямъ раздражительнымъ, и все прочее, безъ чего самая вѣра не можетъ показать силы своей въ душевномъ дѣланіи,—если все это совершается вѣдѣніемъ, то почему же вѣдѣніе почитается противнымъ вѣрѣ?

Рѣшеніе сомнѣнія. Отвѣтствуемъ: три суть мысленные способа, по которымъ вѣдѣніе восходитъ и нисходитъ; и бываетъ измѣненіе какъ въ способахъ, какими водится вѣдѣніе, такъ и въ самомъ вѣдѣніи; и чрезъ это оно вредитъ и помогаетъ. Три же способа суть: тѣло, душа, духъ. И если вѣдѣніе въ естествѣ своемъ одно, то, по отношенію къ симъ областямъ мысленнаго и чувственнаго, оно утончается, измѣняетъ свои способы и дѣланія помышленій своихъ. Выслушай, наконецъ, какой порядокъ сего дѣланія, и какія причины, по которымъ оно вредитъ и помогаетъ. Вѣдѣніе есть Божіе даяніе естеству разумныхъ тварей, данное вначалѣ, при ихъ созданіи, и оно по природѣ своей просто и недѣлимо, какъ свѣтъ солнечный, но сообразно съ дѣланіемъ своимъ пріобрѣтаетъ измѣненія и дѣленія.

С Л О В О 26.

О ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ ВѢДѢНІЯ.

Когда вѣдѣніе слѣдуетъ плотскому вожделѣнію, тогда сводитъ воедино слѣдующіе способы: богатство, тщеславіе, убранство, тѣлесный покой, раченіе о словесной мудрости, годной къ управленію въ мірѣ семъ и источающей обновленіе въ изобрѣтеніяхъ, и

искусствахъ, и наукахъ, и все прочее, чѣмъ увѣнчивается тѣло въ этомъ видимомъ мірѣ. А по симъ отличительнымъ чертамъ, какъ сказали и распредѣлили мы, вѣдѣніе дѣлается противнымъ вѣрѣ. И оно именуется голымъ вѣдѣніемъ, потому что исключаетъ всякое попеченіе о Божественномъ, и по причинѣ преобладанія тѣла вноситъ въ умъ неразумное безсиліе, и все попеченіе его совершенно о семъ только мірѣ. Вотъ понятіе о себѣ этого вѣдѣнія: оно, безъ всякаго сомнѣнія, есть мысленная сила, тайно правящая человекомъ, Божественная попечительность, назирающая надъ нимъ и совершенно о немъ пекущаяся. Посему не Божію промыслу приписываетъ оно управление міромъ, но все доброе въ человекѣ, спасеніе его отъ вредоноснаго для него и естественное его остереженіе отъ несчастій и отъ многихъ противностей; тайно и явно сопровождающихъ естество наше, кажутся ему слѣдствіемъ собственной его рачительности и собственныхъ его способовъ. Таково понятіе о себѣ размышляющаго ¹⁾ вѣдѣнія. Оно мечтаетъ, что все бываетъ по его промышленію; и въ этомъ согласно съ утверждающими, что нѣтъ управления симъ видимымъ міромъ. Впрочемъ, не можетъ оно пребыть безъ непрестаннаго попеченія и безъ страха за тѣло, а потому овладѣваетъ имъ малодушіе, печаль, отчаяніе, страхъ отъ бѣсовъ, боязнь отъ людей, молва о разбойникахъ; слухи о смертяхъ, заботливость въ болѣзни, тревога въ скудости и недостаткѣ потребнаго, страхъ смерти, страхъ страданій и злыкъ звѣрей, и все прочее, сходное съ симъ и уподобляющееся морю, въ которомъ ежечасно день и ночь мнутъ и устремляются на пловцовъ волны, такъ какъ вѣдѣніе сіе не умѣетъ попеченія о себѣ возвергать на Бога въ упованіи вѣры въ Него. А потому во всемъ, что касается до него самого, бываетъ занято придумываніемъ средствъ и ухищреній. Когда же способы его изобрѣтеній въ одномъ какомъ-либо случаѣ окажутся

¹⁾ По греч. *ἀδολεσχοῦσις*. Это приблизительно то же, что „философствующаго“.

недѣйствительными, таинственнаго же въ семь Промысла оно не усмотритъ, тогда препирается съ людьми, которые препятствуютъ и противятся ему.

Въ семь-то вѣдѣннн насаждено древо познанія добраго и лукаваго, искореняющее любовь. И оно разыскиваетъ малые проступки другихъ людей, вины ихъ и немощи, и настриваетъ челоуѣка учительствовать, прекословить на словахъ, измышлять лукавыя средства и хитрости; прибѣгаетъ оно и къ прочимъ способамъ, оскорбительнымъ для челоуѣка. Въ немъ надменіе и гордыня; потому что всякое доброе дѣло присвоаетъ себѣ, а не Богу приписываетъ.

Вѣра же дѣла свои вмѣняетъ благодати, потому и не можетъ превозноситься, какъ написано: *вся могу оукрѣпляюще мѧ Христѣ* (Фил. 4, 13); и еще: *не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. 15, 10). А что сказалъ блаженный Апостоль: *разумъ кичитъ* (1 Кор. 8, 1), то изрекъ сіе о семь вѣдѣннн, не растворенномъ вѣрою въ Бога и надеждою на Него, а не о вѣдѣннн истинномъ. Да не будетъ сего!

Вѣдѣніе истинное душу пріобрѣтшихъ оное усовершеншаетъ въ смиреннн, какъ усовершило Моусея, Давида, Исаію, Петра, Павла и прочихъ святыхъ, сподобившихся сего, по мѣрѣ естества челоуѣческаго, совершеннаго вѣдѣннн. И въ подобныхъ симъ святымъ вѣдѣніе ихъ всегда поглощается необычайными созерцаніями, Божественными откровеніями, высокимъ созерцаніемъ духовнаго, неизреченными таинствами, и душа ихъ въ очахъ ихъ почиается пепломъ и перстію. Другое же вѣдѣніе, какъ и свойственно ему, кичится, потому что ходитъ во тѣмѣ, цѣнить достояніе свое по сравненію съ тѣмѣ, что на землѣ, и не знаетъ, что есть нѣчто лучшее его. Въ превозношеніе же вовлекаются всѣ потому, что они на землѣ, житіе свое взвѣшиваютъ плотію, опираются на дѣла свои, и не помышляютъ въ умѣ своемъ о неостижимомъ. И подвергаются этому, пока плаваютъ въ волнахъ сихъ. Но святые преуспѣваютъ въ славной Божественной добродѣтели; и дѣланіе ихъ горѣ, и мысль ихъ не уклоняется въ попеченіе объ изобрѣтеніяхъ и о сует-

номъ, потому что ходящіе во свѣтѣ не могутъ заблуждаться. Посему-то всѣ, удалившіеся отъ свѣта познанія Сына Божія и уклонившіеся отъ истины, ходятъ по симъ стезямъ. Вотъ первая степень вѣдѣнія, на которой человѣкъ послѣдуетъ плотской похоти! Сіе-то вѣдѣніе мы и оуждаемъ, и признаемъ оное противнымъ не только вѣрѣ, но и всякому дѣланію добродѣтели.

С Л О В О 27.

О ВТОРОЙ СТЕПЕНИ ВѣДѢНІЯ.

Когда человѣкъ, оставивъ первую степень, бываетъ занятъ душевными помышленіями и пожеланіями, тогда во свѣтѣ естества души, какъ тѣлесными чувствами, такъ и душевными помышленіями совершаетъ слѣдующія вышеозначенныя ¹⁾ превосходныя дѣла, а именно: постъ, молитву, милостыню, чтеніе Божественныхъ Писаній, разныя добродѣтели, борьбу со страстями, и прочее. Ибо всѣ благія дѣла, всѣ различныя добрыя состоянія, усматриваемыя въ душѣ, и чудные образы служенія во дворѣ Христовомъ, на сей второй степени вѣдѣнія, дѣланіемъ силы его ²⁾ совершаетъ Духъ Святой. И оно-то указываетъ сердцу стези, ведущія насъ къ вѣрѣ, чрезъ него собираемъ напутствіе къ будущему вѣку. Но и здѣсь еще вѣдѣніе тѣлесно ³⁾ и сложно. Хотя и сіе вѣдѣніе есть путь, ведущій и препровождающій насъ къ вѣрѣ, однако же есть и еще высшая степень вѣдѣнія. И если кто преуспѣетъ, то найдетъ возможность, при помощи Христовой, возведеннымъ быть и на оную, когда основаніе своего дѣланія положитъ въ безмолвномъ удаленіи отъ людей, въ чтеніи Писаній, въ молитвѣ, и въ прочихъ добрыхъ дѣлахъ, которыми со-

¹⁾ См. Сл. 25-е, стр. 123

²⁾ Сего вѣдѣнія.

³⁾ Въ своихъ представленіяхъ.

вершается все относящееся ко второму вѣдѣнію. И имъ-то производится все доброе; оно и называется вѣдѣніемъ дѣлъ, потому что чувственными дѣлами, при посредствѣ тѣлесныхъ чувствъ, совершаетъ дѣло свое на внѣшней степени. Аминь.

С Л О В О 28..

О ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ ВѢДѢНІЯ, КОТОРАЯ ЕСТЬ СТЕПЕНЬ СОВЕРШЕНСТВА.

Послушай же, какъ человѣкъ утончается, пріобрѣтаетъ духовность, и уподобляется въ житіи невидимымъ Силамъ, которыя служеніе свое отправляютъ не чувственно производимыми дѣлами, но совершаемыми заботливостію ума. Когда вѣдѣніе вознесется надъ земнымъ и надъ попеченіемъ о дѣланіи земного, и начнетъ испытывать свои помышленія въ томъ, что сокрыто отъ очей внутри, и нѣкоторымъ образомъ станетъ пренебрегать тѣмъ, отъ чего бываетъ непотребство страстей, и прострется горѣ, и послѣдуетъ вѣрѣ въ попеченіи о будущемъ вѣкѣ, и въ возжелѣніи обѣтованнаго намъ, и въ изысканіи сокровенныхъ тайнствъ, тогда сама вѣра поглощаетъ сіе вѣдѣніе, и обращается, и раждаетъ оное снова, такъ что всецѣло становится оно духомъ.

Тогда можетъ воспарять оно на крылахъ въ области безплотныхъ, касаться глубинъ неосязаемаго моря, представляя въ умѣ Божественныя и чудныя дѣйствія правленія въ естествахъ существъ мысленныхъ и чувственныхъ, и изслѣдуетъ духовныя тайны, постигаемая мыслью простою и тонкою. Тогда внутреннія чувства возбуждаются къ духовному дѣланію сообразно состоянію, бывающему въ оной жизни безсмертія и нетлѣнія, потому что еще въ здѣшнемъ, какъ бы въ тайнѣ, оно ¹⁾ пріяло мысленное воскре-

¹⁾ Т. е. вѣдѣніе

зене, въ истинное свидѣтельство о всеобщемъ обновленіи.

Вотъ три способа вѣдѣнія, съ которыми сопряжено ¹⁾ все теченіе чловѣка въ тѣлѣ, въ душѣ, въ духѣ. Съ того времени, какъ начинаетъ чловѣкъ различать зло отъ добра, и пока не изыдетъ онъ изъ міра сего, вѣдѣніе души его пребываетъ въ сихъ трехъ мѣрахъ. И полноту всякой неправды и нечестія, и полноту правды, и то, чтобы коснуться глубины всѣхъ тайнъ духа, производитъ единое вѣдѣніе въ сказанныхъ трехъ мѣрахъ, и въ немъ заключено всякое движеніе ума, когда восходитъ или нисходитъ онъ въ добрѣ, или въ злѣ, или въ среднемъ между добромъ и зломъ. Сіи же мѣры у Отцевъ называются: естественное, противоестественное и сверхъестественное. И это суть три направленія, по которымъ возводится и низводится память разумной души, когда, по сказанному, или по естеству дѣлаетъ кто правду, или превыше естества восхищается ея памятью, въ созерцаніи Бога, или внѣ естества исходитъ пасти свиней ²⁾, какъ расточившій богатство своей разсудительности, работая со множествомъ демоновъ.

СОВОКУПНОЕ ОБОЗРѢНІЕ ТРЕХЪ ВѢДѢНІЙ.

Первая степень вѣдѣнія охлаждаетъ душу для дѣлъ шествія по Богу. Вторая согрѣваетъ душу для скорого теченія къ тому, что на степени вѣры. Третья же есть упокоеніе отъ дѣланія (что есть образъ будущаго), въ единомъ приснопоученіи ума наслаждающееся тайнами будущаго. Но такъ какъ естество не можетъ еще совершенно возвыситься надъ состояніемъ омертвѣнія и тяготою плоти и усовершиться въ ономъ духовномъ вѣдѣніи, которое выше другого уклоняющагося вѣдѣнія, то и вѣдѣніе сіе не въ состояніи и послужить къ совершенству, не имѣющему

¹⁾ Изъ которыхъ составляется.

²⁾ Такъ по переводу Паисія. По греч. тексту такъ: „...въ созерцаніи Бога внѣ естества, или исходитъ“...

недостатка; не можетъ человѣкъ быть и въ мірѣ мертвости, и—совершенно оставить естество плоти. Но пока человѣкъ живетъ во плоти, остается онъ въ переходномъ состояніи отъ одного вѣдѣнія къ другому. То вдругъ душа его, какъ убогій и нищій, начинаетъ совершать служеніе на второй, средней степени добродѣтели, какая вложена въ естествѣ, и можетъ быть произведена при помощи естества тѣлеснаго; то пребываетъ, подобно пріавшимъ Духа сыноположенія, въ таинствѣ свободы, наслаждается благодатію Духа, по достоинству Дающаго оную, и снова возвращается къ смиренію дѣлъ своихъ, и это суть дѣла, совершаемая съ помощію тѣла. И благодать сохраняетъ ихъ, чтобы врагъ не плѣнилъ ее ¹⁾ приманками, обрѣтаемыми въ этомъ лукавомъ вѣкѣ, и помыслами смущенными и поползновенными ²⁾, потому что человѣкъ, пока заключенъ подъ завѣсою дверей плоти, не имѣетъ упованія. Ибо въ вѣкѣ семъ несовершенномъ нѣтъ совершенной свободы. Всякое дѣланіе вѣдѣнія состоитъ въ дѣланіи и продолжительномъ упражненіи; дѣланіе же вѣры не дѣлами совершается, но исполняется духовными помышленіями, въ чисто душевномъ дѣйствованіи; и оно выше чувствъ. Ибо вѣр' утонченнѣе вѣдѣнія, какъ вѣдѣніе утонченнѣе вещей чувственныхъ. Всѣ святые, сподобившіеся обрѣсти житіе сіе (а это есть восторженіе къ Богу), силою вѣры пребываютъ въ услажденіи онымъ превышеестественнымъ житіемъ.

Вѣру же разумѣемъ не ту, какою человѣкъ вѣруетъ въ различіе достопоклоняемыхъ и Божественныхъ Упостасей, въ превосходящее все, особенное ³⁾ естество самаго Божества и въ чудное домостроительство ⁴⁾, совершенное въ человѣчествѣ воспріятіемъ нашего естества (хотя и сія вѣра крайне высока),—но вѣру, возсіявающую въ душѣ отъ свѣта благодати, свидѣтельствомъ ума подкрѣпляющую сердце, чтобы

¹⁾ Душу.

²⁾ Уклоняющимися отъ должнаго направленія.

³⁾ Только Божеству свойственное.

⁴⁾ Божіе.

не колебалось оно въ несомнѣнности надежды, далекой отъ всякаго самомнѣнія. И вѣра сія обнаруживается не въ приращеніи слуха ушей, но въ духовныхъ очахъ, которыя видятъ соккрытыя въ душѣ тайны, невидимое и божественное богатство, сокровенное отъ очей сыновъ плоти, и открываемое Духомъ питающимся съ трапезы Христовой, въ поученіи законамъ Христовымъ, какъ сказалъ Господь: „если заповѣди Мои соблюдете, пошлю вамъ Утѣшителя, *Духа истины, Егоже міръ не можетъ пріяти, и Той вы научитъ* всякой истинѣ“ (Іоан. 14, 15. 17. 26). Онъ указываетъ человѣку сію святую силу, обитающую въ немъ во всякое время, сей покровъ, сію мысленную крѣпость, всегда покрывающую человѣка, отражающую отъ него все вредное, чтобы не приближалось это къ душѣ или къ тѣлу его. Сію-то силу умъ свѣтлый и духовный невидимо ощущаетъ очами вѣры. Она-то познается святыми паче въ опытномъ пріобщеніи оной.

Сила эта есть Самъ Утѣшитель, крѣпостию вѣры, какъ огнемъ, возжигающій душевные члены. И душа устремляется, пренебрегаетъ ¹⁾ всякою опасностію въ надеждѣ на Бога, на крылахъ вѣры возносится надъ видимою тварію, и бываетъ всегда какъ бы упоенною, въ изумленіи предъ Божественною попечительностію, въ несложномъ созерцаніи и невидимомъ разсматриваніи Божественнаго естества, пріобучая умъ быть внимательнымъ къ размышленію о тайнахъ Его. Ибо, пока не пріидетъ Тотъ ²⁾, Кто есть совершеніе таинствъ, и пока явно не сподобимся откровенія оныхъ, вѣра между Богомъ и святыми священнодѣйствуетъ неизреченныя таинства, которыхъ, по благодати Самого Христа, и мы да сподобимся, здѣсь—какъ въ залогъ, а въ самой дѣйствительной истинѣ—тамъ, во царствіи небесномъ съ любящими Его Аминь.

¹⁾ Въ такомъ состояніи.

²⁾ Духъ истины.

С Л О В О 29.

ОБЪ ИНЫХЪ ОБРАЗАХЪ И ПОНИМАНИИ РАЗЛИЧІЯ ВЪДѢНІЯ ¹⁾.

Вѣдѣніе, которое занимается видимымъ или чувствами воспринимаетъ порядокъ онаго, называется естественнымъ. Вѣдѣніе же, которое пребываетъ въ области мысленнаго и своею собственною силою постигаетъ природу безплотнаго, именуется духовнымъ; потому что оно пріемлетъ ощущеніе духомъ, а не чувствами, и рожденіе сихъ двухъ ²⁾ привходитъ въ душу отвнѣ, и она разумѣваетъ ихъ. А вѣдѣніе, достигшее Божественнаго, именуется сверхъестественнымъ, и оно паче недовѣдомо, и выше вѣдѣнія. И созерцаніе сего вѣдѣнія душа пріемлетъ не отъ вещества, которое внѣ ея, какъ въ первыхъ двухъ видахъ вѣдѣнія, но невещественно, внутри ея самой, туне, скоро и сверхъ чаянія является и открывается оно изъ самой внутренности, потому что, по слову Христову, *царствіе небесное внутри васъ есть* (Лук. 17, 21), и нельзя ожидать его въ извѣстномъ образѣ, и не съ соблюденіемъ оно приходитъ, но внутри образа, запечатлѣннаго въ сокровенномъ умѣ, открывается само собою, безъ помышленія ³⁾ о немъ, потому что умъ не находитъ въ немъ вещества.

Первое вѣдѣніе рождается отъ непрестаннаго занятія и рачительнаго обученія; второе же—отъ добраго житія и разумной вѣры, а третье наслѣдуется одной вѣрой, потому что ею упраздняется вѣдѣніе, дѣла пріемлютъ конецъ, и чувства дѣлаются излишними для употребленія. Посему вѣдѣніе чествуется, въ какой мѣрѣ нисходитъ отъ сего предѣла; и чѣмъ болѣе нисходитъ, тѣмъ паче чествуется. И когда достигаетъ земли и земного, тогда всѣмъ владычествуетъ вѣдѣніе, и безъ него всякое дѣло хромо и

¹⁾ Еще иное различіе вѣдѣній.

²⁾ Видовъ вѣдѣнія, естественнаго и духовнаго.

³⁾ Безъ участія заботы о немъ.

несовершенно. Когда же душа созерцаніе свое возвыситъ горѣ, и мысли свои простретъ въ пренебесное, и возжелаетъ того, что незримо тѣлесными очами, и что не во власти плоти, тогда во всемъ дѣйствуетъ вѣра, которую и намъ да даруетъ Господь Іисусъ Христосъ, *сый благословенъ во вѣки, аминь* (Рим. 9, 5).

С Л О В О 30.

Объ образѣ молитвы и о прочемъ, необходимо потребномъ для всегдашняго памятованія и во многихъ отношеніяхъ полезномъ, если сохранить это читающій съ разсужденіемъ.

Человѣку, во время молитвеннаго прошенія своего, утвердиться въ упованіи на Бога есть лучшая часть благодати вѣры. Твердость же вѣры въ Бога не то, что здоровое ¹⁾ исповѣданіе, хотя оно и матеръ вѣры; напротивъ того, душа видитъ истину Божию по силѣ житія. Когда въ святыхъ Писаніяхъ находишь вѣру, соединенную съ дѣлами, тогда разсужденія о ней не принимай за разсужденіе о правомъ исповѣданіи, потому что вѣра, доводящая до несомнѣнности въ упованіи, никогда не достигается людьми некрещенными ²⁾ или—у которыхъ умъ растлѣнъ для истины. Ибо несомнѣнность вѣры въ людяхъ, высокихъ душею, открывается по мѣрѣ того, какъ они по нравамъ своимъ сообразуются въ житіи съ заповѣдями Господними.

Непрестанное изученіе Писанія—свѣтъ для души, потому что оно указываетъ душѣ полезныя напоминанія о томъ, чтобы остерегаться страстей и пребывать въ любви къ Богу чистотою молитвы, и также начертываетъ предъ нами мирный путь по слѣдамъ святыхъ. Впрочемъ, не сомнѣвайся въ силѣ молитвъ нашего стихословія, когда, во время молитвъ или ежечаснаго чтенія, не послѣдуетъ за

¹⁾ Православное.

²⁾ Не облеченными во Христа (Гал. 3, 27), не пріавшими Духа (Іоан 3, 5).

ними сильнаго возбужденія и непрестаннаго сокрушенія.

Сказанное изъ опыта слово необходимо принимай, хотя изрекшій оное и некнижный человекъ, потому что царскія сокровища больше всѣхъ на землѣ, но не пренебрегаютъ тѣмъ, чтобы принять въ добавокъ себѣ оволь, взятый у нищаго; и изъ малыхъ потоковъ наводняются рѣки, и дѣлаются великими въ теченіи своемъ.

О храненіи памятованій.

Если памятованіе добраго, когда приводимъ это себѣ на мысль, обновляетъ въ насъ добродѣтель, то явно, что и памятованіе распутства, когда припоминаемъ о немъ, обновляетъ въ умѣ нашемъ срамное пожеланіе, потому что памятованіе того и другого показываетъ и начертываетъ въ помышленіяхъ нашихъ разность самыхъ воспоминаемыхъ вещей, какъ бы перстомъ указываетъ намъ или на срамоту нашихъ помысловъ, или на высоту нашего житія, и укрѣпляетъ въ насъ помыслы и движенія и десныхъ и шуихъ. Мы бываемъ заняты ими въ тайнѣ ума нашего, и въ этомъ мысленномъ занятіи изображается удѣлъ житія нашего, такъ что по необходимости непрестанно видимъ самихъ себя. Итакъ, не одно сіе занятіе вредитъ тому, кто имѣетъ оное, но съ нимъ вмѣстѣ вредитъ и видѣніе, а также и памятованіе, восполняющее это собою. И не одно дѣланіе добродѣтели сильно вспомошествоуетъ тому, кто упражняется въ семъ дѣланіи, но и мысленное представленіе, образуемое припоминаніемъ о лицахъ, подвижавшихся въ добродѣтели.

А сіе дѣлаетъ понятнымъ, почему весьма многіе, достигшіе степени чистоты, сподобляются лицезрѣнію нѣкоторыхъ святыхъ всегда въ ночномъ видѣніи; и днемъ ежечасно въ мысленномъ упражненіи ума бываетъ для нихъ источникомъ радости видѣніе сихъ святыхъ, напечатлѣвшихся въ душахъ ихъ. И потому съ горячностію приступаютъ къ дѣланію добродѣтелей, и въ избыткѣ западаетъ въ нихъ пламень къ

вождедѣнію оныхъ. И говорятъ, что святые ангелы принимаютъ на себя подобія нѣкоторыхъ досточтимыхъ и благихъ святыхъ, и въ сонномъ мечтаніи показываютъ душѣ сіи подобія, во время паренія ея мыслей, къ ея радости, обогащенію и веселію, а днемъ постоянно приводятъ ихъ въ движеніе, когда разсматриваетъ душа свои помыслы; и дѣланіе ея облегчается радостію святыхъ, и отъ сего преуспѣваетъ она въ теченіи своемъ. Такъ бываетъ и при непрерывности браней. Кто имѣетъ привычку занимать свои мысли худымъ, тому, при содѣйствіи демоновъ, представляется это въ подобіи. Демоны принимаютъ на себя подобіе и показываютъ душѣ мечтанія, приводящія ее въ ужасъ, и болѣе при помощи дневного памятованія, дѣйствуя посредствомъ его. И иногда страшнымъ симъ видѣніемъ, приводящимъ душу въ ужасъ, скоро доводятъ ее до изнеможенія, и иногда представляютъ ей также трудность житія въ безмолвіи и уединеніи, и иное что-либо.

Поэтому и мы, братія, что касается до внимательности къ нашимъ памятованіямъ и заключенія по онымъ о состояніи души нашей, начнемъ отнынѣ постоянно разсуждать о различіи занимающихъ насъ памятовацій: какія изъ нихъ останавливаютъ на себѣ наше вниманіе, и какія тотчасъ отгоняемъ мы отъ себя, какъ скоро приближаются къ мысли нашей: тѣ ли, которыя въ насъ по предумышленію бѣсовъ, повергающихъ эту пищу страстямъ, или тѣ, которыя отъ вождедѣнія и раздражительности, или тѣ, которыя отъ святыхъ ангеловъ, подающихъ намъ мановеніе радости и вѣдѣнія, а также памятованія, пробуждающія насъ помыслами во время приближенія къ намъ святыхъ ангеловъ, или тѣ, которыя въ насъ отъ впечатлѣній, предварительно принятыхъ чувствомъ, и которыми въ душѣ возбуждаются помыслы, увлекающіе къ чему-нибудь одному. Черезъ познаніе же сего различія пріобрѣтемъ опытность въ двухъ вещахъ: въ усмотрѣніи памятовацій и въ дѣланіи напоминаемыхъ ими дѣлъ, и постараемся, чтобы за тѣмъ и другимъ слѣдовала опредѣленная молитва.

О РАЗНЫХЪ СТЕПЕНЯХЪ ЛЮБВИ.

Любовь, возбуждаемая чѣмъ-нибудь вещественнымъ, подобна малому свѣтильнику, питаемому елеемъ, которымъ и поддерживается свѣтъ его, или наводняемому дождемъ потоку, котораго теченіе прекращается съ оскудѣніемъ составляющаго его вещества. Любовь же, которая имѣетъ виновникомъ Бога, подобна бьющему изъ земли источнику; потоки его никогда не пресѣкаются (ибо Богъ — единственный источникъ любви), и вещество его не оскудѣваетъ.

О ТОМЪ, КАКЪ ДОЛЖНО ТЕБѢ МОЛИТЬСЯ БЕЗЪ КРУЖЕНІЯ МЫСЛЕЙ.

Хочешь ли насладиться стихословіемъ, во время службы своей, и принять ощущеніе произносимыхъ тобою словесъ Духа? Отложи совершенно въ сторону количество стихословіи, не принимай въ расчетъ знанія мѣры въ стихахъ, произноси ихъ какъ молитву, оставь обычное вычитываніе и уразумѣй, что говорю тебѣ, и что сказано на основаніи опыта, какъ бы въ книгѣ одного изъ мужей, руководимыхъ Богомъ: да углубляется умъ твой въ изученіе словесъ Духа, пока душа твоя удивленіемъ къ домостроительству не возбуждается къ великимъ ихъ разумѣніямъ, и чрезъ это не подвигнется къ славословію или къ полезной печали. И ежели есть что въ молитвѣ, усвой это себѣ; и когда умъ твой утвердится въ этомъ, тогда смущеніе уступитъ свое мѣсто, и удалится. Ибо въ рабскомъ дѣланіи ¹⁾ нѣтъ мира уму, и въ свободѣ чадъ нѣтъ мятежнаго смущенія; смущеніе же отнимаетъ обыкновенно вкусъ у смысла и понятливости, и расхищаетъ мысли подобно пиявкѣ, высасывающей жизнь изъ тѣлѣ съ кровію ихъ членовъ. И смущеніе, если только возможно, прилично будетъ назвать колесницею діавола, потому что сатана имѣетъ всегда обычай, подобно ѳздоку, возсѣдать на умъ, брать съ со-

¹⁾ Въ вычитываніи только положеннаго.

бою кучу страстей, съ ними входить въ несчастную душу и погружать ее въ смущеніе. Но пойми разсудительно и это: при стихословіи псалмопѣнія твоего не будь какъ бы заимствующимъ слова у другого, чтобы не подумать, будто бы дѣло поученія умножаешь непрерывно; и совершенно не стать далекимъ отъ почерпаемыхъ въ стихахъ умиленія и радости, но, какъ самъ отъ себя, произноси слова прошенія твоего съ умиленіемъ и разсудительнымъ разумѣніемъ, какъ истинно понимающій дѣло свое.

Замѣть, отъ чего рождается уныніе, и отъ чего пареніе ума.

Уныніе—отъ паренія ума, а пареніе ума—отъ праздности, чтенія и суетныхъ бесѣдъ, или отъ пресыщенія чрева.

О томъ, что должно не прекословить лукавымъ ¹⁾ помысламъ, но повергать себя предъ Богомъ.

Если кто не прекословитъ помысламъ, тайно всѣваемымъ въ насъ врагомъ, но молитвою къ Богу отсѣкаетъ бесѣду съ ними, то это служитъ признакомъ, что умъ его обрѣлъ по благодати премудрость, что отъ многихъ дѣлъ освободило его истинное его вѣдѣніе; и что обрѣтеніемъ краткой стези, которой достигъ, пресѣкъ онъ долговременное пареніе на длинномъ пути, потому что не во всякое время имѣемъ мы силу такъ воспрекословить всѣмъ сопротивнымъ помысламъ, чтобы прекратить ихъ; напротивъ же того, нерѣдко получаемъ отъ нихъ язву, долгое время неисцѣляемую. Ибо ты выходишь учить тѣхъ ²⁾, кому уже шесть тысячъ лѣтъ. А это ³⁾ служитъ для нихъ оружіемъ, которымъ возмогутъ они поразить тебя, несмотря на всю твою мудрость и на все твое благо-

1) Слово *лукавымъ* дополнено изъ древн. слав. перевода.

2) Бѣсовъ.

3) Т. е. опытность искушающихъ бѣсовъ и твое дерзкое прекословіе лукавымъ помысламъ.

разуміе. Но когда и побѣдишь ты ихъ, и тогда нечистота помысловъ осквернитъ умъ твой, и зловоніе смрада ихъ на долгое время останется въ обоняніи твоёмъ. Употребивъ же первый способъ ¹⁾, будешь свободенъ отъ всего этого и отъ страха, потому что нѣтъ иной помощи, кромѣ Бога.

⊙ СЛЕЗАХЪ.

Слезы во время молитвы—признакъ Божіей милости, которой сподобилась душа въ покаяніи своемъ,—признакъ того, что молитва принята, и слезами начала входить на поле чистоты. Ибо, если не будутъ отъяты въ людяхъ помыслы о преходящемъ, и не отринутъ они отъ себя мірской надежды, и не возбудится въ нихъ пренебреженіе къ міру, и не начнутъ они уготовлять добраго напутствія къ исшествію своему, не начнутъ въ душѣ возставать помыслы о томъ, что будетъ тамъ: то глаза не могутъ проливать слезъ, потому что слезы суть слѣдствіе безпримѣснаго и невысокопарнаго размышленія, многихъ, частыхъ и неуклонно пребывающихъ помысловъ, памятованія о чемъ-то тонкомъ ²⁾, совершающемся въ умѣ, и памятованіемъ симъ приводящемъ сердце въ печаль. Отъ сего-то слезы умножаются и наиболѣе усиливаются.

⊙ РУКОДѢЛНИ И О СРЕБРОЛЮБИИ.

Когда, во время пребывания твоего на безмолвіи, обращаешься къ рукодѣлію, не обращай отеческой заповѣди въ покрывало своему сребролюбію. Во избѣжаніе унынія пусть будетъ у тебя небольшое дѣло, не возмущающее ума. Если же для милостыни пожелаешь болѣе занятья дѣломъ, то знай, что молитва въ чинѣ своемъ выше милостыни, а если ради тѣлесныхъ потребностей, то, если ты не ненасытенъ, къ удовлетворенію нуждъ твоихъ достаточно съ тебя

¹⁾ Т. е. молитвою къ Богу отсѣкая бесѣду съ помыслами.

²⁾ Духовномъ.

и того, чѣмъ надѣляетъ тебя Богъ. Ибо Онъ никогда не оставляетъ дѣлателей Своихъ, чтобы терпѣли они недостатокъ въ преходящемъ. Господь сказалъ: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33), прежде прошенія вашего.

Нѣкто изъ святыхъ сказалъ: „не тотъ чинъ житія твоего, чтобы насыщать алчущихъ, и чтобы келлія твоя сдѣлалась страннопріимницею для пришлыхъ. Это—дѣло мірянъ: имъ оно паче прилично, какъ дѣло прекрасное, а не отшельникамъ, свободнымъ отъ видимыхъ попеченій и хранящимъ умъ свой въ молитвѣ“.

С Л О В О 31.

Объ отшельничествѣ, и о томъ, что должно намъ не въ боязнь приходитъ и устрашаться, но подкрѣпляютъ сердце упованіемъ на Бога, и имѣть дерзновеніе съ несомнѣнною вѣрою, потому что стражемъ и хранителемъ имѣемъ Бога.

Если когда окажешься достойнымъ отшельничества, которое въ царствѣ свободы его имѣетъ бремена легкія, то помысль страха да не понуждаетъ тебя, по обычаю своему, многообразно измѣнять помыслы и заниматься ими. Но будь паче увѣренъ, что Хранитель твой съ тобою, и мудрость твоя во всей точности да удостовѣритъ тебя, что, вмѣстѣ со всѣми тварями, и ты состоишь подъ единымъ Владыкою, Который единымъ мановеніемъ приводитъ все въ движеніе, и колеблетъ, и укрощаетъ, и устраиваетъ. Ни одинъ рабъ не можетъ сдѣлать вреда кому-либо изъ подобныхъ ему рабовъ, безъ поущенія о всѣхъ Промышляющаго и всѣмъ Управляющаго. И ты немедленно возстань, и дерзай. Если и дана инымъ свобода, то не во всякомъ дѣлѣ. Ибо ни демоны, ни губительные звѣри, ни порочные люди не могутъ исполнить воли своей на вредъ и пагубу, если не

попустить сего изволеніе Правящаго и не дастъ сему мѣста въ опредѣленной мѣрѣ. Онъ и свободѣ не попускаетъ приводить все въ дѣйствіе. А если бы не было того, не осталась бы въ живыхъ никакая плоть. Господь не позволяетъ, чтобы къ твари Его приближалась власть демоновъ и людей и исполняла на ней волю свою. Поэтому говори всегда душѣ своей: „есть у меня оберегающій меня Хранитель, и ни одна изъ тварей не можетъ явиться предо мною, развѣ только будетъ повелѣно свыше“. Будь же увѣренъ, что не осмѣлятся показаться на глаза тебѣ и заставить тебя выслушать ушами своими угрозы ихъ. Ибо, если-бы дозволено было свыше отъ Пренебеснаго, то не было бы нужды въ словѣ и въ словахъ, но за волею ихъ послѣдовало бы и дѣло.

Скажи также самъ себѣ: „ежели есть на то воля Владыки моего, чтобы лукавые возобладали надъ созданиемъ Его, то принимаю сіе, не огорчаясь, подобно нежелающему, чтобы воля Господа его осталась безъ исполненія“. И такимъ образомъ въ искушеніяхъ твоихъ будешь исполненъ радости, какъ увѣдавшій и ясно ощутившій, что окормляетъ тебя и управляетъ тобою Владычнее мановеніе. Наконецъ, утверди сердце свое въ упованіи на Господа, и да не убоишия отъ страха ноцнаго, отъ стрѣлы летящія во дни (Пс. 90, 5). Ибо сказано, что праведнаго вѣра въ Бога и дикихъ звѣрей дѣлаетъ кроткими, подобно овцамъ ¹⁾).

Скажешь: „я не праведникъ, чтобы уповать мнѣ на Господа“. Но ты дѣйствительно для дѣланія правды вышелъ въ пустыню, исполненную скорбей, и для этого содѣлался послушнымъ Божіей волѣ. И такъ, когда несешь труды сіи, всеу трудишься, потому что Богу тогда только желателенъ трудъ чело-вѣческой, когда приносишь ты Ему жертву любви—скорбь свою. Сію разсудительность показываютъ всѣ любящіе Бога, подвергающіе себя скорбямъ изъ любви къ Нему. Ибо благоизволяющіе жить о Христѣ Іисусѣ

¹⁾ Ср. Евр. 11, 33.

въ страхъ Божиємъ избирають для себя скорбь, терпятъ гоненіе. И Онъ дѣлаеть ихъ обладателями тайныхъ сокровищъ Своихъ.

О выгодахъ, доставляемыхъ искушеніями тѣмъ, которые терпятъ ихъ съ благодарностію и мужественно.

Нѣкто изъ святыхъ говорилъ: „Былъ одинъ отшельникъ, старецъ почтенный, и я пришелъ къ нему однажды, будучи въ печали отъ искушеній. Онъ лежалъ больной; попривѣтствовавши его, я сѣлъ подле него и сказалъ: „помолись обо мнѣ, отче, потому что весьма печалитъ меня демонскія искушенія“. Онъ, открывъ глаза свои, внимательно посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „молодъ ты, чадо, и Богъ не оставляетъ тебя безъ искушеній“. Я отвѣчалъ ему: „да, я молодъ, терплю же искушенія мужей сильныхъ“.— И онъ продолжалъ: „итакъ, Богъ хочетъ умудрить тебя“.—Я возразилъ: „какъ же умудрить меня? Ежедневно вкушаю смерть“.—И онъ сказалъ на это: „любить тебя Богъ; молчи! Онъ даетъ тебѣ благодать Свою“. Потомъ присовокупилъ: „знай, чадо, тридцать лѣтъ велъ я брань съ демонами, и по истеченіи двадцатаго года вовсе не видѣлъ себѣ помощи. Когда же прожилъ я и пятый изъ послѣднихъ десяти, тогда началъ находить покой. И съ теченіемъ времени онъ возрасталъ. И когда прошелъ седьмой годъ, а за нимъ наступилъ осьмый, покой простерся до гораздо большей мѣры. Въ теченіе же тридцатаго года, и когда оный приходилъ уже къ концу, такъ силенъ сталъ покой, что не знаю и мѣры, до какой онъ увеличился“. И еще присовокупилъ: „когда захочу встать для совершенія службы Божіей, Богъ позволяетъ мнѣ еще совершить одну славу ¹⁾: а что до остального, то, если буду стоять три дня, въ изумленіи пребываю съ Богомъ, и нимаю не чувствую труда“. Вотъ какой ненасыщаемый покой порожденъ многотруднымъ и долговременнымъ дѣломъ!

1) Одну третью часть каѳизмы.

О томъ, что храненіе языка не только заставляеть умъ воспрянуть къ Богу, но и содѣйствуетъ воздержанію.

Былъ одинъ старецъ, вкушавшій пищу два раза въ недѣлю, и сказывалъ намъ: „въ тотъ день, въ который поговорю съ кѣмъ-нибудь, невозможно для меня сохранить правило поста, по обычаю моему; но принужденъ бываю разрѣшить постъ“. И мы поняли, что храненіе языка не только заставляеть умъ воспрянуть къ Богу, но и дѣламъ явнымъ, совершаемымъ съ помощію тѣла, втайнѣ доставляеть великую силу къ ихъ совершенію, а также просвѣщаетъ¹⁾ въ тайномъ дѣланіи, какъ говаривали Отцы, потому что храненіе устъ заставляеть совѣсть воспрянуть къ Богу, если только соблюдаетъ кто молчаніе съ вѣдѣніемъ. Этотъ святой имѣлъ постоянное обыкновеніе проводить ночь въ бдѣніи. Ибо говорилъ: „Въ ту ночь, которую стою до утра, сплю послѣ псалмопѣнія, а по пробужденіи отъ сна въ день этотъ бываю какъ-бы челоуѣкомъ не принадлежащимъ къ этому міру; никакіе земные помыслы не приходятъ мнѣ въ сердце, и не имѣю нужды въ опредѣленныхъ правилахъ, но цѣлый этотъ день бываю въ изумленіи²⁾. Такъ, въ одинъ день хотѣлъ я принять пищу, но по прошествіи передъ тѣмъ четырехъ дней, въ которые ничего не вкушалъ. И когда сталъ я на вечернюю службу, чтобы послѣ оной вкусить, и стоялъ на дворѣ келліи моеи, между тѣмъ какъ солнце было еще высоко, то, начавъ службу, только въ продолженіе первой славы совершалъ оную съ сознаніемъ, а послѣ того пребывалъ въ ней, не зная, гдѣ я, и оставался въ семъ положеніи, пока не возшло опять солнце въ слѣдующій день и не согрѣло лица моего. И тогда уже, какъ солнце начало сильно беспокоить меня и жечь мнѣ лице, возвратилось ко мнѣ сознаніе мое, и вотъ увидѣлъ я, что насталь уже

1) Умъ.

2) Т. е. въ духовномъ восторгѣ.

другой день, и возблагодарилъ Бога, размышляя, сколько благодать Его преизливается на человѣка, и какого величія сподобляетъ Онъ идущихъ во слѣдъ Его. Послѣ этого Ему единому подобаетъ слава и велелѣніе во вѣки вѣковъ"! Аминь.

С Л О В О 32.

О томъ, чѣмъ сохраняется тайное, внутреннее въ душѣ трезвеніе, и откуда приходятъ сонливость и холодность въ умъ, и угащаютъ въ душѣ святую горячность, и умерщвляютъ стремленіе къ Богу, лишивъ душу горячности къ духовному и небесному.

Кто имѣетъ добрыя желанія, тому противленіе не можетъ воспрепятствовать исполнить оныя, развѣ только лукавый найдетъ мѣсто худому предлогу въ желающихъ добраго. Бываетъ же это по слѣдующей причинѣ. За всякою мыслию добраго желанія, въ началѣ его движенія, послѣдуетъ нѣкая ревность, горячностью своею уподобляющаяся огненнымъ углямъ; и она обыкновенно ограждаетъ сію мысль, и не допускаетъ, чтобы приблизилось къ ней какое-либо сопротивленіе, препятствіе и преграда, потому что ревность сія пріобрѣтаетъ великую крѣпость и несказанную силу ограждать на всякій часъ душу отъ расслабленія или отъ боязни, при устремленіяхъ на нее всякаго рода стѣснительныхъ обстоятельствъ. И какъ первая та мысль есть сила святого желанія, отъ природы насажденная въ естествѣ души, такъ ревность сія есть мысль, движимая раздражительною въ душѣ силою, данная намъ Богомъ на пользу, для соблюденія естественнаго предѣла, для выраженія понятія о своей свободѣ исполненіемъ естественнаго желанія, находящагося въ душѣ. Это ¹⁾ есть добродѣтель, безъ которой не производится доброе, и она называется

¹⁾ Мысль сія.

ревностію, потому что отъ времени до времени движеть, возбуждаетъ, распалаетъ и укрѣпляетъ чело-вѣка—пренебрегать плотію въ скорбяхъ и въ страшныхъ срѣтающихъ его искушеніяхъ, непрестанно предавать душу свою на смерть и вступать въ брань съ мятежной силой ради совершенія того дѣла, котораго сильно возжелала душа.

Ибо нѣкто, облеченный во Христа, ревность сію въ словахъ своихъ назвалъ псомъ—и хранителемъ закона Божія, то-есть, добродѣтели, потому что закономъ Божиимъ называется добродѣтель. Эта сила ревности двумя способами укрѣпляется, пробуждается и воспаляется на храненіе дома, а также двумя способами приводится въ изнеможеніе, дремоту и лѣность. А именно: пробужденіе и воспламененіе бываетъ, когда чело-вѣку приходитъ на мысль нѣкій страхъ, заставляющій его бояться за то благо, которое онъ пріобрѣлъ или имѣетъ въ виду пріобрѣсти, чтобы не было оно украдено, т. е. уничтожено какимъ-либо случаемъ или послѣдствіемъ онаго. И сіе возбуждается въ чело-вѣкѣ по Божественному промысленію; разумѣю же страхъ во всѣхъ достойныхъ дѣлателяхъ добродѣтели, пребывающій въ душѣ для ея пробужденія и ревнованія, чтобы не предавалась она дремотѣ.

Когда же возбужденъ въ естествѣ этотъ страхъ, тогда ревность, названная у насъ псомъ, день и ночь разгарается, какъ пылающая печь, и пробуждаетъ естество. И, подобно Херувимамъ, онъ пробуждается и ежечасно внимаетъ тому, что окрестъ его, и, какъ говоритъ упомянутый выше нѣкто ¹⁾, если проходитъ птица около него, приходитъ въ движеніе и лететь съ самою быстрою и несказанною стремительностію. И когда этотъ страхъ бываетъ о тѣлѣ, тогда дѣлается сатанинскимъ ²⁾, потому что чело-вѣкѣ поколебался въ вѣрѣ своей въ Промыслъ Божій, и

1) Облеченный во Христа.

2) Слова: *о тѣлѣ, тогда дѣлается сатанинскимъ*, дополнены изъ древняго славянскаго перевода.

позыбылъ, какъ печется и промышляетъ Богъ о подвижающихся ради добродѣтели, ежечасно назирая надъ ними, о чемъ и Духъ Святой говоритъ устами Пророка: *очи Господни на праведныя* и пр. (Пс. 33, 16); и еще: *держава Господь боящихся Его* (Псал. 24, 14). И самъ Господь какъ-бы отъ Своего лица сказалъ боящимся Его: *не придетъ къ тебѣ зло, и рана не приблизится тѣлеси твоему* (Псал. 90, 10).

Но когда страхъ бываетъ о душѣ по причинѣ того, что приключается добродѣтели, и что слѣдуетъ за нею, и именно страхъ, чтобы она не была окрадена и по какимъ-нибудь причинамъ не потерпѣла ущерба, тогда помысль сей божественъ, попеченіе благо, скорбь и томленіе бываютъ по Божію промышленію. И еще другой есть способъ, то-есть, крѣпость и воспламененіе пса обнаруживаются, когда наиболѣе возрастаетъ въ душѣ вожделѣніе добродѣтели. Ибо въ Какой мѣрѣ возрастаетъ въ душѣ вожделѣніе, въ такой же воспламеняется и этотъ песъ, то-есть, естественная ревность къ добродѣтели.

Первый же поводъ къ охлажденію его ¹⁾, когда самое вожделѣніе уменьшится и прекратится въ душѣ. А второй поводъ, когда войдетъ въ душу какой-то помысль увѣренности и отважности, и утвердится въ ней, и человекъ станетъ надѣяться, думать и держаться той мысли, что нѣтъ ему причины бояться потерпѣть вредъ отъ какой-нибудь силы; и потому слагаетъ онъ съ себя оружіе ревности, и бываетъ какъ домъ безъ стражи, песъ засыпаетъ, и надолго оставляетъ стражу.

Весьма многіе мысленные дома бываютъ окражены симъ помысломъ. И это бываетъ, когда померкнетъ въ душѣ чистота онаго осіянія святымъ вѣдѣніемъ. Отчего же она омрачается? Конечно, оттого, что тайно вошелъ въ душу какой-либо самый тонкій помысль гордыни, и возгнѣздился тамъ; или человекъ сталъ болѣе предаваться попеченію о преходящемъ или частому обольстительному для него сообщенію съ

1) Пса сего.

міромъ. Или бываетъ сіе отъ чрева—этого господина всего худого. Всякій же разъ, когда подвижникъ вступаетъ въ общеніе съ міромъ, душа его тотчасъ изнемогаетъ. То же бываетъ, когда сходится онъ со многими, которые невольно сокрушаютъ душу его тщеславіемъ. Короче сказать, умъ предающагося бѣгству подвижника, когда входитъ онъ въ общеніе съ міромъ, уподобляется кормчему, который спокойно плыветъ по морю и внезапно попадаетъ въ средину подводнымъ камней, и терпитъ крушеніе.

Богу же нашему слава, держава, честь и велелѣпіе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 33.

О многихъ измѣненіяхъ, послѣдующихъ уму и испытуемыхъ молитвою.

Предпочитать доброе изволеніе—дѣло желающаго; довершить же выборъ добраго изволенія—дѣло Божіе. Для сего человѣкъ имѣетъ нужду въ Божіей помощи. А посему сдѣлаемъ, чтобы за появляющимся въ насъ добрымъ желаніемъ слѣдовали частыя молитвы, и будемъ просить (Бога), чтобы не только оказалъ намъ помощь, но далъ и различить, послужитъ ли сіе къ угожденію волѣ Божіей, или нѣтъ. Ибо не всякое доброе желаніе входитъ въ сердце отъ Бога, но только то, которое полезно. Иногда человѣкъ желаетъ добраго, но Богъ не помогаетъ, потому что какое нибудь подобное сему желаніе входитъ и отъ діавола, и почитается служащимъ въ помощь, а между тѣмъ нерѣдко бываетъ не по мѣрѣ человѣку. Самъ діаволь умышляетъ сдѣлать человѣку вредъ, и понуждаетъ его взыскать желаемаго, когда или не достигъ еще онъ соотвѣтствующаго тому житія, или желаніе чуждо образу жизни его, или не пришло еще время, когда можно исполнить оное или начать его исполненіе, или человѣкъ недостаточно силенъ дѣломъ, или вѣдѣніемъ, или тѣломъ, или не способ-

ствують намъ въ томъ обстоятельства времени. И діаволъ всякимъ способомъ, какъ-бы подъ личиною этого добраго дѣла, или смущаетъ человѣка, или наноситъ вредъ его тѣлу, или скрываетъ сѣти въ умъ его. Впрочемъ, какъ сказалъ я, рачительно будемъ совершать частыя молитвы при появляющемся въ насъ добромъ желаніи, и каждый изъ насъ пусть скажетъ самъ въ себѣ: „да будетъ воля Твоя, пока не совершу добраго дѣла сего, которое возжелалъ я сдѣлать, если угодно волѣ Твоей. Ибо въ дѣлѣ этомъ восхотѣтъ—для меня удобно, а исполнить дѣло безъ дарованія, Тобою ниспосылаемаго, не могу, хотя отъ Тебя и то, и другое, *и еже хотѣти, и еже дѣяти* (Фил. 2, 13), потому что безъ благодати Твоей не рѣшился бы я пріять и этого возбуждшагося во мнѣ желанія или убоился бы его“. Ибо таковъ обычай у того, кто вожделѣваетъ добраго,—при разсужденіи ума молитву употреблять въ пособіе къ дѣланію и къ пріобрѣтенію мудрости, для различенія истины отъ подложнаго. А доброе отличается при помощи многихъ молитвъ, дѣланія ¹⁾, храненія ²⁾, непрестаннаго стремленія, при помощи частыхъ слезъ, смиренія и небесной помощи, особливо когда въ человѣкѣ есть сопротивныя помыслы гордыни, ибо они не допускаютъ до насъ Божію помощь,—приводимъ же ихъ въ бездѣйствіе молитвою.

 С Л О В О 34.

О ТѢХЪ, КОТОРЫЕ ЖИВУТЪ НАИБОЛѢЕ БЛИЗКО КЪ БОГУ
И ПРОВОДЯТЪ ДНИ СВОИ ВЪ ЖИЗНИ ВѢДѢНІЯ.

Одинъ старецъ на стѣнахъ келліи своей написалъ разныя изреченія и мысли, и когда спросили его: „что это значитъ“? отвѣчалъ: „это—помыслы правды, приходящіе ко мнѣ отъ Ангела, пребывающаго со

¹⁾ Добродѣтели.

²⁾ Себя.

мною, и возникающія во мнѣ естественныя правыя помышленія; записываю же ихъ во время появленія ихъ, чтобы, при омраченіи своемъ, заниматься мнѣ ими, и они избавляли меня отъ заблужденія“.

Другой старецъ ублажаемъ былъ помыслами своими, что вмѣсто преходящаго міра сподобился онъ негибнущей надежды, и старецъ отвѣчалъ имъ: „пока еще я въ пути, напрасно хвалите меня: не совершилъ еще я пути“.

Если будешь трудиться въ прекрасной добродѣтели и не почувствуешь, что вкушаешь отъ нея помощи, то не дивись. Ибо, пока не смирится человѣкъ, не получаетъ награды за свое дѣланіе. Награда дается не за дѣланіе, но за смиреніе. Кто оскорбляетъ послѣднее, тотъ теряетъ первую. Кто раньше пріялъ уже награду за добрыя дѣла, тотъ преимуществуетъ предъ имѣющимъ дѣланіе добродѣтели. Добродѣтель есть мать печали, а отъ печали рождается смиреніе, а смиренію дается благодать. Воздаяніе же бываетъ уже не добродѣтели и не труду ради ея, но рождающемуся отъ нихъ смиренію. Если же оно оскудѣетъ, то первые ¹⁾ будутъ напрасны.

Дѣланіе добродѣтели есть храненіе заповѣдей Господнихъ. Обиліе дѣланія—вотъ доброе устройство ума. Оно состоитъ въ смиренномудрїи и храненїи ²⁾. Когда оскудѣетъ сила первыхъ ²⁾, вмѣсто нихъ прїемлется это ³⁾. Христосъ же требуетъ не дѣланія заповѣдей, но исправленія души, для котораго узаконилъ заповѣди подзаконнымъ. Тѣло равно дѣйствуетъ и десными и шуими ⁴⁾, а умъ, какъ хочетъ, или правымъ является, или погрѣшаетъ ⁵⁾. Иной и дѣлами шуими содѣлываетъ жизнь въ премудрости Божїей, а иной совершаетъ грѣхъ какъ бы подъ личиною чего-то божественнаго.

Въ иныхъ, охраняющихъ себя, и недостатки бы-

1) Добродѣтель и трудъ ради нея.

2) Заповѣдей.

3) Смиреніе.

4) Дѣлами.

5) Сообразно съ настроеніемъ своимъ.

ваютъ хранителями правды. Дарованіе безъ искушеній—погибель для пріемлющихъ оное. Если дѣлаешь доброе предъ Богомъ, и дастъ тебѣ дарованіе, умоли Его дать тебѣ познаніе, сколько подобаешь для тебя смириться, или приставить къ тебѣ стража надъ дарованіемъ, или взять у тебя оное, чтобы оно не было для тебя причиною гибели. Ибо не для всѣхъ безвредно хранить богатство.

Душа, пріавшая на себя попеченіе о добродѣтели и живущая съ осторожностью и въ страхъ Божіемъ, не можетъ быть безъ печали каждый день, потому что добродѣтели сопряжены съ печалью. Кто уклоняется отъ скорбей, тотъ вполнѣ разлучается, несомнѣнно, и съ добродѣтелію. Если вожделѣваешь добродѣтели, то предай себя на всякую скорбь. Ибо скорби рождаютъ смиреніе. Богъ не хочетъ, чтобы душа была безъ попеченія. Кто желаетъ не имѣть попеченія, тотъ мудрованіемъ своимъ внѣ воли Божіей. Попеченіе же разумѣемъ не о тѣлесномъ, но о томъ, что утруждаетъ послѣдующихъ добрымъ дѣламъ. Пока не достигнемъ истиннаго вѣдѣнія, т. е. откровенія тайнъ, посредствомъ искушеній приближаемся къ смиренію. Кто безъ скорби пребываетъ въ добродѣтели своей, тому отверста дверь гордости.

Итакъ, кто желаетъ быть безъ печали въ мысляхъ своихъ? Безъ оскорбленій умъ не можетъ пребыть въ смиреніи, а безъ смиренномудрія не можетъ чисто заняться молитвою къ Богу. Сперва человѣкъ мыслями своими удаляется отъ должнаго попеченія, а послѣ сего приближается къ нему духъ гордыни. Когда же человѣкъ пребываетъ въ гордости, тогда удаляется отъ него промыслительный Ангелъ, который близъ него и возбуждаетъ въ немъ попеченіе о праведности. И когда человѣкъ оскорбитъ сего Ангела, и онъ удалится, тогда приближается къ человѣку чуждый ¹⁾, и съ того времени нѣтъ уже у него никакого попеченія о праведности.

¹⁾ Т. е. бѣсъ.

Прежде сокрушенія—гордыня, говоритъ Премудрый (Притч. 16, 18), и прежде дарованія—смиреніе. По мѣрѣ гордыни, видимой въ душѣ,—и мѣра сокрушенія, какимъ вразумляетъ душу Богъ. Гордыню же разумѣю не ту, когда помысль ея появляется въ умѣ или когда человекъ на время побѣждается ею, но гордыню, постоянно пребывающую въ человекѣ. За горделивымъ помысломъ послѣдуетъ сокрушеніе, а когда человекъ возлюбилъ гордыню, не знаетъ уже сокрушенія. Богу нашему слава и велелѣшіе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 35.

О любви къ міру.

Истинно слово, сказанное Господомъ, что человекъ невозможно съ любовью къ міру пріобрѣсти любви къ Богу, и нѣтъ возможности при общеніи съ міромъ вступить въ общеніе съ Богомъ, и съ попеченіемъ о мірѣ имѣть попеченіе о Богѣ. Какъ скоро оставимъ Божіе по тщеславію или нерѣдко по недостатку потребнаго для тѣла, многіе изъ насъ уклоняются въ иныя стороны. Иные изъявили согласіе трудиться для царства небеснаго, и не помнятъ обѣтованія, какое изрекъ Господь ¹⁾: „если все попеченіе ваше приложите о царствѣ небесномъ, не лишу васъ удовлетворяющаго потребностямъ естества видимаго, но все прійдетъ къ вамъ вмѣстѣ съ прочимъ. Ибо не оставляю васъ имѣть попеченіе о себѣ самихъ“ ²⁾. О бездушныхъ птицахъ, ради насъ созданныхъ, печется Господь; ужели же вознерадить о насъ? Сіе невозможно. Кто печется о духовномъ или о чемъ-нибудь служащемъ духовному, тому доставляется тѣлесное безъ попеченія о томъ, сколько и когда то нужно. А кто печется о тѣлесномъ сверхъ потребности, тотъ не-

¹⁾ Мѡ. 6, 25—34.

²⁾ Въ отношеніи тѣлеснаго.

вольно отпадаетъ отъ Бога. Если же мы постараемся имѣть попеченіе о томъ, что служить къ славѣ имени Господня, то Господь попечется о томъ и о другомъ ¹⁾, по мѣрѣ подвига нашего.

Впрочемъ, не будемъ стараться искушать Бога въ тѣлесномъ, замѣнъ душевныхъ нашихъ дѣлъ, но всѣ дѣла свои направимъ къ надеждѣ будущихъ благъ. Кто изъ любви къ душѣ своей единожды предалъ себя добродѣтели и возжелалъ совершить дѣланіе ея, тотъ не печется послѣ сего о тѣлесномъ, есть ли это у него, или нѣтъ. Въ отношеніи этого ²⁾ Богъ нерѣдко попускаетъ, чтобы добродѣтельные искушаемы были чѣмъ-либо таковымъ ³⁾, и попускаетъ, чтобы отовсюду возставали противъ нихъ искушенія: поражаетъ ихъ въ тѣлѣ ихъ, какъ Іова, ввергаетъ ихъ въ нищету, дѣлаетъ, что отступаются отъ нихъ люди, поражаетъ ихъ въ томъ, что пріобрѣтено ими ⁴⁾; только къ душамъ ихъ не приближается вредъ. Ибо невозможно, чтобы, когда идемъ путемъ правды, не встрѣтилась съ нами печаль, тѣло не изнемогало бы въ болѣзняхъ и страданіяхъ, и пребывало бы неизмѣннымъ, если только возлюбимъ жить въ добродѣтели. Если же человекъ проводитъ жизнь по волѣ своей, или предаваясь зависти, или губя душу свою ⁵⁾, или дѣлая что-либо иное вредное для него, то подлежитъ онъ осужденію. А когда пойдетъ онъ путемъ правды, и совершаетъ уже шествіе свое къ Богу, и имѣетъ многихъ подобныхъ себѣ, и встрѣчается съ нимъ что-либо таковое ⁶⁾, то не подобаетъ ему уклоняться отъ стези своей, но долженъ онъ съ радостію, безъ пытливости, принимать это и благодарить Бога, что послалъ ему благодать сію, и что сподобился онъ ради Бога впасть въ искушеніе, и содѣлаться сообщникомъ въ страданіяхъ съ Пророками, Апосто-

1) Т. е. о духовномъ и тѣлесномъ.

2) Тѣлеснаго.

3) Т. е. тѣлеснымъ.

4) Лишаетъ ихъ имущества.

5) Грѣховной жизнью.

6) Т. е. скорбное.

лами и прочими святыми, ради пути сего претерпѣвшими скорби. Отъ людей ли, отъ демоновъ ли, отъ тѣла ли прійдутъ на него искушенія (невозможно же, чтобы пришли и были попущены безъ Божія маноуенія), да будетъ сіе для него поводомъ къ праведности. Ибо невозможно, чтобы Богъ возжелавшему пребывать съ Нимъ оказалъ благодѣяніе какъ иначе, а не пославъ на него искушенія за истину, потому что человекъ не можетъ самъ собою, безъ благодати Христовой, сподобиться сего величія, т. е. за божественные сіи труды войти въ искушеніе—и возрадоваться. О семъ свидѣтельствуется святой Павелъ. Ибо столь велико дѣло сіе, что Апостоль явно называетъ дарованіемъ, когда человекъ уготовляется пострадать ради надежды на Бога. Павелъ говоритъ: *отъ Бога даровася намъ сіе, не токмо еже въ Него въровати, но и еже по Немъ страдати* (Фил. 1, 29). Такъ и святой Петръ написалъ въ посланіи своемъ: *когда страждете правды ради, блажени есте* (1 Петр. 3, 14), потому что содѣлались общниками страстей Христовыхъ (Фил. 3, 10). Наконецъ, не надлежитъ тогда тебѣ радоваться, когда живешь пространно, въ скорбяхъ же посуплять лице, и почитать ихъ чуждыми пути Божію. Ибо стезя его ¹⁾ отъ вѣка и отъ родовъ крестомъ и смертію пролагается. А у тебя откуда такая мысль ²⁾? Дознай изъ этого, что ты внѣ пути Божія, и удаляешься отъ него. По стопамъ ли святыхъ хочешь итти, или намѣреваешься устроить себѣ иной, особенный путь, и по немъ ходить не страдая?

Путь Божій есть ежедневный крестъ. Никто не восходилъ на небо, живя прохладно ³⁾. О пути же прохладномъ знаемъ, гдѣ онъ оканчивается. Богу не угодно, чтобы безпечнымъ былъ тотъ, кто Ему предалъ себя всѣмъ сердцемъ. Попеченіе же его должно быть объ истинѣ. А изъ сего познается, что подѣ

¹⁾ Пути Божія.

²⁾ Т. е. что скорби чужды пути Божію.

³⁾ Съ послабленіемъ себѣ.

Божьимъ онъ Промысломъ, когда Богъ непрестанно посылаетъ ему печали.

Промыслъ никогда не попускаетъ, чтобы живущіе въ искушеніяхъ впадали въ руки демонскія, особливо если они лобызаютъ ноги у братіи, прикрываютъ и утаиваютъ ихъ вины, какъ бы свои собственныя. Кто хочетъ въ мірѣ семъ не имѣть попеченій ¹⁾, и возделѣваетъ этого, но желаетъ и въ добродѣтели упражняться, тотъ не на ея пути. Ибо праведные не только по волѣ своей подвизаются въ добрыхъ дѣлахъ, но и невольно выдерживаютъ сильное бореніе съ искушеніями, во испытаніе своего терпѣнія. Душа, имѣющая въ себѣ страхъ Божій, не боится чего-либо такого, что вредитъ ей тѣлесно, потому что на Бога уповаешь отнынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 36.

О томъ, что не должно желать или домогаться безъ нужды—имѣть у себя въ рукахъ какія-либо явныя знаменія.

Господь не во всякое время, когда Онъ близокъ къ святымъ Своимъ, въ помощь имъ, безъ нужды явно показываетъ силу Свою въ какомъ-либо дѣлѣ и чувственномъ знаменіи, чтобы оказываемая имъ помощь не сдѣлалась бесполезною и не послужила къ какому вреду. И дѣлаетъ сіе, промысля о святыхъ, и желая показать имъ, что и на часъ не прекращаетъ тайнаго Своего о нихъ попеченія, но во всякомъ дѣлѣ предоставляетъ имъ, по мѣрѣ силъ, показать свой подвигъ и потрудиться въ молитвѣ. Если же дѣло препобѣждаетъ ихъ трудностію, когда изнемогутъ они, и не въ силахъ будутъ совершить дѣла, потому что недостаточна къ тому природа ихъ, Самъ совершаетъ по величію державы Своей; и какъ

¹⁾ Жить безъ подвига за истину.

Самъ знаетъ, получаютъ они надлежащую помощь, и, сколько можно, укрѣпляетъ ихъ втайнѣ, пока не укрѣпятся противу скорби своей. Ибо дѣлаетъ, что вѣдѣніемъ ¹⁾, какое даруетъ имъ, разрѣшаются многообразныя скорби ихъ, и разумѣніемъ онаго побуждаетъ ихъ къ славословію, полезному въ томъ и другомъ случаѣ. Если же дѣло требуетъ обнаруженія ²⁾, то ради нужды дѣлаетъ и это; и способы Его бываютъ самые премудрыя, достаточныя въ скудости и въ нуждѣ, а не какіе-либо случайныя.

Кто безъ нужды осмѣливается на сіе, или молитъ Бога и желаетъ, чтобы въ рукахъ его были чудеса и силы, тотъ искушается въ умѣ своемъ ругателемъ демономъ, и оказывается хвастливымъ и немощнымъ въ своей совѣсти. Ибо въ скорби должно просить намъ Божіей помощи. Безъ нужды же искушать Бога опасно. И кто желаетъ сего, тотъ не дѣйствительно праведенъ. А то, что Господь сотворилъ благоволя, обрѣтается у многихъ святыхъ. Но кто хочетъ и вождѣлѣваетъ сего по волѣ своей безъ нужды, тотъ падаетъ, лишаясь охраненія, и поползается въ вѣдѣніи истины. Ибо, если просящій услышанъ будетъ въ семъ, какъ отваживался просить о томъ у Бога, то находитъ въ немъ мѣсто лукавый, и ведетъ его еще къ большому испрошеннаго. А истинные праведники не только не вождѣлѣваютъ сего, но и отказываются, когда дается имъ то; и не только предъ очами людей, но и втайнѣ сами для себя не желаютъ сего.

Ибо вотъ одинъ изъ святыхъ Отцевъ за чистоту свою, по благодати, получилъ дарованіе предузнавать идущихъ къ нему, и молилъ Бога (а съ нимъ молились и другіе святые, упрошенные на сіе старцемъ), чтобы взято было у него это дарованіе. Если же нѣкоторые изъ нихъ и принимали дарованія, то принимали по нуждѣ ³⁾ или по простотѣ своей; а

1) Смысла скорбей.

2) Явной помощи Божіей.

3) Для пользы другихъ.

прочихъ побуждало принять Божіе мановеніе ¹⁾, и, конечно, не безъ особыхъ къ тому причинъ.

Когда блаженный святой Аммуноу шелъ привѣтствовать святаго Антонія Великаго, и заблудился въ пути, смотри, что тогда говорилъ онъ Богу ²⁾, и также—что содѣлалъ съ нимъ Богъ ³⁾. Припомни и объ Аввѣ Макаріи и о прочихъ. Истинные праведники всегда помышляютъ сами въ себѣ, что недостойны они Бога. А что истинные они праведники, дознается сіе изъ того, что признаютъ себя окаянными и недостойными попеченія Божія, и исповѣдуютъ сіе тайно и явно, и умудряются на сіе Святымъ Духомъ, чтобы не остаться безъ подобающей имъ заботливости и трудничества, пока они въ этой жизни. Время же упокоенія Богъ соблюлъ имъ въ будущемъ вѣкѣ. И имѣющіе въ себѣ живущаго Господа, по сему самому не желаютъ быть въ покоѣ и освободиться отъ скорбей, хотя по временамъ и дается имъ утѣшеніе въ духовномъ.

Не есть добродѣтель то, чтобы человѣкъ, когда достигнетъ его ⁴⁾, не имѣлъ попеченія и труда въ ней; но вотъ селеніе Духа—непрестанно принуждать себя трудиться, хотя и есть способъ сдѣлать дѣло въ покоѣ, потому что такова воля Духа: въ комъ обитаетъ Онъ,—не приучать тѣхъ къ лѣности. Напротивъ того, Духъ побуждаетъ ихъ не покоя искать, но предаваться паче дѣланію и наибольшимъ скорбямъ. Испытаніями Духъ укрѣпляетъ ихъ, и дѣлаетъ, что приближаются они къ мудрости. Такова воля Духа, чтобы возлюбленные Его пребывали въ трудахъ.

Не Духъ Божій живетъ въ тѣхъ, которые пребываютъ въ покоѣ, но духъ діаволовъ, какъ сказалъ нѣкто изъ любящихъ Бога: „клялся я, что умираю

¹⁾ Въ греч. читается *οὐκ ἐκίνησε* (не побуждало), но въ древн. слав. безъ отрицанія: *отъ подвижая*.

²⁾ „Молю Тебя, Господи Боже мой, не погуби созданія Твоего“!

³⁾ И явилась ему какъ бы человѣческая рука, висящая съ неба, которая показывала ему путь. См. Дост. Сказ. о подвижникахъ.

⁴⁾ Утѣшенія.

всякій день“? Тѣмъ и отличаются сыны Божіи отъ прочихъ, что живутъ они въ скорбяхъ, а міръ веселится въ наслажденіи и покоѣ. Ибо не благоволилъ Богъ, чтобы возлюбленные Его покоились, пока они въ тѣлѣ, но паче восхотѣлъ, чтобы они, пока въ мірѣ, пребывали въ скорби, въ тяготѣ, въ трудахъ, въ скудости, въ наготѣ, въ одиночествѣ, нуждѣ, болѣзни, уничиженіи, въ оскорбленіяхъ, въ сердечномъ сокрушеніи, въ утружденномъ тѣлѣ, въ отреченіи отъ сродниковъ, въ печальныхъ мысляхъ, имѣли видъ иной, чѣмъ у всей твари, мѣсто жительства непохожее на обыкновенное человѣческое, жилище иноческое, которое безмолвно, невидно человѣческому взгляду, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что веселитъ здѣсь человѣка. Иноки плачутъ, а міръ смѣется. Они воздыхаютъ, а міръ веселится. Они постятся, а міръ роскошествуетъ. Трудятся они днемъ, и ночью предаются подвигамъ въ тѣснотѣ и трудахъ. Нѣкоторые изъ нихъ пребываютъ въ добровольныхъ скорбяхъ; другіе въ трудахъ, борясь со страстями своими; иные гонимы людьми, а иные бѣдствуютъ отъ страстей, отъ демоновъ и отъ прочаго. И одни были изгнаны, другіе умерщвлены, иные *придоша въ милотѣхъ* (Евр. 11, 37) и проч. И исполнилось на нихъ слово Господа: *въ мірѣ скорбни будете*, но о Мнѣ возрадуетесь (Іоан. 16, 33). Господь знаетъ, что живущимъ въ тѣлесномъ покоѣ невозможно пребывать въ любви Его, и потому воспретилъ имъ покой и услажденіе онымъ Христосъ Спаситель нашъ, любовь Котораго превозмогаетъ тѣлесныя смерти. Онъ да явитъ намъ крѣпость любви Своей!

С Л О В О 37.

О томъ, по какой причинѣ Богъ попускаетъ искушенія на любящихъ Его.

Вслѣдствіе любви, какую святые показали къ Богу тѣмъ, что страждутъ за имя Его, когда Онъ содер-

жить ихъ въ тѣснотѣ, но не отступаетъ отъ возлюбленныхъ Имъ,—сердце святыхъ пріобрѣтаетъ дерзновеніе взирать на Бога непокровеннымъ лицомъ и просить Его съ упованіемъ. Велика сила дерзновенной молитвы. Посему попускаетъ Богъ святымъ Своимъ искушаться всякою печалію—и, съ другой стороны, на опытѣ получаютъ доказательство помощи Его и того, сколько промышляетъ о нихъ Богъ,—потому что влѣдствіе искушеній пріобрѣтаютъ мудрость; попускаетъ (это), чтобы, оставаясь невѣждами, не лишились они обученія въ томъ и другомъ, но изъ опыта пріобрѣтали вѣдѣніе о всемъ, и не потерпѣли осмѣянія отъ демоновъ, потому что, если-бы искусилъ ихъ въ одномъ добромъ, то недоставало бы имъ обученія въ другой части, и во браняхъ были бы они слѣпы.

И если скажемъ, что Богъ обучаетъ ихъ безъ ихъ собственнаго о томъ познанія, то это значитъ уже сказать, что Богъ хочетъ содѣлать ихъ подобными воламъ и осламъ, не имѣющимъ ни въ чемъ свободы, и что человекъ, если не бываетъ искушенъ сперва испытаніемъ худого ¹⁾, не имѣетъ понятія о добромъ, чтобы, когда встрѣтится имъ доброе, съ вѣдѣніемъ и свободно воспользоваться тѣмъ, какъ своею собственностію. Какъ пріятно знаніе, заимствованное самымъ дѣломъ изъ опыта и изъ упражненія, и какую силу доставляетъ тому, кто долговременнымъ опытомъ своимъ обрѣлъ оное въ себѣ самомъ, познается сіе тѣмъ, которые извѣдали содѣйствіе знанія, равно какъ немощь естества и помощь Божіей силы, и увѣрились въ этомъ. Ибо тогда только познаютъ, когда Богъ, удержавъ сперва силу Свою отъ содѣйствія имъ, приводитъ ихъ въ сознаніе немощи естества, лютости искушеній, лукавства вражескаго, и того, съ кѣмъ у нихъ борьба, какимъ облечены они естествомъ, и какъ были охраняемы Божіею силою, сколько совершили пути, сколько возвысила

¹⁾ Здѣсь, какъ и ниже, подъ словомъ „худое“ слѣдуетъ разумѣть *искушенія, скорби.*

ихъ Божія сила, и сколько бываютъ немощны въ борьбѣ со всякою страстію, если удаляется отъ нихъ эта сила, такъ что изъ всего этого пріобрѣтаютъ смиреніе, приближаются къ Богу, начинаютъ ожидать Его помощи и пребывать въ молитвѣ. И откуда бы пріяли все это, если-бы не пріобрѣли опыта о многомъ худомъ, впавъ въ сіе худое по Божію попущенію, какъ говоритъ Апостолъ: *за премногія откровенія, да не превозношуся, дадеся ми никостникъ плоти, аггелъ сатанинъ* (2 Кор. 12, 7)? Но въ искушеніяхъ многократно испытывая Божію помощь, человѣкъ пріобрѣтаетъ и твердую вѣру; отсюда дѣлается не боязненнымъ и пріобрѣтаетъ дерзновеніе въ искушеніяхъ отъ самаго упражненія, какое имѣлъ онъ.

Искушеніе полезно всякому человѣку. Ибо, если полезно было искушеніе Павлу, то *да всяка уста заградятся, и повиненъ будетъ весь міръ Богови* (Рим. 3, 19). Подвижники бываютъ искушаемы, чтобы присовокупить имъ къ богатству своему; разслабленные, — чтобы охранять имъ себя отъ вреднаго; погруженные въ сонъ, — чтобы пріуготовиться имъ къ пробужденію; далеко отстоящіе, — чтобы приблизиться имъ къ Богу; свои Богу, — чтобы веселиться имъ съ дерзновеніемъ. Всякій необученный сынъ пріемлетъ богатство изъ дома отца своего не въ помощь себѣ. Поэтому-то Богъ сперва искушаетъ и томитъ, а потомъ показываетъ дарованіе. Слава Владыкѣ, Который горькими врачествами приводитъ насъ въ возможность насладиться здравіемъ!

Нѣтъ человѣка, который бы не скорбѣлъ во время обученія; и нѣтъ человѣка, которому бы не казалось горькимъ время, когда исциваетъ онъ ядъ искушеній. Безъ нихъ невозможно пріобрѣсти сильной воли ¹⁾. Но претерпѣть искушенія не въ нашихъ силахъ. Ибо какъ остановить теченіе воды сосуду изъ брениа, если не укрѣпитъ его Божественный огонь? Если, во смиреніи прося съ непрестаннымъ желаніемъ, покоримся

1) Мужественнаго устроенія души.

Богу въ терпѣніи, то все пріимемъ о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Аминь.

С Л О В О 38.

О томъ, какъ по возбуждающимся въ человѣкѣ помысламъ узнавать, на какой степени стоитъ онъ.

Человѣкъ, пока въ нерадѣніи, боится часа смертнаго; а когда приблизится къ Богу, боится срѣтенія суда; когда же всецѣло подвинется впередъ ¹⁾, тогда любовію поглощается тотъ и другой страхъ. Почему же это? Потому, что, когда остается кто въ вѣдѣніи и житіи тѣлесномъ ²⁾, ужасается онъ смерти; когда же бываетъ въ вѣдѣніи душевномъ и въ житіи добромъ, умъ его всякій часъ бываетъ занятъ памятованіемъ будущаго суда, такъ какъ право стоитъ онъ по самому естеству, движется въ душевномъ чинѣ, пребываетъ въ своемъ вѣдѣніи и житіи ³⁾, и добрѣ устрояется для того, чтобы приблизиться къ Богу. Но когда достигнетъ онаго вѣдѣнія истины, вслѣдствіе движенія въ немъ уразумѣнія тайнъ Божіихъ и вслѣдствіе утвержденія надежды будущаго, тогда любовію поглощается и оный тѣлесный человѣкъ, подобно животному боящійся закланія, и человѣкъ разумный, боящійся суда Божія; содѣлавшійся же сыномъ украшается любовію, а не устрашающимъ вразумляется жезломъ. *Азъ же и домъ отца моего служить будемъ Господеву* (Нав. 24, 15).

Кто достигъ любви Божіей, тотъ не желаетъ уже снова пребывать здѣсь, потому что любовь сія уничтожаетъ страхъ ⁴⁾. И я, возлюбленные, поелику вдался въ юродство, то не могу сохранить тайну въ

¹⁾ Т. е. вполнѣ приблизится къ Богу.

²⁾ Т. е. мудрствуетъ и живетъ по плоти.

³⁾ Благѡмъ.

⁴⁾ 1 Іоан. 4, 18.

молчаніи, но дѣлаюсь безумнымъ ¹⁾ для пользы братіи, потому что такова истинная любовь: она не можетъ содержать что-либо втайнѣ отъ возлюбленныхъ своихъ. Когда писалъ я это, персты мои неоднократно останавливались на хартіи, и не могъ я терпѣть отъ сладости, вторгавшейся въ сердце мое и заставлявшей умолкнуть чувства. Впрочемъ, блаженъ, у кого помышленіе всегда о Богѣ, кто удержался отъ всего мірскаго, и съ Нимъ однимъ пребывалъ въ бесѣдѣ вѣдѣнія своего. И если не оскудѣетъ терпѣніемъ, то недолго замедлитъ увидѣть плодъ.

Радость о Богѣ крѣпче здѣшной жизни, и кто обрѣлъ ее, тотъ не только не посмотритъ на страданія, но даже не обратитъ взора на жизнь свою, и не будетъ тамъ иного чувства, если дѣйствительно была сія радость. Любовь сладостнѣе жизни, и разумнѣе Бога, отъ котораго рождается любовь, сладостнѣе меда и сота. Любви—не печаль принять тяжкую смерть за любящихъ. Любовь есть порожденіе вѣдѣнія, а вѣдѣніе есть порожденіе душевнаго здравія, здравіе же душевное есть сила, происшедшая отъ продолжительнаго терпѣнія.

Вопросъ. Что такое вѣдѣніе ²⁾?

Отвѣтъ. Ощущеніе безсмертной жизни.

Вопросъ. Что такое безсмертная жизнь?

Отвѣтъ. Ощущеніе Бога; потому что любовь отъ вѣдѣнія, а вѣдѣніе Бога есть царь всѣхъ пожеланій, и сердцу, приемлющему оное, всякая сладость на землѣ излишня. Ибо нѣтъ ничего подобнаго сладости познанія Божія.

Исполни, Господи, сердце мое жизни вѣчной!

Жизнь вѣчная есть утѣшеніе въ Богѣ; и кто обрѣлъ утѣшеніе въ Богѣ, тотъ почитаетъ излишнимъ утѣшеніе мірское.

Вопросъ. Откуда человекъ узнаетъ, что пріялъ онъ мудрость отъ Духа?

¹⁾ 2 Кор. 12, 11.

²⁾ Т. е. познаніе духовное.

Отвѣтъ. Отъ самой мудрости, которая въ сокровенности его и въ чувствахъ учитъ его смиреннымъ нравамъ; и въ умѣ его открывается ему, какъ будетъ принято смиреніе.

Вопросъ. Изъ чего узнаеть человѣкъ, что достигъ смиренія?

Отвѣтъ. Изъ того, что находятъ для себя гнуснымъ угождать міру своимъ общеніемъ съ нимъ или словомъ; и въ глазахъ его ненавистна слава міра сего.

Вопросъ. Что такое страсти?

Отвѣтъ. Прираженія, которыя производятся вещами міра сего, побуждая тѣло удовлетворять излишней его потребности; и прираженія сіи не прекращаются, пока стоитъ сей міръ. Но человѣкъ, который сподобился Божественной благодати, вкусилъ и ощутилъ нѣчто высшее сего ¹⁾, не попускаетъ прираженіямъ симъ входить въ сердце его; потому что на мѣстѣ ихъ утвердилось въ немъ другое, лучшее ихъ, вождельніе, и къ сердцу его не приближаются ни самыя сіи прираженія, ни порождаемое ими, но остаются они бездѣйственными, — не потому, что нѣтъ уже страстныхъ прираженій, но потому, что пріемлющее ихъ сердце мертво для нихъ и живетъ чѣмъ-то инымъ; — не потому, что человѣкъ пересталъ хранить разсужденіе и дѣла его, но потому, что въ умѣ его нѣтъ ни отъ чего тревоги: ибо сознаніе его насыщено, насладившись чѣмъ-то инымъ ²⁾.

Сердце, которое пріяло въ себя ощущеніе духовнаго и ясное созерцаніе будущаго вѣка, таково же бываетъ въ сознаніи своемъ къ памятованію страстей, каковъ человѣкъ, насытившійся дорогою пищею, къ иной, несходной съ тою и предложенной ему, пищѣ, т. е. вовсе не обращаетъ на нее вниманія, не желаетъ ея, а паче, гнушается ею и отвращается отъ нея, не потому только, что она сама въ себѣ гнуща и отвратительна, но и потому, что человѣкъ насытился пер-

¹⁾ Высшее, нежели услажденіе вещами міра сего.

²⁾ Лучшимъ.

вою, лучшею пищею, которою онъ питался, не такъ, какъ расточившій часть свою и возжелавшій потомъ рожцевъ, поелику напередъ уже расточилъ отцовское богатство, какое имѣлъ ¹⁾. И притомъ, кому ввѣрено сокровище, тотъ не спитъ.

Если будемъ хранить законъ трезвенія и дѣло разсужденія съ вѣдѣніемъ, плодомъ чего бываетъ жизнь ²⁾, то борьба съ прираженіями страстей совершенно не приблизится къ уму. Препятствуетъ же войти имъ въ сердце не борьба, но насыщеніе сознанія и вѣдѣніе, какимъ наполнено сердце, и желаніе созерцать чудеса, находимыя въ душѣ. Вотъ что воспрепятствовало прираженіямъ приближаться къ сердцу: не потому, что, какъ сказалъ я, сердце удалилось отъ храненія и дѣлъ разсужденія, которыя охраняютъ вѣдѣніе истины и свѣтъ душевный, но потому, что умъ, по сказаннымъ выше причинамъ, не имѣетъ борьбы. Ибо снѣдь нищихъ гнусна богатымъ, а подобно и снѣдь больныхъ—здоровымъ; богатство же и здравіе составляются при трезвенности и попечительности. Пока человекъ живетъ, онъ имѣетъ нужду въ трезвенности, попечительности и бодрственности, чтобы сберечь свое сокровище. Если же оставитъ назначенный ему предѣлъ ³⁾, то сдѣлается боленъ и будетъ окраденъ. Не до того только времени трудиться должно, пока увидишь плодъ; но надобно подвизаться до самаго исхода. Ибо нерѣдко и созрѣвшій плодъ побивается внезапно градомъ. Кто вмѣшивается въ житейскія дѣла и пускается въ бесѣды, о томъ невозможно еще быть увѣреннымъ, что здравіе его сохранится въ немъ.

Когда молишься, произноси такую молитву: „сподоби меня, Господи, дѣйствительно быть мертвымъ для собесѣдованія съ міромъ симъ“. И знай, что совмѣстилъ ты въ этомъ всѣ прошенія; старайся же исполнить въ себѣ дѣло это. Ибо, если за молитвою

¹⁾ Лук. 15, 13—16.

²⁾ Вѣчная.

³⁾ Т. е. трезвенность и попечительность.

послѣдуетъ дѣло, то дѣйствительно стойшь ты въ свободѣ Христовой. А умерщвление себя для міра состоитъ не только въ удаленіи чловѣка отъ общенія въ собесѣдованіи съ тѣмъ, что есть въ мірѣ, но и въ томъ, чтобы въ бесѣдѣ ума своего не вожделѣвалъ мірскихъ благъ.

Если пріобучимъ себя къ доброму размышленію, то будемъ стыдиться страстей, какъ скоро встрѣтимся съ ними. И это знаютъ извѣдавшіе опытомъ на себѣ самихъ. Но будемъ стыдиться приближенія къ страстямъ также и вслѣдствіе причинъ, вызывающихъ ихъ.

Когда изъ любви къ Богу желаешь совершить какое дѣло, предѣломъ желанія сего поставь смерть; и, такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ сподобишься взойти на степень мученичества въ борьбѣ съ каждою страстію, и не понесешь никакого вреда отъ того, что встрѣтится съ тобою внутри онаго предѣла, если претерпишь до конца и не разслабѣешь. Помышленіе немощнаго разсудка немощною дѣлаетъ силу терпѣнія; а твердый умъ тому, кто слѣдуетъ помышленію его, сообщаетъ даже и силу, какой не имѣетъ природа.

Сподоби меня, Господи, возненавидѣть жизнь свою ради жизни въ Тебѣ!

Житіе міра сего подобно выводящимъ нѣкоторыя только буквы изъ начертанныхъ на таблицѣ; и когда кто хочетъ и пожелаетъ, прибавляетъ къ нимъ и убавляетъ, и дѣлаетъ перемѣну въ буквахъ. А жизнь будущая подобна рукописаніямъ, начертаннымъ на чистыхъ свиткахъ, запечатанныхъ царскою печатію, въ которыхъ нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. Поэтому, пока мы среди измѣненія ¹⁾, будемъ внимательны къ себѣ, и пока имѣемъ власть надъ рукописаніемъ жизни своей, какое пишемъ своими руками, постараемся дѣлать въ немъ дополненія добрымъ житіемъ, станемъ изглаждать въ немъ недостатки прежняго житія ²⁾. Ибо, пока мы въ этомъ

1) Въ жизни сей.

2) Покаяніемъ.

мірѣ, Богъ не прилагаетъ печати ни къ доброму, ни къ худому, до самаго часа исшествія, въ который оканчивается дѣло въ отечествѣ нашемъ ¹⁾, и отходимъ въ страну чуждую. И, какъ сказалъ святыи Ефремъ, „подобаетъ намъ размыслить, что душа наша подобна готовому кораблю, не знающему, когда подуеъ на него вѣтеръ, и воинству, не вѣдающему, когда протрубитъ бранная труба. И если“, говоритъ, „такъ бываетъ сіе для малаго пріобрѣтенія, въ такихъ случаяхъ, которые, можетъ быть, снова возвратятся, то какъ должно намъ пріуготовляться и снаряжаться предъ онымъ грознымъ днемъ, предъ этимъ мостомъ и предъ этою дверію новаго вѣка?“ Готовность утвердиться въ ономъ исповѣданіи чаянія да даруетъ Ходатай жизни нашей, Христосъ. Ему слава, поклоненіе и благодареніе во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 39.

О томъ, почему люди душевные прозираютъ вѣдѣніемъ въ нѣчто духовное, соразмѣрно съ тѣлесною дебелостію, какъ умъ можетъ возноситься надъ оною, какая причина тому, что не освобождается отъ нея, когда и въ какой мѣрѣ можно уму пребывать безъ мечтанія въ часъ моленія.

Благословенна честь Господа, отверзающаго предъ нами дверь, чтобы не было у насъ иного прошенія, кромѣ желанія къ Нему устремляться. Ибо въ такомъ случаѣ оставляемъ мы все, и душа устремляется во слѣдъ Его Единаго, такъ что нѣтъ у нея попеченія, которое бы воспрепятствовало ей въ ономъ созерцаніи Господа. Въ какой мѣрѣ, возлюбленные, оставляетъ умъ попеченіе о семъ видимомъ, и озабочивается упованіемъ будущаго, соотвѣтственно возвышенію своему надъ попеченіемъ о тѣлѣ и надъ помышленіемъ о семъ попеченіи, въ такой же утончается онъ и просвѣтляется въ молитвѣ. И въ какой

¹⁾ Въ земной жизни.

мѣрѣ тѣло освобождается отъ вещественныхъ узъ, въ такой же освобождается и умъ. И въ какой мѣрѣ умъ освобождается отъ узъ попеченій, въ такой просвѣтляется онъ; а въ какой просвѣтляется, въ такой же утончается и возвышается надъ понятіями вѣка сего, носящаго на себѣ образы дебелости. И тогда умъ научается созерцать въ Богѣ, сообразно Ему ¹⁾, а не какъ видимъ мы. Если человѣкъ не содѣлается сперва достойнымъ откровенія, то не можетъ видѣть онаго. И если не достигнетъ чистоты, понятія его не могутъ стать просвѣтленными, чтобы видѣть ему сокровенное. И пока не освободится отъ всего видимаго, усматриваемаго въ видимой твари, не освободится и отъ понятій о видимомъ, и не содѣлается чистымъ отъ потемненныхъ помысловъ. А гдѣ тьма и спутанность помысловъ, тамъ и страсти. Если человѣкъ не освободится, какъ сказали мы, отъ сего и отъ причинъ къ тому, то умъ не прозритъ въ сокровенное. Посему Господь прежде всего велѣлъ взяться за нестяжательность, удалиться отъ мірскаго мятежа и отрѣшиться отъ попеченія, общаго всѣмъ людямъ, сказавъ: *всякъ, иже не отречется отъ всего человѣчества и отъ всего своего, и не отвергнется самъ отъ себя, не можетъ быти мой ученикъ* (Лук. 14, 26, 33).

Чтобы умъ не терпѣлъ вреда отъ всего, отъ зрѣнія, отъ слуха, отъ попеченія о вещахъ, отъ ихъ истребленія, отъ ихъ умноженія, отъ человѣка, и чтобы связать его единымъ упованіемъ на Бога, Господь отклонилъ отъ насъ всякое попеченіе мудрованія отрѣшеніемъ отъ всего, чтобы вслѣдствіе сего возжелали мы собесѣдованія съ Богомъ. Но молитва имѣетъ еще нужду въ упражненіи, чтобы умъ умудрился долговременнымъ пребываніемъ въ оной. Послѣ нестяжательности, разрѣшающей наши мысли отъ узъ, молитва требуетъ пребыванія въ оной, потому что съ продолженіемъ времени умъ снискиваетъ навыкъ къ упражненію, познаетъ, какъ отражать отъ себя помысль, и долгимъ опытомъ научается тому, чего заимствовать не мо-

¹⁾ Разумѣвать о Богѣ — богоприлично.

жетъ изъ иного источника. Ибо всякое настоящее житіе ¹⁾ заимствуетъ возрастаніе отъ житія предшествовавшаго, а предыдущее требуется къ снисканію послѣдующаго. Молитву предваряетъ отшельничество, и самое отшельничество нужно ради молитвы, а самая молитва—для того, чтобы пріобрѣсти намъ любовь Божию, потому что вслѣдствіе молитвы сыскиваются причины любить намъ Бога.

Надлежитъ же знать намъ, возлюбленные, и то, что всякая бесѣда, совершаемая втайнѣ ²⁾, всякое попеченіе добраго ума о Богѣ, всякое размышленіе о духовномъ устанавливается молитвою, и нарецается именемъ молитвы, и подъ симъ именемъ сводится воедино, будешь ли разумѣть различныя чтенія, или гласъ устъ въ славословіи Богу, или заботливую печаль о Господѣ, или тѣлесныя поклоны, или псалмопѣніе въ стихословіи, или все прочее, изъ чего составляется все ученіе чистой молитвы, отъ которой рождается любовь Божія; потому что любовь отъ молитвы, а молитва—отъ пребыванія въ отшельничествѣ. Въ отшельничествѣ же имѣемъ мы нужду для того, чтобы намъ была возможность наединѣ бесѣдовать съ Богомъ. Но отшельничеству предшествуетъ отреченіе отъ міра. Ибо, если человѣкъ не отречется сперва отъ міра, и не удосужится отъ всего мірскаго, то не можетъ уединиться. И такимъ образомъ отреченію отъ міра предшествуетъ опять терпѣніе, а терпѣнію—ненависть къ міру, и ненависти къ міру—страхъ и любовь. Ибо, если не устрашитъ сердца страхъ геенны, и любовь не приведетъ къ желанію блаженствъ, то не возбудится въ сердцѣ ненависти къ міру сему. А если не возненавидитъ міра, то не потерпитъ быть внѣ его покоя. И если не предваритъ въ умѣ терпѣніе, то человѣкъ не возможетъ избрать мѣста, исполненнаго суровости и никѣмъ не обитаемаго. Если не изберетъ себѣ отшельнической жизни, не возможетъ пребывать въ молитвѣ. Если не будетъ постоянно бесѣдовать съ Богомъ, не пребудетъ въ сихъ съ

1) Образъ жизни.

2) Внутренно.

молитвою соединенныхъ размышленіяхъ и во всѣхъ видахъ сказаннаго нами молитвеннаго ученія, то не ощутитъ любви.

Итакъ, любовь къ Богу—отъ собесѣдованія съ Нимъ, а молитвенное размышленіе и поученіе достигается безмолвіемъ, безмолвіе — нестяжательностію, нестяжательность—терпѣніемъ, терпѣніе—ненавистію къ похотѣніямъ, а ненависть къ похотѣніямъ—страхомъ геенны и чаяніемъ блаженствъ. Ненавидитъ же похотѣнія тотъ, кто знаетъ плодъ ихъ, и что уготовляется ими человѣку, и до какого блаженства не допускается онъ ради похотѣній. Такъ, всякое житіе связано съ предшествующимъ, и у него заимствуетъ себѣ приращеніе, и переходитъ въ другое, высшее. И если одно житіе оскудѣетъ, то и послѣдующее за нимъ не можетъ явиться и быть видимымъ, потому что все разрушается и гибнетъ. Что сверхъ сего, то́ есть мѣра словамъ ¹⁾. Богу нашему слава и велелѣпіе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 40.

О МОЛИТВѢ, ПОКЛОНАХЪ, СЛЕЗАХЪ, ЧТЕНІИ, МОЛЧАНІИ И ПСАЛМОПѢНІИ.

Не называй праздностію продолжительность молитвы невысокопарной, собранной и долгой, изъ-за того, что оставилъ ты при этомъ псалмы. Но паче упражненія въ стихословіи возлюби на молитвѣ поклоны. Молитва, когда подаетъ тебѣ руку, замѣняетъ собою Божію службу. И когда во время самой службы дано тебѣ будетъ дарованіе слезъ, услажденіе ими не называй праздностію въ молитвѣ; потому что благодать слезъ есть полнота молитвы.

Въ то время, какъ умъ твой разсѣянъ, паче молитвы занимайся чтеніемъ. Но, какъ сказано, не всякое писаніе полезно. Возлюби безмолвіе гораздо болѣе

¹⁾ Смысль, повидимому, тотъ, что можно бы и больше сказать объ этомъ, но для словъ есть мѣра.

дѣлъ. Если можно, чтеніе предпочитай стоянію. Ибо чтеніе источникъ чистой молитвы. Ни подѣ какимъ видомъ не предавайся нерадѣнію; трезвись же отъ паренія ума. Ибо псалмопѣніе корень житія. Впрочемъ знай и то, что дѣла тѣлесныя много полезнѣе стихословія, совершаемаго съ пареніемъ ума. А печаль умная ¹⁾ превосходитъ и тѣлесный трудъ. Во время нерадѣнія трезвись, и возбуждай въ себѣ понемногу ревность; потому что она сильно пробуждаетъ сердце, и согрѣваетъ душевныя мысли. Противъ похоти, во время нерадѣнія, помогаетъ природѣ раздражительность, ибо прекращаетъ холодность души. Нерадѣніе же обыкновенно приходитъ на насъ по симъ причинамъ: или отъ обремененія чрева, или отъ множества дѣлъ.

Благочиніе въ дѣланіи есть свѣтъ мудрованія. Это не иное что, какъ вѣдѣніе. Всякая молитва, которую совершаемъ ночью, да будетъ въ очахъ твоихъ досто-честнѣе всѣхъ дневныхъ дѣяній. Не обременяй чрева своего, чтобы не помутился умъ твой, и не быть тебѣ въ смятеніи отъ паренія мыслей, когда встанешь ночью, и не разслабили члены твои, и тебѣ самому не оказаться исполненнымъ женскаго разслабленія, а сверхъ сего, чтобы душа твоя не омрачилась, и не стали помутнѣвшими разумѣнія твои, и чтобы, по причинѣ омраченія, не прійти тебѣ въ совершенную невозможность собрать ихъ воедино для стихословія, и чтобы не притупился въ тебѣ вкусъ ко всему, и не перестало услаждать тебя стихословіе псалмопѣнія, тогда какъ умъ, при легкости и свѣтлости мысли, съ удовольствіемъ обыкновенно вкушаетъ его разнообразіе. Ибо, когда возмущено ночное благочиніе, тогда и въ дневномъ дѣланіи умъ бываетъ смущенъ, и ходитъ въ омраченіи, и не услаждается, по обычаю, чтеніемъ, потому что обратится ли умъ къ молитвѣ, или къ поученію, на мысли находитъ какъ-бы буря. Сладость, подаваемая подвижникамъ днемъ, исходитъ въ чистомъ умѣ изъ свѣта ночного дѣланія. Всякій

¹⁾ О грѣхахъ и неисправностяхъ своихъ.

человѣкъ, который опытомъ не извѣдалъ продолжительнаго безмолвія, пусть не ожидаетъ самъ собою узнать что-либо большее о благахъ подвижничества, хотя онъ и великъ, и мудръ, и учителенъ, и имѣетъ много заслугъ.

Остерегайся, чтобы не изнемогло слишкомъ тѣло твое, и отъ того не усилилось противъ тебя нерадѣніе, и не охладило въ душѣ твоей вкуса къ ея дѣланію. Всякому надлежитъ какъ бы на вѣсахъ взвѣшивать житіе свое. Въ то время, когда насыщаешься, остерегайся давать себѣ и въ маломъ свободу. Да будетъ цѣломудренно сидѣніе твое во время удовлетворенія естественной нужды. Наипаче же, во время сна своего будь цѣломудренъ и чистъ, и строго наблюдай не только за помыслами, но и за членами своими. Храни себя отъ самомнѣнія во время добрыхъ въ тебѣ измѣненій. Немоощь свою и невѣжество свое относительно тонкости сего самомнѣнія рачительно открывай Господу въ молитвѣ, чтобы не быть тебѣ оставленнымъ и не искутиться въ чемъ-либо срамномъ, потому что за гордостію слѣдуетъ блудъ, а за самомнѣніемъ обольщеніе.

Руководвліемъ занимайся по мѣрѣ нуждъ своихъ, лучше же сказать, для удержанія тебя въ безмолвіи твоёмъ. Не изнемогай въ упованіи на Промыслителя своего, потому что дивно домостроительство Его въ присныхъ Ему. Ибо въ необитаемой пустынѣ не человѣческими руками устрояетъ онъ дѣла живущихъ упованіемъ на Него. Если Господь посѣтитъ тебя въ тѣлесномъ безъ твоего труда, когда подвизаешься въ попеченіи о душѣ своей, то по ухищренію убійцы—дьявола возникаетъ тогда въ тебѣ помысль, что причина всего этого промышленія, безъ сомнѣнія, въ тебѣ самомъ ¹⁾. И тогда вмѣстѣ съ симъ помысломъ прекращается промышленіе о тебѣ Божіе, и въ тотъ самый часъ устремляются на тебя весьма многія искушенія: или отъ оставленія тебя Промыслителемъ, или отъ возобновленія болѣзней и недуговъ, возникающихъ

¹⁾ По твоей заслугѣ.

въ тѣлѣ твоемъ. Богъ прекращаетъ попеченіе Свое не за одно возникновеніе помысла, но за то, что умъ останавливается на семъ помыслѣ. Ибо не наказуетъ и не судитъ Богъ челоуѣка за невольное движеніе, если и согласимся на время съ помысломъ. Ежели¹⁾ въ тотъ же часъ прободемъ въ себѣ страсть, и явится въ насъ сокрушеніе, то Господь не взыскиваетъ съ насъ за такое нерадѣніе; взыскиваетъ же за нерадѣніе, которому дѣйствительно предается умъ такъ, что взираетъ на это безчувственно и признаетъ это чѣмъ-то должнымъ и полезнымъ, а не почитаетъ сего опасною для себя заботою.

Будемъ же всегда молиться Господу такъ: „Христе, полнота истины, да возсіяетъ въ сердцахъ нашихъ истина Твоя, и да познаемъ, какъ по волѣ Твоей ходить путемъ Твоимъ“!

Когда посѣвается въ тебѣ лукавый нѣкій помысль, или изъ числа сихъ издалека приходящихъ, или изъ числа предзанятыхъ²⁾ тобою прежде, и часто появляется въ умѣ твоемъ, тогда за вѣрное признай, что скрываетъ онъ тебѣ сѣть. Но ты пробудись и отрезвись во-время. А если помысль изъ десныхъ и добрыхъ, то знай, что Богъ хочетъ дать тебѣ нѣкоторый образъ жизни, и потому помысль сей, сверхъ обычая, возбуждается въ тебѣ. Если же помысль омраченъ, и ты сомнѣваешься въ немъ, и не можешь ясно постигнуть, свой онъ или чуждъ, помощникъ или навѣтникъ, скрывающійся подъ доброю личиною,—то вооружись на него прилежною и самою скорою молитвою со многими бдѣніемъ и день и ночь. Ты и не отрѣвай его отъ себя, и не соглашайся съ нимъ; но со тщаніемъ и горячностію сотвори о немъ молитву, и не умолкай, призывая Господа. Онъ покажетъ тебѣ, откуда сей помысль.

1) Отвергнемъ.

2) Пржежихъ впечатлѣній.

С Л О В О 41.

О молчаніи.

Паче всего возлюби молчаніе, потому что приближаетъ тебя къ плоду; языкъ же немощенъ изобразить оное. Сперва будемъ принуждать себя къ молчанію, и тогда отъ молчанія родится въ насъ нѣчто, приводящее къ самому молчанію. Да подастъ тебѣ Богъ ощутить нѣчто, раждаемое молчаніемъ. Если же начнешь симъ житіемъ, то не умѣю и сказать, сколько свѣта возсіяетъ тебѣ отсюда. Не думай, братъ, что,—какъ рассказываютъ о чудномъ Арсеніи, когда посетили его Отцы и братія, приходившіе видѣть его, а онъ сидѣлъ съ ними молча, и въ молчаніи отпускалъ ихъ отъ себя,—все сіе дѣлалъ онъ совершенно по волѣ, и что вначалѣ не принуждалъ себя къ этому. Отъ упражненія въ семъ дѣланіи со временемъ раждается нѣкая сладость и понуждаетъ тѣло пребывать въ безмолвіи. И множество слезъ раждается у насъ въ семъ житіи, и въ чудномъ созерцаніи сердце ощущаетъ въ нихъ ¹⁾ что-то, разно—въ иное время съ трудомъ, а въ иное съ удивленіемъ, потому что сердце умалается, дѣлается подобно младенцу, и какъ скоро начнетъ молитву, льются слезы. Великъ тотъ человѣкъ, который терпѣніемъ членовъ своихъ пріобрѣлъ внутренно въ душѣ своей чудный сей навыкъ. Когда на одну сторону положишь всѣ дѣла житія сего, а на другую молчаніе, тогда найдешь, что оно перевѣшиваетъ на вѣсахъ. Много совѣтовъ человѣческихъ, но, когда сблизится кто съ молчаніемъ, излишнимъ для него будетъ дѣланіе храненія ихъ, и излишними окажутся прежнія дѣла, и самъ онъ окажется превзошедшимъ сіи дѣланія, потому что приблизился къ совершенству. Молчаніе помогаетъ безмолвію. Какъ же это? Живя во многолюдной обители, невозможно не встрѣчаться намъ съ кѣмъ-нибудь. И равноангельный Арсеній, который больше

¹⁾ Такъ по греческому тексту; у Пансіа: „въ себѣ“.

всѣхъ любилъ безмолвіе, не могъ избѣжать сего. Ибо невозможно не встрѣчаться съ Отцами и братьями, живущими съ нами, и встрѣча эта бываетъ неожиданно: человѣку необходимо итти въ церковь или въ другое мѣсто. Все это видѣлъ достоблаженный оный мужъ, и именно, что невозможно ему избѣжать сего, пока живетъ близъ человѣческой обители. И когда часто бывалъ въ невозможности, по мѣсту жительства своего, удалиться отъ сближенія съ людьми и монахами, живущими въ тѣхъ мѣстахъ, тогда наученъ былъ благодатію сему способу—непрестанному молчанію. И если когда по необходимости нѣкоторымъ изъ нихъ отворялъ дверь свою, то увеселялись они только лицезрѣніемъ его, а словесная бесѣда и потребность въ ней стали у нихъ излишними.

Многіе изъ Отцевъ лицезрѣніемъ симъ приведены были въ состояніе охранять себя самихъ, и умножать духовное богатство, воспользовавшись урокомъ, какимъ служило для нихъ лицезрѣніе блаженнаго. И нѣкоторые изъ нихъ привязывали себя къ камню, или связывали веревкою, или томили себя голодомъ въ то время, какъ рождалось въ нихъ желаніе итти къ людямъ; потому что голодъ много способствуетъ укрощенію чувствъ.

Находилъ я, братъ, многихъ Отцевъ, великихъ и чудныхъ, которые болѣе, нежели о дѣлахъ, прилагали попеченіе о благочиніи чувствъ и о тѣлесномъ навѣкѣ; потому что отсюда происходитъ благочиніе помысловъ. Много причинъ встрѣчается человѣку внѣ его воли, которыя заставляютъ его выходить изъ предѣловъ свободы своей. И если не будетъ онъ охраняемъ въ чувствахъ своихъ предварительно снисканнымъ неослабнымъ навѣкомъ, то можетъ случиться, что долгое время не войдетъ онъ самъ въ себя, и не обрѣтетъ первоначальнаго мирнаго своего состоянія.

Преуспѣяніе сердца—непрестанное помышленіе о своемъ упованіи. Преуспѣяніе житія—отрѣшеніе отъ всего. Памятованіе о смерти—добрыя узы для внѣш-

нихъ членовъ. Приманка для души—радость, производимая надеждою, процвѣтающею въ сердцѣ. Приращеніе вѣдѣнія—непрестанныя испытанія, какимъ умъ ежедневно подвергается внутренно вслѣдствіе двоякихъ измѣненій ¹⁾. Ибо, если отъ уединенія рождаются въ насъ иногда и уныніе (и сіе, можетъ быть, попускается по Божію смотрѣнію), то имѣемъ превосходное утѣшеніе надежды—слово вѣры, которое въ сердцахъ у насъ. И хорошо сказалъ одинъ изъ мужей богоносныхъ, что для вѣрующаго любовь къ Богу—достаточное утѣшеніе даже и при гибели души его. Ибо, говоритъ онъ, какой ущербъ причинять скорби тому, кто ради будущихъ благъ пренебрегаетъ наслажденіемъ и упокоеніемъ?

Даю же тебѣ, братъ, и сію заповѣдь: пусть у тебя всегда беретъ перевѣсъ милостыня, пока въ самомъ себѣ не ощутишь той милостыни, какую имѣетъ Богъ къ міру ²⁾ Наше милосердіе пусть будетъ зеркаломъ, чтобы видѣть намъ въ себѣ самихъ то подобіе и тотъ истинный образъ, какой есть въ Божіемъ естествѣ и въ сущности Божіей. Сямъ и подобнымъ сему будемъ проевѣщаться для того, чтобы намъ съ просвѣтленнымъ произволеніемъ подвигнуться къ житію по Богу. Сердце жестокое и немилосердное никогда не очистится. Человѣкъ милостивый—врачъ своей души, потому что какъ бы сильнымъ вѣтромъ изъ внутренности своей разгоняетъ онъ омраченіе страстей. Это, по Евангельскому слову жизни, добрый долгъ, данный нами въ заемъ Богу ³⁾.

Когда приближаешься къ постели своей, скажи ей: „въ эту ночь, можетъ быть, ты будешь мнѣ гробомъ, постель; и не знаю, не прійдетъ ли на меня въ эту ночь, вмѣсто сна временнаго, вѣчный, будущій сонъ“. Поэтому, пока есть у тебя ноги, иди во

1) На лучшее и худшее.

2) Такъ у Паисія. По греч. тексту: „какую имѣешь ты къ міру“; но это чтеніе, хотя и подтверждается древнимъ славянскимъ переводомъ, даетъ худшій смыслъ.

3) Мѡ. 25, 40.—Притч. 19, 17.

слѣдъ дѣланія, прежде нежели связанъ ты будешь узами, которыхъ невозможно уже будетъ разрѣшить. Пока есть у тебя персты, распни себя въ молитвѣ, прежде нежели пришла смерть. Пока есть у тебя глаза, наполняй ихъ слезами, прежде нежели покроются они прахомъ. Какъ роза, едва подуетъ на нее вѣтеръ, увядаетъ, такъ, если внутри тебя докнутъ на одну изъ стихій, входящихъ въ составъ твой, — ты умрешь. Положи, человекъ, на сердце своемъ, что предстоитъ тебѣ отшествіе ¹⁾, и непрестанно говори себѣ: „Вотъ пришелъ уже къ дверямъ посланникъ, который пойдетъ сзади меня. Что же я сию? преселеніе мое вѣчно, возврата уже не будетъ“.

Кто любитъ собесѣдованіе со Христомъ, тотъ любитъ быть уединеннымъ. А кто любитъ оставаться со многими, тотъ другъ міра сего. Если любишь покаяніе, возлюби и безмолвіе. Ибо внѣ безмолвія покаяніе, не достигаетъ совершенства, и если кто будетъ противорѣчить сему, не входи съ нимъ въ состязаніе. Если любишь безмолвіе—матерь покаянія, то съ удовольствіемъ возлюби и малыя тѣлесныя лишенія ²⁾, и укоризны, и обиды, какія польются на тебя за безмолвіе. Безъ этого предуготовленія не можешь жить въ безмолвіи свободно и невозмутимо. Если же будешь пренебрегать указаннымъ ³⁾, то содѣлаешься причастникомъ безмолвія, по волѣ Божіей, и пребудешь на безмолвіи, сколько благоугодно будетъ Богу. Любовь къ безмолвію есть непрестанное ожиданіе смерти. Кто безъ сего помышленія вступаетъ въ безмолвіе, тотъ не можетъ понести того, что всѣми мѣрами должны мы терпѣть и сносить.

Уразумѣй и то, разсудительный, что избираемъ уединенное жителство съ душами своими, безмолвіе и затворничество, не для дѣлъ, простирающихся сверхъ правилъ, не для того, чтобы ихъ сдѣлать.

¹⁾ Въ будущую жизнь.

²⁾ Лишеніе чего-либо, требуемаго тѣломъ.

³⁾ Т. е. лишеніями, укоризнами и обидами.

Ибо извѣстно, что этому, по причинѣ тѣлеснаго рвенія, способствуетъ болѣе общеніе съ многими. И если бы необходимо было сіе, то нѣкоторые изъ Отцевъ не оставили бы сопребыванія и общенія съ людьми, а другіе не стали бы жить въ гробахъ, и иные не избрали бы себѣ затвора въ уединенномъ домѣ, гдѣ, всего болѣе разслабивъ тѣло и оставивъ его въ не-состояніи исполнять наложенныя ими на себя правила, при всевозможной немощи и тѣлесномъ истомленіи, съ удовольствіемъ цѣлую жизнь свою переносили еще тяжкія постигшія ихъ болѣзни, отъ которыхъ не могли стоять на ногахъ своихъ, или произнести обычную молитву, или славословить устами своими, но даже не совершали псалма или иного чего, совершаемаго тѣломъ; и вмѣсто всѣхъ правилъ достаточно для нихъ было одной тѣлесной немощи и безмолвія. Такъ вели они себя всѣ дни жизни своей. И при всей этой мнимой праздности, никто изъ нихъ не пожелалъ оставить своей келліи и, по причинѣ неисполненія ими правилъ своихъ, итти куда-нибудь вонъ, или въ церковь—возвеселить себя гласами и службами другихъ.

Возчувствовавшій грѣхи свои лучше того, кто молитвою своею воскрешаетъ мертвыхъ, когда обитель его будетъ среди многолюдства. Кто одинъ часъ проведетъ, воздыхая о душѣ своей, тотъ лучше доставляющаго пользу цѣлому міру своимъ лицезрѣніемъ. Кто сподобился увидѣть самого себя, тотъ лучше сподобившагося видѣть ангеловъ. Ибо послѣдній входитъ въ общеніе очами тѣлесными, а первый очами душевными. Кто послѣдуетъ Христу въ уединенномъ плачѣ, тотъ лучше похваляющагося собою въ собраніяхъ. Никто да не выставляетъ на видъ сказаннаго Апостоломъ: *молилбыхся азъ отлученъ быти отъ Христа* (Рим. 9, 3). Кто пріялъ силу Павлову, тому и повелѣвается это дѣлать. А Павелъ для пользы міра поятъ былъ пребывающимъ въ немъ Духомъ, какъ самъ засвидѣтельствовалъ, что дѣлалъ сіе не по своей волѣ. Ибо говоритъ онъ: *нужда ми належитъ, и горе мнѣ, аще не благовѣствую* (1 Кор. 9, 16). И

избраніе Павла было не для того, чтобы показать ему образъ своего покаянія, но чтобы благовѣствовать челоуѣчеству; для сего пріялъ онъ и преизбыточествующую силу.

Впрочемъ, будемъ мы, братія, любить безмолвіе, пока міръ не умерщвленъ въ сердцахъ нашихъ. Будемъ всегда памятовать о смерти, и въ семъ помышленіи приближаться къ Богу сердцемъ своимъ, и пренебрегать суету міра, и презрѣнными содѣлаются въ глазахъ нашихъ мірскія удовольствія; съ пріятностію въ болѣзненномъ тѣлѣ претерпимъ всегдашнюю праздность безмолвія, чтобы сподобиться наслажденія съ тѣми, которые въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ (Евр. 11, 38) чають славнаго откровенія Господа нашего съ небеси. Ему и Отцу. Его, и Святому Его Духу слава, и честь, и держава, и велеяѣшіе во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 42.

Послание къ одному изъ возлюбленныхъ Исаакомъ, въ которомъ предлагаетъ онъ а) ученіе о тайнахъ безмолвія, и о томъ, что многие, по незнанію сихъ тайнъ, нерадятъ о семъ чудномъ дѣланіи, большая же часть держатся пребыванія въ келліяхъ, по преданію, ходящему у иноковъ, и б) краткій сводъ относящагося къ сказанію о безмолвіи.

Поелику вынужденъ я обязанностію писать къ тебѣ, братъ, о необходимо должномъ, то письмомъ моимъ, по данному тебѣ нашему обѣщанію, извѣщаю любовь твою, что нашель я тебя строгостію житія своего приуготовившимъ себя къ тому, чтобы итти на пребываніе въ безмолвіи. Поэтому все, что слышалъ я о семъ дѣланіи отъ мужей разсудительныхъ, послѣ того какъ собраніе ихъ изреченій сообразилъ въ умѣ своемъ съ ближайшимъ, какой имѣлъ на самомъ дѣлѣ, опытомъ, краткимъ словомъ напечатлѣваю въ твоей памяти; только и самъ ты, по внимательномъ прочтеніи сего посланія, содѣйствуй себѣ обычнымъ

тебѣ тщаніемъ, потому что съ мудрымъ разумѣніемъ, не наряду съ обычнымъ чтеніемъ, долженъ ты приступить къ чтенію словесъ, собранныхъ въ семь нашемъ посланіи, и, по причинѣ великой сокровенной въ немъ силы, при прочемъ чтеніи принять оное, какъ-бы нѣкій свѣтъ; и тогда дознаешь, что значитъ пребываніе на безмолвіи, въ чемъ состоитъ дѣланіе онаго, какія тайны сокрыты въ семь дѣланіи, и почему нѣкоторые умаляютъ цѣну правды въ общественной жизни, и предпочитаютъ ей скорби и подвиги безмолвнаго пребыванія и иноческаго житія. Если желаешь, братъ, въ краткіе дни свои обрѣсти жизнь нетлѣнную, то съ разсудительностію да будетъ вступленіе твое на безмолвіе. Войди въ изслѣдованіе его дѣланія, и не ради одного только имени вступай на сей путь, но вникни, углубись, подвизайся и потщись со всѣми святыми постигнуть, что такое глубина и высота сего житія. Ибо во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, въ началѣ его дѣланія и до конца, предполагаются какой-либо способъ и надежда совершенія; а сіе и побуждаетъ умъ положить основаніе дѣла. И эта цѣль укрѣпляетъ умъ къ понесенію трудности дѣла; и въ возрѣніи на сію цѣль заимствуетъ умъ для себя нѣкоторое утѣшеніе въ дѣлѣ. И какъ иной неослабно напрягаетъ умъ свой до окончанія своего дѣла, такъ и досточестное дѣло безмолвія дѣлается пристанью тайнъ при обдуманной цѣли, на которую, отъ начала до конца, внимательно смотритъ умъ, во всѣхъ продолжительныхъ и тяжелыхъ трудахъ своихъ. Какъ глаза кормчаго устремлены на звѣзды, такъ живущій въ уединеніи, во все продолженіе своего шествія, внутреннее возрѣніе устремляетъ на ту цѣль, къ какой положилъ идти въ умъ своемъ съ того перваго дня, въ который рѣшился совершать путь свирѣпымъ моремъ безмолвія, пока не найдетъ той жемчужины, для которой пустился онъ въ неосызаемую бездну моря безмолвія. И исполненное надежды вниманіе облегчаетъ его въ тягости дѣланія и въ жестокости опасностей, встрѣчающихся съ нимъ въ шествіи его. А кто въ началѣ

своего безмолвія не предполагаетъ самъ въ себѣ этой цѣли въ предстоящемъ его дѣланіи, тотъ поступаетъ неразумительно, какъ и сражающійся съ воздухомъ. Таковой во всю свою жизнь никогда не избавляется отъ духа унынія; и съ нимъ бываетъ одно изъ двухъ: или не выноситъ онъ нестерпимой тяготы, побѣждается ею, и совершенно оставляетъ безмолвіе, или терпѣливо пребываетъ въ безмолвіи, и келлія дѣлается для него домомъ темничнымъ, и томится онъ въ ней, потому что не знаетъ надежды на утѣшеніе, поражаемое дѣланіемъ безмолвія. Посему-то, желая сего утѣшенія, не можетъ просить съ сердечною болѣзнію и плакать во время молитвы. Всему этому на потребу жизни нашей оставили намъ признаки въ писаніяхъ своихъ Отцы наши, исполненные жалости и любящіе сыновъ своихъ.

Одинъ изъ нихъ сказалъ: „Для меня та польза отъ безмолвія, что, когда удаюсь изъ дома, въ которомъ живу, умъ мой отдыхаетъ отъ браннаго уготоувленія, и обращается къ лучшему дѣланію“.

Подобнымъ образомъ и другой говорилъ: „Я подвизаюсь въ безмолвіи для того, чтобы услаждались для меня стихи при чтеніи и молитвѣ. И когда отъ сладости при уразумѣніи ихъ умолкнетъ языкъ мой, тогда, какъ бы во снѣ какомъ, прихожу въ состояніе сжатія чувствъ и мыслей моихъ. И также, когда, при удаченіи во время сего безмолвія, утихнетъ сердце мое отъ мятежа воспоминаній, тогда посылаются мнѣ непрестанно волны радости внутренними помышленіями, сверхъ чаянія внезапно приходящими къ услажденію сердца моего. И когда приближаются волны сіи къ кораблю души моей, тогда отъ вѣщаній міра и отъ плотской жизни погружаютъ ее въ истинныя чудеса, въ безмолвіе, пребывающее въ Богѣ“.

И другой также говорилъ: „Безмолвіе отсѣкаетъ предлоги и причины къ новымъ помысламъ, и внутри стѣнъ своихъ доводитъ до обветшенія и увяданія воспоминанія о предзанятѣ нами ¹⁾. И когда обвет-

1) Г. е. прежнія впечатлѣнія.

шаютъ въ мысли старыя вещества, тогда умъ, исправляя ихъ, возвращается въ свой чинъ“.

И еще другой сказалъ: „Мѣру сокровеннаго ¹⁾ въ тебѣ уразумѣешь изъ различія мыслей твоихъ, говорю же о мысляхъ постоянныхъ, а не случайно возбуждаемыхъ и въ одинъ часъ проходящихъ. Нѣтъ никого носящаго на себѣ тѣло, кто пришелъ бы въ свой домъ, не отлучившись отъ двухъ, добрыхъ или худыхъ, измѣненій: и, если онъ рачителенъ, то—отъ измѣненій маловажныхъ, и при помощи естества (потому что отцы суть отцы рождаемыхъ), а если онъ нерадивъ,—то отъ измѣненій высокихъ, и при помощи закваски оной благодати, бывшей въ естествѣ нашемъ“ ²⁾.

И иной говорилъ: „Избери себѣ дѣланіе усладительное, непрестанное бдѣніе по ночамъ, во время котораго всѣ Отцы совлекались ветхаго человѣка, и сподоблялись обновленія ума. Въ сіи часы душа ощущаетъ оную безсмертную жизнь, и ощущеніемъ ея совлекается одѣянія тьмы, и приѣмлетъ въ себя Духа Святаго“.

И другой еще сказалъ: „Когда видитъ кто различныя лица, и слышитъ разнообразныя голоса, несогласныя съ духовнымъ его занятіемъ, и вступаетъ въ собесѣдованіе и въ общеніе съ таковыми, тогда не можетъ онъ найти свободнаго времени для ума, чтобы видѣть себя втайнѣ, привести себѣ на память грѣхи свои, очистить свои помыслы, быть вниматель-

¹⁾ Т. е. внутренняго твоего устроенія.

²⁾ Общій смыслъ этого мѣста таковъ: Если человѣкъ рачителенъ, то онъ освобождается отъ малыхъ препятствій со стороны привязанности къ чувственному, и притомъ освобождается отъ нихъ благодаря своему естеству, которое чисто (какъ чисто Богозданное естество, произведшее его, такъ чистъ и онъ, сынъ его). А если онъ нерадивъ, то онъ освобождается отъ большихъ препятствій со стороны привязанности къ Божественному, и притомъ освобождается отъ нихъ при помощи Божественной благодати, данной намъ, по словамъ Апостола: „а когда умножился грѣхъ, стала преизобиловать благодать“ (Римл. 5, 20). (Изъ примѣчанія къ греческому тексту).

нымъ къ тому, что къ нему приходитъ ¹⁾, и сокровенно бесѣдовать въ молитвѣ“.

И еще: „Чувства сіи подчинить власти души невозможно безъ безмолвія и отчужденія отъ людей, потому что разумная душа, будучи существенно соединена и сопряжена съ сими чувствами, и со своими помыслами невольно увлекается, если человѣкъ не будетъ бодрственъ въ сокровенной молитвѣ“.

И еще: „О, сколько доставляетъ услажденія, какъ веселитъ, радуетъ и очищаетъ душу бодрствованіе—своимъ пробужденіемъ вмѣстѣ съ молитвою и чтеніемъ! Сіе наипаче знаютъ тѣ, которые во всякое время жизни своей въ этомъ бываютъ заняты, и живутъ въ самомъ строгомъ подвижничествѣ“.

Посему и ты, человѣкъ, любящій безмолвіе, сіи указательныя мановенія отеческихъ словесъ положи предъ собою, какъ нѣкоторую цѣль, и къ сближенію съ ними направляй теченіе своего дѣланія. А прежде всего умудрись дознаться, что наипаче надлежитъ согласовать съ цѣлію своего дѣланія. Ибо безъ этого не можешь пріобрѣсти вѣдѣнія истины; и этимъ потщись съ преизбыткомъ показать свое терпѣніе.

Молчаніе есть таинство будущаго вѣка, а слова суть орудіе этого міра. Человѣкъ-постникъ пытается—душу свою молчаніемъ и непрестаннымъ постомъ уподобить естеству духовному. Когда человѣкъ въ Божественномъ своемъ дѣланіи отлучаетъ себя на то, чтобы пребывать въ своемъ сокровенномъ, тогда посвящается онъ въ сіи таинства, и служеніе его бываетъ исполнено Божественныхъ таинствъ, а чрезъ оныя—и невидимыхъ Силъ, и святыни господствующей надъ тварями Власти. И если нѣкоторые отлучали себя на время, чтобы войти имъ въ Божественныя тайны, то были назнаменованы сею печатію. И нѣкоторымъ изъ нихъ ввѣряемо было, къ обновленію стоящихъ на средней степени, обнаруженіе тайнъ, сокрытыхъ въ недовѣдомомъ Господнемъ молчаніи, по-

¹⁾ Т. е. къ тѣмъ мыслямъ, которыя къ нему приходятъ.

тому что послужить таковымъ тайнамъ было бы неприлично человѣку, у котораго наполнено чрево и умъ возмущенъ невоздержаніемъ.

Но и святые не дерзали на бесѣдованіе съ Богомъ, и не возносились до сокровенныхъ тайнъ, развѣ только при немощи членовъ, при блѣдномъ цвѣтѣ лица отъ любви къ алчбѣ и отъ безмолвнаго ума, и при отреченіи отъ всѣхъ земныхъ помысловъ. Ибо, когда, по долгомъ времени, въ келліи твоей, среди дѣлъ труда, среди храненія сокровеннаго и среди воздержанія чувствъ отъ всякой встрѣчи, осѣнитъ тебя сила безмолвія, тогда срѣтаешь сперва радость, безъ причины овладѣвающую, по временамъ, душою твоею, и потомъ отверзутся очи твои, чтобы, по мѣрѣ чистоты твоей, видѣть крѣпость твари Божіей и красоту созданій. И когда умъ путеводится чудомъ сего видѣнія, тогда и ночь и день будутъ для него едино въ славныхъ чудесахъ созданій Божіихъ. И сего ради въ самой душѣ похищается чувство страстей сладостію сего видѣнія, и въ ономъ-то восходитъ умъ еще на двѣ степени мысленныхъ откровеній, находящіяся въ слѣдующемъ за нимъ порядкѣ, начиная съ чистоты и выше. Сего да сподобитъ Богъ и насъ! Аминь.

С Л О В О 43.

О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ И О ТОМЪ, КАКАЯ НУЖДА ВЪ КАЖДОМЪ ИЗЪ НИХЪ.

Чувство духовное такого качества, что принимаетъ въ себя созерцательную силу, подобно зѣницѣ тѣлесныхъ очей, имѣющихъ въ себѣ чувственный свѣтъ. Мысленное созерцаніе есть естественное вѣдѣніе, соединенное съ естественнымъ состояніемъ: и оно называется естественнымъ свѣтомъ. Святая сила есть дарованіе солнца разсудительности, поставленнаго между свѣтомъ и созерцаніемъ. Природы суть нѣчто среднее, созерцаемое разсудительными при свѣтѣ. Страсти суть какъ бы твердая какая сущность; онѣ

занимаютъ средину между свѣтомъ и созерцаніемъ, и препятствуютъ при созерцаніи различать разнообразіе вещей. Чистота есть свѣтлость мысленнаго воздуха, нѣдрами котораго окрыляется внутреннее наше естество. Если умъ нездравъ въ естествѣ своемъ, то недѣйственно въ немъ вѣдѣніе, какъ и тѣлесное чувство, когда отъ какихъ-нибудь причинъ повреждено, теряетъ зрѣніе. Если же умъ здравъ, но нѣтъ въ немъ вѣдѣнія, то безъ него не различаетъ умъ духовнаго, какъ и глазъ, здоровый въ цѣломъ своемъ составѣ, бываетъ нерѣдко слабъ по отношенію къ чувственному зрѣнію. А если во всемъ этомъ сохранено что чему свойственно, но не близка благодать, то въ дѣлѣ различенія останется все сіе недѣйственнымъ, какъ и въ часы ночи, поелику нѣтъ тогда солнца, глаза бываютъ неспособны разбирать предметы. И когда все (т. е. и глазъ и зрѣніе) здорово и само въ себѣ совершенно, и дѣйствуетъ хорошо, и видитъ тѣ вещи, которыя не были различены или же не различаются, то симъ исполняется сказанное: *во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Псал. 35, 10). Если же благодать мысленнаго Солнца бываетъ близка, возбуждаетъ къ желанію, поощряетъ и дѣлаетъ бодрственнымъ, но нѣтъ въ умѣ чистоты, то онъ подобенъ пустому воздуху, который непрозраченъ ¹⁾ отъ густоты облаковъ и темныхъ веществъ, удобно возносящихся къ солнечному свѣту, веселящему насъ сладостію видѣнія его.

Поелику зрѣніе нетвердо въ различеніи, то и естество слабо въ дѣятельности. Душѣ ощущать сладость возсіявающаго надъ всѣмъ второго Солнца препятствуетъ наложенное на нее тѣлесное, которое закрываетъ собою озаренія истины, такъ что они не доходятъ до насъ. Итакъ, съ понужденіемъ сыскивается все это нами сказанное, и потому, что трудно въ одномъ человѣкѣ найти все это въ цѣлой совокупности, безъ недостатка и укоризны, и потому, что не могутъ многіе достигать совершенства въ какомъ

1) Въ древ. серб. переводѣ читается: *иже не озрениъ*, хотя въ греч. сказаво безъ отрицанія: *ὅστις διαυγῆς*.

либо духовномъ вѣдѣніи. Недостатокъ же сей бываетъ по слѣдующимъ причинамъ: по недостаточности разума, по беспорядочности воли, по несоответствующему цѣли положенію, по оскудѣнію чистоты, по неимѣнію учителя и руководителя, по удержанію благодати (сказано: *мужу скупому нелѣпо есть богатство* и обладаніе великимъ (Сир. 14, 3), по препятствіямъ отъ обстоятельствъ, отъ мѣста и нравовъ.

Истина есть ощущеніе Бога, каковое вкушаетъ въ себѣ человѣкъ ощущеніемъ чувствъ духовнаго ума. Любовь есть плодъ молитвы; и отъ созерцанія своего возводитъ умъ къ ненасытному ея вожделѣнію, когда умъ пребываетъ въ молитвѣ безъ унынія, и человѣкъ умомъ, только въ безмолвныхъ помышленіяхъ, молится пламенно и съ горячностію. Молитва есть умерщвленіе мыслей похоти плотской жизни. Ибо молящійся прилежно есть то же, что умирающій для міра: и терпѣливо пребывать въ молитвѣ значитъ отречься человѣку отъ себя самого. Поэтому въ самотверженіи души обрѣтается любовь Божія.

Какъ отъ сѣмени пота постовъ произрастаетъ колосъ цѣломудрія, такъ отъ сытости—распутство, и отъ пресыщенія—нечистота. При алчущемъ и смиренномъ чревѣ никакъ не проникаютъ въ душу срамные помыслы. Всякая поглощаемая снѣдь прибавляетъ собою влагъ, и дѣлается естественною въ насъ крѣпостію. И когда орудные члены, отъ происшедшаго въ нихъ напряженія цѣлаго тѣла, дѣлаются полными, и при этомъ случится увидѣть что-либо тѣлесное, или въ сердцѣ невольно возбудится что-либо вмѣстѣ съ помысломъ, тогда отъ помысла внезапно приходитъ въ движеніе что-то пріятное, и распространяется по всему тѣлу. Хотя умъ цѣломудреннаго и непорочнаго въ своихъ помыслахъ крѣпокъ, однакоже онымъ ощущеніемъ, происшедшимъ въ членахъ, тотчасъ возмущается разумокъ его, и какъ бы съ высокаго какого мѣста нисходитъ онъ съ своего мѣста, на которомъ стоитъ; и святость помысловъ его колеблется, и свѣтлое цѣломудріе оскверняется

мятежемъ страстей, вошедшихъ въ сердце при распаленіи членовъ. Тогда половина силы его изнемогаетъ, почему можно сказать, что забываетъ онъ и первую цѣль надежды своей, и, прежде нежели вступить въ борьбу, безъ борьбы оказывается плѣнникомъ, безъ усилія враговъ своихъ дѣлается подчиненнымъ похоти немощной плоти. Ко всему этому понуждаетъ волю добраго человѣка сильное вожделѣніе непрестаннаго насыщенія. Хотя бы и твердо пребывалъ онъ въ пристани цѣломудрія, однакоже, пресыщеніе склоняетъ его предаться тому, чего никогда не хотѣлъ бы онъ допустить въ сердце свое. И какъ скоро уснетъ одинъ помысль, окружаетъ его сборище помысловъ, заключающихъ въ себѣ пустыя и срамныя мечты, и это чистое ложе его дѣлаетъ притономъ блуда и позорищемъ видѣній. Когда же въ упоеніи помысловъ пріобщится бесѣдѣ съ ними, то осквернитъ преподобныя свои члены и безъ приближенія жены. Какое море волнуется и кипитъ такъ отъ бури, какъ мятется умъ, подвергшійся силѣ волнъ, отъ пресыщенія чрева возбуждаемыхъ на него моремъ плоти его?

Какъ просвѣтляется красота твоя, цѣломудріе, возлежаніемъ на голой землѣ, трудомъ алканія, отъемлющаго у тебя сонъ, вслѣдствіе злостраданія плоти, которая, при воздержаніи отъ яствъ, между ребрами и чревомъ дѣлается подобною глубокому рву! Всякая снѣдь, пріемлемая нами внутрь, и всякое упокоеніе образуютъ въ насъ срамныя подобія и безобразныя призраки; и они раждаются, выходятъ наружу, дѣлаются видимыми въ сокровенной области ума нашего, и раздражаютъ насъ къ тайному сообщенію съ дѣлами срамными. А пустота чрева и мысли наши дѣлаетъ странною пустынною, нетревожимою помыслами и безмолвствующею отъ всѣхъ мятежныхъ помысловъ. Чрево же наполненное отъ пресыщенія есть область привидѣній; и пресыщеніе дѣлаетъ его четырехвратнымъ для нелѣпыхъ мечтаній, хотя будемъ и одни въ пустынѣ. Ибо говорятъ, что пресыщеніе вожделѣваетъ многого.

Когда сподобишься Божественной благодати и душевнаго безстрастія, тогда разумѣй, что не вслѣдствіе неоявленія въ тебѣ безобразныхъ помысловъ, или невозбужденія помысловъ плотскихъ (безъ нихъ никому пробыть невозможно), также не вслѣдствіе помысловъ удобно тобою побѣждаемыхъ (потому что ими, конечно, не оскверняется и не возмущается мысль, какъ бы ни была она крайне высока), но вслѣдствіе помысловъ лучшей мысленной дѣятельности не оставляется умъ въ необходимости вести съ ними брань и губить ихъ; но, какъ скоро приникнетъ помысль, умъ хищнически восхищается отъ сближенія съ ними нѣкоею силою, внѣ воли состоящею, которая по навыку и по благодати удерживаетъ закваску внутри сердца, которое есть обитель ума.

Иное—умъ подвижника; а иное—чинъ священства. Умъ, по милости небесной умершій для міра, имѣетъ простые помыслы о нѣкоторыхъ только предметахъ, безъ борьбы и подвига. Совершенство, сопряженное съ плотію и кровію, владычественно царствуетъ надъ помыслами, проистекающими отъ плоти и крови, но не доводитъ до совершеннаго бездѣйствія и ихъ и другихъ свойственныхъ естеству помысловъ. Пока еще стихійною жизнію бьется животворная мысль человека, основаніе ума его во всякомъ движеніи и склоненіи заимствуетъ измѣненіе отъ четырехъ влагъ. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 44.

О томъ, какъ разсудительному должно пребывать на безмолвіи.

Послушай, возлюбленный, если желаешь, чтобы дѣла твои были не напрасны, и дни твои не праздны и не лишены пользы, на какую разсудительные надѣются отъ безмолвія, то вступленіе твое въ оное пусть будетъ съ разсужденіемъ, а не въ упованіи

чего-нибудь ¹⁾, чтобы не стать тебѣ похожимъ на многихъ. Напротивъ того, пусть будетъ въ мысли твоей положена цѣль, къ которой бы направлять тебѣ дѣла жизни своей. Выспрашивай о семъ болѣе знающихъ, и притомъ знающихъ изъ опыта, а не по одному умозрѣнію. И не переставай сего дѣлать, пока не обучишься дѣламъ безмолвія на всѣхъ стезяхъ. При каждомъ сдѣланномъ тобою шагѣ разыскивай, путемъ ли ты идешь, или уклонился съ него, и идешь какою-нибудь стезею внѣ настоящей дороги. И по однимъ дѣламъ явнымъ не увѣрайся въ томъ, что въ точности совершается тобою житіе безмолвническое.

Если желаешь обрѣсти что-нибудь и постигнуть это опытомъ своимъ, то въ душѣ твоей сокровенно да будутъ знаки и примѣты на каждомъ сдѣланномъ тобою шагу, и по онымъ будешь узнавать истину Отцевъ и прелесть врага. А пока не умудришься на пути своемъ, пусть послужитъ для тебя сіе немногое: когда, во время безмолвія, примѣчаешь въ умѣ своемъ, что мысль твоя можетъ свободно дѣйствовать помыслами десными ²⁾, и во власти ея надъ которымъ либо изъ нихъ нѣтъ ей принужденія, тогда знай, что безмолвіе твое правильно.

И еще, когда совершаешь службу ³⁾, если, во время разныхъ службъ, бываешь, по возможности, далекимъ отъ паренія ума ⁴⁾, и внезапно пресѣкается стихъ на языкѣ твоёмъ, и это на душу твою налагаетъ оковы молчанія, безъ участія твоей свободы, и послѣдуетъ сіе за долговременнымъ пребываніемъ на безмолвіи, то знай, что ты въ безмолвіи своемъ простираешься впередъ, и что кротость начала въ тебѣ усугубляется. Ибо одно ⁵⁾ безмолвіе безъ праведности достойно оужденія. Одно житіе—у любомудрыхъ и

¹⁾ Т. е. не по побужденіямъ, чуждымъ сущности и прямой цѣли безмолвія.

²⁾ Благими.

³⁾ Стоишь на молитвѣ.

⁴⁾ Отъ разсѣянности.

⁵⁾ Одно, безъ другихъ подвиговъ и добродѣтелей.

разсудительныхъ признается какъ бы единственнымъ членомъ, отлученнымъ отъ вспомошествованія другихъ членовъ.

И еще, если примѣчаешь въ душѣ своей, что, при каждомъ возникающемъ въ ней помыслѣ, при каждомъ припамятованіи, и во время созерцаній, какія бываютъ въ безмолвіи твоёмъ, глаза твои наполняются слезами, и слезы безъ принужденія орошаютъ ланиты твои: то знай, что начало совершаться предъ тобою отверстіе преграды на разореніе сопротивныхъ.

И если находишь въ себѣ, что по временамъ мысль твоя, безъ предварительнаго о томъ промышленія, внѣ обычнаго порядка, погружается внутрь тебя, и пребываетъ въ этомъ состояніи около часа или сколько-нибудь времени, а потомъ примѣчаешь, что члены твои какъ бы въ великомъ изнеможеніи, и миръ царствуетъ въ помыслахъ твоихъ, и то же самое повторяется съ тобою всегда, то знай, что облако начало пріосѣнять скинію твою.

Если же, когда довольно времени проведешь на безмолвіи, находишь въ душѣ своей помыслы, которые дѣлятъ ее на разныя части и овладѣваютъ ею, и какъ бы насильно она ежечасно объемлется сими помыслами, и мысль ея во всякое время возводится къ тому, что сдѣлано было ею, или желаетъ пускаться въ суетныя разысканія, то знай, что напрасно трудишься въ безмолвіи, и въ пареніи ума проводишь время душа твоя, и причины тому бываютъ внѣшнія или внутреннее нерадѣніе о должномъ, а паче о бдѣніи и чтеніи. И ты немедленно устрой дѣло свое ¹⁾.

Если же, когда вступишь въ дни сіи ²⁾, не обрѣтаешь мира отъ тревожащихъ тебя страстей, то не дивись. Если нѣдро міра, по удаленіи отъ него лучей солнечныхъ, надолго остается теплымъ, и также запахъ врачествъ и дымъ мѣра, разливающійся въ воздухѣ, пребываютъ немалое время, прежде нежели разсѣются и исчезнутъ, то тѣмъ паче страсти, по-

¹⁾ Скорѣе старайся устроить порядокъ въ дѣланіи твоёмъ.

²⁾ Т. е. въ дни безмолвія.

добно псамъ, привыкшимъ лизать кровь въ мясной лавкѣ, когда не даютъ имъ обычной имъ пищи, стоятъ при дверяхъ и лаютъ, пока не сокрушена будетъ сила прежняго ихъ навыка.

Когда нерадѣніе начнетъ какъ тать вкрадываться въ душу твою, и въ омраченіи возвращается она вспять, и домъ ¹⁾ близокъ къ тому, чтобы наполниться омраченіемъ, тогда являются слѣдующіе признаки: почувствуешь въ себѣ тайно, что изнемогаешь въ вѣрѣ своей, преимуществуешь въ видимомъ ²⁾, упованіе твое ³⁾ умалается, терпишь утрату въ близкомъ тебѣ, а вся душа твоя исполняется укоризны въ устахъ и въ сердцѣ на всякаго человѣка, и на всякую вещь, и на все, съ чѣмъ ни встрѣчаешься помыслами и чувствами, и на Самого Всевышняго, и боишься вреда тѣлеснаго, по причинѣ чего малодушіе овладѣваетъ тобою каждый часъ, и по временамъ душа твоя возбуждается такимъ страхомъ, что пугаешься и бѣгаешь тѣни своей; потому что невѣріемъ затмилъ ты вѣру (подъ вѣрою же разумѣемъ не основаніе общаго всѣхъ исповѣданія, но оную мысленную силу, которая свѣтомъ ума подкрѣпляетъ сердце, и свидѣтельствомъ совѣсти возбуждаетъ въ душѣ великое упованіе на Бога, чтобы не заботилась она о себѣ самой, но попеченіе свое во всемъ беззаботно возвергла на Бога).

Когда же простираешься ты впередъ, слѣдующіе явственные признаки найдешь близкими въ душѣ своей: укрѣпляешься во всемъ надеждою и обогащаешься молитвою, не оскудѣваетъ никогда въ умѣ твоёмъ служащее къ пользѣ ⁴⁾, съ чѣмъ бы ты ни встрѣчался, ощущаешь немощь естества человѣческаго, и каждый таковой случай хранить тебя отъ гордыни. А съ другой стороны, недостатки ближняго дѣлаются недостойными вниманія въ очахъ твоихъ,

1) Душевнаго твоего устроенія.

2) Изобилуешь видимыми вещами.

3) На промыслъ Божій.

4) Духовной.

и съ такимъ желаніемъ ¹⁾ вожделѣваешь выйти изъ тѣла, съ какимъ сталь бы пребывать въ будущемъ вѣкѣ. О всякомъ скорбномъ для насъ приключеніи, встрѣчающемся съ тобою явно и тайно, со всею осторожностію, далекою отъ самомнѣнія, находишь, что по справедливости и по суду приблизилось къ тебѣ все сіе ²⁾. И за все принесешь исповѣданіе ³⁾ и благодареніе. Вотъ признаки трезвенныхъ, осторожныхъ, пребывающихъ въ безмолвіи и желающихъ достигнуть строгости житія.

Разслабленные же не имѣютъ нужды въ сихъ тонкихъ примѣтахъ угрожающихъ имъ паденій, потому что далеки они отъ сокровенныхъ добродѣтелей. Когда одна изъ нихъ начнетъ проникать въ душу твою, уразумѣй въ этотъ часъ, на которую сторону началъ ты склоняться: ибо вскорѣ узнаешь, какого ты сообщества. Да подастъ намъ Богъ истинное вѣдѣніе! Аминь.

С Л О В О 45.

О ПОРЯДКѢ ТОНКОЙ РАЗСУДИТЕЛЬНОСТИ.

Будь всегда внимателенъ къ себѣ самому, возлюбленный; и среди непрестанныхъ дѣлъ своихъ разсмотри и встрѣчающіяся тебѣ скорби, и пустынность мѣстопробыванія твоего, и тонкость ума твоего вмѣстѣ съ грубостію твоего вѣдѣнія, и большую продолжительность безмолвія твоего вмѣстѣ съ многими врачествами, т. е. искушеніями, наводимыми истиннымъ Врачемъ къ здравію онаго внутренняго человѣка, а въ иное время и бѣсами, иногда же болѣзнями и тѣлесными трудами, а иногда боязливými помышленіями души твоей, страшными воспоминаніями о томъ, что

1) Блаженства.

2) Здѣсь греч. текстъ нужно исправить такъ: *εὐρίσχετες ἐν δικαιοσύνῃ καὶ χρίσει εἶναι πάντα ἐγγύς σου*, согласно съ сербскимъ переводомъ: *обрѣтаеши въ правдѣ и судѣ быти вся близу тебе*.

3) Хваленіе, прославленіе.

будетъ напослѣдокъ ¹⁾, иногда же привитіемъ и обязанностию благодати сердечной теплоты и сладостныхъ слезъ, и духовной радости, и всего прочаго, скажу такъ, не умножая словъ. Совершенно ли во всемъ этомъ примѣчаешь, что язва твоя начала заживать и закрываться? т. е. начали ли изнемогать страсти? Положи примѣту, и входи непрестанно самъ въ себя, и смотри: какія страсти, по твоему замѣчанію, изнемогли передъ тобою, какія изъ нихъ пропали и совершенно отступили отъ тебя, и какія изъ нихъ начали умолкать вслѣдствіе душевнаго твоего здравія, а не вслѣдствіе удаленія того, что смущало тебя, и какія научился ты одолѣвать умомъ, а не лишеніемъ себя того, что служитъ для нихъ поводомъ? Обрати также вниманіе на то, точно ли видишь, что среди загноенія язвы твоей начала наростать живая плоть, т. е. душевный миръ. Какія страсти постепенно и какія стремительно понуждаютъ, и чрезъ какіе промежутки времени? Суть ли это страсти тѣлесныя, или душевныя, или сложныя и смѣшанныя? И возбуждаются ли въ памяти темно, какъ немощныя, или съ силою возстаютъ на душу? И притомъ — властительно или татскимъ ²⁾ образомъ? И какъ обращаетъ на нихъ вниманіе владѣющій чувствами царь—умъ? И когда онѣ напрягутъ силы и вступятъ въ брань, сражается ли съ ними, и приводитъ ли ихъ въ безсиліе своею крѣпостію, или не обращаетъ даже на нихъ взора, и ставитъ ихъ ни во что? И какія изгладились изъ прежнихъ ³⁾, и какія вновь образовались? Страсти возбуждаются или какими-нибудь образами, или чувствомъ безъ образовъ и памятію безъ страстныхъ движеній и помышленій, и тогда не производятъ раздраженія. По всему этому можно также опредѣлить степень устроенія души.

Первыя ⁴⁾ не пришли въ устройство, потому что

¹⁾ При смерти и по смерти.

²⁾ Украдкой.

³⁾ Послѣ борьбы.

⁴⁾ Т. е. страсти.

душѣ предстоитъ еще подвигъ, хотя и обнаруживаетъ противъ нихъ крѣпость свою, а вторыя достигли устройства, о которомъ сказало Писаніе, говоря: *сяде Давидъ въ дому своемъ, и упокоилъ его Богъ отъ всѣхъ враговъ его окрестныхъ* (2 Цар. 7, 1). Разумѣй сіе не объ одной страсти, но вмѣстѣ со страстями естественными, пожеланіемъ и раздражительностію, и о страсти славолюбія, которое изображаетъ и мысленно представляетъ лица, и возбуждаетъ къ похоти и желанію, и также о страсти сребролюбія, когда душа входитъ въ общеніе съ нею тайно, и хотя и не соглашается вступить самымъ дѣломъ, но представляетъ въ умѣ образы предметовъ, на которые направлено сребролюбіе при собираніи богатства, и заставляеть душу помышлять о нихъ и производитъ въ ней желаніе—вмѣстѣ съ прочимъ обладать и ими.

Не всѣ страсти ведутъ брань прираженіемъ помысловъ. Ибо есть страсти, которыя душѣ показываютъ только скорби: нерадѣніе, уныніе, печаль не нападаютъ прираженіемъ помысловъ и услажденіемъ, но только налагаютъ на душу тяжесть. Крѣпость же души извѣдывается въ побѣдѣ надъ страстями, ведущими брань прираженіемъ помысловъ. И человѣку надлежитъ имѣть тонкое разумѣніе обо всемъ этомъ, и знать примѣты, чтобы, при каждомъ сдѣланномъ шагѣ, сознавать, куда достигла и въ какой странѣ начала шествовать душа его: въ землѣ ли ханаанской, или за Іорданомъ.

Но обрати вниманіе и на сіе. Достаточно ли вѣдѣнію душевнаго свѣта къ различенію сего, или оно различаетъ это во тьмѣ, или совершенно лишено такой способности? Точно ли находишь, что разумная часть души начала очищаться? Пареніе мыслей въ умѣ проходитъ ли въ часъ молитвы? Какая страсть смущаетъ умъ во время приближенія къ молитвѣ? Ощущаешь ли въ себѣ, что сила безмолвія пріосвѣтила душу кротостію, тишиною и миромъ, какой необычнымъ образомъ раждается въ умѣ? Восхищается ли непрестанно умъ безъ участія воли къ понятіямъ о безплотномъ, въ объясненіе чего не дозволено вхо-

дять чувствамъ? Возгорается ли въ тебѣ внезапно радость, ни съ чѣмъ несравнимымъ наслажденіемъ своимъ заставляющая умолкнуть языкъ? Источается ли непрестанно изъ сердца нѣкая сладость и влечеть ли всецѣло умъ? Входитъ ли по временамъ незамѣтно во все тѣло нѣкое услажденіе и радованіе, чего плотскій языкъ не можетъ выразить, пока все земное не будетъ при семъ памятованіи почитать прахомъ и тщетою. Ибо оное первое, изъ сердца истекающее услажденіе, иногда въ часъ молитвы, иногда во время чтенія, а иногда также вслѣдствіе непрестаннаго поученія и продолжительности помышленія согрѣваетъ умъ; а сіе послѣднее всего чаще бываетъ безъ всего этого, и многократно во время подѣлія, а также часто и по ночамъ, когда находишься между сномъ и пробужденіемъ, какъ бы спя и не спя, бодрствуя и не бодрствуя. Но когда найдетъ на человѣка это услажденіе, біющееся въ цѣломъ тѣлѣ его, тогда думаетъ онъ въ этотъ часъ, что и царство небесное не иное что есть, какъ именно это.

Смотри также, пріобрѣла ли душа силу, которая чувственныя памятованія потребляетъ силою овладѣвающей сердцемъ надежды, и внутреннія чувства укрѣпляетъ неизъяснимымъ убѣжденіемъ въ несомнѣнности? И сердце безъ попеченія о томъ, чтобы не было плѣнено оно земнымъ, пробуждено ли непрестаннымъ собесѣдованіемъ ¹⁾ и непрерывнымъ сердечнымъ дѣланіемъ, совершаемымъ со Спасителемъ нашимъ?

Старайся пріобрѣсти разумѣніе въ различіи гласа Его и бесѣды, когда услышишь. Возможность же скоро вкусить сего доставляетъ душѣ непрерывное безмолвіе непрестаннымъ и постояннымъ своимъ дѣланіемъ. Ибо, по нерадѣнію пріемлющихъ, и по обрѣтеніи сіе ²⁾ снова утрачивается, и долгое уже время вновь не пріобрѣтается. И осмѣлится ли кто, положившись на свидѣтельство совѣсти своей, сказать о

¹⁾ Съ Богомъ.

²⁾ Благодатныя дѣйствія.

семь то же, что́ сказалъ блаженный Павелъ: *извѣстихся, яко ни смерть, ни животъ, ни настоящая, ни грядущая, ни все прочее возможетъ меня разлучити отъ любве Христовой* (Рим. 8, 38. 39), т. е. не разлучать ни тѣлесныя, ни душевныя скорби, ни голодъ, ни гоненіе, ни нагота, ни одиночество, ни затворъ, ни бѣда, ни мечъ, ни ангелы и силы сатанины съ ихъ злобными ухищреніями, ни упраздняемая ¹⁾ слава прираженіемъ своимъ къ человѣку, ни клеветы, ни укоризны, ни заушенія, наносимыя безъ причины и напрасно?

Если же не началъ ты усматривать въ душѣ своей, братъ, что все это нѣкоторымъ образомъ избыточествуетъ или оскудѣваетъ, то труды твои, и скорби, и все безмолвіе твое—безполезное отягощеніе себя. И если чудеса совершаются руками твоими, и мертвыхъ воскрешаютъ онѣ, не идетъ то и въ сравненіе съ этимъ, и немедленно подвигни душу свою, и со слезами умолай Спасающаго всѣхъ отъять завѣсу отъ двери сердца твоего и омраченіе бури страстей уничтожить на внутренней тверди, чтобы сподобиться тебѣ увидѣть лучъ онаго дня ²⁾, да не будешь ты какъ мертвецъ, вѣчно пребывающій въ омраченіи.

Всегдашнее бдѣніе вмѣстѣ съ чтеніемъ и частые поклоны, совершаемые преемственно кѣмъ-нибудь, не замедлятъ рачительнымъ подать блага сіи. И кто обрѣлъ ихъ, тотъ обрѣлъ сими именно средствами. Желаящіе снова обрѣсти ихъ имѣютъ нужду пребывать въ безмолвіи, а вмѣстѣ и въ дѣланіи сказаннаго нами, и притомъ ни къ чему кромѣ души своей, даже ни къ одному человѣку, не привязываться мыслию своею, упражняться же во внутреннемъ дѣланіи добродѣтели. Но и относительно самыхъ дѣлъ—лишь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы находимъ отчасти близъ себя вѣрное чувство, утверждающее насъ и въ отношеніи прочаго.

¹⁾ Временная.

²⁾ Т. е. отъ осіявія незаходимаго Солнца—Христа.

Кто пребываетъ въ безмолвіи, и опытомъ извѣдалъ благодать Божию, тотъ не имѣетъ нужды въ большомъ увѣреніи; напротивъ того, душа его нимало не болѣзнуетъ невѣріемъ, подобно колеблющимся въ истинѣ; потому что свидѣтельства ума его достаточно для него къ увѣренію себя самого паче безчисленнаго множества словъ, не оправданныхъ опытомъ. Богу же нашему слава и велелѣпіе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 46.

Объ истинномъ вѣдѣніи, объ искушеніяхъ, и о необходимости точно знать, что не только люди невысокіе, немощные и необучившіеся, но и сподобившіеся на продолжительное время безстрастія, достигшіе совершенства въ образѣ мыслей, приблизившіеся отчасти къ чистотѣ, сопряженной съ омертвѣніемъ (ставшіе выше страстей, пока они въ мірѣ семъ, по Божію попущенію отъ сопряженія жизни ихъ со страстною плотію, пребываютъ въ бореніи, и по причинѣ плоти терпятъ безпокойство отъ страстей, потому что) ¹⁾ по милости бываетъ попущеніе на нихъ за паденіе ихъ въ гордыню.

Сколько разъ иные каждый день преступаютъ законъ, и покаяніемъ врачуютъ души свои, и благодать пріемлетъ ихъ, потому что во всякомъ разумномъ естествѣ переменна происходитъ неопредѣлимымъ образомъ, и съ каждымъ человѣкомъ ежечасно происходятъ измѣненія. И разсудительный находитъ много случаевъ уразумѣть это. Но испытанія, каждый день сопровождающія его, наиболѣе могутъ умудрить его въ этомъ, если будетъ трезвиться, и да наблюдаетъ за собою въ умѣ своемъ и дознаетъ, какое измѣненіе въ кротости и снисходительности прини-

¹⁾ Слова, заключенныя въ скобки, заимствованы изъ древняго сербск. перевода.

маеть мысль съ каждымъ днемъ, какъ внезапно изъ мирнаго своего состоянія приходитъ въ смущеніе, когда не будетъ удалена какая-либо къ тому причина, и какъ человѣкъ бываетъ въ великой и несказанной опасности.

И сіе-то святой Макарій, съ великою предусмотрительностію и рачительностію, явственно написалъ на память и въ наставленіе братіямъ, чтобы, во время измѣненія въ противное, не впадали въ отчаяніе, потому что и съ стоящими на степени чистоты, какъ съ воздухомъ охлажденіе, приключаются всегда паденія, даже если нѣтъ у нихъ нерадѣнія или разстройства жизни; напротивъ же того, даже когда соблюдаютъ они чинъ свой, случаются съ ними паденія, противныя намѣренію собственной ихъ воли. Да и блаженный Маркъ, какъ извѣдавшій точнымъ опытомъ, свидѣтельствуеть о семъ, и пространно излагаетъ сіе въ писаніяхъ своихъ, чтобы не подумалъ кто, будто бы святой Макарій сказалъ это въ посланіи своемъ случайно, а не по дѣйствительному опыту, и чтобы отъ таковыхъ двоихъ свидѣтелей умъ со всею несомнѣнностію пріялъ для себя утѣшеніе во время нужды. Посему что же теперь? „Измѣненія“, говоритъ, „въ каждомъ бываютъ, какъ въ воздухѣ“. Выразумѣй же это слово: *въ каждомъ*; потому что естество одно ¹⁾, и чтобы не подумалъ ты, будто бы сказалъ это о низшихъ и худшихъ, совершенные же свободны отъ измѣненія, и неуклонно стоятъ на одной степени безъ страстныхъ помысловъ, какъ утверждаютъ евхиты ²⁾, сказалъ онъ поэтому: *въ каждомъ*.

¹⁾ У всѣхъ.

²⁾ *Евхитами* (греч.), или *мессалианами* (евр.), въ переводѣ—*молящимся*, назывались еретики IV-го в., отрицавшіе троичность Лиць въ Божествѣ и свою *молитву* почитавшіе *единственнымъ* средствомъ къ спасенію. Возникла эта ересь въ нѣкоторыхъ монашескихъ общинахъ Сиріи и Малой Азіи. Монахи—евхиты утверждали, что, добившись молитвою вселенія въ нихъ Св. Духа, они навсегда освобождаются отъ страстей и склонности ко злу и не нуждаются ни въ подвигахъ для обуздавія тѣла, ни въ чтеніи Св. Писанія, ни въ таинствахъ, ни вообще въ какомъ

Какъ же это, блаженный? Впрочемъ, говоришь ты, бываетъ же холодъ, и вскорѣ потомъ зной, также градъ, и немного спустя ведро. Такъ бываетъ и въ нашемъ упражненіи: то брань, то помощь отъ благодати; иногда душа бываетъ въ обуреваніи, и возстаютъ на нее жестокія волны; и снова происходитъ измѣненіе, потому что посѣщаетъ благодать, и наполняетъ сердце человѣка радостію и миромъ отъ Бога, цѣломудренными и мирными помыслами. Онъ указываетъ здѣсь на сіи помыслы цѣломудрія, давая тѣмъ разумѣть, что прежде нихъ были помыслы скотскіе и нечистые; и даетъ совѣтъ, говоря: если за сими цѣломудренными и скромными помыслами послѣдуетъ нашествіе противныхъ, не будемъ печалиться и отчаиваться; не будемъ также хвалиться и во время упокоенія благодати, но во время радости станемъ ожидать скорби. Совѣтуетъ же не печалиться намъ, когда послѣдуютъ несчастія, показывая тѣмъ, что умъ долженъ не избѣгать ихъ, но съ радостію принимать, какъ естественное и свойственное намъ. Не предадимся отчаянію, подобно человѣку, который ожидаетъ чего-то, превосходящаго самый подвигъ, и совершеннаго и неизмѣняемаго упокоенія, и вмѣстѣ не допускаетъ подвиговъ и печалей, и того, чтобы въ немъ произошло движеніе чего-либо сопротивнаго, что¹⁾ и Господь Богъ нашъ не нашелъ приличнымъ дать сему естеству въ этомъ мірѣ.

Макарій даетъ совѣтъ сей, чтобы мы не сдѣлались совершенно праздными, оставшись безъ дѣла, и съ этою мыслию не разслабѣли въ отчаяніи, и не пребыли неподвижными въ теченіи своемъ. „Знай“, — говоритъ онъ, — „что всѣ святые пребывали въ семъ.

либо законѣ. Они проводили время въ праздности, избѣгая всякаго рода труда, какъ унижающаго духовную жизнь, и питаясь только милостыней; въ то же время, ощущая въ себѣ мнимое присутствіе Св. Духа, они предавались созерцаніямъ и, въ пылу разстроеннаго воображенія, грезили, что они тѣлесными очами созерцаютъ Божество.

¹⁾ Постоянство настроенія.

дѣлѣ ¹⁾. Пока мы въ мірѣ семъ, послѣ трудовъ сихъ бываетъ намъ втайнѣ и избыточествующее утѣшеніе, потому что каждый день и каждый часъ требуется отъ насъ опытъ любви нашей къ Богу въ борьбѣ и въ подвигѣ противъ искушеній. И это значитъ—не печалиться и не унывать намъ въ подвигѣ. И, такимъ образомъ, благоуспѣшенъ дѣлается путь нашъ. А кто хочетъ отвратиться или уклониться отъ этого, бываетъ добычею волковъ“ ²⁾. Достоинно, подлинно, удивленія въ этомъ святомъ, что такимъ краткимъ словомъ подтвердилъ мысль сію ³⁾, и доказалъ, что она исполнена разума, и въ умѣ читающаго совершенно уничтожилъ сомнѣніе. Онъ же говоритъ: кто уклоняется отъ сего, и дѣлается добычею волковъ, тотъ хочетъ итти не путемъ ⁴⁾, и положи въ умѣ своемъ домогаться сего, и намѣревается ходить своею особенною стезею, которой не пролагали Отцы. Но учитъ онъ и тому чтобы во время радости ожидать скорбей. Когда по дѣйствию благодати внезапно бываютъ въ насъ великіе помыслы, и, какъ сказалъ счастливый Маркъ, бываемъ въ изумленіи при мысленномъ созерцаніи Высшаго Естества, когда приближаются къ намъ ангелы, исполняютъ насъ созерцанія, тогда все противное удаляется, и во все то время, въ которое человѣкъ бываетъ въ подобномъ состояніи, продолжаютъ миръ и несказанная тишина. Но когда пріосѣнить тебя благодать, и приблизятся къ тебѣ святые ангелы, ограждающіе тебя, и при семъ приближеніи отступятъ всѣ искушающіе, ты не превозносись, и не помышляй въ душѣ своей, что достигъ необуреваемой пристани и неизмѣняемаго воздуха, и совершенно ишелъ изъ этого нѣдра противныхъ дуновеній, и нѣтъ уже болѣе врага, и злой встрѣчи; потому что многіе возмечтали это, и впали въ бѣды, какъ сказалъ блаженный Нилъ. Или, не думай также, что ты выше

¹⁾ Подвергались измѣненіямъ.

²⁾ Мысленныхъ.

³⁾ Относительно измѣненій.

⁴⁾ Правымъ.

многихъ, и тебѣ прилично быть въ такомъ состояніи а другимъ нимало не прилично, по недостаточности житія ихъ; или, поелику не имѣютъ они достаточнаго вѣдѣнія, то и лишаются подобныхъ дарованій, а ты имѣешь на это право, потому что достигъ совершенства святости, и духовной степени, и неизмѣняемой радости. Напротивъ того, разсмотри лучше въ себѣ нечистые помыслы и тѣ неблагоприличные образы, какіе утвердились въ умѣ твоёмъ во время обуреванія, въ часъ смятенія и безпорядочности помысловъ, незадолго до сего возстававшихъ противъ тебя въ слѣпомъ омраченіи; подумай, съ какою скоростью и уклонился ты въ страсти, и бесѣдовалъ съ ними въ омраченіи ума, не устыдился и не ужаснулся Божественнаго видѣнія, дарованій и даровъ, какіе пріялъ ты. И знай, что все это къ смиренію нашему навелъ на насъ Божій Промыслъ, который о каждомъ изъ насъ промышляетъ и устрояетъ, что кому полезно. А если превознесешь дарованіями Его, оставитъ тебя, и совершенно падешь въ томъ, въ чемъ будешь искушаемъ одними помыслами.

Итакъ, знай, что устоять—не твое и не добродѣтели твоей дѣло, совершить же это благодать, которая носитъ тебя на дланяхъ руки своей, чтобы ты не приходилъ въ боязнь. Сіе вложи себѣ въ мысль во время радости, когда превознесется помыслъ, какъ сказалъ Отецъ нашъ святой; и плачь, и проливай слезы, и припадай при воспоминаніи о своихъ грѣхопаденіяхъ во время попущенія, чтобы избавиться тебѣ этимъ ¹⁾, и пріобрѣсти чрезъ то смиреніе. Впрочемъ, не отчаивайся, и въ помыслахъ смиренія умилоствленіемъ ²⁾ содѣлай простительными грѣхи свои.

Смиреніе и безъ дѣлъ многія прегрѣшенія дѣлаетъ простительными. Напротивъ того, безъ смиренія и дѣла бесполезны, даже уготовляютъ намъ много ху-

¹⁾ Отъ превозношенія.

²⁾ Бога.

дого. Смирениемъ, какъ сказалъ я, содѣлай беззаконія твои простительными. Что соль для всякой пищи, то смиреніе для всякой добродѣтели; оно можетъ сокрушить крѣпость многихъ грѣховъ. Итакъ, о немъ ¹⁾ надо скорбѣть непрестанно мыслию со смирениемъ и съ печалію разсужденія. И если пріобрѣтемъ оное, содѣлаетъ насъ сынами Божиими, и безъ добрыхъ дѣлъ представитъ Богу, потому что безъ смиренія напрасны всѣ дѣла наши, всякія добродѣтели и всякое дѣланіе.

Итакъ, Богъ хочетъ измѣненія въ мысли. Мысль дѣлаетъ насъ и лучшими и непотребными. Его одного ²⁾ достаточно, чтобы, не нуждаясь въ помощникахъ, стать предъ Богомъ и говорить за насъ. Благодари, и немолчно исповѣдуйся Богу въ томъ, что столь немощное и способное къ уклоненію получилъ ты естество—и, при содѣйствіи благодати, до чего иногда возвышаешься, какихъ сподобляешься дарованій, и въ чемъ бываешь превыше естества; когда же бываетъ попущено,—до чего снисходишь, и пріобрѣтаешь умъ скотскій! Содержи въ памяти бѣдность естества своего и скорость, съ какою послѣдуютъ въ тебѣ измѣненія, какъ сказалъ нѣкто изъ святыхъ старцевъ. „Когда“,—говоритъ онъ,—приходитъ къ тебѣ помысль гордыни, говоря тебѣ: „вспомни свои добродѣтели“, ты скажи: „посмотри, старикъ, на свой блудъ“. Разумѣлъ же тотъ блудъ, какимъ, во время попущенія, искушаемъ бываешь въ помыслахъ, что съ каждымъ устраетъ благодать, или вводя насъ въ брань, или являя намъ помощь, когда что для насъ полезно.

Смотри же, какъ хорошо чудный сей старецъ выразилъ эту мысль. „Когда“,—говоритъ,—приходитъ къ тебѣ помысль гордыни о высотѣ житія твоего, скажи: „посмотри, старикъ, на свой блудъ“. Изъ сего ясно, что старецъ сказалъ это человѣку высокой жизни. Ибо невозможно, чтобы такимъ помысломъ ³⁾ трево-

¹⁾ Т. е. о пріобрѣтеніи смиренія.

²⁾ Смиренія.

³⁾ Превазошенія.

жимы были люди кромѣ стоящихъ на высокой степени и въ житіи достойномъ похвалы. Ясно же и то, что страсть сія возстаетъ въ душѣ послѣ сдѣланной добродѣтели, чтобы лишитъ душу дѣланія оной. А если угодно, и изъ одного посланія того же святаго Макарія можешь научиться, на какой степени стоятъ святые, и что попускается на нихъ для искушенія въ этомъ. Посланіе же сіе есть слѣдующее.

Авва Макарій пишетъ ко всѣмъ своимъ чадамъ возлюбленнымъ, и ясно научаетъ, какое о нихъ Божіе домостроительство во время браней и благодатной помощи; потому что Божіей премудрости благоугодно симъ обучать святыхъ, пока они въ жизни сей, въ бореніи ¹⁾ со грѣхомъ за добродѣтель, чтобы взоръ ихъ во всякое время возводимъ былъ къ Богу, и при непрестанномъ устремленіи взора къ Богу возрастала въ нихъ святая любовь Его, когда непрестанно будутъ они стремиться къ Богу отъ нападенія страстей и страха уклоненія ²⁾, и утвердятся въ вѣрѣ, надеждѣ и любви Его.

И сіе дѣйствительно сказано теперь не тѣмъ, которые пребываютъ съ людьми, ходятъ по всякимъ мѣстамъ и всегда преданы дѣламъ и помысламъ срамнымъ и нечистымъ, также не тѣмъ, которые внѣ безмолвія соблюдаютъ правду, дѣлами и чувствами своими ежечасно уловляются, во всякое время бывають въ опасности паденія (потому что необходимость, встрѣчающаяся съ ними вовсе не по ихъ волѣ, ввергаетъ ихъ въ невольныя несчастія), не могутъ охранять совершенно не только помысловъ, но и чувствъ своихъ; но — тѣмъ, которые въ состояніи соблюдать тѣла свои и помыслы, вовсе далеки отъ мятежа и сообщенія съ людьми, въ отреченіи отъ всего и отъ душъ своихъ нашли возможность охранять умъ свой молитвою, измѣненія благодатныхъ смотрѣній пріемлютъ, не оставляя безмолвначескаго

¹⁾ Древній славянскій переводъ показываетъ, что вмѣсто *ἐν τῷ αἰῶνι* надобно читать: *ἐν τῷ αὐτῶνι*.

²⁾ Въ страсти.

житія, и живутъ подъ мышцею Господня вѣдѣнія, втайнѣ умудряются духомъ на безмолвіе, удаленіемъ отъ мірскихъ вещей и видѣнія нѣкоторыхъ предметовъ, и стяжали умерщвленіе мірскаго помысла. Ибо отъ этого страсти не умираютъ; помысль же умираетъ у нихъ ¹⁾ вслѣдствіе удаленія отъ мірскихъ вещей и при содѣйствіи благодати. И насъ благодать сія да сохранитъ на этомъ предѣлѣ! Аминь.

С Л О В О 47.

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНІЕ ЭТОЙ ГЛАВЫ, И О МОЛИТВѢ.

Кратко выраженная мысль этой главы есть слѣдующая: ежечасно надлежитъ намъ знать, что въ сіи двадцать четыре часа дня и ночи имѣемъ мы нужду въ покаяніи. Значеніе же слова: *покаяніе*, какъ дознали мы изъ дѣйствительнаго свойства вещей, таково: оно есть съ исполненною сокрушенія молитвою приближающееся къ Богу неослабное прошеніе объ оставленіи прошедшаго, и мольба о храненіи будущаго. Посему и Господь нашъ опору нашей немощи указалъ въ молитвѣ, говоря: *пробудитесь, бдите и молитесь, да не окидете въ напасть* (Матѣ. 26, 41). *Молитесь, и будьте неслѣпны, во всякое время бодрствующе и молящеся* (Лук. 21, 36; Кол. 4, 2). *Просите и приимете: ищите и обрящете: толцуйте, и отверзетъ вамъ. Всякъ бо просій приимлетъ, и ищай обрѣтаетъ, и толкущему отверзетъ* (Мѣ. 7, 7. 8). Особенно же подтвердилъ слово Свое, и къ большей рачительности подвигъ насъ, притчею о другѣ, который въ полночь пришелъ къ другу своему и просилъ у него хлѣба; Господь говоритъ: *аминь глаголю вамъ: аще и не дастъ ему, зане другъ ему есть, но за безочьство его, воставъ дастъ ему, елика требуетъ* (Лук. 11, 8). И вы молитесь и не будьте нерадивы. Какое несказанное побужденіе къ дерзновенію! Податель побуждаетъ насъ

¹⁾ У страстей.

просить у Него, чтобы дать намъ Божественныя Свои дарованія. И хотъ Самъ, какъ знаетъ Онъ, домостроительствуетъ все, что благодѣтельно для насъ, однако сіи слова Его исполнены великой силы для возбужденія въ насъ дерзновенія и упованія. Поелику Господь знаетъ, что прежде смерти не отъемлетъ Онъ у насъ возможности къ уклоненію, что весьма близко къ намъ это измѣненіе, а именно, переходъ отъ добродѣтели къ пороку, что человѣкъ и естество его удобно пріемлютъ въ себя противное, то повелѣлъ быть тщательными и подвизаться во всегдашней молитвѣ. Если-бы въ этомъ мірѣ была страна удостовѣренія, то, какъ скоро человѣкъ достигъ бы оной, естество его стало бы тогда выше потребности, и дѣланіе его выше страха, и не повелѣлъ бы намъ Богъ подвизаться въ молитвѣ, совершая сіе Своимъ промысленіемъ; потому что въ будущемъ вѣкѣ не приносятъ Богу молитвъ съ прошеніями о чемъ-либо. Въ ономъ отечествѣ свободы естество наше не пріемлетъ измѣненія и уклоненія подъ страхомъ сопротивленія, потому что во всемъ совершенно. Поэтому повелѣлъ ¹⁾ не ради только молитвы и храненія себя ²⁾ самихъ, но и по причинѣ тонкости и непостижимости того, что всегда съ нами встрѣчается и не объемлется вѣдѣніемъ ума нашего въ тѣхъ состояніяхъ, въ какихъ нерѣдко находимся непроизвольно во всякое время. Ибо, хотя мысли наши и весьма тверды и прилѣплены къ добру, однакоже Промыслъ Его неоднократно оставлялъ насъ на предѣлѣ искушеній, и ввергалъ въ оныя, какъ сказалъ блаженный Павелъ: *за премногая откровенія, да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ плоти, аггелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ. И о семъ трикраты Господа молихъ, да отступитъ отъ мене: и рече ми: довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 7—9).

Итакъ, если это—Твоя воля, Господи, и младенчество наше требуетъ всего этого для руководенія

¹⁾ Подвизаться въ молитвѣ.

²⁾ Отъ явнаго измѣненія.

и пробужденія своего Тобою, а не тогда, когда чело-
вѣкъ любовію Твоею упоенъ, подобно мнѣ, и влечется
во слѣдъ добраго, такъ что вовсе не взираетъ на
міръ, по причинѣ упоенія Тобой, въ какомъ онъ на-
ходится, даже когда мнѣ сверхъ этого далъ Ты до-
стигнуть откровеній и созерцаній, которыхъ невоз-
можно объяснить плотскимъ языкомъ, далъ видѣть и
слышать гласъ служенія Духовныхъ ¹⁾, и сподобиться
исполненнаго святости созерцанія Твоего; но и при
всемъ этомъ я, челоуѣкъ совершенный о Христѣ, не-
достаточенъ для того, чтобы охранять себя самого,
потому что есть нѣчто такое, что по тонкости своей
не можетъ быть постигнуто моею силою, хотя и при-
обрѣлъ я умъ Христовъ: то радуюсь уже посему, Го-
споди, въ немощахъ, въ скорбяхъ, въ темницахъ, въ
узахъ, въ нуждахъ, отъ естества ли это, отъ сыновъ
ли естества, или отъ враговъ ²⁾ его; но, радуясь, терплю
нынѣ немощи мои, т. е., немощи въ искушеніяхъ
моихъ, да вселится въ меня сила Божія. Если, послѣ
всего этого, имѣю нужду въ жезлѣ искушеній, чтобы
имъ расширялось во мнѣ вселеніе Твое, и я сохра-
няемъ былъ въ приближеніи къ Тебѣ, то знаю, что
никто не возлюбленъ Тобою паче меня, и потому воз-
величилъ Ты меня надъ многими. И далъ мнѣ по-
знать чудныя и славныя силы Твои такъ, какъ не
далъ ни одному изъ друзей моихъ, Апостоловъ. И
наименовалъ меня сосудомъ избраннымъ (Дѣян. 9, 15),
какъ могущаго сохранить чинъ любви Твоей. По всему
этому, и особливо для того, чтобы преуспѣвало и
простиралось впередъ дѣло проповѣди, если я буду
освобожденъ отъ узъ искушеній, Ты, сколько знаю,
даровалъ бы мнѣ свободу, если-бы сіе было полезно
для меня. Но Ты благоволилъ, чтобы не былъ я безъ
скорби и заботы въ мірѣ семъ, такъ какъ для Тебя
не столько важно то, чтобы множилось наипаче дѣло
проповѣди Евангелія Твоего въ мірѣ, сколько то,

¹⁾ Здѣсь разумѣются, вѣроятно, *силы небесныя*.

²⁾ Бѣсовъ

чтобы мнѣ была польза отъ искушеній моихъ, и чтобы душа моя сохранилась у Тебя здоровою.

Итакъ, если все это, разсудительный, есть великій даръ искушеній, потому что, чѣмъ болѣе превознесенъ человекъ и, по подобію Павлову, вступилъ въ духовное, тѣмъ паче имѣетъ еще нужду въ страхѣ и осторожности, и пожинаетъ пользу отъ встрѣчающихся съ нимъ искушеній, то кто есть сей достигшій въ страну удостовѣренія, исполненную хищниковъ (Матѣ. 11, 12), и пріавшій то, чтобы стать ему неуклоннымъ, чего не дано было и святымъ ангеламъ, *да не безъ насъ совершенство пріимутъ* (Евр. 11, 40),—пріаль то, что противно всему духовному и тѣлесному, и хочетъ быть всецѣло неизмѣняемымъ, хочетъ, чтобы не приближалось къ нему искушеніе и въ помыслахъ? Порядокъ же міра сего есть сія мысль, выраженная какъ бы во всѣхъ Писаніяхъ: если каждый день постоянно пріемлемъ тысячи ударовъ, то да не малодушествуемъ, и да не останавливаемся въ теченіи на поприщѣ ¹⁾, потому что въ одномъ мало-важномъ случаѣ можно намъ восхитить побѣду и получить вѣнецъ.

Міръ этотъ есть состязаніе и поприще для состязаній. Время это есть время борьбы. А въ странѣ борьбы, и во время состязанія, закона не полагается, т. е. царь не полагаетъ воинамъ своимъ предѣла, пока не будетъ кончено состязаніе, и пока всякій человекъ не будетъ приведенъ къ дверямъ Царя царствующихъ, и тамъ испытанъ бывшій въ состязаніи, кто не допустилъ одержать надъ нимъ побѣду, и кто обратилъ хребетъ свой. Ибо много разъ случается, что человекъ, ни къ чему не годный по не-искусству своему, непрестанно бываетъ поражаемъ и низлагаемъ, и во всякое время являетъ безсиліе, но иногда вдругъ похищаетъ знамя изъ рукъ у воинства сыновъ исполиновыхъ,—и превозносится имя его, и восхваляется онъ гораздо болѣе подвизавшихся и содѣлавшихся извѣстными въ побѣдахъ, и

¹⁾ Въ подвигѣ.

получаетъ вѣнецъ и дорогіе дары паче товарищей своихъ. Поэтому ни одинъ человѣкъ да не останется въ отчаяніи! Не будемъ только нерадѣть о молитвѣ, и не полѣнимся просить помощи у Господа.

Твердо положимъ въ мысли своей и то, что, пока мы въ мірѣ семъ и оставлены во плоти, хотя бы вознеслись до небеснаго свода, не можемъ оставаться безъ дѣлъ и труда, и быть безъ попеченія. Это ¹⁾ (прости меня) есть совершенство; а что паче сего, то неразумное размышленіе. Богу же нашему да будетъ слава, и держава, и велелѣшіе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 48.

О РАЗЛИЧИИ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ И О СОВЕРШЕНСТВѢ ВСЕГО ПОПРИЩА.

Совершенство всего поприща заключается въ трехъ слѣдующихъ вещахъ: въ покаяніи, въ чистотѣ и въ усовершеніи себя. Что такое покаяніе? Оставленіе прежняго ²⁾ и печаль ³⁾ о немъ. Что такое чистота? Кратко сказать: сердце, милующее всякую тварную природу. Что такое усовершеніе себя? Глубина смиренія, т. е. оставленіе всего видимаго и невидимаго (видимаго, т. е. всего чувственнаго, и невидимаго, т. е. мысленнаго) и попеченія о томъ.

Въ другое время былъ опять спрошенъ: „что такое покаяніе?“—и сказалъ: „сердце сокрушенное и смиренное“.—„Что такое смиреніе?“—и сказалъ ⁴⁾: „сугубое, добровольно принятое на себя, омертвѣніе для всего“.—„И что такое сердце милующее?“—и сказалъ: „возгорѣніе сердца у человѣка о всемъ творе-

¹⁾ Т. е. покаяніе и смиреніе.

²⁾ Грѣховнаго житія.

³⁾ Раскаяніе.

⁴⁾ Слова: *Что такое смиреніе—и сказалъ*, дополнены изъ древняго слав. перевода.

ніи, о человѣкахъ, о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ и о всякой твари. При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы, отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И отъ великаго терпѣнія умалается сердце его, и не можетъ оно вынести, или слышать, или видѣть какого-либо вреда или малой печали, претерпѣваемыхъ тварію. А посему и о безсловесныхъ, и о врагахъ истины, и о дѣлающихъ ему вредъ, ежечасно со слезами приноситъ молитву, чтобы сохранились и очистились; а также и объ естество пресмыкающихся молится съ великою жалостію, какая безъ мѣры возбуждается въ сердцѣ его по уподобленію въ семъ Богу“.

И еще былъ спрошенъ: „что такое молитва?“—и сказалъ: „свобода и упраздненіе ума отъ всего здѣшняго,—сердце, совершенно обратившее взоръ свой къ вожделѣнію уповаемаго въ будущемъ. А кто далекъ отъ сего, тотъ на нивѣ своей сѣетъ смѣшанное сѣмя, и подобенъ впрягающему въ ярмо вмѣстѣ вола и осла“ (Втор. 22, 10).

И еще былъ спрошенъ: „какъ можетъ человѣкъ приобрести смиреніе“?—и сказалъ: „непрестаннымъ памятованіемъ прегрѣшеній, надеждою, приближающею къ смерти, бѣднымъ одѣваніемъ, тѣмъ, чтобы во всякое время предпочитать послѣднее мѣсто и во всякомъ случаѣ принимать охотно на себя дѣла самыя послѣднія и уничиженныя, не быть непослушнымъ, сохранять непрестанное молчаніе, не любить ходить въ собранія, желать оставаться неизвѣстнымъ и не идущимъ въ счетъ ¹⁾, не имѣть никакого дѣла въ полномъ своемъ распоряженіи ²⁾, ненавидѣть бесѣды со многими лицами, не любить прибытковъ и, сверхъ сего, возвышать свою мысль отъ всякаго порицанія и обвиненія какого-либо человѣка и отъ соревнованія, не быть такимъ человѣкомъ, котораго руки

¹⁾ Ставлящимъ себя ни во что.

²⁾ Разумѣется своя воля, не подчиняющаяся волѣ другого, напр. духовнаго отца.

были бы на всѣхъ, и на котораго были бы руки всѣхъ ¹⁾, но одному въ уединеніи заниматься своимъ дѣломъ, и не брать на себя попеченія о чемъ-либо въ мірѣ, кромѣ себя самого. Короче сказать: странническая жизнь ²⁾, нищета и пребываніе въ уединеніи—вотъ отъ чего рождается смиреніе и очищается сердце“.

Достигшихъ же совершенства признаковъ таковъ: если десятикратно въ день преданы будутъ на сожженіе за любовь къ людямъ, не удовлетворяются симъ, какъ Моисей сказалъ Богу: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изгладь мя изъ книги Твоея, въ нюже вписалъ еси* (Исх. 32, 32); и какъ говоритъ блаженный Павелъ: *молилъ быхъ ся отлученъ быти отъ Христа по братіи моей*, и такъ далѣе (Рим. 9, 3); и еще: *нынѣ радуюся въ скорбѣхъ о васъ*, язычникахъ (Колос. 1, 24). И прочіе Апостолы за любовь къ жизни чловѣковъ пріяли смерть во всякихъ ея видахъ.

Конецъ же всего этого вкупѣ—Богъ и Господь. По любви къ твари Сына Своего предалъ Онъ на крестную смерть. *Тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть за него на смерть* (Іоан. 3, 16), не потому, что не могъ искупить насъ инымъ образомъ, но Онъ научилъ насъ тѣмъ преизобилующей любви Своей; и смертію Единороднаго Своего Сына приблизилъ насъ къ Себѣ. А если-бы у Него было что болѣе драгоцѣнное, и то далъ бы намъ, чтобы симъ пріобрѣсти Себѣ родъ нашъ. И, по великой любви Своей, не благоволилъ стѣснить свободу нашу, хотя и силенъ Онъ сдѣлать это, но благоволилъ, чтобы любовью собственнаго нашего сердца приблизились мы къ Нему. И Самъ Христосъ, по любви Своей къ намъ, послушенъ былъ Отцу Своему въ томъ, чтобы съ радостію принять на Себя поруганіе и печаль, какъ говоритъ Писаніе: *вмѣсто предлагающія Ему радости, претерпѣ крестъ, о срамотѣ не-*

¹⁾ См. Быт. 16, 12.

²⁾ Уклоненіе отъ міра.

радивъ (Евр. 12, 2). Посему-то Господь въ ту ночь, въ которую былъ преданъ, сказалъ: *сіе есть тѣло Мое, еже за мiръ даемо въ жизнь* (Лук. 22, 19); и: *сія есть кровь Моя, яже за многія изливаема во оставленіе грѣховъ* (Матѳ. 26, 28); и еще говоритъ: *за нихъ Азъ свящу Себе* (Іоан. 17, 19). Такъ достигаютъ сего совершенства и всѣ святые, когда содѣлываются совершенными и уподобляются Богу изліяніемъ любви своей и чело­вѣколюбія ко всѣмъ. И домогаются святые сего признака—уподобиться Богу совершенствомъ въ любви къ ближнему. Такъ поступали и отцы наши, иноки, когда для онаго совершенства всегда пріимали въ себя уподобленіе, исполненное жизни Господа нашего Іисуса Христа.

Говорятъ, что блаженный Антоній никогда не рѣшался сдѣлать что-либо, полезное болѣе для него самого, нежели для ближняго, въ томъ упованіи, что выгода его ближняго—наилучшее для него дѣланіе. Рассказываютъ также объ аввѣ Агаѳонѣ, будто бы сказалъ онъ: „желалъ бы я найти прокаженнаго, и взять у него тѣло его, а ему дать свое“. Видишь ли совершенную любовь? И также относительно того, что у него было внѣ его, онъ не могъ утерпѣть, чтобы не упокоить тѣмъ ближняго своего. И еще: былъ у него ножичекъ; братъ, пришедши къ нему, пожелалъ его имѣть, и авва не далъ ему выйти изъ келліи своей безъ этого ножичка. Таково и прочее, написанное о подобныхъ мужахъ. Но къ чему я говорю это? Многіе изъ нихъ ради ближняго предавали тѣла свои звѣрямъ, мечу и огню. Никто не можетъ взойти на степень этой любви, если не ощутитъ онъ втайнѣ надежды ¹⁾ своей. И не могутъ пріобрѣсти любви къ чело­вѣкамъ тѣ, которые любятъ мiръ сей. Когда пріобрѣтаетъ кто любовь, облакается въ Самого Бога. А тому, кто стяжалъ Бога, необходимо не только не соглашаться на пріобрѣтеніе съ Нимъ чего-либо иного, но и совлечься тѣла своего. Если же любовію къ мiру облечется кто въ этотъ мiръ и въ эту жизнь,

¹⁾ Будущей жизни.

то не облечется онъ въ Бога, пока не оставитъ сего. Ибо Самъ Богъ засвидѣтельствовалъ сіе говоря: *аще кто не оставитъ всего, и не возненавидитъ душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. 14, 26). Должно не только оставить, но и возненавидѣть это. А если кто не можетъ быть ученикомъ Господнимъ, то какъ Господь будетъ обитать въ немъ?

Вопросъ. Почему такъ сладостна ¹⁾ надежда, и житіе ея и дѣла ея легки, и скоро совершаются дѣла ея въ душѣ?

Отвѣтъ. Потому что пробуждается въ душѣ святыхъ естественное пожеланіе, и даетъ имъ пить изъ этой чаши, и упоеваетъ ихъ красотою оною ²⁾. Посему-то не чувствуютъ уже они труда, но дѣлаются нечувствительными къ скорбямъ, и во все продолженіе своего шествія думаютъ, что шествіе ихъ совершается по воздуху, а не человѣческими идутъ они стопами; потому что не видятъ они трудности пути, предъ ними нѣтъ холмовъ и потоковъ, *и будутъ имъ острая въ пути гладки* и проч. (Ис. 40, 4), и потому что еже-часно обращено вниманіе ихъ на лоно Отца ихъ, и самая надежда какъ бы перстомъ, въ каждое мгновеніе, указываетъ имъ отдаленное и невидимое, какъ бы гадательно взирающимъ на сіе сокровеннымъ окомъ вѣры, и потому что желаніемъ отдаленнаго, какъ бы огнемъ, разжжены всѣ части души, и отсутствующее вмѣняется ими за присущее. Туда простирается все протяженіе ихъ помысловъ, и всегда поспѣшаютъ достигнуть туда; и когда приближаются къ совершенію какой-либо добродѣтели, не частично надъ нею одною трудятся, но вдругъ и всецѣло совершаютъ ее во всѣхъ частяхъ, потому что исполины сіи шествіе свое не царскимъ совершаютъ путемъ, какъ всѣ прочіе, но избираютъ для себя стези краткія, по которымъ иные явственна приходятъ скоро въ обители. Самая надежда разжигаетъ ихъ какъ бы огнемъ, и не могутъ дать себѣ отдыха въ стремительномъ и

¹⁾ Святымъ.

²⁾ Духовною.

непрестанномъ теченіи, совершаемомъ съ радостію. Съ ними бываетъ сказанное блаженнымъ Іереміею; ибо говоритъ: *рекохъ: не вспомяну имене Его, ниже возглаголю тому во имя Его: и бысть въ сердцы моемъ яко огонь горящъ, и проникающій въ кости мои* (Іер. 20, 9). Такъ памятованіе о Богѣ дѣйствуетъ въ сердцахъ ихъ, упоеваемыхъ надеждою обѣтованій Божіихъ.

Краткія стези добродѣтелей суть добродѣтели всеобщія, потому что не имѣютъ онѣ ¹⁾ большого разстоянія между многими стезями житія отъ одной стези до другой: не выжидаютъ ни мѣста, ни времени, не допускаютъ расточенія, но тотчасъ принимаются за дѣло, и исполняютъ это.

Вопросъ. Что такое безстрастіе человѣческое?

Отвѣтъ. Безстрастіе не въ томъ состоитъ, чтобы не ощущать страстей, но въ томъ, чтобы не принимать ихъ въ себя. Вслѣдствіе многихъ и различныхъ добродѣтелей, явныхъ и сокровенныхъ, пріобрѣтенныхъ святыми, страсти изнемогли въ нихъ, и не легко могутъ возстать на душу: и умъ не имѣетъ нужды непрестанно быть въ отношеніи къ нимъ внимательнымъ; потому что во всякое время исполненъ мыслями своими вслѣдствіе размышленія и бесѣды о наилучшихъ образахъ, которые съ сознаниемъ возбуждаются въ разумѣ. И какъ скоро начинаютъ возбуждаться страсти, умъ внезапно восхищается отъ сближенія съ ними какимъ-то уразумѣніемъ, приникшимъ въ умѣ, и страсти, какъ сказалъ блаженный Маркъ, остаются въ немъ какъ бы праздными.

Умъ, по благодати Божіей, исполняя добродѣтельные дѣянія, и приблизившись къ вѣдѣнію, мало ощущаетъ то, что составляетъ худую ²⁾ и неразумную часть души. Ибо вѣдѣніе восхищаетъ его въ высоту и отчуждаетъ его отъ всего, что въ мірѣ. И по причинѣ непорочности святыхъ и тонкости, удобопо-

¹⁾ Всеобщія добродѣтели.

²⁾ Страстную.

движности и остроты ума ихъ, а также по причинѣ ихъ подвига, очищается умъ ихъ, и оказывается просвѣтленнымъ, по сухости ихъ плоти. И, вслѣдствіе обученія ихъ безмолвію и продолжительнаго пребыванія въ ономъ, легко и скорс дается каждому внутреннее и ведетъ къ восторгу въ созерцаніи. При семъ, обыкновенно, изобилуютъ они созерцаніями, и умъ ихъ никогда не имѣетъ недостатка въ предметахъ разумѣнія, и никогда не бываютъ они безъ того, что производитъ въ нихъ плодъ духа. Долговременнымъ навыкомъ изглаждаются въ сердцѣ ихъ воспоминанія, которыми возбуждаются въ душѣ страсти, и упраздняется сила діавольской власти. Ибо когда душа не сдружится со страстями помышленіемъ о нихъ, тогда, поелику занята она иною заботою, сила страстей не можетъ въ когтяхъ своихъ удержать духовныхъ чувствъ ея.

О смиреніи.

Вопросъ. Какія преимущества смиренія?

Отвѣтъ. Какъ самомнѣніе есть расточеніе души въ мечтаніи ея, которое приводитъ ее къ паренію и не препятствуетъ ей парить въ облакахъ своихъ помысловъ, такъ что кружится она по всей твари, такъ смиреніе собираетъ душу въ безмолвіе, и сосредоточивается она въ себѣ самой. Какъ душа непознаваема и невидима тѣлесными очами, такъ и смиренномудрый не познается среди людей. И какъ душа внутри тѣла сокрыта отъ зрѣнія и отъ общенія со всѣми людьми, такъ и истинно смиренномудрый человекъ, по своему отлученію отъ всѣхъ и по лишенію ¹⁾ во всемъ, не только не желаетъ быть видимъ и знаемъ людьми, но даже такова его воля,—если можно, отъ самого себя погрузиться внутрь себя, войти въ безмолвіе и вселиться въ немъ, всецѣло оставивъ всѣ свои прежнія мысли и чувствованія, содѣлаться чѣмъ-то, какъ бы несуществующимъ въ твари, не пришедшимъ еще въ бытіе, вовсе незнаемымъ даже

¹⁾ Произвольному.

самой душѣ своей. И пока таковой человекъ бываетъ сокровенъ, заключенъ въ себѣ и отлученъ отъ міра, всецѣло пребываетъ онъ во Владыкѣ своемъ.

Смиреномудрый никогда не останавливается ¹⁾ по-смотреть на собранія, народное стеченіе, волненіе, шумъ, разгулъ, хлопоты и наслажденіе, слѣдствіемъ котораго бываетъ невоздержность; не вовлекается въ рѣчи, бесѣды, клики и разсѣяніе чувствъ, но всему предпочитаетъ разобцаться со всѣми въ безмолвіи, уединившись и отлучившись отъ всей твари, заботясь о себѣ самомъ въ странѣ безмолвной. Во всемъ умаленіе, нестяжательность, нужда, нищета—для него вождельны. Ему желательно не то, чтобы имѣть у себя многое и быть въ непрерывныхъ дѣлахъ, но чтобы во всякое время оставаться на свободѣ, не имѣть заботъ, не возмущаться здѣшнимъ, такъ, чтобы помыслы его не исходили внѣ его. Ибо увѣренъ онъ, что, если вдастся во многое, не возможетъ пребыть безъ смущенія помысловъ, потому что при многихъ дѣлахъ бываетъ много заботъ и сборище помысловъ многосложныхъ. И человекъ перестаетъ уже — въ мирѣ помысловъ своихъ быть выше всѣхъ земныхъ попеченій, за исключеніемъ малыхъ, самыхъ необходимыхъ потребностей, и утрачиваетъ мысль, озабоченную единственно лучшими ея помыслами. Если же потребности не перестаютъ удерживать его отъ лучшихъ помысловъ, то доходитъ онъ до состоянія, въ которомъ и терпитъ и дѣлаетъ вредъ,—и съ этого времени отверзается дверь страстямъ, удаляется тишина разсудительности, бѣжитъ смиреніе, и заключается дверь міра. По всему этому смиренномудрый непрестанно охраняетъ себя отъ многаго, и тогда находитъ себя во всякое время въ тишинѣ, въ покоѣ, въ мирѣ, въ кротости, въ благоговѣніи.

Въ смиренномудромъ никогда не бываетъ суетливости, торопливости, смущенія, горячихъ и легкихъ мыслей, но во всякое время пребываетъ онъ въ по-

¹⁾ Не находить удовольствія.

коѣ. Если-бы небо прильнуло къ землѣ, смиренномудрый не ужаснется. Не всякій безмолвникъ смиренномудръ, но всякій смиренномудрый — безмолвникъ. Кто несмиренномудръ, тотъ не уничиженъ; но уничиженныхъ несмиренномудрыхъ найдешь многихъ. Сіе и значитъ, что сказано кроткимъ и смиреннымъ Господомъ: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ* (Мат. 11, 29). Смиренномудрый во всякое время пребываетъ въ покоѣ, потому что нечему привести умъ его въ движеніе или въ ужасъ. Какъ никто не можетъ устрашить гору, такъ небоязненъ и умъ его. И, если можно такъ выразиться (а, можетъ быть, и не неумѣстно сказать это), смиренномудрый нѣсть отъ міра сего (Іоан. 8, 23); потому что и въ печаляхъ не ужасается и не измѣняется, и въ веселіи не приходитъ въ удивленіе и не ширится. Но все веселіе его и истинное радованіе—во Владыкѣ его. За смиренномудріемъ слѣдуетъ кротость и собранность въ себя, т. е. цѣломудріе чувствъ, соразмѣрность голоса, немногословіе, небреженіе о себѣ, бѣдная одежда, ненадменная походка, наклоненіе очей долу, превосходство въ милосердіи, скорое изліяніе слезъ, уединенная душа, сердце сокрушенное, неподвижность къ раздраженію, нерасточенныя чувства, малость имущества, умаленіе во всякой потребности, перенесеніе всего, терпѣніе, небоязненность, твердость сердца, происходящая отъ возненавидѣнія временной жизни, терпѣніе въ искушеніяхъ, вѣскія, а не легкія, мысли, угашеніе помысловъ, храненіе тайнъ цѣломудрія, стыдливость, благоговѣніе, а сверхъ всего этого непрестанное безмолвствованіе и всегдашнее обвиненіе его въ невѣжествѣ.

Смиренномудрому никогда не встрѣчается такая нужда, которая приводила бы его въ смятеніе или смущеніе. Смиренномудрый иногда, будучи одинъ, стыдится себя самого. Дивлюсь же тому, что истинно смиренномудрый не осмѣлится и помолиться Богу, когда приступаетъ къ молитвѣ, или счесть себя достойнымъ молитвы, или просить чего-либо иного, и

не знаетъ, о чемъ молиться; но только молчитъ всѣми своими помышленіями, ожидая одной милости и того изволенія, какое изыдетъ о немъ отъ Лица достопоклоняемаго Величія, когда преклоняетъ онъ лице свое на землю, и внутреннее зрѣніе сердца его вознесено къ превознесеннымъ вратамъ во Святое Святыхъ, гдѣ Тотъ, Коего селеніе—мракъ, Кто притупляетъ очи Серафимовъ, Чья добродѣтель побуждаетъ леіоны къ ликостоянію ихъ, Кто на всѣ чины ихъ изливаетъ молчаніе.— И осмѣливается онъ только такъ говорить и молиться: „по волѣ Твоей, Господи, да будетъ со мною!“ То же говорить и мы будемъ о себѣ. Аминь.

С Л О В О 49.

О вѣрѣ и о смиренномудріи.

Желаешь ли ты, человекъ малый, обрѣсти жизнь? Сохрани въ себѣ вѣру и смиреніе, потому что ими обрѣтешь милость, и помощь, и слова, изрекаемая въ сердцѣ Богомъ хранителю, сокровенно и явно съ тобою пребывающему. Желаешь ли приобрѣсти сіе, т. е. причастіе жизни? Ходи предъ Богомъ въ простотѣ, а не въ знаніи ¹⁾. Простотѣ сопутствуетъ вѣра; а за утонченностію и изворотливостію помысловъ слѣдуетъ самомнѣніе; за самомнѣніемъ же—удаленіе отъ Бога.

Когда предстанешь въ молитвѣ предъ Бога, содѣлайся въ помыслѣ своемъ, какъ бы муравьемъ, какъ бы пресмыкающимся по землѣ, какъ бы пиявицею и какъ бы ребенкомъ лепечущимъ. Не говори предъ Богомъ чего-либо отъ знанія, но мыслями младенческими приближайся къ Нему, и ходи предъ Нимъ, чтобы сподобиться тебѣ того отеческаго Промышленія, какое отцы имѣютъ о дѣтяхъ своихъ, младенцахъ. Сказано: *храняй младенцы Господь* (Псал. 114, 5). Младенецъ

¹⁾ Не съ пытливостію ума

подходить къ змѣѣ, беретъ ее за шею, и она не дѣлаетъ ему вреда. Нагимъ ходитъ младенецъ цѣлую зиму, когда другіе одѣты и укрыты, и холодъ входитъ во всѣ члены его; а онъ—нагой сидитъ въ день холода, зимней стужи и изморози, и не болѣзнуетъ. Ибо тѣло простоты его инымъ невидимымъ одѣяніемъ покрываетъ оный сокровенный Промыслъ, соблюдающій нѣжные члены его, чтобы не приблизился къ нимъ отъ чего либо вредъ.

Вѣришь ли теперь, что есть нѣкій сокровенный Промыслъ, Которымъ нѣжное тѣло, склонное по своей нѣжности и слабому сложенію тотчасъ принять въ себя всякій вредъ, охраняется среди сопротивнаго ему, и не преодолевается тѣмъ? Сказано: *храняй младенцы Господь* (Пс. 114, 5), и не только сихъ малыхъ тѣломъ, но и тѣхъ мудрыхъ въ мірѣ, которые оставляютъ вѣдѣніе свое, опираются на оную вседовлѣющую Премудрость, волею своею уподобляются младенцамъ, и потомъ уже научаются оной мудрости, не ощущаемой отъ дѣлъ обученія. И прекрасно сказалъ богомудрый Павелъ: *кто мнится мудръ быти въ мірѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (1 Кор. 3, 18). Впрочемъ, проси у Бога, чтобы далъ тебѣ прійти въ мѣру вѣры. И если ощутишь въ душѣ своей наслажденіе ею, то не трудно сказать мнѣ при семъ, что нечему уже отвратить тебя отъ Христа. И не трудно тебѣ каждый часъ быть отводимымъ въ плѣнъ далеко отъ земного, и укрыться отъ этого немощнаго міра и отъ воспоминаній о томъ, что въ мірѣ. О семъ молись нелѣпно, сего испрашивай съ горячностію, объ этомъ умолай съ великимъ раченіемъ, пока не получишь. И еще молись, чтобы не изнемочь. Сподобишься же этого, если прежде съ вѣрою понудишь себя попеченіе свое возвергнуть на Бога, и свою попечительность замѣнишь Его промышленіемъ. И когда Богъ усмотритъ въ тебѣ сію волю, что со всею чистотою мыслей довѣрился ты Самому Богу болѣе, нежели себѣ самому, и понудилъ себя уповать на Бога болѣе, нежели на душу свою: тогда вселится въ тебѣ оная невѣдомая сила, и ощути-

тельно почувствуешь, что съ тобою несомнѣнно сила, — та сила, которую ощутивъ въ себѣ, многіе идутъ въ огонь, и не боятся, и, ходя по водамъ, не колеблются въ помыслѣ своемъ опасеніемъ потонуть; потому что вѣра укрѣпляетъ душевныя чувства, и человекъ ощущаетъ въ себѣ, что какъ будто нѣчто невидимое убѣждаетъ его не внимать видѣнію вещей страшныхъ и не взирать на видѣніе, превосходящее чувства.

Можетъ быть, ты думаешь, что такое духовное вѣдѣніе пріобрѣтаетъ кто-либо симъ душевнымъ вѣдѣніемъ? Не только невозможно симъ душевнымъ вѣдѣніемъ пріять оное духовное, но даже нѣтъ возможности ощутить его и чувствомъ или сподобиться его — кому-либо изъ ревностно упражняющихся въ вѣдѣніи душевномъ. И если нѣкоторые изъ нихъ желаютъ приблизиться къ оному вѣдѣнію Духа, то, пока не отрекутся отъ сего душевнаго, и отъ всякихъ изворотовъ его тонкости, и многосложныхъ его способовъ, и не поставятъ себя въ младенческой образъ мыслей, дотолѣ не возмогутъ приблизиться, хотя мало, къ вѣдѣнію духовному. Напротивъ того, великимъ препятствіемъ бываютъ для нихъ навѣкъ и понятія душевнаго вѣдѣнія, пока не изгладятъ сего мало-помалу. Оное вѣдѣніе Духа просто, и не просіяваетъ въ помыслахъ душевныхъ. Пока разумъ не освободится отъ помысловъ многихъ и не придетъ въ единую простоту чистоты, дотолѣ не возможетъ ощутить онаго духовнаго вѣдѣнія.

Вотъ порядокъ сего вѣдѣнія — ощутить наслажденіе оною жизнію онаго вѣка; посему охуждаетъ оно помыслы многіе. Сіе душевное вѣдѣніе, кромѣ множества помысловъ, не можетъ познавать что-либо другое, пріемлемое въ простотѣ ума, по слову Изрекшаго: *Аще не обратитесь, и будете яко дѣти*, не можете войти въ царствіе Божіе (Матѣ. 18, 3). Но вотъ многіе не приходятъ въ простоту сію, а по добрымъ дѣламъ ихъ уповаемъ, что соблюдается имъ часть въ царствіи небесномъ, такъ какъ изъ смысла евангельскихъ блаженствъ, которыя Господь изобра-

зиль различно, можно намъ уразумѣть, что сими блаженствами показалъ намъ многія измѣненія въ разныхъ родахъ житія: потому что каждый человекъ, на всякомъ пути, какимъ шествуетъ къ Богу, самъ всѣми тѣми мѣрами ¹⁾ отверзаетъ предъ собою дверь небеснаго царствія.

Но онаго духовнаго вѣдѣнія никто не можетъ пріять, если не обратится, и не будетъ какъ дитя. Ибо съ сего только времени ощущается оное услаждение небеснымъ царствіемъ. О царствіи небесномъ говорятъ, что оно есть духовное созерцаніе. И обрѣтается оно не дѣлами помысловъ, но можетъ быть вкушаемо по благодати. И пока не очиститъ себя человекъ, не имѣетъ онъ достаточныхъ силъ и слышать о немъ, потому что никто не можетъ пріобрѣсти онаго изученіемъ. Если ты, чадо, достигнешь чистоты сердца, производимой вѣрою въ безмолвіи отъ людей, и позабудешь знаніе міра сего, такъ что не будешь и ощущать его: то внезапно обрѣтется предъ тобою духовное вѣдѣніе, безъ разысканія о немъ. Поставь, говорятъ, столць, и возливай на него елей, и найдешь сокровище въ нѣдрѣ своемъ. Если же ты опутанъ сѣтью душевнаго вѣдѣнія, то не неумѣстно мнѣ сказать, что удобнѣе тебѣ освободиться отъ желѣзныхъ узъ, нежели отъ этой сѣти; и всегда будешь недалекъ отъ сѣтей прелести, и никогда не уразумѣешь, какъ возымѣть дерзновеніе предъ Господомъ и упованіе на Него, на всякій же часъ будешь ходить по острію меча, и никоимъ образомъ не сможешь быть безъ печали. Въ чувствѣ немощи и въ простотѣ молись, чтобы хорошо жить тебѣ предъ Богомъ, и быть безъ попеченія. Ибо какъ тѣнь слѣдуетъ за тѣломъ, такъ и милость за смиренномудріемъ. Поэтому, если желаешь жить этимъ, то отнюдь не подавай руки немощнымъ помысламъ. Если всякій вредъ, всякая злоба и всѣ опасности окружаютъ и будутъ устрашать тебя, не заботься о семъ, и не ставь сего ни во что.

¹⁾ Показанными въ евангельскихъ блаженствахъ.

Если однажды ввѣрилъ ты себя Господу, вседовлѣющему для охраненія твоего и смотрѣнія о тебѣ, и если пойдешь во слѣдъ Его, то не заботься опять о чемъ-либо таковомъ, но скажи душѣ своей: „на всякое дѣло довлѣетъ для меня Того, Кому единожды я предалъ душу свою. Меня здѣсь нѣтъ; Онъ это знаетъ“. Тогда на дѣлѣ увидишь чудеса Божіи: увидишь, какъ во всякое время Богъ близокъ, чтобы избавлять боящихся Его, и какъ Его Промыслъ окружаетъ ихъ, хотя и невидимъ. Но потому, что невидимъ тѣлесными очами Хранитель оный ¹⁾, пребывающій съ тобою, не долженъ ты сомнѣваться относительно Его, будто бы Его нѣтъ; ибо нерѣдко открывается Онъ тѣлеснымъ очамъ, чтобы тебѣ имѣть дерзновеніе.

Какъ скоро человѣкъ отринетъ отъ себя всякую видимую помощь и человѣческую надежду, и съ вѣрою и чистымъ сердцемъ пойдетъ во слѣдъ Богу: тотчасъ послѣдуетъ за нимъ благодать, и открываетъ ему силу свою въ различныхъ вспоможеніяхъ. Сперва открываетъ—въ этомъ явномъ, касающемся до тѣла, и оказываетъ ему помощь промышленіемъ о немъ, такъ что въ этомъ всего болѣе можетъ онъ ощутить силу Божія Промысла о немъ. И уразумѣніемъ явнаго ²⁾ увѣрится и въ сокровенномъ, какъ и свойственно младенчеству его мыслей и житію его. Ибо какъ иначе уготовляется потребное для него, когда о томъ и не заботился? Многіе удары, приближающіеся къ нему, часто исполненные опасностей, проходятъ мимо, когда человѣкъ о нихъ и не помышлялъ: между тѣмъ благодать неощутимо и весьма чудесно отражаетъ отъ него это, и хранитъ его, какъ питающая чадъ своихъ птица, которая распростираетъ надъ ними крылья свои, чтобы не приблизился къ нимъ отъ чего-либо вредъ. Благодать даетъ ему видѣть очами своими, какъ близка была къ нему погибель его, и какъ остался онъ невредимымъ. Такъ

¹⁾ Промыслъ.

²⁾ Черезъ познаніе промышленія въ явномъ.

обучаетъ его и въ отношеніи сокровеннаго, открываетъ предъ нимъ хитросплетеніе мыслей и помысловъ трудныхъ, непостижимыхъ. И легко отыскивается человѣкомъ уразумѣніе ихъ, взаимная между ними связь, и прелесть ¹⁾ ихъ, и къ которому изъ сихъ помысловъ прилѣпленъ человѣкъ, какъ они рождаются одинъ отъ другого, и губятъ душу. И благодать посрамляетъ предъ очами его всю злокозненность демоновъ и обиталище помысловъ ихъ, влагаетъ въ него разумъ усмотрѣть будущее; въ простотѣ его возсіяваетъ сокровенный свѣтъ, чтобы вполнѣ ощущать и силу мыслей въ тонкихъ помыслахъ, и какъ бы перстомъ указываетъ ему, что потерпѣлъ бы онъ, если-бы не дозналъ сего. И тогда рождается у него отсюда та мысль, что всякую вещь, малую и великую, должно ему въ молитвѣ испрашивать себѣ у Создателя своего.

Когда Божественная благодать утвердить мысли его, чтобы во всемъ этомъ уповалъ онъ на Бога, тогда мало-по-малу начинаетъ онъ входить въ искушенія. И благодать попускаетъ, чтобы насылаемы были на него искушенія, соотвѣтственныя его мѣрѣ, чтобы понести человѣку тяжесть ихъ. И въ сихъ искушеніяхъ ощутительно приближается къ нему помощь, чтобы не страшился онъ, пока не обучится постепенно, и пріобрѣтетъ мудрость, и въ упованіи на Бога станетъ презирать враговъ своихъ. Ибо умудрится человѣку въ духовныхъ браняхъ, познать своего Промыслителя, ощутить Бога своего и сокровенно утвердиться въ вѣрѣ въ Него—невозможно иначе, какъ только по силѣ выдержаннаго имъ испытанія.

Какъ скоро благодать усмотритъ, что въ помыслѣ человѣка начало появляться нѣкоторое самомнѣніе, и сталъ онъ высоко о себѣ думать, тотчасъ попускаетъ, чтобы усилились и укрѣпились противъ него искушенія, пока не познаетъ свою немощь, не прибѣгнетъ къ Богу и не прилѣпится къ Нему со смиреніемъ.

¹⁾ Осольщеніе, ложь.

Симъ приходитъ человѣкъ въ мѣру мужа, совершеннаго вѣрою и упованіемъ на Сына Божія, и возвышается до любви. Ибо чудная любовь Божія къ человѣку познается, когда бываетъ онъ въ обстоятельствахъ, разрушающихъ надежду его. Здѣсь-то Богъ силу Свою показываетъ въ спасеніи его. Ибо никогда человѣкъ не познаетъ силы Божіей въ покоѣ и свободѣ; и нигдѣ Богъ не являлъ ощутительно дѣйственности Своей, какъ только въ странѣ безмолвія и въ пустынѣ, въ мѣстахъ, лишенныхъ разговоровъ и смятенія, какіе бываютъ у живущихъ съ людьми.

Не дивись, что, когда приступаешь къ добродѣтели, отовсюду источаются на тебя жестокія и сильныя скорби; потому что и добродѣтелию не почитается та, совершеніе которой не сопровождается трудностію дѣла. Ибо по сему самому, какъ сказалъ святой Іоаннъ, она и наименована добродѣтелию (*ἀρετή*): „добродѣтели“, говоритъ, „обычно встрѣчаютъ затрудненія; она достойна порицанія, когда привязана къ покою“. Блаженный монахъ Маркъ сказалъ: „всякая добродѣтель именуется крестомъ, когда исполняетъ заповѣдь Духа“. Посему-то *все хотящїи жити въ страхѣ Господнемъ и о Христѣ Іисусѣ, гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12). Ибо говоритъ Онъ: *аще кто хочетъ по Мнѣ жити, да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Марк. 8, 34). Кто не хочетъ жить въ покоѣ, тотъ, погубивъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю (Матѣ. 16, 25). Для того предварилъ Онъ тебя, и предложилъ тебѣ крестъ, чтобы ты опредѣлилъ себѣ смерть, и потомъ уже послалъ душу свою итти во слѣдъ Его.

Ничто такъ не сильно, какъ отчаяніе ¹⁾: оно не знаетъ, чтобы кто побѣдилъ его десными ли то, или шуими. Когда человѣкъ въ мысли своей отсѣчетъ надежду по отношенію къ жизни своей, тогда нѣтъ ничего дерзостнѣе его. Никто изъ враговъ не можетъ противостать ему, и нѣтъ скорби, слухъ о которой привелъ бы въ изнеможеніе мудрованіе его; потому

¹⁾ Т. е. когда человѣкъ опредѣлитъ себя на скорби до смерти.

что всякая приключаящаяся скорбь легче смерти, а онъ подклонилъ голову, чтобы принять на себя смерть. Если во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ дѣлѣ, во всякое время во всемъ, что ни захотѣлъ бы ты совершить, обрѣчешь себя въ умѣ своемъ на труды и скорбь, то не только во всякое время окажешься благодерзновеннымъ и не лѣнивымъ, чтобы противостать всякому представляющемуся тебѣ неудобству, но отъ силы ума твоего побѣгутъ отъ тебя устрашающія и ужасающія тебя мысли, обыкновенно пораждаемыя въ человѣкѣ помыслами, устремленными къ покою ¹⁾. И все, что встрѣчается тебѣ труднаго и неудобнаго, покажется тебѣ удобнымъ и легкимъ. Нерѣдко будетъ встрѣчаться съ тобою противное тому, чего ты ожидалъ; а быть можетъ, никогда не встрѣтится съ тобою ничего подобнаго.

Ты знаешь, что надежда покоя во всѣ времена заставляла людей забывать великое, благое и добродѣтели. Но и тѣ, которые въ мѣрѣ семъ живутъ для тѣла, не могутъ вполне достигать исполненія желаній своихъ, если не рѣшаются въ умѣ своемъ терпѣть скорбное. И поелику свидѣтельствуется о семъ опытъ, то не нужно убѣждать въ этомъ словами, потому что во всякомъ родѣ прежде насъ, и даже донынѣ, не отъ иного чего, но отъ сего именно ²⁾, люди изнемогаютъ, и не только не одерживаютъ побѣды, но даже лишаются наилучшаго. Посему скажемъ короче, что, если человѣкъ небрежетъ о царствѣ небесномъ, то не по чему другому, какъ по желанію малаго здѣшняго утѣшенія. И не это одно бываетъ съ нимъ, но часто сильные удары и страшныя искушенія уготовляются всякому человѣку, послѣдующему собственной волѣ, и къ этому идутъ помыслы его, потому что править имъ похоть.

Кто не знаетъ, что и птицы приближаются къ сѣти, имѣя въ виду покой? Въ сравненіи съ знаніемъ

¹⁾ Тѣлесному.

²⁾ Отъ люблевія покоя.

птицъ не болѣе ли скудно, можетъ быть, наше знаніе о томъ, что сокровенно или бываетъ прикрито обстоятельствами, мѣстомъ или чѣмъ инымъ, въ чемъ и дѣволъ изначала удовляетъ насъ обѣщаніемъ покоя и мыслями о немъ.

Но имѣя въ мысляхъ то, чтобы рѣчь текла по желанію, уклонился я отъ цѣли, какую предположилъ въ словѣ своемъ въ началѣ, а именно, что во всякое время должно намъ мыслямъ своимъ полагать цѣль—скорби во всякомъ дѣлѣ, которымъ хотимъ начать путь ко Господу, и конецъ совершенія пути тщательно утверждать на этомъ началѣ. Какъ часто человекъ, когда хочетъ начать что либо ради Господа, спрашиваетъ такъ: „Есть ли въ этомъ покой? Нѣтъ ли возможности удобно пройти симъ путемъ безъ труда? Или, можетъ быть, есть на немъ скорби, причиняющія томленіе тѣлу“? Вотъ какъ вездѣ, горѣ и долу, всѣми мѣрами помогаемъ мы мнѣмаго покоя. Что говоришь ты, человекъ? Желаетъ войти на небо, пріять тамошнее царство, общеніе съ Богомъ, упокоеніе въ тамошнемъ блаженствѣ, общеніе съ ангелами, жизнь безсмертную, и спрашиваетъ: не труденъ ли сей путь? Странное дѣло! Желаютъ того, что есть въ этомъ переходящемъ вѣкѣ, перешиваютъ страшныя волны морскія, отваживаются проходить путями многотрудными,—и вовсе не говорятъ, что есть трудъ или печаль въ томъ, что хотятъ сдѣлать. А мы на всякомъ мѣстѣ допытываемся о покоѣ. Но если во всякое время будемъ представлять въ умѣ путь крестный, то размыслимъ, какая печаль не легче этого пути?

И ужели еще кто не удостоверялся въ томъ, что никто никогда не одержалъ побѣды на брани, никто не получалъ даже тлѣннаго вѣнца, никто не достигъ исполненія своего желанія, хотя бы оно было и похвально, никто не послужилъ ничѣмъ въ дѣлахъ Божіихъ и не преуспѣлъ ни въ одной изъ достохвальныхъ добродѣтелей, если сперва не пренебрегъ трудами скорбей, и не отринулъ отъ себя мысли, побуждающей къ покою, отъ которой раждаются нера-

дѣніе, уныніе, лѣность и боязнь, а отъ нихъ—разслабленіе во всемъ.

Когда умъ возревнуетъ о добродѣтели, тогда и внѣшнія чувства, какъ-то: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе, не уступаютъ надъ собою побѣды такимъ трудностямъ, которыя для нихъ чужды, необычайны, выходятъ изъ предѣла силъ естественныхъ. А если въ какое время обнаружить свою дѣятельность естественная раздражительность, то тѣлесная жизнь бываетъ пренебрегаема паче уметовъ ¹⁾. Ибо когда сердце возревнуетъ духомъ, тѣло не печалится о скорбяхъ, не приходитъ въ боязнь и не сжимается отъ страха, но умъ, какъ адамантъ, своею твердостью противостоитъ въ немъ всѣмъ искушеніямъ. Поревнуемъ и мы духовною ревностію о волѣ Іисусовой, и отгнано будетъ отъ насъ всякое нерадѣніе, поражающее въ мысляхъ нашихъ уныніе; потому что ревность раждаетъ отважность, душевную силу и тѣлесную рачительность. Какая сила бываетъ въ демонахъ, когда душа подвигнетъ противъ нихъ свою природную сильную ревность? А также и усердіе называется порожденіемъ ревности. И когда она приводитъ въ дѣйствіе свою силу, то придаетъ душѣ крѣпость непреодолимую. Да и самые вѣнцы исповѣдничества, какіе пріемлютъ подвижники и мученики за терпѣніе свое, пріобрѣтаются сими двумя дѣланіями—ревности и усердія, которыя поражаются силою естественной раздражительности: они въ лютой скорби мученій не ощущаютъ страданій. Да дастъ Богъ и намъ таксе усердіе благоугождать Ему! Аминь.

С Л О В О 50.

О ПОЛЬЗѢ БѢГСТВА ОТЪ МІРА.

Подлинно упоренъ, труденъ и неудобенъ подвигъ, совершаемый нами среди дѣлъ житейскихъ. Сколько

¹⁾ Соръ выметаемый.

бы человекъ ни могъ содѣлаться непобѣдимымъ и крѣпкимъ, однако, какъ скоро приближается къ нему то, что служитъ причиною прираженія браней и подвиговъ,—не оставляетъ его страхъ, и угрожаетъ ему скорымъ паденіемъ, даже болѣе, нежели при явной брани съ діаволомъ. Поэтому, пока человекъ не удаляется отъ того, отъ чего сердце его приходитъ въ смятеніе, врагу всегда есть удобство напасть на него. И если немного задремлетъ онъ, врагъ легко погубить его. Ибо, когда душа охвачена вредными встрѣчами съ міромъ, самыя встрѣчи сіи дѣлаются для нея острыми рожнами; и она какъ бы естественно побѣждается, когда встрѣтитъ ихъ. И потому древніе Отцы наши, проходившіе сими стезями, зная, что умъ нашъ не во всякое время возможетъ и въ состояніи будетъ неуклонно стоять на одномъ мѣстѣ и блюсти стражу свою, въ иное же время не можетъ и усмотрѣть того, что вредитъ ему, премудро разсуждали, и, какъ въ оружіе, облекались въ нестяжательность, которая, какъ написано, свободна отъ всякихъ боре-ній (чтобы такимъ образомъ своею скудостію человекъ могъ избавиться отъ многихъ грѣхопадений), и ушли въ пустыню, гдѣ нѣтъ житейскихъ занятій, служащихъ причиною страстей, чтобы, когда случится имъ ¹⁾ изнемочь, не встрѣчать причинъ къ паденіямъ, разумѣю же раздраженіе, пожеланіе, злопамятность, славу, но чтобы все это и прочее содѣлала легкимъ пустыня. Ибо ею укрѣпляли и ограждали они себя, какъ непреоборимымъ столпомъ. И тогда каждый изъ нихъ могъ совершить подвигъ свой въ безмолвіи, гдѣ чувства въ встрѣчѣ съ чѣмъ-либо вреднымъ не находили себѣ помощи, для содѣйствія нашему противоборнику. Лучше намъ умереть въ подвигѣ, нежели жить въ паденіи.

¹⁾ Отцамъ.

С Л О В О 51.

О томъ, посредствомъ чего можно человѣку съ измѣненіемъ внѣшняго образа жизни пріобрѣсти измѣненіе въ сокровенныхъ мысляхъ.

Пока человѣкъ пребываетъ въ нестяжательности, непрестанно приходитъ ему на мысль преселеніе изъ жизни; и полагаетъ онъ всегда размышленіе свое о жизни по воскресеніи, во всякое время всячески готовится туда, и пріобрѣтаетъ терпѣніе противъ всякой чести и тѣлеснаго покоя, посѣвимаго въ помыслѣ его ¹⁾; и помыслъ о пренебреженіи міра еже-часно животрепещетъ въ умѣ его; и дерзаетъ онъ умомъ своимъ, и пріобрѣтаетъ во всякое время крѣпкое сердце, чтобы встрѣтить всякую опасность и всякій страхъ, причиняющій смерть; даже не боится и смерти, потому что ежечасно устремляетъ на нее взоръ, какъ на приближающуюся, и ожидаетъ ея; попеченіе же его со всякимъ несомнѣннымъ упованіемъ возвергнуто на Бога. И если встрѣтятся ему скорби, то онъ какъ-бы увѣренъ и точно знаетъ, что скорби доставятъ ему вѣнецъ; и терпитъ ихъ со всякою радостію, принимаетъ ихъ съ веселіемъ и радованіемъ. Ибо знаетъ, что Самъ Богъ по причинамъ полезнымъ предназначаетъ ему оныя въ Своемъ неявномъ промыслѣнн о недовѣдомомъ для насъ.

Если же случится ему, по дѣйствию и ухищренію онаго мудреца на всякое зло, по какой либо причинѣ пріобрѣсти что-либо преходящее, то въ сей-же самый часъ въ душѣ его начинается пробуждаться любовь къ тѣлу; помышляетъ онъ о долгой жизни; ежечасно въ немъ возникаютъ и приходятъ въ силу помыслы о плотскомъ покоѣ, превозмогаетъ надъ нимъ тѣлесное, и изыскиваетъ самъ въ себѣ, невозможно ли ему, какимъ бы то ни было образомъ, имѣть у себя все, что составляетъ для него этотъ покой, и выходитъ онъ изъ этой свободы, не покоряющейся

¹⁾ Сопротивляясь внушеніямъ честолюбія и самоупокоенія.

какому-либо помыслу страха; отсюда при всякомъ случаѣ останавливается онъ на мысляхъ, приводящихъ въ боязнь, и придумываетъ причины къ страху, потому что отнята у него эта твердость сердца, какую приобрѣлъ онъ, когда въ своей нестяжательности былъ выше міра, и какою обогащался въ душѣ своей, такъ какъ сталъ онъ наслѣдникомъ міра сего, по мѣрѣ того, что приобрѣлъ. Подвергается же онъ страху по закону и домостроительству, опредѣленному Богомъ. На служеніе чему уготованы бываютъ члены наши, тому и порабощаемся и, по слову Апостола, повинны бываемъ работать со всякимъ страхомъ (Рим. 6, 16, Евр. 2, 15).

Прежде всѣхъ страстей—самолюбіе; прежде всѣхъ добродѣтелей—пренебреженіе покоемъ. Кто тѣло свое передаетъ покою, тотъ въ странѣ мира причиняетъ ему скорбь. Кто наслаждается въ юности своей, тотъ дѣлается рабомъ ¹⁾ въ старости и воздыхаетъ въ послѣдніе дни свои. Какъ тому, у кого голова въ водѣ, невозможно вдыхать въ себя тонкаго воздуха, вливающегося въ это пустое нѣдро ²⁾, такъ и тому, кто погружаетъ мысль свою въ здѣшнія заботы, невозможно вдыхать въ себя ощущеній онаго новаго міра. Какъ воня смерти разстроиваетъ тѣлесный составъ, такъ и непристойное зрѣлище—миръ ума. Какъ невозможно, чтобы въ одномъ тѣлѣ были здравіе и болѣзнь, и одно не уничтожалось другимъ, такъ невозможно, чтобы въ одномъ домѣ было изобиліе денегъ и любовь ³⁾, и одно изъ нихъ не уничтожало другого. Какъ стекло не можетъ оставаться цѣлымъ при столкновеніи съ камнемъ, такъ и святой, когда бѣваетъ, остается и бесѣдуетъ съ женою, не можетъ пребыть въ чистотѣ своей и не оскверниться. Какъ съ корнемъ вырываются деревья сильнымъ и постояннымъ потокомъ водъ, такъ искореняется и любовь къ міру въ сердцѣ притокомъ искушеній, устремленныхъ на тѣло.

¹⁾ Страстей.

²⁾ Во внутренность его.

³⁾ Къ ближнимъ.

Какъ лѣкарства истребляютъ нечистоту худыхъ соковъ въ тѣлѣ, такъ и жестокость скорбей очищаетъ сердце отъ лукавыхъ страстей. Какъ мертвецъ не можетъ чувствовать дѣла живыхъ, такъ и душа инока, погребеннаго въ безмолвіи, какъ въ гробѣ, лишена того вѣянiя, какое обыкновенно, на подобіе дыма, появляется при ощущеніи чего бы то ни было, находящагося въ употребленіи у людей. Какъ невозможно остаться невредимымъ тому, кто щадитъ своего врага во время битвы, такъ невозможно и подвижнику душу свою избавитъ отъ гибели, если щадитъ онъ тѣло свое ¹⁾. Какъ дитя поражается страшными зрѣлищами и, убѣжавъ (отъ нихъ), держится за края одежды своихъ родителей, призывая ихъ на помощь, такъ и душа, въ какой мѣрѣ утѣсняется и сокрушается страхомъ искушеній, спѣшитъ прилѣпиться къ Богу, призывая Его въ непрестанной молитвѣ. И пока искушенія продолжаютъ одно за другимъ нападать на нее, умножаетъ моленіе; и, напротивъ, когда получаетъ освобожденіе, предается паренію мыслей.

Какъ предаваемымъ въ руки судей для наказанія за злодѣянiе, если они, какъ скоро приближаются къ пыткамъ, смиряются и немедленно сознаются въ неправдѣ своей, наказаніе уменьшается, и вскорѣ по малыхъ скорбяхъ освобождаются они; если же какіе преступники бываютъ упорны и не сознаются, то подвергаютъ ихъ новымъ пыткамъ, и хотя напоследокъ, послѣ многихъ истязаній, когда тѣло ихъ покрыто бываетъ ранами, и сознаются они невольно, но не получаютъ отъ того никакой пользы: такъ и мы, когда за прегрѣшенія наши, неосмотрительно нами сдѣланныя, милосердіе ²⁾ передаетъ насъ въ руки праведнаго всѣхъ Судіи и повелѣваетъ распростереть насъ подъ жезлъ искушеній, чтобы облегчить тамошнее наказаніе наше, если, какъ скоро приблизится къ намъ жезлъ Судіи, смиримся, вспомнимъ

¹⁾ Подаяніемъ ему излишняго покоя.

²⁾ Боже, для пользы нашей.

свои неправды и принесемъ въ нихъ исповѣданіе предъ Отмстителемъ ¹⁾, по кратковременныхъ искушеніяхъ вскорѣ избавимся; а если ожесточимся въ скорбяхъ своихъ, и не исповѣдуемъ, что мы повинны имъ и достойны потерпѣть еще и большія сихъ (скорби), но станемъ обвинять людей, а иногда бѣсовъ, въ иное же время и Божію правду, и утверждать, что мы не заслуживаемъ такихъ дѣлъ, и это будемъ помышлять и говорить, а не помыслимъ, что Богъ лучше насъ самихъ знаетъ и вѣдаетъ насъ, что суды Его по всей землѣ, и безъ Его повелѣнія не наказывается человѣкъ,—то все случающееся съ нами будетъ причинять намъ непрестанную печаль, скорби наши увеличатся, и одна послѣ другой будутъ онѣ, подобно веревкѣ, связывать насъ, пока не познаемъ себя, не смиримся и не почувствуемъ беззаконій своихъ (ибо, не почувствовавъ ихъ, невозможно намъ дойти до исправленія); и на послѣдокъ, томимые множествомъ скорбей, безъ пользы для себя будемъ приносить исповѣданіе, когда, обыкновенно, уже не бываетъ утѣшенія. Но сіе —восчувствовать грѣхи свои—есть Божіе дарованіе, входящее въ нашу мысль, когда Богъ видитъ, что утомлены мы многообразными искушеніями, чтобы, при всѣхъ несчастіяхъ и скорбяхъ нашихъ, не отойти намъ изъ міра сего, не получивъ никакой пользы. И то, что не уразумѣваемъ искушеній, бываетъ не по трудности ²⁾, но отъ неразумія. Нерѣдко иные, находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, отходятъ изъ міра сего виновными и не исповѣдующимися въ своихъ грѣхахъ, но отрицающимися отъ нихъ, и обвиняющими ³⁾; милосердый же Богъ ожидалъ, не смирятся ли они какъ-нибудь, чтобы простить ихъ и сотворить имъ избавленіе; и не только сотворилъ бы избавленіе ихъ отъ искушеній, но простилъ бы имъ и прегрѣше-

¹⁾ Предъ Богомъ.

²⁾ Для разумѣнія ихъ.

³⁾ Другихъ или Бога.

нія, умилюстивившись и малымъ сердечнымъ исповѣданіемъ.

Какъ иной человѣкъ, принеся великій даръ царю, награждается отъ него ласковымъ взоромъ, такъ и тому, кто имѣетъ въ молитвѣ своей слезы, великій Царь вѣковъ, Богъ, прощаетъ всякую мѣру грѣхопаденій и награждаетъ его благоволительнымъ взоромъ. Какъ овца, выходя изъ ограды и скитаясь отдѣльно ¹⁾, останавливается у логовища волковъ, такъ и монахъ, отлучающійся отъ собранія друзей своихъ, подъ предлогомъ пребыванія на безмолвіи, постоянно приходитъ, и уходитъ, и приближается къ зрѣлищамъ и театральнымъ позорищамъ, проходя по городамъ.

Какъ человѣкъ, который на раменахъ своихъ несетъ многоцѣнную жемчужину и идетъ путемъ, на которомъ есть разбойники, и о которомъ носится худая молва, ежечасно бываетъ въ страхѣ, чтобы не подвергнуться нападенію, такъ и тотъ, кто несетъ бисеръ цѣломудрія и шествуетъ въ мірѣ по вражескому пути, не имѣетъ надежды избавиться отъ разбойниковъ и расхитителей, пока не придетъ въ обитель гроба, т. е. въ страну упованія. И можетъ ли не страшиться тотъ, кто несетъ съ собою драгоцѣнную жемчужину? Такъ и этотъ не знаетъ, въ какомъ мѣстѣ, откуда и въ какой часъ нападутъ на него, и лишатъ его внезапно надежды его ²⁾, и въ дверяхъ дома своего, т. е. во время старости своей, будетъ онъ ограбленъ.

Какъ человѣкъ, который пьетъ вино въ день плача, упившись, забываетъ всякую печаль о своемъ трудномъ положеніи, такъ и упоенный любовію Божіею, въ семъ мірѣ, который есть домъ плача, забываетъ всѣ свои труды и печали, и по причинѣ своего упоенія дѣлается нечувствительнымъ ко всѣмъ грѣховнымъ страстямъ. Сердце его подкрѣпляется надеждою на Бога; душа его легка, какъ пернатая птица; умъ его ежечасно возносится отъ земли, превыше

1) Отъ своего стада.

2) Сохраненія цѣломудрія.

всего человѣческаго, паритъ приснопоученіемъ помысловъ своихъ и наслаждается среди безсмертныхъ у Всевышняго. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 52.

О НОЩНОМЪ БДѢНІИ И О РАЗЛИЧНЫХЪ СПОСОБАХЪ ЕГО ДѢЛАНІЯ.

Когда пожелаешь стать на служеніе бдѣнія, тогда, при содѣйствіи Божіемъ, поступи, какъ скажу тебѣ. Преклони по обычаю колѣна твои, и возстань; и не тотчасъ начинай службу твою, но, когда помолишься сперва, и совершишь молитву ¹⁾, и назнаменуешь сердце свое и члены свои животворящимъ знаменіемъ креста, стой нѣсколько времени молча, пока успокоятся чувства твои и утишатся помыслы твои. Послѣ сего возведи внутренній взоръ свой ко Господу, и съ печалію умоляй Его укрѣпить немощь твою, чтобы стихословіе твое и мысли сердца твоего содѣлались благоугодными святой Его волѣ. И скажи безмолвно въ молитвѣ сердца своего такъ:

„Господи Іисусе, Боже мой, призирающій на тварь Свою, Ты, Которому явны страсти мои, и немощь естества нашего, и сила супостата нашего, Ты Самъ укрой меня отъ злобы его, потому что сила его могущественна, а естество наше бѣдственно, и сила наша немощна. Посему Ты, Благій, Который знаешь немощь нашу, и понесъ на Себѣ трудности нашего безсилія, сохрани меня отъ мятежа помысловъ и отъ потопа страстей, и содѣлай меня достойнымъ сей святой службы, чтобы мнѣ страстями своими не растлечь ея сладости и не оказаться предъ Тобою безстыднымъ и дерзкимъ“.

Должно же намъ со всею свободою вести себя во время службы нашей безъ всякой дѣтской и смущенной мысли. А если увидимъ, что времени немного,

¹⁾ Начальную.

и до окончанія службы застигнетъ насъ утро, то по доброй волѣ съ вѣдѣніемъ оставимъ изъ обычнаго правила одну или двѣ славы, чтобы не было мѣста смятенію, чтобы не утратить вкуса къ службѣ нашей, и не читать не въ должномъ порядкѣ псалмы перваго часа.

Если, когда отправляешь службу, помыслъ заговорить въ тебѣ и станетъ тебѣ нашептывать: „поспѣши нѣсколько, ибо дѣла у тебя много; скорѣе освободишься“, ты не приобщайся къ сему помыслу. А если сильнѣе будетъ беспокоить тебя этимъ, то воротись тотчасъ назадъ на одну славу, или на сколько хочешь, и каждый стихъ, заключающій въ себѣ видъ молитвы ¹⁾, съ размышленіемъ повторяй многократно. И если опять будетъ смущать и стѣснять тебя помыслъ, оставь стихословіе, преклони колѣна на молитву и скажи: „желаю не слова вычислять, но обителей достигнуть; ибо всякою стезею, какою ни поведешь меня, пойду скоро“. Оный народъ, слившій тельца въ пустынѣ, сорокъ лѣтъ ходилъ по ней, переходя горы и холмы, восходя на нихъ и нисходя съ нихъ, а землю обѣтованія не видѣлъ даже издалека.

Если же, когда пребываешь во бдѣніи, продолжительное стояніе одолеваетъ тебя своею долговременностію, и изнеможешь отъ безсилія, и скажетъ тебѣ помыслъ, вѣрнѣе же сказать, злохитренный проговорить въ помыслѣ, какъ въ зміи: „окончи, потому что не можешь стоять“, то отвѣчай ему: „нѣтъ; но посижу одну каѳизму ²⁾, и это лучше сна. И если языкъ мой молчитъ и не выговариваетъ псалма, умъ же поучается съ Богомъ въ молитвѣ и въ собесѣдованіи съ Нимъ, то бодрствованіе полезнѣе всякаго сна“. Бдѣніе не есть всецѣло ни стояніе, ни стихословіе однихъ псалмовъ. Напротивъ того, иной всю ночь проводитъ въ псалмахъ, другой—въ покаяніи,

1) Въ сирійскомъ текстѣ: „весь стихъ, заключающій въ себѣ полный смыслъ“.

2) Т. е. прочту сядя.

молитвахъ умиленныхъ и земныхъ поклонахъ, а иной—въ слезахъ и рыданіи о своихъ грѣхахъ. Объ одномъ изъ нашихъ Отцевъ говорятъ, что сорокъ лѣтъ молитву его составляла одна рѣчь: „я согрѣшилъ, какъ человѣкъ, Ты же прости, какъ Богъ“. И Отцы слышали, какъ онъ съ печалію твердилъ этотъ стихъ, а между тѣмъ плакалъ и не умолкалъ; и сія одна молитва была у него вмѣсто службы днемъ и ночью. И еще, иной немного вечеромъ стихословить, остатокъ же ночи проводить въ пѣніи тропарей, а другой—въ славословіи и чтеніи. Иной ставитъ себѣ правиломъ не преклонять колѣнъ, подобно тому, на кого нападалъ блудный помыслъ¹⁾. Богу же нашему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 53.

О томъ, какую честь имѣетъ смиренномудріе, и какъ высока степень его.

Хочу отверсть уста мои, братія, и говорить о высококомъ предметѣ, о смиренномудріи; но исполняюсь страхомъ, какъ и тотъ, кто знаетъ, что намѣревается бесѣдовать о Богѣ по своему собственному разуму. Смиренномудріе есть одѣяніе Божества. Въ него облечлось вочеловѣчившееся Слово и чрезъ него приобщилось намъ въ тѣлѣ нашемъ. И всякій, облеченный въ оное, истинно уподобился Нисшедшему съ высоты Своей, сокрывшему добродѣтель величія Своего и славу Свою прикрывшему смиренномудріемъ, чтобы тварь не была попалена видѣніемъ сего. Ибо тварь не могла бы взирать на Него, если-бы не воспріялъ Онъ части отъ нея²⁾, и такимъ образомъ сталъ бесѣдовать съ нею; не могла бы и услышать словесъ изъ устъ Его лицомъ къ лицу. Потому-то и сыны Израилевы не могли слышать гласа Его, когда гла-

1) Преп. Моисей Муринъ.

2) Человѣческую природу.

голалъ къ нимъ изъ облака, и сказали Моисею: „съ тобою пусть глаголетъ Богъ, и ты возвѣсти намъ слова Его, и *да не глаголетъ къ намъ Богъ, да не когда умремъ*“ (Исх. 20, 19).

Да и какъ тварь могла открыто пріять лицезрѣніе Его? Видѣніе Божіе такъ страшно, что и ходатай ¹⁾ сказалъ: *присрашенъ есмь и трепетенъ* (Евр. 12, 21); потому что на горѣ Синайской явилась сія добродѣтель славы; гора дымилась и колебалась отъ страха бывшаго на ней откровенія, такъ что и звѣри, приближавшіеся къ низшимъ частямъ горы, умирали; а сыны Израилевы, очистивъ себя, по повелѣнію Моисееву, три дня уготовлялись и снаряжались, чтобы сдѣлаться достойными слышать гласъ Божій и видѣть Божіе откровеніе; но, когда наступило время, не могли пріять ²⁾ видѣнія свѣта Его и крѣпости гласа громовъ Его.

Нынѣ же, когда пришествіемъ Своимъ изліялъ благодать Свою на міръ, то не въ трусѣ, не въ огнѣ, не въ гласѣ страшномъ и крѣпкомъ снисшелъ Онъ, но—какъ дождь на руно и какъ капля, тихо капающая на землю, и видимъ былъ бесѣдующимъ съ нами инымъ способомъ, т. е. когда Онъ какъ бы въ сокровищницѣ утаилъ величіе Свое подъ завѣсою плоти (Евр. 10, 20) и среди насъ бесѣдовалъ съ нами въ ней, содѣлавъ ее Себѣ мановеніемъ Своимъ въ лонѣ Дѣвы и Богородицы Маріи, дабы мы, видя, что Онъ съ нами бесѣдуетъ, какъ единый изъ нашего рода, не ужасались при воззрѣніи на Него.

Поэтому всякій, кто облекся въ то одѣяніе ³⁾, въ которомъ видимъ былъ Самъ Творецъ, облекшись въ тѣло наше, тотъ облекся въ Самого Христа; потому что и онъ пожелалъ облечься, по внутреннему своему чловѣку, въ то подобіе, въ какомъ Христосъ видимъ былъ твари Своей и пожилъ съ нею, и въ этомъ подобіи онъ видимъ бываетъ своимъ сорабамъ, и

¹⁾ Пророкъ Моисей.

²⁾ Стерпѣть, вынести.

³⁾ Смиренія.

симъ украсился онъ вмѣсто одѣянiя чести и внѣшней славы. Посему тварь, словесная и безсловесная, взирая на всякаго человѣка, облеченнаго въ сіе подобіе, поклоняется ему, какъ владыкѣ, въ честь Владыки своего, Котораго видѣла облеченнымъ въ это же подобіе и въ немъ пожившимъ. Ибо какая тварь не будетъ благоговѣть, взирая на смиренномудраго? Впрочемъ, пока слава смиренномудрiя не была всѣмъ открыта, пренебрегаемо было это исполненное святости зрѣлище. Нынѣ же возсіяло величіе его предъ очами міра, и всякій человѣкъ чтитъ подобіе сіе, гдѣ бы оно ни видѣлось. Въ семъ средствѣ сподобилась тварь прiять видѣніе Творца и Зиждителя своего. Потому не презирается оно ¹⁾ и врагами истины, и хотя бы прiобрѣтшій оное былъ скуднѣе всякой твари, однакожъ обучившійся ему, какъ вънцемъ и порфирію, украшается имъ.

Смиренномудраго никогда человѣкъ не преслѣдуетъ ненавистію, не уязвляетъ словомъ и не презираетъ его. Поелику любитъ его Владыка его, то всѣми любимъ онъ. И онъ всѣхъ любитъ, и его всѣ любятъ. Всѣ желаютъ его, и на всякомъ мѣстѣ, куда ни приближается, взираютъ на него, какъ на ангела свѣта, и воздаютъ ему честь. Если и начнутъ рѣчь мудрый или наставникъ, то они умолкнутъ, потому что мѣсто говорить уступаютъ смиренномудрому. Очи всѣхъ устремлены на его уста, въ ожиданіи, какое слово изыдетъ изъ нихъ. И всякій человѣкъ ожидаетъ словесъ его, какъ словесъ Божіихъ. Его краткое слово то же, что слова мудрецовъ, въ которыхъ они излагаютъ мысли свои. Слова его сладостны слуху мудрыхъ болѣе, нежели сотъ и медъ для гортани. Всѣ пріемлютъ его, какъ Бога, хотя онъ и неучень въ словѣ своемъ, уничиженъ и невзраченъ по виду своему.

Кто презрительно говоритъ о смиренномудромъ и не признаетъ его за человѣка, тотъ какъ бы на Бога отверзаетъ уста свои. Но, между тѣмъ какъ въ очахъ

1) Смиренномудріе.

его пренебрегается смиренный, у всякой твари соблюдается честь ему. Приближается ли смиренномудрый къ губительнымъ ¹⁾ звѣрямъ,—и, едва только обратятъ взоръ свой на него, укрощается свирѣпость ихъ; они подходятъ къ нему, какъ къ своему владыкѣ, поникаютъ своими главами, лижутъ руки и ноги его: потому что ощутили отъ него то благоуханіе, какое исходило отъ Адама до его преступленія, когда звѣри собраны были къ Адаму, и нарекалъ онъ имъ имена въ раю. Это отнято было у насъ; но обновилъ и даровалъ намъ сіе паки пришествіемъ Своимъ Іисусъ. Симъ-то и помазано благоуханіе человѣческаго рода. Приближается ли также смиренномудрый къ смертоноснымъ гадамъ,—и, едва только приблизится ощущение руки его, и коснется ихъ тѣла, прекращается ѣдкость и жестокость смертоносной ихъ горечи, и своими руками давитъ ихъ, какъ саранчу. Приближается ли онъ къ людямъ,—и внимаютъ ему, какъ Господу. И что говорю о людяхъ? Даже демоны, при всей наглости и злобѣ своей, при всей высококовѣности гордыни своей, приближаясь къ нему, дѣлаются, какъ прахъ; вся злоба ихъ теряетъ силу, разрушаются козни ихъ, бездѣйственными остаются злоухищренія ихъ.

Теперь, поелику показали мы величіе чести смиренію отъ Бога и сокрытую въ немъ силу, то покажемъ уже, что́ есть самое смиреніе, и когда человѣкъ удостоивается пріять оное въ томъ совершенствѣ, какого оно достигаетъ. Сдѣлаемъ также различіе между смиренномудрымъ по видимости и между сподобившимся истиннаго смиренномудрія.

Смиреніе есть нѣкая таинственная сила, которую, по совершеніи всего Божественнаго житія, воспріемлютъ совершенные святые. И не иначе, какъ только однимъ совершеннымъ въ добродѣтели, сила сія дается силою благодати, поскольку они естествомъ могутъ принять по опредѣленію Божію: потому что добродѣтель сія заключаетъ въ себѣ все. Поэтому не всякаго

¹⁾ Хищнымъ.

человѣка, кто бы онъ ни былъ, можно почитать смиренномудрымъ, но однихъ сподобившихся сего, сказаннаго нами, чина.

Не всякій, кто по природѣ скромень и безмолвень, или благоразумень, или кротокъ, достигъ уже степени смиренномудрія. Но истинно смиренномудръ тотъ, кто имѣетъ въ сокровенности нѣчто достойное гордости, но не гордится и въ помыслѣ своемъ вмѣняетъ это въ прахъ. Да и того, кто смиряется при воспоминаніи грѣхопаденій и проступковъ и памятуетъ оныя, пока не сокрушится сердце его, и умъ его при воспоминаніи о нихъ, не снизойдетъ съ высоты горделивыхъ мыслей,—хотя и сіе похвально—не назовемъ смиренномудрымъ, потому что есть еще въ немъ горделивый помыслъ, и не пріобрѣлъ онъ смиренія, а только ухищряется приблизить его къ себѣ. И хотя, какъ сказалъ я, и сіе похвально, однакоже смиреніе еще не принадлежитъ ему; желаетъ онъ только смиренія, но смиренія нѣтъ у него. Совершенно же смиренномудръ тотъ, кто не имѣетъ нужды мудрованіемъ своимъ изобрѣтать способы быть смиренномудрымъ, но во всемъ этомъ совершенно и естественно имѣетъ смиреніе безъ труда; и хотя пріялъ онъ въ себя нѣкое дарованіе великое и превышающее всю тварь и природу, но на себя смотритъ, какъ на грѣшника, на человѣка, ничего не значащаго, и презрѣннаго въ собственныхъ своихъ глазахъ; и хотя вошелъ онъ въ тайны всѣхъ духовныхъ существъ и во всей полнотѣ совершенъ сталъ въ мудрости всей твари, самъ себя признаетъ ничего не значащимъ. И этотъ, не ухищренно, но безъ принужденія таковъ въ сердцѣ своемъ.

Возможно ли человѣку содѣлаться такимъ, и по природѣ такъ измѣнить себя, или нѣтъ?

Итакъ, не сомнѣвайся, что пріятая человѣкомъ сила таинствъ совершаетъ въ немъ это, во всякой добродѣтели, безъ его трудовъ. Это есть сила, которую пріяли блаженные Апостолы въ видѣ огня. Для нея-то заповѣдалъ имъ Спаситель *отъ Иерусалима не отлучатися*, пока не пріимутъ силы свыше (Дѣян.

1, 4). Іерусалимъ сей есть добродѣтель, сила—смирение, а сила свыше—Утѣшитель, т. е. Духъ утѣшенія. Сіе-то и значитъ сказанное о Немъ въ Божественномъ Писаніи, что тайны открываются смиренномудрымъ. Сего же Духа откровеній, показующаго тайны, сподобляются пріимать внутрь себя смиренномудрые. Посему-то и сказано нѣкоторыми святыми, что смирение усовершенствуетъ душу Божественными созерцаніями.

Итакъ, да не осмѣлится человѣкъ помыслить въ душѣ своей, что самъ собою пришелъ онъ въ мѣру смиренномудрія, и ради одного помысла умиленія, возникшаго въ немъ въ нѣкое время, или за малыя слезы, истекшія у него, или за одно какое-либо доброе свойство, которое имѣетъ онъ по естеству или которымъ овладѣлъ съ усиліемъ,—пріобрѣлъ онъ то, что составляетъ полноту всѣхъ тайнъ, что служитъ хранилищемъ всѣхъ добродѣтелей, и все это, говорю, пріобрѣлъ малыми дѣлами, а не симъ дарованіемъ. Напротивъ того, если человѣкъ побѣдилъ всѣхъ сопротивныхъ духовъ, и изъ дѣлъ всякой добродѣтели не осталось ни одного, котораго бы не совершилъ явно и не пріобрѣлъ, если побѣдилъ и покорилъ всѣ твердыни сопротивниковъ, и послѣ этого ощутилъ въ себѣ духомъ, что пріялъ сіе дарованіе, когда, по слову Апостола, *Духъ спослушествуетъ духови* его (Рим. 8, 16),—то сіе есть совершенство смиренномудрія. Блаженъ, кто пріобрѣлъ его; потому что ежечасно лобызаетъ и объемлетъ онъ нѣдро Іисусово.

Если же спросить человѣкъ: „Что мнѣ дѣлать? Какъ пріобрѣсти? Какимъ способомъ содѣлаться достойнымъ пріяты смирение? Вотъ принуждаю самъ себя, и, какъ скоро подумаю, что пріобрѣлъ оное, вижу, что вотъ противныя ему мысли обращаются въ моемъ умѣ, и отъ того владаю теперь въ отчаяніе“.

Сему вопрошающему такой данъ будетъ отвѣтъ: *довлѣетъ ученику содѣлаться подобнымъ учителю своему, рабу—подобнымъ господину своему* (Матѣ. 10, 25). Смотри, какъ пріобрѣлъ смирение Тотъ, Кто заповѣдалъ оное и даруетъ сіе дарованіе, и подражай, и обрѣтешь его. Онъ сказалъ: *грядетъ сего міра князь, и*

во *Мнѣ* не обрѣтетъ *ничесоже* (Іоан. 14, 30). Видишь ли, какъ при совершенствѣ всѣхъ добродѣтелей приобрѣсти смиреніе? Поревнуемъ Сему давшему заповѣдь. Онъ говоритъ: *лиси язины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не имать, гдѣ главы поклонити* (Матѣ. 8, 20). Говоритъ же сіе Тотъ, Кто отъ всѣхъ, во всякомъ родѣ совершенныхъ, освященныхъ и достигшихъ полноты, имѣетъ славу, вмѣстѣ со Отцемъ, Его пославшимъ, и со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 54.

О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ, ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ.

Вопросъ. Хорошо ли удаляться отъ всего, что раздражаетъ страсти? И такое бѣгство, когда душа избѣгаетъ браней и избираетъ себѣ покой, побѣдою ли признается, или поражениемъ души?

Отвѣтъ. Отвѣтимъ на это кратко. Иноку всячески должно избѣгать всего, что раздражаетъ въ немъ лукавыя страсти, особенно—отсѣкать въ себѣ причины страстей и то, чѣмъ приводятся въ дѣйствіе, и отъ чего возрастаютъ, хотя бы то самыя малыя страсти. Если же настанетъ время противостать страстямъ и бороться съ ними, когда ставятся намъ сѣти въ духовномъ созерцаніи ¹⁾, то сдѣлаемъ это не шутя, но искусно. И человѣку всегда должно отвращать мысль свою отъ страстей къ естественному добру, какое Создателемъ вложено въ природу, хотя діаволь и извратилъ истину лукавымъ искушениемъ. И если прилично такъ сказать, то ему должно бѣгать не только отъ докучливости страстей, но и отъ чувствъ своихъ, и погружаться во внутренняго своего чело-вѣка, и тамъ уединенно пребывать, непрестанно дѣлая въ виноградникѣ сердца своего, пока не приве-

¹⁾ Когда тонко бываемъ искушаемы при видѣніи духовномъ.

детъ онъ дѣлѣ въ согласіе съ монашескимъ именемъ, нареченнымъ ему въ сокровенности его и явно. И можетъ быть, что симъ пребываніемъ близъ внутренняго человѣка придемъ въ совершенное соединеніе съ вѣдѣніемъ нашей надежды, живущаго въ насъ Христа. Ибо, когда умъ нашъ пребываетъ тамъ ¹⁾ уединенно и отшельнически, тогда не онъ уже ведетъ брань со страстями, но благодать; развѣ только и самыя страсти не приходятъ въ немъ въ дѣйствіе ²⁾.

Вопросъ. Если человѣкъ что дѣлаетъ ради душевной чистоты, а другіе, не понимая, соблазняются его духовнымъ житіемъ, то должно ли ему удаляться Божественнаго своего житія по причинѣ соблазна, или дѣлать, что полезно для его намѣренія, хотя то и соблазнительно для взирающихъ на него?

Отвѣтъ. Скажемъ и о семъ, что, если кто по правиламъ, какія принялъ отъ бывшихъ прежде него Отцевъ, дѣлаетъ что-либо служащее къ очищенію ума его, и предположилъ въ себѣ эту цѣль—достиженіе чистоты, а другіе, не знающіе, соблазняются его намѣреніемъ, то въ отвѣтственности не онъ, а соблазняющіеся. Не для того онъ воздерживается, или постится, или живетъ въ строгомъ затворничествѣ, и дѣлаетъ, что полезно для его цѣли, чтобы другіе соблазнялись, но для того, чтобы очистить умъ свой. А соблазняющіеся порицаютъ его по незнанію цѣли житія его и погрѣшаютъ противъ истины, потому что, пребывая въ нерадѣніи, неспособны были уразумѣть ту духовную цѣль, какую предположилъ онъ себѣ, т. е. чистоту своей души. О нихъ блаженный Павелъ написалъ, говоря: *слово крестное погибающимъ убо юродство есть* (1 Кор. 1, 18). Что же теперь? Поелику слово крестное сими, не ощутившими силы слова, вмѣнено было въ юродство, то Павлу должно ли было молчать, а не проповѣдывать? Но вотъ и доннынѣ ученіе крестное служитъ преткновеніемъ и со-

¹⁾ Во внутреннемъ дѣлавіи.

²⁾ Впрочемъ, и самыя страсти движутся въ немъ не такъ сильно, чтобы могли побуждать его къ исполненію ихъ на дѣлѣ.

блзномъ для іудсевъ и для еллиновъ; поэтому и намъ молчать объ истинѣ, чтобы они не соблазнялись? Но Павелъ не только не молчалъ, но даже громко взывалъ, говоря: *мнѣ да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. 6, 14). Сія хвала о крестѣ высказана святымъ не для того, чтобы другихъ соблазнить, но потому, что велика проповѣдуемая сила Креста. Посему и ты, святой, совершай житіе свое сообразно съ тою цѣлью, какую предположилъ себѣ предъ Богомъ, въ чемъ не осуждается совѣсть твоя, и житіе свое испытывай по Божественнымъ Писаніямъ и по тѣмъ заповѣдямъ, какія принялъ ты отъ святыхъ Отцевъ ¹⁾. И если не будешь обвиняемъ ²⁾ ими, то не бойся того, чѣмъ соблазнились другіе. Ибо ни одинъ человѣкъ не можетъ всѣхъ равно освѣдомить ³⁾, или всѣмъ угодить, и (въ то же время) въ сокровенности своей поработать Богу ⁴⁾.

Блаженъ тотъ монахъ, о блаженный, который дѣйствительно стремится къ чистотѣ души своей всею силою своею и тѣмъ законнымъ путемъ, какимъ шествовали къ чистотѣ Отцы наши, по тѣмъ степенямъ ея, по какимъ они восходили по чину и степени, и онъ возвысится до приближенія къ ней въ премудрости и терпѣніи скорби, а не по чуждымъ степенямъ ухищреній ⁵⁾.

Чистота души есть первоначальное дарованіе естеству нашему. Безъ чистоты отъ страстей душа не врачуется отъ недуговъ грѣха, и не пріобрѣтаетъ славы, утраченной преступленіемъ. Если же кто сподобился очищенія, т. е. душевнаго здравія, то умъ его дѣйствительно и на самомъ дѣлѣ пріемлетъ въ себя радость духовнымъ чувствомъ; ибо дѣлается онъ сыномъ Божіимъ и братомъ Христовымъ, и не

1) Согласно ли оно съ ними.

2) Обличень въ противномъ.

3) О себѣ.

4) Творить угодное Богу.

5) Двѣствій неправильныхъ.

имѣеть времени ¹⁾ ощущать встрѣчающееся съ нимъ доброе и худое.

Да дастъ намъ Богъ познать волю Его, чтобы, всегда ее исполняя, прійти намъ въ вѣчный Его покой, по благодати и челоуѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому подобаеть всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и во вѣки безпредѣльныхъ вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 55.

ПОСЛАНІЕ

къ преподобному Симеону чудотворцу.

Посланіе твое, святыи, не просто начертанныя слова; напротивъ того, въ немъ, какъ въ зеркалѣ, изобразилъ и показалъ ты любовь свою ко мнѣ. И какъ представлялъ ты меня себѣ, такъ и написалъ, и самымъ дѣломъ показалъ, что любишь меня чрезмѣрно, а потому, отъ сильной любви, позабылъ и мѣру мнѣ. Ибо, что я долженъ былъ написать твоему преподобію, и о чемъ мнѣ, если-бы у меня было попеченіе о своемъ спасеніи, надлежало у тебя спрашивать, и узнать отъ тебя истину, о томъ предупредилъ ты написать мнѣ, по великой любви. А можетъ быть, сдѣлалъ это и по ухищренію любомудрія, чтобы тонкими и духовными вопросами, которые ты мнѣ предлагаешь, пробудить душу мою отъ нерадѣнія, въ какое глубоко она была погружена. Впрочемъ и я, по этой любви, по которой забылъ ты мѣру мнѣ, забываю свою скудость, а потому обращаю вниманіе не на то, къ чему могу быть способенъ, но на то, что можетъ сдѣлать твоя молитва. Ибо, когда я забуду мѣру себѣ, а ты молитвами своими упросишь Бога, чтобы совершилось прошеніе твое, тогда, безъ сомнѣнія, чего просилъ ты въ молитвѣ, дано это будетъ отъ Бога тебѣ, какъ искреннему Его служителю.

¹⁾ Отъ оной неизреченной духовной радости, рождающейся отъ чистоты.

ИТАКЪ, ПЕРВЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПОСЛАНИИ ТВОЕМЪ СЛѢДУЮЩІЙ:

Вопросъ: Должно ли сохранять всѣ заповѣди Господни, и нѣтъ ли способа спастись не сохраняющему ихъ?

Отвѣтъ. Объ этомъ, какъ мнѣ кажется, нѣтъ нужды кому-либо и спрашивать. Ибо, хотя заповѣдей и много, однакоже должно сохранять ихъ. Въ противномъ случаѣ, Спасителю не нужно было бы и давать ихъ, потому что Владыка, какъ думаю, ничего не сказалъ и не сдѣлалъ лишняго, на что не было бы причины, и въ чемъ не имѣлось бы нужды. Ибо цѣлю пришествія Его, когда далъ намъ животворящія заповѣди Свои, какъ очистительныя врачества въ нашемъ страстномъ состояніи, было то, чтобы очистить душу отъ зла, произведеннаго первымъ преступленіемъ и возстановить ее въ первобытное ея состояніе. Что́ врачества—для больного тѣла, то́ заповѣди—для страстной души. И явно, что заповѣди были даны противъ страстей, для уврачеванія преступной души, какъ ясно говоритъ Господь ученикамъ Своимъ: *имѣй заповѣди Моя, и соблюдая ихъ, тойъ есть любяй Мя; а любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ. И къ нему придемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 21. 23). И еще: *о семъ разумѣте мѣръ, яко Мои ученицы есте, аще любите другъ друга* (Іоан. 13, 35). Ясно же, что любовь можетъ быть приобрѣтена послѣ душевнаго здравія; а душа, не сохранившая заповѣдей, не есть здравая.

Храненіе заповѣдей еще ниже духовной любви. И поелику много такихъ, которые хранятъ заповѣди изъ страха или ради награды въ будущемъ, а не по любви, то Господь многимъ убѣждаетъ къ храненію заповѣдей по любви, дающихъ душѣ свѣтъ. И еще: *да видятъ люди ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесахъ* (Мѡ. 5, 16). Но въ душѣ не могутъ быть видимы добрыя дѣла, какимъ научилъ Господь, если не будутъ сохранены заповѣди. А что заповѣди не тяжелы для любящихъ истину, объ

этомъ Господь сказалъ: *приидите вси труждающіи и обремененніи, и Азъ упокою вы. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мѳ. 11, 28. 30). А что всѣ заповѣди должны быть сохраняемы нами рачительно, и объ этомъ Онъ Самъ заповѣдалъ, говоря: кто разоряетъ *едину заповѣдй сихъ малыхъ, и учитъ тому человеки, тотъ мній наречетъ въ царствіи небесныхъ* (Мѳ. 5, 19). Послѣ всего этого, узаконеннаго къ спасенію нашему, не могу сказать, что не должно сохранять всѣхъ заповѣдей. Да и самая душа не въ состояніи будетъ содѣлаться чистою, если не будетъ хранить ихъ. Заповѣди даны Господомъ, какъ врачества, чтобы очищать отъ страстей и грѣхопаденій.

Ты знаешь, что зло привзошло къ намъ отъ преступленія заповѣдей. Итакъ, ясно, что здравіе возвращается снова ихъ храненіемъ. А безъ дѣланія заповѣдей, пока прежде всего не пойдѣмъ онымъ путемъ, ведущимъ къ душевной чистотѣ, не должно намъ и желать и ожидать очищенія души. И не говори, что Богъ и безъ дѣланія заповѣдей можетъ, по благодати, даровать намъ душевное очищеніе: ибо это—Господни суды, и Церковь не повелѣваетъ намъ просить чего-либо таковаго. Іудеи, во время возвращенія своего изъ Вавилона въ Іерусалимъ, шествовали путемъ естественно проложеннымъ, и такимъ образомъ пришли во святыи градъ свой, и узрѣли чудеса Господни. Но Іезекіиль сверхъестественно, по дѣйствию откровенія, былъ восхищенъ и прибылъ въ Іерусалимъ, и въ Божественномъ откровеніи содѣлался зрителемъ будущаго обновленія. Подобное сему бываетъ и въ отношеніи душевной чистоты. Иные путемъ протоптаннымъ и законнымъ, чрезъ храненіе заповѣдей въ многотрудномъ житіи, кровію своею приходятъ въ душевную чистоту; а другіе удостоиваются ея по дару благодати. И чудно то, что не позволено просить въ молитвѣ чистоты, даруемой намъ по благодати, и отказываться отъ житія, препровождаемаго въ дѣланіи заповѣдей. Ибо тому богатому, спросившему Господа, какъ *животъ вѣчный наследую* (Лук. 10, 25), Господь ясно сказалъ: „сохрани запо-

вѣди“ (Мѳ. 19. 17). И когда богатый спросилъ: „какія заповѣди?“—во-первыхъ повелѣлъ ему удерживаться отъ злыхъ дѣлъ, и такъ напомнилъ о заповѣдяхъ естественныхъ (Мѳ. 19, 18. 19). Когда же домогался узнать еще больше, сказалъ ему: *аще хочещи совершенъ быти, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, и возьми крестъ свой, и гряди въ слѣдъ Мене* (Мѳ. 19, 21). А это значитъ: умри для всего, что имѣешь у себя, и потомъ живи во Мнѣ; изыди изъ ветхаго міра страстей, и такъ войдешь въ новый міръ Духа; сними и совлеку съ себя вѣдѣніе худыхъ нравовъ и ухищреній, и такъ облечешься въ простое вѣдѣніе истины. Ибо Господь, сказавъ: *возми крестъ твой* (Мѳ. 16, 24), научилъ тѣмъ человѣка умереть для всего въ мірѣ. И когда умертвилъ Онъ въ немъ ветхаго человѣка, т. е. страсти, тогда сказалъ ему: *гряди въ слѣдъ Мене*. Ветхому человѣку невозможно ходить путемъ Христовымъ, какъ сказалъ блаженный Павелъ: *яко плоть и кровь царствія Божія наследити не могутъ, ниже тлѣніе нетлѣня наследствуетъ* (1 Кор. 15, 50); и еще: *совлекитесь ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ, и тогда возможете облечься въ новаго, обновляемаго познаніемъ уподобленія Сотворшему его* (Еф. 4, 22. 23); и еще: *мудрованіе перстное вражда на Бога: закону бо Божію не покаряется, ниже бо можетъ*. Ибо сущіи во плоти плотское мудрствуютъ и *Богу угодити духовнымъ мудрствованіемъ не могутъ* (Рим. 8, 7. 8). Ты же, святой, если любишь чистоту сердца и сказанное тобою духовное мудрствованіе, прилѣпись къ Владычнымъ заповѣдямъ, какъ сказалъ Владыка нашъ: *аще любиши внити въ животъ, сохрани заповѣди* (Мѳ. 19, 17), изъ любви къ Давшему ихъ, а не изъ страха или за воздаяніе награды. Ибо сладость, сокрытую въ правдѣ, вкушаемъ не тогда, какъ дѣлаемъ правду, но когда любовь къ правдѣ снѣдаетъ сердце наше; и содѣлываемся грѣшниками не тогда, какъ сдѣлаемъ грѣхъ, но когда не возненавидимъ его, и не раскаемся въ немъ. И не говорю, чтобы кто-либо изъ древнихъ или изъ людей послѣднихъ временъ, и не сохранивъ заповѣдей, достигъ чистоты

и сподобился духовнаго созерцанія; напротивъ того, какъ мнѣ кажется, кто не сохранилъ заповѣдей и не шествовалъ по слѣдамъ блаженныхъ Апостоловъ, тотъ недостоинъ именоваться святымъ.

Блаженный Василій и блаженные Григоріи, о которыхъ сказалъ ты, что были любителями пустыни, столпами и свѣтомъ Церкви, и восхваляли безмолвіе, пришли въ безмолвіе не тогда, когда были праздны отъ дѣланія заповѣдей, но жили сперва въ мирѣ ¹⁾, и хранили заповѣди, какія должно было хранить живущимъ въ обществѣ, и потомъ пришли въ душевную чистоту, и сподобились духовнаго созерцанія. Поистинѣ я увѣренъ, что, когда жили они въ городахъ, то принимали странныхъ, посѣщали больныхъ, одѣвали нагихъ, умывали ноги трудящихся, и, если кто поялъ ихъ *поприще едино*, шли съ нимъ два (Мѡ. 5, 41). И когда сохранили заповѣди, потребныя въ жизни общественной, и умъ ихъ началъ ощущать ²⁾ первоначальную непоколебимость ³⁾, Божественныя и таинственныя созерцанія, тогда возрешовали они—и вышли въ пустынное безмолвіе; и съ сего времени пребывали съ внутреннимъ своимъ человекомъ ⁴⁾, почему содѣлались созерцателями и пребыли въ духовномъ созерцаніи, пока не были призваны благодатию содѣлаться пастырями Церкви Христовой.

Относительно же сказаннаго тобою, что великій Василій иногда хвалилъ сожителство со многими, а иногда отшельничество, замѣчу, что истинно рачительные двумя способами приобрѣтаютъ себѣ пользу ⁵⁾, каждый—по мѣрѣ силъ, по тому различію и по той цѣли, какую предположилъ онъ себѣ. Ибо въ сожителствѣ со многими иногда бываетъ польза сильнымъ, а иногда и немощнымъ; то же самое бываетъ

1) Мирно съ другимъ.

2) Слово: *ощущать* дополнено изъ древн. славян. и сербск. переводовъ.

3) По отношенію къ страстямъ.

4) Т.-е. во внутреннемъ дѣланіи.

5) Духовную.

и въ пустынь. Кто достигъ душевнаго здравія, у кого умъ срастворенъ съ Духомъ, и кто умертвилъ себя для житія человѣческаго, тому общежитіе со многими не бываетъ вреднымъ, если трезвится онъ въ дѣлахъ своихъ. И онъ ¹⁾ не для того живетъ со многими, чтобы самому получать пользу, но чтобы приносить пользу (другимъ), потому что Богомъ онъ призванъ былъ (на это) именемъ прочихъ Отцовъ. Но и немощному, которому нужно еще возрастать, питаясь млекою заповѣдей, полезно также сожителство съ многими, пока не обучится, не образуется, не постраждетъ отъ искушеній, не будетъ падать и въ большомъ числѣ случаевъ возставать, и не пріобрѣтетъ душевнаго здравія. Нѣтъ младенца, котораго не питали бы потоками молока, и ни одинъ монахъ, не бывъ вскормленъ млекою заповѣдей, не преуспѣлъ, не препобѣдилъ страстей, и не сподобился чистоты. А подобнымъ образомъ и пустыня, какъ сказали мы, иногда полезна немощнымъ и спасающимся бѣгствомъ ²⁾, а иногда и сильнымъ: и первымъ,—чтобы найденное ими (въ мірѣ) вещество ³⁾ не содѣйствовало тому, чтобы въ нихъ разгорѣлись и возросли страсти; а сильнымъ,—тѣмъ, что они не окружены веществомъ ³⁾ и не встрѣтятъ брани лукаваго ⁴⁾. Дѣйствительно, какъ сказалъ ты, пустыня усыпляетъ страсти. Но отъ человѣка требуется не это одно—усыпить свои страсти, а и то, чтобы искоренить ихъ, т. е. преодолѣть ихъ, когда будутъ противъ насъ упорствовать ⁵⁾. Страсти же усыпленныя пробуждаются, какъ скоро встрѣчается причина прійти имъ въ дѣятельность.

А какъ узнать тебѣ, говоришь ты, что не одна пустыня усыпляетъ страсти? Замѣть, что, во время болѣзни и великой немощи, страсти не сильно напада-

1) Т.-е. живущій со многими.

2) Отъ сообщества съ юльми и отъ мірскихъ дѣлъ.

3) Т.-е. мірскія дѣла, питающія страсти.

4) Т.-е. въ пустынь.

5) Т.-е. возставать.

ютъ на насъ. И не это только, но даже нерѣдко усыпляють онѣ одна другую, когда одна другой уступаютъ мѣсто. Ибо страсть тщеславія заставляетъ уступить ей мѣсто блудную страсть, и опять страсть блудная укрощаетъ страсть славолубія. Итакъ, не потому только будемъ желать пустыни, что усыпляетъ она страсти, но пожелаемъ, чтобы, при недостаткѣ чувственнаго и въ удаленіи отъ всего, умудриться намъ въ ней, и чтобы обновился въ насъ внутренній, духовный о Христѣ челоуѣкъ, чтобы на всякій часъ быть намъ наблюдателями надъ самими собою, и чтобы умъ нашъ содѣлался бодрственнымъ и охранялъ себя ежечасно, и не похищалось у него памятованіе надежды его.

Сего, кажется мнѣ, достаточно на первый твой вопросъ, если только и въ этомъ настояла нужда. Скажемъ за симъ и о второмъ, а онъ былъ слѣдующій:

Вопросъ. Почему Господь нашъ, для уподобленія нашего величію Отца небеснаго, назначилъ намъ милосердіе, иноки же предпочитаютъ милосердію безмолвіе?

Отвѣтъ. Вотъ на него отвѣтъ. Хорошо, что изъ Евангелія представилъ ты примѣръ и образецъ изслѣдованія объ этомъ великомъ житіи—безмолвіи. Мы становимся противъ милосердія ¹⁾, но не стараемся обратить оное въ ничто, какъ нѣчто излишнее. Господь для уподобленія нашего Отцу небесному назначилъ намъ милосердіе, потому что творящихъ его приближаетъ оно къ Богу. И мы иноки не чтимъ безмолвія безъ милосердія, а стараемся, сколько возможно, удалиться отъ попеченія и мятежа. Не то что мы хотимъ противостать необходимости, когда она встрѣчается ²⁾, но заботимся о безмолвіи, чтобы пребывать въ богомыслии, которымъ всего болѣе мо-

1) Т. е. иноки, предпочитая безмолвіе милосердію, становятся какъ-бы противниками послѣдняго.

2) Т. е. мы не отказываемся оказать милость въ случаѣ дѣйствительной надобности.

жемъ возвратить себѣ чистоту послѣ смущенія, и приблизиться къ Богу. Если же, когда на извѣстное время будетъ необходимая какая потребность въ насъ братіямъ, не должно нерадѣть объ оной. Посему будемъ непрестанно понуждать себя—во всякое время внутренно быть милосердыми ко всякому разумному естеству. Ибо такъ внушаетъ намъ ученіе Господне, и въ этомъ состоитъ отличіе нашего безмолвія, а не (бываетъ оно) какъ придется. И надобно не только сохранять это внутреннее наше милосердіе, но, когда призываютъ самыя обстоятельства дѣль и нужда, не вознерадѣть и о томъ, чтобы доказать любовь свою явно, и въ особенности, если безмолвники не опредѣлили себя на совершенное безмолвіе—даже и не встрѣчаться ни съ кѣмъ, но слѣдуютъ правилу на значающихъ для себя безмолвіе на одну или на семь седмиць. Ибо таковыя, даже въ продолженіи времени, назначеннаго правиломъ, не удерживаютъ себя отъ дѣль милосердія къ ближнему, развѣ кто крайне жестокъ, суровъ и безчеловѣченъ, и держится безмолвія лицемѣрно и напоказъ. Ибо мы знаемъ, что безъ любви къ ближнему умъ не можетъ просвѣщаться Божественною бесѣдою и любовію.

И какой нынѣ мудрый монахъ, имѣя у себя пищу и одѣяніе, и видя ближняго своего алчущимъ и обнаженнымъ, не отдастъ ему того, что имѣетъ, и не сохранитъ что-либо изъ этого? Или еще, кто, видя, что человѣкъ единой съ нимъ плоти томится въ болѣзни, бѣдствуетъ отъ изнеможенія, и имѣетъ нужду въ призрѣніи, изъ любви къ безмолвію правило за твора предпочтетъ любви къ ближнему? Когда же имѣетъ чего либо подобнаго ²⁾, будемъ въ умѣ хранить любовь и милосердіе къ братіямъ. Ибо въ томъ только случаѣ, когда вещи близко ³⁾, Богъ требуетъ отъ насъ исполнить и показать любовь на самомъ дѣлѣ. Посему явно, что, если ничего у себя не имѣемъ, не

1) Къ ближнему.

2) Если не будетъ такихъ случаевъ.

3) Когда подобныя случаи близъ насъ.

дозволяется намъ ввергать себя въ попеченіе и мятежи ради нищихъ; а если что имѣемъ, требуется отъ насъ это. Также, если, по принятому нами роду жизни, удаляемся отъ сожителства съ людьми и отъ того, чтобы видѣться съ ними, то не надлежитъ намъ оставлять келлію свою и мѣсто иноческаго и отшельническаго пребыванія, и предавать себя на то, чтобы кружиться по міру, посѣщать больныхъ и проводить время въ подобныхъ дѣлахъ. Ибо явно, что въ подобныхъ случаяхъ бываетъ переходъ отъ высшаго къ низшему. Если же кто живетъ въ обществѣ многихъ, и находится близъ людей въ мѣстѣ пребыванія своего съ ними, и трудами другихъ упокоевается во время здоровья или болѣзни, то и самъ обязанъ дѣлать то же, а не выставять на видъ ложнаго своего безмолвія, такъ чтобы самому вполнѣ требовать себѣ отъ другихъ успокоенія, но, какъ скоро увидитъ въ тѣсныхъ обстоятельствахъ сына плоти своей, носящаго на себѣ одинъ съ нимъ образъ, лучше же сказать, увидитъ поверженнаго и страждущаго Христа,—удаляться и скрываться отъ него. Всякій таковой немилосердъ.

И не приводи мнѣ на память Іоанна еивайдскаго и Арсенія, не говори: „кто же изъ нихъ употреблялъ себя на подобныя дѣла или прилагалъ попеченіе о больныхъ и нищихъ, нерадѣлъ же о своемъ безмолвіи?“ Ты и не приближайся къ какимъ либо дѣламъ таковыхъ мужей. Ибо, если далекъ ты отъ всякаго упокоенія и сообщенія съ людьми, какъ далеки были они, то Господь и тебѣ повелѣваетъ пренебрегать подобными дѣлами. Если же далекъ ты отъ онаго совершенства, и во всякое время пребываешь въ тѣлесныхъ трудахъ и въ общеніи съ людьми, то почему нерадишь о заповѣдяхъ (которыя должно хранить тебѣ по мѣрѣ силъ своихъ), представляя въ предлогъ, что проводишь великое житіе святыхъ, къ которому ты и не приближался?

А я не буду столь нерадивъ, чтобы не помянуть о поступкѣ святого Макарія Великаго, который служитъ обличеніемъ небрегущимъ о братіяхъ своихъ. Макарій

пошелъ однажды посѣтить одного больного брата. И когда Великій спросилъ болящаго, не желаетъ ли онъ чего, а тотъ отвѣчалъ: „немного мягкаго хлѣба“ (а тогда всѣ монахи, по большей части, пекли себѣ хлѣбы однажды въ цѣлый годъ: таковъ былъ обычай въ томъ мѣстѣ), достоблаженный сей мужъ, будучи уже девяноста лѣтъ, немедленно всталъ, пошелъ изъ скита въ Александрію, и сухіе хлѣбы, которые взялъ въ кожаную одежду, промѣнялъ на мягкіе, и принесъ ихъ брату.

Но нѣчто и сего еще большее сдѣлалъ подобный Великому Макарію авва Агаѳонъ, мужъ опытнѣйшій изъ всѣхъ того времени монаховъ и паче всѣхъ почитавшій молчаніе и безмолвіе. Итакъ, сей чудный мужъ, во время большого торга, пришелъ продать свое рукодѣліе, и на торжищѣ нашелъ одного лежащаго больного странника; нанялъ для него домъ, остался съ нимъ, работалъ своими руками, и, что получалъ за то, на него тратилъ, и прислуживалъ ему шесть мѣсяцевъ, пока больной не выздоровѣлъ. Сей же Агаѳонъ (какъ повѣствуютъ о немъ) сказалъ: „желалъ бы я найти прокаженнаго, и ему отдать свое тѣло, а себѣ взять его“. Вотъ совершенная любовь.

Боящіеся Бога, возлюбленный, охотно воздерживаютъ того, и заботятся о томъ, чтобы хранить заповѣди. И если окажется на дѣлѣ, что отысканіе оныхъ имъ достается въ руки ¹⁾, то подвергаются ради нихъ и опасности. Жизнодавецъ совершенство заповѣдей связалъ и заключилъ въ двухъ заповѣдяхъ, объемлющихъ собою всѣ прочія,—въ любви къ Богу и въ подобной ей любви къ твари, т. е. въ любви къ образу Божію. И первая удовлетворяетъ цѣли духовнаго созерцанія, а вторая—созерцанію и дѣятельности. Ибо естество Божеское просто, несложно, невидимо, естественно ни въ чемъ не имѣетъ нужды; ибо сознаніе въ приснопоученіи своемъ

¹⁾ Т. е. представится имъ случай къ исполненію заповѣдей на самомъ дѣлѣ.

по природѣ не имѣетъ нужды въ тѣлесной дѣятельности и въ дѣйствіи чего-либо, и въ дебелости представленій ¹⁾, дѣятельность его проста, и обнаруживается въ единой части ума, сообразно той простотѣ достопоклоняемой Причины, Которая выше ощущенія чувства плоти. А вторая заповѣдь, т. е. чело-вѣколюбіе, по двойственности естества, требуетъ, чтобы попеченіе о дѣланіи ума было сугубое, т. е. что исполняемъ невидимо въ сознаніи, то подобнымъ образомъ желаемъ исполнить и тѣлесно, и не только явно, но и тайно. И заповѣдь, совершаемая дѣлами, требуетъ совершенія и въ сознаніи.

Какъ чело-вѣкъ составленъ изъ двухъ частей, т. е. изъ души и тѣла: такъ и все въ немъ требуетъ двой-кой заботы, сообразно съ двойственностію его состава. И поелику дѣятельность вездѣ предшествуетъ созер-цанію, то невозможно кому-либо возвыситься до обла-сти этого высшаго ²⁾, если самымъ дѣломъ не испол-нить прежде низшаго ³⁾. И нынѣ ни одинъ чело-вѣкъ не смѣетъ сказать о пріобрѣтеніи любви къ ближ-нему, что преуспѣваетъ въ ней душею своею, если оставлена имъ та часть, которая, по мѣрѣ силъ, со-образно съ временемъ и мѣстомъ, доставляющимъ случай къ дѣлу, исполняется тѣлесно. Ибо при семъ только исполненіи дѣлается достовѣрнымъ, что есть въ чело-вѣкѣ, и даетъ о себѣ знать, любовь созерца-тельная. И когда бываемъ въ этомъ, по возможности, вѣрны и истинны, тогда дается душѣ сила—въ про-стыхъ и безвидныхъ мысляхъ простираться до вели-кой области высокаго и Божественнаго созерцанія. А гдѣ чело-вѣку нѣтъ возможности—любовь къ ближнему проявить въ дѣлахъ видимыхъ и тѣлесно, тамъ до-статочно предъ Богомъ любви нашей къ ближнему, совершаемой только мыслию; особливо—если затворни-ческое и безмолвное житіе и преуспѣваніе въ ономъ пребываютъ достаточно въ дѣланіи ея ⁴⁾.

¹⁾ Т. е. въ воплощеніи, осуществленіи ихъ дѣломъ.

²⁾ Т. е. созерцанія.

³⁾ Т. е. дѣянія.

⁴⁾ Любви.

Если же скудны мы во всѣхъ частяхъ безмолвія, то восполнимъ недостатокъ присоединеніемъ къ нему заповѣди, т. е., чувственной дѣятельности. И это, какъ восполненіе покоя жизни нашей, исполнять будемъ утружденіемъ тѣла нашего, чтобы свобода наша не оказалась предлогомъ къ подчиненію себя плоти, когда напрасно станемъ трудиться подъ отшельническимъ именованіемъ. Ибо явно, что тому, кто совершенно не имѣетъ общенія съ людьми и всецѣло погруженъ мыслию въ Богѣ, когда мертвъ онъ для всего, въ удаленіи отъ этого, не повелѣвается помогать и служить людямъ. Но кто содержитъ правило безмолвія своего въ продолженіе семи недѣль или одной недѣли, и по исполненіи своего правила сходится и вступаетъ въ общеніе съ людьми, и утѣшается вмѣстѣ съ ними, но не радитъ о братіяхъ своихъ, которые въ скорбяхъ, думая тѣмъ непрерывно выдержать недѣльное правило, тотъ немилосердъ и жестокъ. И само собою явствуетъ, что онъ по недостатку милосердія, и по самомнѣнію, и по ложнымъ помысламъ, не снисходитъ до участія въ таковыхъ дѣлахъ.

Кто пренебрегаетъ больнымъ, тотъ не узритъ свѣта. Кто отвращаетъ лице свое отъ скорбящаго, для того омрачится день его. И кто пренебрегаетъ гласомъ злостраждущаго, у того сыны въ слѣпотѣ ощупью будутъ искать домовъ его.

Не поругаемъ великаго имени безмолвія невѣжествомъ своимъ. Ибо всякому житію свое время, и мѣсто, и отличіе. И тогда Богу вѣдомо, угодно ли будетъ все дѣланіе онаго ¹⁾. А безъ сего суетно дѣланіе всѣхъ пекущихся о мѣрѣ совершенства. Кто ожидаетъ, чтобы немощь его утѣшали и посѣщали другіе, тотъ пусть смиритъ себя, и потрудится вмѣстѣ съ ближнимъ своимъ въ то время, когда терпитъ онъ ²⁾ искушеніе, чтобы собственное свое дѣланіе съ радостію совершить ему въ безмолвіи своемъ,

¹⁾ Безмолвія.

²⁾ Ближній.

будучи далекимъ отъ всякаго самомнѣнія и отъ бѣсовской прелести. Однимъ изъ святыхъ, мужемъ разумнымъ, сказано: „ничто не можетъ такъ избавлять монаха отъ бѣса гордыни и споспѣшествовать ему въ сохраненіи цѣломудрія при разжженіи блудной страсти, какъ то, чтобы посѣщать ему лежащихъ на ложахъ своихъ и одержимыхъ скорбію плоти“.

Велико ангельское дѣло безмолвія, когда ради потребности смиренія присоединить ¹⁾ къ себѣ таковую разсудительность. Ибо мы бываемъ окрадываемы и расхищаемы тамъ, гдѣ не знаемъ. Сказаль я это, братія, не для того, чтобы вознерадѣть намъ о дѣлѣ безмолвія и пренебречь имъ. Ибо вездѣ убѣждаемъ къ безмолвію, и теперь ²⁾ не оказываемся противорѣчащими словамъ своимъ. Изъ сказаннаго нами никто да не беретъ и не выводитъ чего-либо отдѣльно, и, отложивъ въ сторону все прочее, да не удерживаетъ неразумно это одно въ рукахъ своихъ. Помню, во многихъ мѣстахъ говорилъ я, моля, что, если кому и случится въ келліи своей быть совершенно празднымъ по нуждѣ немощи нашей, постигающей насъ, то изъ-за этого не должно помышлять о совершенномъ выходѣ изъ келліи, и внѣшнее дѣланіе почитать лучшимъ дѣланіемъ келейнаго. Совершеннымъ же выходомъ назваль я не то, если временемъ встрѣтится намъ необходимое дѣло выйти на нѣскольکو недѣль, и въ продолженіе оныхъ пріобрѣсти упокоеніе и жизнь ближняго,—и ты сталъ бы называть это праздностію и признавать занятіемъ неприличнымъ. Но если думаетъ кто о себѣ, что онъ совершенъ, и пребываніемъ своимъ предъ Богомъ и удаленіемъ своимъ отъ всего видимаго—выше всѣхъ живущихъ здѣсь, то пусть онъ разумно откажется и отъ сего. Велико есть дѣланіе разсужденія о томъ, что совершается съ помощью Божіей. И Богъ, по милости Своей, да дастъ намъ исполнить слово Его, какое изрекъ Онъ, сказавъ: *якоже хотите, да творятъ вамъ*

¹⁾ Безмолвникъ.

²⁾ Говоря о милостыняхъ.

человѣкъ, и вы творите иже такожде (Лук. 6, 31). Ему слава и честь! Аминь.

Еще писалъ ты въ посланіи своемъ, что монахъ, желающій возлюбить Бога, паче всего обязанъ имѣть попеченіе о чистотѣ души своей. И сказалъ ты прекрасно, если имѣешь достаточныя на то силы. А поелику говоришь еще, что душа не имѣетъ дерзновенія въ молитвѣ, какъ не преобѣдившая еще страстей, то представляется мнѣ въ томъ и другомъ противорѣчіе, хотя я и невѣжда. Ибо, если душа не преобѣдила страстей, то какъ ей имѣть попеченіе о чистотѣ? Поелику и правиломъ духовной правды не повелѣно ей, когда не преобѣдила своихъ страстей, домогаться того, что выше ея. Ибо не изъ того, чего возделѣваетъ человѣкъ, познается, что онъ любитъ; но изъ того, что любить, дѣлается заключеніе о томъ, чего возделѣваетъ: любовь естественно предшествуетъ возделѣнію. (Чего не возлюбитъ человѣкъ, того не будетъ и возделѣвать). Страсти суть дверь, заключенная предъ лицемъ чистоты. Если не отворить кто этой заключенной двери, то не войдетъ онъ въ непорочную и чистую область сердца. И сказанное тобою, что душа не имѣетъ дерзновенія въ часъ молитвы, сказано справедливо. Ибо дерзновеніе выше не только страстей, но и чистоты. Порядокъ этого преемства бываетъ такой, какъ я говорю: терпѣніе съ принужденіемъ себѣ борется со страстями за чистоту. Поэтому, если душа преобѣдитъ страсти, то пріобрѣтаетъ чистоту; а истинная чистота дѣлаетъ, что умъ пріобрѣтаетъ дерзновеніе въ часъ молитвы.

Ужели же подвергнемся укоризнѣ, въ молитвѣ прося этой душевной чистоты, о которой теперь рѣчь, и дѣломъ гордости и самомнѣнія бываетъ наше прошеніе, если просимъ у Бога того, что предписываетъ намъ Божественное Писаніе и Огнь наши, и для чего монахъ идетъ въ отшельничество? Но думаю, святой, что, какъ сынъ не сомнѣвается въ отцѣ своемъ, и не проситъ у него такими словами: „научи меня искусству“, или: „дай мнѣ что-нибудь“, такъ не подобаетъ монаху разсуждать и просить у Бога: „дай мнѣ то и

то". Ибо онъ знаетъ, что промышленіе Божіе о насъ выше того, какое бываетъ у отца о сынѣ. И потому слѣдуетъ намъ смириться, плакать о тѣхъ причинахъ согрѣшеній, которыя внѣ нашей воли, содѣланы ли оныя помысломъ, или самымъ дѣломъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ говорить словами мытаря: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. 18. 13), тайно и явно дѣлать, чему научилъ Господь, сказавъ: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 10), чтобы совѣсть твоя засвидѣтельствовала тебѣ, что ты неключимъ, и имѣешь нужду въ помилованіи. Знаешь же и самъ ты, что не дѣла отверзаютъ оную заключенную дверь сердца. но сердце сокрушенное и смиреніе души, когда препобѣдишь страсти смиреніемъ, а не превозношеніемъ. Ибо больной сперва смиряется и прилагаетъ попеченіе о выздоровленіи отъ своихъ недуговъ, а потомъ уже домогается сдѣлаться царемъ; потому что чистота и душевное здравіе суть царство души.

Какое же это царство души? Какъ больной не говоритъ отцу: „сдѣлай меня царемъ“,—но прилагаетъ сперва попеченіе о недугѣ своемъ, и по выздоровленіи царство отца его дѣлается вполнѣ его царствомъ, такъ и грѣшникъ, приносящій покаяніе, получая здравіе души своей, входитъ со Отцемъ въ область чистаго естества и царствуетъ во славѣ Отца своего.

Припомнимъ, какъ святой Апостоль Павелъ описываетъ свои прегрѣшенія, и душу свою ставитъ на самомъ послѣднемъ и низшемъ мѣстѣ, говоря: *Христосъ Іисусъ приде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихже первый есмь азъ. Но сего ради помилованъ быхъ, да во мнѣ первѣмъ покажетъ все Свое долготерпѣніе* (1 Тим. 1, 15 16). Ибо въ началѣ былъ я гонителемъ, досадителемъ и хульникомъ, но помилованъ былъ, яко не вѣдый сотворихъ въ невѣрствѣи (13). Когда же и въ какое время сказалъ онъ это? Послѣ великихъ подвиговъ, исполненныхъ силы дѣлъ, послѣ проповѣди

по благовѣствованію Христову, проповѣданной имъ въ цѣломъ мірѣ, послѣ многократныхъ смертей, многообразныхъ скорбей, какія терпѣлъ отъ іудеевъ и язычниковъ. И все еще взиралъ онъ на первыя свои дѣла, не только не почиталъ себя достигшимъ чистоты, но не помышлялъ даже признать себя, какъ слѣдовало, ученикомъ. Ибо говорилъ: *нѣсмь достоинъ нарещися Апостолъ, зане гонихъ церковь Христову* (1 Кор. 15, 9). И когда паче всѣхъ одержалъ побѣду надъ страстями, говорилъ: *умерщвляю тѣло мое и порабоцтаю, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. 9, 27). Если же скажешь, что Апостолъ въ иныхъ мѣстахъ повѣствуетъ о себѣ и великое, то пусть самъ онъ убѣдитъ тебя относительно этого. Ибо говоритъ, что дѣлалъ сіе не добровольно, не ради себя, но для проповѣди. И, когда повѣствуетъ о семъ для пользы вѣрныхъ, представляетъ себя за таковую похвалу лишеннымъ всякаго разума, взывая и говоря: *вы мя понудисте* (2 Кор. 12, 11); и еще: *не глаголю по Господъ, но яко въ безуміи, въ сей части похвалы* (2 Кор. 11, 17). Вотъ сіе справедливое и вѣрное правило, какое далъ намъ святой Павелъ, праведный и правый. Итакъ, сохранимъ оное и поревнуемъ о немъ. Отречемся отъ того, чтобы искать у Бога високаго, когда не посылаетъ и не даруетъ Онъ этого; потому что Богъ знаетъ сосуды, избранные на служеніе Ему. Ибо блаженный Павелъ даже и послѣ того не просилъ царства душѣ, но говорилъ: *молилъ быхъ ся отлученъ быти отъ Христа* (Рим. 9, 3). Какъ же осмѣлимся мы, и прежде времени, вѣдомаго Богу, просить душѣ царства, не соблюдши заповѣдей, не препобѣдивъ страстей, и не отдавъ долга?

Посему умоляю тебя, святой, да не входитъ тебѣ и на помыслъ это; но паче всего пріобрѣти терпѣніе для всего, что ни бываетъ съ тобою ¹⁾. И въ великомъ смиреніи и въ сокрушеніи сердца о томъ, что въ насъ ²⁾, и о помыслахъ нашихъ, будемъ просить

¹⁾ Разумѣются скорби и искушенія.

²⁾ Разумѣются страсти и немощи.

у Господа отпущенія грѣховъ своихъ и душевнаго смиренія.

Однимъ изъ святыхъ написано: „кто не почитаетъ себя грѣшникомъ, того молитва не приѣмлется Господомъ“. Если же скажешь, что нѣкоторые Отцы писали о томъ, что такое душевная чистота, что такое здравіе, что такое безстрастіе, что такое видѣніе: то писали не съ тѣмъ, чтобы намъ съ ожиданіемъ домогаться этого прежде времени; ибо написано, что *не придетъ царствіе Божіе съ соблюденіемъ* (Лук. 17. 20) ожиданія. И въ комъ оказалось такое намѣреніе, тѣ приобрѣли себѣ гордость и паденіе. А мы область сердца приведемъ въ устройство дѣлами покаянія и житіемъ благоугоднымъ Богу; Господне же приходитъ само собою, если мѣсто въ сердцѣ будетъ чисто и не осквернено. Чего же ищемъ съ *соблюденіемъ*, разумѣю Божіи высокія дарованія, то отвергнуто Церковію Божіею; и приѣмшіе это стяжали себѣ гордость и паденіе. И это не признакъ того, что человекъ любитъ Бога, но недугъ души. Да и какъ намъ домогаться высокіхъ Божіихъ дарованій, когда божественный Павелъ хвалится скорбями, и высокимъ Божіимъ даромъ почитаетъ общеніе въ страданіяхъ Христовыхъ.

Еще писалъ ты въ посланіи своемъ, что возлюбила душа твоя любовь къ Богу, но не достигъ ты любви, хотя ты имѣешь великое вожделѣніе любить; а сверхъ того—вожделѣнно для тебя пустынное отшельничество. И симъ показалъ ты, что положено въ тебѣ начало сердечной чистоты, и что памятованіе о Богѣ прилежно разжигается и возгрѣвается въ сердцѣ твоёмъ. И это—великое дѣло, если истинно; но не желалъ бы я, чтобы писалъ ты это; потому что не къ одной принадлежитъ это степени ¹⁾. Если же сказалъ это для вопроса, то и вопросъ требовалъ иного порядка. Ибо кто говоритъ, что душа его не имѣетъ еще дерзновенія въ молитвѣ, потому что не преобѣдила страстей, тотъ смѣетъ ли сказать, что душа

¹⁾ Ибо въ этомъ нѣтъ никакого порядка, послѣдовательности.

его возлюбила любовь къ Богу? Нѣтъ способа возбудиться въ душѣ Божественной любви, во слѣдъ которой таинственно течешь ты въ отшельничествѣ, если она не препобѣдила страстей. Ты же сказалъ, что душа твоя не препобѣдила страстей, и возлюбила любовь къ Богу; и въ этомъ нѣтъ порядка. Кто говоритъ, что не препобѣдилъ страстей, и возлюбилъ любовь къ Богу, о томъ не знаю, что онъ говоритъ.

Но скажешь: не говорилъ я: „люблю“, но „возлюбилъ любовь“. И это не имѣетъ мѣста, если душа не достигла чистоты. Если же хочешь сказать это только для слова, то не ты одинъ говоришь, но и всякій говоритъ, что желаетъ любить Бога: и не только христіане говорятъ это, но и неправо поклоняющіеся Богу. И слово это всякій произноситъ, какъ свое собственное; однакоже, при произношеніи такихъ словъ, движется только языкъ, душа же не ощущаетъ, что говоритъ. И многіе больные не знаютъ даже того, что они больны. Ибо зло есть недугъ души, и прелесть ¹⁾—гибель истины. И весьма многіе изъ людей, недугуя симъ, объявляютъ себя здоровыми, и у многихъ заслуживаютъ похвалу. Ибо, если душа не уврачуется отъ зла, и не будетъ приведена въ естественное здравіе, въ какомъ создана, чтобы родиться отъ здравія духа, человѣку невозможно вожделѣвать сверхъестественныхъ даровъ Духа, потому что душа, пока болѣзнуетъ страстями, не ощущаетъ чувствомъ своимъ духовнаго, и не умѣетъ вожделѣвать онаго, вожделѣваетъ же только по слуху ушей и по Писаніямъ. Итакъ, справедливо сказалъ я выше, что вожделѣвающимъ совершенства надлежитъ сохранять всѣ заповѣди, потому что сокровенное дѣланіе заповѣдей врачуетъ душевную силу. И оно должно быть не просто и какъ попало. Ибо написано, что *безъ кровопролитія не бываетъ оставленія* (Евр. 9, 22). Но сперва естество наше въ вочеловѣченіи Христовомъ пріяло обновленіе, пріобщилось Христову страданію и смерти; и тогда, по обновленіи изліаніемъ

1) Обольщеніе, заблужденіе.

крови, обновилось и освятилось естество наше, и содѣлалось способнымъ къ принятію заповѣдей новыхъ и совершенныхъ. А если-бы заповѣди сіи даны были людямъ до изліянiя крови, до обновленiя и освященiя естества нашего, то, можетъ быть, и самыя новыя заповѣди, подобно заповѣдямъ древнимъ, отсѣкали бы только порокъ въ душѣ, но не могли бы истребить въ душѣ самый корень порока. Нынѣ же не такъ: напротивъ того, послѣдовавшее сокровенное дѣланіе и заповѣди новыя и духовныя, которыя душа хранитъ съ соблюденіемъ страха Божiя, обновляютъ и освящаютъ душу, и сокровенно врачуютъ всѣ члены ея. Ибо явно для всѣхъ, какую страсть безмолвно въ душѣ исцѣляетъ каждая заповѣдь, и дѣйствительность ихъ ощутительна и Врачующему и врачуемому, какъ было и съ кровоточивой женою.

Знаешь, возлюбленный, что, если не будетъ исцѣлена страстная часть души, не обновится, не освятится втайнѣ, не будетъ связана житіемъ Духа, то душа не пріобрѣтетъ здравiя, и не освободится отъ того, чтобы не печалило ее встрѣчающееся ей въ твари. И исцѣленіе сіе можетъ совершиться по благодати, какъ было съ блаженными Апостолами; потому что они вѣрою усовершились въ любви Христовой. А иногда бываетъ, что душа пріобрѣтаетъ здравіе законно. Ибо, кто дѣланіемъ заповѣдей и трудными дѣлами истиннаго житiя препобѣдилъ страсти, тотъ пусть знаетъ, что законно пріобрѣлъ онъ душевное здравіе, и отдоенъ млеко¹⁾ отъ отвлесенiя міра сего, и отсѣкся отъ него обычай прежнихъ его впечатлѣній²⁾, и возрожденъ, какъ и первоначально, въ духовномъ, и по благодати былъ узрѣнъ въ области Духа, въ мысляхъ внутренняго чело^вѣка, и прiялъ его въ себя міръ новый, несложный.

Когда же умъ обновленъ, и сердце освящено, тогда всѣ возникающія въ немъ³⁾ мысли возбуждаются

¹⁾ Заповѣдей.

²⁾ Грѣховныхъ.

³⁾ Въ сердцѣ.

сообразно съ естествомъ того міра, въ который вступаетъ оно. Сперва возбуждается въ немъ желаніе Божественнаго, и вожделѣваетъ оно общенія съ ангелами и откровенія тайнъ духовнаго ¹⁾ вѣдѣнія; и умъ его ощущаетъ духовное вѣдѣніе тварей, и возсіяваетъ въ немъ созерцаніе тайнъ Святыя Троицы, также—тайнъ достопоклоняемаго ради насъ домо-строительства, и потомъ всецѣло входитъ въ единеніе съ вѣдѣніемъ надежды будущаго.

Итакъ, изъ того, что я написалъ тебѣ, уразумѣй состояніе свое. Если-бы душа, когда заключена въ области страстей, могла истинно возлюбить Бога, то не имѣла бы большой нужды спрашивать и дознавать о таинствахъ міра духовнаго. Но явно, что обученіе и вѣдѣніе ²⁾ при страстяхъ не приносятъ пользы, и недостаточны для того, чтобы отверсть дверь, заключенную предъ лицемъ чистоты. Если же отъяты отъ души будутъ страсти, то умъ просвѣщается, и устрояется на чистомъ мѣстѣ естества, и не имѣетъ нужды въ вопросахъ, потому что ясно видитъ блага, обрѣтающіяся на своемъ мѣстѣ. Ибо, какъ внѣшнія наши чувства не вслѣдствіе обученія и вопросовъ ощущаютъ соприкосновенныя имъ естества и вещи, но каждое чувство естественно, а не съ помощію вопросовъ, ощущаетъ встрѣчающуюся ему вещь, (потому что нѣтъ ученія посредствующаго между ощущающимъ и ощущаемымъ ³⁾): слѣпому сколько ни говори о славѣ солнца и луны, о сонмѣ звѣздъ, о блескѣ драгоценныхъ камней,—и приѣмлетъ, и судитъ, и представляетъ себѣ красоту, какую имѣютъ они, только по названію, знаніе же и разсужденіе его далеки отъ сладости, доставляемой самымъ видѣніемъ): такъ, подобнымъ сему образомъ, представляй себѣ и о созерцаніи духовномъ. Ибо умъ, прозирающій въ сокровенныя тайны Духа, если онъ въ своемъ естественномъ здравіи, вполне созерцаетъ

¹⁾ Подаваемого Духомъ.

²⁾ Познаніе таинствъ духовнаго міра.

³⁾ Между чувствами и предметами.

славу Христову, а не спрашиваетъ, и не учится, но наслаждается тайнами новаго міра, превыше свободы воли своей, соразмѣрно горячности вѣры и надежды на Христа, какъ написалъ блаженный Павелъ: *еже видимъ, что и уповаемъ? Терпѣніемъ ждемъ* (Рим. 8, 24. 25).

Итакъ, должны мы ждать и пребывать уединенно и съ простотою во внутреннемъ нашемъ человѣкѣ, гдѣ нѣтъ отпечатлѣній помысловъ, ни возрѣнія на что-либо сложное: потому что умъ, на что взираетъ, отъ того пріемлетъ и образы. Когда взираетъ на міръ, тогда согласно съ видоизмѣненіемъ образовъ, по которымъ онъ носится, въ такомъ же числѣ принимаетъ отъ нихъ въ себя образы и подобія, которые, по мѣрѣ своего множества и по различію своего измѣненія, возбуждаютъ въ немъ помыслы; когда же помыслы возбуждены, отпечатлѣваются они въ умѣ. Если же умъ проникаетъ взоромъ во внутренняго человѣка, гдѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы служить измѣненіемъ образовъ, и гдѣ сложное не отдѣляется отъ другого сложнаго инаковостію образа, но все—единый Христосъ, то явно, что умъ пріемлетъ тогда простое созерцаніе, безъ котораго ничто иное не облагоухаетъ душевной гортани, и содѣлываетъ, что душа пріобрѣтаетъ дерзновеніе во время молитвы; потому что это есть пища естества души. И когда умъ станетъ въ области познанія истины, тогда не имѣетъ нужды въ вопросахъ. Ибо, какъ тѣлесное око не спрашиваетъ сперва, и потомъ уже взираетъ на солнце, такъ и душевное око не входитъ сперва въ изслѣдованіе, и послѣ того уже созерцаетъ вѣдѣніе Духа. Такимъ образомъ и то таинственное созерцаніе, какого вождѣлѣваешь ты, святыи, открывается уму по пріобрѣтеніи душевнаго здравія. Желать же посредствомъ изслѣдованія и разспросовъ уразумѣвать таковыя тайны есть неразуміе души. Ибо и блаженный Павелъ руководился не наукой или инымъ вещественнымъ способомъ (познанія), когда сказалъ, что видѣлъ и слышалъ тайны и неизреченны глаголы, ихже не лѣтъ есть человѣку глаголати (2 Кор. 12, 4), но вос-

хищеніемъ восхищенъ былъ въ духовную область, и видѣлъ откровеніе тайнъ.

Итакъ, и ты, святой, если любишь чистоту, отсѣки отъ всѣхъ любовь, изливаемую ¹⁾ на всѣхъ, и, вошедши въ виноградникъ сердца своего, дѣлай въ немъ, истребляй въ душѣ своей страсти, старайся не знать зла человѣческаго. Чистота взираетъ на Бога, возсіяваетъ и цвѣтетъ въ душѣ не вслѣдствіе вопросовъ, но вслѣдствіе невѣдѣнія зла какого бы то ни было человека. Если же желательно тебѣ, чтобы сердце твое содѣлалось вмѣстилищемъ тайнъ новаго міра, то обогатись сперва дѣлами тѣлесными, постомъ, бдѣніемъ, службою, подвижничествомъ, терпѣніемъ, низложеніемъ помысловъ и прочимъ. Привяжи умъ свой къ чтенію Писаній и углубленію въ нихъ; напиши предъ очами у себя заповѣди, и отдай долгъ страстей, когда бываешь побужденъ и побуждаешь. И непрестаннымъ собесѣдованіемъ, молитвеннымъ и просительнымъ, и углубленіемъ въ молитвословія искореняй въ сердцѣ своемъ всякій образъ и всякое подобіе, прежде тобою воспринятое. Приучай умъ свой углубляться всегда въ тайны Спасителя домостроительства, и оставь просить себѣ вѣдѣнія ²⁾ и созерцанія, которыя, въ своемъ мѣстѣ и въ свое время, превыше выраженія ихъ словами ³⁾, продолжай дѣланіе заповѣдей и труды въ стяжаніи чистоты: и проси себѣ у Господа въ молитвѣ огнемъ разжженной о всемъ печали (какую вложилъ Онъ въ сердца Апостоламъ, Мученикамъ и Отцамъ), да уканетъ она въ сердце твое, и да сподобишься умнаго житія. Начало, средину и конецъ житія сего составляетъ слѣдующее: отсѣченіе всего ⁴⁾ единеніемъ о Христѣ. Если же вожделѣваешь созерцанія тайнъ, самымъ дѣломъ воздѣлывай въ себѣ заповѣди, а не однимъ стремленіемъ къ ихъ вѣдѣнію. Духовное созерцаніе дѣй-

¹⁾ Видимо являемую.

²⁾ Разумѣнія тайнъ міра духовнаго.

³⁾ Которыхъ невозможно выразить словами.

⁴⁾ Удаленіе отъ всего.

ствуешь въ области чистоты внутри насъ ¹⁾. И ты домогайся сперва уразумѣть, какъ должно входить тебѣ въ область тайнъ Духа, и потомъ начинай.

Первою изъ тайнъ именуется чистота, достигаемая при дѣйственности заповѣдей. Созерцаніе же есть духовное созерцаніе ума, состоящее въ томъ, что онъ приходитъ въ изумленіе и постигаетъ, что́ было и будетъ. Созерцаніе есть видѣніе ума, приводимаго въ изумленіе домостроительствомъ Божіимъ во всякомъ родѣ и родѣ, и постигающаго славу Божію и тяготы новаго міра. При этомъ сокрушается и обновляется сердце, и, подобно младенцамъ о Христѣ, человекъ воспитывается млеко́мъ заповѣдей новыхъ и духовныхъ, дѣлается безъ зла, пріобучается къ тайнамъ Духа и къ откровеніямъ вѣдѣнія, восходя отъ вѣдѣнія къ вѣдѣнію, и отъ созерцанія къ созерцанію, и отъ постиженія къ постиженію, и обучается и укрѣпляется таинственно, пока не будетъ вознесенъ къ любви, соединенъ съ надеждою, и не водворится въ немъ радость, и не будетъ онъ вознесенъ къ Богу и увѣнчанъ естественною славою своего сотворенія, въ какой былъ созданъ.

Сими пажитями Духа восходитъ умъ къ откровеніямъ вѣдѣнія, и падаетъ, и возстаетъ, и побѣждаетъ, и побѣждается, и пережигается ²⁾ въ печи келліи, и такимъ образомъ очищается, и бываетъ съ нимъ милость, и дѣятельно сподобляется онъ того созерцанія Святыя Троицы, котораго вожделѣваешь ты. Ибо есть три созерцанія естествъ, въ которыхъ умъ возвышается, оказываетъ свою дѣятельность и обучается: два созерцанія естествъ сотворенныхъ, разумныхъ и неразумныхъ, духовныхъ и тѣлесныхъ, и еще—созерцаніе Святыя Троицы. Посему сперва бываетъ созерцаніе всякой твари, пришедшей въ бытіе, и умъ проникаетъ ее откровеніемъ вѣдѣнія; а что не подлежитъ чувствамъ, въ томъ бываетъ умное созерцаніе.

1) У Паисія послѣ этого прибавлено: „гдѣ живетъ Христосъ, Начальникъ жизни нашей“.

2) Искушается.

И умъ имѣетъ созерцаніе для созерцанія себя самого; въ немъ-то ¹⁾ внѣшніе философы вознеслись умомъ своимъ при представленіи тварей.

Посему созерцаніе сыновъ тайнства вѣры сопряжено съ вѣрою, и пасется на лугѣ Писаній: оно во-едино собираетъ умъ отъ всякаго внѣшняго паренія, и связуетъ его единеніемъ Христовымъ, какъ Василя Великаго и Григорія; и созерцаніе его бываетъ ²⁾ въ таинственныхъ словесахъ, положенныхъ въ Писаніи. И словеса, не постигаемая вѣдѣніемъ, приѣмлются ³⁾ нами при помощи вѣры, и вѣдѣніе о нихъ получаемъ въ созерцаніи, какое бываетъ въ насъ по очищеніи. Для тайнъ Духа, которыя выше вѣдѣнія, и которыхъ не ощущаютъ ни тѣлесныя чувства, ни разумная сила ума, Богъ далъ намъ вѣру, которою познаемъ только, что тайны сіи существуютъ. И отъ этой вѣры рождается въ насъ надежда относительно ихъ. Вѣрою исповѣдуемъ, что Богъ есть Господь, Владыка, Творецъ и Создатель всяческихъ, а вѣдѣніемъ рѣшаемъ, что должно намъ хранить заповѣди Его, и разумѣть, что ветхія заповѣди хранить страхъ, какъ сказалъ Самъ Онъ, а животворныя заповѣди Христовы хранить любовь, по сказанному: *Азъ заповѣди Отца Моего соблюдохъ, и пребываю въ Его любви* (Іоан. 15. 10). Посему явно, что Сынъ хранить заповѣди Отца Своего не по страху, но изъ любви, а потому повелѣваетъ и намъ соблюдать заповѣди Его изъ любви, какъ говоритъ: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдайте. И Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя послетъ вамъ* (Іоан. 14, 15. 16). Пришествіемъ Утѣшителя называетъ дарованія откровенія тайнъ Духа; посему въ пріятіи Духа, Котораго пріяли Апостолы, -- все совершенство духовнаго вѣдѣнія. И Господь исповѣдалъ и обѣщаль, умоливъ Отца Своего, дать имъ Утѣшителя, чтобы, по исполненіи ими заповѣдей и

¹⁾ Въ созерцаніи.

²⁾ Древ. слав. переводъ показываетъ, что здѣсь вмѣсто *γένηται* должно читать *γίνεται*.

³⁾ Дѣлаются понятными для насъ.

очищеніи самихъ себя, пребывавалъ съ ними во вѣки. Видишь ли, что за сохраненіе заповѣдей умъ сподобляется благодати таинственнаго созерцанія и откровеній вѣдѣнія Духа; а не какъ преднонагала твоя мудрость, что дѣло храненія заповѣдей служитъ препятствіемъ созерцанію Божественныхъ тайнъ, совершаемыхъ въ безмолвіи.

Посему умоляю тебя: если ощутишь въ душѣ своей, что достигъ ты въ область любви, соблюдай новыя заповѣди изъ любви къ Давшему ихъ. а не по страху, какъ и блаженный Павелъ, когда возгорѣлся Божественною любовью, сказалъ: *кто меня различитъ отъ любви Христовой? Скорбь ли, или темница, или гониміе, и прочее? И еще присовокупляетъ: извѣстнаго бо, яко ни смерть, ни жизнь, ни настоящая, ни грядущая возмогутъ различити меня отъ любви Божіа, яже о Христеъ Иисусеъ, Господеъ нашемъ* (Рим. 8, 35. 37. 39). И чтобы не подумать кому, будто-бы возжелѣваетъ онъ великой награды, или чести, или преизобильнаго даванія духовныхъ даровъ, какъ возжелѣваетъ твоя святыня, сказалъ: *молилъ быхъ ся отлученъ быти отъ Христа* (Рим. 9, 3), чтобы присвоены ему были чуждые. И чтобы ты зналъ, что не таинственнаго и отшельническаго созерцанія искалъ онъ, какъ твое преподобіе, возжелѣвалъ же того ¹⁾, чего часто иные сподоблялись по благодати, слушай, что говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имамъ, быхъ мѣдъ звѣнящи, или кимвалъ звѣчящій. И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся, и весь разумъ, и аще имамъ вѣру, яко и горы преставаяти, любви же не имамъ, ничтоже есмь* (1 Кор. 13, 1. 2); потому что законная дверь, вводящая въ это, есть любовь. Если пріобрѣтемъ любовь, она вводитъ насъ въ это. Если же сподобимся сего ²⁾ по благодати безъ любви, то непременно когда нибудь утратимъ мы это, потому что стяжаніе и стражъ святыхъ возвысившихся и Божественнаго житія есть

1) Любви.

2) Дарованій духовныхъ.

любовь. Какъ скоро монахъ лишится любви, сердце его тотчасъ же лишается мира, а оно есть селеніе Божіе, и заключается для него дверь благодати, которою Господь нашъ внидетъ и изыдетъ, по сказанному Имъ: *Азъ есмь дверь жизни, и Мною человекъ внидетъ въ жизнь и нажить обрящетъ* (Іоан. 10, 9) для питанія духовной своей жизни, гдѣ не препятствуютъ ему ни зло, ни прелесть ¹⁾; но во всѣ восхожденія откровеній вѣдѣнія и таинственныхъ созерцаній Божественная любовь вводитъ его и изводитъ, какъ и тѣхъ, которые имѣютъ свободу Христову. И чтобы узнать тебѣ истину сего, а именно, что духовная жизнь дѣйствительно есть Божественное созерцаніе ума, послушай великаго Павла. Ибо вопіетъ онъ: *неугодно мнѣ это* ²⁾ *безъ любви; и если не войду въ созерцаніе законными вратами любви* ³⁾, то не пожелаю онаго; и если бы дано было мнѣ по благодати, когда не пріобрѣлъ я любви, то не домогаюсь сего, потому что вошелъ къ нему ⁴⁾ не естественною дверію, которая есть любовь. Поэтому сперва должно пріобрѣсти любовь, которая есть первоначальное созерцаніе Святыя Троицы; а послѣ того и безъ даянія, естественнымъ путемъ, будетъ у меня созерцаніе духовнаго. Уразумѣй же мудрость блаженнаго Павла, что оставилъ онъ всѣ дарованія, сообщаемыя благодатію, и просилъ самаго существеннаго основанія вещей, которое пріемлетъ дарованія и хранитъ ихъ, какъ говоритъ нѣкто. Дарованіе созерцанія тварей дано было и Моисею, и многіе сподобились онаго, впрочемъ не съ утвержденіемъ ⁵⁾, но въ откровеніи. Я же, крестившійся Духомъ Святымъ и исполненный благодати, хочу внутрь себя пріять ощущеніе живущаго во мнѣ Христа. Ибо Христосъ Упостасіею Своею содѣлалъ обновленіе естества нашего,

¹⁾ Обольщеніе.

²⁾ Т. е. созерцаніе.

³⁾ Изъ древ. слав. перевода видно, что здѣсь вмѣсто *въ* должно читать *къ*.

⁴⁾ Т. е. къ созерцанію.

⁵⁾ Т. е. не какъ постояннаго состоянія.

въ Него облечены мы водою и Духомъ, и въ неизреченномъ таинствѣ соединилъ Онъ насъ съ Собою, и содѣлалъ членами тѣла Своего; но здѣсь—въ видѣ только залога, а въ новомъ мірѣ естественно сообщаетъ Онъ жизнь прочимъ членамъ. Для чего, поэтому, желаешь и домогаешься созерцанія прежде любви, когда божественный Павелъ отвергъ оное безъ любви?

Ибо, сказавъ, что „дѣланіе заповѣдей служитъ мнѣ препятствіемъ къ созерцанію“, явно похулилъ ты любовь къ ближнему, и предпочелъ ей созерцаніе, и вожделѣваешь видѣть его тамъ, гдѣ оно не усматривается. Пока не можемъ мы еще видѣть созерцанія, мудрѣйшій: но само созерцаніе показываетъ намъ себя на своемъ мѣстѣ. Какъ по мѣрѣ естественнаго возраста душа пріемлетъ улучшение вѣдѣнія и ощущаетъ существующее въ мірѣ, и день ото дня болѣе и болѣе обучается этому, такъ и въ духовномъ человѣкѣ пріемлетъ въ себя духовное созерцаніе и Божественное ощущение, и обучается этому въ той мѣрѣ, въ какой умъ возрастаетъ въ житіи разума, и простирается впередъ. Когда же придетъ въ область любви, тогда созерцаетъ духовное на своемъ мѣстѣ. Но сколько бы человѣкъ ни употреблялъ усилія, чтобы духовное снизошло къ нему, оно не покоряется. И если дерзновенно возмечтаетъ онъ, и возведетъ взоръ къ духовному и будетъ доходить до него разумѣніемъ не во-время, то скоро притупляется зрѣніе его, и вмѣсто дѣйствительнаго усматриваются имъ призраки и образы. Какъ скоро вполне постигнешь это разсудительнымъ умомъ своимъ, не будешь домогаться созерцанія не во-время. Если же кажется тебѣ, что и теперь видишь созерцаніе, созерцаніе сіе есть тѣнь призрака, а не созерцаніе; потому что у всего мысленнаго бываетъ подобіе и мечтательный образъ, а бываетъ также и истинное созерцаніе. Ибо вотъ и въ естествахъ сложныхъ бываетъ мечтаніе, а иногда возможно и истинное созерцаніе. Если же созерцаніе истинно, то обрѣтается свѣтъ, и созерцаемое усматривается близкимъ къ дѣйствительности. А когда бываетъ противное сему, тогда глазъ вмѣсто дѣйстви-

тельности видитъ тѣнь: видитъ воду, гдѣ нѣтъ воды, видитъ зданія, приподнятыя вверхъ и висящія на воздухѣ, между тѣмъ какъ они стоятъ на землѣ. По такому явленію тѣлеснаго то же думай и о мысленномъ.

Если зрѣніе ума не будетъ очищено дѣланіемъ заповѣдей, дѣлами безмолвнаго житія, не пріобрѣтетъ ¹⁾ въ совершенствѣ свѣта любви, не преуспѣетъ возрастомъ обновленія Христа, улучшеніемъ вѣдѣнія не приблизится къ духовнымъ естествамъ въ той степени, на которой ищетъ ангельскаго духовнаго житія: то не возможетъ содѣлаться истиннымъ зрителемъ Божественнаго созерцанія. Всѣ же тѣ подобія духовнаго, какія думаетъ составить себѣ умъ, называются призракомъ, а не дѣйствительностью. И это, что умъ видитъ одно вмѣсто другого, происходитъ отъ того, что онъ не очистился. Ибо естество истины пребываетъ всегда неизмѣннымъ, и не измѣняется никогда въ подобіе; причиною же мечтанія образовъ сихъ бываетъ немощь, а не чистота, ума.

Это было и съ философиами внѣшними, потому что почли духовнымъ то, о чемъ не пріяли истиннаго ученія отъ Бога. Отъ скопленія и движенія мыслящей силы ихъ, отъ разумѣній помысловъ своихъ заключали они въ самомнѣніи своемъ, что они суть нѣчто; а вмѣстѣ съ этимъ разсуждали, какъ они существуютъ ²⁾, чтобы открытіе ихъ происхожденія и измѣненіе уподобленія содѣлалось для нихъ тѣмъ и другимъ. И разглагольствовали объ этомъ въ ненадлежащемъ самомнѣніи, Единого Бога раздѣлили въ многобожіи, говорили и сошлись между собою въ суесловіи помысловъ, и эту мечту безумія помысловъ своихъ назвали умозрѣніемъ естествъ.

Посему истинное созерцаніе естествъ чувственныхъ и сверхчувственныхъ, и Самой Святой Троицы, приходитъ въ откровеніи Христовомъ. Ему научилъ и его указалъ человѣкамъ Христосъ, когда первона-

¹⁾ Умъ.

²⁾ Т. е. какъ получили бытіе.

чально въ Своей Упостаси совершилъ обновленіе естества человѣческаго, возвратилъ и далъ ему первую свободу, и проложилъ намъ путь Собою къ тому, чтобы животворящими Его заповѣдями восходить къ истинѣ. И естество тогда только способно содѣлаться зрителемъ истиннаго, а не мечтательнаго созерцанія, когда человѣкъ первоначально претерпѣніемъ страданій, дѣланіемъ и скорбію совлечется ветхаго страстнаго человѣка, какъ новорожденный младенецъ со-влекается одежды, выносимой изъ матернихъ ло-жеснѣ. Тогда умъ способенъ возродиться духовно, быть узрѣннымъ въ мірѣ Духа, и пріять созерцаніе отечества своего.

Поэтому нынѣ созерцаніе тварей, хотя оно и сла-достно, есть только тѣнь вѣдѣнія. И сладость его ¹⁾ не отличается отъ мечтаній во снѣ. Поэтому созер-цаніе новаго міра духомъ откровенія, которымъ умъ услаждается духовно, есть дѣйствіе благодати, а не тѣнь вѣдѣнія; и сладость его неотдѣлима отъ той, ка-кую описалъ Апостоль, говоря: *иже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце челоуѣку не въздоша, яже уготова Богъ любящимъ Его, святымъ же Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ: Духъ бо вся испытуетъ, и глубины Божія* (1 Кор. 2, 9. 10). И сіе-то созерцаніе бываетъ пищею ума, пока не укрѣпится онъ и не при-детъ въ состояніе пріять созерцаніе высшее перваго созерцанія; потому что одно созерцаніе передаетъ человѣка другому созерцанію, пока умъ не будетъ введенъ въ область совершенной любви. Ибо любовь есть вмѣстилище духовнаго, и водворяется въ чи-стотѣ души. Когда умъ станетъ въ области любви, тогда дѣйствуетъ благодать, умъ пріемлетъ духов-ное созерцаніе, и дѣлается зрителемъ сокровеннаго.

Двумя способами, какъ сказалъ я, дается дарованіе откровеній умнаго созерцанія: иногда дается по бла-годати, за горячность вѣры; а иногда—за дѣланіе заповѣдей и за чистоту. По благодати, какъ блажен-нымъ Апостоламъ, которые не дѣланіемъ заповѣдей

¹⁾ Сего созерцанія.

очистили умъ, и сподобились откровения созерцанія, но горячностью вѣры; потому что въ простотѣ увѣровали во Христа, и, не колеблясь сомнѣніемъ, съ горящимъ сердцемъ послѣдовали за Нимъ. И когда Христосъ совершилъ достопоклоняемое Свое домо-строительство, то послалъ имъ Духа Утѣшителя, очистилъ и усовершилъ умъ ихъ, дѣйствительно умертвилъ внутри ихъ ветхаго, страстнаго человѣка и дѣйствительно оживотворилъ въ нихъ новаго, духовнаго человѣка, и пріяли они ощущение того и другого. Такъ и блаженный Павелъ обновленъ былъ таинственно, и потомъ пріялъ созерцаніе откровения тайнъ; но и при этомъ не полагался на оное. Хотя и дѣйствительно пріялъ онъ благодать и даръ, но все время жизни своей совершалъ теченіе, чтобы, по возможности, воздать той благодати, какой сподобился, когда Господь съ нимъ, какъ съ приснымъ Своимъ, бесѣдовалъ на пути, и послалъ его въ Дамаскъ. Не написано, что Іисусъ бесѣдовалъ съ нимъ явно, но пишется, что Ананія сказалъ ему: *Савле брате, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, явится на пути, посла мя къ тебѣ, да прозрять очи твои, и исполнишися Духа Свята* (Дѣян. 9, 17). И когда крестилъ его, исполнился онъ Духа Святаго, и ощутилъ сокровенныя тайны откровений, какъ совершилось сіе и съ святыми Апостолами, когда пребывалъ съ ними Іисусъ и сказалъ имъ: *много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ: егда же придетъ Духъ Святыи, Онъ наставитъ вы на всяку истину, и грядущая возвеститъ вамъ* (Іоан. 16, 12. 13).

И блаженный Павелъ, очевидно, тогда, какъ пріялъ Духа Святаго и обновился Имъ, сподобился тайнъ откровения, сталъ созерцать духомъ откровений, и услаждался созерцаніемъ, слышалъ неизреченные глаголы, зрѣлъ созерцаніе высшее естества, наслаждался созерцаніями небесныхъ силъ, и услаждался духовнымъ. И да не будетъ того, что въ безуміи своемъ утверждаютъ еретики, называемые евхиты ¹⁾, будто

1) Объ евхитахъ см. примѣчаніе на стр. 195-ой.

бы сего восхожденія достигъ онъ своимъ желаніемъ! (Умъ вовсе не можетъ восходить туда). Напротивъ того, Павелъ восхищенъ былъ духомъ откровеній, какъ самъ написалъ въ Посланіи къ Коринѳянамъ, вопреки этимъ суетнымъ людямъ, которые уподобляли себя святымъ Апостоламъ, исповѣдывали мечты своихъ помысловъ, и называли ихъ духовными созерцаніями. Это относится ко многимъ еретикамъ, т. е., близко сіе къ Оригену, къ Валентину, къ сыну Диссанову, къ Маркіону, къ Манесу и къ прочимъ древнимъ начальникамъ зловредныхъ ересей, начавшихся со временъ Апостольскихъ, и даже донынѣ по мѣстамъ обрѣтающихся.

Итакъ, поелику нѣкоторые люди, развращенные бѣсовскимъ мечтаніемъ, восхотѣли растлить ¹⁾ ученіе блаженныхъ Апостоловъ, то божественный Апостоль вынужденъ былъ въ ничто обратить похвальбу еретиковъ, хвалившихся тѣнью дѣланія являвшихся имъ бѣсовъ, когда со смиреніемъ и великимъ страхомъ описываетъ онъ Божественное свое созерцаніе, относя оное къ лицу другого. Ибо говоритъ: *въмъ челоуѣка о Христѣ, прежде лѣтъ четырнадцати: аще кромѣ тѣла, аще ли въ тѣлѣ, не въмъ: Богъ въсть: восхищена бывша въ рай, и слышавшаго глаголы, ихже не лѣтъ есть челоуѣку глаголати* (2 Кор. 12, 2. 4). Поэтому говоритъ онъ, что восхищеніемъ восхищенъ былъ, а произвольно восшелъ умомъ своимъ въ созерцаніе, до третьяго неба. Написалъ, что видѣлъ созерцанія; сказалъ, что слышалъ глаголы: но какіе были слова или образы созерцаній, того не могъ написать. Ибо, когда умъ духомъ откровеній видѣлъ это на свсемъ мѣстѣ, тогда не пріялъ дозволенія изречь это на несвойственномъ для сего мѣстѣ. А если бы и восхотѣлъ изречь сіе, то не могъ бы, потому что видѣлъ сіе не тѣлесными чувствами. Что умъ пріемлетъ тѣлесными чувствами, то ими же можетъ опять и изъяснить въ области тѣлесной: а что ошутительно созерцаетъ, или слышитъ, или чувствуетъ внутри

¹⁾ Повредить.

себя, въ области Духа, того, когда возвращается къ тѣлу, неспособенъ пересказать, а только воспоминаетъ, что видѣлъ это; но какъ видѣлъ, не умѣетъ повѣдать ясно.

И симъ обличаются ложныя писанія, такъ называемыя откровенія, сочиненныя начальниками ересей, растлѣнныхъ мечтаніемъ бѣсовскимъ, о обителяхъ на тверди, въ которыя возводятъ умъ для самовольнаго уразумѣнія, и о восхожденіяхъ ума на небо, и о мѣстахъ, отведенныхъ для суда, и о многовидныхъ образахъ горнихъ Силь, и о дѣйственности ихъ. Все это есть тѣнь ума, упоеннаго самомнѣніемъ и приведеннаго въ безуміе бѣсовскимъ дѣланіемъ. Поэтому-то блаженный Павелъ единымъ словомъ заключилъ дверь предъ лицомъ всякаго созерцанія, и затворъ его ¹⁾ внесъ внутрь молчанія, гдѣ умъ, если бы и могъ объявить о семъ, не получилъ бы на то дозволенія. Ибо сказалъ, что всѣ созерцанія, какія языкъ въ состояніи обнаружить въ тѣлесной области, суть мечтанія душевныхъ помысловъ, а не дѣйствіе благодати.

Итакъ, преподобіе твое, памятуя сіе, да наблюдаетъ надъ мечтаніями помысловъ глубокихъ. А этой брани всего чаще подвергаются монахи ума тонкаго, ищущіе суетной славы, вожделѣвающіе новыхъ открытій и дѣлающіе все напоказъ.

Нѣкто, по имени Малпá, ведшій родъ свой изъ Едессы, въ одно время изобрѣлъ ересь евхитовъ, тогда какъ проводилъ высокое житіе и переносилъ самыя тяжкіе труды и скорби. Ибо говорятъ, что, будучи ученикомъ блаженнаго Іуліана, называемаго Савá, на короткое время ходилъ съ нимъ на Синай и въ Египетъ, и видѣлъ великихъ Отцовъ того времени, видѣлъ блаженнаго Антонія, слышалъ отъ него таинственныя словеса, изглаголанная имъ о чистотѣ и спасеніи душъ, слышалъ тонкіе вопросы о страстяхъ, въ которыхъ Антоній объяснялъ, что умъ, по очищеніи своемъ, имѣетъ созерцанія тайнъ Духа, и что

¹⁾ Созерцанія.

душа можетъ, по благодати, сподобиться безстрастія, когда дѣланіемъ заповѣдей совлечется ветхихъ страстей, и прійдетъ въ здравіе первобытнаго своего естества. И когда Малпа, въ цвѣтѣ юности своей, выслушалъ слова сіи, то воспламенился какъ огонь, пришелъ въ свой городъ, когда возгорѣлась въ немъ страсть славолюбія, и избралъ себѣ отшельническую храмину, и посвятилъ себя на дѣла и жестокия скорби и непрестанныя молитвы. И когда возгорѣлась въ немъ страсть непомярнаго славолюбія, т. е. надежда достигнуть ему той высоты ¹⁾, о которой онъ слышалъ, такъ какъ не обучился онъ искусству противоборствовать врагамъ истины, не уразумѣлъ козней, обмановъ и ухищреній супостата, какими сильныхъ и крѣпкихъ увлекаетъ онъ въ гибель, надвѣялся же только на дѣла, на скорби, на нестяжательность, на подвижничество, на воздержаніе, не пріобрѣтши самоуничиженія, смиренія, сердечнаго сокрушенія, — сихъ непреодолимыхъ оружій при сопротивленіи лукаваго, не памятуя и Писанія, которое говоритъ: когда исполните дѣла, сохраните заповѣди, претерпите скорби, почитайте себя рабами непотребными ²⁾, — и только разжигаемъ былъ высокимъ о себѣ самомнѣніемъ, основаннымъ на дѣланіи имъ житія своего, и старалъ желаніемъ высоты, о которой слышалъ, — то по истеченіи многаго времени, когда діаволъ увидѣлъ, что нѣтъ у него дѣланія смиренія, а только вожделѣваетъ созерцанія, чтобы ощутить тайны, о которыхъ слышалъ, явился ему въ безмѣрномъ свѣтѣ, говоря: „я—Утѣшитель, и посланъ къ тебѣ отъ Отца, чтобы сподобить тебя увидѣть созерцаніе, котораго желаешь за дѣла свои, дать тебѣ безстрастіе и на будущее время упокоить тебя отъ дѣлъ“. Взамѣнъ же сего злокозненный потребовалъ поклоненія у сего несчастнаго. И этотъ обюродѣвшій, поелику не ощутилъ брани лукаваго, немедленно съ радостію принялъ его, и поклонился

¹⁾ Т. е. созерцанія тайнъ.

²⁾ Лук. 17, 10.

ему, и тотчасъ же сталъ подѣ властію его. И врагъ, вмѣсто Божественнаго созерцанія, наполнилъ его бѣсовскими мечтаніями, сдѣлалъ, что пересталъ онъ трудиться ради истины, надмилъ его, и поругался надъ нимъ тщетною надеждою безстрастія, говоря ему: „теперь не имѣешь ты нужды въ дѣлахъ, въ злостраданіяхъ тѣла, въ борьбѣ со страстями и похотями“, и сдѣлалъ его ересеначальникомъ евхитовъ. Когда же умножились они, и открылось мерзкое и неправое ихъ ученіе, изгнаны они были тогдашнимъ епископомъ.

И еще нѣкто другой, по имени Асинá, въ томъ же городѣ Едессѣ, сочинивъ многія тресловія ¹⁾, которыя поются и доннынѣ, проводилъ высокое житіе, и безразсудно связалъ себя самыми трудными дѣлами, пока не прославится ²⁾. Его оболѣстилъ діаволь, вывелъ изъ келліи его, и поставилъ на верху горы, называемой Сторій, уговорился съ нимъ, показалъ ему образъ колесницъ и коней, и сказалъ ему: „Богъ послалъ меня поять тебя въ рай, какъ Илію“. И какъ скоро вдался тотъ въ обманъ младенческимъ своимъ умомъ, и взошелъ на колесницу, разрушилась вся эта мечта, низринулся онъ съ великой высоты, упалъ оттуда на землю и умеръ смертію, достойною вмѣстѣ смѣха и плача.

Не напрасно я сказалъ здѣсь это, но—чтобы познать намъ поруганіе отъ бѣсовъ, жаждущихъ погибели святыхъ, и не вожделѣвать не во-время высоты умнаго житія ³⁾, а иначе—будемъ осмѣяны лукавымъ супостатомъ нашимъ: ибо и нынѣ вижу, что юноши, исполненные страстей, безбоязненно суесловятъ и учатъ о тайнахъ безстрастія.

Относительно людей, которые исполнены страстей и входятъ въ изслѣдованіе объ отношеніяхъ тѣлеснаго и безтѣлеснаго, и не отличаются отъ больныхъ, учащихъ о здоровьѣ, однимъ изъ святыхъ напи-

1) Духовныя пѣсноцѣвія.

2) Въ надеждѣ прославиться.

3) Умныхъ видѣній.

сано: „Блаженный Павелъ, когда узналъ объ ученикахъ, которые пренебрегали заповѣдями и не препоубдили страстей, но возжелѣвали блаженства въ созерцаніи тайнъ, возможномъ по очищеніи, сказалъ имъ: совлекитесь сперва ветхаго челоубка страстей, и тогда возжелѣвайте облечься въ челоубка новаго, обновляемаго познаніемъ тайнъ по подобію Творца ¹⁾, и не возжелѣвайте того моего и прочихъ Апостоловъ видѣнія, дѣйственно совершеннаго благодатію; потому что Богъ, *егоже хоуетъ милуетъ: а егоже хоуетъ, ожесточаетъ* (Рим. 9, 18). Ибо кто противостанетъ лицу Его, или воспротивится волѣ Его? Богъ подаетъ иногда даромъ; иногда же требуетъ дѣлъ и очищенія, и потомъ уже посылаетъ даръ; а иногда и послѣ дѣлъ и очищенія не даетъ здѣсь, но хранитъ, чтобы даровать созерцаніе на своемъ мѣстѣ“.

Находимъ же, что такъ поступаетъ Онъ и относительно меньшаго въ сравненіи съ симъ ²⁾ дара—разумѣю прощеніе грѣховъ. Ибо вотъ, въ крещеніи туне прощаетъ и совершенно ничего не требуетъ, кромѣ вѣры: при покаяніи же въ грѣхахъ по крещеніи не туне прощаетъ, но требуетъ трудовъ, скорбей, печалей сокрушенія, слезъ, долговременнаго плача, и потомъ уже прощаетъ. Разбойника туне простилъ за одно исповѣданіе словомъ на крестѣ, и обѣтовалъ ему царство небесное; у грѣшницы же потребовалъ также вѣры и слезъ; а у мучениковъ и исповѣдниковъ, вмѣстѣ съ сердечной ихъ вѣрой, потребовалъ скорбей, истязаній, строганія, мученій, многообразныхъ смертей.

Итакъ, святыня твоя, убѣдившись симъ и подобнымъ сему, да взираетъ на первыхъ и послѣднихъ, и да не домогается созерцанія, когда не время созерцанію. И пока заключенъ ты въ мѣстѣ тѣла, будь рачителенъ въ дѣлахъ покаянія и противоборцемъ страстей, терпѣливымъ въ дѣланіи заповѣдей, и остерегайся бѣсовскаго поруганія, а также проповѣдую-

1)

2)

1) Кол. 3, 9. 10.

2) Т. е. съ даромъ созерцанія.

шихъ непреложное совершенство въ мірѣ семъ страстномъ и удобопреклонномъ. Это не дано даже и святымъ ангеламъ, симъ служителямъ Отца и Духа; и они ожидаютъ обновленія въ посредствующемъ ¹⁾, чтобы освободиться отъ работы истлѣнія въ свободу чадъ Божіихъ ²⁾. Ибо возможно ли совершенство здѣсь, гдѣ солнце восходитъ и заходитъ среди облаковъ, временемъ ведро, а временемъ засуха, иногда радость, а иногда сѣтованіе? Что противно сему, то— часть волковъ ³⁾, какъ сказалъ нѣкто изъ святыхъ. Богъ же да утвердитъ основаніе житія нашего истиннымъ утвержденіемъ и святымъ Своимъ ученіемъ. Ему подобаетъ слава, держава и велелѣпіе нынѣ и въ нескончаемые вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 56.

О любви къ Богу, объ отреченіи отъ міра и объ упокоеніи въ Богъ.

Душа, которая любитъ Бога, въ Богѣ и въ Немъ единомъ имѣетъ себѣ упокоеніе. Отрѣшись прежде отъ всякаго внѣшняго союза, а тогда можешь быть сердцемъ въ союзѣ съ Богомъ, потому что единенію съ Богомъ предшествуетъ отрѣшеніе отъ вещества. Хлѣбъ дается въ пищу младенцу послѣ того, какъ откормленъ онъ молокомъ: человекъ, который хочетъ преуспѣвать въ Божественномъ, долженъ прежде устранить себя отъ міра, какъ младенецъ отъ объятій и сосцовъ материнскихъ. Тѣлесное дѣланіе предшествуетъ душевному, какъ персть предшествовала душѣ, вдунутой въ Адама. Кто не снискалъ тѣлеснаго дѣланія, тотъ не можетъ имѣть и душевнаго; потому что послѣднее рождается отъ перваго, какъ колосъ отъ пшеничнаго зерна. А кто не имѣетъ душевнаго дѣланія, тотъ лишенъ и духовныхъ дарованій.

¹⁾ Т. е. человекства.

²⁾ Рим. 8, 19. 21.

³⁾ Мыслевныхъ.

Страданія, въ настоящемъ вѣкѣ переносимыя за истину, не идутъ въ сравненіе съ услажденіемъ, какое уготовано страждущимъ за доброе. Какъ за сѣющими въ слезахъ слѣдуютъ рукояти ¹⁾ радванія (Пс. 125, 5. 6), такъ и за злостраданіемъ ради Бога послѣдуетъ радость. Сладокъ кажется земледѣльцу хлѣбъ, добытый потомъ: сладки и дѣланія ради правды сердцу, пріившему вѣдѣніе Христово. Съ благою волею претерпи и уничиженіе и смиреніе, чтобы пріять тебѣ дерзновеніе предъ Богомъ. Человѣкъ, съ вѣдѣніемъ терпящій всякое жестокое слово, когда самъ не сдѣлалъ предварительно неправды сказавшему его, возлагаетъ этимъ на главу свою терновый вѣнецъ, но блаженъ, потому что нетлѣнно увѣнчивается во время, котораго не вѣдаетъ.

Кто съ вѣдѣніемъ убѣгаетъ суетной славы, тотъ ощутилъ въ душѣ своей будущій вѣкъ. Кто говоритъ, что оставилъ міръ, и ссорится съ людьми изъ-за какой-либо потребности, чтобы не было у него въ чемъ-либо недостатка къ упокоенію его, тотъ совершенно слѣпъ, потому что, добровольно оставивъ цѣлое тѣло, ратуетъ и ссорится изъ-за одного его члена. Кто бѣгаетъ покоя въ настоящей жизни, у того умъ соглядаялъ уже будущій вѣкъ. А кто связанъ любостыжательностію, тотъ рабъ страстей. Не думай, что одно пріобрѣтеніе золота и серебра есть любостыжательность, но и все, что бы то ни было, къ чему привязана воля твоя. Не хвали того, кто злостраждетъ тѣлесно, но у кого дана воля чувствамъ, разумѣю же слухъ, зіяющія и неудержимыя уста и разсѣяныя очи. Когда ставишь душѣ твоей предѣлы, такъ чтобы устроятъ себя милосердіемъ ²⁾, пріучай душу свою не искать оправданія въ другихъ дѣлахъ ³⁾, чтобы не оказалось, что дѣлаешь одною рукою и расточаешь

¹⁾ Снопъ.

²⁾ Т. е. когда положишь милосердіе въ основаніе всѣхъ твоихъ добродѣтелей.

³⁾ Т. е. не будь грѣшенъ въ другихъ отношеніяхъ, если, напр., благодѣтельствуя бѣднымъ, не будешь прощать обидъ.

другою: ибо тамъ потребность въ сердоболіи, а здѣсь въ широтѣ сердца. Знай же, что оставляють грѣхи должникамъ принадлежитъ къ дѣламъ справедливости. Тогда увидишь тишину и свѣтлость повсюду въ умѣ твоёмъ. Когда превзойдешь путь справедливости, тогда прилѣпишься къ свободѣ во всякомъ дѣлѣ ¹⁾).

Нѣкто изъ святыхъ сказалъ объ этомъ: „слѣпъ милостивый, если не бываетъ справедливъ; разумѣю же, что долженъ давать другому изъ добытаго собственными усиліями и трудами, а не изъ добытаго ложью, неправдою, ухищреніями“. И еще онъ же въ другомъ мѣстѣ сказалъ: „если угодно сѣять въ нищихъ, то сѣй изъ собственнаго. А если вознамѣришься сѣять изъ чужого, то знай: это—самые горькіе плевелы“. А я присовокупляю, что, если милостивый не бываетъ выше своей справедливости ²⁾, то онъ не милостивъ, т. е. милостивый не только даетъ людямъ милостыню изъ своего собственнаго, но и съ радостію терпитъ отъ другихъ неправду, и милуетъ ихъ. А когда преобѣдитъ справедливость милостынею, тогда увѣнчивается не подзаконными вѣнцами праведниковъ, но евангельскими вѣнцами совершенныхъ. Ибо подавать нищимъ изъ собственности своей, одѣть нагого, любить ближняго, какъ себя самого, не обижать, не лгать,—это провозглашалъ и законъ ветхій; совершенство же евангельскаго домостроительства повелѣваетъ такъ: *отъ взимающаго твоя не истязуй, и всякому просящему дай* (Лук. 6, 30). И должно съ радостію терпѣть не только неправедное отъятіе какой-либо вещи и прочее внѣшнее, но и самую душу полагать за брата. Этотъ—милостивъ, а не тотъ, кто подаваніемъ только оказываетъ милость брату сво-

1) Въ сирійскомъ текстѣ это мѣсто имѣетъ такой смыслъ: „Но это случится тогда, когда ты на своемъ пути возвысишься надъ точкою зрѣнія лишь долга и справедливости и во всемъ дашь свободѣ возможность дѣятельности“.

2) Въ сирійскомъ текстѣ такъ: „А я говорю, что милосердый даже и тогда не истинно милосердъ, если онъ еще не возвысился надъ простою справедливостію“

ему! Но и тотъ милостивъ, кто услышитъ или увидитъ что-либо опечаливающее брата его, и сострадаетъ сердцемъ, а равно и тотъ, кто, будучи заушенъ братомъ своимъ, не возымѣетъ столько безстыдства, чтобы отвѣчать и опечалить сердце его.

Почти дѣланіе бдѣнія, чтобы найти тебѣ утѣшеніе близкимъ къ душѣ твоей. Занимайся чтеніемъ въ безмолвіи, чтобы умъ твой всегда возводимъ былъ къ чудесамъ Божиимъ. Возлюби съ терпѣніемъ нищету, чтобы собрать воедино умъ свой отъ паренія. Возненавидь жизнь пространную ¹⁾, чтобы помышленія свои сохранить безмятежными. Удерживайся отъ многихъ ²⁾ и заботься объ одной душѣ своей, чтобы спасти ее отъ расточенія внутренней тишины. Возлюби цѣломудріе, чтобы не постыдиться во время молитвы своей предъ Богомъ. Приобрѣти чистоту въ дѣлахъ своихъ, чтобы озарялась душа твоя въ молитвѣ, и памятованіемъ о смерти возжигалась радость въ умѣ твоёмъ. Остерегайся малаго ³⁾, чтобы не впасть въ большое. Не будь лѣнивъ въ дѣланіи своемъ, чтобы не постыдиться, когда станешь среди друзей своихъ, и не оказаться не имѣющимъ путевого запаса ⁴⁾, почему друзья оставятъ тебя одного среди пути. Съ вѣдѣніемъ веди дѣла свои, чтобы не быть отклонену ими отъ всего теченія твоего ⁵⁾. Приобрѣти свободу въ жизни своей, чтобы освободиться отъ бури ⁶⁾. Не связывай свободы своей тѣмъ, что служить къ наслажденію, чтобы не сдѣлаться тебѣ рабомъ рабовъ. Въ одѣянніи своемъ люби бѣдныя одежды, чтобы уничтожить рождающіяся въ тебѣ помышленія, т. е. высокоуміе сердца. Кто любитъ блескъ, тотъ не можетъ приобрести смиренныхъ мыслей, по-

1) Т.-е. излишнее упокоеніе въ жизни.

2) Отъ обращенія со многими людьми.

3) Отъ малыхъ погрѣшностей.

4) Безъ дѣлъ благихъ, которыя сопровождаютъ насъ въ будущую жизнь.

5) Т.-е. чтобы вовсе не оставить путь добродѣтели.

6) Т.-е. отъ страстей.

тому что сердце внутренно отпечатлѣвается по подобію внѣшнихъ образовъ ¹⁾).

Кто, любя пустословіе, умѣлъ пріобрѣсти чистый умъ? Кто, домогаясь уловить людскую славу, могъ пріобрѣсти смиренные помыслы, или кто, будучи невоздерженъ и распушенъ тѣлесно, можетъ сдѣлаться чистъ умомъ и смиренъ сердцемъ? Когда умъ увлекается чувствами, тогда и онъ ѣстъ съ ними звѣриную пищу ²⁾. А когда чувства увлечены умомъ, тогда они пріобщаются съ нимъ ангельской пищи.

За смиренномудріемъ слѣдуетъ воздержность и самоограниченіе; а тщеславіе — служитель блуда и дѣло гордыни. Смиренномудріе, по причинѣ постоянного самоограниченія, приходитъ въ созерцаніе, и украшаетъ и душу цѣломудріемъ; а тщеславіе, по причинѣ непрестаннаго мятежа и смущенія помысловъ своихъ, изъ всего встрѣчающагося собираетъ скверныя сокровища и оскверняетъ сердце. Оно также непотребнымъ взоромъ смотритъ на природу вещей и занимаетъ ³⁾ умъ срамными мечтаніями; а смиренномудріе духовно ограничиваетъ себя созерцаніемъ и пріобрѣтшаго оное возбуждаетъ къ славо-словію.

Творящихъ знаменія, чудеса и силы въ мірѣ — не приравнивай къ безмолвствующимъ съ вѣдѣніемъ. Бездѣйственность безмолвія возлюби паче, нежели насыщеніе алчущихъ въ мірѣ и обращеніе многихъ народовъ къ поклоненію Богу. Лучше тебѣ самого себя разрѣшить отъ узъ грѣха, нежели рабовъ освободить отъ рабства. Лучше тебѣ умириться съ душою своею въ единомысліи тройственнаго въ тебѣ состава, т. е. тѣла, души и духа, нежели ученіемъ своимъ умиротворять разномыслящихъ. Ибо Григорій говоритъ: „хорошо богословствовать ради Бога, но лучше сего для человѣка содѣлать себя чистымъ

¹⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: такъ: „потому что внутренность сердца необходимо должна согласоваться съ внѣшнимъ образомъ дѣйствій“

²⁾ Т. е. увлекается страстями.

³⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „разжигаетъ умъ нечистыми мыслями“

для Бога“. Лучше тебѣ, будучи вѣдущимъ и опытнымъ, быть косоязычнымъ, нежели отъ остроты ума своего подобно рѣкѣ источать ученія. Полезнѣе для тебя позаботиться о томъ, чтобы мертвость души твоей отъ страстей воскресить движеніемъ помысловъ твоихъ къ Божественному, нежели воскрешать умершихъ.

Многіе совершали силы ¹⁾, воскрешали мертвыхъ, трудились въ обращеніи заблудшихъ и творили великія чудеса; руками ихъ многіе приведены были къ богопознанію, и послѣ всего этого сами, оживотворявшіе другихъ, впали въ мерзкія и гнусныя страсти, умертвили ²⁾ самихъ себя, и для многихъ сдѣлались соблазномъ, когда явны стали дѣянія ихъ, потому что были они еще въ душевномъ недугѣ, и не заботились о здравіи душъ своихъ, но пустились въ море міра сего исцѣлять души другихъ, будучи еще сами немощными, и утратили для душъ своихъ надежду на Бога ³⁾ указаннымъ выше образомъ ⁴⁾. Ибо немощь чувствъ ихъ не въ состояніи была срѣтить и вынести пламень вещей, которыя обыкновенно приводятъ въ разсвирѣпѣніе лютость страстей, ибо имъ нужно было еще охраненіе, именно,—чтобы вовсе не видать женщинъ, не предаваться покою ⁵⁾, не пріобрѣтать серебра и другихъ вещей, не начальствовать надъ другими и не быть выше кого-нибудь.

Пусть лучше считаютъ тебя необразованнымъ за малость въ тебѣ умѣнья прекословить, нежели однимъ изъ мудрыхъ за безстыдство ⁶⁾. Будь нищъ ради смиренія, и не будь богатъ ради безстыдства. Тѣхъ, которые держатся ученія противнаго твоему, обличай силою добродѣтелей твоихъ, а не убѣдительностію словъ твоихъ. Кротостію и спокойствіемъ устъ

1) Въ сирійскомъ текстѣ: „чудеса“.

2) Душевно.

3) Т. е. надежду на спасеніе.

4) Въ сирійскомъ текстѣ: „упомянутыми выше страстями“.

5) Въ сирійскомъ текстѣ: „наслажденію жизни“.

6) Въ сирійскомъ текстѣ: „Пусть лучше глупые обвиняютъ тебя въ необразованности, чѣмъ умные—въ дерзости“

своихъ заграждай уста безстыдству непокорныхъ и заставляй его умолкнуть. Обличай невоздержныхъ благородствомъ житія своего, а тѣхъ, у кого безстыдны чувства,—воздержностью очей своихъ.

Всѣ дни жизни своей, куда бы ни пришелъ ты, признавай себя странникомъ, чтобы быть тебѣ въ состояніи избавиться отъ вреда, порождаемаго вольностию въ обращеніи. Во всякое время думай о себѣ, что ничего не знаешь, чтобы избѣжать тебѣ порицанія—по подозрѣнію, будто бы ты хочешь по своему установить мнѣніе другого. Благословляй всегда устами, и не будутъ тебя злословить, потому что отъ злословія рождается злословіе, а отъ благословенія—благословеніе. Во всякомъ дѣлѣ почитай себя скуднымъ для того, чтобы учить,—и во всю жизнь свою будешь оказываться мудрымъ. Не преподавай другому того, чего самъ не достигъ ¹⁾, чтобы не было тебѣ стыдно себя самого, и, по сличеніи житія твоего, не открылась ложь твоя. Если же станешь говорить кому что-либо полезное, то говори въ видѣ учащагося, а не со властію и безстыдствомъ, и напередъ самъ себя осуди и покажи, что ты ниже его, чтобы слушающимъ показать чинъ смиренія, и побудить ихъ выслушать рѣчь твою, и приступить къ дѣланію, и будешь почтенъ въ глазахъ ихъ. Если можешь, то въ подобныхъ случаяхъ говори со слезами, чтобы доставить пользу и себѣ и слушающимъ тебя, и будетъ съ тобою благодать Божія.

Если пріялъ ты благодать Божію, и сподобился насладиться зрѣніемъ судебъ Божіихъ и видимыхъ тварей, что составляетъ первую степень вѣдѣнія ²⁾, то приуготовь себя, и вооружись противъ духа хулы. Но не стой въ странѣ этой безъ оружія, чтобы не умереть тебѣ вскорѣ отъ подстерегающихъ и оболъщающихъ тебя. Оружіемъ же твоимъ да будутъ слезы и непрестанный постъ. Остерегайся читать ученія еретическія, потому что сіе всего чаще вооружаетъ

¹⁾ Дѣломъ.

²⁾ Духовнаго.

на тебя духа хулы. А когда наполнишь чрево, не имѣй безстыдства входить въ изслѣдованіе какихъ-либо предметовъ и понятій Божественныхъ, чтобы не раскаиваться. Разумѣй же, что говорю тебѣ: въ наполненномъ чревѣ—вѣдѣнія тайнъ Божіихъ нѣтъ. Часто, и не зная сытоѣ, читай въ книгахъ учителей о Промыслѣ Божіемъ, потому что онѣ руководствуютъ умъ къ усмотрѣнію порядка въ тваряхъ и дѣлахъ Божіихъ, укрѣпляютъ его собою, своею тонкостію приуготовляютъ его къ приобрѣтенію свѣтозарныхъ мыслей, и дѣлаютъ, что въ чистотѣ идетъ онъ къ уразумѣнію тварей Божіихъ. Читай Евангеліе, завѣщанное Богомъ къ познанію цѣлой вселенной, чтобы приобрѣсти тебѣ напутіе отъ силы Промысла Его о всякомъ родѣ, и чтобы умъ твой погрузился въ чудеса Божіи. Такое чтеніе помогаетъ твоему намѣренію. Чтеніе же твое да будетъ въ невозмущаемой ничѣмъ тишинѣ: и будь свободенъ отъ многопопечительности о тѣлѣ и отъ житейскаго мятежа, чтобы вкусить тебѣ въ душѣ своей сладчайшій вкусъ сладостнымъ уразумѣніемъ, превосходящимъ всякое чувство, и чтобы душа твоя ощутила это чрезъ пребываніе свое въ томъ ¹⁾. Слова людей благоискусныхъ ²⁾ да не будутъ для тебя какъ слова лицемеровъ и торгующихъ словомъ Божіимъ, чтобы не остаться тебѣ во тьмѣ до конца жизни своей, не лишиться пользы отъ сихъ словъ, и во время брани не прійти въ смятеніе, какъ смущенному ³⁾, и не впасть въ яму, подъ видомъ добра.

Во что́ ни намѣревался бы ты вникнуть, признакомъ вшествія ⁴⁾ внутрь пусть будетъ для тебя слѣдующее. Когда благодать начнетъ отверзать очи твои къ ощущенію зрѣнія предметовъ въ ихъ дѣйстви-

1) Т.-е. въ чтеніи Евангелія.

2) Опытныхъ въ дѣлѣ.

3) Въ сврійскомъ текстѣ: „какъ ночью“.

4) Древ. слав. переводъ показываетъ, что здѣсь вмѣсто: τῆ μὴ εἰσελθεῖν, должно читать безъ отрицанія: τῆ εἰσελθεῖν. Въ сврійскомъ текстѣ тоже вѣтъ отрицанія.

тельности, ¹⁾ тогда очи твои тотчасъ начнутъ изливать ручьями слезы, такъ что не разъ множествомъ ихъ омоются ланиты твои. И тогда брань чувствъ утихаетъ и скрывается внутри тебя. Если кто будетъ учить тебя противно сему, не вѣрь ему. Кромѣ слезъ, не ищи другого болѣе явнаго признака въ тѣлѣ. Когда же умъ возвысится надъ тварями, тогда и для тѣла прекращаются слезы и всякое возбужденіе и ощущеніе.

Медъ обрѣтъ, яждь умѣренно, да не како пресыщенъ изблюеши (Прит. 25, 16). Естество души удободвижно и легко: иногда восторгаясь, вожделѣваетъ она восходить высоко, и узнавать, что превыше ея естества. Нерѣдко изъ чтенія Писаній и воззрѣнія на вещи постигаетъ нѣчто. Когда же будетъ попущено, и сравнить она себя съ постигнутымъ ею, тогда оказывается, что она въ мѣрѣ смотрѣнія своего ниже и меньше того, до чего простерлось вѣдѣніе ея, а потому въ помышленіяхъ своихъ облекается въ страхъ и трепетъ, и въ боязни, какъ-бы устыдившись того, что отважилась коснуться высшихъ ея духовныхъ предметовъ, спѣшитъ снова возвратиться въ ничтожество свое. По причинѣ страха, внушаемаго предметами ²⁾, находитъ на нее какая-то боязнь, и разсудительность даетъ указаніе уму души, чтобы обучалась она молчанію, а не была безстыдною, дабы не погибнуть, и не искала превосходящаго ее, и не допытывалась того, что выше ея. Поэтому, когда дана тебѣ власть уразумѣвать—уразумѣвай, а не касайся съ безстыдствомъ тайнъ, но поклоняйся, славословь и благодари въ молчаніи. Какъ не хорошо ѣсть много меда, такъ и входить въ изслѣдованіе ³⁾ о словесахъ Божіихъ, чтобы при желаніи всматриваться въ отдаленные предметы, не приблизившись еще къ нимъ по неудобству пути, не изнемогла и не повредила у тебя сила

¹⁾ Т. е. истиннаго вида предметовъ (какъ сказано въ сир. текстѣ).

²⁾ Духовными, высшими ея.

³⁾ Разумѣется дерзновенное, самочинное изслѣдованіе тайнъ, сокрытыхъ въ Писаніи.

зрѣнія. Ибо иногда вмѣсто дѣйствительности видишь какіе то призраки. И умъ, когда прійдетъ въ уныніе отъ изысканія онаго, забываетъ и намѣреніе свое. Посему прекрасно сказалъ Соломонъ, что, *якоже градъ неогражденъ*, такъ и человѣкъ нетерпѣливый (Прит. 25, 29). Итакъ, очищай, человѣкъ, душу свою, свергни съ себя попеченіе о томъ, что внѣ твоего естества, и на помышленія и движенія свои повѣсь завѣсу цѣломудрія и смиренія, и чрезъ это найдешь то, что внутри твоей природы; потому что смиренномудрымъ открываются тайны.

Если намѣренъ ты предать душу свою на дѣло молитвы, очищающей умъ, и на пребываніе въ бодрствованіи ночью, чтобы пріобрѣсти свѣтлый разумъ, то удаляйся отъ зрѣнія міра, прекрати бесѣды съ людьми и не желай принимать по обычаю въ келлію свою друзей, даже подъ предлогомъ пользы ¹⁾, кромѣ единомысленныхъ, единомысленныхъ съ тобою и соотаниковъ твоихъ; бойся нарушенія душевной бесѣды ²⁾, которая обыкновенно возбуждается непроизвольно. по отсѣченіи, и отрѣшеніи, и совершенномъ прекращеніи внѣшней бесѣды. Съ молитвою твоею сопряги милостыню, и душа твоя узритъ свѣгъ истины. Ибо въ какой мѣрѣ сердце перестаетъ тревожиться внѣшними предметами, въ такой же—умъ можетъ чрезъ уразумѣніе мыслей ³⁾ доходить до постиженія и дѣлъ Божественныхъ и до изумленія (ими). Ибо душѣ обычно скоро замѣнять (человѣческія собранія собесѣдованіемъ съ Богомъ и словесами Божиими и) ⁴⁾ одну бесѣду другою, если постараемся показать малую рачительность. А чтобы замѣнить одно собесѣдованіе другимъ, занимайся чтеніемъ Писанія, открывающимъ тебѣ путь тонкости созерцанія, и житіями святыхъ, хотя сначала и не ощутишь сладости по причинѣ

1) Въ сирійскомъ текстѣ: „даже съ благочестивыми цѣлями“.

2) Т е. собесѣдованія съ Богомъ, о которомъ говорится ниже.

3) Или непосредственно внушаемыхъ Богомъ человѣку, или заключающихся въ Св. Писаніи.

4) Слова, заключенныя въ скобкахъ, дополнены изъ древн. слав. перевода; въ сирійскомъ текстѣ ихъ тоже вѣтъ.

смрачающей близости вещей. И когда станешь на молитву и на правило свое, то вмѣсто размышленія о томъ, что видѣлъ и слышалъ въ мѣрѣ, найдешь въ себѣ размышленіе о Божественныхъ Писаніяхъ, какія прочелъ, и симъ размышленіемъ приведется въ забвеніе память о мірокомъ, и, такимъ образомъ, придетъ умъ въ чистоту. Это и значитъ написанное, что душа пріемлетъ помощь отъ чтенія, когда станетъ она на молитву, и также отъ молитвы просвѣщается въ чтеніи. И чтеніе, опять, вмѣсто внѣшняго смущенія доставляетъ пищу разнымъ видамъ молитвы, а потому и чтеніемъ душа просвѣщается, чтобы всегда молиться нелѣбно и несмущенно.

Плотолюбцамъ и чревоугодникамъ входить въ изслѣдованіе предметовъ духовныхъ такъ же неприлично, какъ и блудницѣ разглагольствовать о цѣломудріи. Крайне болѣзненное тѣло отвращается и не терпитъ тучныхъ снѣдей,—и умъ, занятый мѣрскимъ, не можетъ приблизиться къ изслѣдованію Божественнаго. Огонь не возгорается въ сырыхъ дровахъ, и Божественная горячность не возжигается въ сердцѣ, любящемъ покой. Блудница не пребываетъ въ любви къ одному, и душа, привязанная ко многимъ вещамъ, не пребываетъ въ Божественныхъ ученіяхъ. Какъ тотъ, кто не видалъ своими глазами солнца, не можетъ кому-либо описать его свѣта по одному слуху, и даже не ощущаетъ его свѣта: такъ и не вкусившій душею своею сладости духовныхъ дѣлъ.

Если имѣешь что лишнее сверхъ дневной потребности, раздай это нищимъ, и иди съ дерзновеніемъ приносить молитвы свои, т. е. бесѣлуй съ Богомъ, какъ сынъ съ отцомъ. Ничто не можетъ такъ приблизить сердце къ Богу, какъ милостыня, и ничто не производитъ въ умѣ такой тишины, какъ произвольная нищета. Лучше, чтобы многіе называли тебя невѣждою за простоту, нежели—мудрымъ и совершеннымъ по уму за славу ¹⁾. Если кто, сидя на конѣ протянетъ къ тебѣ руку, чтобы принять милостыню, не

¹⁾ Въ сирійскомъ текетѣ: „за твою бережливость“.

откажи ему, потому что въ это время онъ, безъ сомнѣнія, скуденъ, какъ одинъ изъ нищихъ. Когда же подаешь, подавай съ великодушiемъ, съ ласковостью на лицѣ, и снабди его въ большей мѣрѣ, нежели сколько просилъ онъ. Ибо сказано: *посли кусокъ твой на лице бѣднаго*, и не по многомъ времени найдешь воздаянiе (Еккл. 11, 1) ¹⁾. Не отдѣляй богатаго отъ бѣднаго, и не старайся распознавать достойнаго отъ недостойнаго; пусть всѣ люди будутъ для тебя равны для добраго дѣла. Ибо симъ способомъ можешь и недостойныхъ привлечь къ добру, потому что душа посредствомъ тѣлеснаго ²⁾ скоро привлекается въ страхъ Божiй. И Господь раздѣлялъ трапезу съ мытарями и блудницами, и не отлучалъ отъ себя недостойныхъ, чтобы симъ способомъ всѣхъ привлечь въ страхъ Божiй, и чтобы посредствомъ тѣлеснаго приблизились къ духовному. Поэтому благотворенiемъ и честiю уравнивай всѣхъ людей, будетъ ли кто iудей, или невѣрный, или убiйца, тѣмъ паче, что и онъ братъ тебѣ, одной съ тобой природы, и не съ вѣдѣнiемъ заблудился отъ истины.

Когда сдѣлаешь кому добро, не жди отъ него воздаянiя,—и за то и за другое вознаградить тебя Богъ ³⁾. А если возможно для тебя, дѣлай добро и не ради будущаго воздаянiя. Если возложишь на душу свою предѣлъ нищеты, и, по благодати Божiей, освободишься отъ попеченiй, и нищетою своею станешь выше мiра, то смотри, не возлюби стяжанiя по нищелюбiю, для подаянiя милостыни, не ввергни души своей въ смятенiе тѣмъ, что будешь братъ у одного и давать другому, не уничтожь чести своей зависимостью отъ людей, прося у нихъ, и не утрать свободы и благородства ума, своего въ попеченiи о житейскомъ, потому что степень твоя выше степени милостивыхъ; нѣтъ, прошу тебя, не будь зависимъ.

¹⁾ Въ нашемъ текстѣ: „Отпускай хлѣбъ твой по водамъ, потому что по прошествiи многихъ дней опять найдешь его“.

²⁾ Благодѣянiя.

³⁾ Въ сирiйскомъ текстѣ: „потомъ вдвое воздастъ тебѣ Богъ“.

Милостыня подобна воспитанію дѣтей, а безмолвіе—верхъ совершенства. Ежели есть у тебя имѣніе, расходи его вдругъ. Если же ничего не имѣешь, и не желай имѣть. Очисти келлію свою отъ роскоши и отъ излишняго, и это поведетъ тебя къ воздержанію невольно, хотя бы ты и не хотѣлъ. Скудость вещей учитъ человѣка воздержанію, а когда дозволимъ мы себѣ послабленіе относительно вещей, тогда не въ состояніи будемъ воздерживать себя.

Одержавшіе побѣду въ брани внѣшней—избавились и отъ внутренняго страха, и ничто насильственно не тѣснитъ ихъ, не беспокоятся они бранью, угрожающей имъ спереди или сзади ¹⁾; разумѣю же брань, воздвигаемую на душу чувствами и нерадѣніемъ, какъ-то слухомъ и языкомъ, или когда даемъ и беремъ. Все это, входя въ душу, производитъ въ ней ослѣпленіе. И при наступленіи внѣшняго смятенія не можетъ она быть внимательною къ себѣ въ воздвигаемой на нее тайной брани, и тишиною побуждать внутрення возстанія ²⁾. А когда кто затворитъ врата градскія, т. е. чувства, тогда ратуетъ внутри и не боится находящихся въ засадѣ внѣ града.

Блаженъ, кто знаетъ это и пребываетъ въ безмолвіи, и не тревожитъ себя множествомъ дѣлъ, но всю тѣлесную дѣятельность замѣнилъ трудомъ молитвеннымъ, и вѣритъ, что, пока трудится съ Богомъ и на

¹⁾ Брань сзади, или внѣшняя борьба, есть смятеніе, которое производится въ душѣ занятіямъ разсѣивающими ее внѣшними вещами, что препятствуетъ ей вести брань спереди, или внутреннюю борьбу противъ себя самой, съ нераздѣльнымъ вниманіемъ.

²⁾ Въ сирійскомъ текстѣ это мѣсто читается такъ: „Тѣ, которые одержали побѣду въ борьбѣ внѣшней, удалили также и внутренній страхъ; и никакое (вражеское) принужденіе не можетъ уже ихъ насильственно увести въ плѣнъ, терзая ихъ бранью спереди и сзади. Внѣшней борьбой называю я ту, которую человѣкъ возбуждаетъ безразсудно противъ своей собственной души посредствомъ чувствъ, именно посредствомъ взятія и даванія, слушанія и видѣнія, говоренія и чревоугодія, и посредствомъ того, что онъ непрестанно налагаетъ на душу свою много настоятельныхъ дѣлъ, такъ что она, ослѣпленная смятеніемъ, тѣснящимъ ее извнѣ, не въ состояніи ясно видѣть въ скрытой, возбужденной противъ нея брани—и спокойствіемъ побуждать смущенія, возникающія внутри ея.

Него возлагаютъ попеченіе день и нощь, не будетъ имѣть недостатка въ чемъ-либо необходимомъ, потому что для Бога удаляется отъ разсѣянiя и отъ труда. Если же кто не можетъ пребывать въ безмолвіи безъ руководѣлія, то пусть работаетъ, пользуясь руководѣліемъ, какъ пособіемъ, а не для выгодъ, изъ корыстолюбiя. Руководѣліе назначается для немощныхъ, а для болѣе совершенныхъ оно бываетъ причиною смятенiя. Ибо немощнымъ ¹⁾ и малодушнымъ Отцы положили заниматься работою, но не какъ дѣломъ необходимымъ.

Въ то время какъ Богъ внутренно приводитъ сердце твое въ умиленіе, непрестанно твори поклоны и колѣнопреклоненiя. Не попускай сердцу своему заботиться о чемъ-нибудь, когда демоны начнутъ убѣждать тебя ²⁾ заниматься другими дѣлами, и тогда смотри, и дивись, что произойдетъ у тебя изъ этого. Ничто другое въ подвижническихъ трудахъ не бываетъ такъ важно и трудно и не возбуждаетъ такой зависти въ бѣсахъ, какъ если повергаетъ кто себя предъ крестомъ Христовымъ, молясь день и ночь, и бываетъ съ связанными назади руками ³⁾. Хочешь ли не охладѣть въ своей горячности и не обнищать слезами,—направь себя къ этому, и блаженъ ты, человекъ, если о сказанномъ тебѣ будешь заботиться день и ночь и не станешь домогаться ничего другого, кромѣ этого. Тогда возсіяетъ внутри тебя свѣтъ, и правда твоя возблистаетъ скоро, и будешь какъ садъ цвѣтушій и какъ источникъ неоскудѣвающей воды.

Смотри, какія блага порождаются человеку отъ подвижничества. Нерѣдко бываетъ, что человекъ преклонилъ колѣна въ молитвѣ, и руки его воздѣты къ небесамъ, лице устремлено на крестъ Христовъ, и всѣ помышленiя свои собираетъ онъ во-едино въ молитвѣ къ Богу, и въ то время, какъ человекъ мо-

¹⁾ Чтеніе греческаго текста подтверждается древними переводами славянскимъ и сербскимъ. Въ сирійскомъ текстѣ: „стѣсненнымъ“.

²⁾ Черезъ помыслы.

³⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „когда человекъ днемъ и ночью лежитъ на лицѣ своемъ со сложенными назадъ руками“.

лится Богу со слезами и умиленіемъ, въ тотъ самый часъ вдругъ внезапно начинаетъ бить въ сердцѣ его источникъ, изливающаящій услажденіе, члены его расслабѣваютъ, очи закрываются, лице поникаетъ къ землѣ, и помышленія его измѣняются, такъ что не можетъ онъ дѣлать поклоновъ отъ радости, возбуждающейся во всемъ тѣлѣ его. Обрати вниманіе, человѣкъ, на то, что читаешь. Ибо если не будешь подвизаться, то не обрѣтешь, и если не будешь съ горячностію ударять въ двери и непрестанно бодрствовать, то не будешь услышанъ.

Кто, слыша это, пожелаетъ внѣшней праведности ¹⁾, кромѣ неспособнаго пребывать въ безмолвіи? Впрочемъ, если кто не можетъ упражняться въ безмолвіи (потому что благодатию Божіею дается человѣку быть внутри двери ²⁾), то пусть не оставляетъ другого пути, чтобы иначе не лишиться обоихъ путей жизни ³⁾. Пока внѣшній человѣкъ не умретъ для всего мірскаго, не только для грѣха, но и для всякаго тѣлеснаго дѣланія, а также и внутренний человѣкъ—для лукавыхъ мыслей, и не изнеможетъ естественное движеніе тѣла до того, чтобы не возбуждалась въ сердцѣ грѣховная сладость, дотолѣ и сладость Духа Божія не возбудится въ человѣкѣ, члены его не примутъ чистоты въ жизни сей, Божественныя мысли не войдутъ въ душу его и пребудутъ неосязаемыми и незримыми. И пока человѣкъ не упразднитъ въ сердцѣ своемъ попеченія о житейскомъ, кромѣ необходимыхъ потребностей естества, и не предоставитъ заботиться о семъ Богу, дотолѣ не возбудится въ немъ духовное упоеніе, и не испытаетъ онъ того утѣшенія ⁴⁾, какимъ

¹⁾ Подъ внѣшней праведностію разумѣется дѣятельная жизнь въ противоположность созерцательной.

²⁾ Келлія.

³⁾ Т. е. жизни дѣятельной и созерцательной.

⁴⁾ Въ греческомъ текстѣ стоитъ здѣсь слово *ἀνοησία* „безуміе“; соотвѣтствующее слово стоитъ и въ сирійскомъ текстѣ. Но въ переводахъ латинскомъ, древнемъ славянскомъ, сербскомъ и у Дансія поставлено слово „утѣшеніе“, которое сохранено и въ нашемъ переводѣ изъ прежняго изданія. Въ сирійскомъ же текстѣ сказано такъ: „.... и не ощущаетъ

утѣшался Апостоль (Гал. 2, 20; 2 Кор. 12, 3—4). Сказалъ же я это, не отсѣкая надежды, будто-бы, если кто не достигнетъ верха совершенства, то не сподобится и благодати Божіей, и не срѣтитъ Его утѣшеніе. Ибо дѣйствительно, когда человѣкъ презритъ неумѣстное ¹⁾, и совершенно удалится отъ сего, и обратится къ добру, въ скоромъ времени ощущаетъ помощь. Если же употребить и нѣсколько усилія, то найдетъ утѣшеніе душѣ своей, получить отпущеніе грѣхопадений, сподобится благодати и пріиметъ множество благъ. Впрочемъ, онъ меньше въ сравненіи съ совершенствомъ того, кто отлучилъ себя отъ міра, обрѣлъ въ душѣ своей тайну тамошняго блаженства и достигъ того, для чего пришелъ Христосъ. Ему слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 57.

ОБЪ УДАЛЕНІИ ОТЪ МІРА И ОТЪ ВСЕГО СМУЩАЮЩАГО УМЪ.

Великую честь оказалъ Богъ людямъ двоякимъ обученіемъ ²⁾, какимъ одарилъ ихъ, и повсюду отверзъ имъ затворенную дверь для вшествія въ спасительное познаніе. Желателенъ ли тебѣ вѣрный свидѣтель сказаннаго? Будь самъ въ себѣ, и не погибнешь. А если хочешь узнать это и отънѣ, то имѣешь и иного учителя и свидѣтеля, который безошибочно наставитъ тебя на путь истины.

оно (сердце) того безумія, за которое былъ нарицаемъ Апостоль, когда говорили, что многія книги сдѣлали его безумнымъ“. Тутъ, очевидно, разумѣются слова Дѣяній Апостольскихъ—26, 24: „когда онъ (Ап. Павелъ) такъ защищался, Фестъ громкимъ голосомъ сказалъ: „безумствуешь ты, Павелъ! Большая ученость доводитъ тебя до сумасшествія“. Которое чтеніе есть истинное, не беремъ рѣшать.

¹⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „отбросить отъ себя грѣхи“.

²⁾ Здѣсь разумѣется откровеніе естественное въ природѣ (Рим. 1, 20) и откровеніе сверхъестественное въ писанномъ законѣ.

Умъ смущенный не можетъ избѣжать забвенія, и премудрость не отверзаетъ таковому двери своей. Кто съ точнымъ вѣдѣніемъ возмогъ постигнуть, къ какому равенству ведетъ общій всѣхъ конецъ, тотъ для отреченія отъ житейскаго не имѣетъ нужды въ иномъ учителѣ. Первоначально данный Богомъ человѣку естественный законъ есть разсматриваніе тварей Его. Законъ писанный присовокупленъ по паденіи.

Кто не удаляется добровольно отъ причинъ страстей, тотъ невольно увлекается въ грѣхъ. Причины же грѣха суть слѣдующія: вино, женщины, богатство, тѣлесное здравіе; впрочемъ—не потому, что это суть грѣхи по самому естеству, но потому, что природа удобно склоняется этимъ въ грѣховныя страсти; и поэтому человѣкъ долженъ тщательно остерегаться сего. Если всегда будешь памятовать немощь свою, то не преступишь предѣла осторожности. Людямъ гнусна нищета, а Богу гораздо болѣе гнусны душа высокосердая и умъ надменный. У людей почтено богатство, а у Бога душа смиренная.

Когда хочешь положить начало доброму дѣланію, приуготовься сперва къ искушеніямъ, которыя тебя постигнутъ, и не сомнѣвайся въ истинѣ. Ибо у врага въ обычаѣ, когда увидитъ, что съ горячею вѣрою началъ кто-либо доброе житіе, встрѣчатъ его разными страшными искушеніями, чтобы, пришедши отъ сего въ страхъ, охладѣлъ онъ въ добромъ произволеніи, и вовсе уже не имѣлъ горячности приближаться къ богоугодному дѣланію. И сопротивникъ дѣлаетъ это не потому, что имѣетъ такую силу (тогда никто не могъ бы сдѣлать что-либо доброе), но потому, что попускается ему Богомъ, какъ дознали мы на праведномъ Іовѣ. Посему уготовься мужественно встрѣтить искушенія, какія насылаются на добродѣтели ¹⁾, и потомъ уже начинай ихъ дѣланіе. А если не будешь приуготовленъ къ срѣтенію искушеній, то удержишься отъ дѣланія добродѣтелей.

Человѣкъ сомнѣвающійся, что Богъ—помощникъ въ

¹⁾ На творящихъ добродѣтели.

добромъ дѣланіи, боится тѣни своей, и во время достатка и обилія томится голодомъ, и при окружающей его тишинѣ исполняется бури. А кто уповаешь на Бога, тотъ твердъ сердцемъ, и всѣмъ людямъ явна досточестность его, и предъ всѣми врагами его похвала его.

Заповѣди Божіи выше всѣхъ сокровищъ міра. Кто стяжалъ ихъ ¹⁾, тотъ внутри себя обрѣтаетъ Бога. Кто упокоевается всегда въ попеченіи о Богѣ, тотъ Бога пріобрѣлъ домоприставникомъ ²⁾. Кто возделываетъ исполненія воли Божіей, тотъ небесныхъ ангеловъ будетъ имѣть путеводаителями. Кто боится грѣховъ, тотъ безпреткновенно совершитъ страшное шествіе и во время мрака обрѣтетъ свѣтъ предъ собою и внутри себя. Стопы боящагося грѣховъ охраняетъ Господь, и во время поползновенія предваряетъ его милость Божія. Кто прегрѣшенія свои почитаетъ малыми, тотъ впадаетъ въ худшее прежняго, и понесетъ семикратное наказаніе.

Посѣвай милостыню на смиреніи, и пожнешь милость на судѣ. Чѣмъ погубилъ ты доброе, тѣмъ снова пріобрѣтай оное. Оволь задолжалъ ты Богу: вмѣсто него не возьметъ Онъ съ тебя жемчужины; напимѣрь, погубилъ ты цѣломудріе,—Богъ не приметъ отъ тебя милостыни, если пребываешь въ блудѣ, потому что хочетъ отъ тебя святости тѣла, такъ какъ преступилъ ты заповѣдь. Ужели, думая оставить стяжаніе міра, будешь вести брань за что-либо иное? Оставилъ ты насажденное, и съ другими развѣ пришелъ ратовать? ³⁾.

¹⁾ Т. е. исполнилъ ихъ. Въ сирійскомъ текстѣ: „кто воспринялъ Его законы въ свое сердце, тотъ въ нихъ найдетъ Господа“. („Въ нихъ“ читается и въ одной греческой рукописи).

²⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „тотъ становится сожителемъ Бога, кто всегда пребываетъ въ размышленіи о Немъ“.

³⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „Не оставляй несправедливую прибыль на ея мѣстѣ, и не постись вмѣсто нея! Не оставляй преступленія на его мѣстѣ, и не борись противъ чего-нибудь другого. Несправедливость искореняется милосердіемъ и отреченіемъ, а ты оставляешь растеніе на его мѣстѣ, и борешься противъ чего-то другого; какъ говорятъ великій святой учитель Ефремъ“.

Святѣй Ефремъ сказалъ, что во время жатвы не будешь противоборствовать зною зимними одеждами. Такъ каждый, что сѣеть, то и пожнетъ. И всякій недугъ врачуется свойственными ему лѣкарствами. Ты, можетъ быть, побѣжденъ завистию,—для чего же усиливаешься бороться со сномъ? Пока проступокъ еще малъ и не созрѣлъ, истреби его, прежде нежели распространится и созрѣетъ. Не предавайся нерадѣнію, когда недостатокъ кажется тебѣ малымъ, потому что впоследствии найдешь въ немъ безчеловѣчнаго властелина, и побѣдишь передъ нимъ, какъ связанный рабъ. А кто въ началѣ противоборствуетъ страсти, тотъ вскорѣ возгосподствуетъ надъ нею.

Кто можетъ съ радостію перенести обиду, даже имѣя въ рукахъ средство отразить ее, тотъ пріять утѣшеніе отъ Бога по вѣрѣ въ Него. И кто съ смиренномудріемъ терпитъ взводимыя на него обвиненія, тотъ достигъ совершенства, и ему удивляются святые ангелы. Ибо нѣтъ никакой иной добродѣтели столь высокой и трудной.

Не вѣрь себѣ, что ты силенъ, пока не будешь искушенъ и не найдешь себя неизмѣннымъ. Такъ и во всемъ испытывай себя. Приобрѣти въ себѣ правую вѣру, чтобы попрасть тебѣ враговъ твоихъ. Пусть умъ твой будетъ не высокомеренъ, и не полагайся на силу твою, чтобы не попущено было впасть тебѣ въ естественную немощь; и тогда по собственному своему паденію уразумѣешь немощь свою. Не довѣрай своему знанію, чтобы врагъ посредствомъ его не уловилъ тебя своею хитростію. Пусть языкъ твой будетъ кротокъ, и никогда не встрѣтится съ тобою безчестіе. Приобрѣти уста сладкія, и всѣ будутъ тебѣ друзьями. Не хвались никогда въ рѣчахъ своихъ дѣлами своими, чтобы не быть посрамленнымъ. Во всемъ, чѣмъ ни хвалится человѣкъ, Богъ попускаетъ ему измѣняться, чтобы онъ былъ униженъ, и научился сми-

Въ греческомъ переводѣ ссылка на св. Ефрема ошибочно отнесена къ слѣдующему. Впрочемъ, выше приведенныя слова принадлежатъ не св. Ефрему, а Исааку Антиохійскому

ренію. Поэтому долженъ ты все предоставить Божію предвѣдѣнію, и не вѣрить, будто-бы въ этой жизни есть что-либо неизмѣнное.

Сдѣлавшись такимъ, возводи непрестанно око свое къ Богу, потому что покровъ и промыслъ Божій объемлетъ всѣхъ людей, но онъ не видимъ, развѣ только очистившимъ себя отъ грѣха и помышляющимъ всегда о Богѣ, и притомъ—о Немъ единомъ. Преимущественно же открывается имъ Промыслъ Божій; когда ради Бога входятъ они въ великое искушеніе. Ибо тогда ощущаютъ они Промыслъ Божій, какъ-бы усматривая его тѣлесными очами, сообразно съ мѣрою и причиною искушенія, какое постигаетъ каждыяго изъ нихъ, и это ¹⁾—для того, чтобы подвижниковъ сихъ возбудить къ мужеству, какъ было съ Іаковомъ, Іисусомъ Навиномъ, тремя отроками, Петромъ и прочими святыми, которымъ являлся онъ ²⁾ въ человѣческомъ нѣкоемъ образѣ, ободряя и утверждая ихъ въ благочестіи. Если же скажешь, что сіе даровано отъ Бога святымъ по особому промышленію, и они по своему достоинству сподоблялись таковыхъ видѣній, то пусть образцами въ мужествѣ будутъ для тебя святыя мученики, которые, нерѣдко многіе вмѣстѣ, а иногда по одиночкѣ, во многихъ и разныхъ мѣстахъ подвижались за Христа и нашедшею на нихъ силою мужественно претерпѣли въ бранныхъ тѣлахъ строганіе желѣзомъ и всякаго рода мученія, нестерпимыя для естества. Ибо имъ явственно являлись святыя ангелы, чтобы каждый уразумѣлъ, какъ на тѣхъ, кои ради Бога всячески терпятъ всякое искушеніе и всякую скорбь, обильно являетъ себя Божій Промыслъ въ показаніе ихъ доблести и въ посрамленіе враговъ ихъ. Ибо сколько святыя мужались при таковыхъ видѣніяхъ, столько противники терпѣніемъ ихъ были раздражаемы и приводимы въ неистовство.

Нужно ли говорить что о подвижникахъ, чуждыхъ міру сему, и объ отшельникахъ? Они пустыню содѣ-

¹⁾ Особенное обнаруженіе Промысла.

²⁾ Промыслъ Божій.

дали градомъ, обратили въ селеніе и обитель ангеловъ. Къ нимъ, по благоустройству житія ихъ, всегда приходили ангелы и, какъ слуги единого Владыки, иногда соратую, пребывали съ тѣми, которые всѣ дни жизни своей любили пустыню и изъ любви къ Богу имѣли жилища свои въ горахъ, вертепахъ и пропастьяхъ земныхъ. И такъ какъ они, оставивъ земное, возлюбили небесное и содѣлались подражателями ангеловъ, то и сами святые ангелы по справедливости не скрывали за это отъ нихъ зрака своего и исполняли всякое желаніе ихъ, по временамъ же являлись имъ, научая, какъ надлежитъ имъ жить, а иногда объясняли то, въ чемъ недоумѣвали они; иногда же сами святые вопрошали ихъ, о чемъ надлежало; иногда ангелы наставляли на путь тѣхъ изъ нихъ, которые заблуждались; иногда избавляли тѣхъ, которые впадали въ искушенія; иногда, при внезапной бѣдѣ и угрожающей опасности, исхищали ихъ отъ этого, спасая, на примѣръ, отъ змія или отъ (паденія) скалы, или отъ стрѣлы, или отъ брошеннаго камня; иногда, если врагъ явно нападалъ на святыхъ, являлись видимымъ образомъ, и говорили, что посланы на помощь къ нимъ, и придавали имъ смѣлость, отважность и отраду; а въ иное время совершали чрезъ нихъ исцѣленія, иногда же исцѣляли самихъ святыхъ, подвергшихся какимъ-либо страданіямъ; иногда тѣламъ ихъ, изнемогшимъ отъ неяденія, прикосновеніемъ руки или словами сообщали сверхъестественную силу и укрѣпляли ихъ; иногда же приносили имъ пищу, хлѣбъ и даже овощи ¹⁾ или какія-либо другія съ хлѣбомъ вкушаемыя снѣди; и нѣкоторымъ изъ нихъ объявляли время, а инымъ—и образъ ихъ преставленія. И нужно ли перечислять многое, чѣмъ доказывается любовь къ намъ святыхъ ангеловъ и всевозможное попеченіе ихъ о праведныхъ? Они промышляютъ о насъ, какъ старшіе братья о младшихъ. Сказано же сіе, чтобы всякій могъ уразумѣть, что *близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ* (Пс.

¹⁾ Собственно: *лупины*, овощи, имѣющіе горячительное свойство.

144, 18), и видѣть, каково промышленіе Его о тѣхъ, которые посвятили себя на благоугожденіе Ему и отъ всего сердца Ему слѣдуютъ.

Если вѣруешь, что Богъ промышленяетъ о тебѣ, къ чему тебѣ беспокоиться и заботиться о временномъ и о потребномъ для плоти твоей? А если не вѣруешь, что Богъ промышленяетъ, и потому, помимо Его, самъ заботишься о потребномъ для тебя, то ты самый жалкій изъ всѣхъ людей. Для чего ты и живешь и будешь жить? *Возверзи на Господа печаль твою, и Той ты препитаешъ* (Пс. 54, 23). *И не убоишися страха нашедшаго* (Притч. 3, 25).

Кто однажды навсегда посвятилъ себя Богу, тотъ проводить жизнь въ покоѣ ума. Безъ нестяжательности душа не можетъ освободиться отъ мятежа помысловъ, и, внѣ безмолвія чувствъ, не ощутитъ мира въ мысли. Не входя въ искушенія, никто не приобрѣтетъ духовной мудрости. Безъ прилежнаго чтенія не уразумѣетъ тонкости помысловъ. Безъ тишины помысловъ умъ не подвигнется въ сокровенныя тайнства. Безъ упованія по вѣрѣ душа не можетъ смѣло отважиться на искушенія. Не испытавъ явственнаго покровительства Божія, сердце не въ состояніи надѣяться на Бога. Если душа не вкуситъ съ вѣдѣніемъ ¹⁾ страданій Христовыхъ, то не будетъ имѣть общенія со Христомъ.

Человѣкомъ Божиимъ почитай того, кто по великому милосердію умертвилъ себя для необходимой потребности. Ибо, кто милуетъ нищаго, тотъ попечителемъ о себѣ имѣетъ Бога. И, кто ради Бога обнищаетъ, тотъ обрѣтетъ неоскудѣвающія сокровища.

Богъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды; но увеселяется, когда видитъ, что человѣкъ упокоеваетъ образъ Его и чтитъ оный ради Него. Когда попроситъ кто у тебя того, что имѣешь ты, не говори въ сердцѣ своемъ: „оставляю это душѣ моей, чтобы упокоится въ этомъ; Богъ изъ другого мѣста подастъ ему потребное для него“. Такія слова приличны людямъ неправеднымъ

¹⁾ Т. е. на опытѣ личной жизни.

и не знающимъ Бога. Человѣкъ праведный и добрый не уступаетъ чести своей иному, и не попуститъ, чтобы время благодати ¹⁾ проходило безъ дѣла. Человѣкъ нищій и нуждающійся снабжается отъ Бога, потому что Господь никого не оставляетъ; но ты, отославъ отъ себя убогаго, уклонился отъ чести, данной тебѣ Богомъ, и удалилъ отъ себя благодать Его. Посему, когда даешь, веселись и говори: „слава Тебѣ, Боже, что сподобилъ меня найти, кого упокоить!“ Если же нечего тебѣ дать, паче радуйся и, благодаря Бога, говори: „благодарю Тебя, Боже мой, что далъ мнѣ благодать эту и честь—обнищать ради имени Твоего, и сподобилъ меня вкусить скорби, положенной на пути заповѣдей Твоихъ, въ недугъ и нищеть, какъ вкушали святые Твои, шествовавшіе путемъ симъ“!

И когда находишься въ болѣзни, скажи: „блаженъ сподобившійся быть искушеннымъ отъ Бога въ томъ, за что наслѣдуемъ жизнь“. Ибо недуги насылаетъ Богъ для здравія души. Нѣкто изъ святыхъ сказалъ: „замѣчалъ я, что монаху, который не работаетъ благоугодно Господу и не подвизается ревностно о спасеніи души своей, но нерадиво обучается добродѣтелямъ, непременно попускается Богомъ впадать въ искушенія, чтобы не оставался онъ празднымъ, и отъ многой своей праздности не уклонился въ худшее“. Посему-то Богъ ввергаетъ въ искушенія лѣнливыхъ и нерадивыхъ, чтобы помышляли они объ искушеніяхъ, а не о суетномъ. Творитъ же сіе Богъ всегда съ любящими Его, чтобы вразумить, умудрить и научить ихъ волѣ Своей. И когда будутъ умолять Его, не скоро внемлетъ имъ, пока не изнемогутъ и пока твердо не уразумѣютъ, что за нерадѣніе и за лѣнность ихъ приключилось съ ними это. Ибо написано: *егда прострете руки ваша ко Мнѣ, отвращу очи Мои отъ васъ; и аще умножите моленіе, не услышу васъ* (Исаиі 1, 15). И хотя говорится сіе о другихъ, но во всякомъ случаѣ написано вообще объ оставившихъ путь Господень.

¹⁾ Т. е. удобный случай для благодаренія.

Но поелику говоримъ, что Богъ многомилостивъ, то почему же, когда постоянно толчемъ и просимъ въ искушеніяхъ, не бываемъ услышаны, но презираетъ Онъ прошеніе наше? Сему, конечно, учитъ насъ Пророкъ, говоря: не мала рука Господня, чтобы помяловать, и не тяжель Господь слухомъ, чтобы слышать. Но грѣхи наши разлучили насъ съ Нимъ, и беззаконія наши отвратили лице Его, чтобы не слышать (Исаи 59, 1—2). Во всякое время памятуй о Богѣ, и Онъ вспоманетъ о тебѣ, когда впадешь въ бѣды.

Естество твое сдѣлалось удобо-пріемлющимъ въ себя страсти, много искушеній въ настоящемъ мірѣ, и не далеко отъ тебя зло, но исстачается оно внутри тебя и подъ ногами твоими. Не сходи съ того мѣста, на которомъ сталъ; когда соизволитъ Богъ, освободишься отъ сего. Какъ близки между собою вѣки (на глазахъ), такъ искушенія близки къ людямъ; и Богъ преустроилъ сіе премудро для пользы твоей, чтобы ты постоянно ударялъ въ дверь Его, чтобы страхомъ скорбнаго всѣвалось памятованіе о Немъ въ умѣ твоёмъ, чтобы къ Нему приближался ты въ молитвахъ, и освящалось сердце твое непрестаннымъ памятованіемъ о Немъ. И когда будешь умолять, услышитъ тебя; и уразумѣешь, что избавляющій тебя есть Богъ, и познаешь Создавшаго тебя, Промышляющаго о тебѣ, Хранящаго тебя, и Сотворившаго для тебя два міра: одинъ—какъ временнаго учителя и наставника, другой—какъ отеческій домъ и вѣчное наслѣдіе. Богъ не сотворилъ тебя недоступнымъ прискорбному, чтобы ты, возжелавъ быть Богомъ, не наслѣдовалъ того же, что наслѣдовалъ бывшій первоначально денницею, а впослѣдствіи, за превозношеніе, ставшій сатаною. А также не сотворилъ тебя неуклоннымъ и неподвижнымъ ¹⁾, чтобы не содѣлаться тебѣ подобнымъ естеству неодушевленныхъ тварей, и чтобы доброе въ тебѣ не осталось для тебя безвыгоднымъ и не заслуживающимъ награды, какъ естественныя скотскія преимущества въ безсловесныхъ. Ибо всякому легко ура-

¹⁾ Къ страстямъ.

зумѣть, сколько рождается пользы, благодаренія и смиренія отъ того, что изощрены противъ тебя сіи жала.

Посему явно, что въ нашей волѣ подвизаться въ добрѣ и уклоняться отъ худого, и что намъ усвоятся проистекающія отъ того и честь, и безчестіе. Постыждаемые безчестіемъ, мы боимся; возбуждаемые же честію, приносимъ благодареніе Богу и простираемся къ добродѣтели. Богъ умножилъ сихъ гѣстунѣвъ, чтобы ты, освободившись отъ нихъ, содѣлавшись недоступнымъ для скорбей и ставъ выше всякаго страха, не забылъ Господа Бога твоего, не уклонился отъ Него, и не впалъ въ многобожіе, какъ многіе, которые, хотя были подобострастны тебѣ и поражаемы такими же горестями, въ одно мгновеніе времени, по причинѣ временной и малозначительной власти или здоровья ¹⁾, не только впали въ многобожіе, но и себя самихъ дерзнули несмысленно именовать богами. Посему-то Богъ попустилъ быть тебѣ въ скорбяхъ. А иногда попускаетъ и для того, чтобы ты, уклонившись, не прогнѣвалъ Его, и чтобы Ему, подвергнувъ наказанію, не истребить тебя отъ лица Своего. Не буду говорить о нечестіи и о прочихъ хулахъ, порождаемыхъ благоденствіемъ и небоязненностію жизни, когда и сказаннаго предъ симъ не осмѣлится иной выговорить ²⁾. Посему-то страданіями и страстями Богъ умножилъ въ сердцѣ твоемъ памятованіе о Немъ, и страхомъ противнаго побудилъ тебя приступить ко вратамъ Его милосердія, и избавленіемъ отъ сего всѣялъ въ тебя любовь къ Нему; вложивъ же въ тебя любовь, приблизилъ тебя къ чести усыновленія и показалъ тебѣ, сколь богата благодать Его. Ибо откуда узнать бы тебѣ такую Его промыслительность и благопопечительность, если-бы не встрѣтилось тебѣ ничего противнаго? Поэтому лю-

¹⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „по причинѣ нѣкотораго богатства, кратковременной власти и малаго краснорѣчія“.

²⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „даже если вышеупомянутый грѣхъ не будетъ свершѣнъ“.

бовъ къ Богу всего болѣе можетъ быть умножаема въ душѣ твоей симъ именно, т. е. уразумѣніемъ дарованій Его и памятованіемъ о преизбыткѣ промышленія Его. Всѣ сіи блага порождаются для тебя горестями, чтобы научился ты благодарить. Итакъ, памятуй о Богѣ, чтобы и Онъ всегда памятовалъ о тебѣ, и, памятуя, Онъ спасетъ тебя, и примешь отъ Него всякое блаженство. Не забывай Его, паря мыслию въ суетномъ, чтобы и Онъ не забылъ тебя во время браней твоихъ. Будь послушенъ Ему въ изобиліи своемъ, чтобы въ скорбяхъ имѣть предъ Нимъ дерзновеніе въ сердечной и постоянной къ Нему молитвѣ.

Очищай себя предъ Господомъ, всегда имѣя въ сердцѣ своемъ памятованіе о Немъ, чтобы, пробывъ долго безъ памятованія о Немъ, не оказаться тебѣ не имѣющимъ дерзновенія, когда приходишь къ Нему. Ибо дерзновеніе предъ Богомъ бываетъ слѣдствіемъ частаго съ Нимъ собесѣдованія и многихъ молитвъ. Сношеніе съ людьми и пребываніе съ ними бываетъ посредствомъ тѣла; а сношеніе съ Богомъ посредствомъ душевнаго памятованія, внимательности въ молитвахъ и всесожженія. Долговременнымъ храненіемъ памятованія о Богѣ душа по временамъ приводится въ изумленіе ¹⁾ и удивленіе. *Ибо возвеселится сердце ищущихъ Господа. Взыщете Господа, осужденные, и утвердитесь надеждою; взыщете лица Его покаяніемъ* (Псал. 104, 3. 4), и освятитесь святынею лица Его, и очиститесь отъ грѣховъ своихъ. Виновные во грѣхахъ, теките ко Господу, могущему простить грѣхи и презрѣть прегрѣшенія. Ибо съ клятвою изрекъ Онъ черезъ Пророка: *живу Азъ, глаголетъ... Господь, не хочу смерти грѣшника, но еже обратится... и живу быти ему* (Іезек. 33, 11); и еще: *прострохъ руки Мои весь день къ людямъ не покаряющимъ и противу глаголющимъ* (Исаія 65, 2); и еще: *вскую умираете домъ Израилевъ* (Іезек. 33, 11); *обратитесь ко Мнѣ, и обращуся къ вамъ* (Мал. 3, 7); и еще: въ тотъ день, въ который грѣшникъ оставитъ путь свой, и обратится

¹⁾ Духовный восторгъ.

ко Господу, и сотворить судъ и правду, беззаконій его не помяну, но живя живъ будетъ, глаголетъ Господь. И если праведникъ оставить правду свою и, согрѣшивъ, содѣлаетъ неправду, правды его не помяну, но поползновение положу предъ нимъ, и во тьмѣ дѣлъ своихъ, пребывъ въ нихъ, умретъ онъ (Иезек. 18, 21—24; 33, 14—18). Почему же это? Потому что грѣшникъ не преткнется въ грѣхъ своемъ въ тотъ день, въ который обратится ко Господу; и правда праведнаго не избавитъ его въ тотъ день, въ который согрѣшитъ, если пребудетъ онъ въ такомъ грѣхѣ. А Іереміи такъ сказалъ Богъ: *возми себѣ свитокъ книжный и, что сказалъ Я тебѣ, напиши: отъ дне Іосіи царя Іудина, и до сего дне... вся злая, что, какъ сказалъ Я, наведу на народъ сей, да, услышавъ и убоявшись, оставитъ чловѣкъ путь свой лукавый, и, обратившись, покается, и отыму грѣхи ихъ* (Іер. 36, 2. 3). И Премудрость изрекла: *покрываяй грѣхъ свой да не будетъ ни къ чему годенъ; а кто исповѣдуетъ грѣхи свои и оставитъ ихъ, тотъ сподобится милости отъ Бога* (Притч. 28, 13). И Исаія говоритъ: *взыщите Господа, и, взыскавъ, призовите Его, и, приблизившись, да оставитъ пути своя грѣшникъ, и мужъ неправедный совѣты своя, и обратится ко Мнѣ, и помилую васъ. Не суть бо совѣты Мои, якоже совѣты ваши, ниже путіе Мои, якоже путіе ваши* (Исаіи 55, 6—8). *Аще... послушаете Мене, благая земли снѣсте* (Исаіи 1, 19). *Приидите ко Мнѣ, и послушайте Меня, и живы будете душею вашею.* (Ис. 55, 3). *Когда сохранишь пути Господни, и сотворишь волю Его, тогда надѣйся на Господа и призывай Его; И еще глаголющу ти, речетъ: се придохъ* (Исаіи 58, 9).

Когда на неправеднаго находитъ искушеніе, не имѣетъ онъ упованія, чтобы призвать Бога и ожидать отъ Него спасенія, потому что во дни упокоенія своего удалялся отъ воли Божіей. Прежде нежели начнешь брань, ищи себѣ помощи, и прежде недуга взыщи врача. Прежде нежели найдеть на тебя скорбь, молись Богу,—и во время горести найдешь Его, и услышитъ тебя. Прежде нежели пополз-

нешься, призывай и умоляй; и, прежде нежели станешь молиться ¹⁾, уготовь обвѣты, т.-е. запасы на дорогу отсюда. Ковчегъ Ноевъ построенъ былъ во время мира, и дерева его были посажены за столѣтъ; а во время гнѣва неправедные погибли, праведнику же сталъ онъ покровомъ.

Неправедныя уста заграждаются для молитвы ²⁾; потому что осужденіе совѣсти дѣлаетъ человѣка не имѣющимъ дерзновенія. Сердце доброе съ радостію источаетъ слезы въ молитвѣ. Въ комъ міръ мертвъ, тѣ съ радостію терпятъ обиды; а въ комъ міръ живъ, тѣ не могутъ терпѣть обиды, но движимые тщеславіемъ гнѣваются, и отъ неразумнаго движенія приходятъ въ смятеніе или объемлются печалію ³⁾. О, какъ трудно исполнить эту добродѣтель, и какую славу приобрѣтаетъ она у Бога! Кто хочетъ преуспѣть въ сей добродѣтели, т. е., принимая обиды, быть великодушнымъ, тому нужно удалиться отъ своихъ ⁴⁾ и содѣлаться странникомъ; потому что въ отчизнѣ своей невозможно преуспѣть въ этой добродѣтели. Однимъ великимъ и сильнымъ свойственно переносить страданія этой добродѣтели среди своихъ, а также тѣмъ, для которыхъ умеръ этотъ міръ, и которые отrekliсь отъ надежды на всякое настоящее утѣшеніе.

Какъ благодать близка къ смиренномудрiю, такъ болѣзненныя приключенія къ гордынѣ. Очи Господни на смиренномудрыхъ, чтобы возвеселить ихъ. Смирненіе всегда пріемлетъ отъ Бога милость, а жестокосердію и маловѣрiю встрѣчаются страшные случаи. Умалай себя во всемъ предъ всѣми людьми, и будешь возвышенъ предъ князьями вѣка сего. Пред-

¹⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „прежде нежели придешь въ смятеніе“

²⁾ Переведено согласно съ сирійскимъ текстомъ. „грѣхъ заграждаетъ уста при молитвѣ“.

³⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „чьи мысли всецѣло заняты заботой объ этой жизни, тотъ или изъ пустого тщеславія сейчасъ же воспламенится гнѣвомъ, или погружается въ мрачныя мысли, которыя возбуждаются имъ“ (тщеславіемъ).

⁴⁾ Близкихъ

варяй всякаго своимъ привѣтствіемъ и поклономъ, и будешь почтенъ паче приносящихъ въ даръ суфирское ¹⁾ золото.

Уничжай себя, и увидишь въ себѣ славу Божію. Ибо гдѣ произрастаетъ смиреніе, тамъ источается Божія слава. Если будешь стараться пребывать въ явномъ уничиженіи, то Богъ содѣлаетъ, что отъ всѣхъ людей будешь прославляемъ; если же въ сердцѣ своемъ будешь имѣть смиреніе, то въ сердцѣ твоёмъ покажетъ тебѣ Богъ славу Свою. Будь удобопренебрегаемъ въ величіи твоёмъ, а не великимъ въ малости твоей. Старайся быть въ пренебреженіи, и исполнишься Божіей чести. Не домогайся быть почитаемымъ, будучи внутренно исполненъ язвъ ²⁾. Презри честь, чтобы стать почтеннымъ; и не люби чести, чтобы не быть обезчещеннымъ. Кто гонится за честію, отъ того убѣгаетъ она впередъ. А кто убѣгаетъ отъ чести, того настигаетъ она сзади, и дѣлается для всѣхъ людей провозвѣстницею его смиренія. Если пренебрежешь самъ себя, чтобы не быть тебѣ почитаемымъ, то провозгласитъ о тебѣ Богъ. Если за истину понесешь укоризну, то Богъ всѣмъ тварямъ Своимъ повелитъ восхвалять тебя, и отверзутъ предъ тобой дверь славы Создателя твоего, и восхвалятъ тебя, потому что въ тебѣ дѣйствительно есть образъ и подобіе Его.

Кто видѣлъ человѣка, сіяющаго добродѣтелями, людямъ же представляющагося ничтожнымъ, свѣтлаго жизнию, мудраго вѣдѣніемъ и смиреннаго духомъ? Блаженъ, кто смиряетъ себя во всемъ, потому что будетъ онъ превознесенъ. Ибо, кто ради Бога во всемъ смиряетъ и умалаетъ себя, тотъ прославленъ бываетъ Богомъ. Кто алчетъ и жаждетъ ради Него, того упоитъ Богъ Своими благами. Кто терпитъ наготу ради Бога, тотъ одевается Имъ въ ризу нетлѣнія и славы. Кто обнищаетъ ради Бога, тотъ бываетъ утѣшенъ истиннымъ Его богатствомъ. Уничжай

¹⁾ Суфиръ—то же, что Офиръ (3 Царствъ 22, 48).—златоносная мѣстность въ Индіи.

²⁾ Грѣховныхъ.

себя ради Бога, и безъ твоего вѣдома умножится слава твоя. Вою жизнь свою признавай себя грѣшникомъ, чтобы во всей жизни своей быть тебѣ праведнымъ. Будь невѣждою въ мудрости своей, а не кажись мудрымъ, будучи невѣждою. Если смиреніе возвышаетъ человѣка простого и неученаго, то какую, подумай, честь доставитъ оно великимъ и почтеннымъ?

Бѣгай тщеславія, и будешь прославленъ. Бойся гордости, и будешь возвеличенъ. Не дано тщеславіе сынамъ человѣческимъ, и высокоуміе—порожденію женъ. Если добровольно отрекся ты отъ всего житейскаго, то изъ-за ничтожныхъ вещей уже ни съ кѣмъ отнюдь не ссорься. Если возгнушался ты тщеславіемъ, то бѣгай тѣхъ, которые гонятся за нимъ. Бѣгай отъ любостяжательныхъ, какъ и отъ самой стяжательности. Удаляйся отъ ищущихъ наслажденія, какъ и отъ самаго наслажденія. Бѣгай отъ непотребныхъ, какъ и отъ самаго непотребства. Ибо, если одно воспоминаніе о сказанномъ возмущаетъ умъ, то кольми паче возрѣніе на таковыхъ и препровожденіе времени съ ними? Сближайся съ праведными, и чрезъ нихъ приблизишься къ Богу. Обращайся съ имѣющими смиреніе, и научишься ихъ нравамъ. Ибо, если возрѣніе на таковыхъ полезно, то кольми паче ученіе устъ ихъ?

Возлюби нищихъ, чтобы чрезъ нихъ и тебѣ улучшить милость. Не сближайся съ любопрителями, чтобы не быть тебѣ принужденнымъ стать внѣ тишины своей. Безъ отвращенія сноси зловоніе отъ недужныхъ, а особенно—убогихъ, потому что и ты обложенъ тѣломъ. Не упрекай скорбящихъ сердцемъ, чтобы тебя не поразилъ жезлъ ¹⁾ ихъ, и взыщешь утѣшителей—и не найдешь. Не унижай увѣчныхъ, потому что въ адъ пойдемъ всѣ равночестными. Люби грѣшниковъ, но ненавидь дѣла ихъ, и не пренебрегай грѣшными за недостатки ихъ, чтобы самому тебѣ не впасть въ искушеніе, въ которомъ пребываютъ они

1) Т е скорбь ихъ.

Помни, что и ты причастенъ земного естества, и дѣлай добро всѣмъ. Не укоряй требующихъ молитвы твоей и не лишай ихъ умягченныхъ словесъ утѣшенія, чтобы не погибли они, и съ тебя не были взысканы души ихъ. Напротивъ того, подражай врачамъ, которые воспалительныя болѣзни исцѣляютъ прохладительными лѣкарствами, а противоположныя имъ—горячительными.

Когда встрѣтишься съ ближнимъ своимъ, принуждай себя оказывать ему честь выше мѣры его. Лобызай руки и ноги его, обнимай ихъ часто съ великою честію, возлагай ихъ на глаза себѣ, и хвали его даже за то, чего не имѣетъ. А когда разлучишься съ нимъ, говори о немъ все хорошее и что-нибудь досточестное. Ибо симъ и подобнымъ этому привлечешь его къ добру, заставишь его чувствовать стыдъ отъ того привѣтствія, какимъ привѣтствовалъ ты его, и посѣешь въ немъ сѣмена добродѣтели. Отъ такой, снисканной тобою, привычки отпечатлѣется въ тебѣ добрый образъ, пріобрѣтешь въ себѣ смиреніе многое и безъ труда преуспѣешь въ великомъ. А сверхъ этого, если чествуемый тобою и имѣетъ какіе недостатки, легко пріиметъ отъ тебя врачеваніе, постыждаемый тою честію, какую ты оказалъ ему. Пусть всегда будетъ у тебя этотъ нравъ—ко всѣмъ быть благопривѣтливымъ и почтительнымъ. Никого не раздражай ¹⁾ и никого не ненавижь, ни за вѣру ²⁾, ни за худыя дѣла его, но берегись кого-либо и въ чемъ-либо укорять или обличать, потому что есть у насъ нелицепріятный Судія на небесахъ. Если же хочешь обратить кого къ истинѣ, то скорби о немъ, и со слезами и съ любовію скажи ему слово или два, а не воспаляйся на него гнѣвомъ, и да не увидитъ въ тебѣ признака вражды. Ибо любовь не умѣетъ гнѣваться и раздражаться на кого или укорять кого со страстью. Указаніемъ любви и вѣдѣнія служитъ смиреніе, которое рождается отъ доброй совѣсти о Христѣ

¹⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „ни на кого не гнѣвайся“.

²⁾ Т. е. за слабость вѣры или за неправоту вѣры.

Иисусъ. Господъ нашемъ. Ему слава и держава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 58.

О томъ, что Богъ на пользу душъ попустилъ, чтобы она была доступна страстямъ, и о подвижническихъ дѣланіяхъ.

Поползнуться на что-либо грѣховное—обнаруживаетъ человѣческую немощь, потому что Богъ на пользу душъ попустилъ, чтобы она была доступна страстямъ. Ибо Онъ не усмотрѣлъ полезнымъ поставить ее выше страстей прежде пакибытія. И душѣ быть доступною страстямъ—полезно для уязвленія совѣсти; пребывать же въ страстяхъ—дерзко и безстыдно. Есть три способа, которыми всякая разумная душа можетъ приближаться къ Богу: или горячностью вѣры, или страхомъ, или вразумленіемъ Господнимъ. И никто не можетъ приблизиться къ Божіей любви, если не поведетъ его одинъ изъ сихъ трехъ способовъ.

Какъ отъ чревоугодія рождается мятежъ помысловъ, такъ отъ многословія и безчинныхъ бесѣдъ неразуміе и изступленіе ¹⁾ ума. Попеченіе о дѣлахъ житейскихъ смущаетъ душу, а смущеніе ими смущаетъ умъ и лишаетъ его тишины.

Иноку, который посвятилъ себя небесному дѣланію, прилично всегда и во всякое время быть внѣ всякой житейской заботы, чтобы, погрузившись въ себѣ самомъ, вовсе не находить въ себѣ ничего принадлежащаго настоящему вѣку. Ибо, ставъ празднымъ отъ всего таковаго, можетъ безъ развлеченія поучаться въ законѣ Господнемъ день и ночь. Тѣлесные труды безъ чистоты ума то же, что—безплодная утроба и изсохшіе сосцы, потому что не могутъ приблизиться къ

¹⁾ Помраченіе ума

вѣдѣнію Божію. Тѣло они утомляютъ, но не заботятся о томъ, чтобы искоренять страсти въ умѣ, а потому ничего и не пожнутъ. Какъ сѣющій въ терніи ничего не можетъ пожать, такъ уничтожающей себя злопамятностію и любостыжаніемъ ни въ чемъ не можетъ успѣть, но стонаетъ на ложѣ своемъ отъ многого бдѣнія и отъ затруднительности дѣлъ. И Писаніе свидѣтельствуется, говоря: *яко людіе правду сотворившии и ни объ единой изъ заповѣдей Господнихъ не не радѣвшіе, ищутъ у Меня правды и истины, и хотятъ приблизиться ко Мнѣ, Богу, глаголюще: что яко постихомся, и не увидѣлъ еси? Смиримомъ себя, и не увѣдѣлъ еси? Во дни бо пощеній вашихъ творите воли ваша* (Ис. 58, 2. 3), т. е. лукавыя мысли ваши,—и приносите ихъ, какъ всесожженія, идоламъ,—и злыя помыслы, которые признали вы въ себѣ за боговъ, причемъ вы приносите имъ драгоцѣннѣйшую изъ всѣхъ жертвъ—вашу свободную волю¹⁾, которую вы должны были посвящать Мнѣ посредствомъ вашихъ добрыхъ дѣлъ и чистой совѣсти.

Добрая земля увеселяетъ своего дѣлателя плодоношеніемъ даже до ста. Если душа просіяла памятованіемъ о Богѣ и неусыпнымъ бдѣніемъ день и ночь, то Господь устраиваетъ тамъ къ огражденію ея облако, осѣняющее ее днемъ и свѣтомъ огненнымъ озаряющее ночь; во мракѣ ея просіяетъ свѣтъ.

¹⁾ Греческое чтеніе *τὸ ὑμῶν σῶμα* „ваше тѣло“—оправдывается сербскимъ переводомъ, но противорѣчитъ переводу Паисія „самовластіе“ и сирійскому тексту. Паисій, вѣроятно, вмѣсто *σῶμα* читалъ *αὐτεξουσίαν*. Мы послѣдовали въ своемъ переводѣ ему и сирійскому тексту, въ которомъ все это мѣсто яснѣе, чѣмъ въ греческомъ (гдѣ, повидимому, фраза „и приносите ихъ, какъ всесожженія, идоламъ“ попала не на свое мѣсто она должна слѣдовать непосредственно за словами „воли ваша“). Въ сирійскомъ текстѣ это мѣсто читается такъ: „... Въ день вашего поста вы творите волю вашу и приносите всѣхъ вашихъ идоловъ. А подъ этимъ разумѣются грѣшныя мысли и злыя помыслы, которые вы считаете въ своей душѣ за идоловъ, закалая имъ ежедневно драгоцѣннѣйшую жертву, именно свою высокую свободу воли, которую вы должны бы были посвящать Мнѣ посредствомъ добрыхъ дѣлъ и святого расположенія сердца“.

Какъ облако закрываетъ свѣтъ луны, такъ испаренія чрева изгоняютъ изъ души Божію премудрость. И что пламень огненный въ сухихъ дровахъ, то и тѣло при наполненномъ чревѣ. И какъ одно горючее вещество, приложенное къ другому, увеличиваетъ огненный пламень, такъ разнообразіе брашенъ увеличиваетъ движеніе въ тѣлѣ. Въ сластолюбивомъ тѣлѣ не обитаетъ вѣдѣніе Божіе; и кто любитъ свое тѣло, тотъ не улучитъ Божіей благодати. Какъ въ болѣзняхъ рожденія происходитъ на свѣтъ плодъ, веселящій родившую, такъ при трудѣ гортани ¹⁾ рождается въ душѣ плодъ—вѣдѣніе тайнъ Божіихъ, у лѣнивыхъ же и сластолюбивыхъ—плодъ стыда. Какъ отецъ заботится о чадахъ, такъ и Христосъ печется о тѣлѣ, злостраждущемъ ради Него, и всегда бываетъ близъ устъ его. Стяжаніе дѣланія, совершаемаго съ мудростію, неощенно.

Тотъ—странникъ ²⁾, кто мыслию своею сталъ внѣ всего житейскаго. Тотъ плачущій ³⁾, кто, по упованію будущихъ благъ, всѣ дни жизни своей проводитъ въ алчбѣ и жадѣ. Тотъ монахъ, кто пребываетъ внѣ міра и всегда молить Бога, чтобы улучшить ему будущія блага. Богатство монаха—утѣшеніе, находимое въ плачѣ, и радость отъ вѣры, возсіявающая въ тайникахъ ума. Тотъ милостивъ, кто въ мысли своей не отличаетъ одного отъ другого, но милуетъ всѣхъ. Тотъ дѣвственникъ, кто не только сохранилъ тѣло неоскверненное плотскимъ совокупленіемъ, но даже стыдится себя самого, когда бываетъ одинъ. Если любишь цѣломудріе, отгони срамные помыслы упражненіемъ въ чтеніи и продолжительною молитвою, и тогда будешь имѣть оружіе противъ естественныхъ побужденій, а безъ сего невозможно увидѣть въ душѣ чистоту. Если желаешь быть милостивымъ, приобучи себя сперва всѣмъ пренебрегать, чтобы умъ не увлекался тяжестью этого и не выходилъ изъ своихъ пре-

¹⁾ Т. е. воздержанія и поста.

²⁾ Т. е. подвижникъ, умершій для міра.

³⁾ Это слово въ сирійскомъ языкѣ означаетъ также монаха.

дѣловъ. Ибо совершенство милосердія выказывается въ терпѣніи предпочитающаго переносить обиды; совершенство смиренія—въ томъ, чтобы съ радостію сносить ложныя обвиненія. Если истинно ты милосердъ, то, когда неправедно отнято у тебя твое, не скорби внутренно, и не рассказывай объ ущербѣ постороннимъ. Пусть лучше ущербъ, нанесенный обидѣвшими тебя, поглощенъ будетъ твоимъ милосердіемъ, какъ терпкость вина поглощается множествомъ воды. Докажи множество милосердія своего тѣмъ благами, какія воздаешь обидѣвшимъ тебя, какъ и блаженный Елисей поступилъ съ врагами своими, намѣревавшимися взять его въ плѣнъ. Ибо, когда помолился и ослѣпилъ ихъ тьмою, показалъ тѣмъ, какая въ немъ сила, а когда, давъ имъ пищу и питіе, позволилъ уйти, доказалъ тѣмъ, каково его милосердіе (4 Цар. 6, 13—23).

Кто истинно смиренномудръ, тотъ, будучи обиженъ, не возмущается и не говоритъ ничего въ свою защиту о томъ, въ чемъ онъ обиженъ, но принимаетъ клеветы, какъ истину, и не старается увѣрять людей, что онъ оклеветанъ, но проситъ прощенія. Ибо иные добровольно навлекали на себя названіе блудныхъ, не будучи таковыми; другіе же терпѣли именованіе прелюбодѣевъ, будучи далекими отъ прелюбодѣянія, и слезами свидѣтельствовали, что несутъ на себѣ плодъ грѣха, котораго не дѣлали, и съ плачемъ просили у обидѣвшихъ прощенія въ беззаконіи, котораго не совершали, когда душа ихъ была увѣнчана всякою чистотою и непорочною. Иные же, чтобы не прославляли ихъ за превосходныя правила жизни, соблюдаемыя ими втайнѣ, представлялись въ образъ юродивыхъ, бывъ растворены Божественною солюю и непоколебимы въ своей тишинѣ, такъ что на высотѣ совершенства своего святыхъ ангеловъ имѣли провозвѣстниками своихъ доблестей.

Ты думаешь о себѣ, что есть въ тебѣ смиреніе. Но другіе сами себя обвиняли, а ты, и другими обвиняемый, не переносишь сего, и считаешь себя смиренномудрымъ. Если хочешь узнать, смиренномудръ

ли ты, то испытай себя въ сказанномъ: не приходишь ли въ смятеніе, когда тебя обижаютъ ¹⁾?

Спаситель многими обителями у Отца называетъ различныя мѣры разумѣнія водворяемыхъ въ оной странѣ, т. е. отличія и разность духовныхъ дарованій, какими наслаждаются по мѣрѣ разумѣнія. Ибо не разность мѣстъ, но степени дарованій назвалъ Онъ многими обителями. Какъ чувственнымъ солнцемъ наслаждается каждый соразмѣрно чистотѣ и пріемлемости силы зрѣнія, и какъ отъ одного свѣтильника въ одномъ домѣ освѣщеніе бываетъ различно, хотя свѣтъ не дѣлится на многія свѣтенія, такъ въ будущемъ вѣкѣ всѣ праведные нераздѣльно водворяются въ одной странѣ, но каждый въ своей мѣрѣ озаряется однимъ мысленнымъ солнцемъ и по достоинству своему привлекаетъ къ себѣ радость и веселіе, какъ бы изъ одного воздуха, отъ одного мѣста, сѣдалища, видѣнія и образа. И никто не видитъ мѣры друга своего, какъ, высшаго, такъ и низшаго, чтобы, если увидитъ превосходящую благодать друга и свое лишеніе, не было это для него причиною печали и скорби. Да не будетъ сего тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія! Напротивъ того, каждый, по данной ему благодати, веселится внутренно въ своей мѣрѣ. Но зрѣлище ²⁾, находящееся внѣ всѣхъ, есть одно, и мѣсто одно ³⁾, и кромѣ сихъ двухъ степеней нѣтъ иной посредствующей степени, разумѣю же одну степень горнюю, другую дольную, посреди же ихъ разнообразіе въ разности воздаяній.

Если же это справедливо (какъ и дѣйствительно справедливо), то что несмысленнѣе или неразумнѣе такой рѣчи: „довольно для меня избѣжать геенны, о томъ же, чтобы войти въ царство, не забочусь“? Ибо избѣжать геенны и значить это самое—войти въ цар-

¹⁾ Это мѣсто переведено по греческому разночтенію, согласному съ древнимъ славянскимъ переводомъ.

²⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „предметъ созерцанія“.

³⁾ Изъ древ. славян. перевода видно, что вмѣсто *χαρά* должно читать здѣсь *χώρα*. Въ сирійскомъ текстѣ такъ же: „мѣсто“.

ство; равно какъ лишиться царства—значить войти въ геенну. Писаніе не указало намъ трехъ странъ, но что́ говоритъ? *Егда прїидетъ Сынъ Человѣческій въ славу Своей.., и поставитъ овцы одесную Себе, а козлища ошуюю* (Мѳ. 25, 31. 33). Не три наименовалъ сонма, но два,—одинъ одесную, другой ошуюю. И раздѣлилъ предѣлы различныхъ обитателей ихъ, сказавъ: *и идутъ сіи, т. е. грѣшники, въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчномъ* (Мѳ. 25, 46) *просвѣтятся яко солнце* (Мѳ. 13, 43). И еще: *отъ востокъ и западъ прїидутъ, и возлягутъ на лонъ Авраамовомъ во царствіи небеснѣмъ; сынове же царствія изгнани будутъ во тму кромѣшную, гдѣ плачъ и скрежетъ зубомъ* (Мѳ. 8, 11. 12), что—страшнѣе всякаго огня. Не уразумѣлъ ли ты изъ сего, что состояніе, противоположное горней степени, и есть та мучительная геенна?

Прекрасное дѣло—научать людей благодати Божіей, привлекать ихъ непрерывностію Промысла Божія, и отъ заблужденія приводить къ познанію истины. Ибо таковъ былъ образъ дѣйствія у Христа и Апостоловъ, и онъ весьма высокъ. Если же человекъ, при таковомъ образѣ жизни и частомъ общеніи съ людьми, чувствуетъ въ себѣ, что немощна совѣсть его при возрѣніи на существующее, и возмущается тишина его, и помрачается вѣдѣніе, потому что умъ его имѣетъ еще нужду въ охраненіи и въ подчиненіи чувствъ, и, желая врачевать другихъ, губитъ онъ собственное свое здравіе и, оставляя собственную свободу воли своей, приходитъ въ смятеніе ума, то пусть вспомнитъ таковой Апостольское слово, внушающее намъ, что *совершенныхъ есть твердая пища* (Евр. 5, 14.), и пусть возвратится вспять, чтобы не услышать отъ Господа сказаннаго въ притчѣ: *врачу, исцѣлись самъ* (Лук. 4, 23). Пусть осуждаетъ самъ себя и охраняетъ здравіе свое, и вмѣсто чувственныхъ словъ его да служитъ доброе его житіе, и вмѣсто гласа устъ его да учатъ его дѣянія. И когда узнаетъ, что душа его здрава, тогда пусть пользуется другихъ и врачуетъ своимъ здравіемъ. Ибо когда будетъ вдали отъ людей, тогда можетъ больше сдѣлать

имъ добра ревностію о добрыхъ дѣлахъ, нежели сколько сдѣлаеть словами, будучи самъ немощенъ и болѣе ихъ имѣя нужду въ исцѣленіи. *Слѣпецъ слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ* (Матѳ. 15, 14). Твердая пища прилична здоровымъ, имѣющимъ обученныя чувства, способнымъ принимать всякую пищу, т. е. прираженія отъ всякихъ чувствъ ¹⁾, и, по причинѣ обученія въ совершенствѣ, отъ какихъ бы то ни было встрѣчъ не видѣтъ вреда сердцу.

Когда діаволъ захочетъ осквернить умъ таковыхъ людей блуднымъ воспоминаніемъ, тогда испытываетъ сперва терпѣніе ихъ любовію къ тщеславію, и предначатіе сего помысла не представляется страстію. Такъ обыкновенно поступаетъ онъ съ тѣми, которые охраняютъ умъ свой, и въ которыхъ невозможно скоро вложить какое-либо неприличное помышленіе. Когда же исторгнетъ человѣка изъ твердыни ²⁾ его, и начнетъ онъ бесѣдовать съ первымъ помысломъ ³⁾ и удаляться отъ сей твердыни, тогда діаволъ срѣтаетъ его чѣмъ-либо напоминающимъ о блудѣ, и совращаетъ умъ на дѣла непотребныя. И сперва смущается онъ внезапнымъ ихъ прираженіемъ, — тѣмъ, что предшествовавшее цѣломудріе помысловъ встрѣтилось съ такими предметами, отъ возрѣнія на которые далекъ былъ правитель — умъ. И если діаволъ не оскверняетъ его совершенно, то, по крайней мѣрѣ, низводитъ съ прежняго достоинства. Но если умъ отступить назадъ и предупредить первое прираженіе помысловъ ⁴⁾, служащее причиною нашествія вторыхъ помысловъ ⁵⁾, тогда удобно можетъ, при помощи Божіей, преодолѣть страсть.

Страсти отвращать лучше памятованіемъ добродѣтелей, нежели сопротивленіемъ, потому что страсти, когда выступаютъ изъ области своей и воздвигаются

¹⁾ Прираженія всякихъ помысловъ черезъ чувства.

²⁾ Изъ твердыни храненія.

³⁾ Т. е. съ помысломъ тщеславія.

⁴⁾ Отвергнетъ прираженіе помысла тщеславія.

⁵⁾ Блудныхъ.

на брань, отпечатлѣваютъ въ умѣ свои образы и подобія. Брань сія пріобрѣтаетъ великую власть надъ умомъ, сильно возмущая и приводя въ смятеніе помышленія. А если поступитъ по первому, сказанному нами, правилу, то не оказывается въ умѣ и слѣда страстей по отгнаніи ихъ.

Тѣлесный трудъ и поученіе въ Божественныхъ Писаніяхъ охраняютъ чистоту, трудъ же подкрѣпляютъ ¹⁾ надежда и страхъ. Надежду же и страхъ утверждаютъ въ умѣ удаленіе отъ людей и непрестанная молитва. Пока человѣкъ не пріиметъ Утѣшителя, потребны ему Божественныя Писанія для того, чтобы памятованіе добраго напечатлѣлось въ мысли его, и непрестаннымъ чтеніемъ обновлялось въ немъ устремленіе къ добру, и охраняло душу его отъ тонкости грѣховныхъ путей: потому что не пріобрѣлъ онъ еще силы Духа, которая удаляетъ заблужденіе, похищающее душеполезныя памятованія и приближающее его къ холодности черезъ разсѣянiе ума. Но, когда сила Духа низойдетъ въ дѣйствующую въ человѣкѣ душевную силу, тогда вмѣсто закона Писаній укореняются въ сердцѣ заповѣди Духа, и тогда тайно учится у Духа, и не имѣетъ нужды въ пособіи вещества чувственнаго. Ибо, пока сердце учится отъ вещества, непосредственно за ученіемъ слѣдуютъ заблужденіе и забвеніе, а когда ученіе преподается Духомъ, тогда памятованіе сохраняется невредимымъ ²⁾.

Бываютъ помыслы добрые и изволенія добрыя; бываютъ же помыслы лукавыя и сердце лукавое. Первая степень ³⁾ есть движеніе, происходящее въ умѣ подобно вѣтру, воздвигаемому въ морѣ и воздымающему волны; вторая степень ⁴⁾ есть опора и основаніе. И по твердости основанія, а не по движенію помысловъ, бываетъ воздаяніе за доброе и лукавое.

¹⁾ Къ труду побуждаютъ.

²⁾ Ср. 1 Іоан. 2, 27.

³⁾ Т. е. помыслы.

⁴⁾ Т. е. изволенія добрыя или лукавыя (въ сирійскомъ текстѣ: „воля добрая“ и „воля злая“).

Душа не бываетъ въ покоѣ отъ движенія измѣнчивыхъ помысловъ. Если же за каждое изъ нихъ, хотя не имѣетъ оно основанія во глубинѣ сердца, назначишь воздаяніе, то близокъ будешь къ тому, чтобы тысячекратно въ день перемѣнять тебѣ и благое свое, и противное тому.

Безкрылый птенецъ—тотъ умъ, который покаянiемъ недавно вышелъ изъ путь страстей и во время молитвы усиливается возвыситься надъ земными вещами, но не можетъ, а, напротивъ того, ступаетъ еще по лицу земли, не имѣя силъ летать. Однакоже, съ помощію чтенія, дѣланія, страха и попеченія о разныхъ добродѣтеляхъ собираетъ воедино помышленія свои. Ибо не можетъ онъ знать что-либо, кромѣ сего. И этимъ на краткое время сохраняется умъ безъ оскверненія и смущенія¹⁾, но въ послѣдствіи приходятъ воспоминанія, и возмущаютъ и оскверняютъ сердце, потому что человѣкъ не ощутилъ еще того спокойнаго воздуха свободы, въ который, по долгу сему только времени²⁾, забвеніемъ о земномъ вводитъ онъ умъ, ибо пріобрѣлъ тѣлесныя только крыла, т. е. добродѣтели, которыя совершаются наружно, но не видѣлъ еще добродѣтелей созерцательныхъ и не сподобился ощущенія ихъ, а онѣ суть тѣ крыла ума, на которыхъ человѣкъ приближается къ небесному и удаляется отъ земного.

Пока человѣкъ служитъ Господу чѣмъ-либо чувственнымъ, дотолѣ образы сего чувственнаго отпечатлѣваются въ помышленіяхъ его, и Божественное представляетъ онъ въ образахъ тѣлесныхъ. Когда же получитъ онъ ощущеніе внутренняго, тогда, по мѣрѣ ощущенія его, и умъ, отъ времени до времени, будетъ возвышаться надъ образами вещей.

Очи Господни на смиренныхъ сердцемъ и уши Его

¹⁾ Слова „смущенія“ въ греч. текстѣ нѣтъ; нѣтъ его и въ сирійскомъ, но у Паисія оно есть.

²⁾ Здѣсь греческому тексту: *μετά μικρόν χρόνον* предпочтенъ древн. славян. переводъ. Въ сирійскомъ текстѣ: „... (свободнаго воздуха), который можетъ удержать умъ долгое время въ спокойной собранности безъ воспоминаванія о вѣшнихъ вещахъ“.

въ молитву ихъ (Пс. 33, 16). Молитва смиренномудраго какъ бы прямо изъ устъ въ уши. Во время безмолвія твоего благими дѣлами смиренія взывай: „Господи, Боже мой, Ты просвѣтиши тму мою“ (Пс. 17, 29).

Когда душа твоя приблизится къ тому, чтобы выйти изъ тьмы, тогда вотъ что пусть будетъ для тебя признакомъ: сердце у тебя горитъ и, какъ огонь, распалается день и ночь; а потому цѣлый міръ вмѣняешь ты въ уметы ¹⁾ и пепель, не желаешь даже пищи отъ сладости новыхъ, пламенѣющихъ помысловъ, непрестанно возбуждающихся въ душѣ твоей. Внезапно дается тебѣ источникъ слезъ, какъ потокъ, текущій безъ принужденія и примѣшивающійся ко всякому дѣлу твоему, т. е. и во время чтенія твоего, и молитвы твоей, и размышленія твоего, и когда принимаешь пищу и питіе; и во всякомъ дѣлѣ твоёмъ оказывается, что у тебя срастворены съ нимъ слезы. И когда увидишь это въ душѣ своей, будь благонадеженъ, потому что переплылъ ты море; и будь столь прилеженъ къ дѣламъ своимъ, такъ тщательно охраняя себя, чтобы благодать умножалась въ тебѣ со дня на день. А пока не достигнешь въ себѣ этого, ты не совершилъ еще пути своего, и не вступилъ на гору Божію. Если же и послѣ того, какъ обрѣлъ и пріялъ ты благодать слезъ, онѣ прекратятся, и горячность твоя охладѣетъ безъ измѣненія въ чемъ-либо другомъ, т. е. безъ тѣлесной немощи, то—горе тебѣ: ты погубилъ нѣчто, впавъ или въ самомнѣніе, или въ нерадѣніе, или въ расслабленіе. Но что послѣдуетъ за слезами по пріятіи оныхъ, и что бываетъ съ человѣкомъ послѣ сего, объ этомъ напишемъ впоследствии въ другомъ мѣстѣ, въ главахъ о Промыслѣ, какъ просвѣщены мы въ семъ отъ Отцевъ, которымъ ввѣрены были таковыя тайны, и изъ Писаній.

Если не имѣешь дѣлъ, не говори о добродѣтеляхъ. Паче всякой молитвы и жертвы драгоцѣнны предъ Господомъ скорби за Него и ради Него, и паче всѣхъ

¹⁾ Считаешь за соръ.

благоуханій—запахъ пота ихъ. Всякую добродѣтель, совершаемую безъ тѣлеснаго труда, почитай бездушнымъ выкидышемъ. Приношеніе праведныхъ—слезы очей ихъ, и пріятная Богу жертва—воздыханія ихъ во время бдѣній. Воззовутъ ко Господу праведные, угнетаемые тяжестію тѣла, и съ болѣзнованіемъ будутъ возсылать моленія къ Богу, и на вопль гласа ихъ приидутъ на помощь къ нимъ святыя Чины—ободритъ утѣшитъ ихъ надеждою, потому что святыя ангелы, приближаясь къ святымъ мужамъ, являются соучастниками ихъ отраданій и скорбей.

Доброе дѣланіе и смиренномудріе дѣлаютъ человека богомъ на землѣ; а вѣра и милостыня производятъ то, что онъ скоро приближается къ чистотѣ. Невозможно, чтобы въ одной душѣ были и горячность, и сокрушеніе сердца, равно какъ въ опьяненіи невозможно владѣть помыслами. Ибо, какъ скоро дана душѣ сія горячность, отъемлется у нея слезное сокрушеніе. Вино даровано для веселія, и горячность—для душевной радости. Вино согрѣваетъ тѣло, а слово Божіе умъ. Распаляемые горячностію бываютъ восхищаемы размышленіемъ объ умоваемомъ и уготовляютъ мысль свою къ будущему вѣку. Ибо, какъ упившіеся виномъ представляютъ себѣ какія-то извращенныя подобія вещей, такъ упоенные и согрѣтые оною надеждою не знаютъ ни скорби, ни чего-либо мірскаго. Все это и иное, подобное сему, что уготовано шествующимъ стезею добродѣтели, бываетъ съ людьми простосердечными и имѣющими горячую надежду—послѣ постоянного дѣланія и по приобрѣтеніи чистоты. Сіе совершается въ началѣ пути вѣрою души, ибо Господь творитъ все, что хочетъ ¹⁾.

¹⁾ Сравненіе съ сирійскимъ текстомъ показываетъ, что въ греческомъ есть неправильность: слова „послѣ постоянного дѣланія и по приобрѣтеніи чистоты“ поставлены не на своемъ мѣстѣ и должны находиться послѣ словъ „стезею добродѣтели“; да и вообще греч. текстъ не ясенъ. Въ сирійскомъ текстѣ это мѣсто читается такъ: „это случается съ тѣми, кто имѣетъ чистое сердце и горячую надежду, и они вкушаютъ многое уже въ началѣ пути посредствомъ вѣры души, что въ другихъ случаяхъ лишь послѣ долговременныхъ трудовъ очищенія должно да-

Блаженны тѣ, которые ради любви къ Богу препоясали, для моря скорбей, чресла свои простотою и непытливимъ правомъ, и не обращаютъ тыла ¹⁾. Они скоро спасаются въ пристань царствія, упокоиваются въ селеніяхъ добрѣ потрудившихся, утѣшаются отъ злостраданія своего и преисполняются веселіемъ своего упованія. Съ надеждою вступающіе на путь стропотный ²⁾—не возвращаются назадъ и не останавливаются, чтобы входить въ изслѣдованіе о семъ. Но, когда переплывутъ море, тогда, взирая на стропотность пути, приносятъ благодареніе Богу, что избавилъ ихъ отъ тѣснотъ, стремнинъ и отъ такой негладкости въ пути, тогда какъ они и не знали сего. А изъ тѣхъ, которые составляютъ много умствованій, желаютъ быть очень мудрыми, предаются замедленіямъ и боязливымъ помысламъ, приуготовляютъ себя и хотятъ предусматривать вредоносныя причины, большая часть оказываются всегда сидящими при дверяхъ своего дома.

Лѣнивый, посланный въ путь, скажетъ: *левъ на стезяхъ, на путяхъ же разбойницы* (Притч. 22, 14), подобно тѣмъ, которые говорили: *сыновъ исполиновъ тамо видѣхомъ и бѣгомъ предъ нами, яко крузи* (Числ. 13, 34). Это тѣ, которые во время кончины своей оказываются еще въ пути: желаютъ всегда быть мудрыми, а отнюдь не хотятъ положить и начала. А невѣжда, пускаясь въ плаваніе, переплываетъ съ первою горячностію, ни малой не прилагая заботы о тѣлѣ и не разсуждая самъ съ собою, будетъ, или нѣтъ, какой успѣхъ отъ сего труда. Внемли себѣ, да не будетъ у тебя избытокъ мудрости поползновеніемъ душѣ и сѣтію предъ лицомъ твоимъ; напротивъ того, возложивъ упованіе на Бога, мужественно полагай начало пути, исполненному крови, чтобы не оказаться тебѣ

ваться тѣмъ, которые проходятъ по порядку отдѣльныя степени пути добродѣтели. Ибо Господь можетъ творить все, что хочетъ“.

¹⁾ Т. е. не обращаются въ бѣгство. Въ сирійскомъ текстѣ: „...которые просто и безъ размышленій, изъ горячей любви къ Богу, ввѣряютъ себя морю скорбей и не обращаются вспять“.

²⁾ Трудный, жесткій.

скуднымъ всегда и лишеннымъ Божія вѣдѣнія. Страхливый, *блудый вътра не съетъ* (Еккл. 11, 4). Лучше смерть за Бога, нежели жизнь со стыдомъ и лѣнностію. Когда хочешь положить начало Божію дѣлу, сдѣлай прежде завѣщаніе, какъ человѣкъ, которому уже не жить въ этомъ мірѣ, какъ приготовившійся къ смерти и отчаявшійся въ настоящей жизни, какъ достигшій времени срока ¹⁾ своего. И дѣйствительно имѣй это въ мысли, чтобы надежда продлить настоящую жизнь не воспрепятствовала тебѣ подвизаться и побѣдить, потому что надежда продлить сію жизнь ослабляетъ умъ. Посему отнюдь не умудряйся ²⁾ до излишества, но вѣрѣ дай мѣсто въ умѣ своемъ; содержи въ памяти многіе дни будущіе и неисповѣдимые вѣка послѣ смерти и суда, и да не придетъ на тебя нѣкогда ослабленіе, по словамъ Премудраго, что тысяча лѣтъ нынѣшняго вѣка не равняется и одному дню въ вѣкѣ праведныхъ (Пс. 89, 5). Съ мужествомъ начинай всякое доброе дѣло, а не съ двоедушіемъ приступай къ такимъ дѣламъ; не колеблись сердцемъ твоимъ въ упованіи на Бога, чтобы трудъ твой не сталъ бесполезенъ, и дѣланіе твоей службы тягостно. Напротивъ того, вѣруй сердцемъ твоимъ, что Господь милостивъ и ищущимъ Его даетъ благодать, какъ мздовоздаятель, не по дѣланію нашему, но по усердію и по вѣрѣ душъ нашихъ. Ибо говоритъ: *якоже въровалъ еси, буди тебѣ* (Матѣ. 8, 13).

Дѣланія же жительствовающихъ по Богу суть слѣдующія: одинъ цѣлый день бьетъ главу свою ³⁾ и дѣлаетъ это вмѣсто совершенія службы, т. е. часовъ. Иной съ постояннымъ и продолжительнымъ колѣнопреклоненіемъ соединяетъ число молитвъ своихъ. Другой множествомъ слезъ своихъ замѣняетъ для себя службы, и довольствуется тѣмъ. Иной занятъ углубленіемъ въ свои мысли и совокупляетъ съ тѣмъ

¹⁾ Кончины.

²⁾ Т. е. живи не только умомъ, но и вѣрою.

³⁾ Или: „ударяетъ головой о землю“.

опредѣленное ему правило ¹⁾. Другой томить душу свою голодомъ, такъ что не въ состояніи бываетъ совершать службъ. А иной, ревностно поучаясь въ псалмахъ, дѣлаетъ службу сію непрерывною. Иной проводитъ время въ чтеніи, и согрѣвается сердце его. Иной отдается въ плѣнъ, тѣмъ что старается понять Божественный смыслъ въ Божественныхъ Писаніяхъ. Иной, приходя въ восторгъ отъ чуднаго смысла стиховъ, удерживается ²⁾, объятый обычнымъ размышленіемъ и молчаніемъ ³⁾. Другой, вкусивъ всего этого и насытившись, возвратился назадъ, и остался бездѣйственнымъ. А иной, вкусивъ только малое нѣчто и надмившись ⁴⁾, вдался въ заблужденіе. Иному воспрепятствовали хранить правилс его тяжкая болѣзнь и безсиліе, а другому—господство какой-нибудь привычки, или какого-либо пожеланія, или любоначалія, или тщеславія, или любостязательности, или пристрастія къ тому, чтобы собирать вещественное. Иной преткнулся, но возсталъ и не обратилъ хребта своего ⁵⁾, пока не получилъ многоцѣнную жемчужину. Посему всегда съ радостію и усердіемъ полагай начало Божію дѣлу; и если ты чистъ отъ страстей и колебаній сердца, то самъ Богъ возведетъ тебя на вершину, и поможетъ тебѣ, и умудритъ тебя сообразно съ волею Егю, и въ удивленіи пріимешь совершенство. Ему слава и держава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

1) Правило молитвы.

2) Отъ службъ.

3) Въ сирійскомъ текстѣ: „восторгъ отъ изреченій удерживаетъ движеніе губъ въ ихъ обычномъ теченіи“.

4) Здѣсь предпочтено разночтеніе *τυφωθεΐς*, согласное съ древнимъ славянскимъ переводомъ и съ сирійскимъ текстомъ. Въ греч. текстѣ стоитъ *τυφλωθεΐς* „ослѣпленный“.

5) Не обратился назадъ.

С Л О В О 59.

О ЧИНЪ МОНАШЕСКАГО ЖИТІЯ, О СОКРАЩЕНІИ ¹⁾ И РАЗЛИЧІИ ОНАГО, И О ТОМЪ, ПОЧЕМУ И КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ДОБРОДѢТЕЛИ РОЖДАЮТСЯ ОДНА ОТЪ ДРУГОЙ.

Отъ дѣланія съ понужденіемъ ²⁾ рождается безмѣрная горячность, распалляемая въ сердцѣ горячими помысленіями, впервые появляющимися въ умѣ. А сіе дѣланіе и храненіе утончаютъ умъ своею горячностію, и сообщаютъ ему видѣніе. И сіе видѣніе порождаетъ сказанные выше горячіе помыслы во глубинѣ душевнаго видѣнія, которое именуется созерцаніемъ. А сіе созерцаніе порождаетъ горячность, и отъ сей горячности, производимой благодатію созерцанія, рождается слезный потокъ, вначалѣ—въ малой нѣкоторой мѣрѣ, т. е. въ одинъ день много разъ идутъ у человѣка слезы и потомъ оскудѣваютъ, а засимъ слѣдуютъ непрестанныя слезы, и отъ непрестанныхъ слезъ душа пріемлетъ умирненіе помысловъ; отъ умирненія же помысловъ возвышается до чистоты ума, а при чистотѣ ума человѣкъ приходитъ въ видѣніе тайнъ Божіихъ; потому что чистота скрывается въ умирненіи отъ браней. Послѣ же сего умъ достигаетъ до зрѣнія откровеній и знаменій, какъ видѣлъ Пророкъ Іезекииль. Сіе изображаетъ три степени, по которымъ душа приближается къ Богу. Начало всему этому—благое предъ Богомъ преднамѣреніе и виды дѣлъ безмолвія непреложныя; они порождаются многими отсѣченіемъ и удаленіемъ себя отъ дѣлъ житейскихъ. Нѣтъ болышой необходимости говорить о каждомъ видѣ сихъ дѣлъ, потому что они всѣмъ извѣстны; впрочемъ, поелику описаніе оныхъ не бесполезно, и даже, какъ я утверждаю, скорѣе полезно читающимъ, то не должно лѣниться описать оныя.

¹⁾ Въмѣсто *συγκομίαις* „сокращенія“, можетъ быть, слѣдуетъ читать *συνκομίαις* „напряженности“.

²⁾ Т. е. съ самопринужденіемъ.

Это суть: алканіе, жажданіе ¹⁾, чтеніе, всенощное и трезвенное бдѣніе, по мѣрѣ силъ каждаго, и множество поклоновъ, которые слѣдуетъ совершать и въ часы дневные, и многожды ночью. Пусть же самую малою мѣрою будетъ для тебя—положить тридцать поклоновъ въ одинъ разъ, потомъ поклониться честному кресту, и тѣмъ кончить. Но есть и такіе, которые, по силѣ своей, прибавляютъ къ этой мѣрѣ (поклоновъ). Иные же въ единой молитвѣ проводятъ три часа, имѣя умъ трезвенный и повергшись лицомъ на землю безъ принужденія и паренія помысловъ. И два сѣи вида обнаруживаютъ и показываютъ множество богатства благодати, т. е. благодати, какая удѣляется каждому человѣку по мѣрѣ его достоинства. Какой же иной способъ молитвы и пребыванія въ ней, свободнаго отъ принужденія,—сего нахожу я справедливымъ не объявлять, и, ни устнымъ словомъ, ни письменными начертаніями, не изображать чина сей молитвы, чтобы читающій, оказавшись не понимающимъ того, что читаетъ, не почелъ написаннаго не имѣющимъ смысла ²⁾, или, если окажется онъ знающимъ это, не сталъ уничижать того, кто не знаетъ порядка въ этомъ, и въ послѣднемъ случаѣ не произошло бы укоризны, а въ первомъ—смѣха. И тогда, по изреченію Апостола, сказанному имъ о пророчествующихъ, и я окажусь въ таковыхъ дѣлахъ *многоязычникомъ* (1 Кор. 14, 11). Поэтому, кому желательно уразумѣть сѣ, тотъ пусть идетъ описаннымъ выше путемъ, и послѣдовательно проходитъ умное дѣланіе ³⁾. И когда приступитъ къ этому самымъ дѣломъ, тогда самъ собою познаетъ сѣ и, конечно, не потре-

¹⁾ Слова „жажданіе“ въ греч. текстѣ нѣтъ; оно добавлено изъ перевода Павсія.

²⁾ Въ греч. текстѣ стоитъ слово *ἀνόητος* „безполезнымъ“; Павсій, повидному, имѣлъ чтеніе *ἀνόητος* „неразумѣаема“, „не имѣющимъ смысла“, что мы и приняли здѣсь.

³⁾ Въ греч. текстѣ стоитъ: *ἀκόλουθον ποιείτω τὴν ἐργασίαν τῆς διανοίας* „пусть творитъ дѣланіе, согласно съ разумомъ“. Но Павсій, повидному, имѣлъ чтеніе *ἀκολούθως* и *τῆς διανοίας* „послѣдованно да творитъ дѣланіе мысли“, что мы и приняли здѣсь.

буетъ учителя. Ибо говорятъ: сѣди въ келліи, и это само по себѣ научить тебя всему Богу же нашему да будетъ слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 60.

О РАЗЛИЧНЫХЪ СПОСОБАХЪ БРАНИ, КАКУЮ ДІАВОЛЪ ВЕДЕТЬ СЪ ШЕСТВУЮЩИМИ ПУТЕМЪ ТѢСНЫМЪ, ПРЕВЫСИМЪ МІРА.

У сопротивника нашего діавола есть древній обычай со вступающими въ подвигъ сей хитро разнообразить борьбу свою—соотвѣтственно образу вооруженія ихъ ¹⁾, и, соображаясь съ намѣреніемъ лица, измѣняетъ онъ способъ своего ратоборства. Которые лѣнны произволеніемъ и немощны помыслами, на тѣхъ обращаетъ особое вниманіе, и съ самаго начала сильно нападаетъ на нихъ, такъ что возставляетъ противъ нихъ твердыя и сильныя искушенія, чтобы въ началѣ пути заставить ихъ извѣдать всѣ способы лукавства его, чтобы съ перваго подвига объяла ихъ боязнь, путь ихъ показался имъ жестокимъ и неудобопроходимымъ, и сказали они такъ: „если начало пути такъ тяжело и трудно, то кто можетъ до самаго конца его выдержать многія находящіяся посреди его трудности?“ И съ этого времени не могутъ уже они снова возстать или итти впередъ, и даже видѣть что-либо иное отъ гнетущей заботы о семъ. И мало-помалу діаволъ усиливаетъ съ ними жестокую брань свою, чтобы обратить ихъ такимъ образомъ въ бѣгство. Лучше сказать, Самъ Богъ попускаетъ діаволу превозмогать ихъ, и ни въ чемъ не вспомоществуетъ имъ, потому что съ сомнѣніемъ и холодностію вступили они въ подвигъ Господень. Ибо говоритъ Богъ: *проклятъ всякъ творяй дѣло Господне съ небреженіемъ, и возбраняющій рукъ отъ крове* (Іер. 48, 10); и еще:

¹⁾ Въ греч. текстѣ: τῶν ὀπλῶν αὐτοῦ, „вооруженія своего“ (т. е. діавола). Павсій, повидимому, имѣлъ чтеніе αὐτῶν „оружій ихъ“, что нами и принято здѣсь.

Господь *близъ боящихся Его* (Пс. 84, 10). Ибо безъ страха и холодности итти противъ діавола повелѣваетъ Богъ, говоря: *начни только губить его, и устремись на брань съ нимъ, и сразись съ нимъ мужественно, и возложу страхъ твой на всѣхъ враговъ твоихъ подъ небомъ,*— глаголетъ Господь (Втор. 11, 25). Ибо если не умрешь добровольно чувственною смертію за благодать Божію, то поневолѣ умрешь духовно—для Бога.

Поэтому, если такова твоя участь, безъ отягощенія ¹⁾ добровольно пріими за Бога временныя страданія, чтобы войти въ славу Божію. Ибо, если въ подвигѣ Господнемъ умрешь тѣлесно, Самъ Господь увѣнчаетъ тебя, и честнымъ останкамъ твоимъ даруетъ Богъ честь мучениковъ. Посему, какъ сказалъ я выше, тѣ, которые въ самомъ началѣ были нерадивы и разслаблены и не рѣшились предать себя на смерть, тѣ съ сего времени во всѣхъ браняхъ оказываются слабыми, а не мужественными. Лучше же сказать, Богъ попускаетъ, чтобы они были гонимы и побѣждаемы во браняхъ, потому что не по-истинѣ взыскали Его, но, какъ бы искушая и издѣваясь, пытались совершить дѣло Божіе. Потому и самъ діаволь изначала узналъ ихъ, и испыталъ ихъ въ помыслахъ ихъ, каковы они, т. е.—боязливы и самолюбивы и болѣе всего щадятъ тѣло свое. И посему-то какъ бы бурей гонить ихъ, такъ какъ не видитъ въ нихъ духовной силы, какую обыкъ видѣть въ святыхъ. Ибо, соотвѣтственно произволенію челоуѣка стремиться къ Богу и намѣренію стремиться къ цѣли ради Него, и Богъ содѣйствуетъ, и помогаетъ, и являетъ ему Свое о немъ промышленіе. А діаволь не можетъ приближаться къ челоуѣку или наводитъ на него искушенія, если челоуѣкъ не вознерадитъ, и Богъ не попуститъ на него (искушеній). Или, если кто допуститъ себя до срамныхъ помысловъ самомнѣніемъ и превозношеніемъ, или помысломъ сомнѣнія и двоедушія, то діаволь испрашиваетъ таковыхъ себѣ на искушеніе.

¹⁾ Безъ малодушія.

Новоначальныхъ же, простыхъ и неопытныхъ, не испрашиваетъ онъ у Бога, подобно святымъ и великимъ, для искушенія ихъ. Ибо знаетъ, что Богъ не попуститъ таковымъ впасть въ руки его, (такъ какъ Богу извѣстно, что нѣтъ у нихъ достаточныхъ силъ противъ діавольскихъ искушеній), развѣ будетъ въ нихъ одна изъ сказанныхъ причинъ, и тогда сила Промысла Божія удаляется отъ нихъ. Это есть первый способъ діавольскихъ браней.

О второмъ способѣ діавольскихъ браней.

А которые, какъ видитъ діаволь, мужественны, сильны, ни во что вмѣняютъ смерть, исходятъ на дѣло съ великою ревностію, предають себя на всякое искушеніе и на смерть, пренебрегаютъ жизнью мірскою, тѣломъ и всѣми искушеніями, навстрѣчу тѣмъ не вдругъ выходитъ діаволь, и по большей части не показываетъ себя имъ, скрывается, уступаетъ имъ мѣсто и не встрѣчается съ ними при первомъ ихъ устремленіи, и не вступаетъ съ ними въ брань. Ибо знаетъ, что всякое начало брани бываетъ горячѣе; и извѣстно ему, что подвижникъ имѣетъ великую ревность, а ревностные воители не легко побѣждаются. Дѣлаетъ же это діаволь, не ихъ самихъ устрашаясь, но боится онъ окружающей ихъ, его устрашающей, Божественной силы. Посему, пока видитъ ихъ таковыми, не осмѣливается даже прикоснуться къ нимъ— до тѣхъ поръ, пока не увидитъ, что охладѣли они въ ревности своей, и тѣ оружія, какія уготовали себѣ въ мысляхъ своихъ, сложили съ себя измѣненіемъ Божественныхъ словесъ и памятованій, содѣйствующихъ и вспомоствующихъ имъ; во время же лѣнности ихъ обращаетъ на нихъ вниманіе, когда уклонятся они нѣсколько отъ первыхъ помысловъ своихъ, и сами отъ себя начнутъ изобрѣтать то, что служитъ къ одолѣнію ихъ въ нихъ же источающимися ласкательствами ¹⁾ мудрованія ихъ, и сами отъ

¹⁾ Обольщеніями.

себя душамъ своимъ искапываютъ ровъ погибели отъ лѣности происходящимъ пареніемъ помысловъ, отъ которыхъ въ нихъ, т. е. въ мысляхъ и въ сердцахъ ихъ, воцарилась холодность. И діаволь, когда удерживается отъ нападенія на нихъ, дѣлаетъ сіе непроизвольно, не потому, что щадитъ ихъ или стыдится ихъ, ибо ни во что вмѣняетъ ихъ. Напротивъ того, разсуждаю, что нѣкая сила окружаетъ тѣхъ, которые съ пламенною ревностію стремятся къ Богу, съ младенческими чувствами исходятъ на подвигъ, безъ колебанія отрекаются отъ міра, надѣются же на Бога, вѣруютъ въ Него и не знаютъ, съ кѣмъ ведутъ борьбу. Посему Богъ отражаетъ отъ нихъ лютость діавольскаго лукавства, чтобы не приближалась къ нимъ, и врагъ обуздывается, видя Хранителя, всегда ихъ охраняющаго. Ибо, если не отринуть отъ себя причинъ помощи, т. е. молитвъ, трудовъ и смиренномудрія, то Заступникъ и Помощникъ сей никогда не удаляется отъ нихъ.

Смотри, и запиши это въ сердцѣ своемъ, потому что сластолюбіе и любовь къ покою бываютъ причиною поущенія. А если кто пребываетъ въ неослабномъ воздержаніи отъ этого, то никогда не оставляетъ его Божіе содѣйствіе, и врагу не попускается сражаться съ нимъ. Если же и бываетъ когда поущено сразиться съ нимъ для вразумленія его, то сопровождаетъ и поддерживаетъ его святая сила, и не боится онъ демонскихъ искушеній, потому что помысль его бываетъ дерзновенъ и пренебрегаетъ искушеніями ради этой силы. Ибо сама Божественная сила эта научаетъ людей, какъ иной учитъ плавать какого-нибудь малаго ребенка; и когда начнетъ тотъ утопать, выноситъ его изъ воды, потому что ребенокъ плаваетъ надъ руками обучающаго; и когда начнетъ робѣть, какъ бы не утонуть, самъ носящій его на рукахъ своихъ взываетъ съ ободреніемъ ему: „не бойся, я ношу тебя“. И какъ мать учитъ малаго сына своего ходить, удаляется отъ него и зоветъ его къ себѣ, а когда онъ, идя къ матери своей, начнетъ дрожать и, по слабости и младости ногъ и чле-

новъ, падать, мать его прибѣгаетъ и носить его въ объятіяхъ своихъ: такъ и благодать Божія носить и учить людей, которые чисто и въ простотѣ предали себя въ руки Создателя своего, всѣмъ сердцемъ отреклись отъ міра и идутъ во слѣдъ Господа.

А ты, человѣкъ, исходящій во слѣдъ Бога, во всякое время подвига своего помни всегда начало, и первую ревность при началѣ пути, и тѣ пламенѣющіе помыслы, съ какими исшелъ ты въ первый разъ изъ дома своего и вступилъ въ брань. Такъ испытывай себя каждый день, чтобы горячность души твоей не охладѣла въ ревности, воспламенившейся въ тебѣ вначалѣ, и чтобы не лишиться тебѣ одного изъ оружій, въ какія облеченъ ты былъ въ началѣ твоего подвига. И непрестанно возвышай голосъ свой среди воинскаго стана, ободряй и поощряй къ мужеству чадъ десной страны, т. е. помыслы свои, а другимъ, т. е. сторонѣ сопротивника, показывай, что ты трезвенъ. И посему, если вначалѣ увидишь устрашающее тебя устремленіе искушителя, не ослабѣвай: оно, можетъ быть, будетъ тебѣ полезно, потому что Спасящій тебя никому не попускаетъ даромъ ¹⁾ приблизиться къ тебѣ, если не устрояетъ въ этомъ чего-либо къ пользѣ твоей.

Но не показывай нерадѣнія ²⁾ вначалѣ, чтобы, показавъ нерадѣніе здѣсь, не пасть тебѣ, когда идешь впередъ, и не оказаться уже неспособнымъ сопротивляться находящимъ на тебя скорбямъ, разумѣю же скорби по причинѣ голода, немощи, страшныхъ мечтаній и прочаго. Не извращай намѣренія ³⁾ Подвигоположника твоего, потому что дастъ Онъ тебѣ помощь противъ сопротивника, чтобы врагъ не нашелъ тебя, какимъ ожидаетъ. Но призывай непрестанно Бога, плачь предъ благодатію Его, сокрушайся и трудись, пока не пошлетъ тебѣ помощника. Ибо, если

¹⁾ Безъ причины, напрасно.

²⁾ Въ подвигахъ.

³⁾ Здѣсь предпочитается чтеніе, согласное съ древнимъ слав. переводомъ.

однажды увидишь близъ себя Спасающаго тебя, не будешь уже побѣжденъ сопротивляющимся тебѣ врагомъ твоимъ. Вотъ до сего мѣста описаны два способа діавольской борьбы.

О ТРЕТЬЕМЪ СПОСОБѢ ВРАЖЕСКОЙ БРАНИ СЪ СИЛЬНЫМИ И МУЖЕСТВЕННЫМИ.

Посему, когда діаволь послѣ всего этого возстанетъ на кого-нибудь, то уже не имѣетъ онъ силъ къ борьбѣ съ нимъ, лучше же сказать—къ борьбѣ съ укрѣпляющимъ его и помогающимъ ему; человекъ содѣйствіемъ симъ возносится надъ врагомъ, заимствуетъ у содѣйствующаго ¹⁾ силу и терпѣніе, такъ что грубое и вещественное тѣло побѣждаетъ безплотнаго и духовнаго. Когда же увидитъ врагъ всю эту силу, какую человекъ пріялъ отъ Бога, увидитъ, что внѣшнія чувства у человека не побѣждаются видимыми вещами и слышимыми гласами, и помыслы не разслабѣваютъ отъ ласкательствъ и обольщеній его, тогда поэтому обманщикъ этотъ желаетъ отыскать какой либо способъ отдалить отъ человека онаго помогающаго ему ангела; лучше же сказать, обманщикъ этотъ желаетъ ослѣпить умъ человека, которому оказывается помощь, чтобы оказался онъ безпомощнымъ, и возбудить въ немъ помыслы гордыни, чтобы подумалъ онъ въ себѣ, будто бы вся крѣпость его зависитъ отъ его собственной силы, и самъ онъ пріобрѣлъ себѣ это богатство, своею силою сохранилъ себя отъ противника и убійцы. И иногда разсуждаетъ онъ, что побѣдилъ врага случайно; а иногда—что побѣдилъ по безсилію врага (умалчиваю о другихъ образахъ и помыслахъ хулы, при одномъ только воспоминаніи о которыхъ душа впадаетъ въ страхъ); иногда же врагъ, подъ видомъ откровеній отъ Бога, изводитъ на среду прелестъ свою, и въ сновидѣніяхъ показываетъ что-либо человеку, и также во время его бодрствованія преобразуется въ свѣтлаго ангела, и дѣ-

¹⁾ Т е. у ангела-хранителя.

даетъ все, чтобы получить возможность мало-по-малу убѣдить человѣка—хотя немного быть въ единомыслии съ нимъ, чтобы человѣкъ преданъ былъ въ руки его. Если же благоразумный человѣкъ твердо удержитъ помыслы свои, лучше же сказать, удержитъ памятованіе о содѣйствующемъ ему и око сердца своего устремитъ къ небу, чтобы не видѣть нашептывающихъ въ немъ это, то врагъ снова старается изобрѣтать иные способы.

О ЧЕТВЕРТОЙ ПРОТИВОДѢЙСТВЕННОЙ ВРАЖЕСКОЙ БРАНИ.

Итакъ, у него осталось это одно ¹⁾, потому что природа имѣетъ съ симъ сродство; и потому этимъ ¹⁾ преимущественно надѣется онъ причинить погибель человѣку. Въ чемъ состоитъ это ухищреніе? Въ слѣдующемъ: нападать на человѣка посредствомъ естественныхъ его нуждъ. Умъ подвижника ослѣпляется часто видѣніемъ и приближеніемъ къ нему вещей чувственныхъ, и безъ труда побѣждается въ борьбѣ, когда сближается съ ними, гораздо же болѣе—когда онѣ бывають предъ глазами у человѣка. Ибо съ знаніемъ дѣла и съ опытностію пользуется симъ способомъ лютый діаволь, т. е. позналъ онъ сіе опытно на многихъ крѣпкихъ и сильныхъ подвижникахъ, которые пали отъ сего, и дѣлаетъ это хитро. Хотя не можетъ онъ заставитьъ человѣка совершить ²⁾ на дѣлѣ, вслѣдствіе твердости безмолвія его и вслѣдствіе удаленности жилища его отъ поводовъ и причинъ ко грѣху, однакоже усиливается возбудить умъ подвижниковъ къ мечтательности и старается образовать въ нихъ ложныя мечты подъ видомъ истины; чтобы пришли въ вожделѣніе мечтаемаго, производить въ нихъ щекотанія и побужденія останавливаться мыслию на срамныхъ помыслахъ, соглашаться на оныя, содѣлываться въ нихъ виновными, такъ что чрезъ это отступаетъ отъ нихъ помощникъ ихъ. Ибо врагъ знаетъ,

¹⁾ Послѣдній способъ искушенія.

²⁾ Т. е. совершить грѣхъ.

что побѣда челоуѣка, и пораженіе его, и сокровище, и защита его, и все у подвижника заключается въ помыслѣ его, и совершается въ краткое мгновеніе, только бы помыслу подвигнуться съ мѣста, и съ оной высоты снизойти на землю, и произволеніемъ на одно мгновеніе показать свое согласіе, какъ и случилось это со многими изъ святыхъ при мечтательномъ представленіи красоты женской. Если приближались они къ міру на одно или на два поприща, или на разстояніе дневного пути, то врагъ нерѣдко прибѣгалъ къ тому, что дѣйствительно приводилъ къ нимъ женщинъ. А такъ какъ пребывающихъ вдали отъ міра не можетъ уловить въ эту сѣть, то въ мечтаніяхъ показываетъ имъ женскую красоту, показывая имъ ее то въ нарядныхъ платьяхъ и въ соблазнительномъ видѣ, то непристойно—въ образѣ нагой женщины. Симъ и подобнымъ оему однимъ побѣдилъ врагъ на самомъ дѣлѣ, а другіе, по безпечности помысловъ своихъ, поруганы были мечтаніями, и чрезъ то пришли въ глубину отчаянія, уклонились въ міръ, и души ихъ утратили небесную надежду.

Другіе же были крѣпче ихъ, и, просвѣщенные благодатію, побѣдили врага и мечтанія его, попрали плотскія наслажденія, и оказались искусными въ любви Божіей. Часто также врагъ дѣлалъ, что видѣли они мечтательно золото, драгоценныя вещи и золотыя сокровища, а иногда на самомъ дѣлѣ показывалъ имъ это въ той надеждѣ, что, можетъ быть, и успеетъ такими различными мечтаніями остановить кого-либо изъ нихъ въ теченіи его и запнуть одной изъ сѣтей и мрежъ своихъ.

Но Ты, Господи, Господи, вѣдущій немощь нашу, не введи насъ въ таковыя искушенія, изъ которыхъ даже сильныя и болѣе искусныя едва исходятъ побѣдителями послѣ таковой борьбы!

И все это попускается искусителю діаволу, чтобы вести со святыми брань искушеніями, дабы таковыми искушеніями извѣдывалась любовь Божія въ нихъ: дѣйствительно ли, при удаленіи сихъ вещей, въ отшельничествѣ, лишеніи и скудости своей, они бо-

С Л О В О 61.

О томъ, что́ полезно чело́вѣку для приближенія его въ сердце своемъ къ Богу, ка́кая истинная причина сокровенно приближаетъ къ нему помощь, и ка́кая опять причина приводитъ чело́вѣка въ смиреніе.

Блаженъ чело́вѣкъ, который познаетъ немощь свою, потому что вѣдѣніе сіе дѣлается для него основаніемъ, корнемъ и началомъ всякаго добраго усовершенствованія. Какъ скоро познаетъ кто, и дѣйстви-тельно ощутить, немощь свою, тогда воздвигаетъ душу свою изъ разслабленія, омрачающаго оное вѣдѣніе, и богатѣетъ осторожностію. Но никто не можетъ ощутить немощь свою, если не будетъ попу-щено на него хотя малаго искушенія тѣмъ, что́ уто-мляетъ или тѣло, или душу. Тогда, сравнивъ свою немощь съ Божіею помощію, тотчасъ познаетъ ея ¹⁾ величіе. И также, когда разсмотритъ множество при-нятыхъ имъ мѣръ, осторожность, воздержаніе, покровъ и огражденіе души своей, въ чѣмъ надѣялся онъ найти для нея увѣренность, и не обрѣтаетъ,—даже и сердце его, отъ страха и трепета, не имѣетъ ти-шины, то пусть пойметъ и познаетъ тогда, что этотъ страхъ сердца его обнаруживаетъ и показываетъ не-премѣнную потребность для него иного нѣкоего по-мощника. Ибо сердце страхомъ, поражающимъ его и борющимся внутри его ²⁾, свидѣтельствуется и даетъ знать о недостаткѣ чего-то; а симъ доказывается, что не можетъ оно жить съ упованіемъ, потому что, какъ сказано, спасаетъ Божія помощь. Но кто позналъ, что имѣетъ нужду въ Божіей помощи, тотъ совер-шаетъ много молитвъ. И въ какой мѣрѣ умножаетъ ихъ, въ такой смиряется сердце. Ибо всякій моля-щійся и просящій не можетъ не смириться. *Сердце же сокрушенно и смиренно Богъ не унижитъ* (Пс. 50, 19).

1) Помощи Божіей.

2) Сердца.

Поэтому сердце, пока не смирится, не можетъ престать отъ паренія; смиреніе же собираетъ его воедино.

А какъ скоро человѣкъ смирится, немедленно окружаетъ его милость. И тогда сердце ощущаетъ Божественную помощь, потому что обрѣтаетъ возбуждающую въ немъ нѣкую силу упованія. Когда же человѣкъ ощутитъ, что Божественная помощь вспомоществуетъ ему, тогда сердце его сейчасъ же исполняется вѣры. Изъ сего уразумѣваетъ онъ, что молитва есть прибѣжище помощи, источникъ спасенія, сокровище упованія, пристань, спасающая отъ тревоженія, свѣтъ пребывающимъ во тьмѣ, опора немощныхъ, покровъ во время искушеній, помощь въ рѣшительную минуту болѣзни, щитъ избавленія во брани, стрѣла, изощренная на враговъ, и просто сказать: открывається, что все множество сихъ благъ имѣетъ доступъ посредствомъ молитвы; и потому отнынѣ услаждается уже онъ молитвою вѣры. Сердце его веселится отъ упованія, и никакъ не остается въ прежнемъ ослѣпленіи и при простомъ вѣщаніи устъ. Но когда уразумѣетъ сіе такимъ образомъ, тогда пріобрѣтетъ въ душѣ молитву, подобную сокровищу, и отъ великаго веселія видъ молитвы своей измѣнитъ въ благодарственные гласы. И вотъ слово, изреченное Тѣмъ, Кто каждой вещи опредѣлилъ собственный ея образъ: „молитва есть радость, возсылающая благодареніе“. Разумѣль же Онъ сію молитву, совершаемую въ вѣдѣніи Бога, т. е. посылаемую отъ Бога; потому что не съ трудомъ и утомленіемъ молится тогда человѣкъ, какова всякая иная молитва, какою молится человѣкъ до ощущенія сей благодати; но съ сердечною радостію и удивленіемъ непрестанно источаетъ благодарственныя движенія при неисчислимымъ колѣнопреклоненіяхъ,—и отъ множества возбужденій къ вѣдѣнію, отъ удивленія и изумленія предъ благодатію Божіею внезапно возвышаетъ гласъ свой, пѣснословя и прославляя Бога, возсылаетъ благодареніе Ему и въ крайнемъ изумленіи приводитъ въ движеніе языкъ свой.

Кто достигъ сюда дѣйствительно, а не мечтательно,

самымъ дѣломъ положилъ въ себѣ многіе признаки и по долгомъ самоиспытаніи узналъ многія особенности, тотъ знаетъ, что́ говорю; потому что не противно сіе ¹⁾. И отнынѣ да престанетъ помышлять суетное, да пребываетъ неотступно предъ Богомъ въ непрестанной молитвѣ, съ боязнію и страхомъ, чтобы не лишиться великой Божіей помощи.

Всѣ сіи блага рождаются въ человѣкѣ отъ познанія собственной немощи. Ибо по великому желанію помощи Божіей приближается онъ къ Богу, пребывая въ молитвѣ. И въ какой мѣрѣ приближается онъ къ Богу намѣреніемъ своимъ, въ такой и Богъ приближается къ нему дарованіями Своими, и не отъемлетъ у него благодати за великое его смиреніе, потому что онъ, какъ вдова предъ судіею, неотступно вопіетъ защитить отъ соперника. Поэтому же щедролюбивый Богъ удерживаетъ отъ него дары благодати, чтобы служило сіе для человѣка причиною приближаться къ Богу, и чтобы ради потребности своей человѣкѣ неотлучно пребывалъ предъ Истоходящимъ служащее на пользу. И нѣкоторыя прошенія его Богъ исполняетъ очень скоро, именно тѣ, безъ которыхъ никто не можетъ спастись, а другія медлитъ исполнить. И въ иныхъ обстоятельствахъ отражаетъ отъ него и разсѣваетъ палящую силу врага ²⁾, а въ другихъ попускаетъ впадать въ искушеніе, чтобы это испытаніе, какъ уже сказалъ я, служило для него причиною приблизиться къ Богу, и чтобы научился онъ, и имѣлъ опытность въ искушеніяхъ. И вотъ слово Писанія: Господь оставилъ многіе народы, не истребилъ ихъ и не предалъ въ руки Исуса, сына Навина, чтобы наставить ими сыновъ израилевыхъ, и чтобы колѣна сыновъ израилевыхъ вняли ихъ урокамъ и научились брани (Суд. 3, 1. 2). Ибо у праведника, не познавшаго своей немощи, дѣла его какъ бы на остріѣ бритвы, и вовсе недалекъ онъ отъ паденія и отъ тлетворнаго льва, разумѣю же демона

¹⁾ Т. е. не противно истинѣ.

²⁾ Тяжесть брани вражіей.

гордыни. И еще, кто не знаетъ своей немощи, тому недостаетъ смиренія; а кому недостаетъ его, тотъ не достигъ до совершенства; и не достигшій до онаго всегда бываетъ въ страхѣ, потому что градъ его не утвержденъ на столпахъ желѣзныхъ и на порогахъ мѣдныхъ, т. е. на смиреніи. Смирение же не иначе можетъ кто пріобрѣсти, какъ тѣми способами, какими обыкновенно пріобрѣтается сердце сокрушенное и уничиженныя о себѣ помышленія. Посему-то и врагъ нерѣдко отыскиваетъ себѣ слѣдъ причины, чтобъ со- вратить человѣка. Ибо безъ смиренія не можетъ быть совершенно дѣло человѣка, и къ рукописанію свободы его не приложена еще печать Духа, лучше же ска- зать—донынѣ онъ рабъ, и дѣло его не превзошло страха; потому что никому не исправить дѣла своего безъ смиренія и не вразумиться безъ искушеній; а безъ вразумленія никто не достигаетъ смиренія.

Посему-то Господь оставляетъ святымъ причины къ смиренію и къ сокрушенію сердца въ усиленной молитвѣ, чтобы любящіе Его приближались къ Нему посредствомъ смиренія. И нерѣдко устрашаетъ ихъ страстями ихъ естества и поползновеніями срамныхъ и нечистыхъ помышленій, а часто—укоризнами, оскорбленіями и заушеніями отъ людей; иногда же—болѣзнями и недугами тѣлесными; и въ другое время—нищетою и скудостію необходимо-потребнаго, то—му- чительностію сильнаго страха, оставленіемъ, явную бранью діавола, чѣмъ обыкновенно устрашаетъ ихъ, то—разными страшными происшествіями. И все это бываетъ для того, чтобы имѣть имъ причины къ смиренію и чтобы не впасть имъ въ усыпленіе не- радѣнія, или по причинѣ тѣхъ недуговъ, въ какихъ находится подвижникъ, или ради будущаго страха. Посему искушенія по необходимости полезны людямъ. Но говорю сіе не въ томъ смыслѣ, будто бы чело- вѣку слѣдуетъ добровольно разслаблять себя срам- ными помыслами, чтобы памятованіе о нихъ служило для него поводомъ къ смиренію, и будто бы долженъ онъ стараться впадать въ другія искушенія; но—въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ ему въ добродѣланіи во

всякое время трезвиться, соблюдать душу свою и помышлять, что онъ—тварь, и потому легко подвергается измѣненію. Ибо всякая тварь въ защиту себѣ требуетъ Божіей силы, и всякій, кто требуетъ защиты отъ другого, обнаруживаетъ тѣмъ естественную немощь. А кто позналъ немощь свою, тому по необходимости потребно смириться, чтобы потребное для себя получить отъ Могущаго дать сіе. И если-бы изначала зналъ и видѣлъ онъ немощь свою, то не вознерадѣлъ бы. И если-бы не вознерадѣлъ, то и не впалъ бы въ сонъ, и для пробужденія своего не былъ бы преданъ въ руки оскорбляющихъ его.

Итакъ, шествующему путемъ Божіимъ надлежитъ благодарить Бога за все, приключаящееся съ нимъ, укорять же и осыпать упреками душу свою, и знать, что попущено сіе Промыслителемъ не иначе, какъ по собственному его какому-нибудь нерадѣнію, для того, чтобы пробудился умъ его, или потому, что онъ возгордился. И потому да не смущается онъ, да не оставляетъ поприща и подвига, и да не перестанетъ укорять себя,—чтобы не постигло его сугубое зло; потому что нѣтъ неправды у Бога, источающаго правду. Да не будетъ сего! Ему слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 62.

О словесахъ Божественнаго Писанія, побуждающихъ къ покаянію, и о томъ, что изречены оныя по немощи человѣческой, чтобы люди не погибли, отпавъ отъ Бога живаго, и что не должно понимать оныя, какъ поводъ къ тому, чтобы грѣшить.

То мужество въ покаяніи, которое Отцы дѣлами своими показали ¹⁾ и въ божественныхъ своихъ писаніяхъ положили ²⁾, и ту силу его, какая изобра-

¹⁾ Слово: „дѣлами своими показали“ нѣтъ въ греч. текстѣ; они взяты изъ перевода Палсіа.

²⁾ Т. е. изложилъ.

жена въ Писаніяхъ Апостоловъ и Пророковъ, не должны мы понимать, какъ пособіе къ тому, чтобы грѣшить и разорять ненарушимыя постановленія Господни, какія отъ дней древнихъ устами всѣхъ святыхъ, во всѣхъ писаніяхъ и законоположеніяхъ, опредѣлены силою Божіею къ истребленію грѣха. Ибо для того, чтобы стяжать намъ надежду въ покаяніи, придумали они удалить изъ нашего чувства страхъ отчаянія, чтобы всякій человѣкъ поспѣшалъ прійти въ покаяніе и не грѣшилъ небоязненно. Ибо Богъ всѣми мѣрами во всѣхъ Писаніяхъ внушалъ страхъ, и показывалъ, что грѣхъ ненавистенъ Ему. Ибо какъ погибъ въ потопѣ современный Ною родъ? Не за похотливость ли, когда люди съ неистовствомъ возжелали красоты дочерей Каиновыхъ? Не было же въ то время сребролюбія, идолослуженія, волхвованія ¹⁾ и войнъ. За что и содомскіе города пожжены огнемъ? Не за то ли, что члены свои предали вожделѣнію и нечистотѣ, которыя по волѣ ихъ владѣли всѣми ими ²⁾ во всѣхъ скверныхъ и безразсудныхъ дѣяніяхъ? Не за любодѣяніе ли одного человѣка въ одно мгновеніе подпало смерти двадцать пять тысячъ сыновъ первенца Божія, Израиля? За что отверженъ Богомъ сей исполинъ Самсонъ, который въ матерней утробѣ отдѣленъ и освященъ былъ Богу, о которомъ, какъ объ Іоаннѣ, сынѣ Захаріиномъ, до рожденія благовѣствовалъ ангелъ, и который сподобился великой силы и великихъ чудесъ? Не за то ли, что святые члены свои осквернилъ сожитіемъ съ блудницею? За сіе-то удалился отъ него Богъ, и предалъ его врагамъ его. А Давидъ, мужъ по сердцу Божію, за добродѣтели свои сподобившійся того, чтобы отъ сѣмени своего произвести Обѣтованіе отцевъ, и чтобы возсіалъ отъ Него Христосъ во спасеніе всей вселенной, не наказанъ ли за прелюбодѣяніе съ одною женою, когда глазами своими увидѣлъ красоту ея и

¹⁾ Слова: *идолослуженія, волхвованія*, дополнены изъ древняго славян. перевода.

²⁾ Членами.

принялъ стрѣлу въ душу свою? За сіе Богъ воздвигъ на него брань въ дому его, и изгналъ его происшедшій отъ чреслъ его, хотя Давидъ со многими слезами приносилъ покаяніе, такъ что и постелю свою омочалъ слезами, и Богъ изрекъ ему чрезъ Пророка: *Господь отъя согрѣшеніе твое* (2 Цар. 12, 13).

Намѣреваюсь вспомнать и о нѣкоторыхъ прежде него. За что гнѣвъ Божій и смерть пришли на домъ священника Илія, праведнаго старца, сорокъ лѣтъ сіявшаго священствомъ? Не за беззаконіе ли дѣтей его, Офни и Финееса? Ибо не согрѣшилъ самъ онъ, и они грѣшили не по его на то волѣ; но—поелику не было у него ревности наказать ихъ за преступленіе предъ Господомъ, и отецъ любилъ ихъ болѣе, нежели повелѣнія Господни. Итакъ, чтобы не подумалъ кто, что Господь на тѣхъ однихъ, которые всѣ дни жизни своей изжили въ беззаконіяхъ, являетъ гнѣвъ Свой за этотъ безразсудный грѣхъ, Онъ показываетъ ревность Свою на близкихъ къ Нему, на священникахъ, на судіяхъ, князьяхъ, людяхъ освященныхъ Ему, которымъ ввѣрилъ чудотворенія. Симъ даетъ знать, что Богъ никогда не оставляетъ безъ вниманія, какъ скоро являются преступившіе законоположенія Его, какъ написано у Іезекіиля: сказалъ человѣку, которому заповѣдалъ Я истребить Іерусалимъ невидимымъ мечемъ: начни съ предстоящихъ жертвеннику Моему, и не минуй старца и юноши (Іезек. 9, 6). А симъ показываетъ, что близки и любезны Ему тѣ, которые въ страхъ и благоговѣніи ходятъ предъ Нимъ и исполняютъ волю Его, и что благоугодны предъ Богомъ доблестныя дѣла и чистая совѣсть. Уничжающихъ же пути Господни и Онъ унижаетъ, и отвергаетъ ихъ отъ лица Своего, и отъемлетъ у нихъ благодать Свою. Ибо за что вышелъ внезапно приговоръ на Валтасара, и какъ бы рукою поразилъ его? Не за то ли, что посягнулъ на неприкосновенныя приношенія ¹⁾ Ему, какія похитилъ въ Іерусалимѣ, и пилъ изъ нихъ самъ и наложницы

¹⁾ Священные сосуды.

его? Такъ и тѣ, которые посвятили члены свои Богу и снова отваживаются употреблять ихъ на дѣла мірскія, погибають отъ невидимаго удара.

Поэтому не будемъ, въ надеждѣ на покаяніе, съ отважностію, подаваемою намъ Божественными Писаніями, презирать словесъ и угрозъ Божіихъ, и прогнѣвлять Бога несообразностію дѣяній своихъ, и осквернять члены, которые однажды навсегда освятили мы на служеніе Богу. Ибо вотъ и мы освящены Ему, какъ Илія и Елисей, какъ сыны пророцескіе и прочіе святые и дѣвственники, которые совершали великія чудотворенія и лицемъ къ лицу бесѣдовали съ Богомъ, и всѣ бывшіе послѣ нихъ, какъ - то: Іоаннъ дѣвственникъ, и святой Петръ, и прочій ликъ благовѣстниковъ и проповѣдниковъ Новаго Завѣта, которые освятили себя Господу, и пріяли отъ Него тайны, одни изъ устъ Его, другіе чрезъ кровеніе, и стали посредниками Бога и человѣковъ проповѣдниками царства во вселенной.

С Л О В О 63.

ТОМЪ, ЧѢМЪ ОХРАНЯЕТСЯ ДОБРОТА ИНОЧЕСКАГО ЖИТІЯ,
И О ЧИНѢ СЛАВОСЛОВІЯ БОЖІЯ.

Иноку во всемъ своемъ обликѣ и во всѣхъ дѣлахъ своихъ должно быть назидательнымъ образцомъ для всякаго, кто его видитъ, чтобы, по причинѣ многихъ его добродѣтелей, сіяющихъ подобно лучамъ, и враги истины, смотря на него, даже нѣхотя признавали, что у христіанъ есть твердая и непоколебимая надежда спасенія, и отовсюду стекались къ нему, какъ къ дѣйствительному прибѣжищу, и чтобы оттого рогъ Церкви возвысился на враговъ ея, и многіе подвиглись бы къ соревнованію иноческой добродѣтели и оставили міръ, а инокъ содѣлался бы во всемъ досточестнымъ за доброту житія его; потому что иноческое житіе—похвала Церкви Христовой.

Посему иноку должно во всѣхъ отношеніяхъ имѣть прекрасныя черты, т. е. презрѣніе къ видимому, строгую нестяжательность, совершенное небреженіе о плоти, высокій постъ, пребываніе въ безмолвіи, благочиніе чувствъ, охрану зрѣнія, отсѣченіе всякой распри о чемъ-либо въ вѣкѣ семъ, краткость въ словахъ, чистоту отъ злопамятства, при разсудительности простоту, при благоразуміи, проницательности и быстротѣ ума незлобіе и простосердечіе. Ему должно знать, что настоящая жизнь суетна и пуста, и что близка жизнь истинная и духовная; должно не быть знаемымъ или осуждаемымъ отъ людей, не связывать себя дружбою или единеніемъ съ какимъ-либо человѣкомъ; мѣсто жительства имѣть безмолвное; убѣгать всегда отъ людей, съ неослабнымъ терпѣніемъ пребывать въ молитвахъ и чтеніяхъ; не любить почестей, и не радоваться подаркамъ; не привязываться къ жизни сей; мужественно переносить искушенія; быть свободнымъ отъ мірскихъ желаній, отъ развѣдыванія и памятованія о мірскихъ дѣлахъ; заботиться и размышлять всегда объ одной истинной странѣ; имѣть лице скорбное и сморщенное, день и ночь непрестанно проливать слезы; паче же всего этого хранить цѣломудріе свое, быть чистымъ отъ чревоугодія, отъ малыхъ и большихъ недостатковъ. Вотъ, говоря кратко, добродѣтели инока, свидѣтельствующія ему о совершенномъ омертвѣніи его для міра и о приближеніи къ Богу.

Посему во всякое время должно намъ заботиться о сихъ добродѣтеляхъ и приобрѣтать ихъ. Если же кто скажетъ: „какая нужда перечислять ихъ, а не сказать о нихъ вообще и коротко?“—то отвѣчу: „сіе необходимо, чтобы, когда радѣющій о жизни своей взыщетъ въ душѣ своей какой-либо изъ сказанныхъ добродѣтелей, и найдетъ себя скуднымъ въ чемъ-либо изъ перечисленнаго, позналъ онъ изъ этого ничтожество свое во всякой добродѣтели, и перечисленіе сіе служило бы для него въ видѣ напоминанія. Но когда приобрѣтетъ въ себѣ все здѣсь перечисленное, тогда дано ему будетъ вѣдѣніе и о про-

чемъ, не упомянутомъ мною. И будетъ онъ для святыхъ челоуѣковъ виновникомъ славословія Богу. И здѣсь еще, до исшествія своего изъ жизни, уготовитъ душѣ своей мѣсто отрады. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 64.

О ПЕРЕМѢНѢ И ПРЕВРАТНОСТИ, КАКАЯ БЫВАЕТЪ ВЪ ШЕСТВУЮЩИХЪ УСТАНОВЛЕННЫМЪ ОТЪ БОГА ПУТЕМЪ БЕЗМОЛВІЯ.

Кто рѣшился въ умѣ своемъ жить въ безмолвіи, тотъ пусть чинно править собою и остатокъ дней своихъ проводить въ дѣланіи безмолвія по чину онаго. Когда случится, что душа твоя внутренно смущается тьмою, (а сіе обычно въ опредѣленномъ Божіею благодатию чинѣ безмолвія), и подобно тому, какъ солнечные лучи закрываются отъ земли мглою облаковъ, душа на нѣсколько времени лишается духовнаго утѣшенія и свѣта благодати, по причинѣ осѣняющаго душу облака страстей, и умаляется въ тебѣ нѣсколько радостотворная сила, и умъ пріосѣняетъ необычная мгла,—ты не смущайся мыслию и не подавай руки душевному невѣдѣнію, но претерпи, читай книги учителей, принуждай себя къ молитвѣ, и жди помощи. Она придетъ скоро, безъ твоего вѣдома. Ибо, какъ лице земли открывается солнечными лучами отъ объемлющей землю воздушной тьмы, такъ молитва можетъ истреблять и разсѣивать въ душѣ облака страстей, и озарять умъ свѣтомъ веселія и утѣшенія, который обыкновенно порождаетъ она посредствомъ нашихъ помышлений, особенно когда занимаетъ себѣ пищу изъ Божественныхъ Писаній и имѣетъ бодрственность, озаряющую умъ. Всегдашнее погруженіе въ писанія святыхъ (учителей) исполняетъ душу непостижимымъ удивленіемъ и Божественнымъ веселіемъ. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки!

С Л О В О 65.

О БЕЗМОЛВСТВУЮЩИХЪ:

КОГДА НАЧИНАЮТЪ ОНИ ПОНИМАТЬ, ДО ЧЕГО ПРОСТЕРЛИСЬ ДѢЛАМИ СВОИМИ ВЪ БЕЗПРЕДѢЛЬНОМЪ МОРѢ, Т. Е. ВЪ БЕЗМОЛВНОМЪ ЖИТИИ, И КОГДА МОГУТЪ НѢСКОЛЬКО НАДѢЯТЬСЯ, ЧТО ТРУДЫ ИХЪ СТАЛИ ПРИНОСИТЬ ПЛОДЫ.

Скажу тебѣ нѣчто, и не сомнѣвайся въ этомъ; не пренебрегай и прочими словами моими. какъ чѣмъ-то маловажнымъ; потому что предавшіе мнѣ это—люди правдивые, и я, какъ въ этомъ словѣ, такъ и во всѣхъ словахъ моихъ, сказываю тебѣ истину. Если повѣсишь себя за вѣжды очей своихъ, то, пока не достигнешь чрезъ это слезъ, не думай, что достигъ уже чего-то въ прохожденіи жизни своей. Ибо донынѣ міру служить сокровенное твое, т. е. ведешь мірскую жизнь, и Божіе дѣло дѣлаешь внѣшнимъ человѣкомъ, а внутренній человѣкъ еще безплоденъ; потому что плодъ его начинается слезами. Когда достигнешь области слезъ, тогда знай, что умъ твой вышелъ изъ темницы міра сего, поставилъ ногу свою на стезю новаго вѣка, и началъ обонять тотъ чудный новый воздухъ. И тогда начинаетъ онъ ¹⁾ источать слезы, потому что приблизилась болѣзнь рожденія духовнаго младенца, такъ какъ общая всѣхъ мать, благодать, поспѣшаетъ таинственно породить душѣ Божественный образъ для Свѣта будущаго вѣка. А когда наступитъ время рожденія, тогда умъ начинаетъ возбуждаться чѣмъ-то тамошнимъ ²⁾, подобно дыханію, какое младенецъ почерпаетъ извнутри членовъ, въ которыхъ обыкновенно питается. И поелику не терпитъ того, что для него еще необычно, то начинаетъ вдругъ побуждать тѣло къ воплю, смѣшанному съ сладостію меда. И въ какой мѣрѣ питается внутренній младенецъ, въ такой же бываетъ прира-

1) Умъ.

2) Принадлежащимъ къ будущему вѣку.

щеніе слезъ. Но сей описанный мною чинъ слезъ не тотъ, какой съ промежутками ¹⁾ бываетъ у безмолвствующихъ; потому что и у всякаго, пребывающаго въ безмолвіи съ Богомъ, бываетъ по временамъ сіе утѣшеніе, то—когда онъ въ мысленномъ созерцаніи, то—когда занять словами Писаній, то—когда бываетъ въ молитвенномъ собесѣдованіи. Но я говорю не о семъ чинѣ слезъ, а о томъ, какой бываетъ у плачущаго непрерывно день и ночь.

Но кто въ дѣйствительности и точности нашель истину сихъ образовъ, тотъ нашель оное въ безмолвіи. Ибо очи его уподобляются водному источнику до двухъ и болѣе лѣтъ, а потомъ приходитъ онъ въ умиреніе помысловъ; по умиреніи же помысловъ, сколько вмѣщаетъ отчасти естество, входитъ въ тотъ покой, о которомъ сказалъ святой Павелъ (Евр. 4, 3); а отъ сего мирнаго упокоенія умъ начинаетъ созерцать тайны; ибо тогда Духъ Святой начинаетъ открывать ему небесное, и вселяется въ него Богъ, и воскрешаетъ въ немъ плодъ Духа, и оттого, нѣсколько неясно и какъ бы гадательно, человекъ ощущаетъ въ себѣ то измѣненіе ²⁾, какое должно пріять внутреннее естество при обновленіи всяческихъ.

Сіе на память себѣ и всякому, читающему сочиненіе это, написалъ я, какъ постигъ изъ разумѣнія Писаній, изъ повѣданнаго правдивыми устами, а немногое изъ собственнаго опыта, чтобы послужило это мнѣ въ помощь по молитвамъ тѣхъ, кому будетъ сіе на пользу; потому что употребилъ я на это немалый трудъ.

Но послушай еще, что теперь скажу тебѣ, и чему научился изъ нелживыхъ устъ. Когдаходишь въ область умиренія помысловъ, тогда отъемлется у тебя множество слезъ, и потомъ приходятъ къ тебѣ слезы въ мѣру и въ надлежащее время. Это есть самая точная истина; короче сказать, такъ вѣруеть вся Церковь.

¹⁾ По временамъ

²⁾ Духовное

С Л О В О 66.

О томъ, что рабу Божию, обнищавшему въ мірскомъ и испешшему възыскать Бога, изъ страха, что не достигъ уразумѣнія истины не должно, прекращать исканія и охладѣвать въ горячности, порождаемой любовью къ Божественному и изслѣдованіемъ тайнъ Божіихъ; о томъ, какъ умъ оскверняется страстными припоминаніями.

Есть три чина, которыми человекъ преуспѣваетъ: чинъ новоначальныхъ, чинъ средній и чинъ совершенныхъ. И кто въ первомъ чинѣ, у того, хотя образъ мыслей наклоненъ къ добру, однакоже движеніе мысли бываетъ въ страстяхъ. Второй чинъ есть нѣчто среднее между состояніемъ страстнымъ и безстрастіемъ: и десные и шуи помыслы возбуждаются въ человекѣ одинаково, и, какъ уже сказано, не перестаетъ онъ вовсе источать и свѣтъ, и тьму. Если же прекратитъ ненадолго частое чтеніе Божественныхъ Писаній и воображеніе въ умѣ Божественныхъ мыслей, представленіемъ которыхъ воспламеняется онъ къ образамъ истины по мѣрѣ силъ своихъ, съ внѣшнимъ охраненіемъ, отъ котораго рождаются и внутреннее храненіе и достаточное дѣло, то увлекается человекъ въ страсти. Если же естественную горячность свою будетъ питать сказаннымъ выше, и не оставитъ исканія, изслѣдованія и стремленія къ этому издалека, хотя и не видѣлъ сего, но, по указанію чтенія ¹⁾ Божественныхъ Писаній, питаетъ помыслы свои, и удерживаетъ ихъ отъ уклоненія на страну шуюю, и не пріемлетъ въ себя подъ образомъ истины какого-либо діавольскаго посява, а паче—съ любовью хранитъ душу свою, и будетъ просить Бога съ терпѣніемъ въ притрудной молитвѣ, то Богъ Самъ исполнитъ ему прошеніе его, и отверзетъ ему дверь Свою, особливо за смиреніе его; потому

¹⁾ Т. е. воспоминаніемъ читаннаго въ Писаніяхъ.

что откровение тайнъ бываетъ смиренномудрымъ. А если умереть въ семь упованіи, то, хотя бы и не узрѣлъ вблизи оную землю, однакоже, думаю, наслѣдіе его будетъ съ древними праведниками, уповавшими достигнуть совершенства и не узрѣвшими онаго, по Апостольскому слову (Евр. 11, 39); потому что они всѣ дни свои трудились, и почили въ упованіи. Но что же сказать намъ? Если не достигаетъ чело-вѣкъ того, чтобы войти ему въ землю обѣтованія, которая есть образъ совершенства, т. е. чтобы явствен-но, по мѣрѣ естественныхъ силъ, постигнуть ему истину, то ужели за сіе возбранено будетъ ему это и пребудетъ онъ въ послѣднемъ чинѣ ¹⁾, у кото-раго всякое намѣреніе уклонено въ страну шуюю? Или за то только, что не постигъ всей истины, оста-нется въ незнатности ²⁾ послѣдняго чина, который и не познаетъ и не вожделѣваетъ сего? Или подобаетъ ему возвыситься до сего, сказаннаго мною, средняго пути? Ибо хотя и не узрѣлъ онаго ³⁾ иначе, какъ только въ зеркалѣ, однакоже надѣялся издали, и съ этою надеждою приложился къ Отцамъ своимъ; хотя и не сподобился здѣсь совершенной благодати, од-накоже тѣмъ, что всегда приобщался къ ней, всецѣ-лымъ умомъ пребывалъ въ ней, и всю жизнь свою вожделѣвалъ ея, то могъ онъ отсѣкать лукавые по-мыслы; и, по велику надеждою сею сердце его испол-нилъ Богъ, отходитъ онъ изъ міра сего.

Благотѣпно все то, что имѣетъ смиреніе. Постоян-ное духовное поученіе ума въ любви Божіей, путе-водимое разумѣніемъ Божественныхъ Писаній, огра-ждаетъ душу внутри отъ прежнихъ лукавыхъ по-мысловъ и соблюдаетъ умъ памятованіемъ будущихъ благъ, чтобы не расслабѣвалъ онъ отъ нерадѣнія своего и вмѣсто лучшаго не занимался памятова-ніемъ о вещахъ мірскихъ; потому что отъ сего посте-пенно охладѣваетъ горячность чудныхъ его движе-

¹⁾ На самой низкой степени.

²⁾ Въ бесплодности.

³⁾ Обѣтованной земли.

ній, и впадаетъ онъ въ пожеланія суетныя и неразумныя. Богу же нашему да будетъ слава!

С Л О В О 67.

О видахъ надежды на Бога, о томъ, кому должно надѣяться на Бога, и кто надѣется безразсудно и неразумно.

Бываетъ надежда на Бога при сердечной вѣрѣ; и она прекрасна, соединена съ разсудительностію и вѣдѣніемъ; и бываетъ другая, отличная отъ той надежды, слѣдствіе беззаконія, и она есть ложная. Человѣкъ, который вовсе не имѣетъ заботы о вещахъ тлѣнныхъ, но всецѣло, днемъ и ночью, ввѣряетъ себя Господу, не заботится ни о чемъ мірскомъ, по великой своей рачительности о добродѣтеляхъ, все свое время употребляетъ на занятія Божественнымъ и потому нерадитъ о приготовленіи себѣ яствъ и одеждъ, о приготовленіи мѣста жительства тѣлу и о всемъ прочемъ,—такой человѣкъ прекрасно и разумно надѣется на Господа: потому что Господь уготовитъ для него необходимое. И это—подлинно истинная и самая мудрая надежда. Да и справедливо таковому надѣяться на Бога, потому что содѣлался рабомъ Его, и рачителенъ къ дѣлу Его, не предается нерадѣнію, по какой бы то ни было причинѣ. Таковъ достоинъ, чтобы на немъ особеннымъ образомъ показалъ Богъ Свою попечительность; потому что сохранилъ онъ заповѣдь Божію, которая говоритъ: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѣ. 6, 33); *и плоти угодія не творите въ похоти* (Римл. 13, 14). Ибо, при такомъ нашемъ устроеніи ¹⁾, міръ, какъ рабъ какой, приготовить намъ все, безъ сомнѣнія будетъ подчиняться намъ, какъ владыкамъ, не воспротивится словамъ

¹⁾ Душевною.

нашимъ и волѣ нашей. Такой человѣкъ, чтобы не прерывать ему непрестаннаго предстоянія Богу, не предается заботамъ о необходимой потребности тѣла, и, по страху Божію, ни о чемъ о другомъ не печется, кромѣ того одного, чтобы свободнымъ ему быть отъ всякой таковой, малой и великой, заботы, имѣющей цѣлю удовольствіе и пареніе ¹⁾ ума; и однакоже чудеснымъ образомъ получаетъ это, не заботившись и не трудившись о семъ.

Но человѣкъ, у котораго сердце совершенно погребено въ земномъ, который всегда ѣстъ съ змѣемъ персть, никогда не печется о благоугодномъ Богу, но утомленъ и разслабленъ всѣмъ тѣлеснымъ, не совершаетъ ни одной добродѣтели, по причинѣ всегдашнихъ сношеній съ людьми и разсѣянія въ наслажденіяхъ, и представляетъ какіе-либо къ тому предлоги ²⁾,—такой человѣкъ дѣйствительно, по этой лѣности и праздности, отпалъ отъ добраго. И когда будетъ стѣсняемъ скудостію въ чемъ-нибудь или смертію, и подавленъ плодами беззаконій своихъ, тогда и онъ, можетъ быть, скажетъ: „возложу упованіе на Бога, и сдѣлаетъ меня безъ заботы, и дастъ мнѣ послабленіе“. До этого часа не вспоминалъ ты, безумный, о Богѣ, но оскорблялъ Его непотребствомъ дѣлъ своихъ, и имя Божіе ради тебя, какъ написано, хулимо было язычниками (Рим. 2, 24); и нынѣ ли осмѣливаешься говорить отверстыми устами: „на Него возложу упованіе, Онъ поможетъ мнѣ и попечется о мнѣ!“ Въ посрамленіе такихъ хорошо сказалъ Богъ чрезъ Пророка: *Мене день отъ дне ищутъ, и разумѣти пути Моя желаютъ, яко людіе, правду сотворившии, и суда Бога своего не оставившии, просятъ... у Мене суда праведна* (Ис. 58, 2). Къ числу такихъ принадлежитъ сей безумецъ, который и мыслию своею не приближался къ Богу, а какъ скоро окруженъ сталъ скорбями, воздѣваетъ къ Нему руки свои съ упованіемъ. Таковаго потребно было бы много разъ

¹⁾ Разсѣянность.

²⁾ Находить нѣкоторые предлоги къ извиненію.

жечь на огнѣ, чтобы всячески вразумить его; потому что не сдѣлано имъ ничего такого, по чему былъ бы онъ достоинъ имѣть упованіе на Бога. Напротивъ того, за свои лютыя дѣянія и за свое нерадѣніе о должномъ, достоинъ онъ наказанія; и Богъ, долго-терпя, по милости только Своей терпитъ его. Поэтому да не обольщаетъ себя таковой, да не забываетъ, какова жизнь его, и да не говоритъ, что надѣется онъ на Бога: ибо будетъ наказанъ, потому что нѣтъ у него ни одного дѣла вѣры. Да не направляетъ онъ стопы свои въ праздность и да не говоритъ: „вѣрую, что подастъ мнѣ Богъ необходимое“,—какъ провождающій житіе въ дѣлахъ Божіихъ, или да не ввергается безразсудно въ кладезь, никогда не имѣвъ въ помышленіи Бога. А то, по отпадении ¹⁾, онъ скажетъ: „возложу упованіе на Бога, Онъ избавитъ меня“. Не обольщайся, безумный; надежду на Бога предвзрѣетъ трудъ для Бога и пролитый въ дѣланіи потъ. Если вѣруешь въ Бога, то хорошо дѣлаешь. Но вѣра эта требуетъ и дѣлъ, и надежда на Бога является отъ злограданія за добродѣтели. Вѣруешь ли, что Богъ промышляетъ о тваряхъ Своихъ, и всесиленъ? Да сопровождаетъ вѣру твою подобающее дѣланіе, и тогда услышитъ тебя Богъ. Не старайся горстью своей удерживать вѣтеръ, т. е. вѣру безъ дѣлъ.

Нерѣдко иной, не зная, идетъ путемъ, гдѣ есть лютый звѣрь, или убійцы, или что-нибудь подобное: и вотъ общій промыслъ Божій состоитъ въ томъ, что онъ спасаетъ его отъ такового вреда: или, пока не пройдетъ мимо лютый звѣрь, чѣмъ-нибудь замедляетъ шествіе путника, или встрѣчается ему кто-нибудь и заставляетъ уклониться отъ пути. И еще, иногда лютый змій лежитъ на пути—и невидимъ; но Богъ, не хоти предать человѣка такому искушенію, дѣлаетъ, что змій начинаетъ вдругъ шипѣть и трогаться съ мѣста, или ползти впереди путника, и онъ, увидя это, остерегается и спасается отъ змія. Хотя и недостойнъ этого человѣкъ по тайнымъ грѣхамъ, извѣст-

¹⁾ Отъ добра.

нымъ ему одному, однакоже Богъ отводитъ его отъ бѣды, по милости Своей. И еще, случается нерѣдко, что падаютъ домъ, или стѣна, или камень, съ шумомъ подвигшись съ мѣста своего, а тамъ сидятъ иные, и Богъ человѣколюбиво повелѣваетъ ангелу остановить и удерживать отъ паденія мѣсто сіе, пока не встанутъ сидящіе тамъ или пока чѣмъ-нибудь не отведетъ ихъ, такъ что никого не останется на мѣстѣ; и едва отойдутъ они, немедленно попускаетъ упасть. А если и случится, что иной будетъ застигнутъ, дѣлаетъ, что не терпитъ онъ никакого вреда. Ибо симъ хочетъ показать безконечное величіе силы Своей.

Все это и подобное этому есть дѣло Божія промысла общаго и на все простирающагося: праведникъ же имѣетъ надъ собою неотлучное промышленіе ¹⁾. Ибо прочимъ людямъ Богъ повелѣлъ по разумку распорядиться дѣлами своими, и съ Божиимъ промышленіемъ соединять и свое вѣдѣніе; праведникъ же не имѣетъ нужды въ семъ вѣдѣніи для распорядженія дѣлами своими, потому что вмѣсто вѣдѣнія сего стяжалъ вѣру, которою низлагаетъ *всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. 10, 5), и ничего изъ перечисленнаго выше не устрашится, какъ написано: *праведныйъ яко левъ уповая* ²⁾ (Притч. 28, 1), на все дерзая вѣрою, не потому, что искушаетъ онъ Господа, но потому, что на Него взираетъ, и какъ бы вооруженъ и облеченъ силою Святаго Духа. И такъ какъ его постоянное попеченіе—о Богѣ, то и Богъ говоритъ о немъ: *съ нимъ есмь въ скорби, изму его, и прослаблю его; долгою дней исполню его, и явлю ему спасеніе Мое* (Пс. 90, 15. 16). Разслабленный и лѣнивый къ дѣлу Его не можетъ имѣть такой надежды. Но кто во всемъ и всегда пребываетъ въ Богѣ, къ Нему приближается добротой дѣлъ своихъ, и взоръ сердца своего непрестанно устремляетъ къ благодати Его, тотъ можетъ сказать о себѣ, что сказалъ боже-

1) Т. е. праведникъ находится подъ особеннымъ промысломъ Божиимъ.

2) Смѣль.

ственный Давидъ: *исчезостъ очи мои, отъ еже уповати ми на Бога Моего* (Пс. 68, 4). Ему подобаеть слава, честь и поклоненіе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 68.

ОБЪ ОТРЕЧЕНІИ ОТЪ МІРА И О ВОЗДЕРЖАНІИ ОТЪ ВОЛЬНОГО ОБРАЩЕНІЯ СЪ ЛЮДЬМИ.

Когда возлюбимъ бѣгство отъ міра и удаленіе отъ дѣлъ мірскихъ, тогда ничто не отдѣляетъ насъ столько отъ міра, не умерщвляетъ въ насъ страстей, не возбуждаетъ и не оживотворяетъ насъ для духовнаго, какъ плачь и сердечное съ разсужденіемъ болѣзнованіе. Ибо лице благоговѣйнаго подражаетъ смиренію Возлюбленнаго. И, напротивъ, ничто не дѣлаетъ насъ столько сообщниками міра, и живущихъ въ мірѣ, и тѣхъ, которые въ мірѣ преданы пьянству и блуду, и не удаляетъ насъ столько отъ сокровищъ премудрости и познанія тайнъ Божіихъ, какъ смѣхотворство и дерзновенное пареніе мыслей. И это есть дѣло блуднаго демона. Но поелику опытомъ позналъ я любомудріе твое, возлюбленный, то умоляю тебя любовію—охраняться отъ нападенія врага, чтобы тебѣ остроуміемъ рѣчей не остудить въ душѣ своей горячности любви ко Христу, ради тебя вкусившему желчь на древѣ крестномъ, и чтобы врагъ, вмѣсто сладостнаго онаго размышленія и дерзновенія предъ Богомъ, не сталъ во время бодрствованія твоего наполнять душу твою многими мечтами, а во время сна твоего плѣнять ее нелѣпыми грезами, зловонія которыхъ не терпятъ святые ангелы Божіи. И тогда содѣлаешься ты для другихъ причиной паденія, а для себя—острымъ рожномъ ¹⁾. Посему принуждай себя подражать смиренію Христову, чтобы возгорѣлся скорѣе огонь, Имъ въ тебя брошенный, которымъ

¹⁾ Т е. причиной мученія.

искореняются всѣ движенія міра сего, убивающія новаго человѣка и оскверняющія двѣры Святаго и Всемогущаго Господа. Ибо осмѣливаюсь сказать съ святымъ Павломъ, что мы *храмъ Божій* (1 Кор. 3, 16). Посему, какъ чистъ Самъ Богъ, очистимъ храмъ Его, чтобы возжелалъ вселиться въ немъ. И какъ Самъ Онъ святъ, освятимъ и храмъ; украсимъ его всякими добрыми и честными дѣлами, благоухаемъ его благоуханіемъ покоя воли Божіей, чистою и сердечною молитвою, каковой невозможно пробрѣсти общеніемъ въ частыхъ мірскихъ волненіяхъ. И, такимъ образомъ, облако славы Его пріосѣнитъ душу, и свѣтъ величія Его возсіяетъ внутри сердца, и исполнятся радости и веселія всѣ обитатели селенія Божія, а наглые и безстыдные исчезнутъ отъ пламени Святаго Духа.

Поэтому укоряй непрестанно самого себя, братъ, и говори: „увы, окаянная душа! Приблизилось время отрѣшенія твоего отъ тѣла. Для чего увеселяешься тѣмъ, что сегодня же должна будешь оставить, и чего не увидишь во вѣки? Обрати вниманіе на прежнюю свою жизнь, размысли, что ты содѣлала, почему такъ дѣлала, и каковы дѣла твои, съ кѣмъ провела дни жизни своей, или кто воспользовался трудомъ дѣланія твоего на землѣ, кого возвеселила ратоборствомъ своимъ, чтобы вышелъ онъ въ срѣтеніе твое при исшествіи твоёмъ изъ міра, кого усладила во время теченія своего, чтобы упокоиться тебѣ въ пристани его, для кого бѣдствовала трудясь, чтобы прійти къ нему съ радостію, кого пріобрѣла другомъ въ будущемъ вѣкѣ, чтобы пріялъ тебя во время исшествія твоего, на какомъ полѣ работала по найму, и кто отдастъ тебѣ плату на заходѣ солнца при уходѣ твоёмъ?“

Испытай себя, душа, и разсмотри, въ какой землѣ удѣлъ твой, и миновала ли ты поле, которое дѣлателямъ плодоприноситъ горестъ; со стенаніемъ и скорбью возгласи и возопи,—чѣмъ упокоевается Богъ твой паче жертвъ и всесожженій. Уста твои да источаютъ болѣзненные гласы, какими услаждаются свя-

тые ангелы; омочи ланиты свои слезами очей твоихъ, чтобы почилъ въ тебѣ Святыи Духъ, и омылъ тебя отъ скверны порока твоего; умилостави Господа твоего слезами, чтобы пришелъ къ тебѣ; призови Марію и Марѳу, да научатъ тебя плачевнымъ гласамъ. Возопи ко Господу:

„Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, плакавшій надъ Лазаремъ, и источившій надъ нимъ слезы скорби и состраданія, пріими слезы горести моей. Страданіемъ Твоимъ исцѣли страсти мои; язвами Твоими уврачуй мои язвы; Кровію Твоею очисти мою кровь, и съ тѣломъ моимъ сраствори благоуханіе Твоего животворящаго Тѣла. Та желчь, какою напоили Тебя враги, да усладить душу мою отъ горести, какою напоилъ меня соперникъ. Тѣло Твое, распостертое на древѣ крестномъ, къ Тебѣ да возвыситъ умъ мой, увлеченный демонами долу. Глава Твоя, преклоненная на крестѣ, да вознесетъ мою главу, заушенную супостатами. Всесвятые руки Твои, пригвожденныя невѣрными ко кресту, къ Тебѣ да возведутъ меня изъ бездны погибели, какъ обѣтовали всесвятые уста Твои. Лице Твое, пріавшее на себя заушенія и заплеванія отъ проклятыхъ, да озаритъ мое лице, оскверненное беззаконіями. Душа Твоя, которую, бывъ на крестѣ, предалъ Ты Отцу Твоему, къ Тебѣ да путевождаетъ меня благодатію Твоею. Нѣтъ у меня болѣзнующаго сердца, чтобы взыскать Тебя; нѣтъ у меня ни покаянія, ни сокрушенія, которыми вводятся чада въ собственное свое наслѣдіе. Нѣтъ у меня, Владыко, утѣшительныхъ слезъ. Омрачился умъ мой дѣлами житейскими и не имѣетъ силъ съ болѣзнованіемъ возвести къ Тебѣ взоръ. Охлаждло сердце мое отъ множества искушеній, и не можетъ согрѣться слезами любви къ Тебѣ. Но Ты, Господи Иисусе Христе Боже, сокровище благъ, даруй мнѣ покаяніе всецѣлое и сердце неутомимое, чтобы всею душею выйти мнѣ на взысканіе Тебя. Ибо безъ Тебя буду я чуждъ всякаго блага. Посему даруй мнѣ, Благій, благодать Твою. Безлѣтно и вѣчно изводящій Тебя изъ нѣдръ Своихъ, Отецъ—да обновитъ во мнѣ

черты образа Твоего. Оставиль я Тебя; Ты не оставь меня. Отошелъ я отъ Тебя; Ты прииди взыскать меня и введи меня на пажить Твою, сопричти меня къ овцамъ избраннаго стада Твоего, препитай меня знакомъ Божественныхъ тайнствъ Твоихъ вмѣстѣ съ тѣми, у которыхъ чистое сердце ихъ—обитель Твоя, и въ немъ видимо облистаніе откровеній Твоихъ—это утѣшеніе и эта отрада для потрудившихся ради Тебя въ скорбяхъ и въ многоразличныхъ мукахъ. Сего облистанія да сподобимся и мы по Твоей благодати и по Твоему человѣколюбію, Спасителю нашъ, Иисусе Христе, во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 69.

О томъ, что безмолвникамъ полезно не имѣть заботъ, и вредны входы и выходы.

Человѣкъ многопопечительный не можетъ быть кроткимъ и безмолвнымъ; потому что необходимыя причины обременяющихъ его дѣлъ принуждаютъ его невольно, хотя бы и не хотѣлъ, заниматься ими ¹⁾ и проводить въ нихъ время, и расточаютъ его тишину и безмолвіе. Посему иноку должно поставить себя предъ лицомъ Божиимъ и всегда непреложно возводить око свое къ Богу, если истинно хочетъ охранить умъ свой, очистить и прекратить малыя, вкрадывающіяся въ него, движенія, и научиться въ тишинѣ помысленій различать входящее и исходящее. Многочисленные попеченія иноковъ служатъ признакомъ ихъ расслабленія въ готовности къ дѣланію заповѣдей Христовыхъ, и обнаруживаютъ ихъ оскудѣніе въ Божественномъ.

Безъ освобожденія отъ заботъ не вщи свѣта въ душѣ своей, ни тишины и безмолвія при расслабленіи чувствъ своихъ. Гдѣ есть попеченія о дѣлахъ,

¹⁾ Дѣлами.

не умножай попеченій своихъ—и не найдешь паренія въ умѣ своемъ или въ молитвѣ своей. Безъ непрестанной молитвы не можешь приблизиться къ Богу. Послѣ же труда молитвеннаго возложеніе на умъ новаго попеченія производитъ расточеніе мыслей.

Слезы, удареніе себя по головѣ во время молитвы и паданіе ницъ съ горячностью—пробуждаютъ въ сердцѣ горячность сладости своей, и сердце съ похвальною восторженностію воспаряетъ къ Богу, и взываетъ: *возжада душа моя къ Тебѣ, Богу крѣпкому Живому; когда прииду и явлюся лицу Твоему, Господи* (Псал. 41, 3)? Кто пилъ вина сего, и потомъ лишился онаго, тотъ одинъ знаетъ, въ какомъ бѣдственномъ состояніи оставленъ онъ, и что отнято у него по причинѣ расслабленія его.

О, какое зло для живущихъ въ безмолвіи—и лицезрѣніе людей и бесѣда съ ними! Подлинно, братія, гораздо хуже, нежели для не соблюдающихъ безмолвія. Какъ сильный ледъ ¹⁾, внезапно покрывъ древесныя почки, иссушаетъ ихъ и уничтожаетъ, такъ свиданія съ людьми, хотя бы оныя были весьма кратковременны и допущены, повидимому, съ доброю цѣлю, иссушаютъ цвѣты добродѣтелей, только что расцвѣтшія отъ срастворенія безмолвія, нѣжно и обильно окружающія древо души, насажденное *при исходящихъ водахъ* покаянія (Псал. 1, 3). И какъ сильный иней, покрывъ собою едва выросшую изъ земли зелень, пожигаетъ ее, такъ и бесѣда съ людьми пожигаетъ корень ума, начавшій производить отъ себя злакъ добродѣтелей. И если вредитъ обыкновенно душѣ бесѣда съ людьми въ иномъ воздержными, а въ иномъ имѣющими малые только недостатки: то не гораздо ли болѣе вредны разговоръ и свиданіе съ людьми невѣжественными и глупыми, не говорю уже—съ мірянами? Какъ человекъ благородный и почтенный, когда упіется, забываетъ свое благородство, и безчестится его состояніе, и осмѣянію под-

¹⁾ При гололедицѣ, т. е. при быстромъ переходѣ отъ оттепели къ морозу.—Въ сирійскомъ текстѣ: „морозъ“.

вергается честь его за чуждые помыслы, вошедшіе въ него отъ вина, такъ и цѣломудріе души возмущается лицезрѣніемъ людей и бесѣдою съ ними, забывается образъ охраненія своего, въ мысли у чловѣка изглаждается намѣреніе воли ея, и искореняется всякое основаніе похвальнаго устроенія.

Посему, если бесѣда и разсѣяніе себя, съ пребывающимъ въ безмолвіи случающіяся при пареніи мыслей, или даже одно приближеніе къ этому, чтобы только увидѣть или услышать то, что входитъ вратами зрѣнія или слуха, достаточны для того, чтобы произвести въ чловѣкѣ холодность и омраченіе ума для Божественнаго, и если краткій часъ можетъ причинить столько вреда воздержному иноку,—что́ сказать о всегдашнихъ свиданіяхъ и долговременномъ въ этомъ коснѣніи? Испареніе, исходящее изъ чрева, не позволяетъ уму принимать въ себя Божественное познаніе, но омрачаетъ его подобно туману, подымающемуся изъ влажной земли, и омрачающему воздухъ. Также и гордость не понимаетъ, что ходитъ во тьмѣ и не имѣетъ понятія о мудрости. Ибо какъ ей и понимать это, когда пребываетъ въ своемъ омраченіи? Посему-то омраченнымъ помысломъ своимъ и превозносится она выше всѣхъ, будучи всѣхъ ничтожнѣе и немошнѣе и будучи неспособна познавать пути Господни. Господь же сокрываетъ отъ нея волю Свою, потому что не восхотѣла она ходить путемъ смиренныхъ. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 70.

О путяхъ, приближающихъ къ Богу и открывающихъ чловѣку изъ пріятности дѣлъ ночного бдѣнія, и о томъ, что дѣлатели онаго всѣ дни жизни своей питаются медомъ.

Не думай, чловѣкъ, чтобы во всемъ иноческомъ дѣланіи было какое-либо занятіе важнѣе ночного бдѣ

нія. Подлинно, братъ, оно и важнѣе и необходимѣе всего для воздержнаго. Если у подвижника не будетъ разсѣянїя и возмущенїя дѣлами тѣлесными и попеченїемъ о преходящемъ, но соблюдетъ онъ себя отъ міра и бдительно охранитъ себя, то умъ его въ краткое время воспаритъ какъ бы на крылѣхъ, и возвысится до услажденїя Богомъ ¹⁾, скоро придетъ въ славу Его, и по своей удобовижности и легкости плаваетъ въ вѣдѣніи, превышающемъ человѣческую мысль. Если монахъ съ разсудительностію пребываетъ во бдѣніи, то не смотри на него, какъ на плотоносеца. Ибо подлинно это дѣло ангельскаго чина. Невозможно, чтобы тѣ, которые всю жизнь проводятъ въ этомъ занятїи, оставлены были Богомъ безъ великихъ дарованїй за ихъ трезвенность, бодрственность сердца и попечительное устремленїе къ Нему помысловъ своихъ. Душа, трудящаяся надъ тѣмъ, чтобы пребывать въ семъ бдѣніи и благоприлично живущая, будетъ имѣть херувимскїя очи, чтобы непрестанно возводитъ ей взоръ и созерцать небесное зрѣлище.

Я думаю, что съ вѣдѣніемъ и разсудительностію избравшему этотъ великій и божественный трудъ, и рѣшившемуся нести на себѣ тяготу сію, невозможно не подвизаться въ этомъ прославленномъ, избранномъ имъ дѣлѣ ²⁾, и не охранять себя днемъ отъ мятежа сходбищъ и отъ пощеченїя о дѣлахъ, въ опасенїи иначе лишиться дивнаго ягода и великаго наслажденїя, какое надѣется получить отъ сего. Кто нерадитъ о семъ, о томъ смѣло скажу, что не знаетъ онъ, для чего трудится, воздерживается отъ сна, томитъ себя продолжительнымъ стихословіемъ, утружденїемъ языка и всенощнымъ стояніемъ, тогда какъ умъ его не участвуетъ въ псалмопѣніи и молитвѣ его, но, какъ бы водясь привычкою, трудится безразсудно. И если это не такъ, какъ сказалъ я, то почему же лишенъ онъ возможности, при постоянномъ своемъ сѣянїи, надъ которымъ трудится, пожать ве-

¹⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „взыдетъ къ Богу въ веселїи своемъ“

²⁾ Т. е. бдѣніи надъ собою.

личайшія благодѣянія и плодъ? Ибо, если-бы вмѣсто сихъ заботъ упражнялся онъ въ чтеніи Божественныхъ Писаній, которое укрѣпляетъ умъ, особливо же служитъ орошеніемъ молитвѣ, помогаетъ бдѣнію, съ которымъ оно тѣсно соединено, и подаетъ свѣтъ разумѣнію, то въ семь чтеній обрѣлъ бы вождя на стезю правую, обрѣлъ бы то, что свѣтъ вещество, питающее молитвенное созерцаніе, и что удерживаетъ помышленія отъ паренія, не даетъ имъ кружиться и жить въ суетномъ, непрестанно посѣваетъ въ душѣ памятованіе о Богѣ, указываетъ пути святыхъ, благоугодившихъ Богу, и дѣлаетъ, что умъ пріобрѣтаетъ тонкость и мудрость,—словомъ, обрѣлъ бы зрѣлый плодъ такихъ дѣланій.

Для чего же, человекъ, такъ неразумительно распорядишься собою? Ночью совершаешь всенощное-стояніе, и утруждаешь себя псалмопѣніями, пѣсно-словіями и моленіями,—но ужели тяжелымъ, а немалымъ кажется тебѣ, посредствомъ кратковременной рачительности во время дня, сподобиться благодати Божіей за злостраданіе твое въ другомъ? Для чего утруждаешь себя: ночью съешь, а днемъ развѣиваешь трудъ свой,—и оказываешься безплоднымъ; расточаешь бодрственность, трезвенность и горячность, которую пріобрѣлъ,—напрасно губишь трудъ свой въ мятежныхъ сношеніяхъ съ людьми и дѣлахъ, безъ всякаго основательнаго къ тому предлога? Ибо, если-бы у тебя ночному упражненію сообразными сдѣлались дневное дѣланіе и горячность сердечной бесѣды, и не было бы промежутка между тѣмъ и другимъ, то въ короткое время могъ бы ты припасть къ персямъ Іисусовымъ.

Но изъ сего явствуетъ, что живешь ты неразумительно, и не знаешь, для чего монахамъ надобно бодрствовать. Думаешь, что установлено сіе для того только, чтобы трудиться тебѣ, а не для чего-либо другого, отсюда рождающагося. Но кто сподобился отъ благодати уразумѣть, въ надеждѣ на что подвижники противятся сну, дѣлаютъ принужденіе природѣ, и въ бодрственномъ состояніи тѣла и помыш-

леній своихъ каждую ночь приносятъ прошенія свои, тотъ знаетъ силу, проистекающую отъ дневного охраненія, знаетъ, какую помощь даетъ оно уму въ ночномъ безмолвіи, и какую власть надъ помыслами, какую чистоту и попеченіе ¹⁾ даруетъ ему непринужденно и безъ борьбы, и даетъ ему свободно познать благородство словъ. А я говорю, что, если-бы тѣло по немощи своей ослабѣло и не могло поститься, то умъ однимъ бдѣніемъ можетъ стяжать устроеніе души и дать уразумѣніе сердцу къ познанію духовной силы, если только не уничтожатся у него отъ развлеченія ²⁾ дневныя причины ³⁾.

Посему тебя, желающаго пріобрѣсти трезвенный предъ Богомъ умъ и познаніе новой жизни, умоляю—во всю жизнь твою не быть нерадивымъ къ пребыванію во бдѣніи. Ибо имъ отверзутся тебѣ очи—увидѣть всю славу сего житія и силу пути правды. А если (чего да не будетъ!) снова появится въ тебѣ помысль слабости и станетъ, можетъ быть, гнѣздиться въ тебѣ, потому что восхощетъ искусить тебя Помощникъ твой, обыкновенно попускающій тебѣ—во всемъ подобномъ сему, въ горячности ли то, или въ холодности, измѣняться по какой-либо причинѣ, или по немощи тѣла, или по невозможности для тебя переносить трудъ обычно совершаемыхъ тобою продолжительнаго псалмопѣнія, рачительной молитвы, многочисленныхъ колѣнопреклоненій, какія привыкъ ты всегда совершать, то съ любовію умоляю тебя: если не станетъ въ тебѣ этого, и не сможешь исполнять сего, то, хотя сидя, бодрствуй, и молись въ сердцѣ, но не засыпай, и всѣ мѣры употреби безъ сна провести ночь эту, сидя и помышляя о добромъ. Не ожесточай сердца своего и не омрачай его сномъ, и снова пріидутъ къ тебѣ, по благодати, прежняя горячность, и легкость, и сила, и, взыгравъ, будешь угождать Богу, благодаря Его; потому что холодность

¹⁾ О добродѣтели.

²⁾ Т. е. вслѣдствіе неохраненія себя въ теченіе дня

³⁾ Къ устроенію души.

сія и таковая тягость попускается на челоуѣка для испытанія и искушенія. И если возбудитъ онъ себя, и съ горячностію и съ малымъ себѣ принужденіемъ оттрясетъ отъ себя это, то приближается къ нему благодать, какъ было прежде, и приходитъ къ нему иная сила, въ которой сокрываются всякое благо и всѣ роды помощи. И въ изумленіи дивится челоуѣкъ, припоминая прежнюю тягость и нашедшую на него легкость и силу, и представляя себѣ эту разность, и удободвижность, и то, какъ внезапно пріялъ онъ въ себя такое измѣненіе. И съ сего времени умудряется, и, если найдетъ на него подобная тягость, познаетъ ее по прежнему своему опыту. А если челоуѣкъ не будетъ подвизаться въ первое время, то не можетъ пріобрѣсти сей опытности. Видишь ли, на сколько умудряется челоуѣкъ, когда возбудитъ себя нѣсколько и претерпитъ во время брани,—если только не изнемогло тѣлесное естество? Но это уже не борьба, а необходимость немощи: ибо въ семъ случаѣ нѣтъ пользы, чтобы боролось естество; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ хорошо челоуѣку принуждать себя ко всему, что полезно для него.

Итакъ, всегдашнее безмолвіе вмѣстѣ съ чтеніемъ, умѣренное вкушеніе снѣдей и бдѣніе скоро возбуждаютъ мысль къ изумленію, если не будетъ какой причины, нарушающей безмолвіе. Мысли, возбуждающіяся въ безмолвствующихъ сами собою, безъ преднамѣреннаго усилія, дѣлаютъ, что оба ока, лиющіеся изъ нихъ слезами и обиліемъ своимъ омывающими ланиты, уподобляются купели крещенія.

Когда тѣло твое будетъ укрощено воздержаніемъ, бдѣніемъ и внимательностію безмолвія ¹⁾, но почувствуешь, что тѣло твое, безъ естественнаго движенія, находится въ острогѣ блудной страсти, тогда знай, что искушенъ ты помысломъ гордыни. Посему примѣшай пепла въ пищу свою, прилѣпи къ землѣ чрево свое, и изслѣдуй, о чемъ ты помышлялъ, уразумѣй измѣненіе естества своего и противоестественныя дѣла

¹⁾ Т е. внимательнымъ (старательнымъ) безмолвіемъ

свои, и тогда, можетъ быть, помилуетъ тебя Богъ, пошлетъ тебѣ свѣтъ, чтобы научиться тебѣ смиренію, и не возрастало въ тебѣ зло твое. Посему не перестанемъ подвизаться и прилагать стараніе, пока не увидимъ въ себѣ покаянія, не обрѣтемъ смиренія, и не упокоится сердце наше въ Богѣ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 71.

О силѣ и дѣйственности грѣховныхъ золъ, чѣмъ они производятся, и чѣмъ прекращаются.

Пока не возненавидитъ кто причины грѣха воистину отъ сердца, не освобождается онъ отъ наслажденія, производимаго дѣйствіемъ грѣха. Это есть самое лютое бореніе, противящееся человѣку даже до крови; въ немъ искушается его свобода въ единствѣ любви его къ добродѣтелямъ. Это есть та сила, которую называютъ раздраженіемъ и ополченіемъ, отъ обонянія которыхъ изнемогаетъ душа окаянная, вслѣдствіе неизбежнаго ополченія, бывающаго на нее. Это есть та сила великости грѣха, которою врагъ обыкновенно приводитъ въ смущеніе души цѣломудренныхъ, и чистыя движенія понуждаетъ испытывать то, чего никогда они вовсе не испытывали. Здѣсь, возлюбленные братія, мы показываемъ свое терпѣніе, подвигъ и раченіе. Ибо это есть время незримаго подвига, о которомъ говорятъ, что чинъ иноческій всегда имъ побѣждаетъ. При встрѣчѣ съ сею бранію благочестивый умъ скоро приходитъ въ смущеніе, если не сильно ополчится.

Въ сіи времена—времена мученичества—Ты, Господи, источникъ всякой помощи, силенъ подкрѣпить души, которыя съ радостію себя уневѣстили Тебѣ, небесному Жениху, и по чистымъ, а не коварнымъ побужденіямъ, съ разумомъ вступили съ Тобою въ завѣтъ святой. Посему даруй имъ силу съ дерзно-

веніемъ разорить укрѣпленныя стѣны и всякое возношеніе, поднимающееся противъ истины, чтобы не остаться имъ неуспѣвшими въ собственномъ своемъ намѣреніи отъ невыносимаго и нестерпимаго принужденія въ такое время, когда борьба идетъ о крови.

Въ этой лютой брани не всегда бываетъ побѣда цѣломудрія, потому что человѣкъ и ради искушенія оставляется безъ помощи. Но горе немощному, искушаемому въ сей испытующей брани, потому что брань сія пріобрѣла величайшую силу вслѣдствіе привычки ¹⁾, полученной ею отъ тѣхъ, которые сами себя предають на пораженіе сочетаніемъ ²⁾ съ своими помыслами.

Остерегайтесь, возлюбленные, праздности, потому что въ ней сокрыта дознанная смерть: ибо безъ нея невозможно власть въ руки домогающихся плѣнить инока. Въ оный день Богъ осудитъ насъ не за псалмы, не за оставленіе нами молитвы, но за то, что опущеніемъ сего дается входъ бѣсамъ. А когда найдутъ они себѣ мѣсто, войдутъ и заключатъ двери очей нашихъ, тогда мучительно и нечисто исполнятъ на насъ то, что дѣлателей ³⁾ ихъ подвергаетъ Божественному осужденію и жесточайшему наказанію; и содѣлываемся мы подручными имъ за опущеніе сего маловажнаго ⁴⁾, но что, какъ написано мудрѣйшими, ради Христа дѣлается достойнымъ попеченія. Кто воли свой не покоряетъ Богу, тотъ покорится противнику Его; а потому сіе ⁴⁾, представляющееся тебѣ малымъ, вмѣнится тебѣ въ стѣну, ограждающую отъ плѣняющихъ насъ. Совершеніе сего ⁴⁾ внутри келліи установлено мудрыми, содержащими церковный чинъ, для охраненія нашей жизни Духомъ откровенія. Опущеніе сего ⁴⁾ у немудрыхъ признается маловажнымъ. Поелику не берутъ они въ разсмотрѣніе происходящаго отъ того вреда, то и начало и

1) Побѣждать.

2) Принятіемъ ихъ, согласіемъ съ ними.

3) Т. е. рабовъ ихъ.

4) Разумѣются молитвенныя правила.

середина пути ихъ — необузданная свобода, которая есть мать страстей. Лучше стараться не опускать сего малаго ¹⁾, нежели нежеланіемъ стѣснять себя давать мѣсто грѣху. Ибо неумѣстной этой сводобы конецъ—жестокое рабство.

Пока живы у тебя чувства, то для встрѣчи со всѣмъ, что случается, почитай себя мертвымъ; потому что во всѣхъ членахъ твоихъ не умалится грѣховное разжженіе, и не можешь пріобрѣсти себѣ спасенія. Если кто изъ монаховъ скажетъ ²⁾ въ сердцѣ своемъ, что остерегается сего, то, значить, не хочетъ уразумѣть, когда заушаютъ его. Кто обманетъ друга своего, тотъ по закону достоинъ проклятія; а кто обманываетъ самъ себя, тотъ какое понесетъ наказаніе за то, что, зная зло лукаваго дѣла, прикрывается незнаніемъ? А что знаетъ онъ, это показываетъ обличеніе совѣсти. То и мучитъ его, что знаетъ онъ, въ чемъ притворяется незнающимъ.

О, какъ сладостны поводы къ страстямъ! Человѣкъ можетъ иногда отсѣчь страсти; вдали отъ нихъ наслаждается тишиною, и веселится, когда прекращаются онѣ; причинъ же страстей не можетъ отринуть. Поэтому искушаемся и нехотя, и печалимся, когда мы въ страстяхъ, но любимъ, чтобы оставались въ насъ поводы къ нимъ. Грѣховъ себѣ не желаемъ, но приводящія насъ къ нимъ причины принимаемъ съ удовольствіемъ. Поэтому вторыя дѣлаются виновными въ дѣйственности первыхъ. Кто любитъ поводы къ страстямъ, тотъ невольно и нехотя становится подручнымъ, и порабощается страстямъ. Кто ненавидитъ свои грѣхи, тотъ перестаетъ грѣшить; и кто исповѣдуетъ ихъ, тотъ получить отпущеніе. Невозможно же человѣку оставить навѣкъ грѣховный, если не пріобрѣтетъ прежде вражды ко грѣху, и невозможно получить отпущеніе, прежде исповѣданія прегрѣшеній. Ибо исповѣданіе согрѣшеній бываетъ причиною

¹⁾ Молитвенныхъ правилъ.

²⁾ Самонадѣянно.

истиннаго смиренія; смиреніе же—причиною сокрушенія, послѣдующаго въ сердцѣ отъ стыда.

Если не возненавидимъ того, что достойно порицанія, то, пока носимъ это въ душахъ своихъ, не можемъ ощутить зловонія и смрада дѣйственности этого. Пока не отринешь отъ себя того, что неумѣстно, до тѣхъ поръ не уразумѣешь, какимъ покрытъ ты срамомъ, и не уразумѣешь стыда отъ сего. Когда же бремя свое ¹⁾ увидишь на другихъ, тогда уразумѣешь лежащій на тебѣ стыдъ. Удались отъ міра, и тогда узнаешь зловоніе его. А если не удалишься, не уразумѣешь (насколько онъ смраденъ); напротивъ же того, скорѣе какъ въ благоуханіе облечешься въ зловоніе его, и наготу стыда своего будешь почитать завѣсою славы.

Блаженъ, кто удалился отъ міра и отъ тьмы его, и внимаетъ себѣ единому. Ибо прозорливость и разсудительность не могутъ дѣйствовать въ томъ или служить тому, кто проводитъ жизнь въ дѣлахъ суетныхъ. Да и какъ возмущаемая его разсудительность въ состояніи будетъ различать, что должно? Блаженъ, кто вышелъ изъ помраченія упоенія своего, и на другихъ усматриваетъ, какова ненасытимость симъ упоительнымъ чадомъ! Тогда познаетъ онъ собственный свой стыдъ. А пока человѣкъ носитъ въ себѣ чадъ упоенія грѣхами своими, сколь благолѣпнымъ кажется ему все, что ни дѣлаетъ онъ! Ибо, какъ скоро природа выходитъ изъ своего чина, то все равно—упоена ли она виномъ, или похотями ²⁾: потому что то и другое выводитъ изъ надлежащаго состоянія, и тѣмъ и другимъ одинаковое разжженіе производится въ тѣлѣ, вмѣщающемъ въ себѣ это; хотя способы различны, но смѣшеніе ³⁾ одно. И хотя одинаково измѣненіе ⁴⁾, но различія причинъ бываютъ

¹⁾ Грѣхи, подобные твоимъ.

²⁾ Все равно естество бываетъ внѣ своего чина въ томъ и другомъ случаѣ.

³⁾ Смѣшеніе вина и похотей съ тѣломъ, т. е. воздѣйствіе ихъ на тѣло.

⁴⁾ Переходъ изъ одного состоянія въ другое.

не равныя, различаются же онѣ и по воспріимчивости каждаго ¹⁾).

За всякою отрадою слѣдуетъ злостраданіе, и за всякимъ злостраданіемъ ради Бога слѣдуетъ отрада. Если все, что есть въ этомъ мірѣ, подлежитъ тлѣнію, а тлѣніе и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ, и во время исхода бываетъ отъ противоположныхъ причинъ ²⁾, и наипаче отъ непотребнаго сластолюбія или отъ противодѣйствующаго сему сластолюбію злостраданія, претерпѣваемаго чрезъ святость ³⁾, то Богъ и сіе устрояетъ по человѣколюбію, чтобы или во время самага пути, или въ концѣ его вкусить намъ сей муки, и тогда уже, по богатой милости Его, перейти ее ⁴⁾, какъ нѣкое воздаяніе, а другое ⁵⁾, какъ залогъ. Ибо не возбраняетъ (Богъ) пріобрѣтатъ доброе даже до послѣдняго часа; злое же дѣйствительно возбраняетъ, тѣмъ, что достойный муки подвергается карѣ, какъ написано. Наказуемый здѣсь за свой срамъ вкушаетъ своей геенны ⁶⁾.

Остерегайся собственной своей свободы, предшествующей порочному рабству. Остерегайся утѣшенія, предшествующаго брани. Остерегайся вѣдѣнія, предшествующаго встрѣчѣ съ искушеніями, а что всего

¹⁾ По способности каждаго человѣка къ воспріятію этихъ причинъ.

²⁾ Въ будущемъ вѣкѣ нѣтъ тлѣнія. Подъ тлѣніемъ разумѣется, можетъ быть, измѣненіе состоянія: ему подвергнутся всѣ или въ этой жизни, или во время исхода изъ нея, или въ будущемъ вѣкѣ: тѣ, которые жили среди наслажденій, примутъ измѣненіе отъ веселья къ наказанію; тѣ, которые жили среди страданій ради Христа, противоположныхъ презрѣннымъ наслажденіямъ, примутъ измѣненіе отъ скорбей къ отдохновенію. Богъ устрояетъ, по безконечному человѣколюбію Своему, также и то, что на этомъ жизненномъ пути или въ концѣ его люди получаютъ предчувствіе этого измѣненія: преданные сластолюбію—предчувствіе наказанія, а страдавшіе ради Него—предчувствіе отдохновенія. Первое есть воздаяніе за сластолюбіе, второе—залогъ вѣчнаго упокоенія (Изъ примѣчанія къ греческому тексту Никифора Θεотокиса).

³⁾ Т. е. вслѣдствіе стремленія къ святости.

⁴⁾ Муку.

⁵⁾ Духовную отраду.

⁶⁾ По другому чтенію своего срама. Въ переводѣ сербскомъ: *отъ свое геенны ястъ*.

чаще бываетъ, желанія (сей встрѣчи), прежде совершенія покаянія. Ибо, если всѣ мы грѣшники, и никто не выше искушеній, то ни одна изъ добродѣтелей не выше покаянія; потому что дѣло покаянія никогда не можетъ быть совершенно. Покаяніе всегда прилично всѣмъ грѣшникамъ и праведникамъ, желающимъ улучшить спасеніе. И нѣтъ предѣла усовершенію, потому что совершенство и самыхъ совершенныхъ подлинно несовершенно. Посему-то покаяніе до самой смерти не опредѣляется ни временемъ, ни дѣлами. Помни, что за всякимъ наслажденіемъ слѣдуетъ омерзѣніе и горечь.

Остерегайся радости, съ которой не соединена причина къ измѣненію. Ибо всего того, что имѣетъ скрытое смотрѣніе свыше, не можешь ты постигнуть и познать предѣла и причины измѣненія его. Бойся тѣхъ, о комъ предполагаешь, что идутъ прямымъ путемъ; потому что они, какъ говорится, ходятъ внѣ пути. Тотъ, Кто премудро умѣетъ управлять кораблемъ міра, во все, что въ мірѣ, вложилъ измѣняемость; и что внѣ этого, то—тѣнь.

За ослабленіемъ членовъ слѣдуетъ изступленіе и смущеніе помысловъ; за неумѣреннымъ дѣланіемъ—уныніе, и за уныніемъ—изступленіе. Но одно изступленіе отлично отъ другого. За первымъ изступленіемъ—отъ ослабленія—слѣдуетъ блудная брань, а за изступленіемъ отъ унынія—оставленіе безмолвной своей обители и переходеніе съ мѣста на мѣсто. Умѣренному же и съ притрудностью совершаемому дѣланію нѣтъ цѣны. Умаленіе въ этомъ ¹⁾ умножаетъ сладость, а неумѣренность ¹⁾ умножаетъ изступленіе. Претерпи неразуміе естества твоего ²⁾, которое побѣждаетъ тебя, братъ; потому что уготованъ ты быть въ оной премудрости, имѣющей вѣчный вѣнецъ начальства. Не бойся смятенія въ адамовомъ тѣлѣ, уготованномъ быть въ ономъ наслажденіи, вѣдѣніе котораго здѣсь выше ума плотскихъ, — быть, когда прійдетъ небесный

¹⁾ Въ дѣланіи.

²⁾ Т. е. не смущайся во время безчинія его.

Образъ, т. е. Царь мира. Не смущайся измѣненіемъ и смятеніемъ естества, потому что временно злостраданіе въ этомъ для пріемлющаго оное съ удовольствіемъ. Страсти подобны собаченкамъ, которыя привыкли быть на мясныхъ рынкахъ, и убѣгаютъ отъ одного голоса, а если не обратятъ на нихъ вниманія, наступаютъ какъ самые большіе львы. Уничтожай малую похоть, чтобы не питать въ себѣ мысли о силѣ разжженія ея; потому что временное терпѣніе въ маломъ удаляетъ опасность въ великомъ. Невозможно преодолѣть великаго, если не препобѣдишь маловажнаго.

Помни, братъ, тотъ чинъ ¹⁾, въ которомъ будешь, и въ которомъ—не эта жизнь, какъ бы перебирающаяся и движущаяся по влагамъ, но жизнь, сокрушающая мертвенность. Въ той жизни нѣтъ воспламененія растворенія ²⁾, которое потворствомъ сластолюбію доставляетъ трудъ младенчеству естеству. Претерпи трудъ подвига, въ который введенъ ты для испытанія, чтобы пріять отъ Бога вѣнецъ, и упокоиться по исшествіи изъ сего міра. Памятуй и оную отраду, которой нѣтъ конца, и жизнь, не потворствующую (страстямъ), и чинъ совершеннаго и непреложнаго домостроительства, и то плѣненіе, которое понуждаетъ любить Бога и господствуетъ надъ естествомъ. Сего ³⁾ да сподобимся и мы благодатію Самого Христа, Которому слава съ безначальнымъ Отцемъ и Всесвятымъ Духомъ нынѣ, и присно, и во вѣки. Аминь.

С Л О В О 72.

О ХРАНЕНІЕ СЕРДЦА И О ТОНЧАЙШЕМЪ СОЗЕРЦАНІИ.

Если пребываешь наединѣ въ келліи своей, и не стяжалъ еще силы истиннаго созерцанія, то поучайся

¹⁾ Будущее состояніе.

²⁾ Т. е. разжженія естества.

³⁾ Плѣвенія

всегда въ чтеніи тропарей и каѳизмъ, памятованіемъ о смерти и надеждою будущаго. Все это собираетъ умъ воедино, и не позволяетъ ему кружиться, пока не прійдетъ истинное созерцаніе; потому что сила духа могущественнѣе страстей. Поучайся и о надеждѣ будущаго, памятуя о Богѣ; старайся хорошо уразумѣть смыслъ тропарей, и остерегайся всего внѣшняго, что побуждаетъ тебя къ похоти. А вмѣстѣ съ тѣмъ храни и то малое ¹⁾, что совершается тобою въ келліи твоей. Испытай всегда помыслы свои, и молись, чтобы во всемъ житіи своемъ стяжать тебѣ очи: отъ сего начнетъ источаться тебѣ радость; и тогда обрѣтешь такія скорби, которыя сладостнѣе меда.

Никто не можетъ побѣдить страсти, развѣ только добродѣтелями ощутительными, видимыми; и паренія ума никто не можетъ преодолѣть, развѣ только погруженіемъ въ духовное вѣдѣніе. Умъ нашъ легокъ, и, если не связанъ какимъ-либо помышленіемъ, не прекращаетъ паренія. А безъ усовершенія въ сказанныхъ выше добродѣтеляхъ невозможно стяжать сіе храненіе; потому что, если не побѣдитъ кто враговъ, не можетъ быть въ мирѣ, и если не воцарится миръ, какъ можно обрѣсти то, что хранится внутри мира? Страсти служатъ преградой сокровеннымъ добродѣтелямъ души, и если не будутъ онѣ низложены прежде добродѣтелями явными, то за ними невидимы добродѣтели внутреннія. Ибо тотъ, кто внѣ стѣны, не можетъ жить съ тѣмъ, кто внутри стѣнъ. Никто не видитъ солнца во мракѣ, и добродѣтели—въ естествѣ души, при продолжающемся мятежѣ страстей.

Молись Богу, чтобы далъ тебѣ ощутить желаніе Духа и вожделѣніе Его. Ибо, когда прійдутъ въ тебя это ощущеніе и вожделѣніе Духа, тогда отступишь отъ міра, и міръ отступитъ отъ тебя. Сего же невозможно кому-либо ощутить безъ безмолвія, подвижничества и пребыванія въ опредѣленномъ для сего

¹⁾ Правила.

чтеніи. Безъ этого не ищи и того, ибо, если будешь искать, то оное постепенно измѣняется и дѣлается тѣлеснымъ. Разумѣющій—да разумѣетъ Премудрый Господь благоволилъ, чтобы въ потѣ снѣдали мы хлѣбъ сей; и содѣлалъ сіе не по злобѣ, но чтобы не было у насъ несваренія, и мы не умерли. Ибо каждая добродѣтель есть мать слѣдующей добродѣтели. Поэтому, если оставишь мать, рождающую добродѣтели, и пойдешь искать дочерей прежде, нежели отыщешь мать ихъ, то оныя добродѣтели оказываются для души ехиднами. Если не отринешь ихъ отъ себя, то скоро умрешь.

С Л О В О 73.

О признакахъ и дѣйствіяхъ любви къ Богу.

Любовь къ Богу естественно горяча, и, когда упадетъ на кого ¹⁾ безъ мѣры, дѣлаетъ душу ту восторженною. Поэтому сердце ощутившаго любовь сію не можетъ вмѣщать и выносить ея. Но, по мѣрѣ качества нашедшей на него любви, усматривается въ немъ необычайное измѣненіе. И вотъ ощутительные признаки сея любви: лице у чловѣка дѣлается румянымъ и радостнымъ, и тѣло его согрѣвается. Отступаютъ отъ него страхъ и стыдъ, и дѣлается онъ какъ бы восторженнымъ. Сила, собирающая во едино умъ, бѣжитъ отъ него, и бываетъ онъ какъ бы изумленнымъ. Страшную смерть почитаетъ радостію, созерцаніе ума его никакъ не допускаетъ какого-либо пресѣченія ²⁾ въ помышленіи о небесномъ. И въ отсутствіи, не зримый никѣмъ, бесѣдуетъ какъ присутствующій. Вѣдѣніе и видѣніе его естественныя переходятъ, и не ощущаетъ чувственнымъ образомъ движенія, возбуждаемаго въ немъ предметами; потому что, хотя и дѣлаетъ что, но совершенно того не

1) Возгорится въ комъ.

2) Прекращенія.

чувствуетъ, такъ какъ умъ его паритъ въ созерца-
ніи, и мысль его всегда какъ бы бесѣдуетъ съ кѣмъ
другимъ.

Симъ духовнымъ упоеніемъ упоевались нѣкогда
Апостолы и мученики; и одни весь міръ обошли, тру-
дясь и терпя поношеніе, а другіе изъ усѣченныхъ
членовъ своихъ изливали кровь, какъ воду; въ лю-
тыхъ страданіяхъ не малодушествовали, но претер-
пѣвали ихъ доблестно, и, бывъ мудрыми, признаны
безумными. Иные же скитались въ пустыняхъ, въ
горахъ, въ вертепахъ, въ пропастяхъ земныхъ, и въ
нестроеніяхъ были самые благоустроенные. Сего
безумія достигнуть да сподобитъ насъ Богъ!

Если до вшествія во градъ смиренія примѣчаешь
въ себѣ, что успокоился ты отъ мятежа страстей,
то не довѣрай себѣ: ибо врагъ готовитъ тебѣ ка-
кую-нибудь сѣть; напротивъ того, послѣ покоя жди
великой тревоги и великаго мятежа. Если не прой-
дешь всѣхъ обителей добродѣтелей, то не встрѣ-
тишь покоя отъ труда своего, и не будешь имѣть
отдохновенія отъ вражескихъ козней, пока не до-
стигнешь обители святого смиренія. Сподоби и насъ,
Боже, достигнуть оной Твоею благодатію! Аминь.

С Л О В О 74.

О ВИДАХЪ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ.

Подвижничество есть мать святости, отъ которой
рождается первое извѣданіе ощущенія тайнъ Божіихъ,
что называется первою степенью духовнаго познанія.
Никто да не прельщаетъ самъ себя, и да не мечтаетъ
о предугадываніяхъ ¹⁾. Ибо душа оскверненная не
входитъ въ чистое царство и не сочетаетсяъ съ ду-
хами святыхъ. Доброту цѣломудрія твоего угладь

¹⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „никто да не обманываетъ самъ себя и не
дается въ обманъ видѣніямъ“, т. е. пусть не думаетъ, что безъ предва-
рительнаго очищенія своей души можно достигнуть духовнаго познанія.

слезами, постами и внутреннимъ безмолвіемъ. Малая скорбь ради Бога лучше великаго дѣла, совершаемаго безъ скорби, потому что добровольная скорбь даетъ доказательство вѣры любовью; а дѣло покоя бываетъ слѣдствіемъ пресыщенія сознанія ¹⁾. Поэтому святые, изъ любви Христовой, показали себя благоискусными въ скорбяхъ, а не въ покоѣ, потому что совершаемое безъ труда есть правда людей мірскихъ, которые творятъ милостыню изъ внѣшняго, сами же въ себѣ ничего не приобрѣтаютъ ²⁾. Но ты, подвижникъ и подражатель страданіямъ Христовымъ, подвизайся самъ въ себѣ, чтобы сподобиться тебѣ вкусить славы Христовой. Ибо, если съ Христомъ страждемъ, то съ Нимъ и прославимся (Римл. 8, 17). Умъ не прославится съ Іисусомъ, если тѣло не страждетъ за Христа. Поэтому, кто небрежетъ о славѣ человѣческой, тотъ сподобляется славы Божіей, и вмѣстѣ съ душою прославляется и тѣло его. Ибо слава тѣла есть цѣломудренная покорность Богу, а слава ума есть истинное созерцаніе Бога ³⁾. Истинная покорность двояка: въ дѣлахъ и въ поношеніи. Посему, когда страждетъ тѣло, состраждетъ съ нимъ и сердце. Если не знаешь Бога, невозможно возбудиться въ тебѣ любви къ Нему. Не можешь возлюбить Бога, если не узришь Его. А видѣніе Бога есть слѣдствіе познанія Его, потому что видѣніе Его не предшествуетъ знанію Его.

Сподоби меня, Господи, познать и возлюбить Тебя не тѣмъ вѣдѣніемъ, какое приобрѣтается чрезъ обученіе съ расточеніемъ ума, но сподоби меня того вѣдѣнія, въ которомъ умъ, созерцая Тебя, прославляетъ естество Твое въ созерцаніи, тайно похищающемъ у мысли ощущеніе міра. Сподоби меня возвыситься надъ зрѣніемъ воли, порождающей мечтанія, и узрѣть Тебя,

¹⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „а дѣло, совершенное въ покоѣ, исходитъ изъ пресыщеннаго настроенія“ (т. е. отъ душевной скуки?).

²⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „...которые стараются оправдаться посредствомъ своего (имущества?), а сами не стремятся къ совершенству“.

³⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „возвеличеніе тѣла есть смиренное подчиненіе (его) Богу, а возвеличеніе духа—созерцаніе истины о Богѣ“.

связуемаго крестными узами, въ этой второй части распятія ума, который, свободно отъ вліянія на него помышленій, упокоевается въ непрестанномъ, преестественномъ созерцаніи Тебя. Содѣлай, чтобы возрастала во мнѣ любовь къ Тебѣ, дабы, идя во слѣдъ любви Твоей, оставить мнѣ міръ сей. Возбуди во мнѣ разумѣніе смиренія Твоего, съ которымъ пожилъ Ты въ мірѣ, въ этой обители, въ которую облекся Ты отъ членствъ нашихъ, при посредствѣ Святой Дѣвы, чтобы я въ непрестанномъ и незабвенномъ семъ памятованіи со сладостью пріялъ смиреніе естества своего.

Есть два способа взойти на крестъ: одинъ—распятіе тѣла, а другой—вхожденіе въ созерцаніе; первый бываетъ слѣдствіемъ освобожденія отъ страстей, а второй—слѣдствіемъ дѣйственности дѣлъ духа. Умъ не покоряется, если не покорится ему тѣло. Царство ума есть распятіе тѣла: и умъ Богу не покоряется, если свобода не покорена разуму. Трудно что-либо высокое преподавать еще новонаначальному и младенцу возрастомъ. *Горе тебѣ граде, въ немъ же царь твой юнъ* (Еккл. 10, 16). Кто покоритъ себя Богу, тотъ близокъ къ тому, чтобы покорилось ему все. Кто позналъ себя, тому дается вѣдѣніе всего, потому что познать себя есть полнота вѣдѣнія о всемъ; и вслѣдствіе подчиненія ¹⁾ души твоей подчинится тебѣ все. Въ то время, какъ смиреніе воцаряется въ житіи твоёмъ, покоряется тебѣ душа твоя, а съ нею покорится тебѣ все, потому что въ сердцѣ твоёмъ рождается миръ Божій. Но покуда ты въ него, не только страсти, но и обстоятельства будутъ непрестанно преслѣдовать тебя. Подлинно, Господи, если не смирится, ты не престаешь смирять насъ. Истинное смиреніе есть порожденіе вѣдѣнія, а истинное вѣдѣніе есть порожденіе искушеній.

¹⁾ Богу.

С Л О В О 75.

О НЕПРЕСТАННОМЪ ПОСТѢ, И О ТОМЪ, ЧТОБЫ СОБРАТЬ СЕБЯ ВОЕДИНО, И О ПОСЛѢДСТВІЯХЪ СЕГО, И О ТОМЪ, ЧТО ПОСРЕДСТВОМЪ ВѢДѢНІЯ РАЗЛИЧІЙ ОБУЧИЛСЯ ОНЪ ¹⁾ ПРАВИЛЬНОМУ УПОТРЕБЛЕНІЮ ВСЕГО ПОДОБНАГО.

Долгое время искушаемый въ десныхъ и шукхъ. многократно извѣдавъ себя сими двумя способами, пріавъ на себя безчисленные удары противника, и сподобившись втайнѣ великихъ вспоможеній, въ продолженіе многихъ лѣтъ снискалъ я опытность, и по благодати Божіей опытно дозналъ слѣдующее. Основаніе всего добраго, возвращеніе души изъ вражія плѣна, путь ведущій къ свѣту и жизни—все это заключено въ сихъ двухъ способахъ: собрать себя воедино и всегда поститься, т. е. премудро и благо-разумно поставить для себя правиломъ воздержаніе чрева, неисходное пребываніе на одномъ мѣстѣ, непрестанное упраздненіе ²⁾ и богомысліе. Отсюда покорность чувствъ; отсюда трезвенность ума, отсюда укрощеніе свирѣпыхъ страстей, возбуждающихся въ тѣлѣ; отсюда кротость помысловъ; отсюда свѣтлыя движенія мысли; отсюда рачительность къ дѣламъ добродѣтели; отсюда высокія и тонкія разумѣнія; отсюда не знающія мѣры слезы, источающіяся во всякое время, и память смертная; отсюда чистое цѣломудріе, совершенно далекое отъ всякаго мечтанія, искушающаго мысль; отсюда острота зрѣнія и острота уразумѣнія того, что далеко; отсюда глубокія, таинственныя разумѣнія, какія умъ постигаетъ при пособіи Божественныхъ словесъ, и внутреннія движенія, происходящія въ душѣ, и различеніе и рассужденіе духовъ -- отъ святыхъ Силъ и истинныхъ видѣній—отъ суетныхъ мечтаній. Отсюда тотъ страхъ въ путяхъ и стезяхъ, который въ морѣ мысли отсѣкаетъ лѣность и нерадѣніе, тотъ пламень ревности, который попи-

¹⁾ Св. Исаакъ Сиріанъ.

²⁾ Отъ дѣлъ, возмущающихъ умъ.

раетъ всякую опасность и преодолагаетъ всякій страхъ; та горячность, которая пренебрегаетъ всякимъ вождѣлѣніемъ, и изглаждаетъ оное въ умѣ, и вмѣстѣ съ прочимъ приводитъ въ забвеніе всякое памятованіе о преходящемъ; короче сказать, отсюда—свобода истиннаго человѣка, душевная радость и воскресеніе со Христомъ во царствіи.

Если же кто вознерадитъ о сихъ двухъ способахъ, то пусть знаетъ, что не только лишится онъ всего, предъ симъ сказаннаго, но поколеблетъ и самое основаніе всѣхъ добродѣтелей пренебреженіемъ сихъ двухъ добродѣтелей. И какъ онѣ, если кто удержитъ ихъ въ себѣ и пребудетъ въ нихъ, суть начало и глава Божественнаго дѣланія въ душѣ, дверь и путь ко Христу, такъ, если кто отступитъ и удалится отъ нихъ, то придетъ къ симъ двумъ противоположнымъ тому порокамъ, разумѣю же—тѣлесное скитаніе и безчестное чревоугодіе. Это суть начала противнаго сказанному выше, и они даютъ мѣсто въ душѣ страстямъ.

И первое начало одной причины ¹⁾ прежде всего разрѣшаетъ покорныя чувства отъ узъ самособранности. Что же далѣе бываетъ отъ сего? Неумѣстныя и неожиданныя приключенія, близкія къ паденіямъ; мятежъ сильныхъ волнъ ²⁾; возбуждаемое зрѣніемъ очей лютое воспламененіе, овладѣвающее тѣломъ и заключающее его въ оковы; удобное поползновеніе въ мысляхъ; неудержимые помыслы, влекущіе къ паденію; теплохладность ³⁾ въ желаніи дѣлъ Божіихъ, и постепенное ослабленіе различія безмолвія ⁴⁾, и совершенное оставленіе правила житія своего; вслѣдствіе же того, что постоянно представляется человѣку въ невольныхъ и многообразныхъ видѣніяхъ и встрѣчается при переходеніи изъ страны въ страну, изъ мѣста въ мѣсто,—бываетъ возобновленіе забытыхъ

1) Т. е. скитанія.

2) Искушеній.

3) Ни горячесть, ни студеность.

4) Въ отношеніи его превосходства

слезами, постами и внутреннимъ безмолвіемъ. Малая скорбь ради Бога лучше великаго дѣла, совершаемаго безъ скорби, потому что добровольная скорбь даетъ доказательство вѣры любовью; а дѣло покоя бываетъ слѣдствіемъ пресыщенія сознанія ¹⁾. Поэтому святые, изъ любви Христовой, показали себя благоискусными въ скорбяхъ, а не въ покоѣ, потому что совершаемое безъ труда есть правда людей мірскихъ, которые творятъ милостыню изъ внѣшняго, сами же въ себѣ ничего не приобрѣтаютъ ²⁾. Но ты, подвижникъ и подражатель страданіямъ Христовымъ, подвизайся самъ въ себѣ, чтобы сподобиться тебѣ вкусить славы Христовой. Ибо, если съ Христомъ страждемъ, то съ Нимъ и прославимся (Римл. 8, 17). Умъ не прославится съ Иисусомъ, если тѣло не страждетъ за Христа. Поэтому, кто небрежетъ о славѣ человѣческой, тотъ сподобляется славы Божіей, и вмѣстѣ съ душою прославляется и тѣло его. Ибо слава тѣла есть цѣломудренная покорность Богу, а слава ума есть истинное созерцаніе Бога ³⁾. Истинная покорность двояка: въ дѣлахъ и въ поношеніи. Посему, когда страждетъ тѣло, состраждетъ съ нимъ и сердце. Если не знаешь Бога, невозможно возбудиться въ тебѣ любви къ Нему. Не возможешь возлюбить Бога, если не узришь Его. А видѣніе Бога есть слѣдствіе познанія Его, потому что видѣніе Его не предшествуетъ знанію Его.

Сподоби меня, Господи, познать и возлюбить Тебя не тѣмъ вѣдѣніемъ, какое приобрѣтается чрезъ обученіе съ расточеніемъ ума, но сподоби меня того вѣдѣнія, въ которомъ умъ, созерцая Тебя, прославляетъ естество Твое въ созерцаніи, тайно похищающемъ у мысли ощущеніе міра. Сподоби меня возвыситься надъ зрѣніемъ воли, порождающей мечтанія, и узрѣть Тебя,

¹⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „а дѣло, совершенное въ покоѣ, исходитъ изъ пресыщеннаго настроенія“ (т. е. отъ душевной скуки?).

²⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „...которые стараются оправдаться посредствомъ своего (имущества?), а сами не стремятся къ совершенству“.

³⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „возвеличеніе тѣла есть смиренное подчиненіе (его) Богу, а возвеличеніе духа—созерцаніе истины о Богѣ“.

связаемаго крестными узами, въ этой второй части распятія ума, который, свободно отъ вліянія на него помышленій, упокоевается въ непрестанномъ, преестественномъ созерцаніи Тебя. Содѣлай, чтобы возрастала во мнѣ любовь къ Тебѣ, дабы, идя во слѣдъ любви Твоей, оставить мнѣ міръ сей. Возбуди во мнѣ разумнѣе смиренія Твоего, съ которымъ пожилъ Ты въ мірѣ, въ этой обители, въ которую облекся Ты отъ членовъ нашихъ, при посредствѣ Святой Дѣвы, чтобы я въ непрестанномъ и незабвенномъ семъ памятованіи со сладостью пріялъ смиреніе естества своего.

Есть два способа взойти на крестъ: одинъ—распятіе тѣла, а другой—вхожденіе въ созерцаніе; первый бываетъ слѣдствіемъ освобожденія отъ страстей, а второй—слѣдствіемъ дѣйственности дѣлъ духа. Умъ не покоряется, если не покорится ему тѣло. Царство ума есть распятіе тѣла: и умъ Богу не покоряется, если свобода не покорена разуму. Трудно что - либо высокое преподавать еще новонаначальному и младенцу возрастомъ. *Горе тебѣ граде, въ немъ же царь твой юнъ* (Еккл. 10, 16). Кто покоритъ себя Богу, тотъ близокъ къ тому, чтобы покорилось ему все. Кто позналъ себя, тому дается вѣдѣніе всего, потому что познать себя есть полнота вѣдѣнія о всемъ; и вслѣдствіе подчиненія ¹⁾ души твоей подчинится тебѣ все. Въ то время, какъ смиреніе воцаряется въ житіи твоёмъ, покоряется тебѣ душа твоя, а съ нею покорится тебѣ все, потому что въ сердцѣ твоёмъ рождается миръ Божій. Но пока ты виѣ его, не только страсти, но и обстоятельства будутъ непрестанно преслѣдовать тебя. Подлинно, Господи, если не смиримся, ты не престаешь смирять насъ. Истинное смиреніе есть порожденіе вѣдѣнія, а истинное вѣдѣніе есть порожденіе искушеній.

¹⁾ Богу.

пороковъ и обученіе инымъ, которыхъ прежде онъ не зналъ. И страсти, которыя, по благодати Божіей, были уже умерщвлены въ душѣ и истреблены забвеніемъ памятованій, хранившихся въ умѣ, снова начинаютъ приходить въ движеніе и понуждать душу къ ихъ дѣланію. Вотъ что (если не говорить и не входить въ подробности о всемъ прочемъ) открывается вслѣдствіе оной первой причины, т. е. скитанія тѣла и нетерпѣливости въ перенесеніи бѣдствованій безмолвія.

Что же бываетъ слѣдствіемъ другой причины, т. е. если начато нами дѣло свиней? Что же это за дѣло свиней, какъ не то, чтобы позволять чреву не знать границъ, и непрестанно наполнять его, а не имѣть указаннаго времени на удовлетвореніе тѣлесныхъ потребностей, какъ свойственно разумнымъ? И что же далѣе выходитъ изъ этого? Отсюда—тяжесть въ головѣ, великое отягощеніе въ тѣлѣ и расслабленіе въ мышцахъ, а отъ сего—необходимость оставлять службу Божію, потому что приходятъ и лѣность творить на ней метанія ¹⁾, и нерадѣніе о поклонахъ обычныхъ, омраченіе и холодность мысли; умъ, оделѣвшійся ²⁾ и неспособный къ разсудительности отъ смятенія и великаго омраченія помысловъ, густой и непроницаемый мракъ, распростертый во всей душѣ, сильное уныніе при всякомъ Божіемъ дѣлѣ, а также и при чтеніи, потому что человекъ не вкушаетъ сладости словесъ Божіихъ, великая праздность отъ необходимыхъ дѣлъ ³⁾, умъ неудержимый, скитающійся всюду по землѣ, большое накопленіе соковъ во всѣхъ членахъ, по ночамъ нечистыя мечтанія скверныхъ призраковъ и неумѣстныхъ образовъ, исполненныхъ похотѣнія, которое проникаетъ въ душу и въ самой душѣ нечисто исполняетъ свои хотѣнія. И постель сего окаяннаго, и одежда его, и даже все тѣло оскверняются множествомъ срамныхъ нечистотъ,

¹⁾ Поясные доклоны.

²⁾ Огрубѣлый.

³⁾ Т. е. по причинѣ ихъ оставленія.

какія льются у него какъ бы изъ источника, и это бываетъ у него не только ночью, но и днемъ, потому что тѣло всегда источаетъ нечистоты и оскверняетъ мысль, такъ что по причинѣ сего человѣкъ отвращается и отъ цѣломудрія. Ибо сладость возбужденій чувствуется во всемъ тѣлѣ его съ непрестаннымъ и нестерпимымъ разжженіемъ. И бываютъ у него обольстительные помыслы, которые изображаютъ передъ нимъ красоту, и во всякое время раздражаютъ его и возбуждаютъ умъ къ сочетанію съ ними. И человѣкъ, нимало не колеблясь, сочетается съ сими помыслами, помышляя о нихъ и вожделѣвая ихъ, по причинѣ омраченія въ немъ разсудка. И это есть то самое, что сказалъ и Пророкъ: вотъ воздаяніе сестрѣ Содомѣ, которая роскошествуя ѣла хлѣбъ въ сытость, и т. д. (Лез: 16, 49). И о семъ-то сказано однимъ изъ великихъ мудрецовъ, что, если кто будетъ обильно питать тѣло свое наслажденіями, то душу свою подвергнетъ брани; и если нѣкогда придетъ въ себя и приметъ на себя трудъ принудить себя, чтобы овладѣть самимъ собою, то не возможетъ сего по причинѣ сильнаго раздраженія тѣлесныхъ движеній и потому что сильны и понудительны раздраженія и возбужденія, которыя плѣняютъ душу своими похотѣніями. Видишь ли въ этомъ тонкость сихъ безбожныхъ ¹⁾? И онъ же говоритъ еще: тѣлесное наслажденіе, вслѣдствіе мягкости и нѣжности юности, производитъ, что скоро снискиваются душою страсти, и окружаетъ ее смерть, и такимъ образомъ человѣкъ подпадаетъ суду Божію.

А душа, поучающаяся всегда въ памятованіи должнаго, упокоевается въ свободѣ своей; заботы ея невелики, она ни въ чемъ не раскаивается, имѣя попеченіе о добродѣтели и держа бразды страстей; храня добродѣтель, она приводитъ въ возрастаніе, въ безпечальную радость, въ добрую жизнь и въ безопасную пристань. Тѣлесныя же наслажденія не только усиливаютъ страсти и возставляютъ ихъ на душу,

¹⁾ Т. е. бѣсовъ.

но даже исторгаютъ ее изъ самыхъ корней ея, и съ тѣмъ вмѣстѣ разжигаютъ чрево къ невоздержанію и безграничности крайняго распутства, и понуждаютъ безвременно удовлетворять тѣлеснымъ потребностямъ. Одолѣваемый симъ не хочетъ стерпѣть малаго голода и владѣть собою, потому что онъ—плѣнникъ страстей.

Вотъ постыдные плоды чревоугодія. А выше описанные плоды терпѣнія, пребыванія на одномъ мѣстѣ и въ безмолвіи великую пользу доставляютъ душѣ ¹⁾. Посему и врагъ, зная времена нашихъ естественныхъ потребностей, побуждающихъ природу удовлетворять себя, зная, что отъ скитанія очей и упокоенія чрева умъ приходитъ въ круженіе, старается и усиливается, въ таковыя именно времена, побуждать насъ, чтобы мы сдѣлали прибавку къ естественной потребности, и посѣвать въ насъ образы лукавыхъ помысловъ, чтобы, если можно, укрѣпить страсти на естество ради усиленной борьбы и потопить челоуѣка въ грѣхопаденіяхъ. А потому, какъ врагъ знаетъ времена, такъ и намъ должно знать немощь свою и силу естества своего, что она недостаточна для сопротивленія стремленіямъ и движеніямъ въ оныя времена, и тонкости помысловъ, которые въ очахъ нашихъ по легкости подобны праху, такъ что не можемъ видѣть ихъ ²⁾ и противостать тому, что встрѣчается съ нами; и по причинѣ многого испытанія, какому не разъ бѣдственно подвергались мы и какимъ искушалъ насъ врагъ, должно на будущее время умудриться и не позволять себѣ быть поверженными, чтобы исполнять волю нашего покоя, и не позволять себѣ побѣждаться отъ голода, но, если и будетъ изнурять и утѣснять насъ голодъ, тѣмъ болѣе не будемъ двигаться съ мѣста своего безмолвія и ходить туда, гдѣ легко можетъ случиться съ нами это, и уготовлять себѣ предлоги и способы

¹⁾ Слова: *великую пользу доставляютъ душѣ* — дополнены изъ древ. слав. перевода.

²⁾ Согласно съ древн. славян. переводомъ здѣсь вмѣсто *iautēs* лучше читать *autēs*

къ тому, чтобы уйти изъ пустыни. Ибо это явные замыслы врага. Если же пребудешь въ пустынь, то не подвергнешься искушенію, потому что не увидишь въ ней ни женщинъ, ни чего-либо вреднаго для житія твоего, и не услышишь непристойныхъ гласовъ.

Что тебѣ и пути Египетскому, еже пити воду Геонскую (Іер. 2, 18)? Пойми, что говорю тебѣ: покажи врагу терпѣніе свое и опытность свою въ маломъ, чтобы не искалъ у тебя великаго ¹⁾. Пусть это малое будетъ для тебя указаніемъ, какъ низложить въ томъ сопротивника, чтобы не было у него времени, и не изрылъ онъ тебѣ великихъ подкоповъ. Ибо, кто не послушается врага, чтобы на пять шаговъ отойти отъ мѣста своего безмолвія, тотъ можетъ ли послушаться и уйти изъ пустыни, или приблизиться къ селенію? Кто не соглашается посмотрѣть въ окно изъ безмолвной своей келліи, тотъ согласится ли выйти изъ нея? И кого едва убѣдишь вечеромъ вкусить весьма мало пищи, того уловятъ ли помыслы ѣсть прежде времени? Кто стыдится насыщаться и чѣмъ-либо дешевымъ, тотъ пожелаетъ ли дорогихъ яствъ? Кого не убѣдишь посмотрѣть на свое тѣло, тотъ уловится ли любопытствомъ видѣть чужія красоты?

Посему явно, что иной, вначалѣ пренебрегая малымъ, побѣждается и, такимъ образомъ, даетъ врагу поводъ нападать на него въ великомъ. Кто не заботится о томъ, чтобы хотя на краткое время продолжилась временная жизнь его, тотъ побоится ли озлобленій и скорбей, приводящихъ къ желанной для него смерти? Это брань разсудительная, потому что мудрые не позволяютъ себѣ замышлять о великихъ подвигахъ, но терпѣніе, показываемое ими въ маломъ, охраняетъ ихъ отъ впаденія въ великіе труды.

Поэтому діаволь усиливается сначала сдѣлать, чтобы оставлена была непрестанная сердечная молитва, а потомъ внушаетъ пренебреженіе къ установленнымъ временамъ молитвы и правила, совершаемаго тѣлесно. И, такимъ образомъ, вначалѣ помыслъ

¹⁾ Ср. Лук. 16. 10

предается слабости—вкусить прежде времени какую-нибудь малость пищи и что-либо самое незначительное и ничтожное, а по впадении въ нарушение воздержанія своего челоѣкъ поползается въ невоздержность и блудъ. Сначала одолѣвается желаніемъ (лучше же сказать, маловажнымъ представляется это въ глазахъ его) посмотрѣть на наготу своего тѣла или на другую какую красоту членовъ своихъ, когда снимаетъ съ себя одежды свои, или когда выходитъ онъ для тѣлесной потребности, или входитъ въ воду, и расслабитъ чувства свои, или смѣло положитъ руку подъ одежды свои и начнетъ осязать тѣло свое, а потомъ возстаетъ уже на него и прочее одно за другимъ. И кто прежде охранялъ твердыню ума и скорбѣлъ о чемъ-либо одномъ изъ сказаннаго, тотъ отверзаетъ тогда къ себѣ широкіе и опасные входы, потому что помыслы (скажу уподобительно), какъ вода, пока отовсюду бываютъ сдерживаемы, соблюдаютъ добрый свой порядокъ, а если мало изъ твердыни своей выступаютъ наружу, производятъ разореніе ограды и великое опустошеніе. Ибо врагъ днемъ и ночью стоитъ у насъ передъ глазами, примѣчаетъ, выжидаетъ и высматриваетъ, какимъ отверстиемъ для него входомъ чувствъ нашихъ войти ему. И когда допущено нами нерадѣніе въ чемъ-либо одномъ изъ сказаннаго выше, тогда этотъ хитрый и безстыдный песъ пускаетъ въ насъ стрѣлы свои. И иногда природа сама собою любитъ покой, вольность, смѣхъ, пареніе мыслей, лѣнность, и дѣлается источникомъ страстей и пучиною мятежа, иногда же противникъ тайно влагаетъ это въ душу. Но мы великіе труды свои замѣнимъ, поэтому, трудами малыми, которые почитаемъ за ничто. Ибо, если сіи пренебрегаемые нами труды, какъ показано, предотвращаютъ многіе великіе подвиги, неудобноисполнимые труды, смятенныя боренія и тяжкія раны, то кто не поспѣшитъ сими малыми предварительными трудами обрѣсти себѣ сладостный покой?

О, какъ удивительна ты, мудрость, какъ издалека все предусматриваешь! Блаженъ, кто обрѣлъ тебя.

Ибо онъ свободенъ отъ нерадѣнія юности. Если кто за малую цѣну или малую вещь покупаетъ врачество отъ великихъ страстей, то хорошо онъ дѣлаетъ. Ибо однажды нѣкто изълюбомудрыхъ, покачнувшись отъ слабости и ощутивъ это, быстро исправился, внезапно сѣвъ; другой, посмотрѣвъ на него, разсмѣялся на это. Но онъ отвѣчалъ: „не этого убоялся я, но боюсь небреженія: потому что малая небрежность нерѣдко ведетъ къ великимъ опасностямъ. А тѣмъ, что нарушилъ я порядокъ, и вскорѣ исправился, показалъ, что я трезвенъ и не пренебрегаю даже и тѣмъ, что не страшно“. Вотъ любомудріе—и въ маломъ и въ незначительномъ, что ни дѣлаетъ человекъ, быть ему всегда трезвеннымъ. Онъ уготовляетъ себѣ великое упокоеніе, и не спитъ, чтобы не случилось съ нимъ чего-либо противнаго, но заблаговременно отсѣкаетъ поводы къ тому ¹⁾ и ради маловажныхъ вещей переноситъ малую скорбь, уничтожая ею скорбь великую.

А безразсудные малый близкій покой предпочитаютъ отдаленному царству, не зная, что лучше претерпѣть мученія въ подвигѣ, нежели упокоиться на ложѣ земного царства и быть осуждену за лѣность. Мудрымъ вожделѣнна смерть, только бы не поднасть обвиненію, что какое-либо изъ дѣлъ своихъ исполнили безъ трезвенности. Почему и говоритъ Премудрый: „будь бодрственъ и трезвенъ ради жизни своей“; потому что сонъ ума сроденъ истинной смерти и есть ея образъ. А богоносный Василій говоритъ: „кто лѣнивъ въ чемъ-либо маломъ, о томъ не вѣрь, что отличится онъ въ великомъ“.

Не унывай, когда дѣло идетъ о томъ, что доставить тебѣ жизнь, и не полѣнись за это умереть, потому что малодушіе—признакъ унынія, а небреженіе ²⁾—матерь того и другого. Человекъ боязливый даетъ о себѣ знать, что страждетъ двумя недугами, т. е. тѣлолюбіемъ и маловѣріемъ. А тѣлолюбіе при-

¹⁾ Т. е. къ противоположному.

²⁾ О должномъ.

знакъ невѣрія, Но кто пренебрегаетъ симъ, тотъ удостоивѣется о себѣ, что всею душою вѣруетъ Богу и ожидаетъ будущаго ¹⁾).

Если кто приблизился къ Богу безъ опасностей, подвиговъ и искушеній, то и ты подражай ему. Сердечное дерзновеніе и пренебреженіе опасностей бываютъ по одной изъ сихъ двухъ причинъ: или по жестокосердію, или по великой вѣрѣ въ Бога. За жестокосердіемъ слѣдуетъ гордость, а за вѣрою— смиренномудріе сердца. Человѣкъ не можетъ стяжать надежды на Бога, если прежде, въ большой мѣрѣ, не исполнялъ воли Его. Ибо надежда на Бога и мужество сердца рождаются отъ свидѣтельства совѣсти, и только при истинномъ свидѣтельствѣ ума нашего имѣемъ мы упованіе на Бога. Свидѣтельство же ума состоитъ въ томъ, что человѣкъ нимало не осуждаетъ совѣсть, будто бы вознерадѣлъ онъ о чемъ-либо такомъ, къ чему обязанъ онъ по мѣрѣ силъ своихъ. Если не осудитъ насъ сердце наше, *дерзновеніе и маны къ Богу* (1 Іоан. 3, 21). Посему дерзновеніе бываетъ слѣдствіемъ преуспѣянія въ добродѣтеляхъ и доброй совѣсти. Потому мучительное ²⁾ дѣло—раболѣпствовать тѣлу. Кто хотя отчасти ощутитъ въ себѣ надежду на Бога, тотъ не согласится уже по нуждѣ работать этому жестокому владыкѣ—тѣлу ³⁾. Богу же нашему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 76.

О МОЛЧАНИИ И БЕЗМОЛВІИ.

Всегдашнее молчаніе и храненіе безмолвія бываютъ у человѣка по слѣдующимъ тремъ причинамъ: или ради славы человѣческой, или по горячей ревности къ добродѣтели, или потому, что человѣкъ внутри

¹⁾ Разумѣется, вѣроятно, блаженство будущей жизни.

²⁾ Вредное для души.

³⁾ У Паисія добавлено: „земному и тлѣнному“.

себя имѣеть нѣкое Божественное собесѣдованіе, и умъ его влечется къ оному. Поэтому, если въ комъ нѣтъ одной изъ послѣднихъ причинъ, то по необходимости недугуетъ онъ первымъ недугомъ ¹⁾. Добродѣтель не есть обнаруженіе многихъ и различныхъ дѣлъ, совершаемыхъ тѣлесно, но премудрое въ надеждѣ своей сердце, потому что соединяетъ ее ²⁾ съ дѣлами по Богу правый разумъ. Умъ и безъ дѣлъ тѣлесныхъ можетъ совершать доброе; а тѣло, безъ сердечной мудрости если и дѣлаетъ что, не можетъ извлечь изъ сего пользы. Впрочемъ, человѣкъ Божій, когда находитъ удобство къ совершенію добраго дѣла, не утерпитъ, чтобы не доказать любви къ Богу трудомъ дѣланія своего. Первый чинъ ³⁾ всегда успѣваетъ, второй ⁴⁾ часто успѣваетъ, а иногда и нѣтъ. Не думай, что маловажное дѣло—человѣку всегда быть далекимъ отъ причинъ, возбуждающихъ страсти. Богу же нашему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 77.

О ТѢЛЕСНОМЪ ДВИЖЕНІИ.

Движеніе въ низшихъ членахъ тѣла, бывающее безъ усиленныхъ помысловъ безсмысленнаго сластолюбія, которое возбуждается съ воспламененіемъ и произвольно влечетъ душу въ бѣдствіе, безъ сомнѣнія, есть слѣдствіе пресыщенія чрева. Если же чрево и соблюдаетъ, можетъ быть, умѣренность въ пищу, но члены произвольно, какимъ бы то ни было образомъ, приходятъ въ движеніе, то знай, что въ самомъ тѣлѣ источникъ страсти. И въ этой борьбѣ почитай для себя крѣпкимъ и непреодолимымъ оружіемъ—удаляться отъ лицезрѣнія женщинъ, потому

1) Любленіемъ славы человѣческой.

2) Добродѣтель.

3) Умнаго дѣланія.

4) Трудовъ тѣлесныхъ.

что противникъ не можетъ произвести въ насъ того, что въ состояніи сдѣлать природа своею силою. Ибо не думай, что природа забываетъ о томъ, что естественно всѣяно въ нее Богомъ для чадородія и для испытанія пребывающихъ въ семъ подвигѣ. Но удаленіе отъ предметовъ вождельнія умерщвляетъ въ членахъ похоть, производитъ забвеніе о ней и истребляетъ ее.

Инаковы помыслы о предметахъ, которые отдаленны, проходятъ только въ мысли и производятъ собою легкое и едва ощутительное движеніе. Инаковы же помыслы, которые видѣніемъ предмета погружаютъ умъ въ самозабвеніе, возбуждаютъ страсти близостию (предмета), питаютъ похоть въ чловѣкѣ, какъ елей питаетъ горѣніе свѣтильника, воспаменяютъ страсть уже омертвѣвшую и угасшую, и пучину тѣла возмущаютъ движеніемъ корабля мысли. То естественное движеніе, которое живетъ въ насъ собственно ради чадородія, безъ присовокупленія чего-либо отвнѣ, не можетъ смутить нашего произволенія и отвлечь его отъ чистоты и потревожить цѣломудрія, потому что Богъ не далъ природѣ силы преодолѣвать доброе произволеніе, устремляющееся къ Нему. Но когда возбужденъ кто или раздражительностію, или похотію, тогда не сила естественная понуждаетъ его выйти изъ предѣловъ естества и выступить изъ своихъ обязанностей, а то, что присовокупляемъ мы къ естеству по своему произволу. Что ни сотворилъ Богъ, все сотворилъ прекрасно и соразмѣрно. И пока правильно сохраняется въ насъ мѣра естественной соразмѣрности, движенія естественныя не могутъ понудить насъ уклониться съ пути ¹⁾; напротивъ того, въ тѣлѣ возбуждаются одни благочинныя движенія, которыя даютъ только знать, что есть въ насъ естественная страсть, но не производятъ щекотанія страсти и смятенія, чтобы тѣмъ воспрепятствовать теченію цѣломудрія, и не омрачаютъ ума раздражительностію, и не приводятъ изъ мирнаго состоянія въ состояніе гнѣвное. Если

¹⁾ Цѣломудрія.

же увлекаемся иногда чувственнымъ (отъ чего и раздражительность принимаетъ обыкновенно противоестественное стремленіе), и предаемся или яденію, или питію, въ превосходящемъ мѣру количествѣ, или сближенію съ женщинами и смотрѣнію на нихъ, или бесѣдамъ о нихъ, чѣмъ воспламеняется и быстро распространяется въ тѣлѣ огонь похотѣнія, то естественную кротость свою измѣняемъ при этомъ въ свирѣпость, или по причинѣ обилія влаги въ тѣлѣ, или по причинѣ видѣнія разныхъ вещей.

Бываетъ же иногда движеніе въ членахъ и по Божію попущенію за наше самомнѣніе, и оно уже не таково, какъ указанное выше. Ибо тѣ брани называемъ свободными, и въ нихъ виденъ путь общаго естества. О сей же брани, которая бываетъ вслѣдствіе попущенія по причинѣ нашего самомнѣнія, знаемъ, что, когда долгое время бываемъ внимательными къ себѣ и трудимся, даже почитаемъ себя преуспѣвшими нѣсколько, попускается терпѣть намъ сію брань, чтобы научиться смиренію. Прочія же брани, безъ этой причины бывающія намъ не по силамъ, происходятъ отъ нашей лѣности. Ибо естество, когда по чревоугодію принимаетъ въ себя нѣкое добавленіе къ чувственному, не соглашается уже хранить тотъ порядокъ, какой установленъ при его созданіи. Кто добровольно отринулъ скорби (подвижничества) и неисходное пребываніе въ келліи, тотъ понуждается возлюбить грѣхи. Ибо безъ скорбей не можемъ освободиться отъ оболъщенной мудрованія. Въ какой мѣрѣ умножаются эти труды, въ такой уменьшаются брани, потому что скорби и бѣды умерщвляютъ въ страстяхъ сладострастіе, а покой питаетъ и возвращаетъ ихъ.

Итакъ, ясно уразумѣлъ я, что Богъ и ангелы Его радуются, когда мы въ нуждахъ, а діаволъ и дѣлатели его—когда мы въ покоѣ. Если же въ скорбяхъ и тѣснотахъ совершаются заповѣди Божіи, а мы уничтожили ихъ, то значитъ уже, что и Самимъ Заповѣдавшимъ заповѣди ухищряемся пренебрегать по причинѣ страстей, рождающихся отъ нашего покоя, и

приводимъ въ бездѣйствіе причину добродѣтели, т. е. тѣсноту и скорбь, и, по мѣрѣ пріобрѣтаемаго нами себѣ покоя, даемъ въ себѣ мѣсто страстямъ, потому что въ утѣсняемомъ тѣлѣ помыслы не могутъ предаваться суетнымъ пареніямъ. Когда же кто съ радостію переноситъ труды и скорби, тогда можетъ сильно обуздывать и помыслы, потому что помыслы сіи трудами приводятся въ бездѣйствіе. Когда человекъ памятуетъ прежніе свои грѣхи и наказываетъ себя ¹⁾, тогда и Богъ прилагаетъ попеченіе о томъ, чтобы упокоить его. Богъ радуется, что за уклоненіе отъ пути Божія самъ онъ наложилъ на себя наказаніе, что служитъ знакомъ покаянія. И чѣмъ болѣе дѣлаетъ онъ принужденій душѣ своей, тѣмъ паче пріумножается Богомъ честь его. Всякая же радость, причина которой не въ добродѣтели, въ обрѣтшемъ оную немедленно возбуждаетъ похотливыя движенія. Разумѣй же, что сказали мы это о всякомъ страстномъ, а не о естественномъ, похотѣніи. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 78.

О ВИДАХЪ РАЗНЫХЪ ИСКУШЕНІЙ И О ТОМЪ, СКОЛЬКО СЛАДОСТИ ИМѢЮТЪ ИСКУШЕНІЯ, БЫВАЮЩІЯ И ПРЕТЕРПѢВАЕМЫЯ ЗА ИСТИНУ, И ПО КАКИМЪ СТЕПЕНЯМЪ ВОСХОДИТЬ ЧЕЛОВѢКЪ БЛАГОРАЗУМНЫЙ.

Добродѣтели одна другой преемственны, чтобы путь добродѣтели не былъ труднымъ и тяжкимъ, чтобы можно было преуспѣвать въ нихъ по порядку ²⁾, и находить въ этомъ для себя облегченіе, и чтобы такимъ образомъ самыя скорби, переносимыя ради добра, содѣлались любезными, какъ нѣчто доброе. Ибо никто не можетъ пріобрѣсти дѣйствительной нестяжательности, если не убѣдить и не уготовить

¹⁾ Вольными скорбями.

²⁾ Постепенно.

себя къ тому, чтобы съ радостію переносить искушенія. И никто не можетъ переносить искушеній, кромѣ увѣрившагося, что за скорби, къ участию которыхъ и подъятію уготовилъ онъ себя, можно пріять нѣчто, превосходящее тѣлесный покой. Посему во всякомъ, кто уготовалъ себя къ нестяжательности, сперва возбуждается любовь къ скорбямъ, а потомъ приходитъ къ нему помысль не быть стяжательнымъ относительно вещей міра сего. И всякій, приближающійся къ скорби, сперва укрѣпляется вѣрою, а потомъ приближается къ скорбямъ. Кто отрѣшится отъ вещественнаго, но не отрѣшится отъ дѣйственности чувствъ, разумѣю зрѣніе и слухъ, тотъ уготовитъ себѣ сугубую скорбь и будетъ сугубо бѣдствовать и скорбѣть. Лучше же сказать: какая польза лишить себя чувственныхъ вещей, а чувства услаждать ими? Ибо отъ страстей, производимыхъ сими вещами, человекъ терпитъ то же самое, что прежде терпѣлъ при обладаніи ими на дѣлѣ, потому что памятованіе о навѣкѣ къ нимъ не выходитъ у него изъ мысли. А если мысленныя представленія вещей безъ самыхъ вещей производятъ въ человекѣ болѣзненное чувство, что скажемъ о дѣйствительномъ приближеніи къ нимъ? Итакъ, прекрасно отшельничество, потому что много содѣйствуетъ ¹⁾, сильно укрощаетъ помыслы, самымъ пребываніемъ (въ отшельничествѣ) влагаетъ въ насъ силы, и учитъ великому терпѣнію въ постигающихъ человека необходимыхъ скорбяхъ.

Не домогайся заимствовать совѣтомъ у человека, который не ведетъ одинакаго съ тобою образа жизни, хотя онъ и очень мудръ. Довѣрь помыслъ свой лучше человеку неученому, но опытно извѣдавшему дѣло, нежели ученому философу, который рассуждаетъ по своимъ изслѣдованіямъ, не испытавъ на дѣлѣ. Что же такое опытъ? Опытъ состоитъ не въ томъ, что человекъ подойдетъ только къ какимъ-либо вещамъ и позомотритъ на нихъ, не пріавъ въ себя вѣдѣнія о нихъ, но въ томъ, что, по долгомъ обращеніи съ

¹⁾ Достиженію нестяжательности.

ними, на дѣлѣ испытаетъ ихъ пользу и вредъ. Ибо нерѣдко вещь наружно кажется вредною, но все внутреннее содержаніе ея оказывается исполненнымъ пользы. То же разумѣй и о противномъ сему, т. е. нерѣдко вещь кажется имѣющею пользу, но внутренно исполнена вреда. Потому многіе люди отъ выгодныхъ, повидимому, вещей несутъ ущербъ. И отъ сихъ ¹⁾ свидѣтельство вѣдѣнія неистинно. А потому пользуйся такимъ совѣтникомъ, который умѣетъ съ терпѣніемъ обсудить, что требуетъ разсужденія. Поэтому-то не всякій, подающій совѣтъ, достоинъ довѣрія, но только тотъ, кто прежде самъ хорошо управилъ свободу свою и не боится осужденія и клеветы.

Когда на пути своемъ находишь неизмѣнный миръ, тогда бойся, потому что далеко отстоишь отъ прямой стези, протоптанной страдальческими стопами святыхъ. Ибо, пока ты еще на пути ко граду царствія, признакомъ приближенія твоего ко граду Божію да будетъ для тебя слѣдующее: срѣтаютъ тебя сильныя искушенія, и чѣмъ болѣе приближаешься и преуспѣваешь, тѣмъ паче находящія на тебя искушенія умножаются. А потому, какъ скоро на пути своемъ ощутишь въ душѣ своей различныя и сильнѣйшія искушенія, знай, что въ это время душа твоя дѣйствительно втайнѣ вступила на иную, высшую ступень, и приумножена ей благодать въ томъ состояніи, въ какомъ она поставлена, потому что, соотвѣтственно величію благодати, въ такой же именно мѣрѣ, Богъ вводитъ душу и въ скорбь искушеній, и вводитъ не въ мірскія искушенія, какія бываютъ съ иными для обузданія порока и дѣлѣ явныхъ; не тѣлесныя возмущенія разумѣй также подъ искушеніями, но искушенія, какія приличны инокамъ въ ихъ безмолвіи, и которыя разберемъ впослѣдствіи. Если же душа въ немощи, и нѣтъ у ней достаточныхъ силъ для великихъ искушеній, а потому просить, чтобы не войти въ оныя, и Богъ послушаетъ ее, то навѣрное знай,

¹⁾ Людей.—Разумѣются, вѣроятно, тѣ люди, которые, какъ выше сказано, только подойдутъ и посмотрятъ на вещи

что, въ какой мѣрѣ не имѣетъ душа достаточныхъ силъ для великихъ искушеній, въ такой же она недостаточна и для великихъ дарованій, и какъ возбраненъ къ ней доступъ великимъ искушеніямъ, такъ возбраняются ей и великія дарованія, потому что Богъ не даетъ великаго дарованія безъ великаго искушенія ¹⁾). Соразмѣрно съ искушеніями опредѣлены Богомъ и дарованія по Его премудрости, которой не постигаютъ созданные Имъ. Итакъ, по жестокимъ скорбямъ, посылаемымъ на тебя Божіимъ Промысломъ, душа твоя постигаетъ, какую пріяла она честь отъ величія Божія. Ибо по мѣрѣ печали бываетъ и утѣшеніе.

Вопросъ. Какъ же поэтому? Сперва ли искушеніе, и потомъ дарованіе; или сперва дарованіе, а за нимъ уже и искушеніе?

Отвѣтъ. Не приходитъ искушеніе, если душа не приметъ сперва втайнѣ величія, паче мѣры своей, и Духа благодати, пріятаго ею прежде. О семъ свидѣтельствуютъ искушенія Самого Господа, а подобно сему и искушенія Апостоловъ: имъ не было попущено войти въ искушенія, пока не пріяли Утѣшителя. Кто пріобщается благъ, тому прилично терпѣть и искушенія ихъ, потому что послѣ блага—скорбь его. Такъ угодно было блатому Богу творить со всѣми. И хотя это дѣйствительно такъ, т. е. благодать прежде искушенія, однакоже ощущеніе искушеній, для испытанія свободы, непремѣнно предшествовало ощущенію благодати. Ибо благодать ни въ комъ никогда не предшествуетъ испытанію искушеній. Благодать предваряетъ въ умѣ, но замедляетъ въ чувствѣ. Итакъ, во время сихъ искушеній прилично имѣть два противоположныя и ни въ чемъ не сходныя между собою ощущенія, т. е. радость и страхъ: радость—потому что оказываемся идущими по пути, проложенному святыми, лучше же сказать—Самимъ Животворителемъ всего, какъ это явствуетъ изъ разсмотрѣнія искушеній; страхъ же должны мы имѣть относительно

¹⁾ Ср. 2 Кор. 1, 5.

того, не по причинѣ ли гордости терпимъ мы это искушеніе. Впрочемъ, смиренномудрые умудряются благодатію, и могутъ все это различать и разумѣть. т. е. какое искушеніе отъ плода гордости, и какое—отъ ударовъ ¹⁾, наносимыхъ ²⁾ любовію. Искушенія при преуспѣяніи и возрастаніи добраго житія отличаются отъ искушеній, попускаемыхъ для вразумленія за гордыню сердца.

Искушенія друзей Божіихъ, которые смиренномудры.

Искушенія, какія бываютъ отъ духовнаго жезла къ преуспѣянію и возрастанію души, и которыми она обучается, испытывается и вводится въ подвигъ, суть слѣдующія: лѣность, тяжесть въ тѣлѣ, расслабленіе членовъ, уныніе, смущеніе ума, мысль о тѣлесной немощи, временное пресѣченіе надежды, омраченіе помысловъ, оскудѣніе человѣческой помощи, недостатокъ потребнаго для тѣла, и тому подобное. Отъ сихъ искушеній человѣкъ пріобрѣтаетъ душу уединенную и сиротствующую, сердце сокрушенное со многими смиреніемъ. И отсюда познается, что человѣкъ началъ вожделѣвать Создателя. Промыслитель соразмѣряетъ искушенія съ силами и потребностями пріемлющихъ оныя. Съ ними срастворены и утѣшеніе и нашествія, свѣтъ и тьма, брани и помощь, короче сказать—тѣснота и пространство. И это служитъ знакомъ, что человѣкъ при помощи Божіей преуспѣваетъ.

¹⁾ Песѣнній Божіихъ.

²⁾ Переводъ Цансіевъ показываетъ, что въ семъ мѣстѣ читалъ онъ τῶν τιχτομένων, а не τῶν τυπτομένων, какъ читается въ греческомъ текстѣ. Переводы древніе славянскій и латинскій подтверждаютъ чтеніе печатнаго греческаго текста.

С Л О В О 79.

О ГОРДОСТИ.

Искушения враговъ Божіихъ, которые горды

Искушения, бывающія по Божію попущенію на людей безстыдныхъ, которые въ мысляхъ своихъ превозносятся предъ благостію Божіею и оскорбляютъ гордостію своею Божію благость, суть слѣдующія: явныя демонскія искушенія, превышающія предѣлы душевныхъ силъ; отъятіе силы мудрости, какую имѣютъ люди; жгучее ощущеніе въ себѣ блудной мысли, попускаемой на нихъ для смиренія ихъ превозношенія; скорая раздражительность; желаніе поставить все по своей волѣ, препираться на словахъ, порицать; презрѣніе сердца ¹⁾; совершенное заблужденіе ума; хулы на имя Божіе; юродивыя, достойныя смѣха, лучше же сказать—слезъ, мысли; и то, что пренебрегаютъ ими люди, въ ничто обращается честь ихъ, и тайно и явно, разными способами, наносится имъ срамъ и поруганіе отъ бѣсовъ; желаніе быть въ общеніи и обращеніи съ міромъ, непрестанно говорить и безразсудно пусто-словить, всегда отыскивать себѣ новости, а также и лжепророчества; обѣщать многое сверхъ силъ своихъ. И это суть искушенія душевныя.

Къ числу искушеній тѣлесныхъ принадлежатъ: болѣзненныя, присно-пребывающія, запутанныя, неудоборазрѣшимыя приключенія, всеглашнія встрѣчи съ людьми худыми и безбожными; или человекъ впадаетъ въ руки насильниковъ, или сердце его вдругъ, и всегда безъ причины, приводится въ движеніе страхомъ ²⁾; или часто терпитъ онъ страшныя, сокрушительныя для тѣла, паденія со скалъ, съ высокихъ мѣстъ и съ чего-либо подобнаго; или, наконецъ, чув-

¹⁾ Презирающее все, пренебрегающее всѣмъ сердца.

²⁾ Въ греч. текстѣ сказано: „страхомъ Божіимъ“. Но у Паисія послѣдпяго слова нѣтъ, и мы тоже опустили, какъ не соотвѣтствующее смыслу мѣста.

ствуется оскудѣніе въ томъ, что помогаетъ сердцу Божественною силою и упованіемъ въры; короче сказать, все невозможное и превышающее силы постигаетъ и ихъ самихъ и близкихъ имъ. Все это, нами изложенное и перечисленное, принадлежитъ къ числу искушеній гордости.

Начало же ихъ появляется въ человѣкѣ, когда начинаетъ кто въ собственныхъ глазахъ своихъ казаться мудрымъ. И онъ проходитъ всѣ сіи бѣдствія по мѣрѣ усвоенія имъ себѣ таковыхъ помысловъ гордости. Итакъ, по роду искушеній своихъ заключай о путяхъ тонкости ума твоего. Если же увидишь, что нѣкоторыя изъ сихъ искушеній смѣшаны съ искушеніями, сказанными прежде, то знай, что, сколько имѣешь ты оныхъ, столько же проникаетъ въ тебя гордыня.

Выслушай еще и о другомъ способѣ ¹⁾. Всякое тѣсное обстоятельство и всякая скорбь, если нѣтъ при нихъ терпѣнія, служатъ къ сугубому мученію, потому что терпѣніе въ человѣкѣ отвращаетъ бѣдствія, а малодушіе есть мать мученія. Терпѣніе есть мать утѣшенія и нѣкая сила, обыкновенно порождаемая широтою сердца. Человѣку трудно найти эту силу въ скорбяхъ своихъ безъ Божественнаго дарованія, обрѣтаемаго неотступностью молитвы и изліяніемъ слезъ.

Когда угодно Богу подвергнуть человѣка большимъ скорбямъ, попускаетъ впасть ему въ руки малодушія. И оно порождаетъ въ человѣкѣ одолѣвающую его силу унынія, въ которомъ ощущаетъ онъ подавленность души, и это есть вкушеніе геенны; симъ наводится на человѣка духъ изступленія, изъ котораго источаются тысячи искушеній: смущеніе, раздраженіе, хула, жалоба на судьбу, превратные помыслы, переселенія изъ одной страны въ другую и т. под. Если же спросишь: что причиною всего этого?—то скажу: твое нерадѣніе, ибо самъ ты не позаботился взыскать врачества отъ этого. Врачество же отъ всего этого одно; при помощи только онаго человѣкѣ находитъ скорое утѣшеніе въ душѣ своей. Какое же это враче-

¹⁾ Т. е. способъ заключать объ искушеніяхъ.

ство?—Смиреномудріе сердца. Безъ него никто не возможетъ разорить преграду ¹⁾ сихъ золь: скорѣе же найдетъ. что превозмогли надъ нимъ бѣдствія.

Не гнѣвайся на меня, что говорю тебѣ правду. Не взыскалъ ты смиренномудрія всею душею твоею. Но если хочешь, вступи въ его область, и увидишь, что освободить оно тебя отъ зла твоего. Ибо по мѣрѣ смиренномудрія дается тебѣ терпѣніе въ бѣдствіяхъ твоихъ, а по мѣрѣ терпѣнія облегчается тяжесть скорбей твоихъ, и пріемлешь утѣщеніе; по мѣрѣ же утѣщенія твоего увеличивается любовь твоя къ Богу; и по мѣрѣ любви твоей увеличивается радость твоя о Духѣ Святомъ. Щедролюбивый Отецъ нашъ— у истинныхъ сыновъ Своихъ, когда соблаговолить сотворить облегченіе ихъ искушеній, не отъемлетъ искушеній ихъ, но даетъ имъ терпѣніе въ искушеніяхъ. И всѣ сіи блага они пріемлютъ рукою терпѣнія своего къ усовершенію душъ своихъ. Да сподобитъ и насъ Христосъ Богъ, по благодати Своей, въ благодареніи сердца претерпѣть всякое зло изъ любви къ Нему! Аминь.

С Л О В О 80.

ОБЪ ИЗЪЯСНЕНИИ ВИДОВЪ ДОБРОДѢТЕЛИ, И О ТОМЪ, КАКОВА СИЛА И КАКОЕ РАЗЛИЧІЕ КАЖДАГО ИЗЪ НИХЪ.

Тѣлесная добродѣтель въ безмолвіи очищаетъ тѣло отъ вещественнаго въ немъ; а добродѣтель ума смиряетъ душу и очищаетъ ее отъ грубыхъ губительныхъ помышленій, чтобы не ими занималась она страстно, но паче пребывала въ созерцаніи своемъ. Созерцаніе сіе приближаетъ ее къ обнаженію ума ²⁾, что называется созерцаніемъ невещественнымъ. И это есть духовная добродѣтель, ибо это возноситъ мысль отъ земного, приближаетъ ее къ первому созерцанію Духа

¹⁾ Крѣпость.

²⁾ Отъ всего вещественнаго

и сосредоточиваетъ мысль въ Богъ и въ созерцаніи неизглаголанной славы (а это есть возбужденіе представленій о величествѣ естества Божія), и отлучаетъ мысль отъ міра сего и отъ ощущенія его. Симъ-то утверждаемся въ оной намъ уготованной надеждѣ и удостоверяемся въ исполненіи ея ¹⁾,—и это есть *препръііе* ²⁾, о которомъ сказамъ Апостоль (Гал. 5, 8), т. е. удостовѣреніе, которымъ умъ мысленно приводится въ веселіе—о обѣтованной намъ надеждѣ. Выслушай же, что значитъ сіе, и какъ бываетъ то или другое (изъ сказаннаго).

Тѣлеснымъ житіемъ по Богу называются дѣла тѣлесныя, которыя совершаются для очищенія плоти добродѣтельной дѣятельностью посредствомъ явныхъ дѣлъ, которыми человекъ очищается отъ плотской нечистоты.

Житіе умное есть дѣло сердца, состоящее въ непрестанномъ помышленіи о судѣ,—т. е. о правдѣ Божіей и приговорахъ Божіихъ,—также въ непрестанной молитвѣ сердца и въ мысли о Промыслѣ и попеченіи Божіемъ, частномъ и общемъ, объ этомъ мірѣ, и въ охраненіи себя отъ страстей тайныхъ, чтобы не вторглась какая-нибудь изъ нихъ въ область сокровенную и духовную. Все это есть дѣло сердца; оно-то и называется житіемъ умнымъ. Въ семъ дѣлѣ житія, называемомъ душевною дѣятельностію, сердце утончается, отлучается отъ общенія съ противоестественною пагубною жизнію, а потомъ начинаетъ иногда возбуждаться къ тому, чтобы размышлять о видѣніи вещей чувственныхъ, созданныхъ для потребности и возвращенія тѣла, и разумѣвать, какъ ихъ служеніемъ дается сила четырехъ стихіямъ въ тѣлѣ.

Житіе духовное есть дѣятельность безъ участія чувствъ. Оно описано Отцами. Какъ скоро умы святыхъ пріемлютъ оное, отъземлются отъ среды созерцаніе вещественное (ипостасное) и дебелость ³⁾ тѣла

¹⁾ Здѣсь удержанъ древній славянскій переводъ, несогласный съ греческимъ текстомъ

²⁾ Убѣжденіе

³⁾ Грубость.

и созерцаніе дѣлается уже духовнымъ ¹⁾. Созерцаніемъ вещественнымъ называю тварь перваго естества ²⁾, и отъ сего вещественнаго созерцанія человѣкъ удобно возводится къ познанію удивительнаго житія, которое, по ясному истолкованію, есть удивленіе Богу. Это есть то высокое состояніе при наслажденіи будущими благами, какое дается въ свободѣ безсмертной жизни, въ жизни по воскресеніи, потому что природа человѣческая не перестанетъ тамъ всегда удивляться Богу, вовсе не имѣя никакого помышленія о тваряхъ; ибо, если-бы было что подобное Богу, то умъ могъ бы подвигнуться къ этому: иногда въ Богу, а иногда—къ твари. А такъ какъ всякая красота твари въ будущемъ обновленіи ниже красоты Божіей, то какъ можетъ умъ созерцаніемъ своимъ отойти отъ красоты Божіей? Итакъ, что же? Опечалить ли его необходимость умереть, или тягость плоти, или память о родныхъ, или естественная потребность, или бѣдствія, или пренятствія, или невѣдомое пареніе, или несовершенство природы, или окруженіе стихіями, или встрѣча одного съ дру-

1) Въ сирійскомъ текстѣ: „Когда умы святыхъ достигнутъ созерцанія своего естества, исчезаетъ дебелость тѣла, и потому созерцаніе дѣлается духовнымъ“.

2) Душа безъ тѣла имѣетъ свою собственную субстанцію; точно такъ же и тѣло безъ души. Но одно безъ другого не составляетъ человѣка, а лишь соединеніе ихъ обоихъ образуетъ одну субстанцію человѣка. Поэтому соединеніе души съ тѣломъ называется субстанціальнымъ (вещественнымъ). Подъ „вещественнымъ созерцаніемъ“ св. Отецъ разумѣетъ созерцаніе души, находящейся въ тѣлѣ. Поэтому онъ и прибавляетъ, что если устранить это вещественное созерцаніе и дебелость тѣла (т. е. вещество тѣла), то созерцаніе дѣлается уже духовнымъ: ибо, по удаленіи души изъ тѣла, прекращается созерцаніе вещественное (т. е. созерцаніе въ тѣлѣ), и начинается духовное (т. е. созерцаніе души, обнаженной отъ тѣла). Это бываетъ послѣ смерти, какъ утверждаетъ ниже св. Отецъ, говоря: „это есть высокое состояніе, какое дается въ свободѣ безсмертной жизни“.—Подъ словами „тварь перваго естества“, вѣроятно, разумѣется самое созданіе человѣческой природы, которое было первымъ не по порядку творенія, но по достоинству и милости Божіей: именно, во время самаго созданія душа, соединившись съ тѣломъ вещественно, начала мыслить и созерцать (Изъ примѣчанія къ греческому тексту Никифора Θεотокиса).

гимъ, или уныніе, или утомительный тѣлесный трудъ? Нимало. Но хотя все сіе и бываетъ въ мірѣ, однакоже въ то время, когда покрывало страстей снимется съ очей ума, и узритъ онъ будущую славу, мысль тотчасъ возносится въ восторгъ. И еслибъ въ этой жизни для такихъ дѣлъ ¹⁾ не положилъ Богъ предѣла, сколько именно промедлить въ нихъ, и если-бы дозволялось это человѣку, то во всю свою жизнь онъ не могъ бы уйти оттуда, отъ созерцанія сего, и тѣмъ паче (не возможетъ) тамъ, гдѣ нѣтъ всего исчисленнаго выше ²⁾. Ибо добродѣтель она не имѣетъ предѣловъ, и мы самымъ дѣломъ и вещественно ³⁾ войдемъ внутрь дворовъ царскихъ, если сподобимся того за житіе свое.

Посему, какъ можетъ умъ отойти и удалиться отъ дивнаго и Божественнаго онаго созерцанія и низойти на что-либо иное? Горе намъ, что не знаемъ душъ своихъ, и того, къ какому житію мы призваны, и эту жизнь немощи, это состояніе живущихъ, эти скорби міра, и самый міръ, пороки его и упокоеніе его, почитаемъ чѣмъ-то значительнымъ.

Но, Христе, единый всесильный! *Блаженъ.., ему же есть заступленіе его у Тебе; восхожденія въ сердце своемъ положи* (Псал. 83, 6). Ты, Господи, отвращай лица наши отъ міра сего къ тому, чтобы вождѣлѣвать Тебя, пока не увидимъ, что такое міръ, и не перестанемъ вѣрить тѣни, какъ дѣйствительности. Вновь сотвори въ, обнови, Господи, въ умѣ нашемъ раченіе прежде смерти, чтобы въ часъ исхода нашего намъ знать, каковъ былъ входъ и исходъ нашъ въ міръ семъ, пока не совершимъ мы дѣло, на которое по волѣ Твоей первоначально мы призваны въ жизни сей, и чтобы послѣ сего намъ имѣть надежду въ мысли, исполненной упованія,—получить, по обѣтованію Писаній, великія блага, какія уготовала любовь Твоя во второмъ возсозданіи, память о которыхъ сохраняется вѣрою въ таинства.

¹⁾ Для созерцанія Бога.

²⁾ Выше исчисленныхъ препятствій.

³⁾ Т. е. веществомъ души.

С Л О В О 81.

ОБЪ ОЧИЩЕНИ ТѢЛА, ДУШИ И УМА.

Очищеніе тѣла есть неприкосновенность къ плотской сквернѣ. Очищеніе души есть освобожденіе отъ тайныхъ страстей, возникающихъ въ умѣ. Очищеніе же ума совершается откровеніемъ тайнъ. Ибо очищается онъ отъ всего, что по дебелости своей подлежитъ чувству. Малыя дѣти невинны тѣломъ, безстрастны душой; но никто не назоветъ ихъ чистыми умомъ. Ибо чистота ума есть совершенство въ пребываніи въ небесномъ созерцаніи, къ которому безъ участія чувствъ возбуждаемъ духовною силою горнихъ украшеній, безчисленныхъ чудесъ онаго небеснаго міра,— житіе коихъ отдѣлено другъ отъ друга,—тонкихъ въ невидимомъ служеніи своемъ, пребывающихъ въ разумѣніи Божественныхъ откровеній, непрестанно, всякій часъ, измѣняющихся ¹⁾. Самъ Богъ нашъ да сподобитъ насъ всегда созерцать Его непокровеннымъ умомъ, а потомъ и непосредственно во вѣки вѣковъ! Ему слава! Аминь.

С Л О В О 82.

СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ПРЕДМЕТЫ ПОЛЕЗНЫЕ, ИСПОЛНЕННЫЕ ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ.

Вѣра есть дверь таинствъ. Какъ тѣлесныя очи видятъ предметы чувственные, такъ вѣра духовными очами взираетъ на сокровенное. У насъ два душевные ока, какъ говорятъ Отцы, подобно тому, какъ два же тѣлесныя ока; но пользованіе для созерцанія каждымъ изъ очей душевныхъ не одно и то же: однимъ окомъ видимъ тайны Божіей славы, сокровенныя въ естествахъ, т. е. силу и премудрость Божію и совѣч-

¹⁾ Все это мѣсто довольно темно.

ное промышленіе Божіе о насъ, постигаемое изъ величія управленія Его нами; а подобно сему тѣмъ же окомъ созерцаемъ и небесныя сослужебныя намъ чины. Другимъ же окомъ совершаемъ славу святого естества Божія, когда благоизволить Богъ ввести насъ въ духовныя таинства и въ умъ нашемъ отверзеть море вѣры.

С Л О В О 83.

О ПОКАЯНІИ.

Какъ благодать на благодать ¹⁾—людямъ по крещеніи дано покаяніе. Ибо покаяніе есть второе возрожденіе отъ Бога. И то дарованіе, котораго залогъ пріяли мы отъ вѣры, приедемъ покаяніемъ. Покаяніе есть дверь милости, отверстая усиленно ищущимъ его; сею дверію входимъ въ Божію милость; помимо этого входа не обрѣтемъ милости; *вси бо, по слову Божественнаго Писанія, согрѣшиши оправдаеми туне благодатию Его* (Рим. 3, 23. 24). Покаяніе есть вторая благодать, и рождается въ сердцѣ отъ вѣры и страха ²⁾; страхъ же есть отеческій жезлъ, управляющій нами, пока не достигнемъ духовнаго рая благъ; а когда достигнемъ, тогда оставляетъ онъ насъ и обращается вспять.

Рай есть любовь Божія, въ которой наслажденіе всѣми блаженствами,—гдѣ блаженный Павелъ напитался преестественною пищею, и, какъ скоро вкусилъ тамъ отъ древа жизни, воскликнулъ, сказавъ: *иже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце челоуѣку не въздоша, яже уготована Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9). Отъ древа сего былъ отстраненъ Адамъ совѣтомъ діавольскимъ. Древо жизни есть любовь Божія, отъ которой отпалъ Адамъ; и съ тѣхъ поръ не встрѣчала

¹⁾ Въ сирійскомъ языкѣ это выраженіе значитъ: „высшая благодать“.

²⁾ Божія.

уже его радость, но работалъ и трудился онъ на землѣ терній. Лишенные любви Божіей, если и по правотѣ ходятъ, ѣдятъ тотъ хлѣбъ пота въ дѣлакъ своихъ, какой повелѣно было ѣсть перевозданному по отпадѣніи ¹⁾ его. Пока не обрѣтемъ любви, дѣланіе наше на землѣ терній; и хотя сѣяніе наше бываетъ сѣяніемъ правды, однако и сѣемъ и пожинаемъ мы среди терній, и ежечасно уязвляемся ими, и, что бы ни дѣлали къ своему оправданію ²⁾, живемъ въ потѣ лица. А когда обрѣтемъ любовь, тогда станемъ питаться хлѣбомъ небеснымъ и укрѣпляться въ силахъ безъ работы и труда. Небесный хлѣбъ есть Христосъ, сшедшій съ небесе и дающій животъ міру (Іоан. 6, 33), и это есть пища ангельская.

Кто обрѣлъ любовь, тотъ каждый день и часъ вкушаетъ Христа, и дѣлается отъ сего безсмертнымъ; ибо сказано: *кто съестъ отъ хлѣба сего, егоже Азъ дамъ ему, смерти не узритъ во вѣки* (Іоан. 6, 51, 58). Блаженъ, кто вкушаетъ отъ хлѣба любви, который есть Иисусъ. А что вкушающій любви вкушаетъ Христа, сущаго надъ всѣми Бога, о семъ свидѣтельствуется Іоаннъ, говоря: *Богъ любви есть* (I Іоан. 4, 8. 16). Итакъ, живущій въ любви пожинаетъ жизнь отъ Бога, и въ этомъ еще мірѣ, въ ощущаемомъ здѣсь, обоняетъ онъ воздухъ воскресенія. Симвъ воздухомъ наслаждаются праведные по воскресеніи. Любовь есть царство; о ней Господь тайнственно обѣтовалъ Апостоламъ, что вкусятъ ея въ царствѣ Его. Ибо сказанное: *да ясте и пиете на трапезѣ царствія Моего* (Лук. 22, 30), что иное означаетъ, какъ не любовь? Любви достаточно для того, чтобы наитать челоуѣка вмѣсто пищи и питія. Вотъ вино, веселящее сердце челоуѣка (Пс. 103, 15). Блаженъ, кто испіетъ вина сего! Испили его невоздержные, и устыдѣлись; испили грѣшники, и забыли пути преткновеній; испили пияницы, и стали постыжками; испили богатые, и возжелали нищеты;

¹⁾ Отъ любви Божіей

²⁾ Сколько бы ни совершили дѣлъ правды

испили убогіе, и обогатились надеждою; испили недужные, и стали сильны; испили невѣжды, и умудрились.

Какъ невозможно переплыть большое море безъ корабля и ладіи, такъ никто не можетъ безъ страха достигнуть любви. Смрадное море между нами и духовнымъ раемъ можемъ переплыть только на ладіи покаянія, на которой есть гребцы страха. Но если сіи гребцы страха не правятъ кораблемъ покаянія, на которомъ по морю міра сего переходимъ къ Богу, то утопаемъ въ этомъ смрадномъ морѣ. Покаяніе есть корабль, а страхъ—его кормчій, любовь же—Божественная пристань. Поэтому, страхъ вводитъ насъ на корабль покаянія, переправляетъ по смрадному морю жизни, и путеводитъ къ Божественной пристани, которая есть любовь. Въ сію пристань приходятъ всѣ труждающіеся и обремененные покаяніемъ. И когда достигнемъ любви, тогда достигли мы Бога, и путь нашъ свершонъ, и пришли мы къ острову тамошняго міра, гдѣ Отецъ, Сынъ и Духъ Святой. Ему слава и держава! И насъ страхомъ Своимъ да содѣлаетъ достойными славы и любви Его! Аминь.

С Л О В О 84.

О ТОМЪ, КАКЪ ВЕЛИКА БЫВАЕТЪ МѢРА ВѢДѢНІЯ И МѢРА ВѢРЫ.

Есть вѣдѣніе, предшествующее вѣрѣ, и есть вѣдѣніе, порождаемое вѣрою. Вѣдѣніе, предшествующее вѣрѣ, есть вѣдѣніе естественное; а порождаемое вѣрою есть вѣдѣніе духовное. Есть вѣдѣніе естественное, различающее добро отъ зла, и оно именуется естественною разсудительностію, которою естественно, безъ наученія, распознаемъ добро и зло. Сію (разсудительность) Богъ вложилъ въ разумную природу, при помощи же наученія она получаетъ приращеніе и пополненіе. Нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ ея. Это есть сила естественнаго вѣдѣнія въ разумной

душѣ; это есть то различеніе добра и зла, которое въ душѣ непрестанно приводится въ дѣйствіе. Лишенные этой силы ниже разумной природы, а въ имѣющихъ ее природа душевная находится въ надлежащемъ своемъ состояніи, и въ нихъ не погублено ничего изъ даннаго Богомъ природѣ къ чести разумныхъ тварей Его. Утратившихъ сію познавательную силу, различающую добро отъ зла, Пророкъ укоряетъ, говоря: *человѣкъ въ чести сый не разумъ* (Псал. 48, 13). Честь разумной природы—разсудительность, различающая добро отъ зла, и утратившихъ оную Пророкъ справедливо уподобилъ несмысленнымъ скотамъ, не имѣющимъ разума и разсудительности. Сею (разсудительностію) можно намъ обрѣтать путь Божій. Это есть естественное вѣдѣніе: оно предшествуетъ вѣрѣ, и есть путь къ Богу. Ею (разсудительностію) научаемся различать добро отъ зла и принимать вѣру. И сила природы свидѣтельствуется, что человѣку подобаетъ вѣровать въ Того, Кто сотворилъ все это, вѣровать и словесамъ заповѣдей Его и исполнять ихъ. Отъ вѣры же рождается страхъ Божій; и когда Онъ будетъ сопровождать дѣла, и постепенно взойдетъ къ дѣланію, тогда рождаетъ онъ духовное вѣдѣніе, о которомъ сказали мы, что рождается оно отъ вѣры ¹⁾).

Естественное вѣдѣніе, т. е. различеніе добра и зла, вложенное въ природу нашу Богомъ, само убѣждаетъ насъ въ томъ, что должно вѣровать Богу, приведшему все въ бытіе; а вѣра производитъ въ насъ страхъ; страхъ же понуждаетъ насъ къ покаянію и дѣланію. Такъ дается человѣку духовное вѣдѣніе, т. е. ощущеніе тайнъ, которое рождаетъ вѣру истиннаго созерцанія. Такимъ образомъ не просто отъ одной только вѣры рождается духовное вѣдѣніе, но вѣра рождаетъ страхъ Божій, и когда въ Божіемъ

¹⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „когда человѣкъ потомъ начинаетъ дѣлать его (страхъ) и сдѣлаетъ нѣкоторые успѣхи въ дѣланіи его, тогда изъ этого возникаетъ духовное вѣдѣніе, о которомъ мы раньше сказали, что оно порождается вѣрою“.

страхъ начнемъ дѣйствовать ¹⁾, отъ дѣйствія страха Божія рождается духовное вѣдѣніе, какъ сказалъ святой Іоаннъ Златоустъ: „Когда пріобрѣтетъ кто волю, послѣдующую страху Божію и правому образу мыслей, тогда скоро пріемлетъ онъ откровеніе сокровеннаго“. Откровеніемъ же сокровеннаго называетъ онъ духовное вѣдѣніе.

Не страхъ Божій рождаетъ сіе духовное вѣдѣніе (ибо чего нѣтъ въ природѣ, то не можетъ и родиться), но вѣдѣніе сіе дается, какъ даръ, дѣланію страха Божія. Когда изслѣдуешь внимательно дѣланіе страха Божія, тогда найдешь, что оно есть покаяніе. И духовное вѣдѣніе, за нимъ слѣдующее, есть то самое, о чемъ сказали мы, что залогъ его ²⁾ пріяли мы въ крещеніи, а дарованіе его пріемлемъ покаяніемъ. И дарованіе сіе, о которомъ сказали мы, что пріемлемъ оно покаяніемъ, есть духовное вѣдѣніе, подаваемое, какъ даръ, дѣланію страха. Духовное же вѣдѣніе есть ощущеніе сокровеннаго. И когда ощутитъ кто сіе невидимое и во многомъ превосходнѣйшее, тогда пріемлетъ оно отъ сего именованіе духовнаго вѣдѣнія, и въ ощущеніи его рождается иная вѣра, не противная вѣрѣ первой, но утверждающая ту вѣру. Называютъ же ее вѣрою созерцательною. Дотолѣ былъ слухъ ³⁾, а теперь созерцаніе; созерцаніе же несомнѣннѣе слуха.

Все сіе рождается отъ онаго естественнаго вѣдѣнія, различающаго доброе и злое. Оно есть доброе сѣмя добродѣтели, и о немъ уже сказано. И когда естественное сіе вѣдѣніе омрачимъ своею сластолюбивою волею, тогда лишаемся всѣхъ сихъ благъ. За симъ естественнымъ вѣдѣніемъ въ человѣкѣ послѣдуетъ всегдашнее уязвленіе ⁴⁾ совѣсти, непрестанное памятованіе смерти и нѣкая мучительная забота, до самаго его исхода, а послѣ нея—печаль, унылость.

¹⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „когда начнемъ дѣлать его“

²⁾ Т. е. вѣдѣнія (по сир. тексту) или страха Божія (по греч. тексту)

³⁾ Т. е. вѣра отъ слуха (Римл. 10. 17)

⁴⁾ Обличеніе, возбужденіе.

страхъ Божій, естественный стыдъ, печаль о прежнихъ грѣхахъ своихъ, должная рачительность ¹⁾, памятованіе объ общемъ пути ²⁾, забота о напутствованіи себя къ оному, слезное испрашиваніе у Бога добраго входа въ сіи врата, которыми должно проходить всякому естеству, пренебреженіе къ міру и сильная борьба за добродѣтель. Все сіе обрѣтается естественнымъ вѣдѣніемъ. Поэтому пусть съ этимъ сличаетъ всякій дѣла свои. Ибо когда окажется, что человекъ обрѣлъ это, тогда значить, что идетъ онъ путемъ естественнымъ; а когда превзойдетъ это, и достигнетъ любви, тогда становится выше естества, и отступаютъ отъ него борьба, страхъ, трудъ и утомленіе во всемъ. Вотъ послѣдствія вѣдѣнія естественнаго. И это находимъ въ себѣ самихъ, когда не помрачаемъ сего вѣдѣнія сластолюбивою своею волею. И на этой остаемся степени, пока не достигнемъ любви, которая освобождаетъ насъ отъ всего этого. Пусть всякій, на основаніи сего сказаннаго нами, сличаетъ и испытываетъ самъ себя, гдѣ его шествіе: въ томъ ли, что противоположно, или въ томъ, что естественно, или въ томъ, что превышеестественно. По симъ указаннымъ образамъ житія можетъ всякій ясно и скоро опредѣлить направленіе всей жизни своей ³⁾: когда не окажется онъ въ состояніи, названномъ нами естественнымъ, какъ мы опредѣлили, и нѣтъ также его въ превышеестественномъ, тогда явно, что низринулся онъ въ противоположенное ⁴⁾. Но Богу нашему слава во вѣки! Аминь.

¹⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „стремленіе къ должному“.

²⁾ Т е. о смерти.

³⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „на основаніи ясно указанныхъ выше опредѣленій, человекъ легко можетъ судить о всемъ своемъ жизненномъ шествіи“.

⁴⁾ Въ сирійскомъ текстѣ. „то, что ниже естества“.

С Л О В О 85.

СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ИСПОЛНЕННЫЕ ПОЛЪЗЫ СОВѢТЫ, КАКІЕ СЪ ЛЮБОВІЮ ИЗГЛАГОЛАЛЪ СЛУШАЮЩИМЪ ЕГО СО СМІРЕНІЕМЪ.

Добрая мысль ¹⁾ не западаетъ въ сердце, если она не отъ Божественной благодати; лукавый помысль не приближается къ душѣ, развѣ только для искушенія и испытанія. Человѣкъ, достигшій того, чтобъ познать мѣру своей немощи, достигъ совершенства смиренія. Дарованія Божіи къ человѣку привлекаетъ сердце, возбуждаемое къ непрестанному благодаренію. Искушеніе наводитъ на душу ропотная мысль, постоянно возбуждаемая въ сердцѣ. Господь терпитъ всякія немощи человѣческія, не терпитъ же человѣка, всегда ропшущаго, и не оставляетъ безъ вразумленія. Душа, далекая отъ всякаго озаренія вѣдѣніемъ, предается таковымъ (ропотнымъ) мыслямъ. Уста, всегда благодарящія, пріемлютъ благословеніе отъ Бога; и, если сердце пребываетъ въ благодареніи, нисходитъ въ него благодать. Благодати предшествуетъ смиреніе; а наказанію предшествуетъ самомнѣніе. Гордящемуся ²⁾ попускается впадать въ хулу, и превозносящемуся добротою дѣлъ попускается впадать въ блудъ, а превозносящемуся своею мудростію попускается впадать въ темныя сѣти невѣдѣнія.

Человѣкъ, далекій отъ всякаго памятованія о Богѣ, носитъ въ сердцѣ своемъ тревожимую лукавою памятію мысль противъ ближняго. Кто, при памятованіи о Богѣ, чтитъ всякаго человѣка, тотъ, по мановенію Божію, втайнѣ, обрѣтаетъ себѣ помощь у всякаго человѣка. Кто защищаетъ обиженнаго, тотъ поборникомъ себѣ обрѣтаетъ Бога. Кто руку свою простираетъ на помощь ближнему своему, тотъ въ помощь себѣ пріемлетъ Божію мышцу.

¹⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „движеніе“; но греческій переводчикъ вездѣ ставитъ взамѣнъ его слово *ἐννοια* „мысль“.

²⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „гордящемуся званіемъ“

Кто обвиняетъ брата своего въ порокъ его, тотъ обвинителя себѣ обрѣтаетъ въ Богъ. Кто исправляетъ брата своего въ клѣти своей, тотъ исцѣляетъ собственный свой порокъ; а кто обвиняетъ кого-либо предъ собраніемъ, тотъ увеличиваетъ болѣзненность собственныхъ своихъ язвъ. Кто втайнѣ врачуетъ брата своего, тотъ явною дѣлаетъ силу любви своей; а кто срамитъ его передъ глазами друзей его, тотъ показываетъ въ себѣ силу зависти. Другъ, обличающій тайно — мудрый врачъ, а врачующій предъ глазами многихъ въ дѣйствительности есть ругатель. Признакъ сострадательности — прощеніе всякаго долга, а признакъ злого нрава — препирательство съ согрѣшившимъ ¹⁾. Кто дѣлаетъ вразумленіе съ цѣлію сдѣлать здоровымъ, тотъ вразумляетъ съ любовію; а кто домогается мщенія, въ томъ нѣтъ любви. Богъ вразумляетъ съ любовію, а не отмщаетъ (да не будетъ сего!); напротивъ того, имѣетъ въ виду, чтобы исцѣлѣлъ образъ Его, и не хранить гнѣва до времени ²⁾. Этотъ видъ любви есть слѣдствіе правоты, и не уклоняется въ страсть мщенія ³⁾. Праведный мудрецъ подобенъ Богу: ибо наказываетъ человѣка, вовсе не отмщая ему за грѣхъ его, но чтобы или исправился человѣкъ, или устрашились другіе. То, что не подобно этому, не есть вразумленіе. Кто дѣлаетъ добро ради воздаянія, тотъ скоро измѣняется; а кто по силѣ вѣдѣнія своего удивляется при созерцаніи вѣдѣнія, какое въ Богѣ, тотъ, если и умерщвляется плотію, то не превозносится мыслию своею, и никогда не уклоняется отъ добродѣтели. Кто просвѣщаетъ умъ свой достойнымъ Божіимъ воздаяніемъ (намъ) ⁴⁾, тотъ и душею и тѣломъ снисшелъ во глубину смиренномудрія. Ибо прежде, нежели при-

¹⁾ Т. е. обличеніе, укореніе согрѣшившаго.

²⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „до времени, когда исправленіе невозможно; потому что мщенія за Себя Самого Онъ не ищетъ“

³⁾ Въ сирійскомъ текстѣ: „вотъ признакъ любви: исправленіе, основанное на любви, дѣлается ради улучшенія и не имѣетъ цѣлью мщенія“.

⁴⁾ Т. е. кто отъ Божія воздаянія намъ научается.

близится кто къ вѣдѣнію, восходитъ и нисходитъ въ житіи своемъ; когда же приблизится къ вѣдѣнію, всецѣло возносится въ высоту; но, сколько бы ни возвышался, не достигаетъ совершенства восхожденіе вѣдѣнія его, пока не наступитъ оный вѣкъ славы и не приметъ человекъ полнаго его ¹⁾ богатства. Ибо сколько ни усовершенствуется человекъ предъ Богомъ, всетаки онъ идетъ сзади Его; но и въ истинномъ вѣкѣ Богъ показываетъ ему лице Свое, а не то, что Онъ есть: ибо праведные, сколько ни входятъ въ созерцаніе Его, видятъ образъ Его, какъ въ зеркалѣ; тамъ же зрятъ явленіе дѣйствительности.

Огонь, возгорѣвшійся въ сухихъ дровахъ, съ трудомъ угашается; и если въ сердцѣ отрешагося отъ міра явится и завадетъ Божія теплота ²⁾, то воспамененіе ея не угашается, и она стремительнѣе огня. Когда вина войдетъ въ члены, умъ забываетъ точное знаніе всего; и памятованіе о Богѣ, когда овладѣетъ пажитію въ душѣ, истребляетъ въ сердцѣ памятованіе о всемъ видимомъ. Умъ, обрѣтшій мудрость Духа, есть то же, что человекъ, который находитъ готовый корабль въ морѣ: когда войдетъ на него, онъ уноситъ его изъ моря міра сего, и доставляетъ его къ острову будущаго вѣка. Ощущеніе будущаго вѣка въ мірѣ семъ есть то же, что малый островъ въ морѣ: приблизившійся къ нему не утруждается уже волнами видѣній вѣка сего.

Купецъ, когда его удѣлъ ³⁾ конченъ, слышитъ вернуться въ домъ свой; и монахъ, пока еще остается время дѣланія его, скорбитъ о разлученіи съ тѣломъ симъ; а когда ощутитъ въ душѣ своей, что искупилъ онъ время ⁴⁾, и пріялъ залогъ свой, возделѣваетъ будущаго вѣка. Пока купецъ въ морѣ, въ членахъ у него страхъ, чтобы не возстали на него волны и не потонула надежда дѣланія его; пока и монахъ

¹⁾ Будущаго вѣка.

²⁾ Т. е. жаръ, которымъ онъ пламенѣетъ въ Богу

³⁾ Его торговое дѣло.

⁴⁾ Это—выраженіе, встрѣчающееся въ Н. З. (Ефес. 5 16. Кол. 4. 5):—*ἡμετέρας ἰσθμίου τὸν καιρὸν*,—означающее: „воспользоваться временемъ“

въ мірѣ, страхъ владѣеть житіемъ его, чтобы не пробудилась на него буря, и не погибло дѣло его, надъ которымъ трудится отъ юности и до старости своей. Купецъ взираетъ на землю, а монахъ—на смертный часъ.

Мореходецъ, когда идетъ среди моря, смотритъ на звѣзды, и по звѣздамъ направляетъ корабль свой, пока не достигнетъ пристани; а монахъ взираетъ на молитву, потому что она исправляетъ его и направляетъ шествіе его къ той пристани, къ которой житіе его направляется ежечасной молитвой. Мореходецъ высматриваетъ островъ, у котораго бы привязать ему корабль свой; запасается тамъ нужнымъ на путь, и направляется потомъ къ другому острову. Таково и шествіе монаха, пока онъ въ жизни сей: монахъ переходитъ отъ острова къ острову, т. е. отъ вѣдѣнія къ вѣдѣнію, и, при этой перемѣнѣ острововъ, т. е. вѣдѣній, преуспѣваетъ, пока не выйдетъ изъ моря, и шествіе его не достигнетъ онаго истиннаго града, въ которомъ обитатели его не занимаются болѣе куплею, но каждый спокойно наслаждается богатствомъ своимъ. Блаженъ тотъ, у кого купля ¹⁾ его не пришла въ разстройство въ этомъ суетномъ мірѣ, среди великаго моря сего. Блаженъ тотъ, у кого корабль не разбился, и въ радости достигаетъ онъ пристани.

Водолазъ безъ одежды погружается въ море, пока не найдетъ жемчужину; и мудрый монахъ, совлекшись всего, проходитъ жизнь, пока не обрѣтетъ въ себѣ жемчужину—Иисуса Христа; а когда обрѣтетъ Его, не приобрѣтаетъ уже при Немъ ничего изъ существующаго. Жемчугъ хранится въ сокровищницахъ; и услажденіе инока соблюдается въ безмолвіи. Дѣвѣ вредно быть въ народныхъ собраніяхъ и при многолюдствѣ, а уму инока—въ бесѣдахъ со многими. Птица, гдѣ бы ни была, стремится въ гнѣздо свое—выводитъ тамъ дѣтей; и разсудительный монахъ поспѣшаетъ въ мѣсто свое—сотворить въ немъ плодъ

¹⁾ Духовная.

жизни. Змѣя, когда сокрушено у нея все тѣло, бережетъ свою голову; и мудрый монахъ во всякое время охраняетъ вѣру свою, которая есть начало жизни его. Облака закрываютъ солнце; а многоглаголаніе потѣмняетъ душу, которая начала просвѣщаться молитвеннымъ созерцаніемъ.

Птица, называемая еродій¹⁾, по словамъ мудрыхъ, веселится и радуется въ то время, когда удалится изъ мѣстъ обитаемыхъ, и достигнетъ пустыни, и поселится въ ней; такъ и душа иночествующаго пріемлетъ въ себя небесную радость въ то время, когда удалится отъ людей, придетъ и вселится въ страну безмолвія, и тамъ станетъ ожидать времени исхода своего. Рассказываютъ о птицѣ, называемой сиринъ²⁾, что всякій, слыша сладкозвучіе ея голоса, такъ плѣняется, что, идя за нею по пустынь, отъ сладости пѣнія забываетъ самую жизнь свою, падаетъ и умираетъ. На это похоже то, что бываетъ и съ душою: когда впадетъ въ нее небесная сладость отъ сладкозвучія словесъ Божіихъ, западающихъ чрезъ чувство въ умъ, душа всецѣло устремляется во слѣдъ этой сладости, такъ что забываетъ свою тѣлесную жизнь, и тѣло лишается пожеланій своихъ, а душа возносится изъ этой жизни къ Богу.

Дерево, если сперва не сброситъ съ себя прежнихъ своихъ листьевъ, не произращаетъ новыхъ вѣтвей; и монахъ, пока не изринетъ изъ своего сердца памятованія о своемъ прошломъ, не приноситъ новыхъ плодовъ и вѣтвей о Христѣ Іисусѣ.

Вѣтеръ утучняетъ плоды на деревьяхъ и на нивѣ³⁾, а попеченіе о Богѣ—плоды въ душѣ. Въ раковинѣ, въ которой зарождается жемчужина, какъ говорятъ, молніею производится нѣкоторое подобіе искры, и изъ воздуха пріемлетъ она въ себя вещество, а дотолѣ остается обыкновенною плотію; пока и сердце инока не приметъ въ себя разумѣніемъ небеснаго вещества,

¹⁾ Цапля (въ сирійскомъ текстѣ: „анстъ“).

²⁾ То же, что сирена.

³⁾ Въ греч. нѣтъ словъ: „на деревьяхъ и на нивѣ“.

дѣло ¹⁾ его есть нѣчто обыкновенное, и въ раковинахъ своихъ ²⁾ не заключаетъ плода утѣшенія.

Песъ, который лижетъ пилу, пьетъ собственную свою кровь, и, по причинѣ сладости крови своей, не сознаетъ вреда себѣ; и инокъ, который склоненъ бываетъ упиваться тщеславіемъ, пьетъ жизнь свою, и отъ сладости, ощущаемой на часъ, не ощущаетъ вреда себѣ. Мірская слава есть утесъ въ морѣ, покрытый водами, и неизвѣстенъ онъ пловцу, пока корабль не станетъ на немъ дномъ своимъ и не наполнится водою; то же дѣлаетъ съ человѣкомъ и тщеславіе, пока не потопитъ и не погубитъ его. У Отцевъ говорится о немъ, что (посредствомъ его) въ тщеславную душу снова возвращаются страсти, уже ею побѣжденные и ишедшія изъ нея. Малое облако закрываетъ кругъ солнечный, и солнце послѣ облака особенно грѣетъ; и малое уныніе потемняетъ душу, но послѣ него бываетъ великая радость.

Къ словесамъ таинствъ, заключеннымъ въ Божественномъ Писаніи, не приступай безъ молитвы и испрошенія помощи у Бога, но говори: „дай мнѣ, Господи, пріять ощущеніе заключающейся въ нихъ силы“. Молитву почитай ключемъ къ истинному разумѣнію сказаннаго въ Божественныхъ Писаніяхъ. Когда желаешь приблизиться сердцемъ своимъ къ Богу, покажи Ему прежде любовь свою тѣлесными трудами: въ нихъ полагается начало житія. Ибо много приближается сердце къ Богу скудостію потребнаго, пріобученіемъ себя къ одному роду пищи: и, такимъ образомъ, приближеніе сіе слѣдуетъ за дѣлами тѣлесными. Ибо и Господь положилъ ихъ въ основаніе совершенства. Праздность же почитай началомъ омраченія души, омраченіемъ же на омраченіе ³⁾—сходбища для бесѣдъ. Поводомъ къ первому бываетъ второе. Если и полезныя рѣчи, когда нѣтъ

1) Т. е. сердечное дѣланіе инока.

2) Т. е. въ душѣ своей.

3) Т. е. величайшимъ омраченіемъ.

имъ мѣры, производятъ омраченіе, то кольми паче рѣчи еуетныя? Душа повреждается отъ множества продолжительныхъ бесѣдъ, хотя бы онѣ имѣли въ виду страхъ Божій. Итакъ, омраченіе души происходитъ отъ безпорядочности въ житіи.

Мѣра и извѣстное правило въ житіи просвѣщаютъ умъ и отгоняютъ смущеніе. Смущеніе же ума отъ безпорядочности производитъ въ душѣ омраченіе, а омраченіемъ производится смятеніе. Миръ бываетъ слѣдствіемъ добраго порядка, а отъ мира рождается въ душѣ свѣтъ; отъ мира же возсіяваетъ въ умѣ чистый воздухъ. По мѣрѣ же того, какъ сердце, по устраненіи отъ міра, приближается къ мудрости Духа, пріемлетъ оно въ такой же мѣрѣ радость отъ Бога, и въ душѣ своей чувствуетъ различіе мудрости Духа, и мудрости мірской; потому что въ мудрости Духа овладѣваетъ душею молчаніе, а въ мудрости мірской—источникъ паренія мыслей. И по обрѣтеніи первой мудрости исполняешься великаго смиренію-мудрія, кротости и мира, царствующаго надъ всѣми твоими помыслами. Съ сего времени и члены твои успокоятся, и прекратятся въ нихъ смятеніе и буйныя порывы. Съ обрѣтеніемъ же второй мудрости пріобрѣтешь гордость въ мудрованіи своемъ, и извращенные помыслы несказанные, и смятеніе ума, безстыдство чувствъ и киченіе. Не думай, что человекъ, привязанный къ тѣлесному, возымѣетъ въ молитвѣ дерзновеніе предъ Богомъ. Душа скупая лишается премудрости, милосердная же умудрена будетъ отъ Духа.

Какъ елей служить для свѣтенія свѣтильника, такъ милостыня питаетъ въ душѣ вѣдѣніе. Ключъ къ Божественнымъ дарованіямъ дается сердцу любовію къ ближнему, и, по мѣрѣ отрѣшенія сердца отъ узъ тѣлесныхъ, въ такой же мѣрѣ отверзается предъ нимъ дверь вѣдѣнія. Прехожденіе души изъ міра въ міръ ¹⁾ есть пріятіе разумѣнія. Какъ прекрасна и похвальна любовь къ ближнему, если только попеченіе ея не

¹⁾ Изъ міра вещественнаго въ міръ духовный.

отвлекаетъ насъ отъ любви къ Богу! Какъ сладка беседа съ духовными нашими братіями, если только можемъ сохранить при ней и собесѣдованіе съ Богомъ! Итакъ, хорошо заботиться и о семъ, пока соблюдается въ этомъ соразмѣрность, т. е. пока подъ этимъ предлогомъ ¹⁾ не утрачивается сокровенное дѣланіе и житіе, и непрестанное собесѣдованіе съ Богомъ. Послѣднему бываетъ помѣхой соблюденіе перваго; умъ недостаточенъ для того, чтобы вести два собесѣдованія.

Свиданіе съ людьми мірскими въ душѣ, отрекшейся отъ нихъ для Божія дѣла, производитъ смущеніе. Вредна бываетъ непрестанная беседа и съ духовными братіями; а на людей мірскихъ вредно ²⁾ смотрѣть и издали. Тѣлесной дѣятельности не препятствуетъ ³⁾ встрѣча съ чѣмъ-либо чувствъ. Но кто желаетъ, какъ плодъ отъ умиренія мысли, пожать радость въ дѣланіи сокровеннаго, въ томъ, и безъ видѣнія, одни звуки голоса приводятъ въ смятеніе покой сердца его. Внутреннее омертвѣніе невозможно безъ приведенія чувствъ въ недѣятельность. Тѣлесная жизнь требуетъ пробужденія чувствъ, а жизнь душевная— пробужденія сердца.

Какъ душа по природѣ лучше тѣла, такъ и дѣло душевное лучше тѣлеснаго. И какъ первоначально созданіе тѣла предшествовало вдуновенію въ него жизни, такъ и дѣла тѣлесныя предшествуютъ дѣлу душевному. Малое житіе, постоянно продолжающееся ⁴⁾,—великая сила: и мягкая капля, постоянно падающая, пробиваетъ жесткій камень.

Когда приблизится время воскреснуть въ тебѣ духовному человѣку, тогда возбуждается въ тебѣ омертвѣніе для всего, возгрѣвается въ душѣ твоей радость не подобная тварной ⁵⁾, и помыслы твои заключаются

¹⁾ Подъ предлогомъ любви къ ближнимъ.

²⁾ Отрекшемуся отъ міра.

³⁾ Въ переводахъ древнемъ славянскомъ и сербскомъ рѣчь безъ отрицанія: *И дѣяніе тѣлесное възбраняетъ* и пр.

⁴⁾ Т. е. средній, но постоянный, образъ жизни.

⁵⁾ Т. е. не такая, какую производитъ тварь.

внутри тебя тою сладостію, какая въ сердцѣ твоёмъ. А когда готовъ воскреснуть въ тебѣ міръ, тогда умножается въ тебѣ пареніе ума, низкое и непостоянное мудрованіе. Міромъ же называю страсти, которыя порождаетъ это пареніе; когда же онѣ родятся и достигнутъ зрѣлости, — дѣлаются грѣхами и умерщвляютъ человѣка. Какъ дѣти не рождаются безъ матери, такъ страсти не рождаются безъ паренія ума, а совершеніе грѣха не бываетъ безъ содѣйствія страстей.

Если терпѣніе возрастаетъ въ душахъ нашихъ, это признакъ, что пріяли мы втайнѣ благодать утѣшенія. Сила терпѣнія крѣпче радостныхъ мыслей, западающихъ въ сердце. Жизнь въ Богѣ есть низверженіе ¹⁾ чувствъ. Когда будетъ жить сердце, низвергаются ²⁾ чувства. Воскресеніе чувствъ есть омертвѣніе сердца; и, когда они воскреснутъ, это—признакъ омертвѣнія сердца для Бога. Отъ добродѣтелей, совершаемыхъ между людьми, совѣсть не получаетъ правоты.

Добродѣтель, какую творить кто черезъ другихъ, не можетъ очистить душу, потому что вмѣняется предъ Богомъ только въ награду за дѣла. Добродѣтель же, которую человѣкъ творить самъ въ себѣ, вмѣняется въ совершенную добродѣтель, и достигаетъ того и другого, т. е. и въ воздаяніе вмѣняется, и очищеніе производитъ. Посему устранись отъ перваго и послѣдуй второму: безъ попеченія же о второмъ оставить и первое есть явное отпаденіе отъ Бога. Но второе замѣняетъ собою первое, если и не будетъ сего перваго.

Покой и праздность—гибель душѣ, и больше демоновъ могутъ повредить ей. Когда тѣло немощно, и будешь принуждать его къ дѣламъ, превышающимъ силы его, тогда въ душу твою влагаешь омраченіе за омраченіемъ и вносишь въ нее большое смущеніе. А если тѣло крѣпко, и предаешь его покою и праздности, то въ душѣ, обитающей въ этомъ тѣлѣ, воз-

¹⁾ Т. е. умерщвленіе.

²⁾ Теряютъ силу.

никаетъ всякое зло; и если-бы кто и сильно вождельвалъ добра, вскорѣ отъемлетъ оно ¹⁾ у него самую мысль о добрѣ, какую имѣлъ онъ. Когда душа упоена радостію надежды своей и веселіемъ Божиимъ, тогда тѣло не чувствуетъ скорбей, хотя и немощно; ибо несетъ сугубую тяготу — и не изнемогаетъ, но наслаждается и содѣйствуетъ наслажденію души, хотя и немощно. Такъ бываетъ, когда душа входитъ въ оную радость Духа.

Если сохранишь языкъ свой, то отъ Бога дастся тебѣ, братъ, благодать сердечнаго умиленія, чтобы при помощи ея увидѣть тебѣ душу свою и ею ²⁾ войти въ радость Духа. Если же преодолѣетъ тебя языкъ твой, то повѣрь мнѣ въ томъ, что скажу тебѣ: ты никакъ не можешь избавиться отъ омраченія. Если нечисто у тебя сердце, пусть чисты будутъ хотя уста, какъ сказалъ блаженный Іоаннъ.

Когда пожелаешь наставить кого на добро, упокой его сперва тѣлесно и почти его словомъ любви. Ибо ничто не преклоняетъ такъ человѣка на стыдъ и не заставляетъ бросить порокъ свой и перемѣниться на лучшее, какъ тѣлесныя блага и честь, какую видитъ отъ тебя. Въ какой мѣрѣ вступилъ кто въ подвигъ ради Бога, въ такой — сердце его пріемлетъ дерзновеніе въ молитвѣ его. И въ какой мѣрѣ человѣкъ развлеченъ многимъ, въ таковой же лишается Божіей помощи. Не скорби о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, потому что совершенно возьметъ ихъ у тебя смерть ³⁾. Не бойся смерти, потому что Богъ уготовалъ, чтобы содѣлаться тебѣ выше ея. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

¹⁾ Т. е. зло.

²⁾ Благодатью умиленія.

³⁾ Греческое чтеніе: *ὁ Θεὸς ἀναλαμβάνει*, замѣнено здѣсь другимъ: *ὁ θάνατος ἀναλαμβάνει*, которое согласно съ древнеславянскимъ и сербскимъ переводами.

С Л О В О 86.

ОБЪ АНГЕЛЬСКОМЪ ДВИЖЕНІИ ¹⁾, ВОЗБУЖДАЕМОМЪ ВЪ НАСЪ ПО БОЖІЮ ПРОМЫСЛУ ДЛЯ ПРЕУСПѢЯНІИ ДУШИ ВЪ ДУКОВНОМЪ.

Первая мысль, которая по Божію челоуѣколюбію западаетъ въ челоуѣка и руководствуетъ душу къ жизни, есть западающая въ сердце мысль объ искомѣ сего естества. За симъ помысломъ естественно слѣдуетъ презрѣніе къ міру; и этимъ начинается въ челоуѣкѣ всякое доброе движеніе, ведущее его къ жизни. И какъ бы основаніе какое полагаетъ въ челоуѣкѣ сопутствующая ему Божественная сила, когда восхошетъ явить въ немъ жизнь. И если челоуѣкъ эту сказанную нами мысль не угаситъ въ себѣ житейскими связями и суесловіемъ, но будетъ возвращать ее въ безмолвіи, и пребудетъ въ ней созерцаніемъ, и займется ею, то она поведетъ челоуѣка къ глубокому созерцанію, котораго никто не въ состояніи изобразить словомъ. Сатана весьма ненавидитъ сей помысль, и всѣми своими силами нападаетъ, чтобы истребить его въ челоуѣкѣ, и, если-бы можно было, отдалъ бы ему царство цѣлаго міра, только бы развлеченіемъ изгладитъ въ умѣ челоуѣка таковой помысль, и, если-бы могъ, какъ сказано, то сдѣлалъ бы это охотно. Ибо знаетъ льстецъ сей, что, если помысль сей пребываетъ въ челоуѣкѣ, то умъ его стоитъ уже не на этой землѣ обольщенія, и козни его къ челоуѣку не приближаются. Будемъ же разумѣть это не о томъ первомъ помыслѣ, который напомианіемъ своимъ возбуждаетъ въ насъ память смертную, но о полнотѣ сего дѣла, когда влагаетъ оно въ челоуѣка неотлучную память о смерти, и когда постояннымъ помышленіемъ о ней челоуѣкъ поставляется въ состояніе непрестаннаго удивленія. Ибо первый помысль ²⁾ есть нѣчто тѣлесное, а сей послѣдній есть

¹⁾ Побужденіи челоуѣка.

²⁾ Т. е. первый помысль о смерти.

духовное созерцаніе и дивная благодать. Сіе созерцаніе облечено въ свѣтлыя мысли. И кто имѣетъ оное, тотъ уже не любопытствуетъ болѣе о семъ мірѣ и не привязанъ къ своему тѣлу.

Совершенно справедливо, возлюбленные, что, еслибы Богъ на малое время даровалъ людямъ это истинное созерцаніе, то въ мірѣ семъ не стало бы преемства ¹⁾. Созерцаніе это служитъ узами, предъ которыми не можетъ устоять природа, и для пріемлющаго въ душу свою постоянное размышленіе о семъ — оно есть благодать Божія, которая сильнѣе всѣхъ отдѣльныхъ дѣланій, и которая дается находящимся на средней степени, въ правотѣ сердца желающимъ покаянія. Дается же именно тѣмъ, о коихъ извѣстно Богу, что имъ дѣйствительно подобаешь удалиться отъ міра сего къ лучшей жизни по благой Его волѣ, какую обрѣлъ Онъ въ нихъ. Возрастаетъ же и пребываетъ благодать сія въ нихъ въ отшельнической и уединенной ихъ храминѣ. Сего созерцанія будемъ испрашивать въ молитвахъ; ради него будемъ совершать долгія бдѣнія, и со слезами станемъ умолять Господа, чтобы даровалъ намъ его, какъ благодать, ни съ чѣмъ несравнимую, и мы не будемъ уже болѣе изнемогать въ трудахъ міра сего. Вотъ начало помысловъ жизни, совершающее въ человѣкѣ полноту правды!

С Л О В О 87.

О ВТОРОМЪ ДѢЛАНІИ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ.

Другое послѣ сего бываетъ дѣланіе, когда человѣкъ хорошо проходитъ добрую жизнь, и достигнетъ восхожденія на степень покаянія, и приблизится ко вкушенію созерцанія и дѣланія его ²⁾. Когда свыше пріиметъ онъ благодать вкуситъ сладости вѣдѣнія Духа,

¹⁾ Рода человѣческаго.

²⁾ Покаявія.

начало сего дѣланія состоитъ въ слѣдующемъ: предварительно удостовѣряется человѣкъ въ промышленіи Божіемъ о человѣкѣ, просвѣщается любовію Его къ твари ¹⁾, и удивляется и устройенію существъ разумныхъ и великому о нихъ попеченію Божію. Съ сего начинаются въ немъ сладость Божественная, воспламенение любви къ Богу, возгорающейся въ сердцѣ и пополающей душевныя и тѣлесныя страсти; и эту силу ощущаетъ въ себѣ человѣкъ, какъ скоро о всѣхъ тварныхъ естествахъ и о всякомъ встрѣчающемся ему предметѣ станетъ размышлять разумно, входить о нихъ въ изслѣдованія и рассуждать духовно. Посему-то человѣкъ, при такой сильной и Божественной рачительности и доброй совѣсти, начинаетъ тогда возбуждаться къ Божественной любви, и сразу упоевается ею, какъ виномъ; разслабѣваютъ члены его, мысль его пребываетъ въ изумленіи, сердце его отводится въ плѣнь Богу; и такимъ образомъ, какъ сказалъ я, уподобляется онъ упившемуся виномъ. И въ какой мѣрѣ усиливаются внутреннія ощущенія, въ такой усиливается сіе созерцаніе. И въ какой мѣрѣ человѣкъ старается о добромъ житіи, о храненіи себя, о томъ, чтобы проводить время въ чтеніи и въ молитвахъ, въ такой же утверждается и упрочивается въ немъ сила ихъ. И совершенно справедливо, братія, что временемъ приходится ему не помнить ²⁾ о себѣ самомъ, что носитъ это тѣло, и не знаетъ, въ этомъ ли онъ мірѣ.

Вотъ начало духовнаго созерцанія въ человѣкѣ, а сіе—начало всѣхъ откровеній уму! И этимъ началомъ умъ возрастаетъ и укрѣпляется въ сокровенномъ; имъ-то возводится къ инымъ, превышающимъ человѣческую природу, откровеніямъ; короче сказать, его рукою сообщаются человѣку всѣ Божественныя созерцанія и откровенія Духа, какія приѣмлютъ святыя въ

¹⁾ Въ греческомъ текстѣ: „любовію своею къ Творцу“. Въ нашемъ переводѣ принято чтеніе Паисія.

²⁾ По древнему славянскому переводу печатное чтеніе *тѣ мнѣ мнѣ мнѣ* надлежитъ исправить такъ: *тѣмъ мнѣ мнѣ мнѣ*.

мірѣ семъ, и всѣ дарованія и откровенія, какія только естество можетъ познать въ жизни сей. Вотъ—корень нашего чувства, влагаемый въ насъ Творцемъ нашимъ! Блаженъ человекъ, который сохранилъ это доброе сѣмя, какъ скоро пало оно въ душу его, и возрастилъ оное, и не расточилъ его изъ себя суетою и пареніемъ мысли о преходящемъ и тлѣнномъ. Богу же нашему да будетъ слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 88.

ОБЪ ИЗМѢНЕНИИ СВѢТА И ТЬМЫ, КАКОЕ БЫВАЕТЪ ВЪ ДУШѢ ВО ВСЯКОЕ ВРЕМЯ, И ОБЪ УКЛОНЕНИИ ЕЯ КЪ ДЕСНЫМЪ ИЛИ ШУИМЪ.

Взглянемъ, возлюбленные, въ душу свою во время молитвы: есть ли въ насъ созерцаніе при чтеніи стиховъ, содержащихъ поученіе и молитву? Оно бываетъ слѣдствіемъ истиннаго безмолвія. И въ то время, какъ бываемъ въ омраченіи, не будемъ смущаться, особливо если не въ насъ тому причина. Приписывай же это ¹⁾ Промыслу Божію, дѣйствующему по причинамъ, извѣстнымъ единому Богу. Ибо въ иное время душа наша томится и бываетъ какъ бы среди волнъ,—и читаетъ ли человекъ Писаніе, или совершаетъ службу, и во всякомъ дѣлѣ, за какое ни примется, пріемлетъ омраченіе за омраченіемъ. Таковой удаляется (отъ мирнаго устройства), и часто не попускается ему даже приблизиться къ оному; и вовсе не вѣритъ онъ, что получитъ измѣненіе (къ лучшему), и что будетъ (опять) въ мирѣ. Этотъ часъ исполненъ отчаянія и страха; надежда на Бога и утѣшеніе вѣры въ Него совершенно отходятъ отъ души; и вся она всецѣло исполняется сомнѣнія и страха.

Претерпѣвшіе искушеніе въ этой волнѣ часа сего по опыту знаютъ, какое измѣненіе послѣдуетъ при

¹⁾ Помраченіе.

окончаниі его. Но Богъ не оставляетъ души въ такомъ состояніи на цѣлый день, потому что она утратила бы надежду христіанскую; напротивъ того, скоро творитъ ей и *избытіе* (1 Кор. 10, 13). Если же тревожное состояніе этого омраченія продолжается болѣе, то вскорѣ ожидай измѣненія жизни отъ среды ея ¹⁾).

А я предложу тебѣ, человѣкъ, и дамъ совѣтъ: если не имѣешь силы совладѣть съ собою и пасть на лице свое въ молитвѣ, то облеки голову свою мантиею твоею, и спи, пока не пройдетъ для тебя этотъ часъ омраченія, но не выходи изъ своей храмины. Сему искушенію подвергаются наипаче желающіе проводить житіе умное и въ шествіи своемъ взыскующіе утѣшенія вѣры. Поэтому всего болѣе мучить и утомляетъ ихъ этотъ часъ сомнѣніемъ ума; слѣдуетъ же за симъ съ силою хула, а иногда приходитъ на человека сомнѣніе въ воскресеніи, и иное нѣчто, о чемъ не должно намъ и говорить. Все это многократно дознавали мы опытомъ, и къ утѣшенію многихъ описали борьбу сію.

Пребывающіе въ дѣлахъ тѣлесныхъ совершенно свободны отъ сихъ искушеній. На нихъ приходитъ иное уныніе, извѣстное всякому, и оно по своему дѣйствию отлично отъ сихъ и подобныхъ симъ искушеній. Здравіе и уврачеваніе (страждущаго имъ) источается безмолвіемъ. Вотъ утѣшеніе для него! Въ общеніи же съ другими никогда не приѣмлетъ онъ свѣта утѣшенія, и уныніе сіе бесѣдами человѣческими не врачуется, но усыпляется на время, а послѣ сего возстаетъ на человека съ большею силою. И ему необходимо нуженъ человѣкъ просвѣщенный, имѣющій опытность въ этомъ, который бы просвѣщалъ его и укрѣплялъ при всякомъ случаѣ во время нужды, но не всегда. Блаженъ, кто претерпитъ это, не выходя за дверь ²⁾. Ибо послѣ этого, какъ говорятъ Отцы, достигнетъ онъ великаго покоя и силы. Впрочемъ не въ одинъ часъ и не скоро оканчивается

¹⁾ Т. е. смерти.

²⁾ Келліа.

борьба сія, и благодать не вдругъ приходитъ въ полнотѣ и вселяется въ душѣ, но постепенно, и отъ нея рождается первое ¹⁾: временемъ искушеніе и временемъ утѣшеніе; и въ такомъ состояніи человѣкъ пребываетъ до исхода своего. А чтобъ совершенно стать чуждымъ сего и совершенно утѣшиться, не будемъ на это и надѣяться здѣсь. Ибо Богъ благоизволилъ, чтобы такъ устроилась жизнь наша здѣсь; и чтобы шествующіе путемъ симъ пребывали въ этомъ ²⁾. Тому слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 89.

О ВРЕДѢ БЕЗРАЗСУДНОЙ РЕВНОСТИ, ПРИКРЫВАЮЩЕЙСЯ ЛИЧНОЮ РЕВНОСТИ БОЖЕСТВЕННОЙ, И О ПОМОЩИ, КАКАЯ БЫВАЕТЪ ОТЪ КРОТОСТИ И ДРУГИХЪ ПРАВСТВЕННЫХЪ КАЧЕСТВЪ.

Человѣкъ ревнивый никогда не достигаетъ мира ума, а чуждый мира—чуждъ и радости. Ибо если миръ ума называется совершеннымъ здравіемъ, а ревность противна миру, то, слѣдовательно, тяжкою болѣзнію страждетъ тотъ, въ комъ есть лукавая ревность. Повидимому ты, человѣкъ, обнаруживаешь ревность свою противъ чужихъ недуговъ, а въ дѣйствительности свою душу лишилъ здравія. Поэтому потрудись лучше надъ оздоровленіемъ своей души. Если же желаешь врачевать немощныхъ, то знай, что больные болѣе нужды имѣютъ въ попеченіи о нихъ, нежели въ порицаніи. А ты и другимъ не помогаешь, и самого себя ввергаешь въ тяжкую, мучительную болѣзнь. Ревность въ людяхъ признается не однимъ изъ видовъ мудрости, но однимъ изъ душевныхъ недуговъ, и именно—она есть ограниченность въ образѣ мыслей и великое невѣдѣніе. Начало Божественной

¹⁾ Т. е. утѣшеніе.

²⁾ Т. е. то въ искушеніи, то въ утѣшеніи.

премудрости—скромность и кротость, которая свойственна великой ¹⁾ душѣ и носить на себѣ немощи людей. Ибо сказано: вы *сильнии немощи немощныхъ носите* (Рим. 15, 1). и согрѣшающаго *исправляйте духомъ кротости* (Гал. 6, 1). Къ плодамъ Духа Святаго Апостоль причисляетъ терпѣніе и миръ (Гал. 5, 22). Сердце, исполненное печали о немощи и безсиліи въ дѣлахъ тѣлесныхъ, явныхъ, замѣняетъ собою всѣ тѣлесныя дѣла. Дѣла тѣлесныя безъ печали ума—то же, что и тѣло неодушевленное. Кто скорбитъ сердцемъ, а чувствамъ своимъ даетъ свободу, тотъ подобенъ больному, который страждетъ тѣлесно, а уста имѣетъ отверстыми для всякой вредной ему снѣди. Кто скорбитъ сердцемъ, а чувствамъ своимъ даетъ свободу, тотъ подобенъ человѣку, который, имѣя единороднаго сына, мало-по-малу закалаетъ его своими руками. Печаль ума—драгоценное Божіе даяніе. Кто переноситъ ее, какъ должно, тотъ подобенъ человѣку, носящему въ членахъ своихъ святыню. Человѣкъ, который далъ волю языку своему говорить о людяхъ и доброе и худое, недостойнъ сей благодати. Покаяніе и сношенія съ людьми—то же, что разбитая бочка. Честолюбіе и вмѣстѣ заушенія—то же, что въ меду омоченный мечъ.

Цѣломудріе и бесѣда съ женщиною—то же, что львица съ овцою въ одномъ домѣ. Дѣла безъ милосердія предъ Богомъ—то же, что человѣкъ, который закалаетъ сына предъ отцемъ его. Кто немощенъ душею—и исправляетъ друзей своихъ, тотъ подобенъ человѣку, который слѣпъ глазами—и указываетъ другому дорогу ²⁾).

Милосердіе и правосудіе въ одной душѣ—то же, что человѣкъ, который въ одномъ домѣ поклоняется Богу и идоламъ. Милосердіе противоположно правосудію. Правосудіе есть уравниваніе точной мѣры: потому что каждому даетъ, чего онъ достоинъ, и при

¹⁾ У Паисія послѣ слова „великія“ стоитъ: „и крѣпкія души и твердѣйшаго мудрованія“.

²⁾ Ср. Матѣ. 15, 14.

воздаяніи не допускаетъ склоненія на одну сторону, или лицепріятія. А милосердіе есть печаль, возбуждаемая благодатію, и ко всѣмъ сострадательно преклоняется: кто достоинъ зла, тому не воздаетъ (зломъ), и, кто достоинъ добра, того преисполняетъ (съ избыткомъ). И если въ одномъ есть часть справедливости, то въ другомъ есть часть злобы ¹⁾. Какъ сѣно и огонь не терпятъ быть въ одномъ домѣ, такъ правосудіе и милосердіе—въ одной душѣ. Какъ песчинка не выдерживаетъ равновѣсія съ большимъ вѣсомъ золота, такъ требованія правосудія Божія не выдерживаютъ равновѣсія въ сравненіи съ милосердіемъ Божиимъ.

Что горсть песку, брошенная въ великое море, то же грѣхопаденіе всякой плоти въ сравненіи съ Промысломъ и Божіею милостію. И какъ обильный водою источникъ не заграждается горстью пыли, такъ милосердіе Создателя не препобѣждается пороками тварей. Быть злопамятнымъ—и молиться, значитъ то же, что сѣять въ морѣ—и ждать жатвы. Какъ свѣтлости огня невозможно поставить преграду, чтобы не восходила она вверхъ, такъ и молитвамъ милосердыхъ ничто не препятствуетъ восходить на небо. Каково теченіе воды на покато́мъ мѣстѣ, такова сила раздражительности, когда найдетъ себѣ доступъ въ нашъ умъ. Кто въ сердцѣ своемъ стяжалъ смиреніе, тотъ мертвъ сталъ для міра, и омертвѣвшій для міра омертвѣлъ

¹⁾ На первый взглядъ можетъ показаться странной мысль, что въ правосудіи есть часть злобы; но эта мысль вѣрная; надо только понять ее правильно. Возьмемъ такой случай. Человѣкъ занимался убійствомъ, разбоемъ, кражей въ теченіе многихъ лѣтъ и потомъ впалъ въ какое-нибудь несчастіе. Тотъ, кто не пожалѣетъ этого преступника, а подвергнетъ его надлажащей карѣ, будетъ справедливымъ, но не будетъ милосерднымъ. Такимъ образомъ, желакціи быть справедливымъ не можетъ быть милосерднымъ. Поэтому преп. Исаакъ и говоритъ, что милосердіе противоположно правосудію. А если правосудіе противоположно милосердію, то, значитъ, въ немъ есть немилосердіе, т. е. злоба. Это не значитъ, конечно, что правосудіе есть порокъ; нѣтъ, оно есть добродѣтель и одно изъ свойствъ Божіихъ; но это значитъ только, что оно ниже милосердія, потому что, какъ говоритъ Ап. Іаковъ (2, 13), „милость превозносится надъ судомъ“. (Изъ примѣчанія Никифора Θεотокиса).

для страстей. Кто же омертвѣлъ сердцемъ для своихъ ближнихъ, для того мертвъ сталъ дьяволъ. Кто обрѣлъ зависть, тотъ обрѣлъ съ нею дьявола.

Бываетъ смиреніе отъ страха Божія, и бываетъ смиреніе изъ любви къ Богу: иной смиряется по страху Божію, другой—по радости. И смиреннаго по страху Божію сопровождаютъ во всякое время скромность во всѣхъ членахъ, благочиніе чувствъ и сокрушенное сердце, а смиреннаго по радости сопровождаютъ великая простота, сердце возрастающее и неудержимое.

Любовь не знаетъ стыда, потому не умѣетъ придавать членамъ видъ благочинія. Любви естественно не стыдиться и забывать мѣру свою. Блаженъ, кто обрѣлъ тебя, пристань всякой радости! Собраніе смиренныхъ возлюблено Богомъ, какъ соборъ Серафимовъ. Драгоценно предъ Богомъ тѣло цѣломудренное, паче чистой жертвы. Ибо двѣ еи добродѣтели, т. е. смиреніе и цѣломудріе, уготовляютъ въ душѣ залогъ отъ Троицы.

Передъ друзьями своими ходи благоговѣйно; когда будешь такъ поступать, принесешь пользу и себѣ и имъ, потому что душа часто подъ предлогомъ любви свергаетъ съ себя узду осторожности. — Остерегайся бесѣдъ, потому что не во всякое время онѣ полезны. Въ собраніяхъ предпочитай молчаніе, потому что удерживаетъ оно отъ многаго вреда. Наблюдай за чревомъ, но не какъ за зрѣніемъ ¹⁾, потому что внутренняя брань, безъ сомнѣнія, легче внѣшней. Не вѣрь, братъ, что внутренніе помыслы могутъ быть оставлены безъ приведенія тѣла въ доброе и чинное состояніе. Бойся привычекъ больше, нежели враговъ. Питающій въ себѣ привычку ²⁾—то же, что человекъ, который даетъ пищу огню, потому что мѣра силы того и другого ³⁾ зависитъ отъ количества вещества. Если привычка потребуетъ чего однажды, и требованіе ея не

¹⁾ Обуздывай чрево, а еще болѣе—зрѣніе.

²⁾ Худую.

³⁾ Т. е. привычки и огня.

будетъ исполнено, то въ другой разъ найдешь ее слабую; а если однажды исполнишь ея волю, то во второй разъ найдешь, что нападаетъ она на тебя съ гораздо большею силою.

Храни это въ памяти касательно всего, потому что помощь предосторожности для тебя важнѣе помощи самыхъ дѣлъ. Кто любитъ смѣхъ и любитъ осмѣивать людей, тотъ да не будетъ тебѣ другомъ, потому что ведетъ тебя къ привычкѣ предаваться разслабленію. Не весели лица своего съ тѣмъ, кто распущенъ въ жизни своей; но берегись, чтобы не возненавидѣть его: если же пожелаетъ возстать, подай ему руку и до смерти прилагай попеченіе о томъ, чтобы пріобрѣсти его. Если же ты еще немощенъ, то отвращайся и отъ врачеванія сего, ибо сказано: дай ему конецъ жезла твоего, и проч. ¹⁾. Съ тѣмъ, кто высокоуменъ и страждетъ завистію, говори осторожно. Ибо, какъ скоро скажешь что, даетъ онъ словамъ твоимъ въ сердцѣ своемъ, какое ему угодно, толкованіе, и въ томъ, что есть въ тебѣ добраго, находитъ средство сдѣлать преткновеніе и другимъ; и слова твои въ умъ его извращаются сообразно съ его недугомъ. Когда начинаетъ кто при тебѣ пересуждать брата своего, сдѣлай печальнымъ лице свое. Какъ скоро сдѣлаешь это, и передъ Богомъ и передъ нимъ окажешься охраняющимся.

Если даешь что нуждающемуся, то пусть веселость лица твоего предваряетъ даваніе твое, и добрымъ

¹⁾ „Если же ты еще немощенъ“, т. е. немощенъ душою, и если, подавая руку помощи тому, кто распущенъ въ жизни своей, можешь впасть въ тѣ же страсти, какимъ подверженъ онъ, то ты долженъ отвращаться даже и отъ оказанія такой помощи, чтобы, желая уврачевать другого, самому тебѣ не впасть въ болѣзнь еще худшую — А что значать слова „дай ему конецъ жезла твоего“ и кому принадлежать они, неизвѣстно (Изъ примѣчанія Никифора Θεοτοκиса). — Намъ думается, что послѣднія слова представляютъ собою начало пословицы или изреченія, смыслъ котораго, вѣроятно такой: „дай ему конецъ жезла твоего, и онъ увлечетъ тебя къ себѣ вмѣстѣ съ нимъ“, т. е. смыслъ тотъ же, что въ нашей пословицѣ; „коготокъ увязъ, — всей птичкѣ пропасть“; иначе говоря: „только начни дѣлать что-нибудь дурное, а тамъ уже не остановишься“.

словомъ утѣшь скорбь его. Когда сдѣлаешь это, тогда твоя веселость въ его сознаніи побѣждаетъ твое да-
яніе, т. е. (она) выше удовлетворенія потребности тѣла. Въ тотъ день, когда отверзешь уста свои и станешь говорить что на кого-либо, считай себя мертвымъ для Бога и суетнымъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, хотя бы помысль побуждалъ тебя сказать, повидимому, нѣчто по справедливости и къ созиданію. Ибо какая нужда человѣку раззорять собственное свое зданіе—и по-
правлять зданіе друга своего?

Въ тотъ день, въ который печалишься о стра-
ждущемъ какимъ-либо недугомъ, о человѣкѣ добромъ или зломъ, страждущемъ тѣлесно или мысленно, по-
читай себя мученикомъ, и взирай на себя, какъ на пострадавшаго за Христа и на сподобившагося стать исповѣдникомъ. Ибо помни, что Христосъ умеръ за грѣшныхъ, а не за праведныхъ. Смотри, сколь ве-
лико это дѣло—скорбѣть о людяхъ злыхъ и благо-
дѣтельствовать грѣшнымъ паче праведныхъ! Апо-
столь воспоминаетъ о семъ, какъ о дѣлѣ достой-
номъ удивленія (Римл. 5, 6--8). Если можешь оправ-
даться самъ въ себѣ, въ душѣ своей, то не заботься
искать другаго оправданія. Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ
да предваряютъ у тебя тѣлесное цѣломудріе и чи-
стота совѣсти. Ибо безъ нихъ суетно предъ Богомъ
всякое дѣло. О всякомъ дѣлѣ, если дѣлаешь оное
безъ размышленія и изслѣдованія, знай, что оно
суетно, хотя и благоприлично; потому что Богъ вмѣ-
няетъ правду по разсудительности, а не по дѣйстви-
ванію неразсудительному.

Праведникъ немудрый — свѣтильникъ при (свѣтѣ)
солнца. Молитва злопамятнаго—сѣяніе на камнѣ. Не-
милостивый подвижникъ—безплодное дерево. Обли-
ченіе изъ зависти—ядовитая стрѣла. Похвала льстеца
—скрытая сѣть. Глупый совѣтникъ—слѣпой стражъ.
Пребываніе съ неразумными—пораненіе сердца. Бе-
сѣда съ разумными—сладкій источникъ. Мудрый со-
вѣтникъ—стѣна упованія. Глупый и неразумный другъ
—хранилище вреда. Лучше видѣть живущаго съ пла-
чущими женщинами, нежели мудраго, слѣдующаго за

глупымъ. Лучше жить со звѣрями, нежели съ людьми худого поведенія. Лучше пребывай съ коршунами ¹⁾, нежели съ человѣкомъ любостыжательнымъ и ненасытнымъ. Лучше будь другомъ убійцѣ ²⁾, нежели любителю споровъ. Лучше бесѣдуй съ свиньей, нежели съ чревоугодникомъ, потому что свиное корыто лучше прожорливыхъ устъ. Живи лучше съ прокаженными, нежели съ гордыми. Пусть тебя гонять, ты не гони; пусть тебя распинаютъ, ты не распинай; пусть обижаютъ, ты не обижай; пусть на тебя клеветуютъ, ты не клеветай; будь кротокъ, а не ревностенъ во злѣ ³⁾.

Самооправданіе—не христіанскаго житія дѣло; объ этомъ нѣтъ и намека въ ученіи Христовомъ. Веселись съ веселящимися, и плачь съ плачущими ⁴⁾; ибо это—признакъ чистоты. Съ больными болѣзней; съ грѣшными проливай слезы; съ кающимися радуйся. Будь друженъ со всѣми людьми; а мыслию своею пребывай одинъ. Принимай участіе въ страданіяхъ всякаго, а тѣломъ своимъ будь далеко отъ всѣхъ. Никого не обличай, не поноси, даже и крайне худыхъ по жизни своей. Распростри одежду свою надъ согрѣшающимъ и покрой его. Если не можешь взять на себя грѣховъ его и понести за него наказаніе и стыдъ, то будь, по крайней мѣрѣ, терпѣливъ и не стыди его. Знай, братъ, что для того намъ и надобно не выходить изъ дверей келліи, чтобы не знать злыхъ дѣлъ человѣческихъ; и тогда въ чистотѣ ума своего во всѣхъ увидишь людей святыхъ и добрыхъ. Если же станемъ обличать, вразумлять, судить, изслѣдывать, наказывать, укорять, то жизнь наша чѣмъ будетъ отличаться отъ жизни городской? И если не оставимъ этого, что́ будетъ хуже пребыванія въ пустынѣ? Если не безмолвствуешь сердцемъ, безмолвствуй, по крайней мѣрѣ, языкомъ. Если не можешь держать въ благоустройствѣ свои помыслы,

¹⁾ Съ хищными птицами, питающимися трупами.

²⁾ Въ надеждѣ его исправленія.

³⁾ Ср. Пс. 36, 1. 7. 8.

⁴⁾ Римл. 12, 15.

то хотя чувства свои содѣлай благоустроенными. Если не одинъ ты мыслию своею, то будь одинъ хотя тѣломъ своимъ. Если не можешь потрудиться тѣломъ своимъ, поскорби хотя умомъ. Если не можешь бодрствовать стоя, то бодрствуй сидя, или и лежа на ложѣ твоёмъ. Если не можешь поститься въ продолженіе двухъ дней, постись, по крайней мѣрѣ, до вечера. А если не можешь и до вечера, то остерегайся, по крайней мѣрѣ, пресыщенія. Если не святъ ты сердцемъ своимъ, то будь чистъ хотя тѣломъ. Если не плачешь въ сердцѣ своемъ, то, по крайней мѣрѣ, облеки въ плачь лице свое. Если не можешь миловать, то говори, что ты грѣшенъ. Если ты не миротворецъ, то не будь хотя любителемъ мятежа. Не можешь стать рачительнымъ, по крайней мѣрѣ, въ образѣ мыслей своихъ будь не какъ лѣнивый. Если ты не побѣдитель, то не превознось мыслию надъ тѣми, которые подлежатъ отвѣтственности. Если ты не въ состояніи заградить уста клеветущему на друга своего, то, по крайней мѣрѣ, остерегись отъ общенія съ нимъ.

Знай, что, если отъ тебя выйдетъ огонь ¹⁾ и пожжетъ другихъ, то Богъ отъ руки твоей взыщетъ души, пожженной огнемъ твоимъ. Если ты и не ввергаешь въ огонь, но соглашаешься съ ввергающимъ и услаждаешься этимъ, то на судъ будешь сообщникомъ его. Если любишь кротость, пребывай въ мирѣ. И если сподобишься мира, то во всякое время будешь радоваться. Взыщи разума, а не золота; облекись въ смиреніе а не въ виссонъ; стяжи миръ, а не царство.

Разуменъ—только имѣющій смиреніе, а не имѣющій смиренія не будетъ разуменъ. Смиреномудръ—только мирный, а немирный—не смиреномудръ; и миренъ—только радующійся. На всѣхъ путяхъ, какими ходятъ люди въ мірѣ, не обрѣтаютъ они мира. пока не приблизятся къ надеждѣ на Бога. Сердце не умиряется отъ труда и преткновений, пока не придетъ въ него надежда, и не умирить сердца, и не

1) Огонь соблазна.

прольетъ въ него радости. О ней-то изрекли досто-
поклоняемая и исполненная святости Уста; *приидите
ко Мнѣ вси труждающіиися и обремененни, и Азъ упо-
кою васъ* (Матѣ. 11, 28). Приблизься, говоритъ Онъ, къ
надеждѣ на Меня, и упокоишься отъ труда и страха.

Надежда на Бога возвышаетъ сердце, а страхъ
геенны сокрушаетъ его. Свѣтъ ума порождаетъ вѣру,
а вѣра порождаетъ утѣшеніе надежды, надежда же
укрѣпляетъ сердце. Вѣра есть откровеніе разумѣнія ¹⁾,
и, когда помрачится умъ, вѣра сокрывается, господ-
ствуетъ надъ нами страхъ и отсѣкаетъ нашу на-
дежду. Вѣра, происходящая отъ ученья, не освобо-
ждаетъ челоуѣка отъ гордости и сомнѣнія; освобо-
ждаетъ же та, которая зрится разумѣніемъ ²⁾ и воз-
сіяваетъ (въ разумѣ), и называется познаниемъ и явле-
ніемъ истины. Пока умъ разумѣваетъ Бога, какъ
Бога, явленіемъ разумѣнія ³⁾, не приближается къ
сердцу страхъ. Когда бываетъ попущено въ насъ
въ омраченіе и утратить это разумѣніе, то, пока не
смиримся, бываетъ въ насъ страхъ, доколѣ не при-
близитъ онъ насъ къ смиренію и покаянію.

Сынъ Божій претерпѣлъ крестъ: потому мы, грѣш-
ные, будемъ смѣло полагаться на покаяніе. Ибо, если
одинъ только (внѣшній) видъ покаянія въ царѣ Ахавѣ
отвратилъ отъ него гнѣвъ ⁴⁾, то не будетъ для насъ
безполезною истинность нашего покаянія. Если одинъ
видъ смиренія въ немъ, безъ истины (покаянія), от-
вратилъ отъ него гнѣвъ, то не тѣмъ ли паче отвра-
титъ отъ насъ, истинно печалаящихся о грѣхахъ на-

¹⁾ Т. е. дарованіе отъ Бога разумѣнія.

²⁾ Даруемымъ отъ Бога.

³⁾ Т. е. разумѣніемъ, явленнымъ отъ Бога.

⁴⁾ 3 кн. Царствъ, 21 гл., 27—29 ст. Преп. Исаакъ хочетъ этимъ сказать,
что покаяніе Ахава выразилось только внѣшнимъ образомъ: онъ „разо-
дралъ одежды свои и возложилъ на тѣло свое вѣтище, и постился, и
спалъ во вѣтищѣ, и ходилъ печально“. Такъ сказано въ еврейскомъ
текстѣ этого мѣста книги Царствъ, которымъ, повидимому, пользовался
преп. Исаакъ; но въ греческомъ текстѣ есть слова, которыхъ нѣтъ въ
еврейскомъ, и изъ которыхъ видно, что покаяніе Ахава было не только
внѣшнимъ, а именно: сказано, что онъ „умилился предъ Господомъ, хо-
дилъ и плакалъ“.

шихъ? Скорбь ума достаточна, чтобы замѣнить всякое тѣлесное дѣланіе.

Святой Григорій говоритъ: тотъ—храмъ благодати, кто срастворенъ съ Богомъ и всегда озабоченъ мыслию о судѣ Его. Что же значить имѣть попеченіе о судѣ Его, какъ не искать всегда упокоенія Его, какъ не печалиться и не заботиться непрестанно о томъ, что не можемъ достигнуть совершенства по немощи естества нашего? Имѣть непрестанную печаль о семъ—значить непрестанно носить въ душѣ своей памятованіе о Богѣ, какъ сказалъ блаженный Василій. Неразсѣянная молитва производитъ въ душѣ ясную мысль о Богѣ. И водруженіе нами въ себѣ Бога памятованіемъ—вотъ вселеніе въ насъ Бога. Такъ содѣлываемся мы храмомъ Божиимъ. Вотъ это и есть попеченіе и сердце сокрушенное—для уготовленія покоя Ему! Ему слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 90.

О НЕВОЛЬНЫХЪ ЛУКАВЫХЪ ПОМЫСЛАХЪ, ПРОИСХОДЯЩИХЪ ОТЪ ПРЕДШЕСТВОВАВШИХЪ ИМЪ РАЗСЛАБЛЕНІЯ И НЕРАДѢНІЯ.

Иные подкрѣпляютъ тѣло и желаютъ дать ему малый покой ради дѣла Божія, пока не соберутся съ силами,—и опять возвращаются къ дѣлу своему. Посему въ немногіе дни покоя своего да не разоримъ совершенно охраненія себя и не предадимъ на разореніе души своей, какъ люди, не имѣющіе намѣренія снова возвратиться къ дѣлу своему. Иные во время мира поражаются стрѣлами вражими: это суть тѣ, которые по дерзновенію воли своей собираютъ вещество ¹⁾ душамъ своимъ и въ странѣ святой, т. е. въ молитвѣ, видятъ себя одѣтыми въ нечистую одежду. А это есть то самое, что движется въ душѣ ихъ въ часъ помышленія о Богѣ и молитвы. Что приобрѣли

1) Для брани.

мы во время нерадѣнія своего, то и посрамляетъ насъ во время молитвы нашей.

Трезвенность помогаетъ человѣку больше, чѣмъ дѣло, а разрѣшеніе ¹⁾ вредитъ ему больше, чѣмъ покоемъ. Отъ покоя происходятъ и тревожатъ человѣка домашнія брани, но онъ имѣетъ возможность прекратить ихъ. Ибо, когда человѣкъ оставитъ покой и возвратится на мѣсто дѣла, брани сіи отъемлются отъ него и удаляются. Но не таково то, что порождается разрѣшеніемъ, каково порождаемое расслабленіемъ и покоемъ. Ибо, пока человѣкъ во время покоя пребываетъ въ области свободы своей, можетъ онъ снова возвратиться и управить собою по установленію правила своего, потому что онъ еще въ области свободы своей. Но, давая себѣ разрѣшеніе, выходитъ онъ изъ области свободы своей. Если-бы человѣкъ не отринулъ совершенно храненія себя, то не былъ бы съ насиліемъ и невольно вынужденъ покоряться тому, что не доставляетъ ему покоя; и если-бы не вышелъ совершенно изъ предѣловъ свободы, то не случались бы съ нимъ обстоятельства, насильно привязывающія его къ тому, чему не въ силахъ онъ противиться.

Не давай, человѣкъ, свободы которому-либо изъ чувствъ своихъ, чтобы не дойти до невозможности снова возвратиться къ свободѣ. Покой вредитъ только молодымъ, а разрѣшеніе—и совершеннымъ, и старымъ. Доходящія вслѣдствіе покоя до худыхъ помысловъ могутъ снова возвратиться къ охраненію себя и утвердиться въ высокомъ своемъ житіи; а которые, въ надеждѣ на дѣло, вознерадѣли объ охраненіи себя, тѣ отъ высокаго житія отведены плѣнниками въ жизнь распущенную ²⁾.

Иной хотя пораженъ въ странѣ вражеской, а умираетъ во время мира. Иной выходитъ подъ предлогомъ купить себѣ жизнь ³⁾, и получаетъ въ душу свою острое жало. Не тогда будемъ печалиться, когда

¹⁾ Чувствъ.

²⁾ Т. е. грѣховную.

³⁾ Подъ предлогомъ духовной пользы.

пополземся въ чемъ-нибудь, но когда закоснѣваемъ въ томъ, потому что поползновеніе бываетъ часто и съ совершенными, а коснѣніе въ немъ есть совершенное омертвѣніе. Печаль, какую чувствуемъ при своихъ поползновеніяхъ, вмѣняется намъ благодатію вмѣсто чистаго дѣланія. Кто, въ надеждѣ на покаяніе, поползнется вторично, тотъ лукаво ходитъ предъ Богомъ; на сего невѣдомо нападаетъ смерть, и не достигаетъ онъ времени, въ которое надѣялся исполнить дѣла добродѣтели. Каждый, давшій волю чувствамъ, далъ волю и сердцу.

Дѣланіе сердца служитъ узами для внѣшнихъ членовъ. И если кто съ разсудительностію занимается онымъ, по примѣру жившихъ до насъ Отцевъ, то сіе бываетъ явно по слѣдующимъ въ немъ тремъ явленіямъ, а именно: не привязанъ онъ къ тѣлеснымъ стяжаніямъ, не любитъ чревоугодія, и вовсе далека отъ него раздражительность. Гдѣ имѣютъ мѣсто три эти явленія, т. е. тѣлесное (малое ли то, или великое) стяжаніе, вспыльчивость и преодоленіе чревоугодіемъ, тамъ (да будетъ тебѣ извѣстно), хотя бы человекъ, повидимому, уподоблялся древнимъ святымъ, разрѣшеніе на внѣшнее происходитъ у него отъ невыносливости во внутреннемъ, а не отъ различія въ небреженіи души его ¹⁾. А иначе почему бы, пренебрегая тѣлеснымъ, не пріобрѣсти кротости? За разсудительнымъ пренебреженіемъ слѣдуютъ: несвязанность ничѣмъ, пренебреженіе покоемъ и стремленіемъ къ людямъ ²⁾. И если кто съ готовностію и радостью пріемлетъ ущербъ ³⁾ ради Бога, то чистъ онъ внутренно; если кто не пренебрегаетъ никѣмъ за тѣлесные его недостатки, то онъ по-истинѣ свободенъ; если кто не смотритъ съ пріятностію на оказывающаго ему честь или не негодуетъ на того, кто его безчеститъ, то онъ въ этой жизни мертвъ сталъ для міра. Храненіе разсудительности лучше всякаго

¹⁾ Т. е. не отъ того, что душа его пренебрегаетъ иными вещами.

²⁾ Стремленіемъ къ общенію съ людьми.

³⁾ Скорби, лишенія, обиды.

жизнѣ, каковы бы способомъ и въ какой бы человѣческой мѣрѣ оно проводимо ни было.

Не питай ненависти къ грѣшнику, потому что всѣ мы повинны; и если возстаешь на него ради Бога, то плачь о немъ. И почему ты ненавидишь его? Ненавидь грѣхи его—и молись о немъ самомъ, чтобы уподобиться Христу; Который не имѣлъ негодованія на грѣшниковъ, но молился о нихъ. Не видишь ли, какъ плакалъ Онъ объ Іерусалимѣ (Лук. 19, 41)? И надъ нами во многомъ посмѣвается дѣволъ,—за что же ненавидѣть того, кто, подобно намъ, осмѣянъ и надъ нами посмѣвающимся дѣволомъ? И за что ты, человѣкъ, ненавидишь грѣшника? Не за то ли, что онъ не имѣетъ праведности подобно тебѣ? Но гдѣ же твоя правда, когда не имѣешь любви? Почему не плакалъ ты о немъ? Но ты гонишь его. Иные по невѣжеству возбуждаются къ гнѣву, считая себя умвѣющими судить дѣла грѣшныхъ.

Будь проповѣдникомъ благодати Божіей, потому что Богъ окормляетъ тебя недостойнаго, и потому что много ты долженъ Ему, а взысканія Его невидны на тебѣ, и за малыя дѣла, тобою сдѣланныя, воздастъ Онъ тебѣ великимъ. Не называй Бога правосуднымъ, ибо правосудіе Его не познается на твоихъ дѣлахъ. Хотя Давидъ именуется Его правосуднымъ и справедливымъ ¹⁾, но Сынъ Его открылъ намъ, что паче Онъ благъ и благодѣнъ. Ибо говоритъ: *блазъ есть къ лукавымъ и нечестивымъ* (Лук. 6, 35). И почему именуешь Бога правосуднымъ, когда въ главѣ о наградахъ дѣлателямъ читаешь: *друже не обижу тебе... жонцу и сему послѣднему дати, якоже и тебѣ. Аще око твое лукаво есть, яко азъ блазъ есмь* (Матѣ. 20, 13—15)? Почему, также, человѣкъ именуется Бога правосуднымъ, когда въ главѣ о блудномъ сынѣ, блудно расточившемъ свое богатство, читаетъ, что при одномъ сокрушеніи, какое явилъ (сынъ,—отецъ) притекъ и палъ на выю его, и далъ ему власть надъ всѣмъ богат-

¹⁾ Пс. 118, 137

ствомъ своимъ? ¹⁾ Ибо никто другой сказалъ сіе о Богѣ, чтобы намъ сомнѣваться о Немъ, но самъ Сынъ Божій засвидѣтельствовалъ о Немъ сіе. Гдѣ же правосудіе Божіе? Въ томъ, что мы грѣшники, а Христосъ за насъ умеръ? А если такъ Онъ милостивъ, то будемъ вѣровать, что не приѣмлетъ Онъ измѣненія.

Да не помыслимъ никогда сего беззаконія, чтобы Бога наименовать немилостивымъ: свойство Божіе не измѣняется подобно мертвецамъ, и Богъ не приобрѣтаетъ того, чего у Него нѣтъ; не лишается того, что у Него есть; не получаетъ приращенія, подобно тварямъ. Что имѣлъ Богъ отъ начала, то всегда имѣетъ и будетъ имѣть до безконечности, какъ сказалъ блаженный Кириллъ въ толкованіи на книгу Бытія: бойся Его, говоритъ онъ, по любви, а не по имени жестокаго, Ему приданному ²⁾. Возлюби Его, какъ обязанъ ты любить Его, и не за то, что дастъ тебѣ въ будущемъ, но за то, что получили мы въ настоящемъ мірѣ, сотворенномъ ради насъ. Ибо кто въ состояніи воздать Ему? Гдѣ воздаяніе Его за дѣла наши? Кто побудилъ Его въ началѣ привести насъ въ бытіе? Кто умоляетъ Его о насъ, когда мы не вспоминаемъ о Немъ? Когда насъ еще не было, кто возбудилъ къ жизни это тѣло наше? И еще, откуда мысль вѣдѣнія западаетъ въ персть? О, какъ дивно милосердіе Божіе! О, какъ изумительна благодать Бога и Творца нашего! Какая сила, довлѣющая на все! Какая безмѣрная благодать, по которой Онъ естество насъ грѣшныхъ снова возводитъ къ возсозданію! У кого достанетъ силъ прославить Его? Преступника ³⁾ и хулителя Своего возставляетъ, неразумную персть обновляетъ, дѣлаетъ ее разумною и словесною, умъ разсвѣянный и безчувственный и чувства расточенныя дѣлаетъ Онъ природою разумною и достойною Божественной мысли! Грѣшникъ не въ состояніи и

¹⁾ Лк. 15, 20—22.

²⁾ Т. е. не вслѣдствіе того, что люди придали Ему названіе „жестокія“.

³⁾ Запсвѣдн.

представить себѣ благодать воскресенія своего. Гдѣ геенна, которая могла бы опечалить насъ? Гдѣ мученіе, многообразно насъ устрашающее и побѣждающее радость любви Его? И что такое геенна предъ благодатію воскресенія Его, когда возставитъ насъ изъ ада, содѣлаетъ, что тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе ¹⁾, и падшаго во адъ возставитъ въ славѣ?

Придите, разсудительные, и удивляйтесь! Кто, имѣя умъ мудрый и чудный, достойно подивится милости Создателя нашего? Есть воздаяніе грѣшникамъ ²⁾, и вмѣсто воздаянія праведнаго воздаетъ Онъ имъ воскресеніемъ; и вмѣсто тлѣнія тѣлѣ, поправшихъ законъ Его, облакаетъ ихъ въ совершенную славу нетлѣнія. Эта милость—воскреситъ насъ послѣ того, какъ мы согрѣшили, выше милости—привести насъ въ бытіе, когда мы не существовали. Слава, Господи, безмѣрной благодати Твоей! Вотъ, Господи, волны благодати Твоей заставили меня умолкнуть, и не осталось у меня мысли предъ благодарностью къ Тебѣ! ³⁾ Какими устами прославимъ Тебя, Царь благій, любящій жизнь нашу? Слава Тебѣ за сіи два міра, которые создалъ Ты къ возрастанію и наслажденію нашему! возводя насъ отъ всего, созданнаго Тобою, къ вѣдѣнію славы Твоей! Слава Тебѣ отнынѣ и до вѣка. Аминь.

С Л О В О 91.

О ТЕРПѢНИИ ИЗЪ ЛЮБВИ КЪ БОГУ И О ТОМЪ, КАКЪ ТЕРПѢНІЕМЪ ПРИОБРѢТАЕТСЯ ПОМОЩЬ.

Въ какой мѣрѣ человѣкъ будетъ пренебрегать міромъ симъ и ревновать о страхѣ Божіемъ, въ такой приближается къ нему Божій Промыслъ, и втайнѣ

¹⁾ 1 Кор. 15, 53—54.

²⁾ Въ сербскомъ переводѣ мѣсто сіе чатается такъ: *или речеть взданіе грѣшникомъ что есть?*

³⁾ Т. е, всякая мысль во мнѣ умолкла, побѣжденная благодарностью къ Тебѣ.

ощущаетъ человѣкъ заступленіе Промысла, и къ разумѣнію онаго даются ему чистые помыслы. И если кто добровольно лишится мірскихъ благъ, то, въ какой мѣрѣ лишается онъ ихъ, въ такой же сопровождаетъ его Божіе милосердіе, и поддерживаетъ его Божіе человѣколюбіе. Слава Спасающему насъ десными и шуми, и всѣмъ этимъ Доставляющему намъ случай къ обрѣтенію жизни нашей! Ибо и души тѣхъ, которые слишкомъ слабы, чтобы по своей волѣ приобрести себѣ жизнь, скорбями невольными приводятъ Онъ къ добродѣтели. И оный нищій Лазарь не по волѣ своей лишень былъ благъ міра, и тѣло его поражено было язвами, и терпѣлъ онъ два горькія страданія, изъ которыхъ каждое было хуже другого, однакоже послѣ почтенъ былъ на лонѣ Авраамовомъ. Богъ близокъ къ скорбящему сердцу того, кто къ Нему вопіетъ въ скорби. Если кого и подвергаетъ Онъ иногда тѣлеснымъ лишеніямъ и инымъ скорбямъ, то претерпѣніе этого обращаетъ намъ въ помощь, какъ и врачъ въ тяжелой болѣзни возстановляетъ здравіе сѣченіемъ членовъ. Къ душѣ же скорбящаго являетъ Господь великое человѣколюбіе, соразмѣрно тяжести страданій въ скорби его.

Поэтому, когда вожделѣніе любви Христовой не столь побѣдоносно въ тебѣ, чтобы отъ радости о Христѣ быть тебѣ безстрастнымъ во всякой скорби своей, тогда знай, что міръ живетъ въ тебѣ болѣе, нежели Христосъ. И когда болѣзнь, скудость, истощеніе тѣла и боязнь вреднаго для тѣла возмущаютъ мысль твою и препятствуютъ радости упованія твоего и попеченію о Господѣ, тогда знай, что живетъ въ тебѣ тѣло, а не Христосъ. Просто сказать: къ чему любовь въ тебѣ возмощаетъ и преобладаетъ, то и живетъ въ тебѣ. Если же нѣтъ у тебя недостатка въ потребномъ тебѣ, и тѣло здорово, и не боишься чего-либо сопротивнаго, и скажешь, что можешь при этомъ чисто итти къ Христу, то знай, что боленъ ты умомъ и лишень вкушенія славы Божіей.—Сужу же тебя не потому, что ты таковъ уже и есть, а болѣе для того, чтобы

ТЫ ЗНАЕШЬ, СКОЛЬ МНОГАГО НЕДОСТАЕТЬ ТЕБѢ ДО СОВЕРШЕНСТВА, ХОТЯ И ИМѢЕШЬ НѢКОЮ ЧАСТЬ ЖИТІЯ ПРЕЖДЕ НАСЪ БЫВШИХЪ СВЯТЫХЪ ОЦЕВЪ. И НЕ ГОВОРИ, ЧТО НѢТЬ ЧЕЛОВѢКА, У КОТОРАГО БЫ УМЪ СОВЕРШЕННО НЕ ВЫШАДЯ НАДЪ НЕМОЩІЮ, КОГДА ТѢЛО ЕГО ОБУРЕВАЕТО ИСКУШЕНІЯМИ И СКОРБЯМИ, И У КОТОРАГО БЫ ЛЮБОВІЮ КО ХРИСТУ ПРЕОБЪЖДАЛАСЬ ПЕЧАЛЬ УМА. НЕ БУДУ ПРОВОДИТЬ НА ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ, ЧТОБЫ САМОМЪ НЕ ИЗНЕМОЧЬ ПЕРЕДЪ ГЛУБИНОЮ ИХЪ СТРАДАНІЙ. УМОЛЧУ О ТОМЪ, СКОЛЬКО ТЕРПѢНІЕ ИХЪ, ПОДКРѢПЛЯЕМОЕ СИЛОЮ ЛЮБВИ ХРИСТОВОЙ, ПРЕОБЪДИЛО ВЕЛИКУЮ СКОРБЬ И БОЛѢЗНЬ ТѢЛЕСНУЮ. ОСТАВИМЪ ЭТО И ПОТОМУ, ЧТО ОДНО ВОСПОМИНАНІЕ О СЕМЪ ВВЕРГАЕТЪ ВЪ СКОРБЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКУЮ ПРИРОДУ И ВОЗМУЩАЕТЪ ВЕЛИЧІЕМЪ ДѢЛА И ЧУДЕСНОСТІЮ ЗРѢЛИЩА.

Посмотримъ же на безбожныхъ, такъ называемыхъ философовъ. Одинъ изъ нихъ положилъ себѣ въ мысли своей закономъ—хранить молчаніе нѣсколько лѣтъ. Императоръ римскій, удивленный этимъ слухомъ, захотѣлъ подвергнуть его испытанію. Поэтому приказалъ привести его къ себѣ, и когда увидѣлъ, что онъ рѣшительно молчитъ при всякомъ вопросѣ какой ни предлагалъ ему, и не отвѣчаетъ, разгнѣвался на него, и велѣлъ предать смерти за то, что не уважилъ престола и вѣнца славы его. Но философъ не убоился, а, напротивъ того, хранилъ законъ свой и безмолвно готовился къ смерти. Императоръ же далъ приказъ исполнителямъ казни: „если убоится меча, и нарушитъ законъ свой, умертвите его; а если устоитъ въ своей волѣ, возвратите его ко мнѣ живого“. Итакъ, когда онъ приблизился къ назначенному мѣсту, и получившіе приказаніе, нанося оскорбленія, принуждали его нарушить свой законъ и подвергаться смерти, тогда рассуждалъ онъ: „лучше въ одинъ часъ мнѣ умереть и сохранить волю свою ради исполненія которой столько времени подвизался, нежели быть побѣждену страхомъ смерти, поругать свою мудрость и подвергнуться нареканію въ боязливости при встрѣтившейся крайности“. И безъ смущенія простерся онъ, чтобы принять усѣченіе мечемъ

Донесено было о семъ императору; императоръ удивился, и отпустилъ его съ честью.

Иные совершенно попрали естественное вожделѣніе; другіе легко переносили злословіе; иные безъ скорби претерпѣвали жестокія болѣзни; а иные показали свое терпѣніе въ скорбяхъ и великихъ бѣдствіяхъ. И если они терпѣли это ради пустой славы и надежды, то не гораздо ли больше должны терпѣть мы, монахи, призванные къ общенію съ Богомъ? Сего и да сподобимся, по молитвамъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи и всѣхъ, въ потѣ подвига своего благоугодившихъ Христу! Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе съ собезначальнымъ Его Отцемъ и съ соприсносущнымъ, естественнымъ и живоначальнымъ Духомъ нынѣ и во вѣки вѣковъ! Аминь.

УКАЗАТЕЛЬ

мѣстъ Священнаго Писанія, объясняемыхъ въ творе-
ніяхъ святаго Исаака Сиріянина или приводимыхъ
въ доказательство истинъ Христіанскаго ученія.

			Стр.					
Быт.	2,	2.	77.		54,	23.	80.	
	3,	18—19.	78. 79.		68,	4.		
	16,	12.	207.		77,	30—31.		
Исход.	48,	22.	8.		83,	6.		
	20,	19.	233.		84,	10.		
	24,	10.	67.		89,	5.		
Числ.	32,	32.	207.		90,	5.		
	13,	34.	318.		—	10.		
	Второз.	11,	25.		324.	—	13.	
Иис. Нав.	22,	10.	206.		—	15—16.		
	24,	15.	159.		103,	15.		
Суд.	3,	1—2.	335.	104,	3.			
2 Цар.	7,	1.	191.	—	4.			
	12,	13.	339.	114,	5.	214.		
3 Цар.	21,	27—19.	426.	118,	35.			
	22,	48.	304.	—	137.			
4 Цар.	6,	13—23.	310.	125,	5—6.			
	Иов.	23,	18.	119.	126,	1.		
Псал.	1,	3.	355.	144,	18.			
	—	5.	37.	Притч.	3,	25.		
	10,	2.	3.	6,	27.			
	17,	29.	316.	15,	13.			
	22,	3.	1.	16,	18.			
	24,	14.	145.	19,	17.			
	33,	16.	145 316.	22,	14.			
	35,	10.	182.	25,	16.			
	36,	1. 7. 8.	424.	—	29.			
	41,	3.	355.	28,	1.			
	48,	13.	400.	—	13.			
	50,	19.	333.	Еккл.	10,	16.		
	Еккл.	11,	1.	287.	Ев. Матѳ.	—	11—12.	
	—	4.	319.	—	13.			
	Пс. пѣсн.	5,	2.	192.	—	20.		
Сир.	1,	28.	84.	10,	25.			
	6,	19.	84.	10,	28.			
	14,	3.	183.	—	38.			
	34,	15.	121.	—	39.	29.		
Ис.	1,	15.	298.	11,	12.			
	—	19.	302.	—	28.	243.		
	40,	4.	209.	—	29.			
	43,	2.	119.	—	30.			
	53,	2.	33.	13,	43.			
	54,	1.	102.	14,	30.			
	55,	3.	302.	15,	14.	313.		
	—	6—8.	302.	16,	24.	84.		

Ис.	58,	2.	308.	348.	—	25.	220.
	—	3.	308.		18,	3.	119. 216.
	—	9.	302.		19,	17.	244.
	59,	1—2.	299.		—	18—19.	244.
	65,	2.	301.		—	21. 7. 85.	244.
Иер.	2,	18.	378.		—	27.	55.
	20,	9.	210.		20,	13—15.	430.
	36,	2—3.	302.		—	22.	29.
	48,	10.	323.		21,	22.	120.
Иез.	9,	6.	339.		22,	21.	58.
	16,	49.	376.		—	37.	115.
	18,	21—24.	302.		25,	31.	312.
	33,	11.	301.		—	33.	312.
	—	14—18.	302.		—	40.	173.
	36,	26.	94.		—	46.	312.
Мих.	7,	8.	35.		26,	28.	208.
Аввак.	1,	13.	97.		—	41.	29. 201.
Мал.	3,	7.	301.	Ев. Марк.	8,	34.	220.
Ев. Мате.	5,	4.	98.		9,	23.	121.
	—	16.	242.		16,	17—18.	121.
	—	19.	243.	Ев. Лук.	4,	23.	312.
	—	41.	245.		6,	30.	278.
	—	48.	7.		—	31.	254.
	6,	7.	27.		—	35.	430.
	—	10.	10.		—	36.	7.
	—	24.	150.		10,	25.	243.
	—	25.	27. 150.		11,	8.	201.
	—	32.	27. 150.		13,	24.	29.
	—	33.	27. 139.		14,	26.	165. 209.
			150. 347.		—	33.	165.
	—	34.	150.		15,	13—16.	162.
	7,	7—8.	201.		—	20—22.	431.
	8,	3.	119.		16,	10—11.	378.
Ев. Лук.	17,	10.	255.	Римл.	—	8.	423.
	—	20.	257.		—	20.	179.
	—	21.	10. 39. 132.		6,	16.	226.
	18,	13.	255.		8,	7—8.	244.
	19,	41.	430.		—	15.	121.
	21,	19.	29.		—	16.	237.
	—	36.	201.		—	17.	371.
	22,	19.	208.		—	19.	101. 276.
	—	30.	398.		—	21.	101. 276.
Ев. Иоан.	3,	5.	133.		—	24—25.	261.
	—	16.	207.		—	26.	104.
	6,	33.	398.		—	35.	265.
	—	51.	398.		—	38—39.	123. 265.
	—	58.	398.		9,	3.	175. 207.
	8,	23.	213.				256. 265.
	10,	9.	266.		—	5.	133.
	—	28.	85.		—	18.	275.
	13,	35.	242.		10,	17.	401.
	14,	15—16.	131. 264.		11,	33.	100.

—	17.	.	.	131.
—	21.	.	.	242.
—	23.	.	105.	242.
—	26.	.	.	131.
—	30.	.	.	238.
15,	10.	.	.	264.
16,	12—13.	.	.	270.
—	33.	.	29.	156.
17,	19.	.	.	208.
1,	4.	.	.	236.
2,	46.	.	.	119.
9,	15.	.	.	203.
—	17.	.	.	270.
14,	22.	.	.	29.
26,	24.	.	.	291.
2,	13.	.	.	420.
3,	14.	.	.	152.
2,	27.	.	.	314.
3,	21.	.	.	381.
4,	8.	.	.	398.
—	16.	.	.	398.
—	18.	.	.	159.
1,	20.	.	.	291.
—	27—28.	.	.	109.
2,	15.	.	.	77.
—	24.	.	.	348.
3,	19.	.	.	158.
—	23—24.	.	.	397.
5,	6.	.	.	423.
—	7.	.	.	158.
—	7—9.	.	.	202.
—	11.	.	160.	256.
2,	20.	.	.	291.
3,	27.	.	.	133.
5,	8.	.	.	393.
5,	17.	.	.	21.
—	19.	.	.	110.
—	22.	.	.	419.
6,	1.	.	.	419.
—	8.	.	.	78.
—	14.	.	.	240.
8,	5.	.	.	78.
4,	22—23.	.	.	244.
5,	16.	.	.	405.
1,	29.	.	.	152.
2,	3.	.	.	97.
—	13.	.	.	147.
3,	10.	.	.	152.
4,	5—6.	.	.	120.
—	13.	.	.	126.
1,	24.	.	.	207.
3,	1.	.	.	94.

1 Кор.

2 Кор.

Колос.

1 Тим.

2 Тим.

Евр.

12,	15.	.	.	41.
13,	14.	.	.	34.
15,	1.	.	.	41.
—	4.	.	.	32.
1,	18.	.	.	23.
2,	9-10.	268.		32.
—	10.	.	.	26.
3,	18.	.	.	215.
—	16.	.	.	352.
8,	1.	.	.	12.
9,	16.	.	.	17.
—	27.	.	.	256.
10,	13.	.	.	41.
13,	1—2.	.	.	26.
—	9—10.	.	.	123.
—	12.	.	.	11.
14,	11.	.	.	322.
15,	9.	.	.	25.
—	10.	.	.	123.
—	31.	.	.	156.
—	50.	.	.	241.
—	53—54.	.	.	432.
1,	4—5.	.	.	383.
4,	6.	.	.	94.
10,	5.	.	.	350.
11,	17.	.	.	256.
12,	2.	64.		271.
—	3.	.	.	291.
—	4.	261.	271.	291.
—	5.	13.	55.	91.
—	9—10.	.	.	273.
4,	2.	.	.	201.
—	5.	.	.	405.
1,	13.	.	.	255.
—	15—16.	.	.	255.
3,	12.	.	.	229.
1,	14.	.	.	76.
2,	15.	.	.	226.
4,	3.	.	.	341.
—	9—10.	.	.	71.
5,	14.	.	.	312.
9,	8.	.	.	78.
—	22.	.	.	258.
10,	20.	.	.	233.
11,	33.	.	.	140.
—	37.	.	.	156.
·	38.	.	.	176.
—	39.	.	.	345.
—	40.	.	.	204.
12,	2.	.	.	208.
—	21.	.	.	233.
13,	12—13.	.	.	83.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Предисловіе.	I.
Свѣдѣнія о преподобномъ Исаакѣ Сиріянинѣ и его писаніяхъ.	III.
Порядокъ Словъ по греческому и русскому переводамъ.	XIII.

С Л О В А П О Д В И Ж Н И Ч Е С К І Я.

Слово 1. Объ отреченіи отъ міра и о житіи монашескомъ.	1.
Слово 2. О благодарности Богу, съ присовокупленіемъ краткаго изложенія первоначальныхъ ученій.	9.
Слово 3. О томъ, что душа до познанія Божіей премудрости и Божіихъ тварей доходитъ безъ труда, если безмолвствуетъ вдали отъ міра и житейскихъ попеченій; ибо тогда можетъ познавать естество свое и тѣ сокровища, какія имѣетъ скрытыми внутри себя.	17.
Слово 4. О душѣ, о страстяхъ и о чистотѣ ума, въ вопросахъ и отвѣтахъ.	19.
Перечисленіе движеній помысловъ.	23.
Слово 5. О чувствахъ, а вмѣстѣ и объ искушеніяхъ.	25.
Слово 6. О милосердіи Владыки, по которому съ высоты величія Своего снизошелъ къ немощи человѣческой, и объ искушеніяхъ.	31.
Слово 7. О грѣхахъ произвольныхъ, произвольныхъ и совершаемыхъ по какому-нибудь случаю.	33.
Совѣтъ преподобнаго Мартиніана.	35.
Слово 8. О храненіи и блюденіи себя отъ людей разслабленныхъ и нерадивыхъ; о томъ, что отъ сближенія съ ними воцаряется въ человѣкѣ нерадѣніе и разслабленіе, и онъ исполняется всякой нечистой страсти,—и о храненіи себя отъ близости съ юными, чтобы умъ не осквернился непотребными помыслами.	37.
Слово 9. О чинѣ и уставѣ новоначальныхъ. и о томъ, что прилично имъ.	45.
Слово 10. Сказанія святыхъ мужей, ихъ преподобныя изреченія и чудное житіе.	48.
Слово 11. О ветхомъ старцѣ.	50.
Слово 12. О другомъ старцѣ.	52.
Слово 13. О вопросѣ одного брата.	53.
Слово 14. Объ одномъ укоренномъ братѣ.	55.
Слово 15. О разныхъ отличіяхъ безмолвія, о власти ума, и	

	о томъ, сколько властенъ умъ возбуждать собственныя свои движенія при разныхъ видахъ молитвы, какой предѣлъ данъ молитвѣ самымъ естествомъ, до какого предѣла властенъ ты молиться молитвою, по преступленіи какого предѣла молитва твоя—уже не молитва, хотя совершаемое тобою и называется молитвою.	59.
Слово 16.	О чистой молитвѣ	61.
Слово 17.	О душѣ, ищущей глубокаго созерцанія, чтобы погрузиться въ ономъ отъ плотскихъ помысловъ, возбуждаемыхъ памятованіемъ вещей	68.
Слово 18.	О виденіи естества безплотныхъ, въ вопросахъ и отвѣтахъ	71.
Слово 19.	Образецъ умозрѣнія о днѣ воскресномъ и о субботѣ, и приточное ихъ значеніе	77.
Слово 20.	Ежедневное напоминаніе о томъ, что всего нужнѣе, и что весьма полезно пребывающему въ келліи своей и рѣшившемуся быть внимательнымъ къ одному только себѣ.	79.
Слово 21.	О разныхъ предметахъ. Въ вопросахъ и отвѣтахъ. О постѣ и бдѣніи.	81. 89.
	О различіи слезъ	93.
Слово 22.	О томъ, что тѣло, которое боится искушеній, дѣлается другомъ грѣха.	110.
Слово 23.	Посланіе, писанное къ одному брату, любителю безмолвія.	111.
Слово 24.	Посланіе къ нѣкому брату естественному и духовному, который, живя въ мірѣ и желая видѣться съ Исаакомъ, убѣждалъ и умолялъ въ письмахъ своихъ прійти къ нему	116.
Слово 25.	О трехъ способахъ вѣдѣнія, о разности ихъ дѣланія и понятій, о вѣрѣ души, о таинственномъ богатствѣ, въ ней сокровенномъ, и о томъ, сколько вѣдѣніе міра сего разнствууетъ въ способахъ своихъ съ простотою вѣры.	117.
Слово 26.	О первой степени вѣдѣнія.	124.
Слово 27.	О второй степени вѣдѣнія.	127.
Слово 28.	О третьей степени вѣдѣнія, которая есть степень совершенства.	128.
	Совокупное обозрѣніе трехъ вѣдѣній.	129.
Слово 29.	Объ иныхъ образахъ и пониманіи различія вѣдѣнія.	132.
Слово 30.	Объ образѣ молитвы и о прочемъ, необходимо потребномъ для всегдашняго памятованія и во многихъ отношеніяхъ полезномъ, если сохранить это читающій съ разсужденіемъ.	133.
	О храненіи памятованій.	134.
	О разныхъ степеняхъ любви	136.
	О томъ, какъ должно тебѣ молиться безъ круженія	

	<i>Стр</i>
мыслей.	—
Замѣтъ, отъ чего рождается уныніе, и отъ чего— пареніе ума.	137.
О томъ, что должно не прекословить лукавымъ по- мысламъ, но повергать себя предъ Богомъ	—
О слезахъ.	138.
О руководѣліи и сребролюбіи.	—
Слово 31. Объ отшельничествѣ, и о томъ, что должно намъ не въ боязнь приходить и устрашаться, но подкрѣп- лять сердце упованіемъ на Бога, и имѣть дерзно- веніе съ несомнѣнною вѣрою, потому что стражемъ и хранителемъ имѣемъ Бога	139.
О выгодахъ, доставляемыхъ искушеніями тѣмъ, ко- торые терпятъ ихъ съ благодарностію и мужественно.	141
О томъ, что храненіе языка не только заставляеть умъ воспрянуть къ Богу, но и содѣйствуетъ воздер- жанію.	142.
Слово 32. О томъ, чѣмъ сохраняется тайное, внутреннее въ душѣ трезвеніе, и откуда приходятъ сонливость и холодность въ умъ, и угашаютъ въ душѣ святую горячность, и умерщвляютъ стремленіе къ Богу, лишивъ душу горячности къ духовному и небесному.	143
Слово 33. О многихъ измѣненіяхъ, послѣдующихъ уму и испытуемыхъ молитвою	146.
Слово 34. О тѣхъ, которые живутъ наиболѣе близко къ Бо- гу и проводятъ дни свои въ жизни вѣдѣнія.	147
Слово 35. О любви къ міру.	150.
Слово 36. О томъ, что не должно желать или домогаться безъ нужды—имѣть у себя въ рукахъ какія-либо явные знаменія	153.
Слово 37. О томъ, по какой причинѣ Богъ попускаеть иску- шенія на любящихъ Его.	156.
Слово 38. О томъ, какъ по возбуждающимся въ человѣкѣ помысламъ узнавать, на какой степени стоитъ онъ.	159
Слово 39. О томъ, почему люди душевные прозирають въ дѣніемъ въ нѣчто духовное, соразмѣрно съ тѣлес- ною дебелостію, какъ умъ можетъ возноситься надъ оною, какая причина тому, что не освобождается отъ нея, когда и въ какой мѣрѣ можно уму пре- бывать безъ мечтанія въ часъ моленія.	164.
Слово 40. О молитвѣ, поклонахъ, слезахъ, чтеніи, молчаніи и псалмопѣніи	167
Слово 41. О молчаніи.	171.
Слово 42. Посланіе къ одному изъ возлюбленныхъ Исаакомъ, въ которомъ предлагаетъ онъ а) ученіе о тайнахъ безмолвія, и о томъ, что многіе, по незнанію сихъ тайнъ, нерадятъ о семъ чудномъ дѣланіи, большая же часть держатся пребыванія въ келліяхъ, по	

	<i>Стр.</i>
преданію, ходящему у иноковъ, и б) краткій сводъ относящагося къ сказанію о безмолвіи.	176.
Слово 43. О разныхъ предметахъ и о томъ, какая нужда въ каждомъ изъ нихъ.	181.
Слово 44. О томъ, какъ разсудительному должно пребывать на безмолвіи.	185.
Слово 45. О порядкѣ тонкой разсудительности.	189.
Слово 46. Объ истинномъ вѣдѣніи, объ искушеніяхъ, и о необходимости точно знать, что не только люди невысокіе, немощные и необучившіеся, но и спо- добившіеся на продолжительное время безстрастія, достигшіе совершенства въ образѣ мыслей, прибли- звившіеся отчасти къ чистотѣ, сопряженной съ омертвѣніемъ (ставшіе выше страстей, пока они въ мірѣ семъ, по Божію поущенію отъ сопряже- нія жизни ихъ со страстною плотію, пребываютъ въ бореніи, и по причинѣ плоти терпятъ безпокой- ство отъ страстей, потому что) по милости быва- етъ поущеніе на нихъ за паденіе ихъ въ гордыню.	194.
Слово 47. Общее содержаніе этой главы, и о молитвѣ.	201.
Слово 48. О различіи добродѣтелей и о совершенствѣ всего поприща	205.
О смиреніи	211.
Слово 49. О вѣрѣ и о смиренномудріи.	214.
Слово 50. О пользѣ бѣгства отъ міра.	223.
Слово 51. О томъ, посредствомъ чего можно человѣку съ измѣненіемъ внѣшняго образа жизни пріобрѣсти измѣненіе въ сокровенныхъ мысляхъ.	225.
Слово 52. О ночномъ бдѣніи и о различныхъ способахъ его дѣланія	230.
Слово 53. О томъ, какую честь имѣетъ смиренномудріе, и какъ высока степень его.	232.
Слово 54. О разныхъ предметахъ, въ вопросахъ и отвѣтахъ.	238.
Слово 55. Посланіе къ преподобному Симеону чудотворцу.	241.
Слово 56. О любви къ Богу, объ отреченіи отъ міра и объ упокоеніи въ Богѣ.	276.
Слово 57. Объ удаленіи отъ міра, и отъ всего смущающаго умъ.	291.
Слово 58. О томъ, что Богъ на пользу душъ попустилъ, чтобы она была доступна страстямъ, и о подвиж- ническихъ дѣланіяхъ.	307.
Слово 59. О чинѣ монашескаго житія, о совращеніи и раз- личіи онаго, и о томъ, почему и какимъ образомъ добродѣтели рождаются одна отъ другой.	321.
Слово 60. О различныхъ способахъ брани, какую діаволь ведетъ съ шествующими путемъ тѣснымъ, превыс- шимъ міра.	323.
О второмъ способѣ діавольскихъ браней.	325.

	<i>Стр</i>
О третьемъ способѣ вражеской брани съ сильными и мужественными.	328.
О четвертой противодѣйственной вражеской брани.	329.
Слово 61. О томъ, что полезно челоуѣку для приближенія его въ сердцѣ своемъ къ Богу, какая истинная причина сокровенно приближаетъ къ нему помощь и какая опять причина приводитъ челоуѣка въ смиреніе.	333.
Слово 62. О словесахъ Божественнаго Писанія, побуждающихъ къ покаянію, и о томъ, что изречены оныя по немощи челоуѣческой, чтобы люди не погибли, отпавъ отъ Бога живаго, и что не должно понимать оныя, какъ поводъ къ тому, чтобы грѣшить.	337.
Слово 63. О томъ, чѣмъ охраняется доброта иноческаго житія, и о чинѣ славословія Божія.	340.
Слово 64. О перемѣнѣ и превратности, какая бываетъ въ шествующихъ установленномъ отъ Бога путемъ безмолвія.	342.
Слово 65. О безмолвствующихъ: когда начинаютъ они понимать, до чего простерлись дѣлами своими въ безпредѣльномъ морѣ, т. е. въ безмолвномъ житіи, и когда могутъ нѣсколько надѣяться, что труды ихъ стали приносить плоды.	343.
Слово 66. О томъ, что рабу Божию, обнищавшему въ мірскомъ и испешшему выискать Бога, изъ страха, что не достигъ уразумѣнія истины, не должно прекращать исканія и охлаждѣвать въ горячности, поражаемой любовію къ Божественному и изслѣдованіемъ тайнъ Божіихъ; о томъ, какъ умъ оскверняется страстными припоминаніями.	345.
Слово 67. О видахъ надежды на Бога, о томъ, кому должно надѣяться на Бога, и кто надѣется безразсудно и неразумно.	347.
Слово 68. Объ отреченіи отъ міра и о воздержаніи отъ вольнаго обращенія съ людьми.	351.
Слово 69. О томъ, что безмолвникамъ полезно не имѣть заботъ, и вредны входы и выходы.	354.
Слово 70. О путяхъ, приближающихъ къ Богу, и открывающихъ челоуѣку изъ пріятности дѣлъ ночного бдѣнія, и о томъ, что дѣлатели онаго всѣ дни жизни своей питаются медомъ.	356.
Слово 71. О силѣ и дѣйственности грѣховныхъ золь, чѣмъ они производятся, и чѣмъ прекращаются.	361.
Слово 72. О храненіи сердца и о тончайшемъ созерцаніи.	367.
Слово 73. О признакахъ и дѣйствіяхъ любви къ Богу.	369.
Слово 74. О видахъ добродѣтелей.	370.
Слово 75. О непрестанномъ постѣ, и о томъ, чтобы собрать себя воедино, и о послѣдствіяхъ сего, и о томъ,	

	<i>Стр</i>
что посредствомъ вѣдѣнія различій обучился онъ (св. Исаакъ Сиринъ) правильному употребленію всего подобнаго.	373.
Слово 76. О молчаніи и безмолвіи	381
Слово 77. О тѣлесномъ движеніи.	382
Слово 78. О видахъ разныхъ искушеній и о томъ, сколько сладости имѣютъ искушенія, бывающія и претерпѣваемыя за истину, и по какимъ степенямъ восходитъ человекъ благоразумный.	385
Искушенія друзей Божіихъ, которые смиренномудры.	389
Слово 79. О гордости. Испушенія враговъ Божіихъ, которые горды.	390
Слово 80. Объ изъясненіи видовъ добродѣтели, и о томъ, какова сила и какое различіе каждаго изъ нихъ.	392
Слово 81. Объ очищеніи тѣла, души и ума	396.
Слово 82,—содержащее въ себѣ предметы полезныя, исполненные духовной мудрости.	396
Слово 83. О покаяніи.	397
Слово 84. О томъ, какъ велика бываетъ мѣра вѣдѣнія и мѣра вѣры	399
Слово 85. Содержащее въ себѣ исполненные пользы совѣты, какіе съ любовію изглаголають слушающимъ его со смиреніемъ	403
Слово 86. Объ Ангельскомъ движеніи, возбуждаемомъ въ насъ по Божію Промыслу для преуспѣянія души въ духовномъ	413
Слово 87. О второмъ дѣланіи въ человекѣ	414.
Слово 88. Объ измѣненіи свѣта и тьмы, какое бываетъ въ душѣ во всякое время, и объ уклоненіи ея къ деснымъ или шуймъ	416.
Слово 89. О вредѣ безразсудной ревности, прикрывающейся личиною ревности Божественной, и о помощи, какая бываетъ отъ кротости и другихъ нравственныхъ качествъ	418.
Слово 90. О невольныхъ лукавыхъ помыслахъ, происходящихъ отъ предшествовавшихъ имъ расслабленія и верадѣнія.	427
Слово 91. О терпѣніи изъ любви къ Богу и о томъ, какъ терпѣніемъ приобрѣтается помощь.	432.
Указатель мѣстъ Священнаго Писанія, объясняемыхъ или приводимыхъ св. Исаакомъ Сиринымъ въ его Словахъ	I.

Алфавитный указатель предметовъ, содержащихся въ Словахъ святаго Исаака Сирина ¹⁾.

А.

Агафонъ. Почитатель безмолвія (сл. 55, стр. 250).—Его любовь къ ближнему (сл. 48, стр. 208; сл. 55, стр. 250).

Аммунъ (изъ Нитріи). Вознесеніе души его видѣлъ св. Антоній Великій (сл. 17, стр. 69—70).

Ангелы. Бываютъ свидѣтелями нашихъ молитвъ (сл. 5, стр. 27).— Ангелы-хранители (сл. 5, стр. 30).—И ангелы не могутъ приближаться къ престолу славы Господней (сл. 6, стр. 33).—О различіи между ангелами, душами человѣческими и демонами (сл. 17, стр. 68).—Имена девяти чиновъ ангельскихъ, съ изъясненіемъ свойства cadaго чина (сл. 17, стр. 70—71).—Когда созданы ангелы? (сл. 17, стр. 71).—Ангелы могутъ приводить въ движеніе и просвѣщать естественные помыслы наши, а демоны не могутъ, и почему? (сл. 18, стр. 72—73).—Не всѣ имѣютъ равное вѣдѣніе, но низшіе чины пріемлютъ откровеніе тайствъ по порядку отъ высшихъ чиновъ, а высшій чинъ—отъ Святой Троицы, имѣя учителемъ Посредника Іисуса (сл. 18, стр. 74).—Не всѣ тайны открываются каждому чину (сл. 18, стр. 75).—Хотя мы и очистимся (отъ страстей), но безъ посредства ангеловъ мысли наши не могутъ приблизиться къ откровеніямъ и познаніямъ тайнъ (сл. 18, стр. 75).—Ангелы ожидаютъ нашего возстанія изъ тлѣнія, и почему? (сл. 21, стр. 101).—Они являются людямъ въ словидѣніяхъ подъ образомъ святыхъ (сл. 30, стр. 135).—Ангелы отгоняются гордостью чловѣка, послѣ чего приступаетъ къ нему демонъ (сл. 34, стр. 149).—Какъ долженъ вести себя чловѣкъ при приближеніи къ нему ангеловъ? (сл.

¹⁾ Въ основу этого указателя положенъ указатель, приложенный къ твореніямъ св. Исаака Сирина, изданнымъ Оптиной пустынью въ 1854 г.

46, стр. 197).—Ангелы являлись явственно мученикамъ и преподабнымъ, укрѣпляя ихъ въ подвигахъ и вразумляя (сл. 57, стр. 295—296; сл. 58, стр. 317).—Зловоніемъ скверныхъ мечтаній гнушаются ангелы (сл. 68, стр. 351).—Ангелы радуются, когда мы терпимъ нужду (сл. 77, стр. 384).

Антоній Великій. Видѣлъ душу Аммуна, возносимую ангелами на небо (сл. 17, стр. 69—70).—Стояніе на молитвѣ девятого часа (сл. 21, стр. 105).—Его любовь къ ближнему (сл. 48, стр. 208).

Арсеній Великій. Жизнь аввы Арсенія служитъ примѣромъ для безмолвниковъ (сл. 14, стр. 59; сл. 23, стр. 112—113).—Слово преп. Арсенія, сказанное архіепископу Теофілу (сл. 23, стр. 113).—Отвѣтъ его Макарію и гласъ, слышанный имъ свыше (сл. 23, стр. 113—114).—Преп. Арсеній избавлялся молчаніемъ отъ встрѣчи съ людьми (сл. 41, стр. 171—172).—Многіе Отцы увеселялись однимъ лицезрѣніемъ преп. Арсенія и получали чрезъ то пользу (сл. 41, стр. 172).

Асина. Какъ обольщенъ былъ діаволомъ—и палъ? (сл. 55, стр. 274).

Аванасій Великій. Его рассказъ объ Антоніи Великомъ (сл. 17, стр. 69—70).

Б.

Бдѣніе. Оно есть средство для успешной борьбы со грѣхомъ (сл. 21, стр. 88—89). Кто любитъ постъ и бдѣніе, тотъ другъ цѣломудрія (сл. 21, стр. 89).—Постъ, бдѣніе, бодрствованіе въ службѣ Божіей—основаніе всѣхъ добродѣтелей (сл. 21, стр. 89).—Бдѣніе приводитъ душу въ состояніе духовнаго восторга (сл. 31, стр. 142).—Непрестаннымъ ночнымъ бдѣніемъ Отцы совлекались ветхаго чловѣка, (сл. 42, стр. 179).—Всегдашнее бдѣніе, соединенное съ чтеніемъ и поклонами, приводитъ безмолвниковъ въ благое устроеніе (сл. 45, стр. 198; сл. 56, стр. 279).—Какъ пребывать во бдѣніи? (сл. 52, стр. 230—231).—Какъ пребывали въ ономъ святыя подвижники? (сл. 52, стр. 231—232).—Какъ поступать при взнеможеніи во время бдѣнія? (сл. 52, стр. 231; сл. 70, стр. 359—360).—Что нужно для приготовленія къ бдѣнію? (сл. 56, стр. 285).—Бдѣніе важнѣе всѣхъ занятій инока (сл. 70, стр. 356—357).—Оно—дѣло ангельскаго чина (сл. 70, стр. 357).—Даешь душѣ херувимскія очи (сл. 70, стр. 357).—О пользѣ, происходящей отъ ночного бдѣнія, и о сохраненіи себя отъ бесѣдъ и попеченій, и о чтеніи Писаній (сл.

70, стр. 357—358).—Благъ, пріобрѣтенныхъ въ ночномъ бдѣніи, не должно терять худымъ препровожденіемъ дня (сл. 70, стр. 358—359).—Во время крайняго изнеможенія тѣла не полезно понуждать себя къ бдѣнію (сл. 70, стр. 360).

Безмолвіе. Безпопеченіе, безмолвіе, удаленіе отъ міра приводятъ душу къ познанію Божіихъ тварей (сл. 3, стр. 17).—Безмолвіе и уединеніе помогаютъ соблюденію поста (сл. 8, стр. 44).—Живущему въ безмолвіи не должно отдавать вещи подъ предлогомъ милостыни, и почему? (сл. 13, стр. 53—54).—Истинному безмолвнику не поставлено въ обязанность служить правдой дѣлъ явныхъ (сл. 13, стр. 54—55) и подавать милостыню, а тѣмъ болѣе—пещись о пріобрѣтеніи вещей для подаванія милостыни (сл. 14, стр. 55—56).—Можетъ ли безмолвствующій инокъ, кромѣ попеченія о Богѣ, имѣть въ сердцѣ другое попеченіе? (сл. 14, стр. 56—57).—Какую помощь могутъ оказывать братіямъ безмолвствующіе? (сл. 14, стр. 57—58).—Какъ можетъ безмолвникъ освободиться отъ смущенія и заботы? (сл. 14, стр. 58).—Жизнь преп. Арсенія—примѣръ для безмолвниковъ (сл. 14, стр. 59).—Безмолвіе способствуетъ очищенію души (сл. 21, стр. 91—92).—Безмолвіе умерщвляетъ внѣшнія чувства и воскрешаетъ внутреннія движенія (сл. 21, стр. 94).—Какіе помыслы и размышленія должно имѣть подвижнику, пребывающему въ безмолвіи? (сл. 21, стр. 97—98).—Безмолвникъ не долженъ унывать, если въ началѣ своего безмолвія не ощущаетъ силы сихъ размышленій (сл. 21, стр. 103).—Въ чемъ состоитъ главное дѣло безмолвія? (сл. 21, стр. 103—104).—Если человѣкъ не презритъ чести и безчестія и прочихъ скорбей, то не сможетъ пребыть въ благомъ намѣреніи безмолвія (сл. 23, стр. 111—112).—Почему безмолвнику должно удалиться отъ обращенія съ другими? (сл. 23, стр. 112).—Примѣры высокаго безмолвія (сл. 23, стр. 112—113).—Безмолвіе не есть изобрѣтеніе человѣческое, но ученіе небесное (сл. 23, стр. 114).—Антоній Великій и Арсеній Великій начали безмолвіе по откровенію Божію (сл. 23, стр. 114).—Поступокъ одного святого, какъ поучительный примѣръ для безмолвниковъ (сл. 23, стр. 115).—Какъ исполняется въ безмолвіи заповѣдь любви къ ближнему? (сл. 23, стр. 115).—Какой терпитъ вредъ долго безмолвствовавшей, когда приближается къ міру? (сл. 24, стр. 116—117).—Въ какомъ случаѣ и съ какимъ намѣреніемъ должно безмолвствующему заниматься рукодѣліемъ? (сл. 30, стр. 138; сл. 40, стр. 169; сл. 56, стр. 289).—Безмолвствующему въ отшельничествѣ должно укрѣпляться вѣрою и преданіемъ себя волѣ Божіей противъ всякаго страха, и почему?

(сл. 31, стр. 139—140).—Какъ важно опытомъ извѣдать продолжительное безмолвіе? (сл. 40, стр. 168—169).—Любящій собесѣдованіе со Христомъ любитъ быть уединеннымъ (сл. 41, стр. 174).—Если любишь покаяніе, возлюби и безмолвіе (сл. 41, стр. 174).—Внѣ безмолвія покаяніе не достигаетъ совершенства (сл. 41, стр. 174).—Если любишь безмолвіе, возлюби тѣлесныя лишенія и скорби (сл. 41, стр. 174).—Любовь къ безмолвію есть непрестанное ожиданіе смерти, а безъ сего помышленія невозможно пребыть въ безмолвіи (сл. 41, стр. 174).—Для безмолвника вмѣсто всѣхъ правилъ достаточно одной тѣлесной немощи и безмолвія (сл. 41, стр. 175).—Вступать въ безмолвіе должно съ разсужденіемъ (сл. 42, стр. 177—178; сл. 44, стр. 185—186).—Вступившій въ безмолвіе неразумительно не избавится отъ духа унынія или совершенно оставитъ безмолвіе (сл. 42, стр. 177—178).—Различные признаки проходящихъ безмолвіе съ разсужденіемъ (сл. 42, стр. 178—179; сл. 44, стр. 186—187).—О безмолвіи должно вопрошать знающихъ его по опыту, а не по одному умозрѣнію (сл. 44, стр. 186).—Какіе признаки, что человекъ проходитъ безмолвіе безъ разсужденія? (сл. 44, стр. 187).—Когда безмолвникомъ овладѣваетъ нерадѣніе, то что съ нимъ бываетъ? (сл. 44, стр. 188).—Когда безмолвникъ преуспѣваетъ, то какіе признаки сего? (сл. 44, стр. 188—189).—Пребывающему въ безмолвіи надлежитъ внимательно разсматривать дѣйствія внутренняго своего устроенія (сл. 45, стр. 190—192).—Стяжавшаго благое устроеніе въ безмолвіи никакая скорбь не можетъ разлучить отъ любви Христовой (сл. 45, стр. 193).—Въ какомъ случаѣ трудъ безмолвія бываетъ бесполезенъ (сл. 45, стр. 193).—Что приводитъ безмолвника въ духовное преуспѣваніе? (сл. 45, стр. 193).—Страсти не умираютъ и у находящихся въ безмолвіи, но помысль страстный умираетъ, и почему? (сл. 46, стр. 201).—Какую пользу получаетъ инокъ, находясь въ безмолвіи? (сл. 51, стр. 227).—Пустыня (безмолвіе) усыпляетъ только страсти, но не искореняетъ (сл. 55, стр. 246).—Съ какимъ намѣреніемъ должно удаляться въ пустыню? (сл. 55, стр. 247).—И въ безмолвіи находящіеся какъ могутъ творить милостыню и оказывать любовь къ ближнему? (сл. 55, стр. 247—251).—Неимѣющій совершеннаго безмолвія и въ то же время нерадѣщій о братіяхъ, которые въ скорби, немилосердъ и жестокъ, и почему? (сл. 55, стр. 252).—Живущему въ безмолвіи должно имѣть разсужденіе относительно того, какъ и когда исходитъ изъ уединенія ради ближняго (сл. 55, стр. 252—253).—Какъ пребывать въ безмолвіи—и сохранять умъ отъ помысловъ? (сл. 55, стр. 261).—Полезь и сила

безмолвія (сл. 56, стр. 280—281).—Безмолвіе съ нестяжательностью выше милостыни (сл. 56, стр. 287—288).—Кто не можетъ пребыть въ безмолвіи по чину его, тотъ не долженъ оставлять другого пути благочестія (сл. 56, стр. 290).—Внѣ безмолвія чувствъ душа не ощутитъ мира мысли (сл. 57, стр. 297).—О перемѣнахъ и превратностяхъ въ душевномъ устроеніи безмолвниковъ (сл. 64, стр. 342).—Когда безмолвствующій начинаетъ понимать, какой мѣры достигъ онъ? (сл. 65, стр. 343—344).—О томъ, какъ вредны безмолвникамъ попеченія, входы и выходы (сл. 69, стр. 354—356).—Всегдашнее безмолвіе съ чтеніемъ Писаній и бдѣніемъ—какую приноситъ пользу? (сл. 70, стр. 357—358).—Не стяжавшій въ безмолвіи истиннаго созерцанія—въ чемъ долженъ упражняться? (сл. 72, стр. 367—368).—Какую пользу приноситъ пребываніе въ одномъ мѣстѣ? (сл. 75, стр. 373).—Почему полезно отшельничество? (сл. 78, стр. 386).—О бывающихъ въ безмолвной жизни небесной радости и сладости (сл. 85, стр. 407).—Дарованіе памяти смертной—по преимуществу дается пребывающимъ въ безмолвіи (сл. 86, стр. 414). Созерцаніе бываетъ слѣдствіемъ истиннаго безмолвія (сл. 88, стр. 416).—О сильныхъ внутреннихъ искушеніяхъ, которымъ подвергаются желающіе проводить духовную жизнь въ безмолвіи (сл. 88, стр. 416—417).—(См. *Молчаніе*).

Безсмертіе. Что такое безсмертная жизнь? (сл. 38, стр. 160).

Безстрастіе. Что такое безстрастіе? (сл. 48, стр. 210).—Исполненнымъ страстей неприлично учить о безстрастіи (сл. 55, стр. 274).

Бесѣда. Бесѣда съ людьми препятствуетъ посту и молитвѣ (сл. 8, стр. 44).—Какъ бесѣдовать съ другими? (сл. 9, стр. 46).—Какъ бесѣдовать съ женщинами? (сл. 9, стр. 46—47).—Нельзя быть увѣреннымъ въ душевномъ здравіи пускающагося въ бесѣды (сл. 38, стр. 162).—Бесѣда съ людьми препятствуетъ самопознанію (сл. 42, стр. 179—180).—Какъ вредны для безмолвствующихъ лицезрѣніе людей и бесѣда съ ними? (сл. 69, стр. 355).—Отъ бесѣдъ, особенно суетныхъ, бываетъ смущеніе и омраченіе души (сл. 85, стр. 408—409, 410).—Полезна бываетъ бесѣда съ духовными братіями, если не утрачивается при этомъ собесѣдованіе съ Богомъ (сл. 85, стр. 410).

Благодарность. Благодарность ведетъ къ полученію бѣльшихъ даровъ (сл. 2, стр. 9).—Неблагодарный не удостоивается умноженія даровъ (сл. 2, стр. 9).—За что должно благодарить Бога? (сл. 46, стр. 199; сл. 57, стр. 298; сл. 90, стр. 431—432).—Почему должно благодарить Бога за находящія на насъ скорби и искуше-

нія? (сл. 61, стр. 337).—Благодарность привлекает дарованія Божіи, а ропотная мысль наводитъ искушеніе (сл. 85, стр. 403).

Благодать. Что происходитъ въ человѣкѣ при умноженіи и оскудѣніи благодати? (сл. 1, стр. 2—3).—Жизнь добродѣтельная есть дарованіе благодати (сл. 21, стр. 106—109).—Безъ благодати и чистый умъ не можетъ приблизиться къ созерцанію (сл. 43, стр. 182).—О дѣйствіяхъ ума, когда оны сподобится благодати и безстрастія (сл. 43, стр. 185).—Во время пріосѣненія благодати не слѣдуетъ превозноситься, но должно ожидать измѣненія и скорби (сл. 46, стр. 197).—Какъ противиться превозношенію и побуждать себя къ смиренію? (сл. 46, стр. 198).—Устоять въ добромъ устроеніи человѣкъ можетъ только при содѣйствіи благодати (сл. 46, стр. 198).—Благодать вспомоществуетъ намъ во время брани (сл. 46, стр. 200).—Благодать открываетъ свою силу и избавляетъ отъ бѣдъ тѣхъ, кто отринулъ надежду на людей (сл. 49, стр. 218).—Она обучаетъ таковыхъ и по отношенію сокровеннаго (сл. 49, стр. 218—219).—Когда благодать утвердить въ насъ упованіе на Бога, тогда попускаетъ намъ впасть въ искушенія; а если человѣкъ въ помыслѣ своемъ вознесется, то попускаетъ на него болѣе сильныя искушенія (сл. 49, стр. 219—220).—Какъ благодать обучаетъ подвижниковъ на брани противъ врага (сл. 60, стр. 326—327).—Для чего Богъ удерживаетъ благодать Свою и не даруетъ ея человѣку? (сл. 61, стр. 335).—Соотвѣтственно величію благодати въ такой же мѣрѣ Богъ вводитъ душу и въ скорбь искушеній (сл. 78, стр. 387).—Благодать прежде искушенія, однакоже ощущеніе искушеній, для испытанія свободы, непременно предшествуетъ ощущенію благодати (сл. 78, стр. 388).—Благодать предваряетъ въ умѣ, но замедляетъ въ чувствѣ (сл. 78, стр. 388).—Благодати предшествуетъ смиреніе, а наказанію—самомиѣніе (сл. 85, стр. 408).

Благоденствіе. Думающіе, что въ благоденствіи можно чисто идти ко Христу, обманываются; скорби истинно приводятъ насъ къ Богу (сл. 91, стр. 433).—Богъ, по любви Своей къ намъ, спасаетъ насъ невольными скорбями (сл. 91, стр. 433).

Блудная страсть. Молитва и чтеніе Писаній предохраняютъ умъ отъ блудныхъ помысловъ (сл. 2, стр. 11—12).—Не должно искушать умъ блудными помыслами и зрѣніемъ вводящихъ въ искушеніе лицъ (сл. 2, стр. 12).—Дружба съ юными есть блудъ, которымъ гнушается Богъ (сл. 8, стр. 41).—О вліяніи сытости и пресыщенія на развитіе блудной страсти (сл. 43, стр. 183—184).—При разжженіи блудной страсти полезно посѣщать болящихъ (сл. 55,

стр. 253).—Тщеславіе—служитель блуда и собиратель скверныхъ сокровищъ (сл. 56, стр. 280).—Отъ тщесавія впадаетъ человекъ въ блудные помыслы (сл. 58, стр. 313).—О томъ, насколько ненавистенъ Богу блудный грѣхъ, за который наказуемы были древніе (сл. 62, стр. 338—339).—Смѣхотворство и дерзновенное пареніе мыслей есть дѣло блуднаго демона (сл. 68, стр. 351).—Если блудная страсть уязвляетъ тѣло, укрощенное воздержаніемъ и бдѣніемъ, то происходитъ это отъ помысла гордыни (сл. 70, стр. 360).—Отвергающій малую похоть избавляется отъ великихъ бѣдъ (сл. 71, стр. 367).—Отъ невоздержанія чрева усиливается похоть блудная (сл. 75, стр. 375—376).—Отчего бываетъ въ насъ блудное движеніе плоти безъ сластолюбивыхъ помысловъ? (сл. 77, стр. 382).—Во время блудной брани должно избѣгать лицезрѣнія женщинъ (сл. 77, стр. 382).—Превозносящемуся добродѣтелью попускается впадать въ блудъ (сл. 85, стр. 403).

Богослуженіе. Лѣность къ богослуженію—начало омраченія души (сл. 2, стр. 12).

Богъ. Какъ говорится въ Писаніи о Божествѣ Господа Іисуса Христа и о Его человечествѣ? (сл. 4, стр. 20).—Какую пользу приносятъ всегдашнее помышленіе о Богѣ? (сл. 8, стр. 37).—Какая польза—въ непрестанномъ памятованіи о Богѣ, и какой вредъ—въ оставленіи сего памятованія? (сл. 8, стр. 38; сл. 57, стр. 301).—Въ какой мѣрѣ Богъ даетъ дѣйствовать свободѣ тварей? (сл. 31, стр. 139—140).—При какихъ обстоятельствахъ Богъ ощутительно являетъ человеку силу Свою? (сл. 49, стр. 220).—Что потребно для единенія съ Богомъ? (сл. 56, стр. 276).—Во всякое время памятуй о Богѣ, и Онъ вспомнеть о тебѣ, когда впадешь въ бѣды, спасеть и даруетъ блаженство (сл. 57, стр. 299, 301).—Милосердіе Божіе къ грѣшникамъ (сл. 57, стр. 301).—Душа приближается къ Богу тремя способами: или горячностью вѣры, или страхомъ, или вразумленіемъ Господнимъ (сл. 58, стр. 307).—Что происходитъ въ душѣ, просіявшей памятованіемъ о Богѣ? (сл. 58, стр. 308).—Богъ все сотворилъ прекрасно и соразмѣрно (сл. 77, стр. 383).—Милосердіе Божіе превосходитъ правосудіе Его (сл. 89, стр. 420; сл. 90, стр. 430—431).—Въ чемъ проявляется благодать Божія къ намъ? (сл. 90, стр. 430—431).—Неизмѣняемость Божія (сл. 90, стр. 431).—О любви Божіей къ роду человѣческому (сл. 90, стр. 431—432).

Болѣзнь. Что дѣлать, когда тѣло постигнутъ болѣзнь и тяжесть? (сл. 21, стр. 83—84).—Невозможно идущему путемъ правды не

встрѣтитъ болѣзней и страданій (сл. 35, стр. 151).—Кто пренебрегаетъ больнымъ, тотъ не узритъ свѣта (сл. 55, стр. 252).—Какую пользу приносятъ посѣщеніе больныхъ? (сл. 55, стр. 253).—Чего ради посылаетъ Богъ болѣзни? (сл. 57, стр. 298).—Не должно гнушаться болящими, а особенно—убогими (сл. 57, стр. 305).

Брань (духовная). Человѣкъ до самой смерти не можетъ не имѣть брани съ помыслами (сл. 4, стр. 23—24).—Побѣдившіе страсти добродѣтелями, хотя и бываютъ тревожимы помыслами, однакоже не побѣждаются ими (сл. 4, стр. 24).—Когда человѣкъ хранитъ чувства отъ прираженій, тогда побѣда совершается безъ борьбы, а когда вознерадитъ объ этомъ, входятъ прираженія помысловъ, и бываетъ брань (сл. 5, стр. 25).—Если человѣку и приключится впасть въ прегрѣшенія, то, и побѣждаемый, онъ долженъ возставать на борьбу съ сопротивниками (сл. 7, стр. 35).—При духовномъ упражненіи бываетъ то брань, то помощь благодати (сл. 46, стр. 196).—Богъ попускаетъ брань, требуя отъ насъ опыта любви нашей къ Нему (сл. 46, стр. 197).—Богъ попускаетъ на насъ брани отъ страстей, чтобы мы притекали къ Нему (сл. 46, стр. 200).—Вся наша жизнь есть время борьбы и поприще для состязаній (сл. 47, стр. 204).—Человѣкъ, поражаемый въ борьбѣ, иногда внезапно получаетъ побѣду надъ врагами (сл. 47, стр. 204—205).—Одержавшіе побѣду въ брани внѣшней отваживаются на внутреннюю (сл. 56, стр. 288).—Должно вести брань прямо противъ *своей* страсти и недуга (сл. 57, стр. 293—294).—*О различіи браней.* Какъ врагъ боретъ лѣнливыхъ и съ сомнѣніемъ и холодностью вступившихъ въ подвигъ? (сл. 60, стр. 323).—Какъ боретъ онъ мужественныхъ и съ ревностью вступившихъ въ подвигъ (сл. 60, стр. 325).—Сластолюбіе и любовь къ покою бываютъ причиною поущенія и пораженія (сл. 60, стр. 326).—Во время подвига полезно вспоминать первую ревность, съ какою вступилъ человѣкъ въ подвигъ (сл. 60, стр. 327).—О вражеской брани съ сильными и мужественными, коихъ врагъ старается побѣдить гордостью (сл. 60, стр. 328).—Врагъ боретъ подвижниковъ вещами чувственными и нечистымъ воспоминаніемъ о женщинахъ (сл. 60, стр. 329—330).—Кто не покоряется врагу въ маломъ, того не одолѣетъ онъ и въ великомъ; если же будемъ пренебрегать малымъ, то впадемъ въ великіе труды (бранные) (сл. 75, стр. 378).—Брани, происходящія отъ разрѣшенія чувствъ, болѣе опасны и вредны, чѣмъ порождаемыя разслабленіемъ и покоемъ (излишнимъ) (сл. 90, стр. 428).

Будущія блага (блаженство).—Какъ возвѣщаетъ намъ Писаніе о

будущихъ благахъ? (сл. 2, стр. 10—11).—Ощущеніе наслажденія ими можно получить еще здѣсь (сл. 2, стр. 10).—Они не имѣютъ сходства съ благами здѣшними (сл. 2, стр. 10).—Предвкушеніе ихъ есть дѣйствіе Св. Духа (сл. 2, стр. 11).—Степени будущаго блаженства различны (сл. 58, стр. 311).—Одни праведники не будутъ видѣть мѣры блаженства другихъ (сл. 58, стр. 311).—Между блаженствомъ и мученіемъ нѣтъ середины (сл. 58, стр. 311).—Какая польза памятовать о будущемъ вѣкѣ? (сл. 58, стр. 319).—Побужденіе къ памятованію будущихъ благъ (сл. 71, стр. 367).—Состояніе предощущающихъ наслажденіе будущими благами (сл. 80, стр. 394—395).

В.

Василій Великій. Его изреченія (сл. 4, стр. 19; сл. 21, стр. 92; сл. 75, стр. 380; сл. 90, стр. 427).—Христіанская дѣятельность его до святительства (сл. 55, стр. 245).

Видѣніе. Видѣніе существъ духовныхъ (сл. 17, стр. 68).—Видѣніе духовное (сл. 17, стр. 69—70).—Причины видѣній духовныхъ (сл. 21, стр. 94—95).—Способы и мѣсто видѣній (сл. 21, стр. 96); время—(сл. 16, стр. 65).—Почему не всегда и святые имѣютъ видѣнія? (сл. 21, стр. 95—96).—Различіе между откровеніемъ и видѣніемъ (сл. 21, стр. 96).—Что такое духовное видѣніе? (сл. 21, стр. 105).—Видѣніе Бога есть слѣдствіе познанія Его (сл. 74, стр. 371).—Видѣніе духовное двойко (сл. 82, стр. 396—397).—Какое видѣніе Бога возможно человѣку въ сей и будущей жизни (сл. 85, стр. 405).—(См. *Совершаніе*).

Воля (и превозволеніе). Человѣкъ, проводящій жизнь по своей волѣ, подлежитъ осужденію (сл. 85, стр. 151).—Сильные удары и страшныя искушенія уготовляются человѣку, послѣдующему собственной волѣ (сл. 49, стр. 221).—Въ нашей волѣ—подвизаться въ добръ и уклоняться отъ зла (сл. 57, стр. 300).—Предающіеся злымъ помысламъ приносятъ свою свободную волю въ жертву идоламъ (сл. 58, стр. 308).—Остерегайся собственной свободы, предшествующей порочному рабству (сл. 71, стр. 365).—Страсти похоти и гнѣва сами по себѣ, безъ другихъ причинъ, не могутъ побѣдить благого произволенія (сл. 77, стр. 383—384).

Вѣдѣніе. Преобладаніе вѣдѣнія надъ вѣрою при оскудѣніи благодати (сл. 1, стр. 8).—Духовное вѣдѣніе слѣдуетъ за дѣланіемъ добродѣтелей (сл. 5, стр. 26; сл. 55, стр. 265).—Какое невѣдѣніе

выше вѣдѣнія? (сл. 16, стр. 67).—Горніе чины различаются между собою силою вѣдѣнія (сл. 17, стр. 70).—Наименованіе *херувимы* обозначаетъ обильныхъ вѣдѣніемъ и мудростью (сл. 17, стр. 71).—О вѣдѣніи ангеловъ (сл. 18, стр. 73).—Кто достойно именуется разумнымъ (вѣдущимъ)? (сл. 21, стр. 82).—Кто просвѣщенъ въ своихъ понятіяхъ? (сл. 21, стр. 83).—О трехъ способахъ вѣдѣнія (сл. 25, стр. 117).—Почему вѣдѣніе (не духовное) противно вѣрѣ? (сл. 25, стр. 118—121; сл. 26, стр. 125—126).—Вѣдѣніе сопровождается страхомъ, вѣра—надеждою (сл. 25, стр. 119).—Дѣйствія вѣдѣнія ниже дѣйствій вѣры (сл. 25, стр. 118—122).—Вѣдѣніе усовершенствуется вѣрою (сл. 25, стр. 123).—Вѣдѣніе есть ступень къ вѣрѣ, и доколѣ человекъ нуждается въ немъ? (сл. 25, стр. 123).—Дѣла правды, совершаемыя съ помощью вѣдѣнія, являются степенями къ вѣрѣ (сл. 25, стр. 123).—Не силою вѣдѣнія, а вѣрою разумѣваемъ непостижимое (сл. 25, стр. 123).—Вѣдѣніе есть Божіе даяніе естеству разумныхъ тварей (сл. 25, стр. 124).—Къ чему устремляется вѣдѣніе, когда слѣдуетъ плотскому вожделѣнію? (сл. 26, стр. 124—125).—Какъ мнить о себѣ плотское вѣдѣніе? (сл. 26, стр. 125).—Хотя плотское вѣдѣніе и мнить, что оно само себя охраняетъ, однако не можетъ не испытывать страха, малодушія, печали и проч. (сл. 26, стр. 125).—Плотское вѣдѣніе разыскиваетъ и малые проступки и немощи другихъ (сл. 26, стр. 126).—Съ плотскимъ вѣдѣніемъ соединены надменіе и гордыня, потому что всякое доброе дѣло приписываетъ оно себѣ (сл. 26, стр. 126).—Плотское вѣдѣніе кичится, а истинное усовершенствуетъ душу въ смиреніи (сл. 26, стр. 126).—Какія дѣла совершаются вѣдѣніемъ на второй его ступени? (сл. 27, стр. 127).—Вѣдѣніе дѣлѣ указываетъ сердцу стези къ вѣрѣ (сл. 27, стр. 127).—Какимъ образомъ совершается переходъ отъ вѣдѣнія дѣлѣ къ вѣдѣнію духовному? (сл. 28, стр. 128).—О трехъ степеняхъ вѣдѣнія, по которымъ восходитъ и нисходитъ оно (сл. 28, стр. 129).—Какъ дѣйствуетъ на душу каждая изъ трехъ степеней вѣдѣнія? (сл. 28, стр. 129—130).—Различіе вѣдѣній: естественнаго, духовнаго и сверхъестественнаго (сл. 29, стр. 132).—Какъ достигаются различныя степени вѣдѣнія (сл. 29, стр. 132).—Когда чистота вѣдѣнія меркнетъ въ душѣ? (сл. 32, стр. 145—146).—Богу угодно, чтобы святые Его изъ опыта пріобрѣтали вѣдѣніе (сл. 37, стр. 157).—Каково вѣдѣніе, пріобрѣтенное изъ опыта? (сл. 37, стр. 157).—Три степени вѣдѣнія въ ихъ отношеніи къ памяти смертной (сл. 38, стр. 159).—Что такое вѣдѣніе духовное? (сл. 38, стр. 160) — Вѣдѣніе возрастаетъ отъ непрестаннаго испытанія изъ-

мѣненій въ сторону добра и зла (сл. 41, стр. 173).—Если умъ не здоровъ въ естествѣ своемъ, то не дѣйствительно въ немъ вѣдѣніе (духовное) (сл. 43, стр. 182).—Ходи предъ Богомъ въ простотѣ, а не въ знаніи (сл. 49, стр. 214).—Какъ промышляетъ Богъ о тѣхъ, которые оставляютъ свое вѣдѣніе—и на Него возлагаютъ упованіе (сл. 49, стр. 214—215).—Вѣдѣнія духовнаго нельзя пріобрѣсти вѣдѣніемъ душевнымъ (сл. 49, стр. 216).—Вѣдѣніе духовное просто—и не просіяваетъ въ помыслахъ душевныхъ (сл. 49, стр. 216).—Отличіе вѣдѣнія духовнаго отъ вѣдѣнія душевнаго (сл. 49, стр. 216).—Духовнаго вѣдѣнія никто не можетъ пріять, если не будетъ какъ дитя (сл. 49, стр. 217).—Опутанному душевнымъ вѣдѣніемъ удобнѣе освободиться отъ желѣзныхъ узъ, чѣмъ отъ сего вѣдѣнія (сл. 49, стр. 217).—Преданный душевному вѣдѣнію ежечасно ходитъ какъ бы по острію меча (сл. 49, стр. 217).—Почему обученіе и вѣдѣніе не приносятъ пользы пребывающимъ въ страстяхъ? (сл. 55, стр. 260).—Непостижимое вѣдѣніемъ бываетъ постигаемо вѣрою (сл. 55, стр. 264).—Во всякое время нужно считать себя ничего не знающимъ, и какая отъ сего польза? (сл. 56, стр. 282).—Вѣдѣніе тайнъ Божіихъ недоступно при пресыщеніи чрева (сл. 56, стр. 283).—Что бываетъ съ душою, когда ей дается вѣдѣніе того, что выше ея естества? (сл. 56, стр. 284).—Не довѣрай своему знанію, чтобы чрезъ него не уловилъ тебя врагъ (сл. 57, стр. 294).—Будь невѣждою въ мудрости своей, а не кажись мудрымъ, будучи невѣждою (сл. 57, стр. 305).—Въ сластолюбивомъ тѣлѣ не обитаетъ вѣдѣніе Божіе (сл. 58, стр. 309).—Истинное смиреніе есть порожденіе вѣдѣнія, а истинное вѣдѣніе (духовное) есть порожденіе искушеній (сл. 74, стр. 372).—Что такое вѣдѣніе естественное и вѣдѣніе духовное? (сл. 84, стр. 399—400).—Вѣдѣніе духовное рождается отъ вѣры и дѣйствія страха Божія (сл. 84, стр. 400—401).—Духовное вѣдѣніе есть ощущеніе сокровеннаго и дается, какъ даръ, дѣланію страха Божія (сл. 84, стр. 401).—Какія блага рождаются отъ естественнаго вѣдѣнія, когда не омрачимъ его сластолюбивою волею? (сл. 84, стр. 401).—Превозносящійся своею мудростью впадаетъ въ тьму невѣдѣнія (сл. 85, стр. 403).—Признаки духовнаго вѣдѣнія (сл. 85, стр. 404—405).—Совершенство вѣдѣнія достижимо только въ будущемъ вѣкѣ (сл. 85, стр. 405).—Разумень—только имѣющій смиреніе (сл. 89, стр. 425).—(См. *Познаніе*).

Вѣра. Отъ вѣры рождается страхъ Божій (сл. 1, стр. 1; сл. 84, стр. 400).—Вѣра можетъ дѣлать произволеніе твердымъ и при от-

сѣченія членовъ (сл. 1, стр. 3).—Значеніе вѣры и крещенія во всякомъ добромъ дѣлѣ, совершаемомъ въ насъ сознательно или безсознательно (сл. 1, стр. 8).—Что бываетъ съ тѣмъ, кто шель путемъ вѣры—и обратился къ способамъ вѣдѣнія? (сл. 25, стр. 117, 122).—Въ коихъ возсіялъ свѣтъ вѣры, тѣ ежечасно видятъ приосвѣняющій ихъ отеческій промыслъ Божій (сл. 25, стр. 118).—Почему вѣдѣніе (не духовное) противно вѣрѣ? (сл. 25, стр. 118).—Вѣдѣніе сопровождается страхомъ, вѣра—надеждою (сл. 25, стр. 119).—Дѣйствіе вѣры выше дѣйствій вѣдѣнія (сл. 25, стр. 119—122).—Сокровищъ вѣры не вмѣщаютъ ни небо, ни земля (сл. 25, стр. 120).—Вѣдѣніе усовершенствуется вѣрою (сл. 25, стр. 123).—Вѣдѣніе есть ступень къ вѣрѣ, и доколѣ оно нужно намъ? (сл. 25, стр. 123).—Вѣрою, а не силою вѣдѣнія, разумѣваемъ непостижимое (сл. 25, стр. 123; сл. 55, стр. 264).—Какими дѣлами правды восходимъ на высоту вѣры? (сл. 25, стр. 123).—Вѣра дѣла свои приписываетъ благодати (сл. 26, стр. 126).—Что бываетъ тогда, когда вѣдѣніе послѣдуетъ вѣрѣ? (сл. 28, стр. 128).—Въ чемъ состоитъ дѣланіе вѣры? (сл. 28, стр. 130).—Вѣра утонченнѣе вѣдѣнія (сл. 28, стр. 130).—О вѣрѣ, возсіявающей въ душѣ отъ свѣта благодати (сл. 28, стр. 130—131).—О дѣйствіи сей вѣры (сл. 28, стр. 131).—Связь между вѣрой и двумя образами вѣдѣнія—духовнымъ и сверхъестественнымъ (сл. 29, стр. 132—133).—Вѣра, доводящая до несомнѣнности въ упованіи, не достигается людьми не крещенными и растлѣнными умомъ (сл. 30, стр. 133).—Твердая вѣра приобрѣтается чрезъ искушенія (сл. 37, стр. 158).—Если хочешь обрѣсти жизнь, сохрани въ себѣ вѣру и смиреніе (сл. 49, стр. 214).—Почему должно молиться о достиженіи мѣры вѣры? (сл. 49, стр. 215).—Откровенія даются иногда за горячность вѣры, а иногда—за дѣланіе заповѣдей (сл. 55, стр. 269—270).—Приобрѣти правую вѣру, чтобы попрасть тебѣ враговъ твоихъ (сл. 57, стр. 294).—Душа приближается къ Богу или горячностью вѣры, или страхомъ, или вразумленіемъ Господнимъ (сл. 58, стр. 307).—Вѣру должно сопровождать подобающее дѣланіе (сл. 67, стр. 349).—Вѣрою укрѣпляются приближающіеся къ скорбямъ (сл. 78, стр. 386).—Вѣра есть дверь таинствъ (сл. 82, стр. 396).—Духовныя очи вѣры (сл. 82, стр. 396—397).—Вѣдѣніе, предшествующее вѣрѣ, и вѣдѣніе, порождаемое вѣрою (сл. 84, стр. 399).—Вѣра и духовное вѣдѣніе; какъ первая приводитъ ко второму? (сл. 84, стр. 400—401).—Вѣра отъ слуха и вѣра созерцательная (сл. 84, стр. 401).—Нужно охранять вѣру свою, какъ змѣя бережетъ свою голову (сл. 85, стр. 407).—Вѣра порождаетъ

утѣшеніе надежды (сл. 89, стр. 426).—Вѣра, происходящая отъ (одного) ученія, не освобождаетъ чловѣка отъ гордости и сомнѣнія (сл. 89, стр. 426).

Г.

Геенна. Мучимые въ гееннѣ поражаются бичемъ любви Божіей (сл. 18, стр. 76).—Геенское мученіе есть раскаяніе (сл. 18, стр. 76).—Въ сердцѣ, страшащемся геенны и вожделѣвающимъ блаженства, возбуждается ненависть къ міру (сл. 39, стр. 166).—Что значить: избѣжать геенны? (сл. 58, стр. 311—312).—Наказуемый здѣсь за свой срамъ вкушаетъ своей геенны (сл. 71, стр. 365).—Что такое—вкушеніе геенны? (сл. 79, стр. 391).—Надежда на Бога вышааетъ сердце, а страхъ геенны сокрушаетъ его (сл. 89, стр. 426).—Геенна не должна печаливать насъ, и почему? (сл. 90, стр. 432).

Гнѣвъ. Кто раздражителенъ, кто гнѣвливъ.... таковые находятся внѣ области жизни и свѣта (сл. 8, стр. 39).—Почему должно остерегаться сближенія съ гнѣвливыми и сварливыми? (сл. 9, стр. 48).—Не должно никого раздражать и ненавидѣть ни за вѣру, ни за дѣла (сл. 57, стр. 306).—Отчего рождается въ насъ противоположенная раздражительность? (сл. 77, стр. 383—384).—Какова сила раздражительности? (сл. 89, стр. 420).—Тѣ, кои подвержены раздражительности, страсти стяжанія и чревоугодію, не имѣютъ сердечнаго дѣланія съ разсудительностью (сл. 90, стр. 429).

Годъ. Счисленіе годовъ отъ сотворенія міра до Христа (сл. 19, стр. 78).

Гордость. Кто самъ себя почитаетъ премудрымъ, тотъ отнадеваетъ отъ Божіей премудрости (сл. 8, стр. 39).—Какой вредъ отъ сожительства съ горделивымъ? (сл. 9, стр. 48).—Чѣмъ отражать помыслы гордыни, когда они приражаются къ намъ послѣ многихъ трудовъ и по стяжанію добродѣтелей? (сл. 21, стр. 106).—Многіе вмѣсто того, чтобы благодарить Бога за призваніе ихъ къ духовной жизни, уклонились въ гордыню, и что было слѣдствіемъ сего? (сл. 21, стр. 107—109).—Помыслами самонадѣянности многіе были окражены духовно—и омрачились (сл. 32, стр. 145).—Кто безъ скорби пребываетъ въ добродѣтели, тому отверста дверь гордости (сл. 34, стр. 149).—Какимъ путемъ приближается къ чловѣку духъ гордыни, и каковы послѣдствія гордости? (сл. 34, стр. 149).—По мѣрѣ гордости души—попускается Богомъ и наказаніе ей (сл. 34, стр. 150).—Храни себя отъ самомнѣнія во время добрыхъ въ тебѣ на-

мѣненій (сл. 40, стр. 169).—За гордостью слѣдуетъ блудъ, а за самолюбіемъ—прелесть (обольщеніе) (сл. 40, стр. 169).—Когда мы возмечтаемъ, что Господь промышляетъ о насъ потому, что мы достойны сего, тогда промышленіе Божіе о насъ прекращается, и что слѣдуетъ за сими? (сл. 40, стр. 169—170).—Когда пріосвѣтитъ тебя благодать...., ты не превозносишь (сл. 46, стр. 197).—Многіе, получивъ благодатныя дарованія, пали, вознесшись мыслию (сл. 46, стр. 197).—Если превознесешься дарованіями Божиими, то дѣломъ падешь въ томъ, въ чемъ (прежде) былъ искушаемъ одними помыслами (сл. 46, стр. 198).—Когда помыслы гордыни напоминаютъ тебѣ о твоихъ добродѣтеляхъ, говори себѣ: „посмотри на свой блудъ“ (сл. 46, стр. 199).—Ограсть гордости возстаетъ въ душѣ и по совершеніи добродѣтелей (сл. 46, стр. 200).—Искушенія попускаются для того, чтобы мы не превозносились (сл. 47, стр. 202).—Простотѣ сопутствуетъ вѣра, а за утонченностью и изворотливостью помысловъ слѣдуетъ самолюбіе; за самолюбіемъ же—удаленіе отъ Бога (сл. 49, стр. 214).—Когда благодать усмотритъ въ человѣкѣ самолюбіе, то попускаетъ на него сильныя искушенія (сл. 49, стр. 219).—Во время брани, воздвигаемой бѣсомъ гордыни, полезно посѣщать болящихъ (сл. 55, стр. 253).—Кто прежде времени взыскалъ царствія души, т. е. высокихъ духовныхъ дарованій, тотъ стяжалъ себѣ гордость и паденіе (сл. 55, стр. 257).—Тщеславіе—служитель блуда и дѣло гордыни (сл. 56, стр. 280).—Предъ Богомъ мерзкая душа высокосердая и умъ надменный (сл. 57, стр. 292).—Какъ благодать близка къ смиренномудрiю, такъ болѣзненныя приключенія—къ гордынѣ (сл. 57, стр. 303).—Бойся гордости, и будешь возвеличенъ (сл. 57, стр. 305).—Какъ врагъ старается обольстить и низложить помыслами гордыни сильныхъ и мужественныхъ подвижниковъ? (сл. 60, стр. 328).—Гордость ослѣпляетъ и омрачаетъ человѣка (сл. 69, стр. 356).—Отъ гордости, и при укрощеніи тѣла воздержаніемъ и бдѣніемъ, бореть человѣка блудная страсть (сл. 70, стр. 360).—Движеніе раздражительности и похоти попускается на насъ за самолюбіе и для наученія насъ смиренію (сл. 77, стр. 384).—Какія искушенія попускаются на гордыхъ? (сл. 79, стр. 390—392).—Гордящемуся знаніемъ попускается впасть въ хулу, превозносящемуся добродѣтелью—въ блудъ, а возносящемуся своею мудростью—въ тьму невѣдѣнія (сл. 85, стр. 403).

Григорій Богословъ. Его изреченія (сл. 16, стр. 67; сл. 56, стр. 280; сл. 90, стр. 427).—Христіанская дѣятельность его до святительства (сл. 55, стр. 245).

Грѣхъ. О грѣхахъ произвольныхъ, непроизвольныхъ и совершаемыхъ по разнымъ случаямъ (сл. 7, стр. 33—34).—Какое различіе въ наказаніи того, кто по нерадѣнію въ добродѣтели согрѣшаетъ, и того, кто, ревнуя о добродѣтели, искушается какимъ-либо прегрѣшеніемъ (сл. 7, стр. 33—34).—Если кто и въ многоразличныя впадетъ прегрѣшенія, да возстаетъ снова на брань (сл. 7, стр. 35; сл. 47, стр. 204—205).—Горе тѣмъ, кои по праніемъ своей совѣсти воздвигаютъ на себя діавола—искушать ихъ грѣхами (сл. 7, стр. 36).—По какому признаку человекъ можетъ узнать, что получилъ онъ отпущеніе грѣховъ своихъ? (сл. 18, стр. 76—77).—Польза памятованія и воздыханія о грѣхахъ (сл. 20, стр. 79—81).—Восчувствовавшій грѣхи свои лучше воскрешающаго мертвыхъ (сл. 41, стр. 175).—Сподобившійся увидѣть самого себя (свои грѣхи и немощи) лучше сподобившагося видѣть ангеловъ (сл. 41, стр. 175).—Смирненіемъ сдѣлай простительными грѣхи свои (сл. 46, стр. 198).—Смирненіе и безъ дѣлъ многія прегрѣшенія дѣлаетъ простительными (сл. 46, стр. 198).—Скудостью человекъ можетъ избавиться отъ многихъ грѣхопадений (сл. 50, стр. 224).—Не почувствовавъ беззаконій своихъ, невозможно намъ дойти до исправленія (сл. 51, стр. 228).—Восчувствовать грѣхи свои—есть Божіе дарованіе (сл. 51, стр. 228).—Богъ ожидаетъ отъ насъ сознанія и исповѣданія грѣховъ нашихъ, чтобы простить ихъ (сл. 51, стр. 228—229; сл. 57, стр. 301—302).—Молящемуся со слезами Богъ прощаетъ всякую мѣру грѣхопадений (сл. 51, стр. 229).—Кто не удаляется добровольно отъ причинъ страстей, тотъ невольно увлекается въ грѣхъ (сл. 57, стр. 292).—Причины грѣха (сл. 57, стр. 292).—Какую пользу получаетъ боящійся грѣховъ? (сл. 57, стр. 293).—Какъ вредить себѣ почитающій малыми прегрѣшенія свои? (сл. 57, стр. 293).—Грѣхи наши отлучаютъ насъ отъ Бога (сл. 57, стр. 299).—Правда праведнаго не спасетъ его, если онъ согрѣшитъ и пребудетъ въ грѣхѣ своемъ (сл. 57, стр. 302).—Объ утаивающихъ и исповѣдующихъ грѣхи свои (сл. 57, стр. 302).—Если кто не возненавидитъ причинъ грѣха, то не освобождается отъ грѣховнаго наслажденія и рабства страстямъ (сл. 71, стр. 361, 363).—Для охраненія себя отъ грѣховъ должно хранить свои чувства (сл. 71, стр. 363).—Ненавидящій свои грѣхи перестаетъ грѣшить, и исповѣдующій ихъ получаетъ отпущеніе (сл. 71, стр. 363).—Пренебрегая малыми грѣхами, впадаемъ въ великія искушенія и прегрѣшенія (сл. 75, стр. 378—379).—Отринувшій скорби подвижничества понуждается возлюбить грѣхи (сл. 77, стр. 384).—Памятующему

прежніе свои грѣхи и наказывающему себя вольными скорбями Богъ посылаетъ покой (сл. 77, стр. 385).—Кто грѣшитъ нѣ надеждѣ на покаяніе, тотъ лукаво ходитъ предъ Богомъ (сл. 90, стр. 429).—Не грѣшника должно ненавидѣть, но грѣхи его, и почему? (сл. 90, стр. 430).—(См. *Покаяніе*).

Д.

Дарованія. Благодарность къ Богу ведетъ къ полученію бѣльшихъ даровъ (сл. 2, стр. 9).—Не должно преждевременно искать великихъ дарованій (сл. 5, стр. 28).—Пребывающій въ мірѣ и служащій милостыней не можетъ сподобиться тѣхъ дарованій, какихъ сподобляется безмолвствующій (сл. 14, стр. 56).—Различіе даровъ Божіихъ (сл. 21, стр. 108).—Посвятить себя Богу и жить добродѣтельно—есть одно изъ великихъ дарованій Христовыхъ (сл. 21, стр. 108).—Дарованіе безъ искушеній—погибель для пріемлющихъ оное (сл. 34, стр. 149).—При полученіи дарованій человекъ долженъ просить Бога, чтобы Онъ помогъ ему сохранить ихъ, или—чтобы взялъ отъ него сіи дарованія (сл. 34, стр. 149).—Особенныхъ дарованій не должно просить у Бога (сл. 36, стр. 154; сл. 55, стр. 257).—Одинъ изъ святыхъ Отцевъ, получивъ дарованіе, просилъ, чтобы оно взято было отъ него (сл. 36, стр. 154).—Богъ сперва искушаетъ и томитъ, а потомъ показываетъ дарованіе (сл. 37, стр. 158).—Въ какой мѣрѣ человекъ приближается къ Богу намѣреніемъ своимъ, въ такой и Богъ приближается къ нему дарованіями Своими (сл. 61, стр. 335).—Богъ не даетъ великаго дарованія безъ великаго искушенія (сл. 78, стр. 388).—Что посылается раньше: дарованіе или искушеніе? (сл. 78, стр. 388).—Непрестанное благодареніе привлекаетъ дарованія Божія (сл. 85, стр. 403).—Любовь къ ближнему—ключъ къ Божественнымъ дарованіямъ (сл. 85, стр. 409).

Демоны. Демоны видятъ другъ друга, но не видятъ двухъ высшихъ чиновъ, ангельскаго и душевнаго (сл. 17, стр. 69).—Демоны не могутъ приводить въ движеніе естественные помыслы ума (сл. 18, стр. 72).—Различіе въ дѣйствіяхъ на душу ангеловъ и демоновъ (сл. 18, стр. 72—73; сл. 30, стр. 135).—Безъ внушенія демоновъ чувства не пріемлютъ познанія о злѣ (сл. 18, стр. 74).—Безъ воли Божіей демоны не смѣютъ приступитъ къ человеку (сл. 31, стр. 139—140).—Демоны приступаютъ къ человеку по удаленіи отъ него ангела-хранителя (сл. 34, стр. 149).—(См. *Діаволь*).

День воскресный. Таинственное его значеніе (сл. 19, стр. 77—79).

Дерзновеніе. По стяжаніи чистоты умъ пріобрѣтаетъ дерзновеніе въ молитвѣ (сл. 55, стр. 254).—Сердечное дерзновеніе и пренебреженіе опасностей происходятъ или отъ жестокосердія, или отъ великой вѣры въ Бога (сл. 75, стр. 381).—Дерзновеніе бываетъ слѣдствіемъ преуспѣянія въ добродѣтеляхъ и доброй совѣсти (сл. 75, стр. 381).

Дерзость (вольное обращеніе). Уклоняйся отъ дерзости въ рѣчахъ, какъ отъ смерти (сл. 9, стр. 45).—Какъ избавиться отъ вреда, порождаемаго вольностью въ обращеніи? (сл. 56, стр. 282) — О благоговѣйномъ хожденіи (поведеніи) предъ другими, и какая отъ сего польза? (сл. 89, стр. 421).

Діаволь. Должно молиться, чтобы не впасть въ діавольское искушеніе (сл. 5, стр. 30).—Образъ дѣйствія діавола на душу человѣка (сл. 30, стр. 136—137).—Цѣль его искушеній (сл. 57, стр. 292).—Діаволь изъ денницы сталъ сатаною за превозношеніе (сл. 57, стр. 299).—Различные (четыре) способа брани его съ подвижниками (сл. 60, стр. 323—332).—Діаволь не можетъ искушать безъ поущенія Божія (сл. 60, стр. 324).—Для чего попускаетъ Богъ діаволу вести брань со святыми? (сл. 60, стр. 330—331).—Богъ попускаетъ на насъ иногда явную брань діавольскую къ познанію нашей немощи и смиренію (сл. 61, стр. 336).—Діаволь знаетъ время, когда напасть на человѣка (сл. 75, стр. 377).—Послѣдовательность діавольской брани (сл. 75, стр. 378—379).—Діаволь непрерывно подстерегаетъ, чтобы уловить человѣка (сл. 75, стр. 379).—Мысль о смерти болѣе всего ненавидитъ діаволь и стремится истребить ее въ человѣкѣ (сл. 86, стр. 413).—Кто обрѣлъ зависть, тотъ обрѣлъ съ нею діавола (сл. 89, стр. 421).—(См. *Демоны*).

Діонисій Ареопагитъ. Его изреченія (сл. 16, стр. 63; сл. 17, стр. 70).

Добродѣтель. Начало добродѣтели—страхъ Божій, и въ чемъ—основаніе добродѣтели? (сл. 1, стр. 1—2).—Слово о добродѣтели требуетъ сердца, не занимающагося землею, и почему? (сл. 1, стр. 6).—Нужно опытное знаніе добродѣтели, чтобы наставлятъ въ ней (сл. 1, стр. 7—8).—Не тотъ любитель добродѣтели, кто съ бореніемъ дѣлаетъ добро, но тотъ, кто съ радостью пріемлетъ послѣдующія за тѣмъ бѣдствія (сл. 2, стр. 11).—Побужденіе къ добродѣтели и подвигамъ (сл. 2, стр. 11—12).—Безъ добродѣтели недостижимо созерцаніе (сл. 2, стр. 14).—Добродѣтель есть здравіе души, а

страсти—недугъ ея (сл. 4, стр. 20).—Почему добродѣтель утѣсня-
етъ тѣло, а душу возвращаетъ? (сл. 4, стр. 22).—Добродѣтель ми-
рянъ и добродѣтель иноковъ—и превосходство послѣдней (сл. 14,
стр. 56—58; сл. 30, стр. 139).—Пока человекъ не смирится, не
получаетъ награды за добродѣланіе (сл. 34, стр. 148).—Воздаяніе
бываетъ не добродѣтели и не труду ради ея, но рождающемуся
отъ нихъ смиренію (сл. 34, стр. 148).—Дѣланіе добродѣтели есть
храненіе заповѣдей Господнихъ (сл. 34, стр. 148).—Подъ видомъ
дѣлъ шуйихъ можно дѣлать правду, а подъ видомъ добродѣтели—
грѣхи (сл. 34, стр. 148).—Хотящій жить добродѣтельно не можетъ
быть безъ печали и скорбей (сл. 34, стр. 149).—Кто безъ скорби
пробываетъ въ добродѣтели своей, тому отверста дверь гордости
(сл. 34, стр. 149).—Предавшій себя однажды добродѣтели не пе-
чется о тѣлесномъ (сл. 35, стр. 151).—Тому, кто пойдетъ путемъ
правды, не должно уклоняться отъ скорбей (сл. 35, стр. 151).—
Добродѣтель должна быть неослабна (сл. 36, стр. 155).—Какія доб-
родѣтели предваряютъ отреченіе отъ міра, и какія слѣдуютъ за
нимъ? (сл. 39, стр. 166—167).—Смирненіе и безъ дѣлъ многія пре-
грѣшенія дѣлаютъ простительными; дѣла же безъ смиренія не
приносятъ пользы, а даже уготовляютъ намъ много худого
(сл. 46, стр. 198—199).—Послѣ содѣланной добродѣтели возстаетъ
въ душѣ страсть гордости (сл. 46, стр. 200).—Краткія стези доб-
родѣтелей суть добродѣтели всеобщія (сл. 48, стр. 210).—Многіе
не достигаютъ духовнаго вѣдѣнія, но за добрыя дѣла соблюдаются
имъ часть въ царствіи небесномъ (сл. 49, стр. 216—217).—Когда
приступаешь къ добродѣтели, источаются на тебя жестокія скорби,
и почему? (сл. 49, стр. 220).—Всякая добродѣтель именуется кре-
стомъ, и почему? (сл. 49, стр. 220).—Если во всякомъ дѣлѣ обре-
чешь себя на труды и скорби, то трудное и неудобное покажется
тебѣ легкимъ и удобоноснымъ (сл. 49, стр. 221).—Для преуспѣя-
нія въ добродѣтели необходимо пренебреженіе скорбями (сл. 49,
стр. 222—223).—Когда умъ возревнуетъ о добродѣтели, тогда и
внѣшнія чувства не уступаютъ надъ собою побѣды (сл. 49, стр.
223) — Доброе дѣло надо творить не въ чаяніи награды (сл. 56,
стр. 287).—Когда хочешь положить начало доброму дѣланію, при-
готовься къ искушеніямъ; если же не будешь приуготовленъ, то
удержись отъ дѣланія добродѣтелей (сл. 57, стр. 292).—Если не
имѣешь дѣлъ, не говори о добродѣтеляхъ (сл. 58, стр. 316).—Дѣ-
ланіе добродѣтелей должно быть совершаемо съ трудомъ, скорбью
и смиреніемъ, и почему? (сл. 58, стр. 317).—Какимъ образомъ

рождаются одинъ добродѣтели отъ другихъ? (сл. 59, стр. 321).—Страсти служатъ преградой сокровеннымъ добродѣтелямъ души, и если не будутъ низложены добродѣтелями явными, то за ними невидимы добродѣтели внутреннія (сл. 72, стр. 368).—О различныхъ видахъ добродѣтелей (сл. 74, стр. 370—372).—Въ чемъ состоитъ добродѣтель? (сл. 76, стр. 382).—Добродѣтели одна другой преемственны, и какова эта преемственность? (сл. 78, стр. 385—386).—Въ чемъ состоятъ тѣлесная и душевная добродѣтели, и какую каждая изъ нихъ приноситъ пользу? (сл. 80, стр. 392—393).—Отъ добродѣтелей, совершаемыхъ между людьми, совѣсть не получаетъ правоты, и почему? (сл. 86, стр. 411).

Доброе и злое. Доброе насаждено въ природѣ нашей, а злое—нѣтъ (сл. 18, стр. 74).—Умъ нашъ и безъ посредства ангеловъ можетъ возбуждаться къ доброду, познание же зла чувства не пріемлютъ безъ посредства демоновъ (сл. 18, стр. 73—74).—Чѣмъ удерживается сердце человѣческое отъ стремленія ко злу? (сл. 21, стр. 81).—Какъ дѣйствуетъ на человѣка памятованіе добраго и худого? (сл. 30, стр. 134).—Всякая добрая мысль бываетъ въ насъ отъ Божественной благодати, а лукавые помыслы попускаются для искушенія и испытанія нашего (сл. 85, стр. 403).

Древо жизни. Оно есть любовь Божія (сл. 83, стр. 397).

Духъ Святой. Духъ Св. научаетъ стезямъ правымъ и святымъ (сл. 1, стр. 1).—Царствіе Божіе въ насъ—есть умное дѣйствіе Св. Духа (сл. 2, стр. 10—11).—Внѣ искушеній невозможно научиться премудрости Духа (сл. 5, стр. 30).—Кто зрѣніе ума своего сосредоточиваетъ внутри себя самого, тотъ зреть въ себѣ зарю Духа (сл. 8, стр. 37).—Въ какой мѣрѣ отсѣкаетъ отъ себя человѣкъ утѣшеніе міра сего, въ такой удостоивается радости о Духѣ Святомъ (сл. 8, стр. 38).—Воздухъ, которымъ дышитъ чистый душою, есть Утѣшительный и Всесвятый Духъ (сл. 8, стр. 39).—Когда душа озаряется свѣтомъ Св. Духа? (сл. 8, стр. 39—40).—Слова Духа должно произносить цѣломудренно (сл. 8, стр. 41).—Что больше всего охлаждаетъ въ сердцѣ огонь Св. Духа? (сл. 8, стр. 42).—Умъ святыхъ въ будущемъ вѣкѣ поглощается Духомъ, и что происходитъ отъ сего? (сл. 16, стр. 64).—На Божественной литургіи Духъ Св. нисходитъ на хлѣбъ и вино (сл. 16, стр. 66).—Чистая молитва ниспосылается Духомъ Святымъ (сл. 16, стр. 67).—Духъ Св. извелъ Спасителя въ пустыню (сл. 21, стр. 90).—Постъ стяжавшему его напоминаетъ заповѣди Духа (сл. 21, стр. 90).—Когда человѣкъ содѣлывается обителемъ Св. Духа? (сл. 21, стр. 104).—

Уразумѣніе того, что въ будущемъ вѣкѣ, дается только силою Св. Духа (сл. 21, стр. 104).—Въ чемъ состоитъ совершенство плодовъ Духа? (сл. 21, стр. 105—106).—Духъ Святый понуждаетъ тѣло умереть ради побѣды надъ грѣхомъ (сл. 22, стр. 110).—Чтобы вселился въ насъ Господь, должно работать въ заповѣдяхъ Духа (сл. 22, стр. 110).—Св. Духъ есть источникъ всѣхъ добрыхъ дѣлъ (сл. 27, стр. 127).—Духъ Святый посылается соблюдающимъ заповѣди Христовы (сл. 28, стр. 131; сл. 55, стр. 265).—Сила Духа—Утѣшителя (сл. 28, стр. 131).—Должно углубляться въ слова Духа (сл. 30, стр. 136).—Истинные праведники умудряются Св. Духомъ на то, чтобы смиренно признавать себя окаянными и недостойными попеченія Божія (сл. 36, стр. 155).—Въ комъ обитаетъ Духъ, того побуждаетъ Онъ къ дѣланію и перенесенію скорбей (сл. 36, стр. 155).—Искушеніями Духъ укрѣпляетъ человека и приближаетъ къ мудрости (сл. 36, стр. 155).—Въ тѣхъ, кои пребываютъ въ покоѣ, живетъ не Духъ Божій, а духъ діаволовъ (сл. 36, стр. 155).—Откуда человекъ узнаетъ, что пріять онъ мудрость отъ Духа? (сл. 38, стр. 160—161).—Когда душа пріемлетъ въ себя Св. Духа? (сл. 42, стр. 179; сл. 65, стр. 344).—Вѣдѣніе Духа просто и не просіяваетъ въ помыслахъ душевныхъ (сл. 49, стр. 216).—Всякая добродѣтель называется крестомъ, когда исполняетъ заповѣдь Духа (сл. 49, стр. 220).—Тайны открываются смиренномудрымъ Духомъ Святымъ (сл. 53, стр. 237).—Должно выйти изъ ветхаго міра страстей, чтобы войти въ новый міръ Духа (сл. 55, стр. 244).—Прозирающій въ тайны Духа созерцаетъ славу Христову (сл. 55, стр. 260—261).—Созерцаніе тайнъ подается Духомъ по пріобрѣтеніи душевнаго здравія (сл. 55, стр. 261).—Пажитями Духа умъ восходитъ до созерцанія Святыя Троицы (сл. 55, стр. 263).—Вѣрою познаемъ, что существуютъ тайны Духа (сл. 55, стр. 264).—Пришествіемъ Утѣшителя (Іоан. 14, 15—16) Спаситель называетъ дарованія откровеній тайнъ Духа (сл. 55, стр. 264).—Въ пріятіи Духа—все совершенство духовнаго вѣдѣнія (сл. 55, стр. 264).—Во Христа одеваемся мы водою и Духомъ (сл. 55, стр. 267).—Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія (сл. 55, стр. 269).—За простоту и горячность вѣры Апостолы сподобились пріять Духа—Утѣшителя (сл. 55, стр. 270).—Созерцанія, подаваемые Духомъ Святымъ, невозможно выразить ясно словами (сл. 55, стр. 271—272).—Діаволь выдаетъ себя за Утѣшителя, прельщая этимъ людей (сл. 55, стр. 273).—Когда можетъ возбудиться въ человекѣ сладость Духа Божія? (сл. 56, стр. 290).—Пока человекъ не прі-

иметь Утѣшителя, потребны ему Божественныя Писанія, и почему? (сл. 58, стр. 314) — Когда сила Духа низойдетъ въ душу, тогда вмѣсто закона Писаній укореняются въ сердце заповѣди Духа (сл. 58, стр. 314). — Наглые и безстыдные исчезнутъ отъ пламени Святаго Духа (сл. 68, стр. 352). — Омочи ланиты свои слезами очей твоихъ, чтобы почилъ въ тебѣ Св. Духъ (сл. 68, стр. 353). — Молись Богу, чтобы далъ тебѣ ощутить желаніе Духа, и почему сіе нужно? (сл. 72, стр. 368). — Въ мѣру любви человѣка къ Богу увеличивается радость его о Духѣ Святомъ (сл. 79, стр. 392). — Чему уподобляется умъ, обрѣтшій мудрость Духа? (сл. 85, стр. 405). — Когда душа способна различать мудрость Духа отъ мудрости мірской, и въ чемъ сіе различіе? (сл. 85, стр. 409). — Душа скупая лишается премудрости, милосердная же умудряется Духомъ (сл. 85, стр. 409). — За сохраненіе языка дается благодать умиленія, которая вводитъ въ радость Духа (сл. 85, стр. 412). — Что происходитъ въ человѣкѣ, когда сподобится онъ благодати вкусить сладости вѣдѣнія Духа? (сл. 87, стр. 414—415). — Къ плодамъ Духа Святаго Апостолъ причисляетъ терпѣніе и миръ (сл. 89, стр. 419).

Душа. Раздражительная и вождельвательная часть души (сл. 2, стр. 12; сл. 4, стр. 20). — Удаленіе души отъ міра и безмолвіе ея естественно побуждаютъ ее къ познанію Божіихъ тварей, а отсюда — возносятся она къ Богу (сл. 3, стр. 17). — Что приводитъ человѣка къ усмотрѣнію естества души и естественныхъ помысловъ? (сл. 3, стр. 17). — Душа по природѣ безстрастна (сл. 3, стр. 18). — Что такое естество души? (сл. 3, стр. 18). — Связь души съ тѣломъ (сл. 3, стр. 19). — Что такое — состояніе души: естественное, воестественное и сверхъестественное? (сл. 4, стр. 19). — Похоть и раздражительность свойственны душѣ и безъ тѣлеснаго естества (сл. 4, стр. 20). — Здравіе души есть добродѣтель, а недугъ души — страсти (сл. 4, стр. 20). — Взаимныя отношенія между душою и тѣломъ (сл. 4, стр. 21—23). — Душа, возвысившаяся надъ попеченіемъ о тѣлѣ, вся цвѣтетъ духомъ (сл. 4, стр. 23). — И при высокомъ духовномъ устроеніи своемъ — душа не воспрещаетъ тѣлу помнить о свойственномъ ему (сл. 4, стр. 23). — Чего удостоивается чистый душою? (сл. 8, стр. 39). — Души, пока осквернены и омрачены, не могутъ видѣть ни другъ друга, ни себя самихъ (сл. 17, стр. 69). — По очищеніи отъ страстей душа человѣческая можетъ видѣть и души другихъ, и далеко отстоящее (сл. 17, стр. 69—70). — Какимъ образомъ человѣческая природа можетъ видѣть естество безплотныхъ? (сл. 18, стр. 71—72). — Что значитъ: погубить душу

свою ради Господа? (сл. 21, стр. 84).—Безмолвіе есть начало очищенія души (сл. 21, стр. 91—92).—Какіе признаки духовнаго плода въ душѣ? (сл. 21, стр. 92—93).—Что значитъ воскресеніе души, о которомъ говоритъ Ап. Павелъ? (сл. 21, стр. 94).—Какъ дѣйствуютъ на душу три степени вѣдѣнія? (сл. 28, стр. 129—130).—Непрестанное изученіе Писанія—свѣтъ для души (сл. 30, стр. 133).—Въ чемъ душа уподобляется кораблю и воинству? (сл. 38, стр. 164).—Крѣпость души извѣдывается въ побѣдѣ надъ страстями, ратующими прираженіемъ помысловъ (сл. 45, стр. 191).—Если душа не сдружится со страстями помышленіемъ о нихъ, то онѣ не могутъ возобладать надъ духовными чувствами ея (сл. 48, стр. 211).—Какъ дѣйствуетъ на душу смиреніе, и какъ—возношеніе? (сл. 48, стр. 211).—Безъ чистоты отъ страстей душа не врачуется отъ недуговъ грѣха (сл. 54, стр. 240).—Что бываетъ съ человѣкомъ, когда достигнетъ онъ очищенія, т. е. здравія души? (сл. 54, стр. 240—241; сл. 55, стр. 254).—Что врачества—для больного тѣла, то заповѣди—для страстной души (сл. 55, стр. 242).—Чистота и душевное здравіе суть царство души, и когда въ него входимъ? (сл. 55, стр. 255).—Не должно просить преждевременно сего царства (сл. 55, стр. 256).—Зло есть недугъ души (сл. 55, стр. 258).—Душа, пока болѣзнуетъ страстями, не можетъ ощущать духовнаго и не умѣетъ возделѣвать онаго (сл. 55, стр. 258).—Сокровенное дѣланіе заповѣдей врачуетъ силу души (сл. 55, стр. 258).—Въ чемъ состоитъ законное пріобрѣтеніе здравія души? (сл. 55, стр. 259).—Душа, любящая Бога, въ Немъ Единомъ имѣетъ себѣ упокоеніе (сл. 56, стр. 276).—Тѣлесное дѣланіе предшествуетъ душевному (сл. 56, стр. 276; сл. 85, стр. 410).—Лучше воскресить душу отъ страстей, чѣмъ воскрешать умершихъ (сл. 56, стр. 281).—Душа, связанная многопопечительностью, не можетъ пребывать въ Божественномъ ученіи (сл. 56, стр. 285—286).—Богъ на пользу душѣ попустилъ, чтобы она была доступна страстямъ (сл. 58, стр. 307).—Какими (тремя) способами разумная душа можетъ приближаться къ Богу? (сл. 58, стр. 307).—Какой признакъ того, что душа приближается къ исходу изъ тьмы? (сл. 58, стр. 316).—Какую пользу получаетъ душа, поучающаяся всегда въ памятованіи о должномъ? (сл. 75, стр. 376).—По мѣрѣ искушеній и скорбей душа пріемлетъ дарованія отъ Бога (сл. 78, стр. 387—388).—Очищеніе души есть освобожденіе отъ тайныхъ страстей, возникающихъ въ умѣ (сл. 81, стр. 396).—Отъ какихъ причинъ происходитъ омраченіе души? (сл. 85, стр. 408—409, 411).—Душа скупая лишается премудрости

Духа, а милосердная умудряется Духомъ (сл. 85, стр. 409).—Покой и праздность вредятъ душѣ больше демоновъ (сл. 85, стр. 411).—При упоеніи души радостью надежды тѣло не чувствуетъ скорбей, хотя бы оно было и немощно (сл. 85, стр. 412).—Первая мысль, руководящая душу къ жизни, есть мысль о смерти (сл. 86, стр. 413).—Богъ не оставляетъ души надолго въ омраченіи, чтобы не утратила она христіанской надежды (сл. 88, стр. 417).—Благодать не вдругъ приходитъ въ полнотѣ и вселяется въ душѣ, но постепенно (сл. 88, стр. 418).—Слабыя для подвига души Богъ приводитъ къ добродѣтели невольными скорбями (сл. 91, стр. 433).—Душа скорбящая привлекаетъ къ себѣ Божіе челоуѣколюбіе (сл. 91, стр. 433).

Дѣвственникъ. Кто—дѣвственникъ? (сл. 58, стр. 309).

Дѣла, дѣланіе, дѣятельность. О дѣланіи и созерцаніи (сл. 1, стр. 6; сл. 2, стр. 14; сл. 59, стр. 321).—Дѣятельность тѣлесная и духовная въ чемъ состоятъ? (сл. 2, стр. 12—13; сл. 80, стр. 392—393).—Того, кто прежде дѣланія ищетъ созерцанія, постигаетъ гнѣвъ Божій (сл. 2, стр. 13—14; сл. 55, стр. 274).—Безъ добродѣланія душѣ невозможно пріять духъ откровенія (сл. 2, стр. 14).—Всякому дѣлу—свой порядокъ, и всякому роду жизни—свое время, и начинающій, что выше его мѣры, вредитъ себѣ (сл. 11, стр. 51).—Дѣла ради Бога (сл. 14, стр. 59).—Какія суть дѣла правды? (сл. 25, стр. 123).—Всѣ добрыя дѣла отъ Св. Духа (сл. 27, стр. 127).—Награда дается (Богомъ) не за дѣланіе, а за смиреніе (сл. 34, стр. 148).—Безъ смиренія дѣла бесполезны и даже вредны (сл. 46, стр. 198—199).—По сугубому составу челоуѣка—изъ души и тѣла—и духовная жизнь его должна состоятъ изъ дѣланія и созерцанія, и послѣднее предваряется первымъ (сл. 55, стр. 251).—Приведемъ въ благоустройство сердце наше дѣлами покаянія и богоугодной жизнью—и Господь Самъ придетъ, если мѣсто въ сердцѣ будетъ чисто и нескверно (сл. 55, стр. 257; сл. 2, стр. 13—14).—Черезъ какія дѣла челоуѣкъ сподобляется духовныхъ тайнъ? (сл. 55, стр. 262).—Тѣлесное дѣланіе предшествуетъ душевному (сл. 56, стр. 276; сл. 85, стр. 410).—Дѣла тѣлесныя безъ печали ума—то же, что и тѣло неодушевленное (сл. 89, стр. 419).—Чему уподобляются дѣла безъ милосердія? (сл. 89, стр. 419).—Признаки правильнаго сердечваго дѣланія (сл. 90, стр. 429).

Е.

Евангеліе. Наставленіе читать Евангеліе; какая цѣль и польза отъ сего чтенія? (сл. 56, стр. 283).

Евхиты (еретики). Ихъ лжеученія (сл. 46, стр. 195; сл. 55, стр. 270—271).—Кто положилъ начало этой ереси? (сл. 55, стр. 272).

Еретики. Ложныя у нихъ откровенія и созерцанія (сл. 55, стр. 271, 272).—Не слѣдуетъ читать еретическихъ ученій, и почему? (сл. 56, стр. 282—283).

Еродій. Птица—цапля (сл. 85, стр. 407).

Ефремъ Сиринь. Изреченія его (сл. 38, стр. 164).

Ж.

Желаніе. Доброе желаніе исполняется помощью Божіею (сл. 33, стр. 146).—Не всякое доброе желаніе входитъ въ сердце отъ Бога (сл. 33, стр. 146).—Почему Богъ не помогаетъ иногда въ исполненіи желанія, повидимому добраго? (сл. 33, стр. 146).—О добромъ желаніи должно молиться, чтобы узнать, истинно ли оно доброе, или нѣтъ (сл. 33, стр. 146, 147).—Подъ личиною добраго дѣла діаволь иногда стремится повредить человѣку (сл. 33, стр. 147).

Женщина. Какъ бесѣдовать новоначальнымъ инокамъ съ женщиною? (сл. 9, стр. 46—47).—Не должно вкушать пищу вмѣстѣ съ женщиною (сл. 9, стр. 47).—При собесѣдованіи съ женщиною нельзя пребыть въ чистотѣ и не оскверниться (сл. 51, стр. 226).—Возбужденіемъ мечтаній о женщинахъ врагъ ведетъ брань съ подвижниками (сл. 60, стр. 330).—Во время блудной брани должно удаляться отъ лицезрѣнія женщинъ, и почему? (сл. 77, стр. 382—383).

Жизнь. Начало пути жизни—поучаться всегда умомъ въ словахъ Божіихъ и проводить жизнь въ нищетѣ (сл. 1, стр. 1).—Начало истинной жизни—страхъ Божій (сл. 1, стр. 3).—Человѣку, живущему нечисто, вождельнна жизнь временная (сл. 1, стр. 8).—Имѣющій въ себѣ доброе свидѣтельство желаетъ одинаково и жизни и смерти (сл. 1, стр. 8).—Для жизни будущей имѣетъ значеніе только то, что усвоено душою (сл. 1, стр. 8).—Въ чемъ состоитъ цѣломудренный и Богу любезный образъ жизни? (сл. 9, стр. 45).—Приверженность къ сей жизни похищаетъ у человѣка духовныя сокровища его (сл. 21, стр. 83).—Какой вредъ приносятъ попеченія о сей жизни? (сл. 21, стр. 84).—Тогда обрѣтешь вѣчную жизнь, когда будешь пренебрегать этою жизнью (сл. 21, стр. 85).—Возненавидѣніе своей жизни въ мірѣ, ради жизни будущей и блаженной, даетъ силу къ перевесенію скорбей (сл. 21, стр. 85).—Представленіе о жизни будущей изгоняетъ мысль о мірѣ семъ (сл. 21, стр.

100).—Различіе между жизнью настоящею и жизнью будущей (сл. 38, стр. 163).—Въ жизни духовной потребно строгое вниманіе къ своему внутреннему состоянію (сл. 44, стр. 185—186).—Сходство явленій въ жизни духовной съ явленіями въ природѣ (сл. 46, стр. 196).—Что потребно для обрѣтенія жизни? (сл. 49, стр. 214).—Въ образѣ жизни общежительной и отшельнической есть разница; и кому, и когда, какой изъ нихъ полезенъ, по свойствамъ каждаго человѣка? (сл. 55, стр. 245—246).—Поучать словомъ—преимущество совершенныхъ; для не вполне преуспѣвшихъ и утвердившихся въ добродѣтеляхъ безопаснѣе поучать житіемъ (сл. 58, стр. 312—313).—Мысль о будущей жизни побуждаетъ къ терпѣнію (сл. 71, стр. 367).—Приверженность къ жизни тѣлесной—признакъ невѣрія (сл. 75, стр. 380—381).—Что такое—тѣлесное житіе по Богу? Что такое житіе умное? Что такое житіе духовное? (сл. 80, стр. 393).—Какъ узнать, живеть ли въ человѣкѣ Христось, или міръ? (сл. 91, стр. 433).

Житія. Сказанія о святыхъ и житія ихъ служатъ къ наученію и укрѣпленію въ искушеніяхъ (сл. 6, стр. 32).—О жизни и наставленіяхъ святыхъ мужей (сл. 10, стр. 48—50; сл. 11, стр. 50—52; сл. 12, стр. 52—53; сл. 13, стр. 53—55; сл. 14, стр. 55—59).—Должно читать Св. Писаніе и житія святыхъ, и какая отъ сего польза? (сл. 56, стр. 285—286).

3.

Зависть. Побѣждаясь завистью, зачѣмъ борешься со сномъ? (сл. 57, стр. 294).—Кто обрѣлъ зависть, тотъ обрѣлъ съ нею діавола (сл. 89, стр. 421).—Съ завистливымъ должно говорить осторожно (сл. 89, стр. 422).—Обличеніе изъ зависти—ядовитая стрѣла (сл. 89, стр. 423).

Заповѣди. Не только за вѣру Христову, но и за соблюденіе заповѣдей Христовыхъ умирающіе суть мученики (сл. 5, стр. 26).—Предѣлъ (исполненія) заповѣдей—чистота сердца (сл. 16, стр. 61).—Храненіемъ заповѣдей Господнихъ совлекается человѣкъ грѣха и сподобляется чистой молитвы (сл. 21, стр. 105).—Кто исполняетъ заповѣди Божіи какъ должно, въ томъ не можетъ оставаться грѣхъ (сл. 21, стр. 105).—У сохранившаго заповѣди Господь сотворяетъ обитель Себѣ (сл. 21, стр. 105; сл. 55, стр. 242).—Дѣланіе добродѣтели есть храненіе заповѣдей Господнихъ (сл. 34, стр. 148).—При оскудѣніи дѣланія заповѣдей приѣмлетя (вмѣсто нихъ) смиреніе (сл. 34, стр. 148).—Для чего Господь узаконилъ заповѣди?

(сл. 34, стр. 148; сл. 55, стр. 242, 243).—Должно сохранять всѣ заповѣди Господни, и почему? (сл. 55, стр. 242, 243).—Хранятъ заповѣди: а) изъ страха, б) ради награды и в) по любви; къ послѣднему призываетъ Господь, и почему? (сл. 55, стр. 242, 244, 264).—Для любящихъ истину заповѣди не тяжки (сл. 55, стр. 242—243).—Хотя душевная чистота даруется инымъ по благодати, однако Церковь учитъ итти къ ней дѣланіемъ заповѣдей (сл. 55, стр. 243).—Дѣланіе заповѣдей выводитъ человѣка изъ ветхаго міра страстей и вводитъ въ новый міръ Духа (сл. 55, стр. 244).—Свв. Василій и Григорій, по исполненіи заповѣдей между людьми, удалились въ пустыню (сл. 55, стр. 245).—Господь заключилъ совершенство заповѣдей въ 2-хъ: въ любви къ Богу и въ любви къ ближнему (сл. 55, стр. 250—251).—Сокровенное дѣланіе заповѣдей врачуетъ душевную силу: какъ это совершается? (сл. 55, стр. 258—259).—О храненіи заповѣдей и о томъ, что храненіемъ оныхъ люди сподобляются созерцанія и откровеній Духа (сл. 55, стр. 264—265).—Богъ далъ человѣку два закона: первоначально законъ естественный, а по паденіи—писанный (сл. 57, стр. 292).—Заповѣди Божіи выше всѣхъ сокровищъ міра (сл. 57, стр. 293).—Заповѣди Божіи совершаются въ скорбяхъ и тѣснотахъ (сл. 77, стр. 384).—Отвергая скорби и тѣсноты, пренебрегаемъ и Самимъ Заповѣдодателемъ, и что отъ сего происходитъ? (сл. 77, стр. 384—385).

Зло. (См. *Доброе и злое*).

Злопамятность. Злопамятность и любостыжаніе губятъ духовные плоды (сл. 58, стр. 308).—Человѣкъ, далекій отъ памятованія о Богѣ, носитъ въ сердцѣ недобрую мысль противъ ближняго (сл. 85, стр. 403). Молитва злопамятнаго—сѣяніе на камнѣ (сл. 89, стр. 423).

Знаніе. (См. *Вѣдѣніе и Познаніе*).

И.

Измѣненіе. Что происходитъ отъ склонности человѣка къ измѣненію? (сл. 1, стр. 1).—И достигшіе совершенства не могутъ пребыть въ одной мѣрѣ, но подвергаются измѣненію (сл. 28, стр. 130; сл. 46, стр. 195).—Пока человѣкъ находится въ здѣшней жизни, основаніе ума его пріемлетъ измѣненіе во всякомъ движеніи и склоненіи (сл. 43, стр. 185).—Объ измѣненіяхъ, бывающихъ со всякимъ человѣкомъ (сл. 46, стр. 194—196).—Во время измѣненія не должно предаваться отчаянію (сл. 46, стр.

196).—Кто желаетъ всегда пребывать въ неизмѣнномъ устройствѣ, тотъ бываетъ добычею волковъ (мысленныхъ) (сл. 46, стр. 197).—Измѣненіе и уклоненіе отъ добродѣтелей къ пороку прежде смерти не отнято отъ насъ (сл. 47, стр. 202, 204—205).—Во всемъ, чѣмъ ни хвалится человекъ, Богъ попускаетъ ему измѣняться, чтобы, унижившись, онъ научился смиренію (сл. 57, стр. 294—295).—Что должно дѣлать при измѣненіи горячности (духовной) въ холодность? (сл. 70, стр. 359—360).—Во все, что въ мірѣ, вложена измѣняемость (сл. 71, стр. 366).—О измѣненіяхъ, бывающихъ въ нашемъ устройствѣ (сл. 71, стр. 366—367).—Не должно смущаться измѣненіемъ и смятеніемъ естества нашего, и почему? (сл. 71, стр. 367).—Должно бояться неизмѣннаго мира на пути своемъ, и почему? (сл. 78, стр. 387).

Илій. За что подвергся онъ гнѣву Божию? (сл. 62, стр. 339).

Инокъ. (См. *Монахъ*).

Исаакъ Сиринъ. Преп. Исаакъ не все, о чемъ писалъ, позналъ собственнымъ опытомъ (сл. 15, стр. 60).—Какой пользы ожидалъ онъ отъ своихъ писаній? (сл. 15, стр. 60).—По любви къ безмолвію преп. Исаакъ отказывается посѣтить своего брата (сл. 24, стр. 116).—Въ какомъ состояніи духа писалъ преп. Исаакъ свои поученія? (сл. 38, стр. 160).—Посланіе преп. Исаака къ преп. Симеону Чудотворцу (сл. 55).—Изъ какихъ источниковъ преп. Исаакъ почерпалъ свѣдѣнія о духовной жизни? (сл. 65, стр. 343, 344).—Молитвы преп. Исаака (сл. 38, стр. 160, 162, 163; сл. 40, стр. 170; сл. 52, стр. 230; сл. 60, стр. 330; сл. 68, стр. 353—354; сл. 80, стр. 395).—Духовная опытность преп. Исаака (сл. 75, стр. 373).

Искушенія. Безъ поущенія искушеній невозможно познать намъ истины (сл. 1, стр. 2).—Не должно бояться искушеній, и почему? (сл. 5, стр. 28).—Объ отвращеніи какихъ искушеній должно молиться? (сл. 5, стр. 28—30).—Къ искушеніямъ тѣлеснымъ должно приготовляться, и какая отъ нихъ польза? (сл. 5, стр. 28—29).—Должно молиться и относительно тѣлесныхъ искушеній, и почему? (сл. 6, стр. 31).—Подвергшіеся искушеніямъ должны мужественно противостоятъ имъ, пренебрегая тѣломъ и предавая душу Богу (сл. 6, стр. 31; сл. 60, стр. 331).—Тѣло, боящееся искушеній (скорбей и лишеній), дѣлается другомъ грѣха (сл. 22, стр. 110).—Чѣмъ утѣшать себя въ искушеніяхъ пустынножителю? (сл. 22, стр. 111).—Въ искушеніяхъ твоихъ будь исполненъ радости, и почему? (сл. 31, стр. 140).—Какое бываетъ преуспѣваніе отъ покорнаго претерпѣнія искушеній? (сл. 31, стр. 141).—Богъ нерѣдко попускаетъ добродѣ-

тельными впасть въ тѣлесныя искушенія (сл. 35, стр. 151).— Идущій путемъ правды и впадающій въ искушенія тѣлесныя долженъ радоваться этому и благодарить Бога (сл. 35, стр. 151—152).— Иначе нельзя быть и облагодѣтельствованнымъ отъ Бога, какъ чрезъ непосланіе Имъ искушеній за истину (сл. 35, стр. 152).— Пребывающимъ въ искушеніяхъ Промыслъ никогда не попускаетъ впасть въ руки демоновъ (сл. 35, стр. 153).— Для чего Богъ попускаетъ искушенія на любящихъ Его? (сл. 37, стр. 156—157).— Всякому человѣку полезны искушенія (сл. 37, стр. 158).— Какую пользу приносятъ искушенія подвижникамъ, и какую—духовно слабымъ и спящимъ? (сл. 37, стр. 158).— Всякому человѣку время искушеній бываетъ горько (сл. 37, стр. 158).— Безъ помощи Божіей нельзя выдержать искушеній (сл. 37, стр. 158).— Разсужденіе объ искушеніяхъ, претерпѣваемыхъ подвижниками (сл. 45, стр. 189—190).— Что должно дѣлать, когда пріосѣняетъ благодать и отступаетъ искушеніе? (сл. 46, стр. 197).— Искушенія попускаются на насъ, чтобы мы не превозносились (сл. 47, стр. 202).— Искушенія, постигавшія Ап. Павла, расширяли въ немъ вселеніе Божіе (сл. 47, стр. 203).— Если Ап. Павлу нужны и полезны были скорби и искушенія, то тѣмъ болѣе необходимы онѣ намъ (сл. 47, стр. 204).— Когда Божественная благодать утвердить человѣка въ упованіи на Бога, то попускаются на него искушенія по мѣрѣ силъ его (сл. 49, стр. 219).— Когда благодать усмотритъ въ человѣкѣ самомнѣніе, то попускаетъ на него сильныя искушенія, чтобы смирить его (сл. 49, стр. 219).— Любовь къ міру искореняется изъ сердца притокомъ искушеній, устремляющихся на тѣло (сл. 51, стр. 226).— Душа, утѣсняемая искушеніями, прилѣпляется къ Богу, а, освободившись отъ искушеній, предается паренію (сл. 51, стр. 227).— Если мы смиримся во время поущенія на насъ искушеній, то они скоро проходятъ; а если ожесточимся, не покаемся, станемъ обвинять людей, бѣсовъ, иногда же и правду Божію, то насъ постигаютъ еще большія скорби и искушенія (сл. 51, стр. 227—228).— Примѣры искушеній отъ бѣсовъ (сл. 55, стр. 273, 274).— Если хочешь положить начало доброму дѣланію, приготовься сперва къ искушеніямъ, и почему это необходимо? (сл. 57, стр. 292).— Съ какою цѣлью діаволь устрояетъ искушенія? (сл. 57, стр. 292).— Искушенія, и діаволомъ наводимыя, попускаетъ Богъ (сл. 57, стр. 292; сл. 60, стр. 324).— Промыслъ Божій открывается людямъ преимущественно тогда, когда ради Бога входятъ они въ великое искушеніе (сл. 57, стр. 295).— Безъ искушеній никто не можетъ пріобрѣсти мудрости

духовной (подаваемой Духомъ) (сл. 57, стр. 297).—Безъ вѣры и упованія душа не можетъ отважиться на искушенія (сл. 57, стр. 297).—Для чего попускаетъ на насъ Господь скорби и искушенія? (сл. 57, стр. 298).—Какъ близки между собою вѣки на глазахъ, такъ искушенія близки къ людямъ (сл. 57, стр. 299).—Кого изъ подвижающихся Богъ попускаетъ искушать діаволу, и кого—нѣтъ? (сл. 60, стр. 324—325).—Какими искушеніями и съ какою цѣлью попускаетъ Богъ діаволу искушать святыхъ? (сл. 60, стр. 330—331).—Человѣкъ не можетъ познать немощи своей безъ искушенія тѣлеснаго или душевнаго (сл. 61, стр. 333).—Богъ попускаетъ на человека искушенія для того, чтобы онъ позналъ свою немощь и смирился (сл. 61, стр. 335—336).—Истинное вѣдѣніе есть порожденіе искушеній (сл. 74, стр. 372).—Безъ искушеній нельзя достигнуть нестяжательности (сл. 78, стр. 385—386).—Кто можетъ переносить искушенія? (сл. 78, стр. 386).—Чѣмъ больше идетъ человекъ по пути добродѣтели, тѣмъ болѣе встрѣчаетъ онъ искушеній, и какого рода бываютъ эти искушенія? (сл. 78, стр. 387).—Неспособный къ перенесенію великихъ искушеній не можетъ получить и великихъ дарованій (сл. 78, стр. 388).—Что бываетъ прежде: искушеніе или дарованіе? (сл. 78, стр. 388).—Почему во время искушеній слѣдуетъ испытывать и радость, и страхъ? (сл. 78, стр. 388).—Какія искушенія посылаются смиренномудрымъ? (сл. 78, стр. 389).—Богъ соразмѣряетъ искушенія съ силами человека (сл. 78, стр. 389).—Какія искушенія попускаются на гордыхъ? (сл. 78, стр. 390).—Какъ распознавать свойства искушеній? (сл. 78, стр. 391).—Искушенія побѣждаются смиренномудріемъ (сл. 78, стр. 391—392).—Господь избавляетъ человека отъ искушеній и скорбей, не отнимая ихъ, а подавая ему терпѣніе (сл. 79, стр. 392).—(См. *Крестъ. Скорби*).

Исповѣдь (исповѣданіе). Исповѣданіе согрѣшеній даруетъ отпущеніе ихъ (сл. 71, стр. 363).—Исповѣданіе согрѣшеній бываетъ причиною истиннаго смиренія (сл. 71, стр. 363—364).

Истина. Человѣкъ можетъ говорить истину, не зная ея (опытно), и толковать о добродѣтели, не извѣдавъ ея на опытѣ (сл. 1, стр. 7).—Что показываетъ намъ истину, и что—призракъ истины? (сл. 18, стр. 73).—Что служитъ признакомъ колебанія въ истинѣ? (сл. 25, стр. 118).—Христосъ есть полнота истины (сл. 40, стр. 170).—Истина Христова возсіяваетъ въ сердцѣ, и объ этомъ нужно молиться (сл. 40, стр. 170).—Истина есть ощущеніе Бога (сл. 43, стр. 183).

Іоаннъ Оивейскій. Чѣмъ благоугодилъ онъ Богу? (сл. 14, стр. 57; сл. 55, стр. 249).

Іоаннъ Златоустъ. Его изреченія (сл. 49, стр. 220; сл. 84, стр. 401).

К.

Каѳизмы. Ихъ употребленіе въ древней церкви (сл. 31, стр. 141, 142).—Правила, какъ читать ихъ во время ночной службы (сл. 52, стр. 231).—Если не стужалъ ты созерцанія, то, пребывая наединѣ въ келліи своей, поучайся въ чтеніи каѳизмъ (сл. 72, стр. 367—368).

Келлія.—Какъ приходитъ въ келлію настоятеля или друга? (сл. 9, стр. 46).—Какая монаху польза отъ того, что келлія его содержитъ въ скудости? (сл. 21, стр. 86; сл. 56, стр. 288).—Чѣмъ неизбѣжно сопровождается выходъ изъ дому (келліи)? (сл. 42, стр. 179; сл. 24, стр. 116).—Сиди въ келліи, и это сидѣніе научитъ тебя всему (сл. 59, стр. 323).—Польза воздержанія чрева и неисходнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ (сл. 75, стр. 373).—Надобно болѣе пребывать въ келліи, чтобы не знать злыхъ дѣлъ человѣческихъ (сл. 89, стр. 424).

Кирилль Александрійскій. Мѣсто изъ толкованія его на книгу Бытія (сл. 90, стр. 431).

Клевета. Какую пользу получаетъ тотъ, кто возбраняетъ устамъ своимъ клеветать? (сл. 8, стр. 37).—Не нужно слушать того, кто клеветаетъ на брата (сл. 8, стр. 37).—Терпѣливое перенесеніе клеветы—признакъ истиннаго смиренномудрія (сл. 58, стр. 310).—Какъ вести себя съ тѣмъ, кто клеветаетъ на брата своего? (сл. 89, стр. 422, 425)—Пусть на тебя клеветаютъ, ты не клевети (сл. 89, стр. 424).—Какъ вредно клеветать или внутренно соучаствовать въ клеветѣ? (сл. 89, стр. 425).

Крестъ. Два способа взойти на крестъ (сл. 2, стр. 12—13; сл. 74, стр. 372).—Поклоненіе кресту (сл. 10, стр. 48—49, сл. 56, стр. 289; сл. 59, стр. 322).—Крестъ есть воля, готовая на всякую скорбь (сл. 21, стр. 84).—Стезя пути Божія отъ вѣка и отъ родовъ крестомъ и смертію пролагается (сл. 35, стр. 152).—Путь Божій есть ежедневный крестъ (сл. 35, стр. 152).—Всякая добродѣтель именуется крестомъ, когда исполняетъ заповѣдь Духа (сл. 49, стр. 220).—Для чего Господь заповѣдалъ взять крестъ? (сл. 49, стр. 220).—Знаменіе креста (сл. 52, стр. 230).—Донинѣ ученіе крестное служить преткновеніемъ и соблазномъ для іудеевъ и для еллиновъ

(сл. 54, стр. 239—240).—Велика сила креста Христова (сл. 54, стр. 240).—Что значитъ: *взять крестъ свой?* (сл. 55, стр. 244).—Страданіе Сына Божія на крестѣ даетъ намъ дерзновеніе въ покаяніи (сл. 89, стр. 426).—(См. *Скорби. Испушенія*).

Крещеніе. Крещеніе служитъ посредникомъ къ преподанію духовныхъ благъ (сл. 1, стр. 8).—Полная упованія вѣра не достигается безъ крещенія (сл. 30, стр. 133).—Какъ прощаются грѣхи въ крещеніи—и по крещеніи? (сл. 55, стр. 275).

Л.

Лицемѣріе. Горе питающимъ страсти свои подъ наружностью чистоты (сл. 8, стр. 41).

Лѣность (нерадѣніе).—Ни подъ какимъ видомъ не предавайся нерадѣнію (сл. 40, стр. 168).—Причины нерадѣнія (сл. 40, стр. 168—169).—Ради чего Богъ попускаетъ недуги и испушенія на нерадивыхъ? (сл. 57, стр. 298).—Какъ разсуждаетъ лѣнивый при предстоящемъ ему подвигѣ? (сл. 58, стр. 318).—Лучше смерть за Бога, нежели жизнь со стыдомъ и лѣностью (сл. 58, стр. 319).—Кто лѣнивъ въ началѣ подвига, тотъ не можетъ впоследствии противиться испушеніямъ (сл. 60, стр. 323).—На лѣнивыхъ діаволъ въ самомъ началѣ пути ихъ особенно сильно нападаетъ (сл. 60, стр. 323).—Самъ Богъ попускаетъ діаволу превозмогать лѣнивыхъ и ни въ чемъ не вспомоществуетъ имъ (сл. 60, стр. 323).

Любовь. Любовь къ Богу предваряетъ страхъ Божій (сл. 5, стр. 26; сл. 83, стр. 399).—Любовь къ брату должно предпочитать любви къ вещамъ (сл. 5, стр. 26).—Кто всѣхъ равно любитъ, тотъ достигъ совершенства (сл. 8, стр. 41).—Что приноситъ съ собою любовь къ нерадивымъ? (сл. 8, стр. 42).—Любовь налагаетъ обязанность тѣлеснаго упокоенія ближнихъ только на мірянъ и иноковъ общежительныхъ, но не на безмолвниковъ (сл. 13, стр. 54).—Мучимые въ гееннѣ поражаются бичемъ любви Божіей (сл. 18, стр. 76).—Какъ тяжела печаль, поражающая сердце за грѣхъ противъ любви? (сл. 18, стр. 76).—Любовь есть порожденіе вѣдѣнія Истины (сл. 18, стр. 76; сл. 38, стр. 160).—Двойное дѣйствіе любви Божіей: относительно грѣшниковъ и относительно праведниковъ (сл. 18, стр. 76).—Достигшій совершенства любви Божіей достигъ совершенства плодовъ Духа (сл. 21, стр. 105—106).—Какой признакъ того, что человекъ достигъ любви Божіей (сл. 21, стр.

106).—Безмѣрность любви Божіей къ человѣку (сл. 25, стр. 118; сл. 48, стр. 207).—О разныхъ степеняхъ любви (сл. 30, стр. 136).—Любовь, происходящая отъ Бога, не изсякаетъ (сл. 30, стр. 136).—Съ любовью къ міру невозможно пріобрѣсти любовь къ Богу (сл. 35, стр. 150).—Достигшіи любви Божіей не страшится смерти (сл. 38, стр. 159).—Дѣйствіе любви Божіей въ человѣкѣ (сл. 38, стр. 159—160).—Любовь къ Богу пріобрѣтается молитвою (сл. 39, стр. 166, 167).—Любовь къ Богу есть великое утѣшеніе для человѣка (сл. 41, стр. 173).—Любовь есть плодъ молитвы (сл. 43, стр. 183).—Любовь Божія обрѣтается въ самоотверженіи души (сл. 43, стр. 183).—Любовь наша къ Богу испытывается въ ежечасной борьбѣ съ искушеніями (сл. 46, стр. 197).—Совершенство любви (къ людямъ) Моисея и Ап. Павла (сл. 48, стр. 207).—Апостолы пріяли многоразличную смерть изъ любви къ людямъ (сл. 48, стр. 207).—Святые, уподобляясь Богу любовью, достигаютъ совершенства (сл. 48, стр. 208).—Примѣры совершенной любви къ ближнему (сл. 48, стр. 208; сл. 55, стр. 249—250).—Высшая степень любви къ ближнему доступна лишь ощутившему вполнѣ надежду будущей жизни (сл. 48, стр. 208).—Любящіе міръ сей не могутъ имѣть самоотверженной любви къ человѣкамъ (сл. 48, стр. 208).—Изобиліе денегъ и любовь къ ближнимъ несовмѣстимы (сл. 51, стр. 226).—Упоенный любовью Божіей забываетъ труды и печали свои (сл. 51, стр. 229).—Любовь пріобрѣтается послѣ душевнаго здравія, а душа, не сохранившая заповѣдей, не есть здравая (сл. 55, стр. 242).—Храненіе заповѣдей ниже духовной любви (сл. 55, стр. 242).—Заповѣди хранятъ: иные—изъ страха, другіе—ради будущей награды, третьи—по любви (сл. 55, стр. 242).—Господь призываетъ хранить заповѣди изъ любви къ Нему (сл. 55, стр. 242, 244, 264, 265).—Безъ любви къ ближнему умъ не можетъ просвѣщаться Божественной бесѣдою и любовью (сл. 55, стр. 248).—Когда достаточно быть *внутренно* милосерднымъ, и когда требуется доказать *явно* любовь свою къ ближнему? (сл. 55, стр. 248—249; 250—252).—Господь заключилъ совершенство заповѣдей въ любви къ Богу и къ ближнему (сл. 55, стр. 250).—Въ какомъ соотношеніи находятся между собою любовь дѣятельная и любовь созерцательная? (сл. 55, стр. 251).—Любовь предшествуетъ воздержанію: чего не возлюбитъ человѣкъ, того не будетъ воздерживать (сл. 55, стр. 254).—Исканіе себѣ высокихъ дарованій не есть признакъ любви къ Богу, но недугъ души (сл. 55, стр. 257).—Душа, не побѣдившая страстей, не можетъ стяжать любви къ Богу (сл. 55,

стр. 257—258).—Апостолы вѣрою усовершились въ любви Христовой (сл. 55, стр. 259).—Каковы были дѣйствія любви въ св. Ап. Павлѣ? (сл. 55, стр. 265).—Какъ цѣнятся добродѣтели того, кто не имѣетъ любви? (сл. 55, стр. 265).—Стяжаніе любви какую приноситъ пользу? (сл. 55, стр. 265).—Лишающійся любви лишается мира (сл. 55, стр. 266).—Не слѣдуетъ домогаться созерцанія помимо любви (сл. 55, стр. 266—267).—Любовь есть первоначальное созерцаніе Св. Троицы (сл. 55, стр. 266).—Какимъ путемъ умъ вводится въ область совершенной любви? (сл. 55, стр. 269).—Любовь есть вмѣстилище духовнаго (сл. 55, стр. 269).—Душа, любящая Бога, имѣетъ покой въ Немъ (сл. 56, стр. 276).—Любя грѣшниковъ, но ненавидь дѣла ихъ (сл. 57, стр. 305).—Какъ любовно слѣдуетъ обращаться съ ближними? (сл. 57, стр. 306).—Любовь къ Богу познается чрезъ искушенія (сл. 60, стр. 330).—Изъ любви къ Богу истинные подвижники нудятъ себя къ труду добродѣтели (сл. 60, стр. 332).—О признакахъ и дѣйствіяхъ любви къ Богу (сл. 73, стр. 369—370).—Любовь Божія есть рай и древо жизни, и почему? (сл. 83, стр. 397—398).—Пока не обрѣтемъ любви Божіей, дѣланіе наше—на землѣ терній (сл. 83, стр. 398).—По обрѣтеніи любви Божіей питаемся Хлѣбомъ Небеснымъ—Христомъ и укрѣпляемся въ силахъ безъ работы и труда (сл. 83, стр. 398).—Дѣйствіе любви Божіей на грѣшниковъ (сл. 83, стр. 398—399).—Безъ страха невозможно достигнуть любви (сл. 83, стр. 399).—Достигшіе любви достигли Бога (сл. 83, стр. 399).—Достигшіе любви становятся выше естества, и отступаютъ отъ нихъ борьба, страхъ и утомленіе (сл. 84, стр. 402).—Какую пользу приноситъ любовь къ ближнему? (сл. 85, стр. 403—404).—Богъ вразумляетъ насъ съ любовью (сл. 85, стр. 404).—Любовь къ ближнему—ключъ къ Божественнымъ дарованіямъ (сл. 85, стр. 409).—Похвальна, любовь къ ближнему, если она не отвлекаетъ насъ отъ любви къ Богу (сл. 85, стр. 409—410).—Свойства любви въ ближнему (сл. 89, стр. 421).—Какъ полезно скорбѣть о другихъ? (сл. 89, стр. 423).—О любви Божіей къ роду человѣческому (сл. 90, стр. 430—432).—Признаки любви ко Христу—и любви къ міру и тѣлу (сл. 91, стр. 433—434).

Любостяжательность. Кто связанъ любостяжательностью, тотъ рабъ страстей (сл. 56, стр. 277).—Что такое любостяжательность? (сл. 56, стр. 277).—Любостяжаніе и злопамятство препятствуютъ духовному преуспѣянію (сл. 58, стр. 308).—Кто имѣетъ сердечное дѣланіе съ разсудительностью, тотъ чуждъ стяжательности, чревоугодія и раздражительности (сл. 90, стр. 429).—(См. *Сребролюбіе*).

М.

Макарій Египетскій. Его любовный укоръ Арсенію Великому за бѣгство отъ людей (сл. 23, стр. 113).— Ученіе его о томъ, чтобы не приходитъ въ отчаяніе во время измѣненія и поползновенія (сл. 46, стр. 195, 196, 200).—Примѣръ любви его къ ближнимъ (сл. 55, стр. 249—250).

Малпа. Онъ положилъ начало ереси евхитовъ (сл. 55, стр. 272).— Исторія искушенія его отъ діавола и паденія (сл. 55, стр. 272—274).

Маркъ Подвижникъ. О писаніяхъ его (сл. 46, стр. 195).—Его изреченія (сл. 46, стр. 195, 196, 197; сл. 48, стр. 210; сл. 49, стр. 220).

Мартиніанъ. Его духовный совѣтъ (сл. 7, стр. 35—36).

Милость, милостыня, милосердіе. Служа милостынѣ, умомъ своимъ вступаешь въ общеніе съ Богомъ чрезъ уподобленіе Ему (сл. 1, стр. 7).—Милостыня есть стезя къ духовной любви (сл. 1, стр. 7).—На всѣхъ изливай милость (сл. 9, стр. 48).—Безмолвнику не приличны дѣла милостыни, которыя изводятъ его въ міръ и ввергаютъ въ смущеніе (сл. 13, стр. 53—55; сл. 14, стр. 55—59).—Милостыня и тѣлесное упокоеніе другихъ приличны мірянамъ и монахамъ общежительнымъ (сл. 13, стр. 54).—Какой монахъ обязанъ творить милостыню, и какой—не обязанъ? (сл. 14, стр. 55—56).—Заповѣдь о милостынѣ (сл. 41, стр. 173).—Милосердіе даетъ намъ видѣть въ себѣ образъ Божій (сл. 41, стр. 173).—Человѣкъ милостивый—врачъ души своей (сл. 41, стр. 173).—Что такое—сердце милующее? (сл. 48, стр. 205—206).—Какъ можетъ исполнять заповѣдь о милосердіи безмолвникъ? (сл. 55, стр. 247—248).—Примѣры милосердія и любви: святые Макарій и Агаѣонъ (сл. 55, стр. 249—250).—При твореніи милостыни должно имѣть и другія добродѣтели, и особенно—отпускать ближнему согрѣшенія,—и кто истинно милостивъ? (сл. 56, стр. 278—279; сл. 58, стр. 309).—Милостыня приближаетъ сердце къ Богу (сл. 56, стр. 286).—Подавай милостыню съ ласковостью и утѣшеніемъ слова (сл. 56, стр. 287; сл. 89, стр. 422—423).—Побужденіе къ творенію милостыни безъ различія достойныхъ и недостойныхъ (сл. 56, стр. 287).—Дѣлая кому-либо добро, не жди отъ него воздаянія (сл. 56, стр. 287).—Оставленіе милостыни ради высшаго подвига (сл. 56, стр. 287—288).—Посѣвай милостыню на смиреніи (сл. 57, стр. 293).—Богъ не принимаетъ милостыни отъ блудника (сл. 57, стр. 293).—Чело-

вѣкъ Божій—тотъ, кто изъ милосердія лишаетъ себя удовлетворенія необходимыхъ потребностей (сл. 57, стр. 297).—Кто милуетъ нищаго, тотъ попечителемъ о себѣ имѣеть Бога (сл. 57, стр. 297).—Кто имѣеть возможность, тотъ долженъ подавать милостыню, а кто не имѣеть, что бы дать другому, тому какъ утѣшать себя? (сл. 57, стр. 297—298).—Возлюби нищихъ, чтобы чрезъ нихъ и тебѣ улучшить милость (сл. 57, стр. 305).—Милостивый милуетъ всѣхъ безъ различія (сл. 58, стр. 309).—Въ чемъ состоитъ истинное и совершенное милосердіе? (сл. 58, стр. 309—310).—Милость Божія къ людямъ (сл. 67, стр. 349—350; сл. 71, стр. 365; сл. 90, стр. 432).—Признакъ милосердія (сострадательности)—прощеніе всякаго долга (сл. 85, стр. 404).—Чему уподобляются милосердіе и правосудіе, соединенныя въ одной душѣ? (сл. 89, стр. 419).—Отношеніе между милосердіемъ и правосудіемъ (сл. 89, стр. 419—420).—Милосердіе есть печаль, возбуждаемая благодатію (сл. 89, стр. 420).—Что горсть песку, брошенная въ великое море, то же грѣхопаденіе всякой плоти въ сравненіи съ милостью Божіей (сл. 89, стр. 420).—Милосердіемъ Божіимъ превышаетъ правосудіе (сл. 89, стр. 420).

Миръ. Миръ души чѣмъ достигается? (сл. 5, стр. 25, 28).—Какъ мысль внезапно переходитъ отъ мира къ смущенію? (сл. 46, стр. 195).—Лишаясь любви человѣкъ лишается мира (сл. 55, стр. 266).—Когда человѣкъ достигаетъ мира помысловъ? (сл. 65, стр. 344).—Когда и почему мы не можемъ пребывать въ мирѣ? (сл. 72, стр. 368).—Когда на пути своемъ находишь неизмѣнный миръ, тогда бойся, и почему? (сл. 78, стр. 387).—Отчего бываетъ миръ въ душѣ, и что отъ него рождается? (сл. 85, стр. 409).—Кто имѣеть ревность лукавую, тотъ не можетъ имѣть мира ума (сл. 89, стр. 418).—Терпѣніе и миръ—плоды Св. Духа (сл. 89, стр. 419).—Смиреномудръ—только мирный (сл. 89, стр. 425).—Какъ обрѣтается миръ? (сл. 89, стр. 425—426).—Почему иные отъ уязвленій врага умираютъ во время мира? (сл. 90, стр. 428).

Міръ. Чрезъ удаленіе отъ міра человѣкъ приближается къ Богу (сл. 1, стр. 2).—Что такое удаленіе отъ міра? (сл. 1, стр. 2).—Связь между вѣрою и удаленіемъ отъ міра (сл. 1, стр. 2).—Погруженіе въ Св. Писаніе содѣйствуетъ оставленію міра (сл. 1, стр. 4).—Что такое міръ, что называется міромъ, и какъ познать отрѣшеніе отъ міра и прилѣпленіе къ міру? (сл. 2, стр. 14—16).—Міромъ называются страсти, и о различіи наименованій ихъ (сл. 2, стр. 15; сл. 85, стр. 411).—Гдѣ страсти преобразуютъ свое теченіе, тамъ и міръ умеръ (сл. 2, стр. 15).—Міръ есть плотское житіе и мудро-

ваніе плоти (сл. 2, стр. 15—16).—Живущіе въ мірѣ не могутъ быть чисты умомъ, и почему? (сл. 5, стр. 25).—Какую пользу получаетъ тотъ, кто воздерживается отъ зрѣнія вещей житейскихъ (мірскихъ)? (сл. 5, стр. 28).—Кто занятъ мірскимъ, тотъ не можетъ просить Божественнаго, и почему? (сл. 5, стр. 28).—Какую пользу приноситъ удаленіе себя отъ утѣшенія міра, и какой вредъ причиняетъ человѣку обращеніе съ людьми мірскими? (сл. 8, стр. 38).—Мірянинъ и инокъ въ отношеніи къ мірскимъ дѣламъ (сл. 8, стр. 38).—Пока человѣкъ не отречется совершенно отъ міра и не презритъ красоты внѣшней, не можетъ онъ узрѣть Бога и красоты внутри себя (сл. 8, стр. 39).—Кто обнищаетъ въ мірскомъ, тотъ обогатится въ Богѣ (сл. 8, стр. 39).—Блаженъ, кто воздерживается отъ привязанности къ наслажденіямъ міра сего (сл. 8, стр. 40).—Какой бѣдѣ подвергается привязанный къ міру и любящій собесѣдованіе съ нимъ? (сл. 8, стр. 40).—Просвѣщенъ въ своихъ понятіяхъ тотъ, кто позналъ горечь, сокровенную въ сладости міра (сл. 21, стр. 83).—Что такое міръ? Какъ познаемъ его, и чѣмъ вредитъ онъ любящимъ его? (сл. 21, стр. 83).—И подвижниковъ и нестяжательныхъ уловляетъ міръ въ дѣла свои (сл. 21, стр. 83).—О тѣхъ, которые наполовину пошли за Господомъ, а наполовину остались въ мірѣ (сл. 21, стр. 83—84).—Ради чего человѣкъ долженъ возненавидѣть жизнь свою въ мірѣ, и какая отъ сего польза? (сл. 21, стр. 85).—Господь заповѣдалъ выйти изъ міра, и почему? (сл. 21, стр. 85).—Отъ приближенія подвижника къ міру и къ вещамъ мірскимъ скоро разслабѣваетъ сила ума его (сл. 21, стр. 86).—При погруженіи человѣка въ мірскія дѣла возстаютъ въ немъ страсти (сл. 21, стр. 88).—Преп. Исаакъ не пожелалъ выйти изъ уединенія и прійти къ брату, живущему въ мірѣ, и почему? (сл. 24, стр. 116—117).—О томъ, какъ важно отринуть человѣку отъ себя мірскую надежду и пре небречь міромъ (сл. 30, стр. 138).—Дѣло мірянъ и дѣло отшельниковъ (сл. 30, стр. 139).—Что бываетъ съ душою подвижника, вступающаго въ общеніе съ міромъ? (сл. 32, стр. 146).—Человѣку невозможно съ любовью къ міру пріобрѣсти любовь къ Богу (сл. 35, стр. 150).—Достигшій смиренія не угождаетъ міру, и ему ненавистна мірская слава (сл. 38, стр. 161).—Связь между вещами міра и страстями (сл. 38, стр. 161).—Молитва преп. Исаака объ омертвѣніи для міра (сл. 38, стр. 162).—Въ чемъ состоитъ умерщвленіе себя для міра? (сл. 38, стр. 163).—Чему подобно житіе міра сего? (сл. 38, стр. 163).—Почему Господь повелѣлъ удалиться отъ мірскаго мятежа? (сл. 39, стр. 165).—Какія добродѣтели предваряютъ

отреченіе отъ міра, и какія за нимъ слѣдуютъ? (сл. 39, стр. 166).—
Чтобы умертвить міръ, гнѣздящійся въ сердцахъ нашихъ, нужно
удалиться въ безмолвіе (сл. 41, стр. 176).—Міръ этотъ есть попри-
ще для состязаній (сл. 47, стр. 204).—Пока мы въ мірѣ семъ и во
плоти, не можемъ оставаться безъ дѣлъ и труда (сл. 47, стр. 205).—
Любящіе міръ сей не могутъ стяжать любви къ человѣку (сл. 48,
стр. 208).—Если кто не оставитъ міра съ любовью его, то не обле-
чается онъ въ Бога и не можетъ быть ученикомъ Его (сл. 48,
стр. 208—209).—Чтобы обрѣсти духовное вѣдѣніе, необходимо за-
быть знаніе міра сего (сл. 49, стр. 217).—О пользѣ бѣгства отъ
міра (сл. 50, стр. 223—224).—Чѣмъ искореняется въ сердцѣ лю-
бовь къ міру? (сл. 51, стр. 226).—Міръ сей есть домъ плача (сл. 51,
стр. 229).—Желающій преуспѣвать въ Божественномъ долженъ
прежде устранить себя отъ міра (сл. 56, стр. 276).—Какой признакъ
того, что человѣкъ не совершенно оставилъ міръ? (сл. 56, стр. 277).—
Пока внѣшній человѣкъ не умретъ для всего мірскаго, до тѣхъ
поръ не возбудится въ немъ сладость Духа Божія (сл. 56, стр. 290).—
Отреченію отъ мірскаго (житейскаго) способствуетъ размышленіе о
концѣ всего (сл. 57, стр. 292).—Заповѣди Божіи выше всѣхъ со-
кровищъ міра (сл. 57, стр. 293).—Посвятившіе себя Богу и снова
погружающіеся въ дѣла мірскія погибаютъ отъ невидимаго удара
(сл. 62, стр. 340).—Какой признакъ того, что умъ вышелъ изъ
темницы міра сего? (сл. 65, стр. 348).—Ничто такъ не отдѣляетъ
насъ отъ міра, какъ плачь и сердечное болѣзнованіе (сл. 68
стр. 351).—Ничто не дѣлаетъ насъ столько сообщниками міра, какъ
смѣхотворство и дерзновенное пареміе мыслей (сл. 68, стр. 351).—
Въ мірскихъ волненіяхъ невозможно пріобрѣсти чистую и сердечную
молитву (сл. 68, стр. 352).—Удались отъ міра, и тогда узнаешь
зловоніе его (сл. 71, стр. 364).—Блаженъ удалившійся отъ міра, и
почему? (сл. 71, стр. 364).—Когда мы отступаемъ отъ міра,—и міръ
отступаетъ отъ насъ (сл. 72, стр. 368).—Въ отречшемся отъ міра
свиданіе съ людьми мірскими производитъ смущеніе (сл. 85,
стр. 410).—Какой признакъ воскресенія въ насъ міра, т. е. стра-
стей? (сл. 85, стр. 411).—Кто умеръ для міра? (сл. 89, стр. 420—421;
сл. 90, стр. 429).—Какую пользу получаетъ человѣкъ отъ прене-
бреженія міромъ? (сл. 91, стр. 432—433).—Признаки любви ко
Христу—и любви къ міру и тѣлу (сл. 91, стр. 433).

Молитва. Нужно постоянно молиться, и какая отъ сего польза?
(сл. 2, стр. 11).—О чемъ должно просить Бога въ молитвѣ? (сл. 5,
стр. 26—27).—Какимъ прошеніямъ нашимъ радуются ангелы?

(сл. 5, стр. 27).— Не должно умножать молитвенныхъ словъ о томъ, что Богъ подаетъ безъ прошенія нашего (сл. 5, стр. 27).— Почему Господь иногда не скоро исполняетъ наши прошенія? (сл. 5, стр. 28).— Сообразно съ житіемъ твоимъ должна быть и молитва твоя (сл. 5, стр. 28).— О какихъ искушеніяхъ должно молиться, чтобы не впасть въ нихъ? (сл. 5, стр. 28—30).— Какая разница между молитвою, совершаемою прежде искушеній, и молитвою, приносимою по терпѣніи искушеній? (сл. 5, стр. 30).— Въ какомъ случаѣ можно молиться о томъ, чтобы не впасть въ искушенія тѣлесныя? (сл. 6, стр. 31).— О молитвѣ, исходящей изъ чистаго сердца (сл. 7, стр. 36).— Кто можетъ во время молитвы видѣть въ душѣ своей свѣтъ Святаго Духа? (сл. 8, стр. 40).— Примѣръ ночныхъ моленій (сл. 10, стр. 48—49).— Во что вмѣняется молитва безъ утружденія тѣла и безъ скорби сердца? (сл. 11, стр. 52).— Св. Іоаннъ Эльвейскій угодилъ Богу молитвою и безмолвіемъ (сл. 14, стр. 57).— Отшельники помогаютъ намъ словомъ или молитвою (сл. 14, стр. 57—58).— Иное дѣло—молитвенное услажденіе, а иное—молитвенное созерцаніе (сл. 15, стр. 60).— Все роды и виды молитвы имѣють предѣломъ чистую молитву (сл. 16, стр. 61).— За этимъ же предѣломъ чистоты бываетъ молитвенное созерцаніе, а не молитва (сл. 16, стр. 61).— Взаимоотношеніе молитвы и созерцанія (сл. 16, стр. 61; сл. 21, стр. 105).— Немногіе достигаютъ чистой молитвы: развѣ одинъ изъ тысячи, а достигшій таинства, которое уже за этой молитвой, едва находится и въ роды родовъ (сл. 16, стр. 62; сл. 21, стр. 104).— Что такое молитва, и въ чемъ состоитъ ея чистота и нечистота? (сл. 16, стр. 62).— Различныя наименованія духовной молитвы и признаки оной (сл. 16, стр. 63—64).— Почему созерцанія, подаваемые Духомъ, называются молитвою? (сл. 16, стр. 64—65).— Почему эти внешнія духовныя состоянія даруются во время молитвы, а не въ другое какое время? (сл. 16, стр. 65—67).— Когда человекъ сподобляется сей благодати? (сл. 16, стр. 67).— Видѣніе Антонія Великаго во время молитвы (сл. 17, стр. 69).— Постъ—матерь молитвы (сл. 21, стр. 89).— Совершенство безмолвническаго житія—непрестанное пребываніе въ молитвѣ (сл. 21, стр. 103—104).— Только пріявшіе благодать Утѣшителя могутъ непрестанно молиться (сл. 21, стр. 104).— Молчаніе чистыхъ можетъ быть названо молитвою, и почему? (сл. 21, стр. 104).— Что такое духовная молитва, и какъ сподобляются ея? (сл. 21, стр. 104—105).— О состояніи на молитвѣ въ извѣстные часы не нерадятъ и совершенные (сл. 21, стр. 105).— Человекъ сподобляется непрестанной молитвѣ

тогда, когда храненіемъ заповѣдей Господнихъ совлечется грѣха (сл. 21, стр. 105).—Тѣ, въ коихъ возсіялъ свѣтъ вѣры, не просятъ у Бога въ молитвѣ временныхъ благъ (сл. 25, стр. 118).—Величайшая благодать—утвердиться человѣку во время молитвы въ упованіи на Бога (сл. 30, стр. 133).—Когда не испытываемъ во время молитвы возбужденія и непрестаннаго сокрушенія, не должно сомнѣваться въ силѣ ея (сл. 30, стр. 133—134).—За всякаго рода памятованіями, занимающими умъ, должна слѣдовать опредѣленная молитва (сл. 30, стр. 135).—Какъ достигать молитвы безъ паренія мыслей? (сл. 30, стр. 136).—Какъ вредно смущеніе въ молитвѣ (сл. 30, стр. 136—137).—Помыслы, всѣваемые врагомъ, нужно отсѣкать молитвой, а не прекословить имъ, и почему? (сл. 30, стр. 137).—Слезы во время молитвы—признакъ милости Божіей (сл. 30, стр. 138).—Молитва выше милостыни (сл. 30, стр. 138; сл. 56, стр. 288).—Въ скорби должно просить помощи Божіей (сл. 36, стр. 154).—Нѣкоторые молятся объ отъятіи у нихъ дарованій (сл. 36, стр. 154).—За молитвой должно слѣдовать дѣло (сл. 38, стр. 162—163).—Умъ утончается и просвѣтляется въ молитвѣ по мѣрѣ оставленія попеченія о видимомъ и устремленія къ невидимому (сл. 39, стр. 164).—Молитва требуетъ упражненія въ ней, и почему? (сл. 39, стр. 165).—Молитву предваряетъ отшельничество (сл. 39, стр. 166).—Черезъ молитву приобрѣтаемъ любовь къ Богу, и почему? (сл. 39, стр. 166, 167; сл. 43, стр. 183).—На какія дѣланія простирается названіе молитвы? (сл. 39, стр. 166).—О молитвѣ и преимуществѣ оной (сл. 40, стр. 167—168).—Возлюби поклоны на молитвѣ больше славословія (сл. 40, стр. 167).—Благодать слезъ есть полнота молитвы (сл. 40, стр. 167).—Во время разсѣянія ума больше молитвы нужно заниматься соотвѣтственнымъ чтеніемъ, и почему? (сл. 40, стр. 167—168).—Ночная молитва досточестнѣе всѣхъ дневныхъ дѣяній (сл. 40, стр. 168).—Отъ ночного дѣланія (молитвеннаго) исходитъ дневная сладость (сл. 40, стр. 168).—Немощь свою и невѣжество относительно тонкихъ помысловъ самомнѣнія нужно открывать Господу въ молитвѣ, и почему? (сл. 40, стр. 169).—Помыслы, вызывающіе сомнѣніе въ ихъ доброкачественности, скорѣе испытывай прилежною молитвою (сл. 40, стр. 170).—Молитва есть умерщвленіе мыслей похоти плотской жизни (сл. 43, стр. 183).—Пребываніе въ молитвѣ есть отверженіе себя, а въ самоотверженіи души обрѣтается любовь Божія (сл. 43, стр. 183).—Слова Господа, побуждающія насъ къ молитвѣ (сл. 47, стр. 201—202).—Въ будущемъ вѣкѣ не приносятъ Богу молитвъ съ прошеніями, а теперь

необходимъ молитвенный подвигъ, и почему? (сл. 47, стр. 202).—
Что такое молитва? (сл. 48, стр. 206; сл. 61, стр. 334).—Полныя
самоотверженія молитвы Моисея и Ап. Павла (сл. 48, стр. 207).—
Молитва смиренномудраго (сл. 48, стр. 214).—Съ какимъ смиреніемъ
должно припадать къ Богу въ молитвѣ? (сл. 49, стр. 214).—Нужно
просить Бога, чтобы далъ намъ прійти въ мѣру вѣры (сл. 49,
стр. 215).—Какая польза отъ слезной молитвы? (сл. 51, стр. 229).—
Какъ готовить себя къ бдѣнію и молитвѣ? (сл. 52, стр. 230;
сл. 56, стр. 285—286).—Должно избѣгать смущенія и поспѣшности
въ молитвѣ и псалмопѣніи (сл. 52, стр. 231).—Одинъ изъ Отцевъ
сорокъ лѣтъ молился одной молитвой: „я согрѣшилъ, какъ человекъ,
Ты же прости, какъ Богъ“ (сл. 52, стр. 232).—Дерзновеніе въ мо-
литвѣ выше не только страстей, но и чистоты (сл. 55, стр. 254).—
Какое прошеніе въ молитвѣ бываетъ признакомъ гордости и само-
мнѣнія? (сл. 55, стр. 254—255).—Не соблюди заповѣдей и не по-
бѣдивши страстей, чего не должно просить въ молитвѣ, и о чемъ
просить? (сл. 55, стр. 256—257).—Кто не почитаетъ себя грѣшникъ,
того молитва не пріемлется Господомъ (сл. 55, стр. 257).—
Какъ поступать, когда почувствуешь умиленіе во время молитвы?
(сл. 56, стр. 289).—Какіе плоды приноситъ подвижнику молитва
(сл. 56, стр. 289—290).—Почему долго остается не услышанною
наша молитва? (сл. 57, стр. 298—299).—Должно быть послушнымъ
Богу въ благополучіи, чтобы имѣть молитвенное дерзновеніе въ
скорби (сл. 57, стр. 301).—Молиться должно прежде нашествія
искушеній и скорбей (сл. 57, стр. 302—303).—Неправедныя уста
заграждаются для молитвы, а сердце доброе радостно источаетъ
слезы въ молитвѣ (сл. 57, стр. 303).—Молитва смиренномудраго
какъ-бы прямо изъ устъ въ уши (Господни) (сл. 58, стр. 316).—
Отъ познанія своей немощи прибѣгаетъ человекъ къ Богу въ мо-
литвѣ, и какую получаетъ онъ отъ сего помощь (сл. 61, стр. 334).—
О благодатной молитвѣ (сл. 61, стр. 334).—Богъ не оставляетъ че-
ловѣка, прибѣгающаго къ Нему въ молитвѣ со смиреніемъ (сл. 61,
стр. 335; сл. 66, стр. 345—346).—Богъ попускаетъ искушенія для
того, чтобы мы приблизились къ Нему чрезъ молитву сокрушенія
и смиренія (сл. 61, стр. 335—336).—Молитва объ испѣленіи отъ
страстей (сл. 68, стр. 353—354; сл. 80, стр. 395).—Молитва при-
ближаетъ къ Богу и возбуждаетъ теплоту въ сердцѣ (сл. 69,
стр. 355).—Чтеніе Св. Писанія служитъ орошеніемъ молитвѣ (сл. 70,
стр. 358).—Молись Богу, чтобы далъ тебѣ ощутить желаніе Духа,
и почему это важно? (сл. 72, стр. 368).—Діаволь старается сначала

отвести насъ отъ непрестанной молитвы, а потомъ внушаетъ пренебреженіе и къ прочему должному (сл. 75, стр. 378—379).—Какъ мореходецъ смотритъ на звѣзды, такъ и монахъ взираетъ на молитву, и по ней направляетъ шествіе свое (сл. 85, стр. 406).—Молитва — ключъ къ истинному разумѣнію Св. Писанія (сл. 85, стр. 408).—Кто привязанъ къ тѣлесному, тотъ не можетъ имѣть дерзновенія въ молитвѣ (сл. 85, стр. 409).—Бесѣда съ людьми бываетъ помѣхой собесѣдованію съ Богомъ (сл. 85, стр. 410).—Когда можетъ человекъ имѣть дерзновеніе въ молитвѣ къ Богу? (сл. 85, стр. 412).—Молитва злопамятнаго то же, что сѣяніе на морѣ или на камнѣ (сл. 89, стр. 420, 423).—Молитва милостивыхъ легко восходитъ на небо (сл. 89, стр. 420).—Отчего во время молитвы дѣйствуютъ на насъ худыя помыслы? (сл. 90, стр. 427—428).

Молчаніе. Уста молчаливыя истолковываютъ тайны Божіи (сл. 8, стр. 38).—Молчаливый пріобрѣтаетъ смиренномудрую чинность, и безъ труда возобладаетъ надъ страстями (сл. 8, стр. 38).—Молчаливый заслуживаетъ хвалу у Христа (сл. 8, стр. 44).—Польза молчанія для духовной дѣятельности (сл. 31, стр. 142).—Молчаніе благоплодно (сл. 41, стр. 171).—Отъ понужденія къ молчанію рождается въ насъ нѣчто, приводящее насъ къ самому молчанію (сл. 41, стр. 171).—Молчаніе стяжевается понужденіемъ себя къ оному (сл. 41, стр. 171).—Отъ молчанія рождается нѣкая сладость и слезы (сл. 41, стр. 171).—Молчаніе превосходитъ прочія дѣла (сл. 41, стр. 171).—Кто сблизился съ молчаніемъ, тому излишни многіе совѣты человѣческіе и прежнія дѣла (сл. 41, стр. 171).—Молчаніе помогаетъ безмолвію (сл. 41, стр. 171).—Большой Арсеній благодатью наученъ былъ непрестанному молчанію (сл. 41, стр. 172).—Молчаніе есть таинство будущаго вѣка (сл. 42, стр. 180).—Пребывающимъ въ постѣ и молчаніи отрываются Божественныя тайны (сл. 42, стр. 180—181).—По какимъ причинамъ избираетъ человекъ всегдашнее молчаніе? (сл. 76, стр. 381—382).—Какая польза отъ храненія языка, и какой вредъ отъ преодоленія онымъ? (сл. 85, стр. 412).—Въ собраніяхъ предпочитай молчаніе (сл. 89, стр. 421).—Примѣръ молчанія въ философѣ (сл. 91, стр. 434—435).—(См. *Безмолвіе*).

Монахъ (инокъ). Какой стыдъ встрѣтитъ монаха, попирающаго свою совѣсть и обѣты? (сл. 7, стр. 36—37).—Какой вредъ получаетъ инокъ отъ частаго обращенія съ людьми мірскими? (сл. 8, стр. 38).—Мірянинъ лучше монаха, проводящаго время въ мірскихъ дѣлахъ (сл. 8, стр. 38).—Что особенно охлаждаетъ въ инокѣ

огонь Св. Духа? (сл. 8, стр. 42).—Правила монахамъ новоначальнымъ (сл. 9, стр. 45—48). — Какъ монаху избавлять себя отъ праздныхъ посѣтителей? (сл. 12, стр. 52—53).—Правило страннолюбія для монаха (сл. 13, стр. 53).—Правило относительно подаянія милостыни (сл. 13, стр. 54; сл. 14, стр. 55).—Какія дѣла иноческія? (сл. 14, стр. 56; сл. 56, стр. 279; сл. 59, стр. 322).—Полезное напоминаніе нѣкоего брата себѣ, приличное и всѣмъ (сл. 20, стр. 79—80).—Иноку подобаетъ избѣгать всего, ведущаго съ нимъ брань и расслабляющаго, и чего именно? (сл. 21, стр. 86—87).—Занятіемъ монаха въ келліи долженъ быть плачь (сл. 21, стр. 98).—Что значитъ наименованіе: *монахъ*? (сл. 21, стр. 98).—Утѣшеніе монаху порождается плачемъ его (сл. 21, стр. 98).—Монаху вредно видѣть мірское и мірянъ (сл. 24, стр. 116; сл. 69, стр. 355; сл. 85, стр. 410).—Изображеніе жизни иноковъ (сл. 36, стр. 156).—Различіе между иноками и людьми мірскими (сл. 36, стр. 156).—Сходство инока съ мертвецомъ (сл. 51, стр. 227).—Какой вредъ терпитъ монахъ, отлучающійся отъ собранія братій? (сл. 51, стр. 229).—Иноку должно избѣгать всего, раздражающаго въ немъ страсти (сл. 54, стр. 238).—Когда и какъ должно иноку бороться противъ того, что раздражаетъ страсти? (сл. 54, стр. 238).—Иноку должно избѣгать не только докучливости страстей, но и вліянія чувствъ (сл. 54, стр. 238—239).—Монахъ долженъ итти къ чистотѣ путемъ скорбей, которымъ шли Отцы (сл. 54, стр. 240).—Какому монаху полезно общежитіе? (сл. 55, стр. 245—246).—Монахи древле пекли себѣ хлѣбы однажды въ годъ (сл. 55, стр. 250).—Монаху нужно имѣть бѣдныя одежды, и почему? (сл. 56, стр. 279).—Монаху нужно охранять себя отъ причинъ страстей, а не охраняющій себя, и по сотвореніи чудесъ, и по наученіи другихъ, какъ можетъ пострадать? (сл. 56, стр. 281).—Если имѣешь что лишнее сверхъ дневной потребности, раздай нищимъ, и какая отъ сего польза? (сл. 56, стр. 286).—Полезныя наставленія монаху, или посвятившему себя Богу (сл. 57 и 58).—За что и для чего попускаются на монаха болѣзни и искушенія? (сл. 57, стр. 298).—Инокъ долженъ быть чуждъ житейской заботы (сл. 58, стр. 307; сл. 69, стр. 354).—Свойства монаха (сл. 58, стр. 309).—Различныя дѣланія живущихъ по Богу (сл. 58, стр. 319—320).—Брань діавола съ подвижниками — иноками (сл. 60). — Побѣда, пораженіе, сокровище и защита подвижника (инока)—заключается въ помыслахъ его (сл. 60, стр. 330).—Инокъ во всемъ долженъ быть назидательнымъ образцомъ для всякаго (сл. 63, стр. 340).—Иноческое

житіе—похвала Церкви Христовой (сл. 63, стр. 340).—Каковы добродѣтели иноческія—внѣшнія и внутреннія? (сл. 63, стр. 341; сл. 75, стр. 373—374).—Три чина подвизающихся въ иночествѣ (сл. 66, стр. 345).—Многочисленныя попеченія иноковъ обнаруживаютъ ихъ духовное разслабленіе и оскудѣніе въ Божественномъ (сл. 69, стр. 354).—Чѣмъ монахъ долженъ заниматься въ келліи? (сл. 72, стр. 367—368).—Монахъ уподобляется купцу (сл. 85, стр. 405).—Мореходецъ смотритъ на звѣзды, а монахъ взираетъ на молитву, и по ней направляетъ шествіе свое (сл. 85, стр. 406).—Еще уподобленіе монаха мореходцу и водолазу (сл. 85, стр. 406).—Примѣры для монаха, взятые изъ природы (сл. 85, стр. 406—408).—Степени восхожденія инока къ совершенству (сл. 86, стр. 413).—Монахи должны терпѣливо переносить всякія скорби и бѣдствія (сл. 91, стр. 435).—(См. *Келлія*).

Мудрость. Мудрость, не оправданная дѣятельностью, залогъ стыда (сл. 1, стр. 7).—Откуда человекъ узнаетъ, что пріялъ онъ мудрость отъ Духа, и каковъ признакъ сей мудрости? (сл. 38, стр. 160—161).—Мудрость духовная не пріобрѣтается чрезъ обученіе (сл. 49, стр. 215).—Безъ искушеній невозможно пріобрѣсти духовной мудрости (сл. 57, стр. 297).—Дѣйствіе ея (сл. 85, стр. 405).—Мудрость духовная и мудрость мірская (сл. 85, стр. 409).—(См. *Премудрость*).

Мученики. Кто можетъ быть причисленъ къ мученикамъ? (сл. 5, стр. 26; сл. 89, стр. 423).—Какъ мученики приготовлялись къ подвигу мученичества? (сл. 21, стр. 91).—Помощь имъ отъ Бога во время мученій (сл. 21, стр. 106—107; сл. 57, стр. 295).—Мученики—примѣръ для подвижниковъ благочестія (сл. 57, стр. 295).—Мужество ихъ проистекало изъ любви къ Богу и подкрѣплялось ею (сл. 73, стр. 370; сл. 91, стр. 434).—Глубина страданій мучениковъ (сл. 91, стр. 434).

Мысль. Демоны—творцы ложныхъ мыслей (сл. 18, стр. 72).—Мысль дѣлаетъ насъ и лучшими, и непотребными (сл. 46, стр. 199).—Добрая мысль не возникаетъ въ сердцѣ безъ благодати (сл. 85, стр. 403).

Н.

Надежда (упованіе). Нѣтъ человека неразумнѣе того, кто, проникнувъ въ тайны всѣхъ естествъ и обогатившись изобрѣтеніями и наблюденіями во всякомъ вѣдѣніи, оскверненъ грѣхами—и, не стя-

жавъ свидѣтельства о надеждѣ души своей, почитаетъ себя благополучнымъ (сл. 21, стр. 82).—Негабнущей надежды не имѣетъ человекъ, пока онъ на пути жизни сей (сл. 34, стр. 148).—Почему надежда такъ сладка святымъ, и дѣла ея легки? (сл. 48, стр. 209).—Кто послѣдуетъ душевному вѣдѣнію, тотъ не можетъ имѣть дерзновенія предъ Господомъ и упованія на Него (сл. 49, стр. 217).—Благотворныя слѣдствія надежды на Бога (сл. 49, стр. 218).—Благодать, утвердивъ человекъ въ упованіи на Бога, вводитъ его въ искушенія, и съ какою цѣлью? (сл. 49, стр. 219).—Нестязательность содѣйствуетъ укрѣпленію упованія на Бога (сл. 51, стр. 225).—Упоенный любовью Божіей укрѣпляется надеждою, а когда сердце утверждено въ надеждѣ, умъ человекъ возносится отъ земли (сл. 51, стр. 229—230).—Какая польза уповать на Бога въ добромъ дѣланіи, и какой вредъ—сомнѣваться въ Его помощи (сл. 57, стр. 292—293).—Когда сердце въ состояніи надѣяться на Бога? (сл. 57, стр. 297).—О видахъ надежды на Бога; о томъ, кому должно надѣяться на Бога, и—кто надѣется безразсудно (сл. 67, стр. 347—349).—Надежду на Бога предваряетъ трудъ для Бога (сл. 67, стр. 349).—Чѣмъ стяжевается и отъ чего рождается надежда на Бога? (сл. 75, стр. 381).—Каковы дѣйствія и плоды надежды на Бога? (сл. 89, стр. 426).

Немощь. Непрестанно открывай немощь свою предъ Богомъ, и не будешь искушаемъ врагами (сл. 2, стр. 12).—Многіе, не познавъ своей немощи, уклонились въ гордыню и впади въ нечистоту и непотребство (сл. 21, стр. 108).—Какъ познаетъ человекъ свою немощь? (сл. 37, стр. 157—158).—Нерѣдко случается, что человекъ бываетъ поражаемъ и низлагаемъ въ борьбѣ, являя безсиліе свое, а потомъ вдругъ воодушевляется и одерживаетъ побѣду надъ врагами (сл. 47, стр. 204—205).—Какая польза познавать и всегда помнить свою немощь? (сл. 57, стр. 292; сл. 61, стр. 333).—Не должно вѣрить своимъ силамъ, пока не будешь искушенъ (сл. 57, стр. 294).—Безъ поущенія искушеній никто не можетъ ощутить свою немощь (сл. 61, стр. 333).—Какія духовныя блага рождаются въ человекѣ отъ познанія собственной немощи? (сл. 61, стр. 334—335).—Какой вредъ—неомощное тѣло понуждать на дѣла, превышающія силы его, а тѣло крѣпкое—предавать покою и праздности? (сл. 85, стр. 411—412).—Сердечная печаль о немощи и безсиліи въ дѣлахъ тѣлесныхъ замѣняетъ собою всѣ таковыя дѣла (сл. 89, стр. 419).—Кто немощенъ душою—и исправляетъ другихъ, тотъ подобенъ слѣпому, указующему путь другимъ (сл. 89, стр. 419).—

Умъ нѣкоторыхъ способенъ совершенно возвыситься надъ немощью при обуреваніи тѣла искушеніями и скорбями (сл. 91, стр. 434).

Ненависть. Берегись ненавидѣть и распутнаго (сл. 89, стр. 422).— Не грѣшника должно ненавидѣть, а грѣхи его (сл. 90, стр. 430).— Почему не должно питать ненависти къ грѣшнику? (сл. 90, стр. 430).

Ниль (*преп.*). Его изреченіе (сл. 46, стр. 197).

Нищета (*и нестяжательность*). Поученіе въ Словѣ Божіемъ и пребываніе въ нищетѣ—начало пути жизни (сл. 1, стр. 1).—Дѣланія сіи помогаютъ одно другому (сл. 1, стр. 1).—Кто обнищаетъ въ мірскомъ, тотъ обогатится въ Богѣ (сл. 8, стр. 39).—Какимъ образомъ можетъ человѣкъ приучить себя къ жизни въ скудости и къ подвижничеству? (сл. 21, стр. 85).—Какую пользу получаетъ монахъ отъ того, что келлія его содержится въ скудости и не располагаетъ къ тѣлесному покою? (сл. 21, стр. 86).—Почему Господь прежде всего заповѣдалъ нестяжательность и удаленіе отъ мірскаго мятежа? (сл. 39, стр. 165).—Почему древніе Отцы оставляли міръ и имѣнія, избирали скудость и нестяжательность? (сл. 50, стр. 224).—Скудостью человѣкъ можетъ избавиться отъ многихъ грѣхопадений (сл. 50, стр. 224).—Какая польза отъ нестяжательности, и какой вредъ терпитъ нестяжательный, когда приобрѣтаетъ какія-либо вещи? (сл. 51, стр. 225—226).—Произвольная нищета производитъ въ умѣ тишину (сл. 56, стр. 286).—Добровольная нищета выше милостыни (сл. 56, стр. 287—288).—Скудость вещей учитъ человѣка воздержанію (сл. 56, стр. 288).—Безъ нестяжательности душа не можетъ освободиться отъ мятежа помысловъ (сл. 57, стр. 297).—Человѣкъ нищій и нуждающійся снабжается отъ Бога (сл. 57, стр. 298).—Кто сподобится обнищать ради Бога, тотъ долженъ благодарить за это Господа (сл. 57, стр. 298).—Какъ человѣкъ можетъ приобрѣсти дѣйствительную нестяжательность? (сл. 78, стр. 385—386).

О.

Обида. Благодушно терпѣть обиды признакъ смиренномудрія (сл. 58, стр. 310).—Пусть тебя обижаютъ, ты не обижай (сл. 89, стр. 424).

Обитель. Что такое: обители многи у Отца? (сл. 58, стр. 311).

Обличеніе. Не должно обличать другихъ (сл. 9, стр. 46; сл. 57, стр. 306; сл. 89, стр. 424).—Какая разница между обличеніемъ

кого-либо наединѣ и обличеніемъ передъ собраніемъ? (сл. 85, стр. 404).—При обличеніи должно помнить, что больные нуждаются больше въ попеченіи о нихъ, нежели въ порицаніи (сл. 89, стр. 418).

Образъ Божій—не въ тѣлѣ, но въ душѣ человека (сл. 3, стр. 18).

Общежитіе—для кого нужно и полезно? (сл. 55, стр. 245—246).

Обращеніе (съ людьми). Какая польза послѣдовать любящему Бога, и какой вредъ послѣдовать неправедному и горделивому? (сл. 8, стр. 38). — Какой вредъ приноситъ иноку обращеніе съ людьми и многоглаголаніе? (сл. 8, стр. 42).—Какую пользу приноситъ пребываніе и общеніе съ подвижниками? (сл. 8, стр. 42).—Обращеніе съ нерадивыми и любовь къ нимъ какой причиняетъ вредъ? (сл. 8, стр. 42). Какъ дѣйствуетъ на чревоугодника обращеніе съ постникомъ? (сл. 8, стр. 43—44).—Обращаясь съ другими, невозможно сохранить обычной мѣры поста (сл. 8, стр. 44; сл. 31, стр. 142).—Какъ избавиться отъ бесполезныхъ посѣщеній празднующихъ? (сл. 12, стр. 52—53).—Принятіе Отцевъ или утрудившагося странника вмѣняется вмѣсто молитвы (сл. 12, стр. 53).—Какъ полезно сближеніе съ праведными, такъ вредно обращеніе съ преданными страстямъ (сл. 57, стр. 305).—Передъ друзьями своими ходи благоговѣнно (сл. 89, стр. 421).—Полезные совѣты относительно обращенія и жизни съ другими (сл. 89, стр. 422).

Одежда. Какую пользу приносятъ бѣдныя одежды, и какой вредъ испытываютъ любящіе роскошь въ одеждахъ? (сл. 56, стр. 279).

Опытъ (*испытаніе, искусь*). Можно толковать о добродѣтели, опытно не извѣдавъ ея (сл. 1, стр. 7).—Значеніе опытнаго знанія добродѣтели (сл. 1, стр. 7—8). — Что такое искусь помысловъ? (сл. 4, стр. 23).—Значеніе и польза опыта въ жизни духовной (сл. 30, стр. 134; сл. 37, стр. 157—158).—Богу угодно, чтобы святые Его изъ опыта приобрѣтали вѣдѣніе (сл. 37, стр. 157).—Руководство подвижнику при опытномъ прохожденіи имъ безмолвнаго житія (сл. 44, стр. 185—189).—Какъ себя испытывать и возбуждать къ добру? (сл. 68, стр. 352).—Знаніе, основанное на духовномъ опытѣ, выше того, которое построено на философскомъ изслѣдованіи (сл. 78, стр. 386).—Въ чемъ состоитъ опытъ въ дѣлахъ духовныхъ? (сл. 78, стр. 386—387).

Оригенъ. Сл. 55, стр. 271.

Откровеніе (духовное). Безъ помощи существъ небесныхъ мы, и при непорочности и чистотѣ, не могли бы приблизиться къ откровенію тайнъ, и почему? (сл. 18, стр. 75).—Порядокъ откровенія тайнъ у горнихъ чиновъ (сл. 18, стр. 75—76).—Какъ будетъ от-

крываться слава Божія въ будущемъ вѣкѣ? (сл. 18, стр. 76).—Что бываетъ причиною духовныхъ видѣній и откровеній? (сл. 21, стр. 94—95).—Какая разница между видѣніемъ и откровеніемъ? (сл. 21, стр. 96).—Путь, которымъ душа достигаетъ откровеній (сл. 59, стр. 321).

Отрада. За всякою отрадою слѣдуетъ злостраданіе, и за всякимъ злостраданіемъ ради Бога слѣдуетъ отрада (сл. 71, стр. 365).—Памятуй оную отраду, которой нѣтъ конца (сл. 72, стр. 367).

Отчаяніе. Паденіе въ грѣхи не должно приводить человѣка въ отчаяніе (сл. 7, стр. 35—36).—Во время измѣненій, случающихся въ духовномъ устроеніи, не должно отчаиваться (сл. 46, стр. 195, 196).—Не отчаивайся—и помыслами смиренія содѣлай простительными грѣхи свои (сл. 46, стр. 198).—Если каждодневно пріемлемъ тысячи ударовъ, не будемъ малодушествовать (сл. 47, стр. 204).—Почему человѣку до конца жизни не должно отчаиваться, но прибѣгать къ молитвѣ? (сл. 47, стр. 204—205).—Отцы писаніями своими пытаются удалить отъ насъ страхъ отчаянія, чтобы мы прибѣгали къ покаянію, а не для того, чтобы дать намъ поводъ къ согрѣшеніямъ (сл. 62, стр. 337—338).

Отшельникъ, отшельничество. Отшельникъ не долженъ развлекать себя и добрыми дѣлами по отношенію къ ближнимъ (сл. 13, стр. 54—55).—Отшельникъ не долженъ имѣть страха (сл. 31, стр. 139).—Для чего нужно отшельничество? (сл. 39, стр. 166; сл. 78, стр. 386).—Въ чемъ состоитъ дѣланіе отшельническое? (сл. 41, стр. 174—175).—Для кого полезно отшельничество? (сл. 55, стр. 245—246).—Отшельники сподобляются многоразличныхъ явленій ангеловъ (сл. 57, стр. 295—296).—(См. *Безмолвіе*).

II.

Павель (Апостоль).—Ап. Павель—примѣръ неподражаемый для отшельниковъ (сл. 14, стр. 58).—Объясненіе словъ его: 2 Кор. XII, 7—9 (сл. 47, стр. 202—204).—Ап. Павель—образецъ смиренія (сл. 55, стр. 255—256).—Онъ искалъ и вождѣлвалъ не созерцанія, а любви, и почему? (сл. 55, стр. 265—266).—Слышалъ неизреченные глаголы по пріятіи Духа Святаго (сл. 55, стр. 270).—Почему Ап. Павель не объяснилъ, что видѣлъ и слышалъ въ раю? (сл. 55, стр. 271—272).—Онъ обличилъ еретическія откровенія (сл. 55, стр. 272).

Паденіе. Вспомни о паденіи сильныхъ, и смиришься въ добродѣтеляхъ своихъ (сл. 2, стр. 10).—Покаяніе и по паденіи сильно возвести челоуѣка на высоту (сл. 2, стр. 10).—По какой причинѣ многіе пали съ высоты духовной? (сл. 21, стр. 107—108).—И пріавшіе Духа сыноположенія не могутъ быть постоянно въ одномъ и томъ же состояніи, но ниспадають изъ него (сл. 28, стр. 130).—И со стоящими на степени чистоты приключаются паденія (сл. 46, стр. 195).—Многіе, ощутившіе дѣйствіе благодати, вознеслись мыслію—и пали (сл. 46, стр. 197).—Лучше намъ умереть въ подвигѣ, нежели жить въ паденіи (сл. 50, стр. 224).—Многіе, по содѣланіи добродѣтелей и чудесь, пали, и почему? (сл. 56, стр. 281).—Паденіе бываетъ за лѣность или за гордость (сл. 60, стр. 331).

Памятованіе. Погруженіе въ Св. Писаніе изглаждаетъ въ душѣ мірскія воспоминанія (сл. 1, стр. 4).—Духовное единеніе (съ Богомъ) есть непрестанное памятованіе (о Немъ) (сл. 1, стр. 7).—Какъ дѣйствуетъ на челоуѣка памятованіе о добромъ или зломъ? (сл. 30, стр. 134).—О различіи памятованій (воспоминаній); какія изъ нихъ можно принимать, и какія должно тотчасъ отвергать? (сл. 30, стр. 135).—Попущеніемъ скорбей и страстей Богъ возбуждаетъ въ насъ памятованіе о Немъ (сл. 57, стр. 299, 300).—Какая польза отъ памятованія о Богѣ? (сл. 57, стр. 299, 300—301; сл. 58, стр. 308; сл. 85, стр. 403).—Страсти отвращать лучше памятованіемъ добродѣтелей, нежели сопротивленіемъ, и почему? (сл. 58, стр. 313—314).—Что бываетъ съ челоуѣкомъ, далекимъ отъ памятованія о Богѣ? (сл. 85, стр. 403).—Памятованіемъ о Богѣ истребляется памятованіе о всемъ видимомъ (сл. 85, стр. 405).

Печаль (духовная, не мірская). Добродѣтель есть мать печали, а отъ печали—рождается смиреніе (сл. 34, стр. 148).—Челоуѣкъ, пекущійся о добродѣтели, не можетъ быть безъ печали и скорбей (сл. 34, стр. 149).—Печаль о грѣхахъ превосходитъ тѣлесный трудъ (сл. 40, стр. 168).—Сердечная печаль о немощи и безсиліи для дѣлъ тѣлесныхъ замѣняетъ собою оныя (сл. 89, стр. 419, 427; сл. 90, стр. 429).—Печаль ума—драгоцѣнное даяніе Божіе; а челоуѣкъ, дающій волю языку своему говорить о людяхъ и доброе, и худое, недостойнъ сей благодати (сл. 89, стр. 419).—(См. *Покаяніе*).

Пирь (мірскіе). Любовь къ пирямъ осуждается, и почему? (сл. 8, стр. 42).

Писаніе (Священное). Поучаться въ словесахъ Божіихъ—начало пути жизни, и какая отъ сего польза? (сл. 1, стр. 1—2).—Изученіе

Божественнаго Писанія удаляетъ нечистые помыслы (сл. 1, стр. 4).— Чтеніе Писанія и при не слишкомъ глубокомъ его разумѣніи полезно для души (сл. 1, стр. 4).—При чтеніи Писанія доискивайся цѣли слова (сл. 1, стр. 5).—Что ощущаютъ при чтеніи Писанія люди, получившіе благодать (сл. 1, стр. 5).—Что бываетъ съ тѣмъ, кто, не углубляясь, читаетъ Св. Писаніе? (сл. 1, стр. 5).—Выраженія Св. Писанія иногда имѣютъ несобственный смыслъ (сл. 4, стр. 20).—Поученіе въ Божественныхъ Писаніяхъ избавляетъ отъ суетныхъ помысловъ и довучливости страстей (сл. 21, стр. 99—100).—Непрестанное изученіе Писанія—свѣтъ для души, и возводитъ умъ къ чудесамъ Божиимъ (сл. 30, стр. 183; сл. 56, стр. 279).—Во время разсвѣянности ума полезно заниматься чтеніемъ Писанія (сл. 40, стр. 167).—Чтеніе Писанія—источникъ чистой молитвы (сл. 40, стр. 168).—Мы должны ревностно читать въ книгахъ учителей о Промыслѣ Божіемъ, и какую получаемъ отъ сего пользу? (сл. 56, стр. 283).—Какъ упражняться въ чтеніи Писанія? (сл. 56, стр. 283).—Должно съ благоговѣніемъ и осторожностью изслѣдовать Писаніе, а не съ безстыдствомъ касаться тайнъ Писанія (сл. 56, стр. 284).—Какая польза отъ чтенія Писаній и житій святыхъ (сл. 56, стр. 285 — 286; сл. 58, стр. 314; сл. 66, стр. 345, 346).—При какомъ духовномъ состояніи нѣтъ необходимости читать Св. Писаніе? (сл. 58, стр. 314).—Писанія, побуждающія насъ къ покаянію, не должно обращать въ поводъ къ согрѣшеніямъ (сл. 62, стр. 337—338).—Оставляя чтеніе Св. Писанія, мы уклоняемся въ страсти (сл. 66, стр. 345).—При ночномъ бдѣніи чтеніе Писаній какую приносятъ пользу? (сл. 70, стр. 358).—Къ чтенію Св. Писанія не должно приступать безъ молитвы (сл. 85, стр. 408).—Молитва—ключъ къ уразумѣнію Св. Писанія (сл. 85, стр. 408).

Пища, питіе. Какъ принимать пищу и питіе? (сл. 9, стр. 45).—Съ цѣломудріемъ должно ѣсть и пить, и какъ сидѣть за трапезой? (сл. 9, стр. 45).—Отъ пріятія пищи и упокоенія какія происходятъ послѣдствія? (сл. 43, стр. 184).

Плоть. Любя плотъ свою, человекъ не можетъ быть отважнымъ и не бояться вредящаго плоти (сл. 1, стр. 3).—Все, приключающееся съ плотію, почитай за сновидѣніе (сл. 1, стр. 8).—Когда плотскія движенія переходятъ въ похоть? (сл. 77, стр. 383).—За что иногда попускаются Богомъ похотныя движенія въ нашей плоти? (сл. 77, стр. 384).

Подвиги. Во время ослабленія и лѣности слѣдуетъ вспоминать прежнюю свою ревность въ подвигахъ (сл. 2, стр. 9).—Должно

предать себя на то, чтобы умирать въ подвигахъ, а не жить въ нерадѣніи (сл. 5, стр. 26).—Если человекъ оставитъ подвиги и труды воздѣлыванія земли сердца, то онъ неизбежно долженъ будетъ пожинать терніе страстей (сл. 19, стр. 78—79).—Какъ человекъ приучается въ подвигамъ? (сл. 21, стр. 85—86).—Подвиги и добродѣтелей человекъ не можетъ совершать безъ помощи Божіей (сл. 21, стр. 106—107).—Когда удостоивается человекъ помощи Божіей? (сл. 36, стр. 153—154).—Воля Духа—чтобы возлюбленные Его пребывали въ трудахъ (сл. 36, стр. 155).—Должно подвизаться до конца (сл. 38, стр. 162).—Лучше умереть въ подвигѣ, нежели жить въ паденіи (сл. 50, стр. 224).—Тѣлесные труды безъ чистоты ума не приносятъ пользы, и почему? (сл. 58, стр. 307—308).—Какая польза отъ тѣлеснаго труда и поученія въ Св. Писаніи? (сл. 58, стр. 314).—Различные подвиги подвижниковъ (сл. 58, стр. 319—320).—Господь попускаетъ діаволу превозмогать тѣхъ, которые съ сомнѣніемъ и холодностью вступили въ подвигъ (сл. 60, стр. 323).—Мужественно вступившихъ въ подвигъ охраняетъ отъ діавола Божественная сила (сл. 60, стр. 325).—Во всякое время подвига должно помнить первую ревность, съ какою вступилъ человекъ въ брань (сл. 60, стр. 327).—Молитвы смиренныхъ подвижниковъ (сл. 60, стр. 331).—Лѣнныя отступаютъ отъ подвиговъ, а истинные подвижники до конца проходятъ ихъ (сл. 60, стр. 332).—Умѣренному и съ притрудностью совершаемому дѣланію нѣтъ цѣны, и почему? (сл. 71, стр. 366; сл. 85, стр. 410).—Нужно терпѣть трудъ подвига, и для чего? (сл. 71, стр. 367).—Благодарные не замышляютъ великихъ подвиговъ, но малыми трудами отвращаютъ великія боренія (сл. 75, стр. 378, 380).—Безрассудные, не желая терпѣть мученія въ подвигѣ, предпочитаютъ ложе земного царства (сл. 75, стр. 380).—Кто желаетъ приблизиться къ Богу сердцемъ, тотъ долженъ показать Ему сперва любовь свою тѣлесными трудами и подвигами (сл. 85, стр. 408).—Сердечная печаль о немощи и безсиліи для дѣлъ тѣлесныхъ замѣняетъ оныя, а дѣла тѣлесныя безъ печали ума—то же, что тѣло неодушевленное (сл. 89, стр. 419).—Полезные совѣты для тѣхъ, кто не могутъ вполне совершать духовнаго дѣланія и подвиговъ (сл. 89, стр. 424—425).

Познаніе. Удаленіе отъ міра и безмолвіе ведутъ душу къ познанію Божіихъ тварей, а отсюда возносится она къ Богу (сл. 3, стр. 17).—Откуда ангелы вливаютъ въ насъ познаніе о вещахъ? (сл. 18, стр. 73).—Познанія о злѣ безъ внушенія демоновъ не приемятъ

чувства (сл. 18, стр. 74).—Познаніе себя выше видѣнія ангеловъ (сл. 41, стр. 175).—Должно читать Евангеліе, которое завѣщено Богомъ къ познанію цѣлой вселенной (сл. 56, стр. 283).—Что бываетъ съ душою, когда ей попущено бываетъ познать то, что выше ея естества? (сл. 56, стр. 284).—При чревоугодіи умомъ не пріемлется Божественное познаніе (сл. 69, стр. 356).—Первая степень духовнаго познанія (сл. 74, стр. 370).—Видѣніе Бога есть слѣдствіе познанія Его (сл. 74, стр. 371).—Кто позналъ себя, тому дается вѣдѣніе всего (сл. 74, стр. 372).—(См. *Вѣдѣніе*).

Покаяніе. Безъ покаянія не прощаются грѣхи (сл. 2, стр. 9).—Припоминая паденія падшихъ въ древности и потомъ возвысившихся чрезъ покаяніе, пріобрѣтешь дерзновеніе въ покаяніи (сл. 2, стр. 10).—Раскаяніе, по отыятіи свободы, что приносить? (сл. 2, стр. 11).—Если и приключится кому впасть въ различныя прегрѣшенія, то не долженъ онъ вознерадѣть о добрѣ, но пусть возстаетъ (къ покаянію) (сл. 7, стр. 35).—Почему человекъ можетъ узнать, что онъ получилъ отпущеніе грѣховъ своихъ? (сл. 18, стр. 76—77).—Если любишь покаяніе, возлюби и безмолвіе, и почему? (сл. 41, стр. 174).—Сколько разъ иные преступаютъ законъ—и покаяніемъ врачуютъ души свои! (сл. 46, стр. 194).—О томъ, что мы ежечасно имѣемъ нужду въ покаяніи, и въ чемъ оно состоитъ? (сл. 47, стр. 201).—Что такое покаяніе? (сл. 48, стр. 205; сл. 83, стр. 397).—Богъ ожидаетъ нашего покаянія, чтобы простить намъ грѣхи (сл. 51, стр. 228—229).—Благіе плоды покаянія (сл. 55, стр. 255).—При покаяніи Богъ требуетъ трудовъ, скорбей и проч. (сл. 55, стр. 275).—Пока мы въ тѣлѣ, должны быть рачительны въ дѣлахъ покаянія (сл. 55, стр. 275).—Покаяніе должно приносить и въ томъ согрѣшеніи, которое кажется малымъ, и надобно стараться истребить его прежде, нежели оно возрастетъ и созрѣетъ (сл. 57, стр. 294).—Побужденіе къ покаянію (сл. 57, стр. 301—302; сл. 89, стр. 426—427).—Въ надеждѣ на покаяніе грѣшить не должно (сл. 62, стр. 337—338, 340; сл. 90, стр. 429).—Нѣтъ добродѣтели выше покаянія (сл. 71, стр. 366).—Покаяніе всегда и всѣмъ потребно, и почему? (сл. 71, стр. 366).—Кающійся самъ наказываетъ себя за грѣхи (сл. 77, стр. 385).—Покаяніе рождается отъ вѣры и страха (сл. 83, стр. 397).—Покаяніе—единственное средство къ достиженію рая (сл. 83, стр. 399).—Покаяніе есть корабль, а страхъ—его кормчій (сл. 83, стр. 399).—Послѣ очищенія себя покаяніемъ какія духовныя дѣйствія испытываетъ человекъ? (сл. 87, стр. 414—415).—Покаяніе и сношенія

съ людьми—то же, что разбитая бочка (сл. 89, стр. 419).—Страхъ приближаетъ насъ къ смиренію и покаянію (сл. 89, стр. 426).—Страданіе Сына Божія на крестѣ даетъ намъ дерзновеніе въ покаяніи (сл. 89, стр. 426).—Скорбь ума (о грѣхахъ) достаточна, чтобы замѣнить всякое тѣлесное дѣланіе (сл. 89, стр. 427).—Печаль по поводу грѣховныхъ посползновеній вмѣняется намъ благодатію вмѣсто чистаго дѣланія (сл. 90, стр. 429).—Кто поддается грѣху въ надеждѣ на покаяніе, тотъ лукаво ходитъ предъ Богомъ, и какой отъ сего вредъ? (сл. 90, стр. 429).—(См. *Грѣхъ. Печаль*).

Поклоны (на молитвѣ).—Больше стихословія возлюби на молитвѣ поклоны (сл. 40, стр. 167).—Полезьа поклоновъ (сл. 45, стр. 193).—По скольку поклоновъ долженъ полагать безмолвствующій? (сл. 59, стр. 322).—Отчего рождается нерадѣніе о поклонахъ? (сл. 75, стр. 375).

Покой, упокоеніе. Время упокоенія Богъ соблюлъ праведникамъ въ будущемъ вѣкѣ (сл. 36, стр. 155).—Св. Духъ побуждаетъ участниковъ Своихъ не покоя искать, но предаваться трудамъ и скорбямъ (сл. 36, стр. 155).—Не Духъ Божій живетъ въ пребывающихъ въ покоѣ, но духъ діавола (сл. 36, стр. 155).—Нѣтъ на то воли Божіей, чтобы возлюбленные Божія покоились (въ семъ вѣкѣ) (сл. 36, стр. 156).—Живущему въ тѣлесномъ покоѣ невозможно пребывать въ любви Божіей (сл. 36, стр. 156).—Желаніе покоя тѣлеснаго удаляетъ чловѣка отъ дѣланія добродѣтелей и царства небеснаго (сл. 49, стр. 221).—Желаніемъ покоя уподобляемся птицамъ, попадающимъ въ сѣти (сл. 49, стр. 221—222).—И мірскія вещи пріобрѣтаются съ трудомъ, а мы хотимъ царство небесное получить, не лишаясь покоя (сл. 49, стр. 222).—Отреченію отъ тѣлеснаго покоя помогаетъ пребываніе въ нестяжательности (сл. 51, стр. 225).—Прежде всѣхъ добродѣтелей должно стоять пренебреженіе покоемъ (сл. 51, стр. 226).—Кто бѣгаетъ покоя въ настоящей жизни, у того умъ соглядаль уже будущій вѣкъ (сл. 56, стр. 277).—Божественная горячность не возжигается въ сердцѣ, любящемъ покой (сл. 56, стр. 286).—Если, не достигши смиренія, испытываешь покой, то не довѣрай себѣ и жди великой тревоги и мятежа (сл. 73, стр. 370).—Трезвенностью во всемъ чловѣкъ уготовляетъ себѣ великое упокоеніе (сл. 75, стр. 380).—Безразсудные предпочитаютъ малый близкій покой отдаленному царству (сл. 75, стр. 380).—Мудрые избираютъ лучше смерть въ подвигахъ, чѣмъ покой (сл. 75, стр. 380).—Покой рождаетъ, питаетъ и возвращаетъ страсти (сл. 77, стр. 384).—Діаволь радуется, когда мы въ покоѣ

(сл. 77, стр. 384).—Когда Богъ посылаетъ человѣку упокоеніе? (сл. 77, стр. 385).—Покой и праздность—гибель душѣ, и больше демоновъ могутъ повредить ей (сл. 85, стр. 411—412).—Дающіе покой своему тѣлу должны имѣть разсудительность, чтобы не разорить имъ чрезъ то охраненія себя, необходимаго въ дѣлѣ Божіемъ (сл. 90, стр. 427).—Разрѣшеніе чувствъ вредитъ больше покоя и расслабленія, и почему? (сл. 90, стр. 428).—Покой вредитъ только молодымъ, а разрѣшеніе чувствъ и старымъ и молодымъ, и почему? (сл. 90, стр. 428).

Помыслы. Лукавые помыслы не оскудѣваютъ безъ удаленія въ пустыню (сл. 1, стр. 2).—Что отгоняетъ блудные помыслы и воспоминанія? (сл. 1, стр. 4).—Трудами и храненіемъ себя источается чистота помысловъ, а чистотою помысловъ—свѣтъ мышленія (сл. 2, стр. 14).—О естественныхъ помыслахъ души, и когда человѣкъ познаетъ ихъ? (сл. 3, стр. 17—18).—Движеніе помысловъ въ человѣкѣ бываетъ отъ четырехъ причинъ (сл. 4, стр. 23).—Безмолвникамъ надлежитъ приносить Христу одну только чистую и непорочную жертву помысловъ (сл. 13, стр. 55).—Какіе помыслы и размышленія должно имѣть безмолвнику въ своей келліи? (сл. 21, стр. 97—98).—Суетные помыслы упраздняются чрезъ поученіе въ Божественныхъ Писаніяхъ (сл. 21, стр. 99—100).—Оставленіе сердцемъ житейскаго и поученіе въ Писаніи непрестанно возбуждаютъ въ подвижникѣ досточудный помысль о величїи Божіемъ,—и содержаніе сего помысла (сл. 21, стр. 99—103).—Вліяніе памятованій на помыслы (сл. 30, стр. 134).—При появленіи лукавыхъ помысловъ должно не прекословить имъ, а повергать себя предъ Богомъ, и почему? (сл. 30, стр. 137—138).—Добрые помыслы приходятъ отъ ангела-хранителя (сл. 34, стр. 147).—Какимъ образомъ одинъ старецъ избавлялся отъ лукавыхъ помысловъ? (сл. 34, стр. 147—148).—Какъ другой старецъ прогонялъ помыслы гордыни? (сл. 34, стр. 148).—Страстные помыслы не перестаютъ приражаться, пока стоитъ сей міръ (сл. 38, стр. 161).—По какой причинѣ помыслы и страсти обладаютъ человѣкомъ? (сл. 39, стр. 165).—Лукавые помыслы возникаютъ по ухищренію діавола (сл. 40, стр. 169).—Господь наказуетъ не за невольное движеніе лукаваго помысла, но за закоснѣніе въ ономъ (сл. 40, стр. 170).—О различеніи помысловъ и о томъ, что должно испытывать ихъ прилежною молитвою (сл. 40, стр. 170).—Отъ благочинія чувствъ рождается благочиніе помысловъ (сл. 41, стр. 172).—При алчущемъ и смиренномъ чревѣ не проникаютъ въ душу срамные помыслы (сл. 43, стр. 183).—

По характеру и состоянію помысловъ можно судить о преуспѣяніи и бесплодности безмолвнаго житія (сл. 44, стр. 187).—Нѣкоторыя страсти ведутъ брань прираженіемъ помысловъ, другія—тѣмъ, что налагаютъ на душу тяжесть (сл. 45, стр. 191).—Должно строго наблюдать за движеніемъ помысловъ (сл. 45, стр. 191).—И у совершенныхъ бываетъ прираженіе страстныхъ помысловъ (сл. 46, стр. 195).—Объ измѣненіи, бывающемъ въ помыслахъ: какъ они изъ скотскихъ и нечистыхъ превращаются въ нѣломудренныя и мирныя (сл. 46, стр. 196).—Когда искушеніе помыслами ведетъ къ паденію? (сл. 46, стр. 198).—Помыслами смиренія грѣшникъ умножаетъ Бога (сл. 46, стр. 198).—Помыслами гордыни тревожимы бываютъ люди, стоящіе на высокой степеніи духовнаго житія (сл. 46, стр. 200).—Должно молиться Богу о сохраненіи отъ мятежа помысловъ и отъ потопа страстей (сл. 52, стр. 230).—Какъ бороться съ помыслами во время молитвы? (сл. 52, стр. 281).—Внѣшніе философы назвали мечту безумныхъ помысловъ своихъ умозрѣніемъ естества (сл. 55, стр. 268).—Многіе еретики мечты своихъ помысловъ называли духовными соверданіями (сл. 55, стр. 271, 272).—Всѣ созерцанія, какія зыкъ въ состояніи обнаружить въ тѣлесной области, суть мечтанія душевныхъ помысловъ, а не дѣйствіе благодати (сл. 55, стр. 272).—Отъ чревоугодія рождается мятежь помысловъ (сл. 58, стр. 307).—Злые помыслы уподобляются идоламъ (сл. 58, стр. 308).—Срамныя помыслы отгоняются чтеніемъ и продолжительною молитвою (сл. 58, стр. 309).—Блудныя помыслы приходятъ отъ тщеславія (сл. 58, стр. 313).—Виды помысловъ (сл. 58, стр. 314—315).—Побѣда человѣка, и пораженіе его, и сокровище, и заплата его, и все у подвижника заключается въ помыслѣ его (сл. 60, стр. 330).—Богъ попускаетъ человѣку поползаться въ срамныя и нечистыя помыслы для того, чтобы онъ смирился (сл. 61, стр. 336).—Когда человѣкъ достигаетъ мира помысловъ? (сл. 65, стр. 344).—Поученіемъ въ Божественныхъ Писаніяхъ умъ освобождается отъ лукавыхъ помысловъ (сл. 66, стр. 346—347).—Что служитъ признакомъ того, что безмолвствующій подвижникъ искушенъ помысломъ гордыни? (сл. 70, стр. 360).—Откуда рождается кротость помысловъ? (сл. 75, стр. 373).—Отъ чего происходятъ неудержимыя помыслы, влекущіе къ паденію? (сл. 75, стр. 374).—Помыслы уподобляются водѣ (сл. 75, стр. 379).—Различіе между помыслами о предметахъ отдаленныхъ и помыслами, возбуждаемыми видѣніемъ вещей и приближеніемъ къ нимъ (сл. 77, стр. 383).—Въ утружденномъ тѣлѣ помыслы не могутъ

предаваться суетнымъ пареніямъ (сл. 77, стр. 385).—Кому должно довѣрять свои помыслы? (сл. 78, стр. 386).—Всякая добрая мысль западаетъ въ сердце отъ благодати Божіей, а лукавые помыслы попускаются для искушенія и испытанія нашего (сл. 85, стр. 408).

Попеченіе. Какая польза быть виѣ житейскихъ попеченій? (сл. 3, стр. 17; сл. 39, стр. 164—165; сл. 58, стр. 307). — Невозможно соединить попеченіе о мірѣ съ попеченіемъ о Богѣ (сл. 35, стр. 150).—Кто печется о духовномъ, тому доставляется тѣлесное безъ попеченія о немъ (сл. 35, стр. 150).—Пекущемуся о славѣ имени Божія подается Богомъ и духовное, и тѣлесное (сл. 35, стр. 151).—Попеченіе предавшагося Богу должно быть объ истинѣ (сл. 35, стр. 152).—Какой вредъ терпитъ человекъ отъ житейскихъ попеченій? (сл. 53, стр. 307).—Человекъ многопопечительный не можетъ быть кроткимъ и безмолвнымъ (сл. 69, стр. 354).—Многочисленные попеченія иноковъ—признакъ ихъ нравственнаго разслабленія (сл. 69, стр. 354).—Попеченія послѣ молитвы производятъ расточеніе мыслей (сл. 69, стр. 355).

Поползновеніе, прираженіе (грѣховныя). О поползновеніи, бывающемъ въ нашемъ устроеніи (сл. 46, стр. 195—196).—Поползновенія и прираженія неизбѣжны въ семъ мірѣ, но не нужно малодушествовать, а надѣяться на побѣду (сл. 47, стр. 204).—Поползновеніе обнаруживаетъ человѣческую немощь, и какая отъ сего польза? (сл. 58, стр. 307).—Для чего Богъ попускаетъ человеку поползаться въ различныя страсти и срамныя помыслы? (сл. 61, стр. 336).—О прираженіяхъ страстей, омрачающихъ душу безмолвствующаго, и какъ бороться ему съ ними? (сл. 64, стр. 342).—Мы не тогда должны печалиться, когда пополземся въ согрѣшеніе, но когда закоснѣемъ въ немъ, потому что поползновеніе бываетъ и съ совершенными (сл. 90, стр. 429).—Что бываетъ съ тѣмъ, кто ползается въ надеждѣ на покаяніе? (сл. 90, стр. 429).

Послушаніе. Кому и въ какомъ случаѣ должно быть послушнымъ? (сл. 9, стр. 46).—Послушаніе кому можетъ быть дѣломъ дьявольскимъ? (сл. 9, стр. 46).—Какое должно имѣть повнновеніе по отношенію къ игуменамъ и начальникамъ? (сл. 9, стр. 47).

Постъ. Какая польза бываетъ отъ трапезы постящихся имъ самимъ и другимъ? (сл. 8, стр. 43).—Какъ встрѣча съ постникомъ отражается на людяхъ разсудительныхъ и на чревоугодникахъ? (сл. 8, стр. 43—44).—Обычный постъ неудобно сохранять при бесѣдѣ и обращеніи съ людьми (сл. 8, стр. 44; сл. 31, стр. 142).—Безмолвіе и уединеніе помогаютъ въ храненіи поста (сл. 8, стр. 44).—

Какую пользу получаетъ человекъ, когда довольствуется тѣмъ, что служить только къ поддержанію его тѣла? (сл. 21, стр. 86).—Началомъ борьбы противъ грѣха служить трудъ поста (сл. 21, стр. 88—89).—Кто любитъ постъ и бдѣніе, тотъ другъ цѣломудрія (сл. 21, стр. 89).—Упокоеніе чрева есть начало всего худого, а постъ и бдѣніе—основаніе всѣхъ добродѣтелей (сл. 21, стр. 89).—Вообще какая польза отъ поста, хранямаго съ разсудительностью? (сл. 21, стр. 89, 91).—И въ раю первая заповѣдь дана была о постѣ (сл. 21, стр. 89).—Спаситель послѣ крещенія началъ постомъ, и послѣдующіе Ему постомъ начинаютъ свой подвигъ (сл. 21, стр. 90).—Постъ есть сильное оружіе противъ врага (сл. 21, стр. 90).—Какой вредъ причиняютъ себѣ нерадящіе о постѣ? (сл. 21, стр. 90—91).—Мученики приготовлялись къ подвигу постомъ (сл. 21, стр. 91).—Почему нѣкоторые, проходя подвигъ поста и прочихъ добродѣтелей, не чувствуютъ тишины, и успокоенія отъ страстей, и мира помысловъ? (сл. 21, стр. 91).—Отъ сѣмени пота постовъ произрастаетъ колосъ цѣломудрія (сл. 43, стр. 183).—Пустота чрева охраняетъ умъ нашъ отъ мятежныхъ помысловъ (сл. 43, стр. 184).—При трудѣ постничества рождается въ душѣ вѣдѣніе тайнъ Божіихъ (сл. 58, стр. 309).—Алчба и жажда—признаки истинно подвижнической жизни (сл. 58, стр. 309).—Какое воздержаніе соблюдаютъ истинные подвижники? (сл. 60, стр. 332).—Собрать себя воедино и всегда поститься служить основаніемъ всего добраго, и какой плодъ отъ сего рождается? (сл. 75, стр. 373—374).—Малое нарушеніе поста ведетъ къ невоздержности и блуду (сл. 75, стр. 379).

Похоть. Какъ образуется похоть въ тѣлѣ человека? (сл. 77, стр. 383—384).

Правило. Безмолвіе избирается подвижниками не для дѣль, простирающихся сверхъ правилъ (сл. 41, стр. 174).—Для безмолвниковъ достаточно было вмѣсто всѣхъ правилъ одной тѣлесной немощи и безмолвія (сл. 41, стр. 275).—Безмолвники, даже по причинѣ неисполненія ими правилъ своихъ, не выходятъ изъ келлій и лишаютъ себя церковныхъ службъ (сл. 41, стр. 175).—Почему намъ не должно оставлять своего келейнаго молитвеннаго правила? (сл. 71, стр. 362—363).

Праздность. Какой вредъ принести праздность? (сл. 71, стр. 362; сл. 85, стр. 408).—Покой и праздность вредятъ душѣ больше демоновъ (сл. 85, стр. 411).

Празднословіе, многоглаголаніе. Какая польза отъ храненія усть? (сл. 8, стр. 37).—Какой вредъ отъ многоглаголанія? (сл. 8,

стр. 39; сл. 9, стр. 48).—Кто душою и тѣломъ преданъ суесловію и паренію ума, тотъ—блудникъ (сл. 8, стр. 41).—Любящій пустословіе не можетъ пріобрѣсти чистаго ума (сл. 56, стр. 280).—(См. *Языкъ*).

Прелесть (обольщеніе дѣвольское). Благодать открываетъ чело-вѣку злоковенную прелесть дѣвольскихъ внушеній (сл. 49, стр. 219).—Обличеніе Ап. Павломъ прелести еретиковъ, растлѣнныхъ мечтаніемъ бѣсовскимъ и принимавшихъ мечтанія душевныхъ помысловъ за дѣйствіе благодати (сл. 55, стр. 271—272).—Какимъ образомъ впалъ въ прелесть Мална́ черезъ ложныя откровенія и видѣнія? (сл. 55, стр. 272—274).—То же объ Аснвѣ́, впадшемъ въ прелесть (сл. 55, стр. 274).

Премудрость. Постоянное послѣдованіе премудрости охраняетъ сердце отъ стремленія ко злу (сл. 21, стр. 81).—Путь премудрости нѣтъ конца, и почему? (сл. 21, стр. 81).—Какая первая стезя, приближающая насъ къ премудрости Божіей? (сл. 21, стр. 81—82).—Въ чемъ состоитъ умудренность, превышающая всякое вѣдѣніе? (сл. 21, стр. 82).—Испаренія чрева изгоняютъ изъ души Божію премудрость (сл. 58, стр. 309).—Душа скупая лишается премудрости, милосердая же умудряется Духомъ (сл. 85, стр. 409).—Начало Божественной премудрости—скромность и кротость (сл. 89, стр. 418—419).—(См. *Мудрость*).

Привычка. Сила и вредъ худой привычки (сл. 89, стр. 421—422).

Причащеніе. Совершитель таинства — священникъ (сл. 16, стр. 66).—Духъ Святой нисходитъ на хлѣбъ и вино (сл. 16, стр. 66).—Предъ Причащеніемъ не должно вкушать нищи (сл. 21, стр. 97).

Промысль. Богъ имѣетъ о челоуѣкѣ великое промышленіе, и нѣтъ челоуѣка, о которомъ не промышлялъ бы Богъ (сл. 1, стр. 2—3).—На комъ особенно усматривается промысль Божій? (сл. 1, стр. 3; сл. 57, стр. 295).—Когда челоуѣкъ склоненъ отрицать промысль Божій? (сл. 1, стр. 3).—Господь промышляетъ не только о челоуѣкѣ, но и о животныхъ, и о птицахъ, и о тваряхъ неодушевленныхъ (сл. 5, стр. 27).—Внѣ искушеній не усматривается промысль Божій (сл. 5, стр. 30).—На всякій часъ нужно памятовать о промыслѣ Божіемъ; симъ памятованіемъ утверждается въ душѣ памятованіе о величій чести Божіей (сл. 6, стр. 32—33).—Созерцаніе промысла Божія (сл. 21, стр. 100—103).—Домостроительство и промысль Божій превышаютъ всякое понятіе (сл. 21, стр. 102).—Промысль Божій во всякое время хранитъ и укрѣпляетъ святыхъ (сл. 21, стр. 106).—Промысль Божій печется о удаляющихся въ пустыню съ надеждою на Него (сл. 21, стр. 109).—

Люди, въ которыхъ возсіялъ свѣтъ вѣры, ежечасно видятъ Отецескій промыслъ Божій (сл. 25, стр. 118).—Плотское вѣдѣніе не Божію промыслу приписываетъ управленіе міромъ и сохраненіе человека, а себѣ (сл. 26, стр. 125).—Безъ промысла Божія никогда никто не можетъ сдѣлать вреда другому (сл. 31, стр. 139).—О сомнѣвающихся въ промыслѣ Божіемъ (сл. 32, стр. 144—145).—Когда человекъ печется о благоугожденіи Богу, то и Богъ промышляетъ о немъ: и о духовныхъ, и о тѣлесныхъ его потребностяхъ (сл. 35, стр. 150—151).—Предавшій себя всецѣло Богу находится подъ Божіимъ промысломъ, а сіе познается изъ того, что Богъ непрестанно посылаетъ ему печали (сл. 35, стр. 152—153).—Промыслъ Божій не попускаетъ живущимъ въ искушеніяхъ впадать въ руки демонскія, и когда особенно охраняетъ ихъ? (сл. 35, стр. 153).—Богъ тайно промышляетъ о святыхъ Своихъ, но безъ нужды не показываетъ явно силы Своей (сл. 36, стр. 153).—Почему не должно изнемогать въ упованіи на промыслъ Божій? (сл. 40, стр. 169).—Промыслъ Божій попускаетъ грѣховныя поползновенія и измѣненія, приводя насъ чрезъ это къ смиренію (сл. 46, стр. 198).—Промыслъ Божій, храящій младенцевъ, охраняетъ и тѣхъ, которые, оставивъ свое вѣдѣніе, возлагаютъ упованіе на Бога (сл. 49, стр. 214—215).—Должно ввѣрить себя промыслу Божію, и какая отъ сего польза? (сл. 49, стр. 218).—Какъ Господь оказываетъ помощь промышленіемъ Своимъ тѣмъ, которые возложили упованіе на промыслъ Его? (сл. 49, стр. 218—219).—Познать промышленіе Божіе невозможно, не выдержавъ предварительно испытанія (сл. 49, стр. 219).—Богъ показываетъ силу промысла Своего, когда человекъ находится въ безнадежныхъ обстоятельствахъ (сл. 49, стр. 220).—Промышленіе Божіе о насъ выше того, какое бываетъ у отца о сынѣ (сл. 55, стр. 255).—О промыслѣ Божіемъ должно читать въ Евангеліи и въ книгахъ учителей, и какая отъ сего польза? (сл. 56, стр. 283).—О промыслѣ Божіемъ, сокровенномъ и явно видимомъ (сл. 57, стр. 295—297).—Кому особенно доступно видѣніе промысла Божія? (сл. 57, стр. 295).—Побужденіе къ вѣрѣ въ промыслъ Божій (сл. 57, стр. 295).—Какъ промыслъ Божій чрезъ искушеніе и скорби приводитъ насъ къ добродѣтели и блаженству? (сл. 57, стр. 299—301).—Кто разумно надѣется на промыслъ Божій въ отношеніи тѣлесныхъ потребностей своихъ, и кто безразсудно питаетъ таковую надежду? (сл. 67, стр. 347—349).—Какимъ образомъ промыслъ Божій печется о всякомъ человекѣ, избавляя его отъ бѣдъ? (сл. 67, стр. 349—350).—Праведникъ имѣетъ надѣ

собой особое, непрерывное промышленіе (сл. 67, стр. 350).—Промысль Божій; частный и общій (сл. 80, стр. 393; сл. 67, стр. 350).—Когда удостовѣряется человекъ въ промышленіи Божіемъ о человекѣ? (сл. 87, стр. 415).—Промысль Божій приближается и даетъ ощутить себя человекъ, пренебрегающему міромъ и ревнующему о страхѣ Божіемъ (сл. 91, стр. 432—433).

Простота. Великая простота прекрасна (сл. 5, стр. 26).—Великое дѣло—прійти человекъ въ первоначальную простоту (сл. 21, стр. 97).—Примѣры духовной простоты (сл. 21, стр. 97).—Ходи предъ Богомъ въ простотѣ, а не въ знаніи (сл. 49, стр. 214).—Простотѣ сопутствуетъ вѣра (сл. 49, стр. 214).—Въ чувствѣ немощи и въ простотѣ молись, чтобы хорошо жить тебѣ предъ Богомъ (сл. 49, стр. 217).—Простота и непытливый нравъ ведутъ къ царствію (сл. 58, стр. 318).—Кому присуща великая простота? (сл. 89, стр. 421).

Псалмопѣніе. Псалмопѣніе—корень безмолвнаго житія (сл. 40, стр. 168).

Пустыня. Пустыня усыпляетъ страсти (сл. 1, стр. 2; сл. 55, стр. 246).—Съ упованіемъ на Бога удалившійся въ пустыню находится подъ смотрѣніемъ Промысла (сл. 21, стр. 109).—Въ пустынѣ нѣтъ соблазновъ (сл. 75, стр. 378).—(См. *Безмолвіе*).

Путь Божій. Путь Божій—ежедневный крестъ, и стезя его отъ вѣка и отъ родовъ крестомъ и смертію пролагается (сл. 35, стр. 152).

Р.

Радость. Радость о Богѣ крѣпче здѣшней жизни (сл. 38, стр. 160).—Признаки и дѣйствіе духовной радости (сл. 45, стр. 192).—Радость праведныхъ въ будущемъ вѣкѣ будетъ различна по силѣ (сл. 58, стр. 311).

Раздражительность. Терпѣніе скорбей плоти производится дѣйствіемъ раздражительной части души (сл. 2, стр. 12).—Похотѣніе и раздражительность суть естественныя страсти души, независимо отъ тѣлеснаго естества (сл. 4, стр. 20).—Сердце раздраженное не вмѣщаетъ въ себѣ тайнъ Божіихъ (сл. 8, стр. 37).—При безмолвіи и утишеніи раздражительности и гнѣва въ морѣ сердечномъ—носятся въ немъ тайны и откровенія Божественныя (сл. 8, стр. 38).—Каково состояніе человекъ раздражительнаго? (сл. 8, стр. 39).—Когда обнаружить свою дѣятельность естественная раздражительность, то тѣлесная жизнь бываетъ пренебрегаема паче умовъ (сл. 49,

стр. 223).—Чему подобна сила раздражительности, когда найдетъ она себѣ доступъ въ нашъ умъ? (сл. 89, стр. 420).—(См. *Гнѣвъ*).

Разсудительность. Всякую вещь красить мѣра. Безъ мѣры обращается во вредъ и почитаемое прекраснымъ (сл. 1, стр. 6).—Разсудительность выше всѣхъ добродѣтелей (сл. 9, стр. 45).—Какая польза отъ храненія трезвенности и разсудительности? (сл. 38, стр. 162).—О тонкой разсудительности въ отношеніи искушеній и страстей (сл. 45, стр. 189—190 и слѣд.).—Въ чемъ состоитъ разсудительность, свойственная естественному вѣдѣнію? (сл. 84, стр. 399—400).—Содѣваемое безъ разсужденія суетно, и почему? (сл. 89, стр. 423).—Храненіе разсудительности лучше всякаго житія (сл. 90, стр. 429—430).

Раскаяніе. Когда раскаяніе бываетъ бесполезно? (сл. 2, стр. 11).

Ревность. Побужденіе къ ревности о добродѣтели (сл. 2, стр. 9—10).—Какую крѣпость и силу имѣетъ благая ревность? (сл. 32, стр. 143—144).—Какъ укрѣпляется и какъ охлаждается ревность въ душѣ? (сл. 32, стр. 144—145).—Польза духовной ревности (сл. 49, стр. 223).—Ревность рождаетъ отважность, душевную силу, тѣлесную рачительность и усердіе (сл. 49, стр. 223).—О вредѣ безразсудной ревности, прикрывающейся личиною ревности Божественной (сл. 89, стр. 418).

Ропотъ. Ропотъ наводитъ на человѣка искушеніе и наказаніе Божіе (сл. 85, стр. 403).

Руководѣніе. Въ какомъ случаѣ и съ какою цѣлью долженъ безмолвникъ упражняться въ руководѣніи? (сл. 30, стр. 138; сл. 40, стр. 169; сл. 56, стр. 289).—Руководѣніемъ не должно заниматься изъ сребролюбія (сл. 30, стр. 138; сл. 56, стр. 289).

С.

Самолюбіе. Прежде всѣхъ страстей—самолюбіе (сл. 51, стр. 226).

Самооправданіе. Оно—не христіанскаго житія дѣло (сл. 89, стр. 424).

Самоотверженіе. Въ чемъ состоитъ отверженіе себя? (сл. 21, стр. 84; сл. 43, стр. 183).

Самоукореніе. Какую пользу приноситъ самоукореніе, и какъ себя укорять? (сл. 20, стр. 79—81; сл. 68, стр. 352).

Самсонъ. За что Богъ удалился отъ Самсона? (сл. 62, стр. 338).

Святые. Святые, живя во плоти, мертвы для міра, ибо живутъ не

по плоти (сл. 2, стр. 15).—Святые—примѣръ для насъ (сл. 6, стр. 31—32).—Святые не имѣютъ празднаго времени, и почему? (сл. 16, стр. 65).—Святыхъ всегда охраняетъ и укрѣпляетъ промыслъ Божій (сл. 21, стр. 106).—Святые въ будущемъ вѣкѣ всѣ водворены будутъ въ одной странѣ, но овареніе и радованіе ихъ будутъ различаться по силѣ (сл. 58, стр. 311).

Серафимъ. Что значитъ это наименованіе? (сл. 17, стр. 70).

Сердце. Сердце не имѣетъ тишины при дѣятельности внѣшнихъ чувствъ (сл. 1, стр. 2).—При служеніи чувствамъ сердце отвлекается отъ услажденія Богомъ (сл. 1, стр. 3).—Сомнѣніе сердца приводитъ въ душу боязнь (сл. 1, стр. 3).—Сердце есть вмѣстѣлице внутреннихъ чувствъ и корень ихъ (сл. 4, стр. 24).—Объ очищеніемъ сердца очищаются и чувства, сердце же достигаетъ чистоты скорбями, удаленіемъ отъ міра и умерщвленіемъ себя для всего мірскаго (сл. 4, стр. 24).—Что приобрѣтается съ болѣзнію сердечною, то и хранится съ осторожностью (сл. 5, стр. 28).—Когда человекъ зритъ Господа внутри сердца своего? (сл. 8, стр. 37, 38).—Сердце раздраженное не вмѣщаетъ въ себѣ тайнъ Божіихъ (сл. 8, стр. 37).—При безмолвіи и утишеніи гнѣва—въ морѣ сердечномъ движутся тайны и откровенія Божественныя (сл. 8, стр. 38).—Что бываетъ съ сердцемъ инока, часто обращающагося съ людьми мірскими? (сл. 8, стр. 38).—Каковъ бываетъ ревностно ищущій Бога въ сердцѣ своемъ? (сл. 8, стр. 39).—Чѣмъ удерживается сердце человека отъ стремленія ко злу? (сл. 21, стр. 81).—Если сердце ежедневно оскверняется, то когда оно очищается отъ скверны? (сл. 21, стр. 92).—Какой признакъ того, что человекъ достигъ чистоты сердца? (сл. 21, стр. 96—97).—Какъ настроено бываетъ по отношенію къ страстямъ сердце, пріившее ощущеніе духовнаго и созерцаніе будущаго вѣка? (сл. 38, стр. 161).—Преуспѣяніе сердца—непрестанное помышленіе о своемъ упованіи (сл. 41, стр. 172).—Сердце жестокое и немилосердное никогда не очистится (сл. 41, стр. 173).—Что такое сердце милующее? (сл. 48, стр. 205—206).—Когда сердце возревнуетъ духомъ, то тѣло не печалится о скорбяхъ (сл. 49, стр. 223).—Сердце, упоенное любовью къ Богу, подкрѣпляется надеждою на Бога (сл. 51, стр. 229).—Не дѣла отверзаютъ заключенную дверь сердца, но сокрушеніе и смиреніе души (сл. 55, стр. 255).—Когда въ сердцѣ укореняются заповѣди Духа, и какая отъ сего польза? (сл. 58, стр. 314).—Въ одной душѣ не могутъ быть и горячность, и сокрушеніе сердца, и почему? (сл. 58, стр. 317).—Отъ чего рождается горячность въ

сердцѣ? (сл. 59, стр. 321).—Когда сердце не имѣетъ тишины отъ страха и трепета, то что должно дѣлать? (сл. 61, стр. 333).—Не смирившись, сердце не можетъ избавиться отъ паренія (сл. 61, стр. 334).—Воскресеніе чувствъ есть омертвѣніе сердца (для Бога) (сл. 85, стр. 411).—Если нечисто у тебя сердце, пусть чисто будутъ хотя уста (сл. 85, стр. 412).—Сердце пріемлетъ дерзновеніе въ молитвѣ въ мѣру подвига, совершаемаго ради Бога (сл. 85, стр. 412).—Сердце, исполненное печали о безсиліи въ дѣлахъ тѣлесныхъ, замѣняетъ собою оныя (сл. 89, стр. 419).—Кому подобенъ скорбящій сердцемъ, а чувствамъ своимъ дающій свободу? (сл. 89, стр. 419).—Смиренный сердцемъ мертвъ для міра (сл. 89, стр. 420).—Надежда на Бога возвышаетъ и укрѣпляетъ сердце, а страхъ геенны сокрушаетъ его (сл. 89, стр. 426).—Дѣланіе сердца—узы для вѣншихъ членовъ, и почему можно узнать, что человекъ съ разсудительностью занимается сердечнымъ дѣланіемъ? (сл. 90, стр. 429).

Симеонъ Чудотворецъ. Посланіе къ нему ввеп. Исаака Сирина (сл. 55, стр. 241—276).

Сиринъ или сирена. О сладости пѣнія этой птицы (сл. 85, стр. 407).

Сисей Великій—образецъ чистоты (сл. 21, стр. 97).

Скитаніе. Какая польза отъ самособранности и постояннаго поста? (сл. 75, стр. 373—374).—Какой вредъ отъ скитанія и чревоугодія? (сл. 75, стр. 374—375).

Скорби, страданія. Когда умножится въ человекѣ благодать, онъ легко претерпѣваетъ скорби ради страха Божія (сл. 1, стр. 2).—Что нужно дѣлать, чтобы благодарить Бога за скорби и переносить ихъ съ радостью? (сл. 2, стр. 9).—Любить добродѣтели. тотъ, кто съ радостью пріемлетъ послѣдующія за добродѣланіемъ скорби (сл. 2, стр. 11).—Кто хочетъ взойти на крестъ, т. е. достигнуть созерцанія, не претерпѣвъ сперва скорбей дѣланія, того постигаетъ гнѣвъ Божій (сл. 2, стр. 13).—Не должно отвращаться отъ скорбей, потому что ими входимъ въ познаніе истины (сл. 5, стр. 28).—За продолжительность злостраданія нашего на землѣ—Богъ оказалъ намъ Свое человеколюбіе (сл. 19, стр. 78).—Съ радостью и благодареніемъ переноси всякій трудъ и всякую скорбь (сл. 20, стр. 80).—Воистину крѣче всѣхъ тотъ, кто благодумствуетъ въ скорбяхъ временныхъ (сл. 21, стр. 82).—Какой вредъ причиняетъ себѣ тотъ, кто уклоняется отъ добрыхъ дѣлъ, боясь искушеній и скорбей? (сл. 21, стр. 82).—Безъ скорби невозможно приблизиться къ

Богу (сл. 21, стр. 82).—Безъ поущенія Божія ни демоны, ни звѣри, ни люди не могутъ причинить вреда и скорби (сл. 31, стр. 139—140; сл. 35, стр. 152).—Желающіе жить въ страхѣ Божіемъ избираютъ для себя скорбь и терпятъ гоненіе (сл. 31, стр. 141).—Благая ревность укрѣпляетъ человѣка пренебрегать плотью въ скорбяхъ и страшныхъ искушеніяхъ (сл. 32, стр. 143—144).—Человѣкъ, пекущійся о добродѣтели, не можетъ быть безъ печалей и скорбей (сл. 34, стр. 149).—Уклоняющійся отъ скорбей разлучается и съ добродѣтелью (сл. 34, стр. 149).—Скорби рождаютъ смиреніе (сл. 34, стр. 149).—Кто безъ скорби пребываетъ въ добродѣтели, тому отверста дверь гордости (сл. 34, стр. 149).—Богъ попускаетъ добродѣтельнымъ впадать въ скорби и подвергаться лишеніямъ (сл. 35, стр. 151).—Идущимъ путемъ правды невозможно не встрѣтить скорби и болѣзни (сл. 35, стр. 151).—Кто пойдетъ путемъ правды, тому не должно уклоняться отъ скорбей (сл. 35, стр. 151).—Скорби надо почитать благодатію, посланною отъ Бога, и благодарить за нихъ (сл. 35, стр. 151; сл. 57, стр. 298).—Иначе нельзя быть облагодѣтельствованнымъ отъ Бога, какъ чрезъ непосланіе Имъ искушеній и страданій за истину (сл. 35, стр. 152).—Скорбь называется дарованіемъ (сл. 35, стр. 152).—Въ скорби должно просить намъ Божіей помощи (сл. 36, стр. 154).—Богъ благоволяетъ, чтобы возлюбленные Его пребывали въ скорбяхъ (сл. 36, стр. 156).—Желая изъ любви къ Богу совершить какое дѣло, предѣломъ желанія сего поставь смерть (сл. 38, стр. 163).—Скорби не могутъ причинить ущерба тому, кто пренебрегъ наслажденіемъ и покоемъ (мірскимъ) (сл. 41, стр. 173).—Когда приступишь къ добродѣтели, тогда будутъ источаться на тебя жестокія скорби (сл. 49, стр. 220).—Когда человѣкъ опредѣлитъ себя на скорби даже до смерти, онъ не можетъ быть побѣжденъ никакою скорбью (сл. 49, стр. 220—221).—При дѣланіи добродѣтели должно обречь себя на труды и скорби (сл. 49, стр. 221).—Когда сердце возревнуетъ духомъ, тѣло не печалится о скорбяхъ (сл. 49, стр. 223).—Нестяжательный терпитъ скорби съ радостью, и почему? (сл. 51, стр. 225).—Жестокость скорбей очищаетъ сердце отъ лукавыхъ страстей (сл. 51, стр. 227).—Когда мы, при искушеніяхъ и скорбяхъ, обвиняемъ себя, то, по малыхъ скорбяхъ, избавляемся отъ нихъ; а когда, ожесточась въ скорбяхъ, обвиняемъ людей, бѣсовъ, а иногда и правду Божію, то скорби наши умножаются и усиливаются (сл. 51, стр. 227—228).—Скорби и общеніе въ страданіяхъ Христовыхъ—высокій даръ Божій (сл. 55, стр. 257).—Какую пользу при-

носятъ страданія за истину и злостраданіе ради Бога? (сл. 56, стр. 277).—Въ какомъ случаѣ жестокое слово уподобляется вѣнцу терновому? (сл. 56, стр. 277).—Кто, будучи заушенъ братомъ своимъ, не отвѣтитъ на это и не опечалитъ его, тотъ воистину милостивъ (сл. 56, стр. 279).—Въ какой мѣрѣ духовнаго возраста находится тотъ, кто переноситъ обиду съ радостью и смиренномудріемъ? (сл. 57, стр. 294).—На тѣхъ, кто ради Бога терпятъ искушенія и скорби, обильно являетъ себя Промыслъ Божій (сл. 57, стр. 295—296).—Душа, опытно вкусившая страданія Христовы, имѣетъ общеніе со Христомъ и вкушаетъ славу Его (сл. 57, стр. 297; сл. 74, стр. 371).—Страхомъ скорбнаго всѣвается въ умъ памятованіе о Богѣ (сл. 57, стр. 299, 300).—Кто можетъ съ радостью терпѣть обиды, и кто не можетъ терпѣть ихъ? (сл. 57, стр. 303).—Скорбящихъ должно не упрекать, но утѣшать, и почему? (сл. 57, стр. 305, 306).—Паче всякой молитвы и жертвы драгоцѣнны предъ Господомъ скорби за Него и ради Него (сл. 58, стр. 316).—Ангелы являются соучастниками страданій и скорбей святыхъ мужей (сл. 58, стр. 317).—Упоенные и согрѣтые надеждою будущаго вѣка не знаютъ ни скорбей, ни чего-либо мірскаго (сл. 58, стр. 317).—Предающіе себя скорбямъ съ простотою скоро достигаютъ пристани царствія, а умствующіе и полагающіеся на свою мудрость не имѣютъ успѣха (сл. 58, стр. 318).—За всякою отрадою слѣдуетъ злостраданіе, и за всякимъ злостраданіемъ ради Бога слѣдуетъ отрада (сл. 71, стр. 365).—Малая скорбь ради Бога лучше великаго дѣла, совершаемаго безъ скорби, и почему полезны произвольныя скорби? (сл. 74, стр. 371).—Добровольно отринувшій скорби (подвижничества) понуждается возлюбить грѣхи, и почему? (сл. 77, стр. 384).—Въ скорбяхъ и тѣснотахъ совершаются заповѣди Божіи; и помыслы можемъ обуздывать трудами и скорбями (сл. 77, стр. 384—385).—Приближающіеся къ скорбяхъ сперва укрѣпляются вѣрою (сл. 78, стр. 386).—Чѣмъ облегчаются скорби, и чѣмъ усугубляется мученіе отъ нихъ? (сл. 79, стр. 391—392).—Великое дѣло сострадать людямъ и скорбѣть о нихъ (сл. 89, стр. 423).—Должно терпѣть скорби и обиды отъ людей, но не причинять ихъ другимъ (сл. 89, стр. 424).—Скорбь ума достаточна, чтобы замѣнить всякое тѣлесное дѣланіе (сл. 89, стр. 427).—Господь невольными скорбями приводитъ насъ къ добродѣтели (сл. 91, стр. 433).—Къ душѣ скорбящаго являетъ Господь великое человѣколюбіе, соразмѣрно тяжести страданій его (сл. 91, стр. 433).—Если радость о Христѣ не

побѣждаетъ скорби твоей, то знай, что міръ живетъ въ тебѣ болѣе, нежели Христосъ (сл. 91, стр. 433).—(См. *Искушенія. Крестъ*).

Слава. Чтобы сподобиться вкусить славы Христовой, должно страдать со Христомъ (сл. 74, стр. 371).—Небрегущій о славѣ человеческой сподобляется славы Божіей (сл. 74, стр. 371).—Что есть слава тѣла, и что—слава ума? (сл. 74, стр. 371).

Слезы (плачъ). Дарованіе слезъ какимъ признакомъ служитъ въ духовномъ дѣланіи? (сл. 21, стр. 93).—Получившій дарованіе слезъ, приближаясь къ міру умомъ своимъ, постепенно лишается этихъ слезъ (сл. 21, стр. 93).—О различіи слезъ (сл. 21, стр. 93.—94).—Плачь долженъ быть занятіемъ инока, пребывающаго въ безмолвіи (сл. 21, стр. 98).—Если и святые плакали, и очи ихъ всегда были наполнены слезами, то кто, исполненный язвъ, не долженъ плакать? (сл. 21, стр. 98).—Благодать слезъ—наилучшее дарованіе; оно приводитъ къ чистотѣ сердца (сл. 21, стр. 98).—Чистые сердцемъ всегда утѣшаются сладостью слезъ и въ ней зрятъ Господа; и нѣтъ у нихъ молитвы безъ слезъ (сл. 21, стр. 98).—Проливать слезы и непрестанно плакать—это дарованіе безстрастныхъ и пребывающихъ въ любви Божіей (сл. 21, стр. 99, 106).—Слезами отверзается дверь для вшествія въ страну утѣшенія (сл. 21, стр. 99).—Не могущимъ по немощи тѣла непрестанно плакать—чѣмъ сохранять себя отъ страстей? (сл. 21, стр. 99).—Слезы во время молитвы—признакъ милости Божіей, признакъ того, что молитва принята Богомъ (сл. 30, стр. 138).—Отъ чего происходятъ слезы? (сл. 30, стр. 138).—Благодать слезъ есть полнота молитвы (сл. 40, стр. 167).—Слезы—признакъ успѣха въ брани духовной (сл. 44, стр. 187).—Во время превозношенія нужно проливать слезы, вспоминая грѣхопаденія свои, чтобы пріобрѣсти смиреніе и получить прощеніе (сл. 46, стр. 198).—Богъ прощаетъ согрѣшенія того, кто молится со слезами (сл. 51, стр. 229).—Сей міръ есть домъ плача (сл. 51, стр. 229).—Должно смиряться и плакать о невольныхъ согрѣшеніяхъ нашихъ (сл. 55, стр. 255).—Когда благодать отверзаетъ очи къ истинному зрѣнію предметовъ, то изъ очей обильно источаются слезы (сл. 56, стр. 283—284).—Когда умъ возвысится надъ тварями, тогда и для тѣла прекращаются слезы (сл. 56, стр. 284).—Когда человѣку дается источникъ слезъ, срастворенныхъ со всякимъ дѣломъ его, то это служитъ признакомъ приближенія его къ исходу изъ тьмы (сл. 58, стр. 316).—Должно хранить благодать слезъ (сл. 58, стр. 316).—Приношеніе (Богу) праведныхъ—слезы очей ихъ (сл. 58, стр. 317).—Отъ чего рождается изобильное те-

ченіе слезъ? (сл. 59, стр. 321; сл. 70, стр. 360).—Полученіе дарованія слезъ служитъ признакомъ того, что безмолвствующій достигъ плода трудовъ своихъ (сл. 65, стр. 343).—Въ какой мѣрѣ питается внутренній младенецъ, въ такой же бываетъ приращеніе слезъ (сл. 65, стр. 343—344).—По достиженіи мира помысловъ слезы уменьшаются (сл. 65, стр. 344).—Ничто такъ не отдѣляетъ насъ отъ міра и не умерщвляетъ въ насъ страстей, какъ плачъ и сердечное болѣзнованіе (сл. 68, стр. 351).

Смерть. Страхъ смерти печалитъ человѣка съ нечистой совѣстью, а не осуждаемый совѣстью желаетъ одинаково какъ смерти, такъ и жизни (сл. 1, стр. 8).—Не въ смерти только, но часто и прежде смерти человѣкъ лишается того, что относится къ плоти (сл. 1, стр. 8).—Какая польза отъ памятованія объ исходѣ своемъ (т. е. о смерти)? (сл. 8, стр. 40).—О различіи страха смерти (сл. 38, стр. 159).—Въ чемъ состоитъ смерть для міра? (сл. 38, стр. 163).—Въ часъ смерти Богъ прилагаетъ печать къ нашимъ дѣламъ, добрымъ и злымъ, а потому внимательно должно приготовляться къ отшествію отсюда (сл. 38, стр. 163—164).—Памятованіе о смерти служитъ узами для внѣшнихъ членовъ (чувствъ) (сл. 41, стр. 172—173).—Должно напоминать себѣ о смерти, отходя ко сну, и какъ это дѣлать? (сл. 41, стр. 173—174).—Любовь къ безмолвію есть непрестанное ожиданіе смерти, и почему? (сл. 41, стр. 174).—Лучше умереть въ подвигѣ, нежели жить въ паденіи (сл. 50, стр. 224; сл. 75, стр. 380).—Когда человѣкъ пребываетъ въ нестяжательности, то ему непрестанно приходитъ на мысль переселеніе изъ сей жизни (сл. 51, стр. 225).—Польза помышленія о смерти (сл. 57, стр. 292).—Сонъ ума сроденъ истинной смерти, и есть ея образъ (сл. 75, стр. 380).—Почему не должно бояться смерти? (сл. 85, стр. 412).—О памятованіи смерти, и какую оно приносить пользу? (сл. 86, стр. 413).—Мысль человѣка о смерти ненавистна діаволу, и почему? (сл. 86, стр. 413).

Смиреніе, смиренномудріе. Совершая добродѣтели, должно смиряться, вспоминая паденія сильныхъ (сл. 2, стр. 10).—Возлюбл смиреніе во всѣхъ дѣлахъ твоихъ, и какая отъ сего польза? (сл. 5, стр. 28).—Смиренномудрый—источникъ тайнъ новаго вѣка (сл. 8, стр. 37).—Сокровище смиренномудраго внутри его, и это—Господь (сл. 8, стр. 38).—Уничижающаго и умаляющаго себя упремудритъ Господь, а почитающій себя премудрымъ отпадетъ отъ Божіей премудрости (сл. 8, стр. 39).—Почитай себя меньшимъ всѣхъ (сл. 9, стр. 45), во всемъ почитай себя отвѣтственнымъ, и всякое дѣло

дѣлай съ смиренномудріемъ (сл. 9, стр. 46).—Лучше самъ будь пренебрегаемъ и обижаемъ, а не пренебрегай и не обижай другихъ (сл. 9, стр. 47; сл. 89, стр. 424).—Пока человекъ не смирится, не получаетъ награды за свое добродѣланіе (сл. 34, стр. 148).—Добродѣтель есть мать печали, а отъ печали рождается смиреніе, а смиренію дается благодать (сл. 34, стр. 148).—Воздаяніе бываетъ не добродѣтели и не труду ради нея, но рождающемуся отъ нихъ смиренію. При оскудѣніи послѣдняго первые бесполезны (сл. 34, стр. 148; сл. 46, стр. 198—199).—Доброе устройство ума достигается храненіемъ заповѣдей и смиренномудріемъ (сл. 34, стр. 148).—При дарованіяхъ духовныхъ должно смиряться (сл. 34, стр. 149).—Скорби рожаютъ смиреніе (сл. 34, стр. 149).—Безъ смиренномудрія умъ не можетъ чисто молиться (сл. 34, стр. 149).—Дарованію предшествуетъ смиреніе (сл. 34, стр. 150).—Какъ смиренно думаютъ о себѣ истинные праведники (сл. 86, стр. 155).—Лишаясь помощи Божіей, человекъ познаетъ свою немощь и смиряется (сл. 37, стр. 157—158).—Мудрость Духа сокровенно учитъ человека смиренію (сл. 38, стр. 161).—Изъ чего узнаетъ человекъ, что онъ достигъ смиренія? (сл. 38, стр. 161).—Какъ во время благодатныхъ дѣйствій отвергать самопревозношеніе и склонять себя къ смиренію? (сл. 46, стр. 197—198, 199—200).—Измѣненія и поползновенія ко грѣху попускаются на насъ для смиренія нашего (сл. 46, стр. 198).—Приобрѣтай смиреніе воспоминаніемъ согрѣшеній своихъ (сл. 46, стр. 198).—Смиреніе и безъ дѣлъ многія прегрѣшенія дѣлаетъ простительными (сл. 46, стр. 198—199).—Что соль для всякой пищи, то смиреніе для всякой добродѣтели (сл. 46, стр. 199).—Если приобрѣтемъ смиреніе, то оно содѣлаетъ насъ сынами Божіими—и безъ добрыхъ дѣлъ представить Богу (сл. 46, стр. 199) — Что такое смиреніе? (сл. 48, стр. 205; сл. 53, стр. 235).—Какъ можетъ человекъ приобрести смиреніе? (сл. 48, стр. 206—207).—Какія преимущества смиренія? (сл. 48, стр. 211).—Характеристика смиренномудраго (сл. 48, стр. 211—214).—Смиренномудрый всецѣло пребываетъ во Владыкѣ своемъ (сл. 48, стр. 212).—Смиренномудрый терпитъ вредъ отъ многопопечительности (сл. 48, стр. 212).—Смиренномудрый не смущается никакими случаями (сл. 48, стр. 212—213).—Свойства смиренномудраго (сл. 48, стр. 212—213).—Не всякій безмолвникъ смиренномудръ, но всякій смиренномудрый—безмолвникъ (сл. 48, стр. 213).—За смиреніемъ слѣдуетъ кротость, цѣломудріе чувствъ и проч. (сл. 48, стр. 213).—Молитва смиренномудраго (сл. 48, стр. 213—214).—Если хотимъ обрѣсти жизнь, то со-

хранимъ въ себѣ вѣру и смиреніе (сл. 49, стр. 214).—Когда благодать усмотритъ въ человѣкѣ нѣкоторое самомнѣніе, то попускаетъ на него сильныя искушенія, чтобы позналъ онъ немощь свою—и смирился (сл. 49, стр. 219—220; сл. 57, стр. 294—295; сл. 61, стр. 335—337).—Какую высоту имѣетъ смиренномудріе, и почему оно называется одѣяніемъ Божества? (сл. 53, стр. 232).—Для чего Господь облекся въ смиренный образъ? (сл. 53, стр. 232—233).—Облекающійся въ смиренномудріе облекается въ Самого Христа (сл. 53, стр. 233).—Смиренномудраго благоговѣнно почитаетъ тварь словесная и безсловесная (сл. 53, стр. 234, 235).—Кто презрительно говоритъ о смиренномудромъ, тотъ какъ бы на Бога отверзаетъ уста свои (сл. 53, стр. 234).—Злоухищренія демоновъ остаются бездѣйственными предъ смиренномудрымъ (сл. 53, стр. 235).—Какая разница между смиренномудрымъ по видимости и сподобившимся истиннаго смиренномудрія? (сл. 53, стр. 235—236).—Какъ можетъ человѣкъ достигнуть такого устроенія? (сл. 53, стр. 236—237).—Смиреніе усовершенствуетъ душу Божественными созерцаніями (сл. 53, стр. 237).—Да не осмѣлится человѣкъ помыслить, что онъ достигъ смиренномудрія самъ собою (сл. 53, стр. 237).—Въ чемъ совершенство смиренномудрія? (сл. 53, стр. 237; сл. 58, стр. 310).—Отвѣтъ на вопросъ: „какъ содѣлаться достойнымъ пріять смиреніе“? (сл. 53, стр. 237—238).—Почему должно смиряться, вопіять мытаревымъ гласомъ и считать себя рабомъ неключимымъ? (сл. 55, стр. 255).—Когда св. Апостоль Павелъ, будучи совершеннымъ въ добродѣтеляхъ и по дарованіямъ, помнилъ свои согрѣшенія и смирился, то тѣмъ болѣе мы должны это дѣлать (сл. 55, стр. 255—256).—Кто не почитаетъ себя грѣшникомъ, того молитва не пріемлется Господомъ (сл. 55, стр. 257).—Какую пользу получаемъ мы отъ терпѣнія уничиженія и отъ смиренія? (сл. 56, стр. 277).—Что препятствуетъ намъ имѣть смиренныя мысли и смиренное сердце? (сл. 56, стр. 279—280).—Какіе плоды смиренномудрія, и какіе—тщеславія? (сл. 56, стр. 280).—Лучше считаться необразованнымъ—и быть нищимъ и смиреннымъ (сл. 56, стр. 281, 286).—Смиренномудрымъ открываются тайны (сл. 56, стр. 285; сл. 66, стр. 345—346).—У людей почтено богатство, а у Бога—душа смиренная (сл. 57, стр. 292).—Кто терпитъ обвиненія съ смиренномудріемъ, тотъ достигъ совершенства (сл. 57, стр. 294).—Смиреніе рождается отъ искушеній и скорбей (сл. 57, стр. 299—300).—Къ смиренномудрію близка благодать, а къ гордынѣ—болѣзненные приключенія (сл. 57, стр. 303).—Умаленіе себя

предъ людьми возвышаетъ насъ предъ Богомъ (сл. 57, стр. 303).— Гдѣ произрастаетъ смиреніе, тамъ источается слава Божія (сл. 57, стр. 304).—Честь и достоинство смиренія (сл. 57, стр. 304—305).— Всю жизнь свою признавай себя грѣшникомъ, чтобы во всей жизни своей быть тебѣ праведнымъ (сл. 57, стр. 305).—Совершенство смиренія состоитъ въ томъ, чтобы съ радостью сносить ложныя обвиненія (сл. 58, стр. 310).—О тѣхъ, которые ложно думаютъ, что имѣютъ смиренномудріе (сл. 58, стр. 310—311).—Господь призираетъ на смиренныхъ и слышитъ молитву ихъ (сл. 58, стр. 315—316).—Отъ познанія своей немощи человекъ приходитъ въ смиреніе (сл. 61, стр. 333).—Сердце, пока не смирится, не можетъ избавиться отъ паренія (сл. 61, стр. 334).—Когда человекъ смирится, окружаетъ его милость Божія (сл. 61, стр. 334).—Благолѣпно все то, что имѣетъ смиреніе (сл. 66, стр. 346).—Должно подражать смиренію Христову, и какая отъ сего польза? (сл. 68, стр. 351—352).—Не вѣрь, чтобы ты почилъ отъ страстей прежде достиженія смиренія (сл. 73, стр. 370).—Когда воцаряется въ насъ смиреніе, то какіе бываютъ плоды сего? (сл. 74, стр. 372).—Истинное смиреніе есть порожденіе вѣдѣнія, а истинное вѣдѣніе—порожденіе искушеній (сл. 74, стр. 372).—Какія искушенія бываютъ со смиренномудрыми? (сл. 78, стр. 389).—Врачеваніе въ искушеніяхъ и побѣда надъ ними—въ смиренномудріи сердца (сл. 79, стр. 391—392).—Благодати предшествуетъ смиреніе, а наказанію—самоувѣніе (сл. 85, стр. 403).—Кто и душою, и тѣломъ снисшелъ въ глубину смиренномудрія? (сл. 85, стр. 404).—Стяжавшій смиреніе мертвъ сталъ для міра (сл. 89, стр. 420).—Бываетъ смиреніе отъ страха Божія, и бываетъ смиреніе отъ любви въ Богу (сл. 89, стр. 421).—Собраніе смиренномудрыхъ возлюблено Богомъ, какъ соборъ Серафимовъ (сл. 89, стр. 421).—Смиреніе и цѣломудріе уготовляютъ въ душѣ залогъ отъ Троицы (сл. 89, стр. 421).—О признакахъ смиренномудрія (сл. 89, стр. 425).

Смущеніе. О томъ, какъ вредно смущеніе въ молитвѣ (сл. 30, стр. 136).—Смущеніе есть колесница діавола (сл. 30, стр. 136—137).—Какой вредъ терпятъ смущенный умъ? (сл. 57, стр. 292; сл. 85, стр. 409).—Что приводитъ человека въ смущеніе? (сл. 58, стр. 307).—Чѣмъ отгоняется смущеніе? (сл. 85, стр. 409).

Смѣхъ. Если вынужденъ засмѣяться, не выставляй наружу зубовъ своихъ (сл. 9, стр. 46).—О томъ, какъ вредно смѣхотворство и дерзновенное пареніе мыслей (сл. 68, стр. 351).—Это есть дѣло блуднаго демона (сл. 68, стр. 351).

Соблазнъ. Должно остерегаться, чтобы не подавать соблазна неприличными поступками, и съ благимъ намѣреніемъ совершаемыми (сл. 11, стр. 50—51).—Если что-либо, содѣваемое въ Богѣ, ради душевной чистоты, соблазняетъ другихъ, должно ли оставлять это дѣланіе? (сл. 54, стр. 239—240).—И донинѣ ученіе крестное служитъ соблазномъ для іудеевъ и для еллиновъ (сл. 54, стр. 239—240).

Совершенство. Совершенство состоитъ въ покаяніи, чистотѣ и глубинѣ смиренія (сл. 48, стр. 205).—Какой отличительный признакъ людей, достигшихъ совершенства? (сл. 48, стр. 207).—Святые достигали совершенства любовью (сл. 48, стр. 207—208).—Непреложнаго совершенства не можетъ быть на землѣ, и почему? (сл. 55, стр. 275—276).—Древніе праведники стремились къ совершенству, но не узрѣли онаго (сл. 66, стр. 346).—Истинно подвизающіеся, если и не сподобятся здѣсь совершенной благодати, но умрутъ въ надеждѣ на нее, получаютъ наслѣдіе праведныхъ (сл. 66, стр. 346).

Совѣсть. Осужденіе совѣсти лишаетъ человѣка дерзновенія къ Богу (сл. 57, стр. 308).—Отъ свидѣтельства доброй совѣсти рождается надежда на Бога и мужество сердца (сл. 75, стр. 381).—Дерзновеніе къ Богу бываетъ слѣдствіемъ преуси́гванія въ добродѣтеляхъ и доброй совѣсти (сл. 75, стр. 381).—Отъ добродѣтелей, совершаемыхъ между людьми, совѣсть не получаетъ правоты (сл. 85, стр. 411).—Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ да предваряютъ у тебя цѣломудріе тѣла и чистота совѣсти (сл. 89, стр. 423).

Созерцаніе. Связь между созерцаніемъ и дѣятельностью (сл. 1, стр. 6; сл. 2, стр. 12—14; сл. 55, стр. 251).—Что называется созерцаніемъ? (сл. 2, стр. 12, 14; сл. 55, стр. 263).—Того, кто прежде дѣятельности ищетъ созерцанія, постигаетъ гнѣвъ Божій (сл. 2, стр. 13; сл. 55, стр. 275).—По сугубому составу человѣка—изъ души и тѣла—и духовная жизнь его должна состоять изъ дѣятельности и созерцанія, и первая предшествуетъ второму (сл. 2, стр. 14; сл. 55, стр. 251).—Каковы истинные признаки молитвеннаго созерцанія (сл. 15, стр. 60).—Различіе между молитвой и созерцаніемъ (сл. 15, стр. 60; сл. 16, стр. 61).—Созерцаніе Божества—и въ людяхъ, и въ ангелахъ—бываетъ не по естеству, но по благодати (сл. 18, стр. 74).—Когда доступно уму созерцаніе въ Богѣ? (сл. 39, стр. 165).—О различныхъ признакахъ духовнаго созерцанія (сл. 42, стр. 181).—Страсти препятствуютъ созерцанію (сл. 43, стр. 181—182).—Духовнаго созерцанія никто не можетъ

достигнуть однимъ только изученіемъ, но—чистотою сердца (сл. 49, стр. 217).—Благоустроимъ сердце наше дѣлами покаянія и богоугожденія, Господне же (т. е. созерцаніе духовное) придетъ само собою, если мѣсто въ сердцѣ будетъ чисто и не осквернено (сл. 55, стр. 257; сл. 2, стр. 13—14).—Какимъ образомъ умъ сподобляется духовныхъ созерцаній и созерцанія тайнъ Святыя Троицы? (сл. 55, стр. 260—261, 263).—Духовное созерцаніе открывается уму по приобрѣтеніи душевнаго здравія (сл. 55, стр. 261).—Черезъ какія дѣла человекъ сподобляется восходить къ созерцанію тайнъ? (сл. 55, стр. 262).—Храненіемъ заповѣдей сподобляется человекъ созерцанія и откровенія Духа (сл. 55, стр. 262—263, 264—265, 268).—Стяжаніе любви вводитъ насъ въ созерцаніе, ибо любовь есть первоначальное созерцаніе Святыя Троицы (сл. 55, стр. 265—266).—Ап. Павелъ отвергъ созерцаніе безъ любви (сл. 55, стр. 267).—О различіи созерцанія ложнаго и истиннаго (сл. 55, стр. 267—268).—Мнимыя созерцанія внѣшнихъ философовъ и еретиковъ (сл. 55, стр. 268, 270—271, 273—274).—Иногда даются созерцанія и откровенія за горячность вѣры (сл. 55, стр. 269—270).—Какихъ созерцаній сподобился св. Ап. Павелъ? (сл. 55, стр. 270, 271).—Умъ самовольно не можетъ восходить къ духовному созерцанію (сл. 55, стр. 271).—Если достигнешь благодати созерцанія (зрѣнія) чудесъ Божіихъ и видимыхъ тварей, вооружись противъ духа хулы (сл. 56, стр. 282).—Когда кто достигнетъ благодати созерцанія (зрѣнія), то сначала удостоивается обильныхъ слезъ (сл. 56, стр. 283—284).—Отъ какихъ дѣланій рождается созерцаніе? (сл. 59, стр. 321).—Въ чемъ состоитъ житіе духовное, или созерцаніе? (сл. 80, стр. 393—395).—Созерцаніе вещественное и созерцаніе духовное (сл. 80, стр. 393—394).—О началѣ духовнаго созерцанія (сл. 87, стр. 414—415).

Сонъ. Во время сна должно блюсти цѣломудріе (сл. 40, стр. 169).—Съ какими мыслями должно приближаться ко сну? (сл. 41, стр. 173).

Спорливость. Почему должно уклоняться отъ человека любопытнаго и желающаго поставить на своемъ словѣ? (сл. 11, стр. 52).—Какой вредъ можетъ быть отъ сближенія съ любопытными? (сл. 57, стр. 305).—Лучше будь другомъ убійцѣ, чѣмъ любителю споровъ (сл. 89, стр. 424).

Сребролюбіе. Не должно заниматься рукодѣліемъ изъ сребролюбія (сл. 30, стр. 138).—Невозможно, чтобы въ одномъ домѣ было изобиліе денегъ и любовь къ ближнимъ (сл. 51, стр. 226).—(См. *Любостяжательность*).

Страсти. Страсти не приходятъ въ бездѣйствіе безъ удаленія въ пустыню (сл. 1, стр. 2).—Страсти называются міромъ, и міръ—страстями (сл. 2, стр. 14—15).—Какія именно страсти составляютъ то, что называется міромъ? (сл. 2, стр. 15).—Страсти не врожденны душѣ, но уже впоследствии вошли въ душу (сл. 3, стр. 18; сл. 4, стр. 19).—Въ какомъ смыслѣ страсти называются душевными? (сл. 3, стр. 18—19; сл. 4, стр. 19, 21).—Страсти суть недугъ души (сл. 4, стр. 20).—Страсти тѣлесныя вложены въ тѣло на пользу и возрастаніе его; таковы и страсти душевныя (сл. 4, стр. 21).—Страсти душевныя и тѣлесныя однѣ другимъ противятся, и почему? (сл. 4, стр. 21—22).—Почему тѣлесныя страсти вредятъ душѣ? (сл. 4, стр. 22).—Страсти дѣйствуютъ во всякомъ, кто носитъ тѣло,—хочетъ ли онъ того, или не хочетъ (сл. 4, стр. 24).—Человѣкъ долженъ охранять себя отъ страстей (сл. 4, стр. 24).—Хранящій сердце свое отъ страстей ежечасно зреть Господа (сл. 8, стр. 37).—Страсти искореняются непрестаннымъ погруженіемъ мысли въ Богъ (сл. 8, стр. 38).—Въ какомъ состояніи находятся гнѣвливыя, любостыжательныя и прочихъ страстей исполненныя? (сл. 8, стр. 39).—Страстный, если станетъ говорить и о духовномъ, будетъ разсуждать подъ вліяніемъ страсти (сл. 8, стр. 41).—Иные подъ видомъ чистоты питаютъ собственныя страсти (сл. 8, стр. 41).—Страсти суть тернія на землѣ сердца нашего; землю сію мы должны воздѣлывать, исторгая тернія страстей (сл. 19, стр. 78—79).—Страсти находятся въ насъ въ скрытомъ состояніи, но при явленіи поводовъ обнаруживаются (сл. 21, стр. 88).—Почему нѣкоторые, проходя подвигъ поста и творя другія добродѣтели, не ощущаютъ покоя отъ страстей? (сл. 21, стр. 91).—Не можемъ ли непрестанно плакать какъ сохранять себя отъ страстей? (сл. 21, стр. 99—100).—Что такое страсти, и когда не могутъ онѣ на насъ дѣйствовать? (сл. 38, стр. 161).—Какъ расположено къ страстямъ сердце, пріавшее въ себя ощущеніе духовнаго? (сл. 38, стр. 161—162).—По какой причинѣ прираженія страстей не приближаются къ уму? (сл. 38, стр. 162).—Если обучимъ себя доброму размышленію, то устыдимся страстей (сл. 38, стр. 163).—Какъ взойти на степень мученичества въ борьбѣ со страстями и какъ побѣждать ихъ? (сл. 38, стр. 163).—Гдѣ тьма и спутанность помысловъ, тамъ и страсти (сл. 39, стр. 165).—Омраченіе страстей разгоняетъ милостыня (сл. 41, стр. 173).—Страсти препятствуютъ созерцанію (сл. 43, стр. 181—182).—Страсти и въ безмолвіи не скоро утишаются (сл. 44, стр. 187—188).—Должно внимательно

разсматривать дѣйствія страстей: какія изъ нихъ изнемогли въ насъ, и какія совсѣмъ отступили отъ насъ, и по какой причинѣ? (сл. 45, стр. 190).—Виды страстей и способы ихъ дѣйствія (сл. 45, стр. 190—191).—Не всѣ страсти ведутъ брань прираженіемъ помысловъ, нѣкоторыя налагаютъ на душу тяжесть (сл. 45, стр. 191).—Страсти не умираютъ у безмолвствующихъ, но помысль у нихъ умираетъ (сл. 46, стр. 201).—Въ чемъ состоитъ безстрастіе человѣческое? (сл. 48, стр. 210).—Когда сила страстей оказывается бессильной по отношенію къ духовнымъ чувствамъ души? (сл. 48, стр. 211).—Имѣнія и житейскія дѣла—причины страстей (сл. 50, стр. 224).—Прежде всѣхъ страстей—самолюбіе (сл. 51, стр. 226).—Жестокость скорбей очищаетъ сердце отъ лукавыхъ страстей (сл. 51, стр. 227).—Хорошо ли удаляться отъ всего раздражающаго страсти? (сл. 54, стр. 238—239).—Весь чистоты отъ страстей душа не исцѣляется отъ недуговъ грѣха (сл. 54, стр. 240).—Заповѣди даны противъ страстей, для уврачеванія души (сл. 55, стр. 242).—Пустыня усыпляетъ страсти, но не искореняетъ ихъ (сл. 55, стр. 246).—Страсти ослабѣваютъ во время болѣзни (сл. 55, стр. 246—247).—Страсти нерѣдко усыпляютъ одна другую (сл. 55, стр. 247).—Желая достигнуть чистоты, должно стараться о побѣжденіи страстей (сл. 55, стр. 254).—Побѣждай страсти смиреніемъ, а не превозношеніемъ (сл. 55, стр. 255).—Нельзя возлюбить Бога, не побѣдивъ страстей (сл. 55, стр. 257—258).—Обученіе и вѣдѣніе при страстяхъ не приносятъ пользы (сл. 55, стр. 260).—Исполненіемъ страстей не должно учить о безстрастіи (сл. 55, стр. 244).—Связанный любостыжаніемъ есть рабъ страстей (сл. 56, стр. 277).—Какія главные причины страстей, и для чего должно отъ нихъ удаляться? (сл. 57, стр. 292).—Всякая страсть врачуетъ соответствующимъ ей подвигомъ (сл. 57, стр. 293—294).—Кто въ началѣ противоборствуетъ страсти, тотъ скоро возгосподствуетъ надъ нею (сл. 57, стр. 294).—Почему Богъ соизволилъ быть естеству нашему удобопріемлющимъ въ себя страсти и для чего посылаетъ на насъ скорби и искушенія? (сл. 57, стр. 299—300; сл. 58, стр. 307).—Чѣмъ лучше побѣждать страсти? (сл. 58, стр. 313—314).—Если ты чистъ отъ страстей и колебаній сердца, Богъ возведетъ тебя на верхъ совершенства (сл. 58, стр. 320).—Богъ попускаетъ человеку быть боримымъ страстями для того, чтобы онъ позналъ свою немощь—и смирился (сл. 61, стр. 336).—Страсти умерщвляются въ насъ плачемъ и сердечнымъ болѣзнованіемъ (сл. 68, стр. 351).—Порабощаясь страстямъ, мы скорбимъ, но любимъ, чтобы остава-

лишь поводы къ нимъ, а, любя поводы, невольно порабощаемся страстямъ (сл. 71, стр. 363).—Почему страсти уподобляются собаченкамъ? (сл. 71, стр. 367).—Сила духа могущественнѣе страстей (сл. 72, стр. 368).—Страсти побѣждаются добродѣтелями ощутительными и видимыми (сл. 72, стр. 368).—Не вѣрь, чтобы, прежде достиженія смиренія, ты почилъ отъ страстей (сл. 73, стр. 370).—Тѣлесныя страсти укрощаются самособранностью и постомъ (сл. 75, стр. 373).—Тѣлесныя наслажденія усиливаютъ страсти (сл. 75, стр. 376).—Не маловажное дѣло—быть человѣку вдали отъ причинъ страстей (сл. 76, стр. 382).—Скорби и бѣды умерщвляютъ въ страстяхъ сладострастіе, а покой питаетъ и возвращаетъ ихъ (сл. 77, стр. 384).—Въ тщеславную душу возвращаются страсти, уже побѣжденные (сл. 85, стр. 408).—Отъ чего рождаются страсти и когда дѣлаются грѣхами? (сл. 85, стр. 411).

Страхъ. Страхъ Божій есть начало добродѣтели, и рождается отъ вѣры, когда умъ устраненъ отъ мірскихъ хлопотъ (сл. 1, стр. 1).—При умноженіи благодати въ человѣкѣ страхъ смерти удобопрезираемъ бываетъ (сл. 1, стр. 2).—Страхъ Божій есть начало истинной жизни въ человѣкѣ и не терпитъ того, чтобы пребывать въ душѣ вмѣстѣ съ пареніемъ ума (сл. 1, стр. 3).—Какая польза отъ страха Божія, и какой вредъ отъ оскудѣнія его? (сл. 1, стр. 5).—Кого печалитъ страхъ смерти? (сл. 1, стр. 8).—Какой вредъ приноситъ страхъ за тѣло? (сл. 2, стр. 16—17).—Страхъ тѣлесный изнемогаетъ предъ страхомъ душевнымъ (сл. 2, стр. 17).—Страхъ Божій потребенъ для сохраненія послушанія Богу (сл. 5, стр. 26).—Страхъ Божій предваряетъ любовь Божию (къ Богу). (сл. 5, стр. 26).—Погрѣшаютъ тѣ, которые думаютъ стяжать добродѣтели и вѣдѣніе безъ Божія страха и любви (сл. 5, стр. 26).—Вѣдѣніе (не духовное) сопровождается страхомъ, вѣра—надеждою (сл. 25, стр. 119, 120—121; сл. 26, стр. 125).—Страху всегда сопутствуетъ сомнѣніе (сл. 25, стр. 121).—При устрашающихъ насъ случаяхъ должно вѣровать, что безъ поущенія Божія ни демоны, ни звѣри, ни злые люди не могутъ намъ повредить (сл. 31, стр. 139).—Какая польза отъ страха душевнаго (за душу), и почему онъ возбуждается въ человѣкѣ? (сл. 32, стр. 144, 145).—Отчего происходитъ страхъ за тѣло? (сл. 32, стр. 144—145).—Душа, имѣющая въ себѣ страхъ Божій, не боится вредящаго тѣлу (сл. 35, стр. 153).—О страхѣ часа смертнаго, о страхѣ суда и о поглощеніи того и другого страха любовью (сл. 38, стр. 159).—Душа приближается къ Богу или горячностью вѣры, или страхомъ, или вразумле-

ієнь Господнимъ (сл. 58, стр. 307).—Что должно дѣлать, когда сердце не имѣетъ тишины отъ страха и трепета, и чему научаетъ этотъ страхъ сердца? (сл. 61, стр. 333).—Человѣкъ боязливый показываетъ, что онъ страдаетъ тѣлолюбіємъ и маловѣріємъ (сл. 75, стр. 380).—Какая польза отъ вѣры и страха? (сл. 83, стр. 397).—Любаяніе есть корабль, а страхъ—его кормчій, любовь же—Божественная пристань (сл. 83, стр. 399).—Отъ вѣры и страха Божія рождается духовное вѣдѣніе (сл. 84, стр. 400—401).—Когда достигнетъ человѣкъ любви, отступаетъ отъ него страхъ (сл. 84, стр. 402).—Къ человѣку, пренебрегающему міромъ симъ и ревующему о страхѣ Божіемъ, приближается промыслъ Божій (сл. 91, стр. 432).

Стыдъ. Какая польза отъ стыда, и какой вредъ отъ осудѣніяго? (сл. 1, стр. 5).

Суббота. Тайнственное значеніе субботы (сл. 19, стр. 77—78).

Судъ. О томъ, какъ полезна память о судѣ Божіемъ (сл. 89, стр. 427).

Т.

Тайны. Уста молчаливыя истолковываютъ тайны Божіи (сл. 8, стр. 38).—Боящійся Бога обогащается тайнами Божіими (сл. 9, стр. 47).—Утайвай отъ всякаго свои тайны, дѣянія и брани (сл. 9, стр. 47).—Глубокое созерцаніе небесныхъ тайнъ открылось людямъ о воплощеніи Слова (сл. 18, стр. 75).—Тайны не всѣ открываются не только людямъ, но и самимъ ангеламъ; нѣкоторыя же тайны остаются въ высшихъ чинахъ ангельскихъ (сл. 18, стр. 75).—) духовномъ и тайнственномъ значеніи дня воскреснаго и субботы (сл. 19, стр. 77—79).—Вѣра есть дверь къ тайнствамъ (сл. 28, стр. 131; сл. 82, стр. 396).—Что приносятъ съ собой уразумѣніе тайнъ Божіихъ? (сл. 38, стр. 159).—Молчаніе есть тайнство будущаго вѣка (сл. 42, стр. 180).—Чревоугодіе препятствуетъ постиженію тайнъ (сл. 42, стр. 181).—За смиренномудріємъ слѣдуетъ раненіе тайнъ цѣломудрія (сл. 48, стр. 213).—Смирненіе есть тайнственная сила (сл. 53, стр. 235).—Тайны открываются смиренномудрымъ (сл. 53, стр. 237; сл. 56, стр. 285; сл. 66, стр. 345—46).—Василій Великій и Григорій были созерцателями Божественныхъ тайнъ (сл. 55, стр. 245).—Какъ человѣкъ чрезъ дѣланіе заповѣдей и трудническое житіе восходитъ до созерцанія тайнъ (сл. 5, стр. 259—260).—Умъ, достигши естественнаго душевнаго здравія,

наслаждается тайнами новаго міра (сл. 55, стр. 260—261).—Желать изслѣдованіями и разспросами уразумѣвать тайны Духа есть неразуміе души (сл. 55, стр. 261).—Св. Ап. Павелъ созерцалъ тайны, не передаваемыя языкомъ человѣческимъ (сл. 55, стр. 261—262).—Какими дѣлами должно начинать восхожденіе къ тайнамъ новаго міра? (сл. 55, стр. 262—263).—Первая тайна—чистота, которая достигается дѣланіемъ заповѣдей (сл. 55, стр. 263).—Вѣрою познаемъ существованіе тайнъ Духа (сл. 55, стр. 264).—Пришествіемъ Утѣшителя (Іоан. XIV, 15. 16) Господь называетъ дарованіе откровенія тайнъ Духа (сл. 55, стр. 264).—Дѣланіе заповѣдей не препятствуетъ, а содѣйствуетъ пріятію таинственнаго созерцанія (сл. 55, стр. 265).—Должно съ осторожностью подходить къ тайнамъ (сл. 56, стр. 284).—Отъ чего рождается ощущеніе тайнъ Божіихъ? (сл. 74, стр. 370).—Молитва—ключъ къ уразумѣнію тайнъ Писанія (сл. 85, стр. 408).

Терпѣніе. Слова, какія говорилъ себѣ одинъ братъ, возбуждая себя къ терпѣнію скорбей, приличны и всѣмъ (сл. 20, стр. 80—81).—Какимъ образомъ скорби могутъ быть удобно-претерпѣваемы человекомъ? (сл. 21, стр. 85).—Терпѣніе въ духовномъ подвигѣ скоро приводитъ къ плоду (сл. 38, стр. 160).—Помышленіе немощнаго разсудка немощною дѣлаетъ силу терпѣнія (сл. 38, стр. 163).—Подвижники и мученики пріемлютъ вѣнцы исповѣдничества за терпѣніе (сл. 49, стр. 223).—Терпѣніе въ борьбѣ со страстями—приводитъ къ чистотѣ (сл. 55, стр. 254).—Больше всего должно стараться о пріобрѣтеніи терпѣнія въ скорбяхъ и искушеніяхъ (сл. 55, стр. 256).—Должно быть терпѣливымъ въ дѣланіи заповѣдей (сл. 55, стр. 275).—Терпѣніе—путь къ блаженству (сл. 56, стр. 277).—Кто съ смиренномудріемъ терпитъ клевету, тотъ достигъ совершенства (сл. 57, стр. 294).—О терпѣніи мучениковъ и о томъ, что промыслъ Божій обильно являетъ себя на страстотерпцахъ (сл. 57, стр. 295; сл. 1, стр. 2—3).—Кто можетъ терпѣть обиды, и кто не можетъ? (сл. 57, стр. 303).—Совершенство милосердія и смиренія обнаруживается въ терпѣніи обидъ (сл. 58, стр. 310).—Нѣкоторые подвижники добровольно навлекали на себя клеветы (сл. 58, стр. 310).—Что приходится терпѣть гордымъ? (сл. 79, стр. 390).—Отсутствіе терпѣнія усугубляетъ муку, и почему? (сл. 79, стр. 391).—Терпѣніе есть мать утѣшенія, а малодушіе—мать мученія (сл. 79, стр. 391).—Терпѣніе подается благодатію и обрѣтается слезной молитвой (сл. 79, стр. 391).—Когда человекъ впадаетъ въ малодушіе, то что отъ сего бываетъ? (сл. 79, стр. 391).—По мѣрѣ сми-

ренимудрія дається терпѣніе, а по мѣрѣ терпѣнія облеглається тяжестъ скорбей (сл. 79, стр. 392).—Умноженіе терпѣнія—признакъ дѣйствія благодати (сл. 85, стр. 411).—Сила терпѣнія какъ велика? (сл. 85, стр. 411).—Терпѣніе нами лишеній и скорбей Господь обрацаеть намъ въ пользу (сл. 91, стр. 433).—Величіе терпѣнія въ мученикахъ (сл. 91, стр. 434).—О твердости и терпѣніи языческихъ философовъ (сл. 91, стр. 434—435).—Увѣщаніе къ терпѣнію тѣхъ, кто призванъ къ общенію съ Богомъ (сл. 91, стр. 435).

Трезвеніе. О томъ, какъ полезно и необходимо трезвеніе (сл. 38, стр. 162; сл. 61, стр. 336—337).—Трезвенность помогаетъ человѣку больше, чѣмъ дѣло (сл. 90, стр. 428).

Трениари. Читаніе трениарей въ келліи (сл. 72, стр. 367—368).

Трудъ. Трудомъ и храненіемъ себя источается чистота помысловъ (сл. 2, стр. 14).—Трудъ необходимъ въ сей жизни (сл. 47, стр. 205; сл. 49, стр. 222).—Какую пользу приносятъ труды безмолвія? (сл. 77, стр. 384).

Тщеславіе. Кто съ вѣдѣніемъ избѣгаетъ суетной славы, тотъ ощутилъ въ душѣ своей будущій вѣкъ (сл. 56, стр. 277).—Ищущій славы отъ людей не можетъ имѣть смиренныхъ помысловъ (сл. 56, стр. 280).—Тщеславіе—служитель блуда и дѣло гордыни (сл. 56, стр. 280).—Почему тщеславіе оскверняетъ сердце? (сл. 56, стр. 280).—Не нужно хвалиться дѣлами своими, и почему? (сл. 57, стр. 294—295).—Діаволь черезъ тщеславіе всѣваетъ въ человѣка блудныя помыслы (сл. 58, стр. 313).—Инокъ, упивающійся тщеславіемъ, пьетъ жизнь свою (сл. 85, стр. 408).—Въ тщеславную душу возвращаются страсти, уже побѣжденные (сл. 85, стр. 408).—Безбожные философы ради пустой славы претерпѣвали многоразличныя скорби (сл. 91, стр. 435).—(См. *Честь*).

Тѣло. При умноженіи въ человѣкѣ благодати все вредящее тѣлу ни во что вмѣняется въ очахъ его (сл. 1, стр. 2).—Страхъ за тѣло вредитъ дѣлавію добродѣтели (сл. 2, стр. 16—17).—Страсти тѣлесныя вложены въ тѣло на пользу и возрастаніе ему (сл. 4, стр. 21).—Добродѣтель утѣсняетъ тѣло, а душу возвращаетъ (сл. 4, стр. 22).—Что свойственно естеству души, то—смерть для тѣла (сл. 4, стр. 22).—Несмотря на единеніе, установленное Богомъ между душою и тѣломъ, они во всемъ отличны другъ отъ друга (сл. 4, стр. 22—23).—Душа, возвышающаяся надъ попеченіемъ о тѣлѣ, цвѣтетъ духомъ (сл. 4, стр. 23).—Всякій, носящій тѣло, не чуждъ страстей, и что изъ этого слѣдуетъ? (сл. 4, стр. 24).—Кто душою и тѣломъ преданъ всегда суесловію и паренію ума, тотъ блудникъ (сл. 8,

стр. 41).—Кто при отшествіи своемъ изъ тѣла пріемлетъ славу Божию? (сл. 8, стр. 41).—Немощь тѣла препятствуетъ непрестанному плачу (сл. 21, стр. 99).—Тѣло, боящееся искушеній, дѣлается другимъ грѣха (сл. 22, стр. 110).—Должно отвергать искусительный голосъ тѣла, желающаго отдохновенія (сл. 22, стр. 110—111).—Съ какими намѣреніемъ живущіе въ безмолвіи не дѣлали тѣлу послабленія даже до смерти? (сл. 22, стр. 111).—Почему страхъ за тѣло дѣлается сатанинскимъ (сл. 32, стр. 144—145).—Отъ чрезмѣрнаго поста изнемогаетъ тѣло и укрѣпляется нерадѣніе (сл. 40, стр. 169).—Тѣло закрываетъ отъ души озаренія Истины (сл. 43, стр. 182).—И малое услажденіе тѣлеснымъ при нерадѣніи ведетъ ко грѣху (сл. 75, стр. 379).—Тѣлолюбіе—признакъ невѣрія (сл. 75, стр. 380—381).—Не слѣдуетъ раболѣпствовать тѣлу, и что освобождаетъ отъ рабства ему? (сл. 75, стр. 381).—Какой вредъ терпимъ мы, когда тѣло немощное понуждаемъ на дѣла, превышающія силы его, а тѣло крѣпкое предаемъ покою и праздности? (сл. 85, стр. 411—412).—При упоеніи души радостью надежды тѣло не чувствуетъ скорби, хотя бы было и немощно (сл. 85, стр. 412).—Не скорби о поврежденіяхъ тѣла, потому что оно смертно (сл. 85, стр. 412).—Признаки любви ко Христу и любви къ міру и тѣлу (сл. 91, стр. 433).—Святые любовью ко Христу побѣждали великія искушенія, скорби и болѣзни тѣла (сл. 91, стр. 434).

У.

Умъ. Какая польза, если умъ устраненъ отъ мірскихъ хлопотъ и помышляетъ о будущемъ возстановленіи? (сл. 1, стр. 1).—Страхъ Божій не уживается въ душѣ съ пареніемъ ума (сл. 1, стр. 3).—Что такое пареніе ума? (сл. 1, стр. 3, 2-е примѣчаніе).—Если умъ при чтеніи Св. Писанія плаваеъ на поверхности воды моря Божественныхъ Писаній, то и это полезно (сл. 1, стр. 4).—Стыдъ и страхъ Божій препятствуютъ паренію ума (сл. 1, стр. 5).—Умъ постигаетъ сверхчувственное помощью благодати (сл. 2, стр. 14).—Что такое чистота ума? (сл. 4, стр. 23; сл. 81, стр. 396).—Чѣмъ отличается чистота ума отъ чистоты сердца? (сл. 4, стр. 24).—Умъ есть одно изъ душевныхъ чувствъ (сл. 4, стр. 24).—Какъ очищается умъ, и какъ—сердце? (сл. 4, стр. 24—25).—Возгнушавшійся пареніемъ ума зрѣтъ Владыку внутри своего сердца (сл. 8, стр. 37).—Какой вредъ терпитъ умъ, выступившій изъ памятованія

о Богѣ и парящій въ памятованіи о мірѣ? (сл. 8, стр. 38).—Кто преданъ суесловію и паренію ума, тотъ блудникъ (сл. 8, стр. 41).—Умъ—кормчій и домостроитель чувствъ и помысловъ (сл. 15, стр. 60; сл. 16, стр. 64).—Умъ—царь страстей (сл. 16, стр. 64).—Молитвою приводится умъ въ восхищеніе (сл. 16, стр. 65).—Когда умъ можетъ узрѣть свою чистоту? (сл. 16, стр. 67).—Умъ нашъ и безъ посредства ангеловъ можетъ возбуждаться къ доброму; познанія же о злѣ, безъ посредства демоновъ, не приѣмлютъ чувства (сл. 18, стр. 73—74).—Какъ охраняетъ умъ отъ страстей человекъ, не могущему, по немощи тѣла, непрестанно плакать? (сл. 21, стр. 99).—Уныніе—отъ паренія ума, а пареніе ума—отъ праздности, чтенія, суетныхъ бесѣдъ и пресыщенія чрева (сл. 30, стр. 137).—Чему уподобляется умъ подвижника, вступающаго въ общеніе съ міромъ? (сл. 32, стр. 146).—Безъ оскорбленій умъ не можетъ пребыть въ смиреніи (сл. 34, стр. 149).—Умъ утончается и просвѣтляется въ молитвѣ по мѣрѣ оставленія попеченій о тѣлѣ и мірскихъ дѣлѣ (сл. 39, стр. 164—165; сл. 56, стр. 285, 286).—Что мѣшаетъ уму прозирать сокровенное? (сл. 39, стр. 165).—Какъ умъ научается отражать помыслы? (сл. 39, стр. 165).—Если умъ не здоровъ въ естествѣ своемъ, то недѣйственно въ немъ вѣдѣніе духовное (сл. 43, стр. 182).—О дѣйствіяхъ ума при благодати и безстрастїи (сл. 43, стр. 185).—Каковъ умъ подвижника? (сл. 43, стр. 185).—При преуспѣяніи духовномъ пареніе ума прекращается во время молитвы (сл. 45, стр. 191).—Почему умъ, дѣйствующій по благодати и приблизившійся къ вѣдѣнію духовному, мало ощущаетъ страстную и неразумную часть души? (сл. 48, стр. 210).—Состояніе ума, обновленнаго благодатію (сл. 48, стр. 211; сл. 55, стр. 259—260).—Умъ, на что взираетъ, отъ того приѣмлетъ и образы, и какія послѣдствія сего? (сл. 55, стр. 261).—Когда умъ станетъ въ области познанія истины, тогда не имѣетъ нужды въ вопросахъ, и почему такъ? (сл. 55, стр. 261).—Надлежитъ углубляться умомъ въ св. Писаніе и въ тайны Спасителя домостроительства (сл. 55, стр. 262).—Какимъ образомъ умъ восходитъ къ откровеніямъ Духа и какъ сподобляется созерцанія Святыя Троицы? (сл. 55, стр. 263).—О различныхъ созерцаніяхъ ума (сл. 55, стр. 263—264).—Духовное созерцаніе предохраняетъ умъ отъ паренія (сл. 55, стр. 264).—Умъ приѣмлетъ въ себя духовное созерцаніе по мѣрѣ возрастанія въ разумномъ житїи (сл. 55, стр. 267).—Условія истиннаго созерцанія ума и причина созерцаній мечтательныхъ (сл. 55, стр. 268, 269).—Что бываетъ, когда умъ станетъ въ

области любви? (сл. 55, стр. 269).—Два пути очищенія ума и восхожденія его къ созерцанію откровенія тайнъ (сл. 55, стр. 269—270).—Какой брани подвергаются монахи тонкаго ума? (сл. 55, стр. 272).—Умъ, занятый мірскимъ, не можетъ приблизиться къ изслѣдованію Божественнаго (сл. 56, стр. 286).—Смущенному уму премудрость не отверзаетъ двери своей (сл. 57, стр. 292).—Отъ чего происходитъ помраченіе и смущеніе ума? (сл. 58, стр. 307).—Тѣлесные труды безъ чистоты ума не приносятъ плода, и почему? (сл. 58, стр. 307—308).—Чѣмъ укрѣпляется умъ, чрезъ покаяніе недавно вышедшій изъ путь страстей? (сл. 58, стр. 315).—Смѣхотворство и дерзновенное пареніе ума есть дѣло блуднаго демона, и какой вредъ отъ нихъ происходитъ? (сл. 68, стр. 351).—Чѣмъ побѣждается пареніе ума? (сл. 72, стр. 368).—Слава ума есть истинное созерцаніе Бога (сл. 74, стр. 371).—Царство ума есть распятіе тѣла (сл. 74, стр. 372).—Умъ и безъ дѣлъ тѣлесныхъ можетъ совершать доброе (сл. 76, стр. 382).—Благодать предваряетъ въ умѣ (тайно), но замедляетъ (не является) въ чувствѣ (сл. 78, стр. 388).—Очищеніе ума совершается откровеніемъ тайнъ (сл. 81, стр. 396).—Мірская мудрость—источникъ паренія ума (сл. 85, стр. 409).—Когда умножается въ человѣкѣ пареніе ума? (сл. 85, стр. 411).—Въ чемъ начало всѣхъ откровеній уму? (сл. 87, стр. 415).—Дѣла тѣлесныя безъ печали ума—безплодны (сл. 89, стр. 419).—Печаль ума—драгоценное даяніе Божіе (сл. 89, стр. 419).—Кто боленъ умомъ? (сл. 91, стр. 433).

Уныніе. Откуда рождается уныніе? (сл. 30, стр. 137; сл. 41, стр. 173).—Уныніе попускается иногда по Божію смотрѣнію, и какое оружіе противъ него? (сл. 41, стр. 173).—Какой безмолвникъ не можетъ избавиться отъ духа унынія? (сл. 42, стр. 177—178).—Нерадѣніе, уныніе и печаль не нападаютъ на подвижника прираженіемъ помысловъ, но налагаютъ на душу тяжесть (сл. 45, стр. 191).—За неумѣреннымъ дѣланіемъ слѣдуетъ уныніе, и за уныніемъ—изступленіе (сл. 71, стр. 366).—Признакъ унынія—малодушіе, а матеръ обоихъ—небреженіе (о должномъ) (сл. 75, стр. 380).—Уныніе, въ которомъ человѣкъ ощущаетъ подавленность души, есть вкушеніе геены (сл. 79, стр. 391).—Плоды унынія и врачество противъ нихъ (сл. 79, стр. 391—392).—

Устроеніе (души). Три устроенія души находимъ въ человѣкѣ, проходящемъ духовную жизнь: новоначальное, среднее и совершенное, и въ чемъ каждое изъ нихъ состоитъ? (сл. 66, стр. 345—346).

Ученіе (словомъ).—Какое различіе между словомъ отъ ученія и

словомъ отъ дѣятельности? (сл. 1, стр. 7—8).—Для чего соблюдается ученіе святыхъ? (сл. 6, стр. 32).—Нѣкоторыя черты ученія подвижниковъ (сл. 11, стр. 50—52).—Сказанное изъ опыта слово принята, хотя изреченій оно и повелительныхъ (сл. 30, стр. 134).—Какимъ образомъ должно научать другихъ? (сл. 56, стр. 281—282).—Почитай себя скуднымъ для того, чтобы учить другихъ, и всегда будешь оказываться мудрымъ (сл. 56, стр. 282).—Не учи тому, чего самъ не достигъ, и почему такъ? (сл. 56, стр. 282).—Когда нужно что сказать къ наученію, то какъ это дѣлать? (сл. 56, стр. 282).—Прекрасное дѣло—научать людей благодати Божіей (сл. 58, стр. 312).—Почему немощному душою не должно учить другихъ? (сл. 58, стр. 312—313).—Немощный душою можетъ больше сдѣлать добра людямъ ревностью о добрыхъ дѣлахъ, нежели словомъ (сл. 58, стр. 312—313).—Трудно что-либо высокое преподавать новонаначальному (сл. 74, стр. 372).—Отъ кого принимать ученіе и совѣтъ? (сл. 78, стр. 386—387).—Какъ врачевать и исправлять ближняго? (сл. 85, стр. 404, 412).

Ф.

Философъ. Самомнѣніе и заблужденія философовъ (сл. 55, стр. 268).—Философъ—примѣръ молчанія (сл. 91, стр. 434—435).

Х.

Херувимъ. Что значить это наименованіе? (сл. 17, стр. 71).—Душа, трудящаяся въ подвигѣ ночного бдѣнія и благоприлично живущая, будетъ имѣть херувимскія очи, чтобы созерцать небесное зрѣлище (сл. 70, стр. 357).

Христосъ, Слово, Сынъ Божій. Св. Писаніе непримѣнимое къ человѣческой природѣ Христа иногда приписываетъ всесвятому тѣлу Его и, наоборотъ, уничтожительное, свойственное Ему по человечеству, приписываетъ Божеству Его (сл. 4, стр. 20).—Христосъ, какъ Богъ и человѣкъ, содѣлался Ходатаемъ Бога и человѣковъ (сл. 6, стр. 33; сл. 38, стр. 164).—Къ славу Христа, окружающей престолъ чести Его, не могутъ приближаться чины ангельскіе, но ради насъ явился Онъ въ уничиженномъ и смиренномъ образѣ. Невидимый по естеству для всей твари, облекся Онъ въ тѣло и совершилъ

домостроительство нашего спасения (сл. 6, стр. 33).—Кто разлучится въ пути своемъ отъ ищущихъ чистоты, того разлучить отъ нихъ и Христосъ въ день суда (сл. 7, стр. 36—37).—До пришествія Христа во плоти ангельскіе чины не были въ состояніи проникать въ Божественныя тайны, но когда воплотилось Слово, отверзлась имъ дверь въ Іисусѣ (сл. 18, стр. 75).—Чудное домостроительство Божіе совершено въ челоуѣчествѣ воспріятіемъ нашего естества вторымъ Лицомъ Св. Троицы—Христомъ (сл. 28, стр. 130).—Кто любитъ собесѣдованіе со Христомъ, тотъ любитъ быть уединеннымъ (сл. 41, стр. 174).—Для чего преданъ былъ Христосъ на смерть Отцомъ Своимъ? (сл. 48, стр. 207).—Для чего въ смиренномудріе облеклось во челоуѣчинееса Слово—Христосъ? (сл. 53, стр. 232; сл. 74, стр. 372).—Пришествіемъ Своимъ Христосъ налілъ благодать Свою на міръ (сл. 53, стр. 233).—Не въ трусь, не въ огнѣ, не въ гласѣ страшномъ и крѣпкомъ снисшелъ Христосъ на землю, но—какъ дождь на руно и какъ капля, тихо капающая на землю (сл. 53, стр. 233).—Христосъ какъ бы въ сокровищницѣ утаилъ величіе Свое подъ завѣсою плоти, содѣлавъ Себѣ ее мановеніемъ Своимъ въ лонѣ Дѣвы и Богородицы Маріи (сл. 53, стр. 233; сл. 74, стр. 372).—Кто облачается въ смиреніе, тотъ облачается въ Самого Христа (сл. 53, стр. 233).—Христосъ—образъ смиренномудрія (сл. 53, стр. 233—234).—Естество наше въ во челоуѣченіи Христовомъ пріяло обновленіе, приобщилось Христову страданію и смерти, изліаніемъ крови Христовой обновилось и освятилось, и содѣлалось способнымъ къ принятію заповѣдей новыхъ и совершенныхъ (сл. 55, стр. 258—259).—Начало, средину и конецъ умнаго житія составляетъ—отсѣченіе всего единеніемъ о Христѣ (сл. 55, стр. 262).—Христосъ Упостасією Своею содѣлалъ обновленіе естества нашего, въ Него облечены мы водою и Духомъ, и въ неизреченномъ таинствѣ соединилъ Онъ насъ съ Собою и содѣлалъ членами тѣла Своего (сл. 55, стр. 266—267).—Христосъ возвратилъ и далъ челоуѣвѣ первую свободу и проложилъ намъ путь Собою, чтобы животоворящими Его заповѣдями восходить къ истинѣ (сл. 55, стр. 269).—Совершивъ Свое домостроительство, Христосъ послалъ Апостоламъ Духа-Утѣшителя (сл. 55, стр. 270).—Молитва Господу Іисусу Христу съ воспоминаніемъ страданій Его (сл. 68, стр. 353).—Богъ Отецъ безлѣтно и вѣчно изводитъ изъ нѣдръ Своихъ Сына Своего—Христа, Спасителя нашего (сл. 68, стр. 353).—Подражаніе страданіямъ Христовымъ приводитъ къ вкушенію Христовой славы (сл. 74, стр. 371).—Умъ не прославится съ Іисусомъ, если тѣло не

страждеть за Христа (сл. 74, стр. 371).—Молитва ко Христу (сл. 80, стр. 395).—Кто обрѣлъ любовь, тотъ постоянно вкушаетъ хлѣбъ небесный—Христа (сл. 83, стр. 398).—Сравненіе Іисуса Христа съ жемчужиной (сл. 85, стр. 406).—Сынъ Божій претерпѣлъ крестъ, и это даетъ намъ смѣлость полагаться на покаяніе (сл. 89, стр. 426).—Молись о грѣшникѣ, чтобы уподобиться Христу (сл. 90, стр. 430).—Сынъ Божій открылъ намъ, что Богъ не столько правосуденъ, сколько благъ и благостенъ (сл. 90, стр. 430).—Признаки любви ко Христу—и любви къ міру и тѣлу (сл. 91, стр. 433—434).—О томъ, какую силу сообщаетъ человѣку любовь ко Христу (сл. 91, стр. 434).

Хула. Достигшимъ созерцанія должно вооружить себя противъ духа хулы, и какимъ оружіемъ? (сл. 56, стр. 282).—Чтеніе еретическихъ сочиненій вооружаетъ противъ человѣка духа хулы (сл. 56, стр. 282—283).—Гордящемуся знаніемъ попускается впадать въ хулу (сл. 85, стр. 403).

Ц.

Царство небесное. Что приближаетъ насъ быстро къ вратамъ царствія? (сл. 1, стр. 5).—Лѣствица небеснаго царствія сокрыта въ душѣ человѣка (сл. 2, стр. 10).—Многими скорбями входимъ въ царствіе небесное (сл. 5, стр. 29).—Кто и какимъ путемъ входитъ въ царствіе небесное? (сл. 49, стр. 216—217).—Царствіе небесное есть духовное созерцаніе,—и что вводитъ въ него? (сл. 49, стр. 217).—Что значать многія обители, о которыхъ говоритъ Господь въ Евангеліи? (сл. 58, стр. 311).—Между царствіемъ небеснымъ и геенною нѣтъ средняго мѣста (сл. 58, стр. 311—312).—Въ простотѣ и съ надеждою на Бога приступающіе къ пути спасенія скоро достигаютъ пристани царствія, но много умствующихъ и боязливыхъ не преуспѣваютъ (сл. 58, стр. 318).—Любовь есть царство (сл. 83, стр. 398).—Какой путь въ это царство? (сл. 83, стр. 399).

Цѣломудріе. Кто истинно цѣломудренъ? (сл. 1, стр. 3—4).—Въ чемъ состоитъ цѣломудренный и Богу любезный чинъ житія? (сл. 9, стр. 45).—Требованія цѣломудрія (сл. 9, стр. 46—47; сл. 21, стр. 87).—Постъ—источникъ цѣломудрія (сл. 21, стр. 89; сл. 43, стр. 183).—Должно во всемъ хранить цѣломудріе (сл. 40, стр. 169).—Цѣломудріе оскверняется отъ пресыщенія чрева (сл. 43, стр. 183—184).—Чѣмъ просвѣтляется красота цѣломудрія? (сл. 43, стр. 184).—Предостереженіе относительно храненія цѣломудрія (сл. 51, стр. 229).—Цѣломудріе способствуетъ молитвѣ (сл. 56, стр. 279).—

Богъ не принимаетъ милостыни отъ пребывающаго въ блудѣ (сл. 57, стр. 293).—Кто истинный дѣвственникъ, и какъ пріобрѣтается цѣломудріе? (сл. 58, стр. 309).—Естественныя движенія плоти не могутъ повредить цѣломудрію безъ другихъ причинъ (сл. 77, стр. 383).—Цѣломудріе и бесѣда съ женщиною—то же, что львица съ овцою въ одномъ домѣ (сл. 89, стр. 419).—Драгоценно предъ Богомъ тѣло цѣломудренное паче чистой жертвы (сл. 89, стр. 421).—Плодъ смиренія и цѣломудрія (сл. 89, стр. 421).—Да предваряютъ въ дѣлахъ твоихъ цѣломудріе и чистота совѣсти (сл. 89, стр. 423).

Ч.

Человѣкъ. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа (сл. 25, стр. 124; сл. 56, стр. 280).—Кто—Божій человѣкъ? (сл. 57, стр. 297).

Честь. Едва ли найдется человѣкъ, могущій вынести честь (не повреждаясь духовно) (сл. 1, стр. 1).—Желающій себѣ чести не можетъ не имѣть причинъ печали (сл. 1, стр. 3).—Для чего нужно человѣку обезчестить (въ своихъ глазахъ) всякую красоту, которая внѣ его? (сл. 8, стр. 39).—Кому можно и кому не должно навлекать на себя безчестіе? (сл. 11, стр. 50—51).—Не ищи безчестья, но терпи съ радостью посылаемое Богомъ (сл. 11, стр. 51).—Не питай ненависти къ тому, кто безчеститъ тебя (сл. 11, стр. 51).—Если человѣкъ не презритъ чести и безчестія, то онъ не сможетъ перенести безмолвія, и почему? (сл. 23, стр. 111—112).—Презри честь, чтобы стать почтеннымъ; и не люби чести, чтобы не быть обезчещеннымъ (сл. 57, стр. 304).—(См. *Тщеславіе*).

Чистота. Попеченіе о чистотѣ не препятствуетъ помнить прежнихъ согрѣшеній (сл. 1, стр. 6).—Отъ труда и храненія себя истощается чистота помысловъ (сл. 2, стр. 14).—Что такое чистота ума? (сл. 4, стр. 23).—Чѣмъ отличается чистота ума отъ чистоты сердца? (сл. 4, стр. 24).—Чистота (ума), скоро пріобрѣтаемая, скоро и оскверняется, а чистота (сердца), достигаемая многими скорбями и долгимъ временемъ, бываетъ тверда (сл. 4, стр. 25).—Тѣсно связанные съ міромъ не могутъ достигнуть чистоты ума (сл. 5, стр. 25).—Какъ долженъ поступать тотъ, кто любитъ чистоту? (сл. 8, стр. 37).—У чистаго—внутри небо, и онъ зрѣтъ въ себѣ Владыку и ангеловъ (сл. 8, стр. 37, 38).—Какіе признаки чистаго душою и—обладаемаго страстями? (сл. 8, стр. 39).—Иные подѣ

видомъ чистоты питають собственные страсти (сл. 8, стр. 41).—
 Что такое чистота души, и что препятствуетъ ея очищенію? (сл. 21,
 стр. 92).—Слезы благодатныя—грань между состояніемъ страст-
 нымъ и чистотою; дарованіемъ ихъ приходимъ въ чистоту (сл. 21,
 стр. 93, 98).—Какой признакъ того, что человекъ достигъ чистоты
 сердца? (сл. 21, стр. 96—97).—Что такое чистота, и гдѣ предѣлъ
 ея? (сл. 21, стр. 97; сл. 43, стр. 182; сл. 48, стр. 205).—
 Можно ли кому достигъ этого предѣла? (сл. 21, стр. 97).—Примѣ-
 ры пришедшихъ въ полную мѣру чистоты (сл. 21, стр. 97).—По-
 чему блаженны чистые сердцемъ? (сл. 21, стр. 98).—Заботы о
 чистотѣ не должно оставлять ради того, чтобы не соблазнить дру-
 гихъ (сл. 54, стр. 239—240).—Чистота души есть первоначальное
 дарованіе естеству нашему, и безъ чистоты отъ страстей душа не
 исцѣляется отъ недуговъ грѣха (сл. 54, стр. 240).—Какой плодъ
 вкушаетъ сподобившійся чистоты? (сл. 54, стр. 240—241).—Для
 достиженія чистоты должно стремиться къ побѣдѣ надъ страстями
 (сл. 55, стр. 243, 254).—Два пути стяжанія чистоты (сл. 55,
 стр. 243—244).—Какъ любящему чистому достигать оной? (сл. 55,
 стр. 262).—Чистота достигается исполненіемъ заповѣдей (сл. 55,
 стр. 263).—Любовь къ пустословію препятствуетъ пріобрѣтенію
 чистоты ума (сл. 56, стр. 280).—Тѣлесный трудъ и поученіе въ
 Писаніи охраняють чистоту (сл. 58, стр. 314).—Вѣра и милостыня
 скоро приближаютъ къ чистотѣ (сл. 58, стр. 317).—Какъ очищать
 внутренній храмъ сердца? (сл. 68, стр. 352).—Въ чемъ состоитъ
 очищеніе тѣла, души и ума? (сл. 81, стр. 396).

Чревоугодіе. Каково состояніе чревоугодника? (сл. 8, стр. 39).—
 Кто часто устраиваетъ пиры, тотъ работаетъ блудному демону
 (сл. 8, стр. 42).—Кто привлекается обиліемъ яствъ чревоугодника?
 (сл. 8, стр. 42—43).—Какой вредъ происходитъ отъ трапезы нера-
 дивыхъ и общенія съ ними? (сл. 8, стр. 43).—Какъ дѣйствуетъ на
 чревоугодника обращеніе съ постникомъ? (сл. 8, стр. 43—44).—
 Сколь вредно чревоугодіе? (сл. 9, стр. 48).—Упокоеніе чрева—на-
 чало всему худому (сл. 21, стр. 89).—Какой вредъ происходитъ
 отъ обремененія чрева? (сл. 40, стр. 168; сл. 43, стр. 183—184).—
 Имѣющимъ наполненное чрево и возмущенный невоздержаніемъ
 умъ не открываются тайны (сл. 42, стр. 181).—Плотолюбцамъ и
 чревоугодникамъ неприлично входить въ изслѣдованіе предметовъ
 духовныхъ (сл. 56, стр. 286).—Отъ чревоугодіа рождается мятежъ
 помысловъ (сл. 58, стр. 307).—Испаренія чрева изгоняють изъ
 души Божію премудрость (сл. 58, стр. 309).—Какой вредъ проис-

ходить отъ чревоугодія и тѣлеснаго скитанія? (сл. 75, стр. 374—375).—Чревоугодіе есть дѣло свиней (сл. 75, стр. 375).—Тѣлесныя наслажденія укрѣпляютъ страсти, разжигаютъ чревоугодіе и проч. (сл. 75, стр. 376—377).—Похотливое плотское движеніе, бывающее безъ сладострастныхъ помысловъ, происходитъ отъ пресыщенія чрева (сл. 77, стр. 382).—Лучше бесѣдуй съ свиньей, нежели съ чревоугодникомъ (сл. 89, стр. 424).—Побѣждаемый страстями чревоугодія, стязательности и раздражительности не имѣетъ сердечнаго дѣланія съ разсудительностью (сл. 90, стр. 429).

Чувства. Чувства цѣломудренныя и собранныя рождаютъ въ душѣ миръ (сл. 5, стр. 25).—Безмолвіе умерщвляетъ внѣшнія чувства и воскрешаетъ внутреннія движенія (сл. 21, стр. 94).—Многіе великіе Отцы старались болѣе о благочиніи чувствъ, чѣмъ о другикъ дѣлахъ (сл. 41, стр. 172).—Памятованіе о смерти служить узамъ для внѣшнихъ членовъ (чувствъ) (сл. 41, стр. 172—173).—Внѣ безмолвія невозможно внѣшнія чувства подчинить душѣ (сл. 42, стр. 180).—Духовное чувство имѣетъ созерцательную силу, какъ зѣница тѣлесныхъ очей (сл. 43, стр. 181).—Когда умъ возревнуетъ о добродѣтели, тогда и внѣшнія чувства не уступаютъ надъ собою побѣды (грѣху) (сл. 49, стр. 223).—Монахъ долженъ бѣгать не только отъ докучливости страстей, но и отъ чувствъ своихъ (сл. 54, стр. 238).—При злостраданіи въ тѣлесныхъ подвигахъ нужно охраняться отъ расслабленія чувствъ (сл. 56, стр. 277).—Какой вредъ бываетъ уму отъ чувствъ, и въ какомъ случаѣ получаютъ они отъ него пользу? (сл. 56, стр. 280).—Благіе плоды побѣды надъ чувствами (сл. 56, стр. 288).—Почему должно охранять чувства? (сл. 71, стр. 363).—Нѣтъ пользы лишить себя чувственныхъ вещей, а чувства услаждать ими (сл. 78, стр. 386).—Воскресеніе чувствъ есть омертвѣніе сердца (сл. 85, стр. 411).—Кому подобенъ тотъ, кто сердцемъ скорбитъ, а чувствамъ своимъ даетъ свободу? (сл. 89, стр. 419; сл. 90, стр. 428).

Чудеса. Дара чудесъ безъ нужды просить у Бога не должно и опасно (сл. 36, стр. 154).

Ю.

Юный. Дружба съ юными есть блудъ предъ Богомъ (сл. 8, стр. 41).—Какъ судить о старцѣ, который слѣдуетъ за юнымъ и не одинаково расположенъ къ старцу и юному? (сл. 8, стр. 41).—Вольнаго обращенія и собесѣдованія съ юными бѣгай, какъ дружбы съ діаволомъ (сл. 9, стр. 47; сл. 21, стр. 87—88).

Юродство. Какая цѣль юродства? (сл. 58, стр. 310).

Я.

Языкъ. Какая польза отъ храненія устъ и языка? (сл. 8, стр. 37, 38; сл. 31, стр. 142).—Благословляй всегда устами, и какая отъ сего польза? (сл. 56, стр. 282).—Пусть языкъ твой будетъ кротокъ и уста сладкія, и какая отъ сего польза? (сл. 57, стр. 294).—Какую пользу получаетъ тотъ, кто хранитъ языкъ свой, и какой вредъ терпитъ тотъ, кто не обуздываетъ языка? (сл. 85, стр. 412).—Какой вредъ терпитъ человекъ, давшій волю языку своему говорить о людяхъ и доброе, и худое? (сл. 89, стр. 419).—(См. *Празд. нословіе, многоглаголаніе*).

Θ.

Θеодоръ (авва)—при встрѣчѣ внѣ келліи своей никого не привѣтствовалъ (сл. 28, стр. 112).

Θеодоръ (мученикъ). Слова его о томъ, что онъ чувствовалъ среди мученій (сл. 21, стр. 107).

Θеофилъ (архієпископъ александрійскій). Посвѣщеніе имъ Арсенія Великаго (сл. 23, стр. 113).

Т В О Р Е Н І Я

ЯВВЫ ИСАЯКА СИРІАНІНА

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1911.

Издание репринтнос

Подписано в печать 27.04.93 г. Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1. Печать высокая. Печ. л. 17. Тираж 15 000 экз. Заказ № 2. М 52. Православное издательство «Правило Веры». Отпечатано в М.П. «Гелий».